РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Программы фундаментальных исследований
Президиума Российской академии наук 2012–2019

ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Научные редакторы
В.М. Котляков
А.Н. Швецов
О.Б. Глезер

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2020

УДК 332.1 + 911.3 (314.1)
ББК 65.04 +65.05
В 92

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований по проекту № 19-011-34047, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом Института географии РАН

Рецензенты:
П.Я. Бакланов – доктор географических наук, академик РАН, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
В.Е. Селиверстов – доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Авторский коллектив:
Л.Б. Вардомский, О.Б. Глезер, Р.В. Гончаров, В.И. Данилов-Данильян, Н.Н. Клюев, В.А. Колосов, В.М. Котляков, И.С. Максимов, Л.А. Мигранова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, Т.Г. Нефедова, А.Н.Пилясов, М.С. Токсанбаева, А.И. Трейвиш, А.Н. Швецов

Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – 365 с.

Монография представляет собой коллективный труд ведущих академических ученых по фундаментальным проблемам пространственного развития современной России. Представленные результаты получены в рамках трёх программ фундаментальных исследований Президиума РАН: «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг.); «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» (2015–2017 гг.); «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов» (2018–2019 гг.). В качестве предметов анализа выступают: исторический опыт модернизации российского общества и пространства; оценка места России в глобальном природно-экологическом пространстве; проблемы изучения современного российского пограничья и освоение транзитного потенциала России; природно-ресурсная сфера; пространственное развитие экономики; содержание задач пространственного размещения производительных сил; трансформация социально-географического пространства России; региональные особенности человеческого потенциала; цели и инструменты государственного участия в преобразовании социоэкономического пространства; Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года.

Монография адресована читателям, профессионально интересующимся тематикой пространственного развития – ученым и лицам, принимающим решения на федеральном и региональном уровнях власти.

Challenges and Policy of Russia's Spatial Development in the 21st Century. V.M. Kotlyakov, A.N. Shvetsov, O.B. Glezer, Eds. – Moscow: KMK Scientific Press Ltd., 2020. – 365 p.

The monograph is a collective work of leading academic scientists on the fundamental problems of spatial development of modern Russia. The presented results were obtained in the framework of three programs of basic research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences: "The Role of Space in the Modernization of Russia: Natural and Socioeconomic Potential" (2012–2014); "Spatial Development of Russia in the 21st Century: Nature, Society, and Their Interaction" (2015–2017); "Spatial Restructuring of Russia Taking into Account Geopolitical, Socioeconomic, and Geoecological Challenges" (2018–2019). Analysis concerns: historical experience of the modernizations in Russia's society and space; assessment of Russia's place in the global natural and ecological space; research perspectives of Russian borderland and development of Russia's transit potential; Russia's natural and resource potential; spatial development of the economy; location of productive forces; transformation of Russia's social-geographical space; regional features of human development; goals and instruments of state participation in the transformation of socioeconomic space; Spatial development strategy of Russia until 2025. The monograph is addressed to readers who are professionally interested in the issues of spatial development, i.e., scientists and managers in public authorities at the federal and regional levels.

ISBN 978-5-907213-39-5

© Коллектив авторов, текст, 2020.
© ИГ РАН, 2020.
© ООО «КМК», издание, 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава 1. Исторический опыт модернизации российского общества и пространства (*А.И. Трейвиш*) 12

Глава 2. Россия в глобальном природно-экологическом пространстве (*В.И. Данилов-Данильян, Н.Н. Клюев, В.М. Котляков*) 50

Глава 3. Современное российское пограничье: проблемы изучения и некоторые выводы (*В.А. Колосов*) 84

Глава 4. Международные транспортные коридоры в контексте освоения транзитного потенциала России (*Л.Б. Вардомский*) 94

Глава 5. Природно-ресурсная сфера России: тенденции развития и желательные стратегии (*В.И. Данилов-Данильян, Н.Н. Клюев*) 111

Глава 6. Пространственная структура и направления модернизации экономики (*Н.Н. Михеева*) 148

Глава 7. Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики (*А.Н. Пилясов, Р.В. Гончаров, И.С. Максимов*) 194

Глава 8. Трансформация социально-географического пространства России (*Т.Г. Нефедова, О.Б. Глезер*) 214

Глава 9. Региональная дифференциация человеческого потенциала в России (*Л.А. Мигранова, М.С. Токсанбаева*) 252

Глава 10. Государственное участие в преобразовании социоэкономического пространства (*А.Н. Швецов*) 291

Глава 11. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: политическая реакция на вызовы XXI века (*П.А. Минакир*) 346

Заключение 363

Сведения об авторах 365

CONTENTS

Introduction 5

Chapter 1. Historical Experience of Modernizations in Russia's Society and Space (*A.I. Treivish*) 12

Chapter 2. Russia in the Global Natural and Ecological Space (*V.I. Danilov-Danilyan, N.N. Klyuev, V.M. Kotlyakov*) 50

Chapter 3. Russian Borderland Today: Research Perspectives and Some Conclusions (*V.A. Kolosov*) 84

Chapter 4. International Transport Corridors in the Context of Development of Russia's Transit Potential (*L.B. Vardomsky*) 94

Chapter 5. Natural Resource Sphere of Russia: Development Tendencies and Desirable Strategies (*V.I. Danilov-Danilyan, N.N. Klyuev*) 111

Chapter 6. Spatial Structure and Directions of Economic Modernization (*N.N. Mikheeva*) 148

Chapter 7. Location of Productive Forces under the Condition of Knowledge Economy (*A.N. Pilyasov, R.V. Goncharov, I.S. Maksimov*) 194

Chapter 8. Transformation of Russia's Social-Geographical Space (*T.G. Nefedova, O.B. Glezer*) 214

Chapter 9. Regional Differentiation of the Human Potential in Russia (*L.A. Migranova, M.S. Toksanbaeva*) 252

Chapter 10. Transformation of Socioeconomic Space: The Role of the State (*A.N. Shvetsov*) 291

Chapter 11. Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025: Political Response to the Challenges of the 21st Century (*P.A. Minakir*) 346

Afterword 363

About the Authors 365

ВВЕДЕНИЕ

Вызовы пространственного развития нашей страны выдвинулись в разряд самых актуальных вопросов перспективной государственной политики современной России. Об этом свидетельствуют принятые в последние годы соответствующие стратегические президентские и правительственные решения. Так, Указом Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 были утверждены «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», а распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р – «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Такую перемену в приоритетах государственной политики следует приветствовать и расценивать как важный шаг в нужном направлении. Дело в том, что складывавшаяся в советский период на основе директивно-плановых решений пространственная организация столкнулась на рубеже XXI в. с необходимостью кардинальных содержательных и структурных преобразований, обусловленных переходом к рыночным принципам и институтам организации пространства. И для того чтобы адекватно воспринимать принципиально новые пространственные обстоятельства и активно адаптироваться к ним чрезвычайно важно при обосновании государственных решений хорошо понимать и правильно оценивать действительные предпосылки, глубинный смысл и возможные последствия происходящих множественных и динамичных пространственных изменений. Выйти на такой уровень качества государственного управления в сфере пространственного развития можно только опираясь на всеобъемлющие научно обоснованные представления о сути и закономерностях пространственных процессов и явлений. Необходимые в этой связи достоверные новые знания способна добыть только академическая наука, располагающая по всему спектру вызывающих государственный интерес вопросов пространственного развития высококвалифицированными кадрами и мощным заделом многолетних фундаментальных и прикладных исследований.

Именно такого рода новые знания предлагаются вниманию читателей в настоящем издании, которое представляет собой коллективный труд ведущих академических учёных по фундаментальным проблемам пространственного развития современной России[1]. На фоне других предметно и объектно родственных ей монографий настоящая книга выделяется тем, что в ней представлена новая порция избранных оригинальных научных результатов, полученных в рамках беспрецедентного для отечественной и, по-видимому, мировой науки научного мегапроекта, знаменующего собой новый – междисциплинарный тип академических исследований по приоритетным для современной и перспективной российской действительности теоретико-прикладным вопросам, образующим несущий каркас актуальной пространственной проблематики.

[1] Предшественница настоящего труда – капитальная коллективная монография: Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с. Книга получила «хорошую прессу» – опубликованы несколько авторитетных экспертных мнений (рецензий) в научных журналах. Дважды она была отрецензирована в «Российском экономическом журнале»: *Демьяненко А.Н.* Еще раз о реализованной академической программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Российский экономический журнал. 2016. № 2. С. 66–87; *Швецов А.Н.* Уникальное академическое исследование пространственного развития России (концептуально-методологические основы, организационные аспекты и результаты реализации междисциплинарной программы Президиума РАН) // Российский экономический журнал. 2014. № 3. С. 23–41.

Этот крупномасштабный, политематический, сложно организованный и многие годы разрабатываемый проект был задуман, подготовлен и запущен в 2008–2009 гг. под руководством академика Российской академии наук А.Г. Гранберга. Замысел и содержание проекта выросли из осознания необходимости поиска новых теоретико-методологических подходов, методических инструментов и форм организации научных исследований процессов и явлений пространственного развития. Эта проблема для России с её исходно уникальными пространственными условиями имеет непреходящее значение и потому давно служит предметом научных изысканий. Актуальность проблемы в постсоветский период ещё более возросла, поскольку конфигурация российского пространства под нарастающим воздействием многих новейших факторов, противоречиво взаимодействующих с укоренившимися особенностями, претерпевает значительные, динамичные и неравномерные трансформации, формирующие новое пространственное бытие всей страны и отдельных её частей.

Для учёных-регионалистов разобраться в смысле и содержании новой пространственной реальности, понять закономерности и оценить последствия её становления стало новым серьёзным вызовом, ответ на который потребовал задействовать новую – программную форму планирования и организовать крупномасштабные многодисциплинарные системные научные исследования, позволяющие мобилизовать имеющиеся научные заделы многих сложившихся и авторитетных научных коллективов и наладить их согласованную и целенаправленную работу по решению принципиально новых задач[2].

С 2009 г. в рамках указанного мегапроекта были последовательно с сохранением методологической, предметной и организационной преемственности выполнены четыре программы фундаментальных исследований президиума РАН: «Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.); «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг.); «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» (2015–2017 гг.); «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов» (2018–2019 гг.).

Напомним, главная цель первой программы (2009–2011 гг.) состояла в получении целостного системного представления о пространстве как синтетической категории на основе интегрирования различных элементов частных теорий и концепций пространства. Такой многоаспектный исследовательский замысел потребовал разработки и применения подхода, способного обеспечить согласованное изучение предложенного объекта с позиций и методами различных наук и получить новое комплексное знание о нём. Были доказаны возможность и продуктивность организации междисциплинарных научных исследований пространственных процессов и явлений силами многочисленных научных институтов, представляющих различные отделения РАН и регионы страны.

Успешный опыт выполнения первой программы убедительно подтвердил, что изучение пространственной базы развития России относится к числу фунда-

[2] Подробнее об этих задачах и подходах к их решению см.: *Котляков В.М., Трейвиш А.И., Глезер О.Б., Швецов А.Н.* Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2012. № 2. С. 24–44; *Швецов А.Н.* Уникальное академическое исследование пространственного развития России (концептуально-методологические основы, организационные аспекты и результаты реализации междисциплинарной программы Президиума РАН) // Российский экономический журнал. 2014. № 3. С. 23–41.

ментальных научных проблем, требующих постоянного специального исследовательского внимания. При этом основные усилия нужно направлять на формирование современных достоверных системно организованных представлений о пространственном потенциале России, возможностях и вариантах его использования в интересах нынешних и будущих поколений российских граждан, в соответствии с глобальными вызовами и стратегическими целями развития страны, взявшей курс на всестороннюю модернизацию и переход на инновационный тип развития. Проведённый исторический анализ российских модернизаций показывает, что перед ними возникают две угрозы, связанные с пространственным фактором: во-первых, «растворение», торможение, снижение эффективности, а в итоге – потеря модернизационных усилий на огромных просторах страны и, во-вторых, слишком большая пространственная концентрация, фактически сверхмобилизация этих усилий, ведущая к поляризации ранее освоенного пространства. Дополняя и усиливая социальное расслоение, усиливая напряжение и дезинтеграционные тенденции в обществе, концентрация тоже способна сводить на нет позитивные эффекты модернизации как способа устойчивого развития в интересах большинства граждан страны. Чтобы избежать этих крайностей, в стратегии и планы модернизации России необходимо закладывать тщательно продуманную пространственную составляющую. Территориальная организация общества должна быть адекватна объективным условиям страны и стоящим перед ней актуальным задачам. Это, в свою очередь, требует углубления знаний о природном и социальном пространстве, о коридоре предоставляемых ими возможностей, об их эволюции и взаимодействии, сжатии и растяжении (пульсации) под влиянием инновационно-освоенческих волн.

Нужно учитывать специфику новейшего этапа развития России в условиях становления постиндустриального общества, глобализации и одновременно мирового кризиса, а также необходимость смены механизмов этого развития. Давно известно, что каждой стадии и типу развития общества и производства требуется своё определённое пространство. Очевидно, что сырьевая модель связана с одними зонами и регионами России, а инновационно-технологическая – с другими. Проблема состоит в их соотношении и взаимодействии на каждом отрезке перехода от одной модели к другой, в выборе соответствующих альтернатив, адресов для инвестиций, создания новых звеньев инфраструктуры, обустройства мест привлечения новых кадров. Модернизация не может также игнорировать объективные тренды эволюции пространственных структур природных ресурсов, экономики, поселений и условий жизни людей, в том числе оцениваемых как негативные. Модернизация требует инвестиций. А получить их внутри страны можно либо за счёт снижения привычного уровня жизни и потребления, либо за счёт изменения налоговой политики, в том числе её экологизации, приводящей, помимо прочего, к сокращению социального неравенства в обществе. Модернизация невозможна без разработки механизма управления, адекватного новым условиям и целям общественного развития. Отсутствие институтов (в широком смысле), соответствующих сложности стоящих перед страной задач, лишает её возможности реализовать инновационные импульсы.

Эти соображения о взаимосвязи пространственных факторов и модернизации составили основу исследовательской концепции второй программы (2012–2014 гг.). Главным методологическим инструментом достижения программных целей по-прежнему оставался междисциплинарный синтез знаний о простран-

стве России, закономерностях его эволюции, его ресурсах и месте в меняющемся мире. Вторая программа состояла из совокупности проектов, объединённых в восемь тематических направлений, которые соответствовали приоритетным группам решаемых научных задач.

Первое направление – концептуально-теоретическое. Это направление опиралось на ряд рабочих гипотез, касающихся волновых закономерностей эволюции освоенного пространства и пространства инноваций, уровней территориальной организации общества, соотношения центров и периферии, централизма и федерализма, региональной диагностики и политики как системного регулятора пространственного развития в разных фазах экономических и политических циклов. Три следующих направления нацеливались на раскрытие потенциала сквозных составляющих (слоёв) внутреннего пространства России. Одно из них предусматривало покомпонентный анализ ключевых природных ресурсов и условий страны (согласно научным компетенциям исполнителей) и их обобщающую оценку как стимулов и ограничителей модернизации. В фокусе другого было развитие экономического пространства на основе стратегии модернизации. На базе пространственно-структурного подхода намечалось исследование основных слагаемых индустриального и постиндустриального (сервисно-информационного) потенциала развития экономики страны с учётом опыта прошлого и современных вызовов. Ещё одно направление было ориентировано на исследование проблем гармонизации и консолидации социального пространства. Это направление включало ряд проектов, раскрывающих геодемографические, этнокультурные и другие проблемы, от решения которых в значительной мере зависит как успех модернизации, так и судьба России в целом. Пятое направление предполагало детальное исследование избранных проблемных частей этого пространства – макрорегионов страны. Шестое направление было специально посвящено Южному макрорегиону – как одному из самых проблемных. Седьмое направление расширяло масштаб работы путём анализа развития России в мировом и, особенно, евразийском пространстве. Восьмое направление было посвящено проблеме создания институционально-правовой среды пространственного развития.

Успешные результаты второй программы стали убедительным аргументом для продолжения исследований пространственной проблематики в выбранном формате. Их новым этапом стала третья программа (2015–2017 гг.), **о**сновные цели которой состояли в дальнейшем расширении, углублении и систематизации фундаментальных знаний о закономерностях, ключевых характеристиках, долгосрочных тенденциях, проблемах и рисках пространственного развития современной России как многоаспектном и мультифакторном динамическом процессе взаимодействия природы и общества с учётом новых возможностей и ограничений глобального, национального и региональных масштабов.

В рамках названных целей был выделен круг конкретизирующих их задач, обусловленных составом и содержанием процессов и явлений, актуальных для нового этапа фундаментальных исследований пространственного развития. Участники программы ставили перед собой следующие приоритетные научно-исследовательские задачи:

– развить теоретико-методологические основы и методические подходы к междисциплинарному изучению проблем пространственного взаимодействия природы и общества;

– наладить взаимодействие между исследователями, обеспечивающее изучение пространства средствами всех участвующих научных дисциплин;

– обеспечить интеграцию теоретических исследований и подходов к изучению пространства и значительных масштабов полевых работ;

– углубить и систематизировать теоретические представления о коренных закономерностях и ключевых характеристиках пространственного развития как о многомерном и многофакторном динамическом процессе взаимодействия природы и общества;

– уточнить и дополнить принципы системной организации пространственного взаимодействия природы и общества;

– исследовать предпосылки, смысл и содержание трансформационных процессов в системе пространственной организации взаимодействий социоэкономического и природоресурсного потенциалов;

– выявить состав и содержание критических проблем и рисков пространственного развития, оценить вероятность и остроту их последствий;

– проанализировать мировой опыт возникновения и решения проблем пространственного взаимодействия природы и общества, оценить возможности его использования в российских условиях;

– обосновать систему научных рекомендаций по гармонизации пространственных взаимодействий природы и общества в стране в целом и в её отдельных конкретных территориальных частях;

– содействовать передаче полученных в ходе междисциплинарных исследований новых научно-теоретических результатов в системы дисциплинарного знания, а прикладных – в практику принятия решений.

Указанные общие задачи предполагалось решать применительно к особенностям и в рамках следующих конкретных исследовательских направлений (предметно-объектных областей) программы:

– рациональное использование, сохранение и увеличение природного потенциала российского пространства;

– трансформация пространственной организации общества в целом и в разрезе его отдельных подсистем – социально-экономической, государственно-политической, административно-территориальной;

– инфраструктурное (энергетическое, транспортное, информационное) обустройство и упорядочение российского пространства;

– пространственные диспропорции социоэкономического развития и консолидация социоэкономического пространства, конкуренция и сотрудничество территорий;

– изменение моделей пространственного развития, новое освоение пространственных частей страны (Арктика, Дальний Восток);

– Россия в изменяющемся мировом гео-экономико-политическом пространстве, межгосударственная интеграция на евроазиатском континенте;

– институты и инструменты государственного регулирования процессов пространственного взаимодействия природы и общества;

– геоинформационное обеспечение исследований пространства и представления их результатов.

Главными научными итогами девятилетних исследований стало, во-первых, укрепление системной точки зрения на пространство во всём его компонентном многообразии как на единый объект и выявление взаимосвязей, формирующих дан-

ное пространство; во-вторых, разработка теоретических основ методологического подхода к изучению пространства; в-третьих, выявление состава и определение ролей ключевых для решения задач модернизации страны компонентов пространства; в-четвёртых, определение основных особенностей и типологизация, в том числе региональная, данных компонентов, основанные на всестороннем анализе их структурно-функциональных свойств и территориальных конфигураций. Эти достижения обусловили возможность постановки новой фундаментальной междисциплинарной задачи – системного исследования реструктуризации пространственной организации жизнедеятельности российского общества в стадии её кардинальных изменений с учётом внешних и внутренних вызовов. Главными компонентами изучения пространственной реорганизации жизнедеятельности страны должны выступать: 1) новая организация расселения и социально-культурной жизни; 2) новое пространственное размещение производительных сил, включая рациональное использование природных ресурсов; 3) новая организация пространства власти (федерализм и местное самоуправление).

С учётом этих соображений была разработана и в 2018 г. запущенна четвёртая программа «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов». Общие задачи планировалось решать применительно к особенностям и в рамках следующих исследовательских направлений программы:

1. Новое освоение пространства: смена моделей развития.

2. Россия в изменяющейся конфигурации современного мирового геоэкономического пространства. Межгосударственная интеграция на евроазиатском пространстве.

3. Природноресурсный потенциал и его роль в трансформации пространства.

4. Пространственные диспропорции (нормы и аномалии) социоэкономического развития. Пределы диспропорций и меры, допустимые для их выравнивания.

5. Урбанизация пространства: полифункциональные агломерации, монопрофильные города, малые города. Миграционные процессы и их роль в трансформации территорий.

6. Развитие сельского пространства: исторические тупики и перспективы модернизации.

7. Государственно-политическое и административное реструктурирование пространства власти: развитие федерализма и местного самоуправления.

8. Консолидация социоэкономического пространства: как увязать энергию конкуренции и сотрудничества территорий.

9. Необходимое и достаточное государственное воздействие на реструктуризацию пространства.

10. Крупные инвестиционные проекты развития инфраструктуры российского пространства. Как снизить риски и повысить эффективность инвестиций.

11. Геоинформационные системы: современные информационные технологии изучения пространства и визуализации результатов для повышения их эффективности.

Научный выход проведённых многолетних исследований количественно и содержательно весьма обширен и разнообразен. Он детально представлен в многочисленных научных публикациях. Их полный перечень насчитывает сотни журнальных статей и десятки книг. Но особое место в этом ряду печатных

свидетельств плодотворности научных изысканий занимают капитальные коллективные монографии. Их отличие состоит в том, что они посвящены наиболее крупным теоретико-методологическим, методическим и прикладным аспектам, системно – с разных сторон и взаимосвязанно – характеризующих наиболее значимые процессы и явления в пространственном развитии современной России.

Начало этой монографической традиции было положено выпуском в 2013 г. упомянутой нами ранее первой книги. На страницах же настоящего издания излагаются избранные наиболее важные результаты трёх последующих программ президиума РАН.

Представляемая читательскому вниманию книга состоит из 11 авторских глав. Первые десять раскрывают приоритетные не только в настоящее время, но и в перспективе проблемы пространственного развития России. В качестве предметов научного анализа выступают:

– исторический опыт модернизации российского общества и пространства;

– оценка места России в глобальном природно-экологическом пространстве;

– современное российское пограничье и проблемы его изучения;

– международные транспортные коридоры в контексте освоения транзитного потенциала России;

– природно-ресурсная сфера в пространстве России;

– пространственное развитие экономики;

– новые смысл и содержание задач пространственного размещения производительных сил;

– процессы и последствия трансформации социально-географического пространства России;

– региональные особенности человеческого потенциала;

– изменение предмета и инструментов государственного участия в преобразовании социоэкономического пространства.

Одиннадцатая глава посвящена анализу Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Хочется надеяться, что выпуск настоящей книги, вобравшей избранные плоды многолетних академических исследований 2009–2019 гг., одновременно перекидывает мостик к новому этапу системного междисциплинарного изучения пространственной проблематики во всём её многообразии. Эта публикация отвечает недвусмысленно обозначенному возрастанию интереса государственной власти к пространственным факторам ускорения экономического роста. Подвижка в приоритетах власти наиболее явно и полно выразилась в принятии основ государственной политики регионального развития страны и стратегии пространственного развития России. Результативное воплощение этих государственных стратегических замыслов преобразования российского пространства немыслимо без опоры на серьёзный научный теоретический фундамент. По нашему мнению, избранные результаты программ фундаментальных исследований Российской академии наук, помещённые на страницах настоящей монографии, могут сыграть роль краеугольных элементов востребованного нового теоретического знания о системной организации социоэкономического пространства.

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОСТРАНСТВА[1]

Основные понятия, представления и разночтения

Модернизация давно стала предметом научного анализа и дискуссий. Сначала кратко отметим главные вехи этой линии мышления и присущие ей противоречия.

Её предтечами были такие титаны, как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер. В 1950-х годах после перерыва, красноречиво обозначенного мировыми войнами и распадом колониальных систем, возникло то, что принято считать теорией модернизации. Т. Парсонс, У. Ростоу, Д. Аптер, М. Леви, Д. Лернер, С. Блэк и другие авторы, чаще всего американские, адресовали её слаборазвитым странам, прописывая им для обновления традиционных обществ индустриализацию, явно с учётом советского опыта. А.Г. Франк, И. Валлерстайн, Р. Пребиш и другие критики вскоре отметили изъяны теории, факты сохранения зависимости и отсталости мировой периферии. Ближе к XXI в. наступил ренессанс в виде нео- или постмодернизационных течений. То было время распада СССР, очередного этапа «ученичества» России и роста глобализма. Модернизация закрепилась в российской науке и затем в документах Правительства на правах стратегической задачи.

Недолгая, но довольно бурная история этого научного понятия и политического курса вскрыла, как минимум, четыре фундаментальные проблемы.

1. Узкоисторическая трактовка модернизации как перехода от аграрно-феодального общества к индустриально-капиталистическому ограничивает её рамки Новым временем (эпохой модерна) – с XVI в. в Европе, позже в других странах и регионах. Но эта версия полувековой давности заужена. Термин восходит к раннехристианской эпохе, когда оппозиция *modernus – anticus* отделяла её от языческой. Само явление ещё старше. Узкий подход отсекает и постиндустриальные сдвиги, понимание которых, в свою очередь, различно. Термины с приставкой «пост» (здесь, скорее, *постмодерн*) малосодержательны. Спросим, например, что же будет потом: «пост-постмодерн», «пост-пост-постмодерн»? Модернизация важна для уже давно не аграрных стран-лидеров: им вроде бы некого догонять, а бои за лидерство вести приходится. Проблемы снимает широкое толкование модернизации как *развития, основанного на инновациях*, новых моделях; если же считать, что развитие должно быть именно и только таким, то это вообще синоним модернизации. Тогда её событиями будут общественные сдвиги, реформы, революции разных времён (Красильщиков, 1998, с. 9 и др.).

---

[1] В главе использованы результаты выполнявшихся в 2012–2019 гг. в Институте географии РАН проектов «Модернизация и пространство России: синтез научных концепций регионального развития в условиях перехода к инновационной модели», «Альтернативы пространственного развития России», «Факторы и особенности пространственного развития России в начале и на протяжении XXI века: вариантный (сценарный) подход»; «Теоретические концепции и модели освоения и развития пространственных структур». Учтены некоторые итоги проектов «Пространственно-структурное развитие энергетики России» Института энергетических исследований РАН; «Цивилизационные смыслы и социокультурные измерения пространственного развития России и ее регионов» Института философии РАН и ряда других исследований.

2. Представления о модернизации ближе к *универсалистским* (однолинейным всемирно-стадиальным) взглядам на развитие, чем к *уникалистским* (циклической теории цивилизаций). Их плюсы и минусы известны. Первый подход упрощает развитие, видя в местных тропах отрезки одного пути; его рецепты лечат абстрактную болезнь, а не конкретного больного, и порой его калечат. Уникализм же сползает к изоляционизму вплоть до немецкого *Sonderweg* и даже нацизма, неприятия новаций, модернизаций, любых универсальных схем. Теоретики 1950–60-х годов считали, что модернизация пронизывает толщу социума, затрагивая в ней всё, что вряд ли верно. Техника, экономика, политика, культура в этом отношении неодинаковы: надёжных мер и критериев для орудий труда и войны больше, чем для искусств и языков. Есть попытки сочетания подходов (Федотова, 1997; Побережников, 2002 и др.). Их подсказывает схема инновационной волны: при рождении новшества уникальны, широкая диффузия делает их типовыми, а стадия вытеснения – снова раритетными. При этом в пространстве могут преобладать те или другие стадии (Бабурин, 2002). По Л.Н. Гумилеву (2001), юные этносы инновационны, а вот реликтовые «изоляты» отвергают новое.

3. Эпизоды новационного развития, будь то обновление прииска или целой страны, имеют конкретное, но всегда *относительное во времени и пространстве содержание*. Новые технологии, особенно социальные, сметая порой не отжившие старые, приносят новые риски. На новом витке развития былой радикализм становится консерватизмом[2]. Новое и нужное в одном месте видится устаревшим и лишним в другом, а какое-то третье для него не созрело. Любой акт размещения и пространственного развития есть результат встречи или не встречи спроса деятельности на ресурсы и условия с их предложением со стороны «мест»[3]. Локационные коллизии разнообразны. Так, выбор страны и района для какого-то объекта лишён смысла в отсутствие там подходящей площадки. Субъективную сторону дела отражает известный оборот *not in my backyard*: мол, размещайте, но не в моём дворе. Если объект желанен, *NIMBY* станет гостеприимным *YIMBY*. У действующих объектов возможен конфликт локального ущерба с глобальным эффектом. Или наоборот – если объект, жизненно важный данному месту, не нужен внешним рынкам и владельцам. Политики, делая модернизацию своим лозунгом, часто забывают об этой релятивности и ловушках догоняющего развития, когда освоение устаревших инноваций ведёт к «бегу на месте», остановке или срыву модернизации, в общем – к порочному кругу.

4. Модернизации и частные новшества, как все мигрирующие явления, зависят от коммуникаций, влияющих на их мобильность, доступность, восприятие и принятие либо отторжение. Особую роль играют потоки информации, вся когнитивная сфера. Ведь мы действуем согласно своим представлениям о мире, включающим как достоверные факты, так и мифы, заблуждения, предрассудки, энергия которых сравнима с энергией точного знания. Александр Македонский

[2] А.И. Герцен предрёк в 1851 г., что «социализм разовьется во всех своих фазах до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова… начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией» (Герцен, 1986).

[3] Или встреча факторов и условий размещения по А.П. Горкину и Л.В. Смирнягину (1973). Факторами они считали требования к ресурсам и местоположению отрасли, фирмы, предприятия, а условиями – наличие соответствующих качеств в географической среде.

не мечтал бы покорить всю Азию, если бы представлял её истинный размер. Колумб не пустился бы в плавание, зная, что от Испании до Японии не 5000 км, как сулила карта П. Тосканелли, а вчетверо дальше даже через Панамский канал, прорытый в XX в. Эратосфен Киренский вычислил размеры Земли за 17 веков до Колумба, но его либо забыли, либо ему не верили. История ошибок поучительна. И в наше «всезнающее» время мир и воззрения на него не всегда меняются вместе, хотя когнитивные ресурсы развития уже признаются первостепенными.

Перейдём к исходным установкам. Во-первых, примем широкий исторический подход, приравняв модернизацию ко всякому инновационному развитию. Во-вторых, попробуем избежать крайностей универсализма и уникализма. Они дополняют друг друга как Инь и Ян, земля и небо, зима и лето. Модерн – он и в Африке модерн? И да, и нет. Он тот же и не тот, что в Китае, Америке, России. Многообразие модернизаций и самих «современностей» исключает любой детерминизм (и заодно рассуждения о конце истории). В-третьих, признав относительность разномасштабных модернизаций, всё-таки отнесёмся к ним всерьёз. Это не просто конструкты и выдумки, какими их порой считают, а реальная, удачная и не очень, историческая практика многих стран, включая Россию. В-четвёртых, учтём, что идеи (и иллюзии) имеют свою силу, движущую людьми не менее активно, чем силы объективные, материальные.

Задача вступления на этом не исчерпана, ведь модернизация в заголовке стоит не одна. *Исторический опыт, общество, пространство* тоже требуют предварительного истолкования и уточнения.

Опыт – это не только история модернизаций России (Руси, Московии, Российской империи, СССР) как таковая. За словом «опыт» слышен отзвук «урока». На полновесное изложение истории, не говоря об извлечении уроков, претендовать сложно, особенно не профессиональным историкам. Таких претензий и нет. Речь идёт об известном аспекте опыта – пространственном. А уроки, если они будут, то вряд ли назидательные и вполне операциональные. Скорее – познавательные и не всегда однозначные.

Давать особое или новое, «эн плюс первое» толкование обществу и пространству, конечно, не стоит. Проще выбрать версии, адекватные задаче выявления взаимосвязей в «треугольнике» общество – пространство – модернизация. А где пространство, там и время, о чём прекрасно знают физики и философы. «Треугольник» можно компоновать двумя способами, от которых зависят тип и свойства пространства. Тогда получатся:

1. *Модернизация общества* и его частей (сфер) *в географическом пространстве*, метрику которого задают природные параметры, начиная с космических. Для общества и его развития оно играет роль пространства Эвклида–Ньютона, независимой переменной в классической механике, а в нашем случае – вместилища и среды социальных процессов, носителя их ресурсов, стимулов и барьеров, условно внешних относительно социума.

2. Модернизация многомерного социального пространства (экономико-политико-социокультурного)[4]. Это вид пространства Декарта–Лейбница–Эйнштейна, формируемого самим процессом, его агентами, ходом и результатами. Не в

[4] Применительно к природе термин «модернизация» сомнителен. Иногда такие события, как рождение Вселенной, звёзд, планет, жизни на них, называют инновациями, но это столь же спорно, как вопрос о том, кто ввёл эти «нововведения».

пример ньютонову «ящику», оно способно искривляться относительно тоже не плоского и не постоянного природного пространства геосферы – члениться, сливаться, пульсировать (сжиматься и растягиваться).

Работать с пространством первого рода проще. Оно ставит гуманитария на земную сцену развития, от которой люди с их «воспарениями» уйти далеко пока не могут. Вторая модель сложнее, но заманчивее: она сулит свободу поиска, научные прорывы. Проблема – в метрике. У классиков она разная. Кольцевые агроландшафты И. Тюнена непохожи на индустриальные штандорты А. Вебера, выведенные из похожих допущений. Решётки В. Кристаллера, рыночные районы А. Лёша, полюса роста Ф. Перру, схемы диффузии инноваций Т. Хегерстранда форматируют пространство по-своему (Фундаментальные…, 2013, с. 192). Дистанции сжимает модернизация транспорта и связи в зависимости от их вида, трассы, скорости, тарифа, а значит и слоя потребителей. Трудно без колебаний сказать, расширено или сужено плотное, развитое, «узловое» пространство (как и богатое событиями время) по сравнению с разреженным, «глухим». И в какой мере это всего лишь вторая реальность, феномен массового сознания. Географы склонны считать, что плотные, контактные и мобильные среды производят и усваивают нововведения лучше (Бабурин, 2002). Но модернизации там противостоит мощная инерция пространственных структур, носителей наследуемых путей развития.

Будем оперировать в меру здравого смысла и по контексту обоими сочетаниями – модернизацией в пространстве и модернизацией пространства, тем более что для многих конкретных случаев такое различие избыточно. Освоение инноваций и пространств явно взаимосвязано, но связи подлежат уточнению. Условимся не уходить от земной основы так далеко, как Г. Зиммель, П. Бурдьё, К. Левин, Э. Холл, М. Фуко, В. Налимов, чьи социальные, психологические или семантические пространства (среды) – чаще метафоры, далёкие от геосферы. Между тем многие из её свойств имеют прямое отношение к судьбе модернизаций, в том числе российских.

Обретение пространства в модернизационных прорывах и срывах России

О территориальном росте России и освоении нашего «океана суши» (метафора евразийцев, начиная с П.Н. Савицкого), их успехах и тяготах написано много. Расширение российской ойкумены шло по-разному: путём силового присвоениия или постепенного мирного проникновения. В XIX в. его часто называли колонизацией, но она не во всём идентична западному колониализму. Таёжные дебри и просторы степей, где поселенцев не сдерживали чужие цивилизации и государства, подобны лесам и прериям Северной Америки, которые редко считают колониями, несмотря на кровавые битвы с индейцами. Все встречали тут два типовых вызова по А. Дж. Тойнби (1991) – суровой природы и новых земель. И хотя ответы находились, огромная территории современной Российской Федерации, как правило, оказывалась модернизационной периферией.

Градиент освоения юг–север типичен для Евразии с эпохи палеолита. При сменах климата люди двигались «вперёд–назад», на север и на юг (Величко, 1997) с новыми орудиями, типами жилищ, доместикатами, начиная с собаки. По оценке П.М. Долуханова (1979), плотность охотников и собирателей нарастала

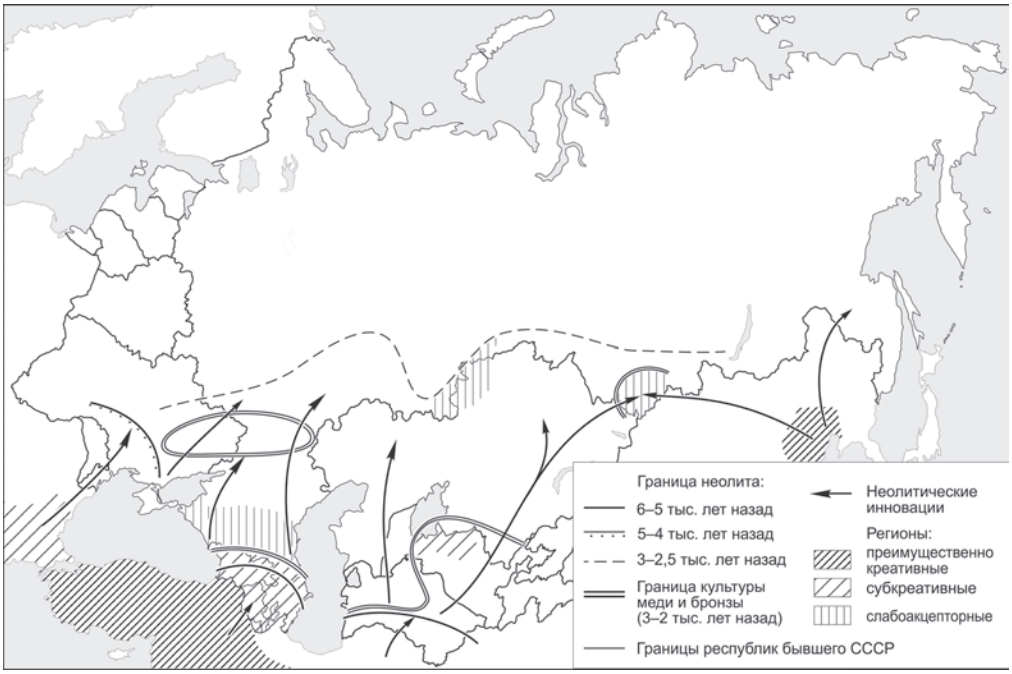

Рис. 1.1. Распространение «первичных» инноваций аграрного периода по В.Л. Бабурину (2002, с. 159).

от 0,02–0,03 чел./км² в тундре и тайге до 0,07 в смешанных лесах и 0,17 в лесостепях. В сухой степи она вновь убывала до 0,08 чел./км². Неолитическая модернизация повысила её в своих очагах до 10 чел./км², что и теперь признаётся нижним порогом для крупнотоварного земледелия в России (Нефедова, 2003). На большей её части сообщества были пастушескими. Главным источником инноваций служила Передняя Азия, трансляторами – Балканы и Кавказ (рис. 1.1). Переход от бронзы к железу затянулся в северной Евразии до первых веков новой эры и имел серьёзные последствия. Железо распространено шире олова и меди. «Отвязав» кочевые племена от редких очагов бронзовой металлургии, оно повлияло на вихри великих переселений. Одновременно ираноязычные народы (скифы, сарматы) уступали степи тюркам, ставшим соседями славян.

Главные модернизационные импульсы Русь получала с других направлений. Её судьбу предопределили две макроинновации – создание государства в IX в. и принятие христианства к XI в. Первое, по летописным преданиям, пришло с варягами балтийского северо-запада, второе – с юга, из Византии. В обоих событиях большую роль сыграли транзит «из варяг в греки» и военная сила. Она важна в контексте модернизации, на что указали А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко (2005, с. 25, 79, 159).

Ранние государства, созданные огнём и мечом, имели успех, если защищали страну от раздоров и внешних угроз, в том числе путём расширения границ. Война торопит технический прогресс, экономические и культурные заимствования. Тут важны числа покорителей и покорённых, уровни их развития. О корнях руси Рюрика спорят веками. Её небольшие и не очень «продвинутые» отряды смешались со славянами и финно-уграми довольно скоро, оставив им правящий

род, ряд имён и навыков[5]. Обложение данью и т.п. не радовало местные племена (отсюда легендарный мятеж Вадима, убийство Игоря древлянами), но смягчалось совластием князя и веча в городах и выгодами греко-варяжской торговли, занимавшей до 1/3 населения.

Война кровава и порой сметает города, целые страны, как Хазарию в X в., когда Святослав с печенегами и гузами разорил её столицу Итиль так радикально, что «закрыл» для Руси восточные инновации и открыл степи не менее опасным половцам. Но в долгой череде стычек и набегов это исключение. Культурных благ они давали не меньше, чем материальных, причём военная победа облегчала их усвоение, спасая и при Петре I национальное достоинство в опасное для него время учения у иноземцев, как писал С.М. Соловьёв (1989, с. 501).

Война стоит дорого, может не окупить или враз обесценить затраты, обернуться внутренней катастрофой. Так, дворяне, удручённые сравнением России с Европой, после наполеоновских войн шли в декабристы; войны 1905 и 1914 гг. привели к революциям; Афганская – ускорила крах СССР. И всё же *военный поход за инновациями* – один из вариантов догоняющего развития, характерный для часто воевавших стран.

Без него не обошлось даже крещение Руси. Басилевс Василий II выдавал сестру Анну за князя Владимира, если тот примет христианство и поможет своим войском в византийской смуте. Помощь помогла, но со свадьбой греки тянули. Тогда Владимир взял у них Корсунь-Херсонес, куда привезли Анну, где он крестился и затем крестил Киев. Так веру «взяли силой», хотя с ней на Русь хлынули греки-миссионеры, книжники, зодчие. По окраинам язычество держалось долго, но христианизация состоялась и сыграла огромную роль в культурном развитии страны.

Оседлав греко-варяжскую ось с грядой торговых центров (Гардар – страну градов у скандинавов, долго считавших главным из них Хольмгард-Новгород), Русь более или менее удачно отражала угрозы с запада, юга и востока, сама продвигаясь на север, северо-восток за главным вывозным товаром, пушниной. Рюриковичи правили страной как род, киевский стол обычно наследовал старейший из них, сажая в Новгород старшего сына. Положение двух городов на водных путях и рубежах природных зон отличает зеркальная симметрия. Но речной веер у Киева мощнее, ближе к грекам (постантичный градиент юг–север ещё работал), а контакт леса со степью давал больше выгод при обмене (рис. 1.2).

Первые князья, писали наши историки, жили как блуждающие кометы без сёл и пашен, войной и торговлей. В XII–XIII вв., когда окрепло земледелие, росла сеть городов, уделы стали «приватизировать» и делить. Оседание князей в вотчинах вело к усобицам, осуждённым в «Слове о полку Игореве»: «…рекоста бо брат брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую». Путь из варяг в греки хирел, зато росло Волго-Окское междуречье. В 1169 г. Андрей Боголюбский, первый великоросс по В.О. Ключевскому, после взятия Киева его войском, посадил там брата, а сам остался во Владимире. Эта столица в разделённой и затем в Ордынской Руси

[5] От германцев в Риме и ряде его провинций, от болгар Аспаруха, от викингов в Нормандии тоже остались имена, династии, военные приёмы, но не языки. Когда нормандцы, прожив полтора века близ устья Сены, завоевали Англию, то принесли туда французский язык и культуру.

Рис. 1.2. Симметрия позиций Киева и Новгорода на водных путях и зональных рубежах. Схема-картоид.

Рис. 1.3. Исторические столицы Руси – России – СССР – РФ, их переносы и «столичный треугольник».

была номинальной. Митрополит перебрался туда из разорённого Киева в 1299 г., а в 1325 г. – уже в Москву.

Пять исторических общерусских столиц составляют треугольник Киев – Владимир – Санкт-Петербург (рис. 1.3)[6]. Это 450 тыс. км², площадь Швеции. Длина сторон – до 1000 км. Не так много для страны, занявшей к XI в. более 1300 км². Основание фигуры лежит на греко-варяжской оси и 30º в.д. Сторона Киев–Владимир указывает направление старой оси освоения лесной России, ставшей в итоге (с XVII в.) самой длинной. Третья сторона – часть новой оси и линии связей северо-запад – юго-восток: «из немцев в татары и персы». Скрещение осей близ Москвы помогло её возвышению, а позиция на третьей оси (дальше боязливой Рязани от Дикого поля и ближе «строптивой» Твери) подсказало московским князьям ту смену политики в отношении Орды, которая сделала их царями.

Четыре главных этапа истории страны – это четыре серии её расширений, а затем кризисных сбоев (рис. 1.4). Первый сбой в ордынский период привёл к «разводу» трёх наций-наследниц Древней Руси, следы которого ощутимы поныне. Периоды экспанский тесно связаны с модернизациями. А сжатия? Была ли, в частности, модернизации по-ордынски? Новшества были, и немалые: навыки ведения войны, работы с серебром, тогда у нас ввозным, деньги и само это слово с целым рядом других, ямская почтовая служба, у чингизидов лучшая в мире (кстати, важный признак модернизация пространства).

Усвоенные Москвой жёсткие азиатские уроки вылились во второй «сбор страны» русским самодержавием. Его жертвами стали вечевые устои домон-

[6] Не считая Старой Ладоги, где Рюрик провёл всего два года (в Новгороде – 20 лет), и других сугубо временных, «филиальных» столиц (вроде Александровской Слободы) или узкорегиональных.

Рис. 1.4. Четыре волны расширения государства, его оси и экстремальные размеры. Составлено по историческим картам и другим материалам; трассы инноваций и походов за ними показаны по В.Л. Бабурину (2002) с дополнениями.

гольской Руси, зато ей приоткрылась Азия до Китая, Индии, куда ходил «за три моря» Афанасий Никитин в XV в. С женитьбой Ивана III на Зое-Софье Палеолог в Москве активизировался и западный вектор модернизации. Из Рима, куда от турок бежали семьи владык Византии, прибыли строители, книги, двуглавый гербовый орёл, символ имперского наследия. Но мечта папы римского включить в церковную унию Московию рухнула. Та осталась православной, в 1478 г. присоединила Новгородскую республику, в 1510 г. – Псков, где старец Филофей составил знаменитый религиозный и геополитический (имперский «на вырост») проект Третьего Рима. В дальние походы за землями, морями, ресурсами и новациями Россия двинулась уже при Иване IV.

В Москве вызрел очаг модернизации с мануфактурами (пушечный и монетный дворы, печатня И. Фёдорова), купцами и врачами Немецкой слободы. Головы державного орла тянули и на восток, и на запад, но восток с руинами Орды дался легче. Ливонский вектор тоже выбрали верно. Балтийские заливы – ближайшие к Москве морские окна. В Европе Нового времени Север уже опережал Юг (градиент инвертировался), вчерашние ганзеаты были слабее турок, а северный путь в океан – доступнее южного. Пётр I , взяв через 140 лет Азов, всё равно повернул потом на Балтику.

Но в XVI в. долгая война с Западом привела Московию к поражению, опричнине, гибели династии Рюриковичей, мятежам и нашествиям. Величавая третьеримская идея треснула под грузом амбиций при нехватке амуниции. Ещё до Смуты крестьяне бежали на окраины, но запустение ядра страны ускорило их закрепощение (Семенов-Тян-Шанский, 1892 и др.). Это не отменяет успехов «реконкисты» южных степей, похода в Сибирь. Но о нём – позже и специально.

Пётр I, сочетая техническую модернизацию с вестернизацией элиты, заставил её «пить западные пилюли залпом» и ускорил движение «массивного тела России»[7]. В его эпохе видят приметы Нового времени, хотя они не вяжутся с крепостничеством, особенно при императрицах, когда дворян обуяла мода на роскошь. Они тянули из поместий аграрную ренту нещадной барщиной – до шести дней в неделю. Пробив окна в Европу, Россия везла туда всё больше хлеба (как раньше её западные соседи, где вышло «второе издание» крепостничества). Западный рынок был джентльмен в центре, а на периферии – монстр. Да и внутренний рынок с XVII в. заложил трещину между промышленной северной и аграрной южной зонами экономического пространства.

Великие реформы 1860-х годов множили индустриально-капиталистические очаги, не устраняя внутренних контрастов и технической зависимости от Запада. Тем не менее, европеизированная Россия достигла ярких геополитических результатов и размера в 22 млн км². Все тогдашние державы считали экспансию нормальным средством развития, хотя она вела к полному разделу суши и войнам за её передел вплоть до Первой мировой, на которой Российская империя «сломалась».

Смуту начала XX в., как и XVII в., осложнила иностранная интервенция. Красные удержали плацдарм со столицами, а контур Советской России в кольце фронтов Гражданской войны был растянут по двум вышеназванным государственным осям. Разрыв мир до основания, как пели в «Интернационале», первом гимне РСФСР и СССР, страна бросилась догонять Запад. Эту её модернизацию А.Г. Вишневский (1998), прибегая к оксюморону, назвал консервативной. Она состоялась не без помощи Запада, готового в годы Великой депрессии продавать технику и труд инженеров кому угодно. В середине XX в. СССР расширил территорию, оброс поясом союзников. В 1960-х годах космические и ядерные прорывы создали впечатление, что догоняющее развитие стало опережающим. Но Запад шёл вперёд, в постиндустриальный мир, а СССР на его пороге рухнул. Восстановительный подъём 2000-х годов пока не вылился во что-то большее, и вообще этот цикл не вполне завершён.

[7] По В.О. Ключевскому (1983). Он пояснял: чем больше, массивнее тело, тем его труднее поворачивать и передвигать. До XVIII в. русское общество двигалось с обдуманной медлительностью, неповоротливостью. Влияние Европы принимали по каплям, морщась при каждом приёме и подозрительно следя за его действием, преимущественно за действием религиозно-нравственным.

Как видим, «останцы» распадов копили нечто вроде энергии сжатой пружины. Распрямляясь, она опять расширяла рубежи – до нового срыва. Страна пульсировала в пространстве. Разница между Россией «минимальной» и «максимальной» огромна (см. рис. 1.4). Первая включает территории с самым долгим русским управлением, до 1000 лет без эпизодов оккупации, но с веками подчинения Орде. Все земли, бывшие когда-либо под русской властью, в 50 раз больше. Исторически ключевая «Россия-минимум» лежит у края «России-максимум», вдали от её географического центра.

Бросок к Тихому океану: мотивы и последствия

Сибирский поход – яркая глава истории России – определил её размер и место на карте мира. За полвека с небольшим землепроходцы одолели 4,5 тыс. км, считая напрямик от Чердыни до Охотска, основанного на 56 лет раньше Петербурга, а по времени – от гибели Ермака до выхода Москвитина к Охотскому морю. Путь европейцев по Канаде, начатый тогда же, не менее длинный и тоже по суровой земле, где не хватало попутных движению рек, занял в 3,5 раза больше времени. Экономически это связано с ролью обоих, теперь самых обширных, государств на мировом рынке пушнины (Савченко, 2013; Савченко, Трейвиш, 2014).

«За Камень» русские заглядывали и раньше, а к XVII в., когда меха повезли через Архангельск в Европу, двинулись туда решительно. В 1601 г. в устье Таза (уже на пороге Восточной Сибири) возникла пушная фактория Мангазея, а в 1608 г. – франко-канадский Квебек (рис. 1.5). Через 30 лет землепроходцы добрались до Лены, пионеры за океаном – до Великих озёр. К XVIII в. русские достигли Камчатки, а Канада была пройдена только до середины. И.Ю. Москвитин стоял на берегу Тихого океана в 1639 г. А. Маккензи вышел к нему в 1793 г., когда на Аляске уже работали русские купеческие компании. С моря берега Канады Дж. Кук разведал ещё в конце 1770-х годов. Но он, как и Дж. Ванкувер в 1790-х, пользовался советами и сведениями наших промысловиков.

России помог смежный с новым краем, а не заморский, плацдарм и освоенческий опыт новгородцев, поморов, казаков. Их главной целью был соболь; в Канаде – бобр. Эти биоресурсы рассеяны по лесным угодьям, отсюда пространственный масштаб освоения. Восстановленная популяция соболя в Сибири составляет 1–2 особи на 1000 га подходящей тайги (Монахов, 2006 и др.). Некогда там добывали сотни тысяч шкурок в год, и 3/4 шли за рубеж. Казне это давало 1/3 поступлений, пока ресурсы не оскудели. В XVIII в. пушной экспорт поддержал промысел морского зверя у Аляски.

Движение русских на северо-восток облегчал геополитический «вакуум» до Китая, Японии, европейских колоний в Америке и государственно-частное партнёрство. Царёвы люди ставили остроги, брали ясак; охотники и купцы вели разведку, добычу и обмен с «народцами». Связи пролегали по воде и суше. В начале XVII в. поморские кочи ходили в Мангазею морем, но к 1620 г. власти этот ход запретили, боясь увлечь по нему в Сибирь иноземцев. Остались пути через Урал, реки, межбассейновые волоки и короткий морской каботаж между устьями сибирских рек. Простые надёжные инструменты и незнакомое туземцам огнестрельное оружие тоже обеспечили успех землепроходцев.

Гонка за пушниной – конечно, не поход за инновациями. Но её промысел умножал капиталы, питавшие модернизацию «коренной» России. К мехам она до-

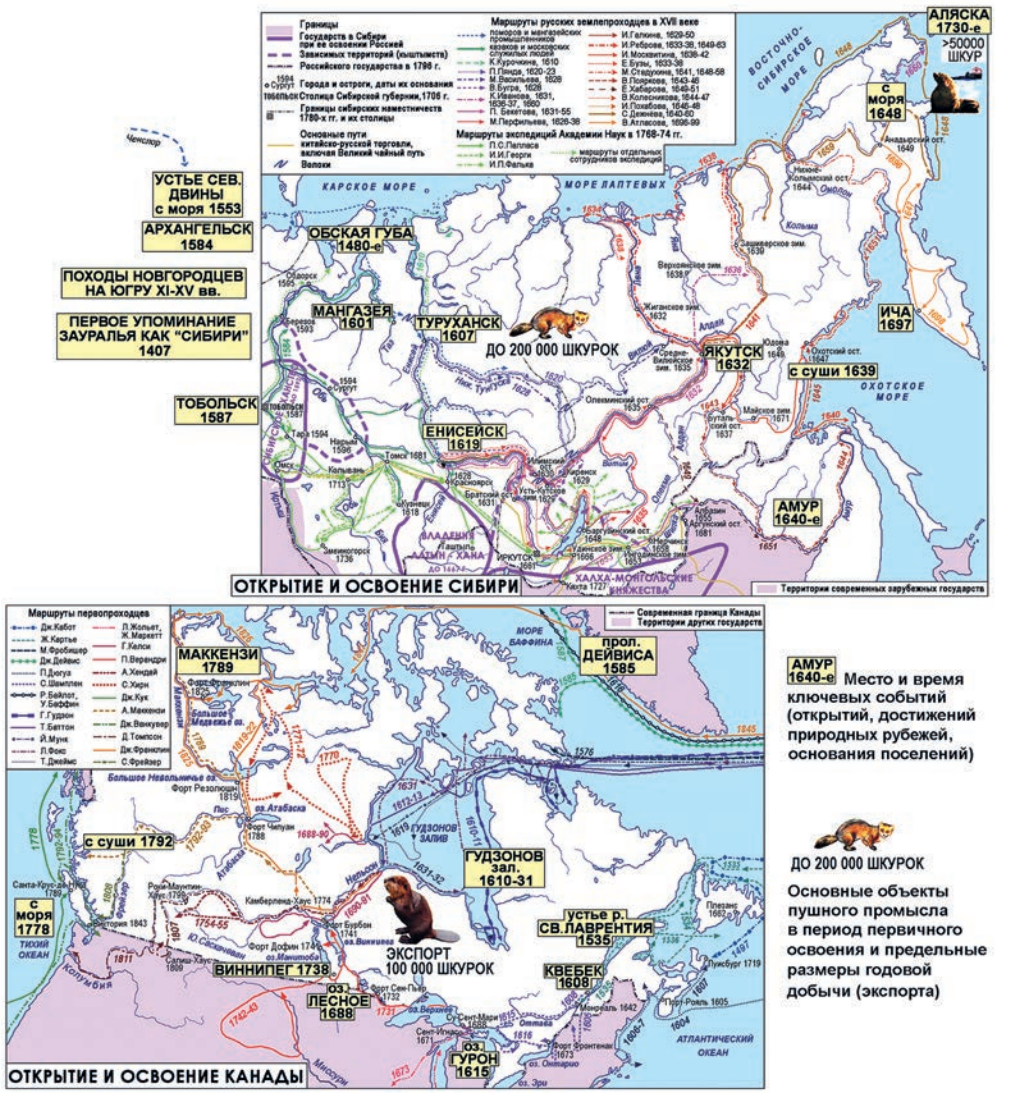

Рис. 1.5. Открытие и освоение Сибири и Канады в «походе за пушниной».

бавляла парусное полотно, канаты и другие корабельные товары (ещё до петровского флота). В освоение дальних берегов огромный вклад внесли выходцы из Архангельска, Великого Устюга, Каргополя (родины первого правителя Русской Америки А.А. Баранова). Морская эпоха принесла России славу ряда открытий, опыт «сверхкаботажа» до Камчатки и Америки, обмена пушнины на китайский чай, шёлк, фарфор. Новоархангельск (Ситку) Русско-Американская компания сделала торговым лидером региона, превзошедшим испанский Сан-Франциско. На севере Калифорнии возникла колония Росс. В 1815 г. Россия даже подняла свой флаг над Гонолулу. Однако эти события остались историческими эпизодами: о власти на океане в XIX в. мечтать было поздно.

Для Сибири и Аляски русские новшества всё равно означали пространственную и социальную модернизацию, пусть относительную и порой сомнительную, как везде, где их внедряли без спроса аборигенов. Некоторые, вплоть до право-

славной веры, местами целы в Америке через полтора столетия после её продажи в 1867 г.[8] Присутствие России там и на востоке Азии долго носило выборочно-локальный характер. Ему не придавали особого значения в Петербурге, видя страну теллурократией (державой суши). Между тем на Дальний Восток зачастили французы и британцы, хотя Лаперуз и Броутон ошиблись с Сахалином, сочтя его полуостровом, а устье Амура – недоступным с моря. А русские в 1689 г. ушли с Амура по Нерчинскому договору с Китаем. Их возвращение и движение дальше на юг с середины XIX в. – страница уже той эпохи, когда ничейных земель почти не осталось и запахло переделом мира.

России часто не везло с эксклавами, в том числе у Тихого океана. После Аляски она теряла Квантун, зону КВЖД, южный Сахалин. Но громада Сибири, которой страна «приросла» в XVI–XIX вв., осталась её надёжным тылом. По ней шли волны ресурсного освоения: рудные, аграрные, лесные, нефтегазовые, тоже не совсем модернизационные, но с экспортным значением. И это она обеспечила *трансконтинентальное*, *межокеанское* положение России, геополитическую редкость и потенциал маневра между Европой, АТР и Северной Америкой, но осложнённый асимметрией освоения. В XVI в. за Уралом жили до 200 тыс. чел., 1,5–2% россиян. К XVIII в. население там удвоилась (3%), через сто лет превысило 1 млн чел. (4%), а теперь это 29 млн (20%), но уже меньше, чем к 1990 г. (32 млн чел., 22% жителей РСФСР). Центр территории страны удалялся от центра населения, плотность оставалась невысокой, а её контрасты нарастали (рис. 1.6).

Контраст в населённости РФ и КНР часто вызывает желание срочно его сгладить. Однако даже удвоив каким-то чудом население соседних с Китаем регионов (на что ранее, в СССР, ушло 40 лет), можно снизить трансграничный перепад примерно с 1:30 до 1:15. Чтобы уравнять плотность с северными провинциями соседа, нужны полмиллиарда мигрантов, вся зарубежная Европа. Проще набрать их в Китае и вообще в Азии. Ясно, что вопрос надо решать внешней, оборонной, миграционной политикой и модернизацией, важной для всех районов: социально разреженных и более плотных[9].

Модернизации противостоит инерция пространственных структур как носителей унаследованного развития (*path dependency*). Но игнорировать геополитические вызовы XXI в. нельзя. Быстрый по историческим меркам «разворот России на восток» при её асимметрии, дефиците баз модернизации на востоке страны – задача нелёгкая. Энергетический фактор усиления средней Волго-Уральской и восточной макрозон изучал Институт энергетических исследований в рамках проекта «Пространственно-структурное развитие энергетики России» Программы РАН (А.А. Макаров и др.). Расчёты с привязкой к прогнозам Минэкономразвития показали, что остановить падение вклада востока в ВВП –16% по консервативному варианту – можно, если поднять его долю в производстве первичной энергии до 25%, а в потреблении – до 23%, обновить инфраструктуру и производство. Это позволит России удержать 6–7-е место в мировой экономике.

---

[8] К тому времени пушные ресурсы истощались и там, а виды на золото, не говоря о нефти, были туманны. И американцы не спешили с покупкой 1,5 млн км² «льда и снега», их даже пришлось умасливать.

[9] Кстати, международных мигрантов давно привлекают не свободные земли с ресурсами, а лучшие социально-экономические условия труда и жизни. Чем круче их градиенты, тем больше мигрантов, острее проблема этнокультурной «эрозии» богатых стран и городов. Вот и возникает вопрос: а стоит ли быть намного богаче и «современнее» соседей?

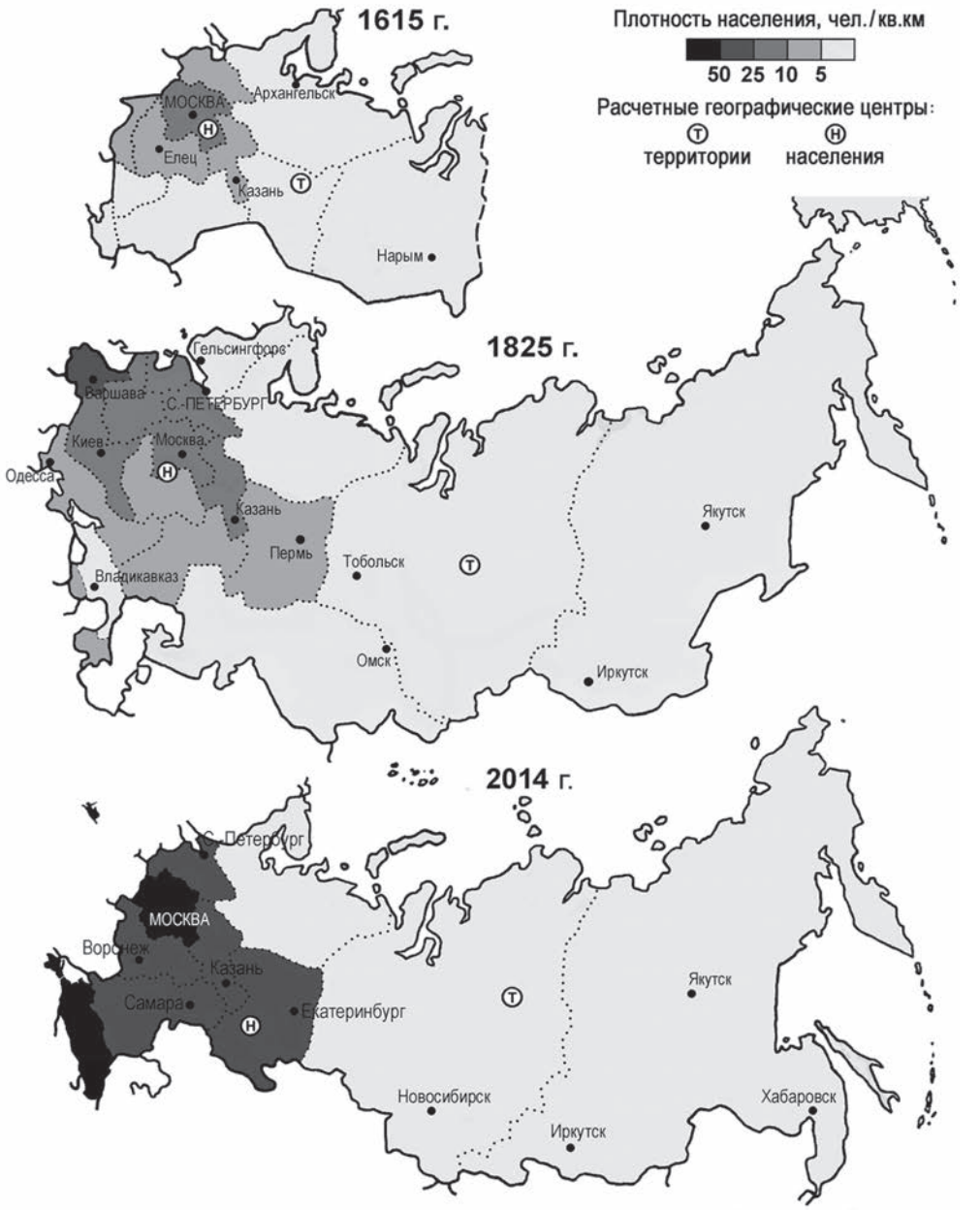

Рис. 1.6. Плотность населения крупных частей Русского государства и центры тяжести его территории и населения. Составлено с использованием материалов Б.П. Вейнберга (1913).

Растить городские узлы модернизации можно на базе «размытых центральных мест» (Шупер, Эм, 2012; Шупер, 2014). Два восточных сгустка, пока более рыхлых, чем агломерации, на верхней Ангаре и на юге Приморья имеют более 1 млн жителей каждый. Их активизация требует не столько административного, сколько коммуникационного сплочения, развития скоростного транспорта. Но это не устранит пробела между Читой и Свободным, где на протяжении 1,5 тыс. км нет даже среднего города (к западу и к востоку отсюда типовые расстояния между такими городами в 2–4 раза меньше).

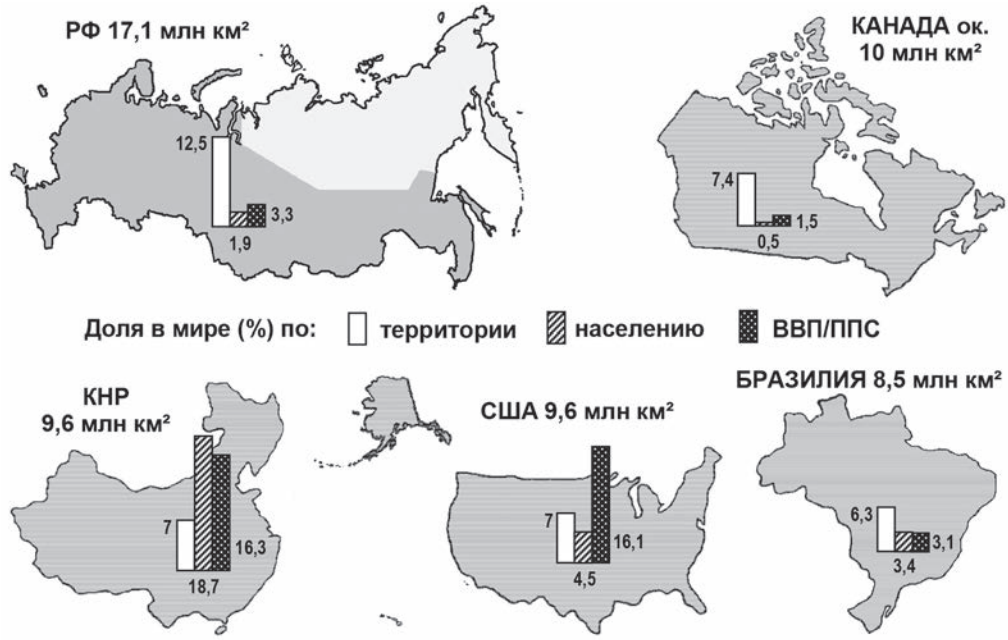

Рис. 1.7. Самые обширные страны и их доли в мире по трём показателям, 2014 г.

Все знают, что Россия велика, но не всегда помнят – чем и насколько. Наша территория больше канадской, китайской, американской в 1,7–1,8 раза, на 7–7,5 млн км², то есть почти на всю Австралию или на 2,5 Якутии. Россия первая даже без своего малолюдного северо-востока, хотя уступать его кому-либо нет резона (рис. 1.7). Её европейская и азиатская части тоже больше любой страны в каждой части света. По ВВП с учётом ППС Россия 6-я и от лидеров отстаёт в 5–6 раз, а вот разница между США, КНР и Евросоюзом (если считать его страной) невелика. Население у нас 9-е в мире, в 9,5 раз меньше, чем в Китае, который почти догнала Индия (США уступают гигантам Азии вчетверо).

Таким образом, именно территория сохраняет за Россией место в ряду немногих стран-гигантов. А быть такой страной не проще, чем малой (Зимин, 2003; Трейвиш, 2009). Вот краткий перечень типовых свойств гиганта, собранных в блоки и подразумевающих, что он велик во всех отношениях.

***Географические*:** *многорайонность*, *обилие природных ресурсов, стремление к их освоению* и его почти неизбежная *неравномерность*. ***Социоэтнокультурные*:** *пестрота*, *гетерогенность*, *социальные контрасты*, *широкое, но более формальное,* чем у малых стран, *инфосоциальное поле*, *пониженная солидарность*. ***Экономические*:** *ёмкий рынок и тяга к автаркии*, редкие у карликов, *структурная полнота экономики* (в Канаде и России при меньшем населении и сырьевом экспорте она выражена слабее) и, как следствие, *инерционность развития*, затрудняющая модернизацию. ***Политические*:** *влиятельность в мире,* ответственность за него, но при этом *экспансионизм* в разных формах и *раздутость* «*фиктивных сфер*» (бюрократии, силовых структур). ***Психологические*:** *привычка всех мерить на свой аршин*, за что гигантов не любят, *склонность к мании величия*, но иногда и к «малышовой» мании преследования, *многоуровневая идентичность:* от локальной до цивилизационной.

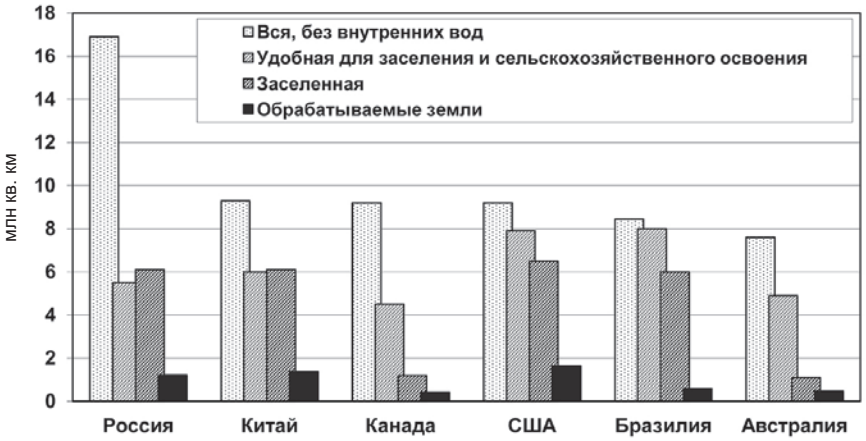

Рис. 1.8. Территории самых обширных стран мира с учётом их пригодности для заселения и освоения, уровня фактического использования.

У гигантов велики и силы, и риски, в том числе регионально-политические. Но они разные. Так, в России и Китае много этнических автономий. Те же страны и ЕС как целое отличает от США и Канады обилие соседей, сложности отношений с ними. Все гиганты чем-нибудь маловаты, что бывает обидно для самолюбия. Так, если брать не всю площадь, а комфортную для обживания и освоения по природным условиям, заселённую де-факто (с плотностью населения от 1 чел./км²) или используемую в земледелии, то рейтинг стран изменится (рис. 1.8). Россия займёт в нем 3–5-е место в зависимости от списка стран, от показа-

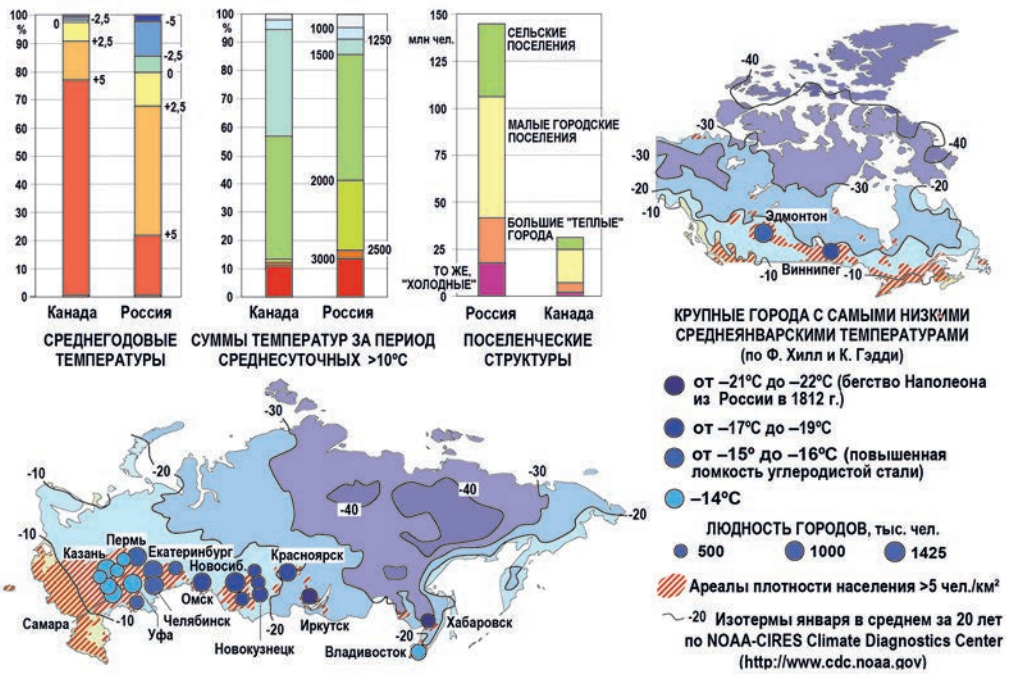

Рис. 1.9. Население Канады и России по температурным зонам, категориям поселений и их самые «холодные» крупные города (свыше 0,5 млн жителей) в начале XXI в.

теля и качества данных. В России и Китае, но не у других гигантов, была заселена часть не лучших для этого земель. У нас так сработала история, «затянувшая» людей на север и восток страны, где вдобавок из-за климата и рельефа природа на тех же широтах суровее, чем на западе.

Об «антилиберальной природе» России (выражение Ю.Н. Гладкого, 2006) спорили в начале XXI в. Теме посвящены нашумевшие книги (Паршев, 2001; Hill, Gaddy, 2003). Авторы находили просторы России малопригодными для жизни из-за холода и потому неконкурентоспособными. А.П. Паршев предлагал ей изолироваться от мирового рынка, а Ф. Хилл и К. Гэдди – внутренне сжаться к тёплому юго-западу. Не вдаваясь в детали, отметим спорность экономических оценок климата, его контрастов (чем лучше, например, север Атлантики, где весь год сыро и прохладно?). Зимние морозы делают Россию и её крупные города холодными (рис. 1.9). Но зато теплее лето, так что земледелию в высоких широтах Евразии легче. Их заселение, более давнее и мощное, чем в Северной Америке, объясняется не только принудительными миграциями.

Географический детерминизм (или нигилизм) не лучше и не хуже технического, политэкономического, культурного. Нам не изменить своего места, климата и времени. Они меняются сами, но не стоит уповать, скажем, на глобальное потепление: бед оно сулит не меньше, чем выгод. Зато можно положиться на «союз» россиян с привычной им природой. При этом крупные части России заселены равномернее, чем у других северных гигантов, и не столько по линии запад–восток (ведь мощного полюса на восточном фасаде у нас нет), сколько по широтам. В социально-политическом отношении важнее другие внутренние оси: этнокультурная «русское ядро – национальные окраины» и самая общая, вездесущая «центр–периферия». Это ещё и типы маршрутов инноваций, на которых они встречают свои препятствия (Трейвиш, 2009; Зубаревич, 2010 и др.). Отнести же к последним размер пространства как таковой было бы неверно.

Модернизация и вестернизация

Критики универсализма часто указывают на подмену понятий, когда модернизацию путают с вестернизацией (европеизацией) или глобализацией и рекомендуют копировать Запад во всём, включая сферу культуры, где это бывает болезненно и не всегда полезно для инновационного социально-экономического развития. Стимулирующее *разнообразие* скорее приведёт к успеху, чем полная унификация. Разнообразием же ойкумена обязана, прежде всего, обилию культур и их сочетаний с новациями.

Наука признала это не сразу. После Макса Вебера, открывшего «дух капитализма» в протестантской этике северных европейцев, она долго числилась его главной культурной базой. Полвека тому назад теоретики модернизации считали её невозможной без освоения ценностей этой базы, скептически относясь к культурам типа исламской, отторгающей все «имплантации» (Lerner, 1958; Eisenstadt, 1964; Black, 1966). А капитализм шагал по миру, демонстрируя способность к симбиозу с разными культурами и конфессиями, что всё же было замечено (Hampden-Turner, Trompenaars, 1993; Grondona, 1999; Харрисон, 2014) и обесценило идею всеобщего пути, в реальности у всех чем-то особенного.

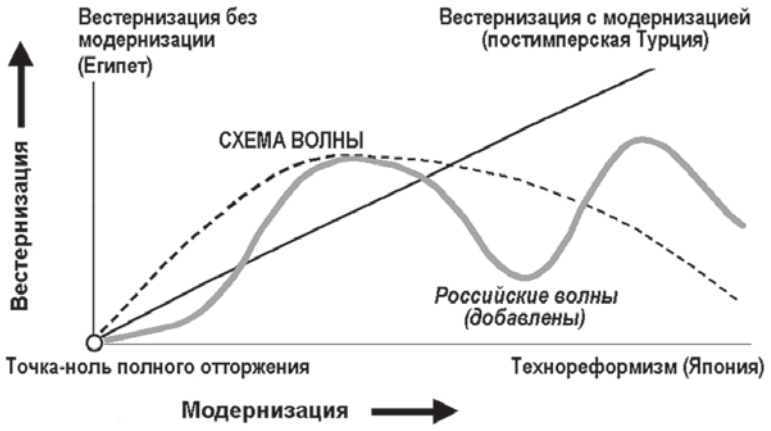

Рис. 1.10. Модернизация и вестернизация незападных стран по С. Хантингтону.

Успех зависел не от идеалов (догматов) как таковых, а от социальных позиций и качеств их адептов[10]. Это видно по роли, сыгранной при «народном» освоении и раннем промышленном развитии России крестьянами-капиталистами, среди которых было много староверов. Аскетизм, трудолюбие, предприимчивость этих людей, в том числе поморов и казаков, похожи на лютеранские, хотя религиозными новаторами они не были, индустрию (в смысле активности и усердия) не противопоставляли продажной папской индульгенции. Зато похожи отлучение от «главной» церкви, изучение Писания в общине и семье. Грамота, сплочение и присущая гонимым мобилизация – вот что отличало раскольников. Этого хватило, чтобы их след остался во многих старопромышленных очагах, ставших в XIX в. очагами модернизации России.

Как и когда то или иное культурное свойство сообщества приведёт к той или иной конкретной модернизации, предвидеть сложно. Иногда важен демонстрационный эффект успеха близкой культуры, например японской – для новых «тигров и драконов» из числа «рисовых цивилизаций» Азии. Видимо, у истории должен быть географический выбор, в том числе внутри большой страны. Иначе остаются модернизации снаружи и сверху, а они ускоряют процесс ценой расслоения общества и пространства, особенно по оси центр–периферия. Центры – это ещё и резиденции властных модернизаторов. От них исходят или через них следуют волны инноваций, которые могут не достичь периферии, увязая «на просёлках». А столь знакомые нам пространственные контрасты и разрывы чреваты срывом модернизации на уровне страны.

С. Хантингтон, анализируя в «Столкновении цивилизаций» (2003, с. 102–112) догоняющее развитие ряда стран, отметил разные соотношения технико-экономической *модернизации* и культурно-политической *вестернизации*. Это отторжение либо принятие обеих, технореформизм без вестернизации культуры (по-японски) или вестернизация без модернизации (рис. 1.10). Оставив на сове-

[10] Вот иное суждение: «…бодисатва желает пребывать в максимальной неподвижности с целью отдать все силы медитации... Вероятность того, что человек, абсолютно не желающий двигаться, изобретет автомобиль, безусловно, крайне мала» (Ортега-и-Гассет, 1993). Но как же подвижные кочевники-буддисты? И кто принёс в Европу, скажем, парные стремена? Очевидно, такой детерминизм тоже неуместен. Для изобретений и их воплощения в инновации важнее спрос, экономическая и творческая среда.

сти автора пример Египта, обратим внимание на его версию волны, ведущей от очарования чужим опытом к разочарованию в нём. Россия, о которой Хантингтон просто забыл, пережила не одну волну, веками то подражая Западу, то с ним враждуя и меняя поэтому курсы и галсы.

Рывки её модернизаций нередко сопровождало насилие. Россию «вздёргивали на дыбы», ломали культурные традиции её народов. Ещё М.Е. Салтыков-Щедрин предлагал «эффективым менеджерам» своего XIX в. просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития. В конце XX в. ему вторил В.В. Ильин: финал наших модернизационных починов – безмолвие города, только что занятого неприятелем. Ещё жёстче отзывался о модернизаторах А.С. Панарин: они опустошают и обезображивают родной пейзаж, а потом сетуют на безобразие «этой страны». Те же авторы полагали, что вестернизация в чистом виде нам не грозит (Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996, с. 9, 199; Панарин, 1999, с. 73). В то же время из истории видно, что резкий отпор внешним веяниям ведёт к обрыву или размыву модернизации, несущей с собой не одно только зло.

Исследование социокультурного пространства России как общества и цивилизации в проектах Института философии РАН (Проблемы…, 2013; Лапин, 2016) показало, что его формирование не завершено. Впредь его можно было бы базировать на сочетании ключевых общечеловеческих ценностей – жизнь и достоинство человека, ненасилие – с российскими, среди которых доминируют семья и порядок. Его заложили в концепцию гуманитарной модернизации Н.И. Лапин с коллегами, предложив общую схему ценностей цивилизационного выбора России (рис. 1.11).

Рис. 1.11. Пентаграмма фундаментальных ценностей цивилизационного выбора России (вектор реального гуманизма) по Н.И. Лапину. Прямой шрифт – ценности, отличающие цивилизованное жизнеустройство вообще, курсив – ценности, доминирующие в сознании россиян.

О макротипе цивилизации у нас спорят давно: то мы Европа, то Азия, то связующе-переходная, а то самобытно-одинокая Евразия. Тон варьирует от весьма возвышенного до презрительной «Азиопы» (несмотря на взлёт Азии, особенно Восточной). Конечно, Европа и Азия неоднородны. У нас своя Европа, Восточная, и своя Азия, близкая где к Передней, где к Центральной. И обе легко переходят от вестернизации к «остернизации» и обратно. Преобладала всё-таки европеизация, а лет 500 назад половина Русской равнины восточнее линии Харьков–Пермь была этнографической Азией (Семенов-Тян-Шанский, 1892). На волне промышленной модернизации СССР В.П. Катаев в романе-хронике «Время, вперед!» (1932) заклинал: «Никогда больше не будем мы Азией. Никогда, никогда, никогда!». Быть ею казалось обидным и неперспективным.

Таблица 1.1. Соотношения трёх этно-конфессиональных макрогрупп в Российской империи, СССР, Российской Федерации и Казахстане, % к населению страны

Группа (см. в тексте)	1897 г.			1989 г.			2009–2010 гг.	
	Российская империя[1]	Россия[2]	Казахстан[2]	СССР	РСФСР	Казахстан	РФ	Казахстан
Европейская	75,5	86,5	14,8	74,5	86,4	51,2	83,3	27,7
Азиатская	14,5	6,7	85,4	18,2	6,5	47,2	9,4	71,4
Смешанная	10,0	6,8	0,4	7,3	7,1	1,6	7,3	0,9

[1] Без Польши и Финляндии, с оценками по Хиве и Бухаре.
[2] По кругу губерний, областей и т.п., центры которых попадают в пределы современных стран.

Рис. 1.12. Этно-конфессиональная Европа и Азия в современной России и на смежных землях (без островов, не составляющих отдельных регионов; в 1897 г. – по губерниям и другим основным единицам АТД с центрами в составе России на 2010 г.).

Какова пропорция европейских и азиатских культур в России? Упрощая задачу, сгруппируем этносы и конфессии по данным переписей. *Европейскую* группу образуют христиане-индоевропейцы и западные финно-угры. *Азиатскую* – ирано- и тюркоязычные мусульмане и буддисты с алтайскими или сино-тибетскими языками. Все представители кавказской семьи и уралоязычные этносы, расселённые к востоку от некогда рассёкшего их русского клина, тюрки-христиане, цыгане, евреи и др. – это *смешанная группа* с противоречивыми признаками (на-

пример, смесью традиционных культов и православия, усвоенного в разное время и в разной мере). Выходцы из других частей света не влияют на долю главных групп. В СССР и РСФСР она с 1897 г. менялась мало (табл. 1.1). А вот Казахстан стал было евроазиатской страной, но ею не остался, возвращаясь к азиатской структуре населения: доля «европейцев» там продолжает убывать[11].

Регионы отнесены к европейским или азиатским, если доля одной из групп в их населении выше 2/3. Все прочие считаются смешанными. Налицо прибавка регионов последнего типа, как и доли смешанного населения в других ареалах, в том числе за постсоветское время. Собственно азиатским в 2010 г. признан только один регион – Тыва, которой не было в составе России в 1897 г. (рис. 1.12). На рисунке видны примерно одни и те же ареалы смешанного состава: северо-восточный, южносибирский, где Акмолинскую область, преимущественно казахскую, но с центром в Омске, заменила Республика Алтай, волго-уральский и кавказский, где доля европейцев ниже всего (в Ингушетии – не более 1%). Поэтому европейская часть России чем южнее, тем как бы восточнее.

С 1990-х годов стягивание ряда меньшинств в их «титульные» регионы вызвало «коренизацию» этнических структур (Стрелецкий, 2012 и др.). Тем не менее, русский пояс по-прежнему тянется через всю страну. В ходе истории он вбирал в себя представителей западных окраин. Внутри него с распадом СССР усилилось культурное расслоение по оси центр–периферия и между регионами, в том числе с субэтнической окраской. Это уже та сторона этнокультурного разнообразия, которая вместе с другими факторами приводила к распаду империй, а позже и федераций: СССР, СФРЮ, ЧССР. Дело не только в том, что одни их наследники ныне живут неплохо, а другие выживают, забыв о модернизации и прочих сложностях. Плывущие в разные стороны большие геополитические «льдины» часто оставляют между собой лакуны непризнанных государств и незатухающих конфликтов. Они дестабилизируют и сами «льдины», чьи позиции в отношении этих проблемных ареалов сплошь и рядом различны, даже диаметрально противоположны. Современная Россия с долей странообразующего этноса более 3/4 всё же прочнее Российской империи или СССР, где эта доля составляла 40–50%. Впрочем, она не выше в ряде российских республик и округов, включая самые обширные.

«Квадратное колесо» догоняющей модернизации

Критически настроенные исследователи российских модернизаций называли их догоняющими, мобилизационными, порывистыми, фрагментарными, поверхностными, незавершёнными (Российская…, 2008 и др.). В этих определениях есть доля истины, и надо без лишних эмоций понять, какая именно и почему так получается.

Если наше развитие оставалось догоняющим, а не опережающим, но не настолько вялым, чтобы отрыв тех, кто лидировал и за кем шла гонка, резко нарастал, то это значит, что страна а) изначально отставала и б) старалась преодолеть отставание, хотя вполне его не устраняла. Сразу возникает вопрос о степени отставания. Её признаки должны быть индикативными для эпох и не самыми частными. Ключевыми инновациями европейского Средневековья можно считать распростране-

[11] В исходных данных заведомо неполон учёт мигрантов-гастарбайтеров и другого временного населения. Это может влиять на итоги, но не на основные тенденции.

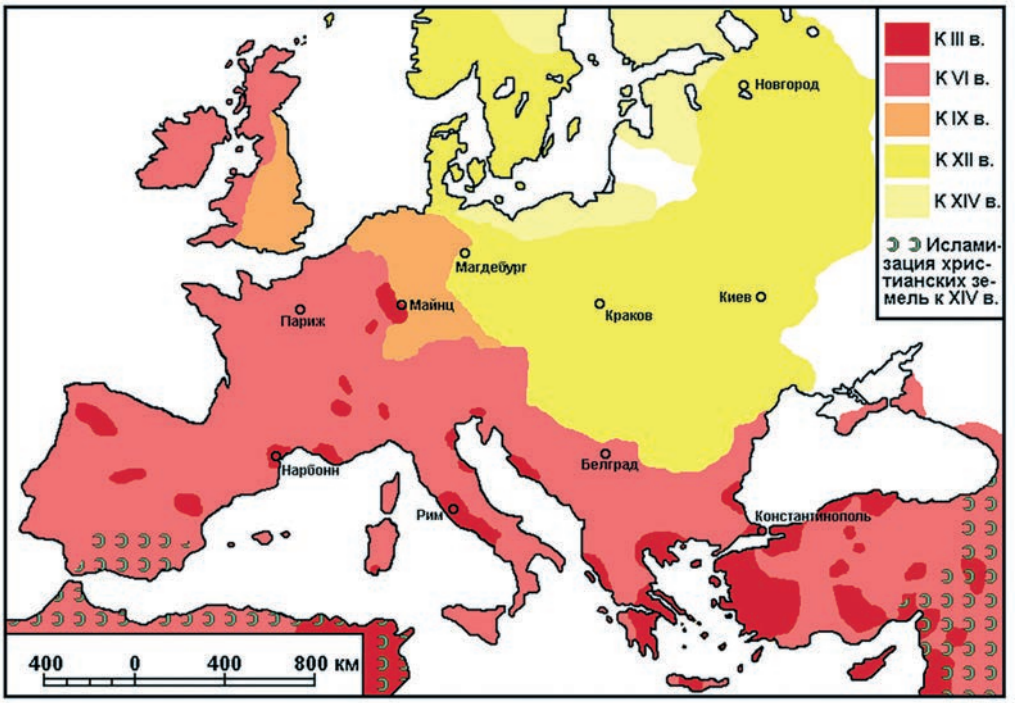

Рис. 1.13. Распространение христианства в Европе. Составлено путём комбинации разных исторических карт.

ние мировых религий, а также феодальных систем социальных и земельных отношений. При обилии нюансов в них есть основа, допускающая сравнительную хронологию. Она показывает, что Русь отставала по этим признакам от Западной Европы (сначала южной и юго-восточной, потом северной) очень сильно – примерно на полтысячелетия.

Христианство запоздало на 400–600 лет, как и в Скандинавии, опередив литовские и финские земли, славянское Поморье на 300–400 лет (рис. 1.13). Этот институт пережил века разных испытаний, не считая случаев вторичной исламизации и атеизма в более позднее время. Иная судьба у других макроинноваций.

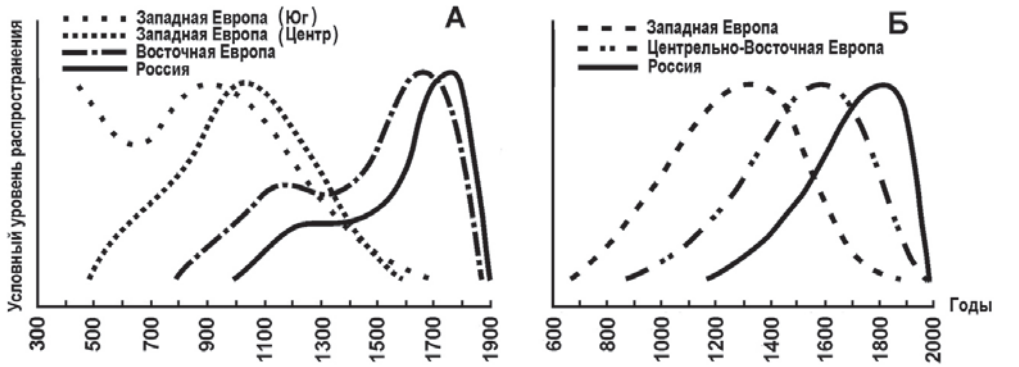

Рис. 1.14. Распространение: А – серважа (крепостничества) и Б – трёхпольной системы земледелия в Европе и в России: генерализованные схемы.

Фазы подъёма и расцвета ярко выраженных форм личной и земельной зависимости разделял ещё больший интервал. Римских колонов-арендаторов Константин Великий в 332 г. «навечно» прикрепил к земле. Наседавшие на Рим варвары своих рабов-сервов тоже сажали на землю. На юге серваж достиг апогея в IX–X вв., в Англии, Германии – двумя веками позже, Скандинавию едва затронул, а с XII–XIII вв. слабел, отмирал. На востоке Европы пахари в полной мере не ощущали его до XVI в. (рис. 1.14А). И тут его крепостная версия уходила не постепенно, а отменялась радикальными реформами. Россия пережила при этом ускоренно-догоняющее развитие. Общинное трёхполье с пара́ми на западе Европы (на юге оно иное по природным условиям) велось с VII–IX вв. и достигло зенита к XIV в. На севере Киевской Руси оно освоилось лет на 600–700 позже, чем на её юге и в середине Европы, затем расширялось и в основной полосе расселения продержалось до 1930-х годов. Но фаза вытеснения тоже круче и меньше отстаёт от западной (рис. 1.14Б).

Причины столь резкого различия видят в засилии государства, «азиатчине» и т.п. Но в Азии (Индии, Китае) феодализм, по классическим представлениям, возник раньше и прожил дольше, чем в Европе, а в России запоздал и в начале, и в конце. Его устранили «сверху», навязав стране догоняющее развитие, чреватое рецидивами неизжитого строя.

Индустриальное время течёт быстрее аграрного. Его метрику отражает система технико-экономических циклов: промышленных революций раз в столетие, полувековых волн (циклов) Н.Д. Кондратьева и более коротких С. Кузнеца, К. Жуглара, Дж. Китчина, причём в каждом большем по два меньших. Отрыв лидеров от аутсайдеров на порядок умереннее. Так, машинная индустрия пришла в Россию на одну кондратьевскую волну позже Англии и сохраняла лаг до 1930–50-х годов, когда он сократился, но, как оказалось, не окончательно (География…, 2004, с. 53–60, 419–442, 502–514; Трейвиш, 2009 и др.).

История и география СССР в структурно-экономическом отношении – это история и география индустриализации как залога выживания «осаждённой крепости». Обсуждали два её сценария: *рыночный* и *мобилизационный*. Один защищали экономисты Кондратьев, Юровский, Чаянов и партийцы Бухарин, Рыков. Другой – Струмилин, Вознесенский, Троцкий и сам Сталин. Его слова о том, что мы отстали от передовых стран на 50–100 лет и должны пробежать это расстояние в десять лет, «…либо нас сомнут», свидетельствуют, что вождь знал труды репрессированных им экономистов и даже угадал срок до новой мировой войны (хотя прозевал нападение Гитлера на СССР).

Госплан сначала делал ставку на старые районы, а потом уделял им всё меньше вложений. Но даже в 1950 г. они давали 2/3 продукции – больше, чем в 1925 г. (табл. 1.2), несмотря на усиление стратегических тылов на Волге, Урале и дальше. Смена отраслей и укрупнение предприятий привели к росту скорее компактных промышленных узлов, чем районов, типичных для старой России (рис. 1.15). Освоение новых земель, создание городов «на пустом месте» в те годы преувеличивали (Минц, 1974). Анализ практики опроверг мифы о равномерном размещении и резком сдвиге индустрии на восток. Его вклад в производство не превышал 20% из-за низких цен на сырьё и топливо.

После Сталина опять встал вопрос о потребительском или мобилизационном пути развития. И через 15 лет колебаний опять был выбран второй – ради военно-технического паритета с НАТО. Брежневскому СССР помог мировой энерго-

Рис. 1.15. Промышленность Российской империи (европейская часть и Урал, вверху) и СССР времён первых пятилеток (внизу). Легенда общая для обеих частей рисунка.

Таблица 1.2. Динамика индустрии и групп её районов на территории современной России

Год	1900	1925	1950	1975	2000	1900	1925	1950	1975	2000
Показатели	Число работников, млн чел.					Продукция в ценах 2000 г., млрд руб.				
Всего*	1,9	2,2	10,8	21,4	13,3	22	37	579	4705	4759
По группам районов:	То же в %, округлённо					То же в текущих ценах, %, округлённо				
старопромышленные**	64	61	42	40	33	60	65	67	42	32
другие европейские	30	33	39	41	47	33	31	27	38	40
азиатские (за Уралом)	6	6	19	19	20	7	4	6	20	28

* Оценка по (Россия…, 2002, с. 217–218). Остальные цифры – по данным статистики разных лет.
**Петербург–Ленинград с окружением, Промышленный Центр с Нижегородской областью, Средний Урал.

кризис 1970-х годов: на нефтедоллары за рубежом покупали зерно, в расчёте на них приняли мегапрограммы по БАМу и Нечерноземью. Однако холодная война мешала ввозу новейшей техники. К 1985 г. страна в сотни раз уступала США по числу больших ЭВМ, не говоря о персональных. А цены на нефть тем временем расти перестали.

Рис. 1.16. Качение квадратного колеса «вторичной» модернизации. Иллюстрация автором образа Н. Вернек Содре.

Экономика позднего СССР была индустриальным колоссом на слабом аграрном фундаменте под худой сервисной крышей. Основание расшатывали социальные сдвиги: неприхотливого крестьянина сменил наёмный рабочий, чей спрос на товары и услуги не покрывал дефицитный рынок. Противоречива советская модернизация пространства: рост городов в разных частях страны расширял её базу, однако к новому постиндустриальному сдвигу были готовы немногие из них. Пространство же постсоветской России всё сильнее сжимается к центрам, оголяя внутреннюю периферию.

Итак, эпитет «догоняющие» в отношении прежних модернизаций справедлив и во многом объясняет другой: «мобилизационные». Осознавая угрозы отставания, правители «вздёргивали Россию на дыбы», прибегая к военизированным методам «для её же блага». Но долго так нельзя: страна устаёт, тормозит, просто засыпает. В общем, то чего-то ждёт, то напряжённо догоняет, а ждать и догонять, по пословице, хуже нет. Бразильский историк Н. Вернек Содре (1976, с. 98) уподобил такое развитие движению квадратного колеса, которое с усилием ставят на угол, после чего оно падает на плоскость и замирает (рис. 1.16). Отсюда такие оценки модернизации, как порывистая, импульсивная. Возможно, Россия стала страной великих реформ и реформаторов, революций и революционеров потому, что не могла обновляться понемногу, частыми импульсами, идущими снизу, от общества. Эта же особенность объясняет резкие перепады оценок её пространства и развития, их восприятия обществом и его элитой.

Восприятие российского пространства и его модернизация

При изучении «второй» исторической реальности нельзя применить современные социологические методы анализа массового сознания. Доступнее письменные источники: художественные, публицистические, философские. Они отражают образ мыслей наиболее образованных слоёв, позволяя выявить хотя бы их отношение к пространству страны в то или иное время.

В 1831 г. А.С. Пушкин написал стихотворение «Клеветникам России», обращаясь к Западу, клеймившему империю за жестокое подавление польского восстания. Там были знаменитые строки:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля до стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая, не встанет русская земля?

Прочитав их, друг и коллега Пушкина П.А. Вяземский записал в дневник: «Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: “От Перми до Тавриды” и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст…» (Вяземский, 1963, с. 214).

В том же ряду – идеи объявленного безумным П.Я. Чаадаева, который считал, что пространство России как бы съедает историческое время[12]. Отзывы о дорогах и муках езды по ним находим у самого Пушкина (в «Евгении Онегине») и французского маркиза А. де Кюстина, отметившего в 1839 г. парадоксы нашего отношения к дистанциям: «В России нет расстояний, говорят русские…, но грустный опыт заставляет меня утверждать диаметрально противоположное: только расстояния и существуют в России. Там нет ничего, кроме пустынных равнин, тянущихся во все стороны…» (Кюстин, 1996).

Откуда это «географическое уныние», что заставило остро ощутить размер страны и слабость её коммуникаций в первой половине XIX в.? Раньше просторы не пугали и даже воодушевляли, например, М.В. Ломоносова, сулившего приращение могущества России Сибирью. Одна из вероятных причин – отсутствие в XVIII в. и ранее разницы в скорости езды, составлявшей 10–20 км/час по суше и воде (в России быстрее всего зимой санным путем). Но в Европу с индустрией угля и стали пришли железные дороги, сжав и без того меньшие расстояния, а Россия отстала и остро осознала это на опыте Крымской войны 1850-х годов. Отстала временно. К 1914 г., уже с Транссибирской магистралью, она вышла на второе место в мире после США по протяжению рельсовых путей.

Мнения обладают своей инерцией. Критика пространства, его обустройства и роли в развитии России не стихала. Можно вспомнить слова Н.А. Бердяева об ушибленной ширью душе, о том, что огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко – их организация в величайшее в мире государство.

[12] Вот выдержки из его «Философических писем» (1836) и «Апологии сумасшедшего» (1837). «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя». «У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые». «Есть один факт, который властно господствует над нашим Историческим движением,… является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический» (Чаадаев, 2009).

Или тезис В.И. Ленина о возможности роста капитализма вширь на новой земле, что замедляет его развитие вглубь на старой. Это всё та же мысль: география, пространство довлеет над историей, развитием. Но звучали и другие голоса. Так, Д.И. Менделеев (1906) обещал, что центр населённости России будет идти дальше на восток. В.П. Семенов-Тян-Шанский (1915) предлагал для российской системы территориального владения «от моря до моря» скорейшее развитие середины страны между Волгой и Енисеем. В этом русле работали и такие практики, как С.Ю. Витте, П.А. Столыпин.

Самый яркий советский период «географической эйфории» связан не столько со строительством дорог или каналов, сколько с общей гордостью участников великого социального эксперимента, с шагами промышленной модернизации СССР и переосвоения его территории. Отсюда «Широка страна моя родная», «Нам нет преград ни в море, ни на суше» и т.п. Эксперименту предстояло охватить Землю, стереть расстояния и границы. В уже упомянутом романе В. Катаева «Время, вперед!» сказано, что революция идёт на Восток с тем, чтобы прийти на Запад, и никакая сила в мире не может её остановить. Смесью этого мессианства с грозовой предвоенной атмосферой дышат строки П. Когана: «Но мы еще дойдем до Ганга, // Но мы еще умрем в боях, // Чтоб от Японии до Англии // Сияла Родина моя».

Энтузиазм и пафос угасали, и к концу XX в. тяготы державности вызвали среди прочего поиск тихих малых родин. Поэт-диссидент И.А. Бродский писал:

Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далёко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.

Хандра опять связана с отставанием, в том числе транспортным. Длина железных дорог даже в РСФСР осталась второй в мире (сейчас она третья после китайской, не считая ЕС как целого). По их плотности на всей территории Россия близка к Австралии, Ирану: 5 км/100 км². Автодорог меньше, чем у всех стран-гигантов и даже Японии, Франции, а их сеть одна из самых разреженных. Зато в XXI в. сделан рывок в мобильной связи. Не только Россией, не на нашей технике, технологиях. И связь не вполне заменяет транспорт, но именно для такой страны она очень важна.

Итак, восприятие пространства циклично как его модернизация и отчасти с нею сопряжено. Мыслящие элиты пугал не размер пространства, а его «трение» и замедление всякого движения: людей, идей, импульсов модернизации. Приступы «географического уныния» совпадали не с расширениями, а с застоями и провалами страны, в том числе по технике сообщений; восторги – с рывками догоняющего и опережающего развития, даже иллюзорного. Проблема виделась *не в безбрежии России, а в бездорожье*. Бороться с ним должен транспорт, а его развитие осложняет другая проблема – ведомственная. У нас нет единой транспортно-коммуникационной системы в институциональном смысле, хотя де-факто пространство впитывает всё: инновации, архаизмы, узкие места, ухудшающие его доступность, проницаемость и т.п.[13].

[13] Концепция единого транспортного пространства была предметом проекта «Модернизация транспортного пространства» Института проблем транспорта им. Н.С. Соломенко РАН. (О.В. Белый и др.).

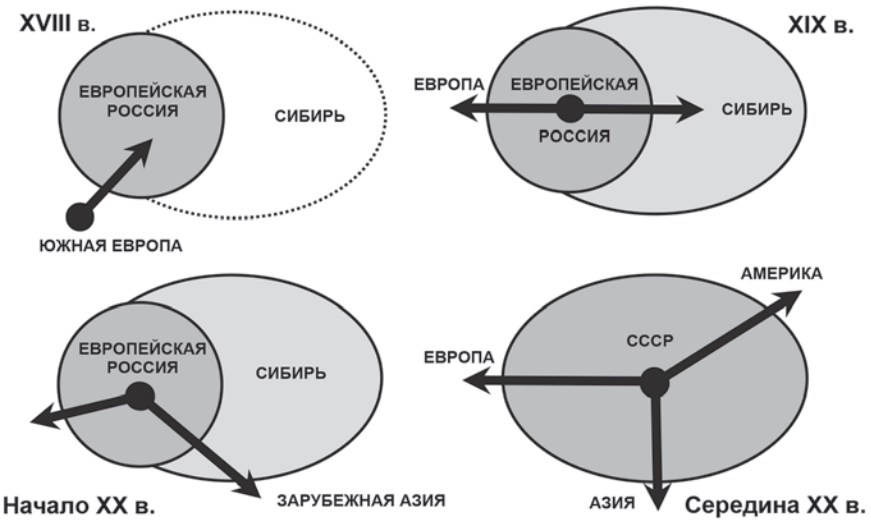

Рис. 1.17. Геосхема преобладающих поэтических взглядов на страну и внешний мир в XVIII – начале XX вв. по О.А. Лавреновой (1998) и в советское время (добавлено).

Интересны итоги геопространственного анализа русской поэзии XVIII – начала XX вв. (Лавренова, 1998). В XVIII в. поэты видели европейскую часть страны, но ещё не Сибирь, как бы извне, с юга Европы через античную и ренессансную оптику. В XIX в. из столицы, усадьбы, с Кавказа они в надежде или страхе смотрели на Запад и зверино-рудно-каторжную Сибирь: поэтическое пространство прирастало ими. Позиция в начале XX в. та же, а взору уже открыта и загадочная, манящая Азия (рис. 1.17). Добавим сюда эпоху СССР, где внутренняя дихотомия запад – восток стирается, а муза зарубежья летит дальше (в Африку, Океанию всё-таки реже: для детей или шутки). Затем могли нарастать локализация и фрагментация геопространства поэзии, как и социально-экономического пространства страны. Вернулись раздумья об отношениях её истории с географией. По Г.Д. Гачеву (2008), несовпадение шага Пространства и такта Времени – закономерность истории России, её вечная судьба и трагедия.

Массовое восприятие зависит от СМИ – посредников между элитой и обществом. Одно время их считали верным средством наставления народов на «путь истинный», хотя скептики сомневались, отмечая когнитивный диссонанс при столкновении с базовыми ценностями (Katz, Blumler, 1974 и др.) и не видя поэтому в уровнях охвата и т.п. большого смысла. Пропаганды в СМИ это не убавило, и её эффект всё-таки обнаруживали, находя, однако, что он усиливает «культурный империализм», неравенство центров и периферий. В докладе ЮНЕСКО о многоголосом мире (Many…, 1980) даже звучал призыв к соблюдению баланса информационных потоков между мирами.

Люди ловят в них то, что им ближе. Так, в русской глубинке местную прессу читают чаще центральной, а по телевизору смотрят федеральные каналы, но не любят ток-шоу и западное кино. «Модернизированные» обладатели спутниковых антенн выбирают программы об охоте, рыбалке, путешествиях (Потенциал…, 2014, с. 190–209). Судя по обследованиям, у этих людей нет ясного образа России и даже города, транслирующего свои инновации и ценности. Всё же гламурный образ мегаполиса – фактор притяжения, ускоряющий отток с периферии

молодёжи. Поездки на заработки, от ежедневных до дальних и долгих (отхода), практикуют мужчины среднего возраста. Глубинка теряет работника, но остаётся семья, а значит и поселение. С другой стороны, впечатления, экзотика, отдых и новые занятия на природе, в том числе благодаря образам СМИ, манят туристов и дачников. В депопулирующей глубинке они покупают и строят дома, прямо или косвенно содействуя модернизации инфраструктуры, но редко – производства.

Маятник (цикл) инноваций, реформаций и регионализаций

Когда в 1855 г. трон Николая I занял Александр II, тоже слывший крепостником, писатель-славянофил А.С. Хомяков утешал знакомых: правители в России чередуются, и коли один дурной, другой будет хорошим (Эйдельман, 1989, с. 114). Кажется, это первая русская версия «закона исторического маятника», или цикла (маятник – это осциллятор, дающий волнообразные колебания-циклы). В широком плане их изучали Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Г. Менш, оба Шлезингера[14], К. Фриман, Ф. Бродель, С. Меньшиков, В. Рязанов, Е. Гайдар, С. Глазьев, В. Садовничий, А. Акаев, А. Рудской, В. Пантин, В. Лапкин, В. Ильин. У математиков, экономистов, историков, политологов циклы разные, но между ними обычно находят взаимосвязи.

В условиях рынка цепи импульсов выглядят примерно так. Спад экономики на базе прежнего технологического уклада стимулирует венчурный капитал к поиску изобретений и открытий, их переплавке в инновации. Власть, если её меняют, достаётся реформаторам. На восходящей волне новшества тиражируются, но модернизация ведёт к социальному расслоению, протестам и политической реакции, нередко с перераспределением благ. Нисходящая волна насыщает спрос на новые продукты, и всё повторяется. Эта схема, набросанная ещё Кондратьевым, работает при всех режимах, но они влияют на ритмику волн. Верхний поворотный пункт неизбежен из-за старения фондов и ограниченности рынков сбыта, а вот подъём может потребовать от власти специальных мер модернизации и мобилизации ресурсов.

Споров и проблем в «циклологии» немало. Они касаются индикаторов, датировок и длительности волн в разных сферах и странах. Отчасти это вопрос генерализации. Многоволновой инновационный процесс при подробном отображении выглядит так, словно разные «осциллограммы» заполнили весь «экран». Однако, как показал Г. Менш и подтвердил эмпирически современный автор М. Хироока из Института техноэкономики в Киото, инновации на подъёме кондратьевского, или К-цикла, всё же образуют пучки и дают синергетический эффект. Исключения в виде долгих, магистральных волн Хироока назвал инфратраекториями. Те и другие для двух последних К-циклов и ожидаемого следующего, по общепринятому счёту шестого, показаны на рис. 1.18.

Чаще всего циклы прошлых модернизаций обобщают и осредняют. Это обобщение, среди прочего, пространственное, в пределе – по всему миру или по странам-лидерам. В Новое время ими были страны Запада, которые подхватывали и выхватывали друг у друга инновационную эстафету. Чем детальнее географический масштаб, тем вероятнее сбои ритма, сжатия или растяжения волн, колебания их уровней. На всех графиках для мира и России (рис. 1.19) видна

[14] А. Шлезингер-старший в 1920-х годах обнаружил в США политический цикл с той же чередой либеральных реформ и консервативных реакций (Циклы…, 2010, с. 28).

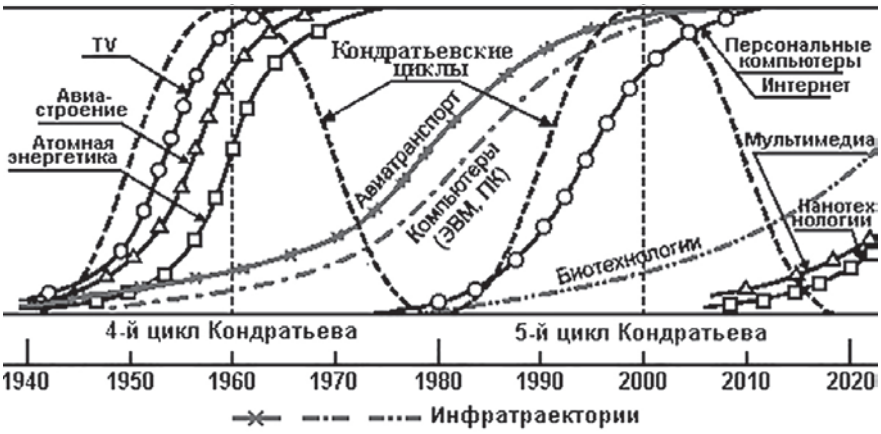

Рис. 1.18. Диффузия инноваций при прохождении последних К-циклов по (Hirooka, 2006). Ось ординат – условная доля завоеванного рынка.

тенденция к укорачиванию цикла, но не вполне последовательная в экономике и, тем более, в политике.

Кондратьевская кривая впечатляет советской модернизацией, почти сдвоившей 3-й и 4-й К-циклы, сжавшей их до четвертьвековых отрезков и заметно сократившей разрыв с лидерами. Парадоксально, что скачок опирался на фордистские технологии и жёсткую дисциплину монотонного труда, чуждого русскому характеру. По мнению его знатоков, краткое лето веками прививало крестьянам привычку к авралам и релаксациям. Советское промышленное «лето», похоже, стало долгой страдой нации, пока «сталинская» инерция роста не иссякла. Пятый цикл и технологический уклад, уже в рамках постиндустриальной эпохи, Россией недоосвоены. По ряду оценок, до 4/5 её валового продукта создаётся в отраслях прежних укладов (в США их вклад в 4 раза меньше). О модернизации структуры экономики у нас говорят четверть века, а результатов немного.

Циклы реформ и контрреформ зависят от «субъективных факторов» и ещё менее регулярны. Так, Николай II, по схеме маятника, должен был стать реформатором, но сразу отказался от этой роли. Дело кончилось серией революций. Политические циклы на Руси ищут с IX в. (Рязанов, 1998), но надёжнее, конечно, более поздние. Замечено (Циклы…, 2010 и др.), что у нас модернизаторство усиливается на пиках западных, а не своих К-волн (главный сбой произошёл в начале XX в.), и сопровождается кризисом, а экономический подъём приходится на волну контрреформации. Её могут понимать как отказ от всего, достигнутого ранее. Даже не будучи таковым фактически, время контрреформ сдерживает модернизацию, рождая эффект её незавершённости, и чреват политическими эксцессами. Долгие российские правления, начиная ещё с Ивана Грозного, вмещают обе фазы цикла и делятся на «ранние» и «поздние». Сегодня версии этой эволюции включают приёмы, имитации, имаскирующие торможение реальных реформ.

Весь цикл от реформы до реформы в среднем занимал в XIX в. около 50 лет, а в XX в. сократился примерно до 35 лет. Если начало нынешнего цикла датировать 1985–1990 гг., то нового надо ждать с 2020 г., что и прогнозирует часть экспертов. Каким он будет, неизвестно, это вообще оценка не по шкале «хорошо – плохо», а просто по интенсивности и направлению процессов. Видимо, в кон-

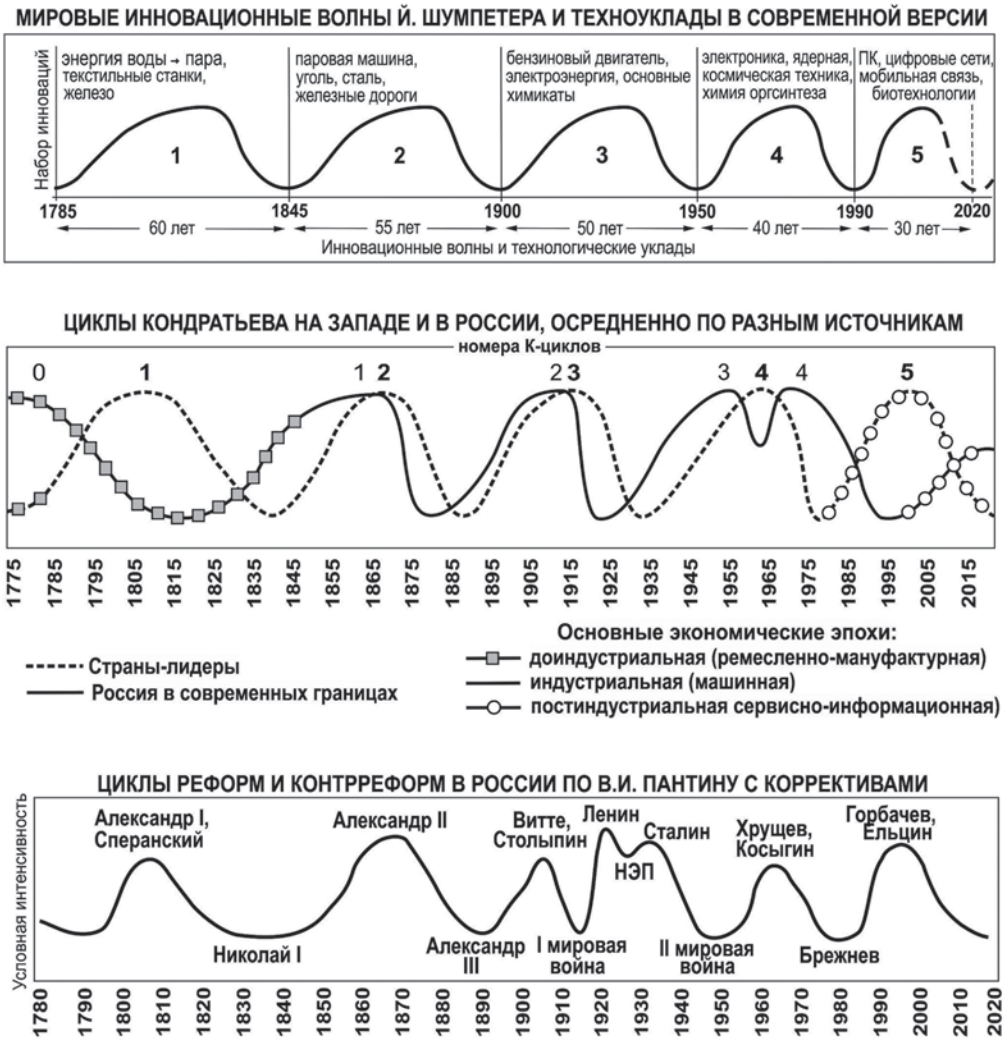

Рис. 1.19. Технические, экономические и политические циклы конца XVIII – начала XXI вв.

кретной обстановке многое будет зависеть от исхода текущего кризиса на фоне пандемии COVID-19, ситуации у соседей России и т.д..

Прогноз особенно сомнителен, когда речь идёт о геопространстве во всей его полимасштабности, о многих инновациях и полисценарном развития. Распространяясь в пространстве, инновационные волны, каждая со своей скоростью и амплитудой, создают сложные комбинации. Даже зная о нелинейности процессов, можно при этом впасть в стандартные ошибки, избыточный оптимизм или пессимизм.

На условной схеме (рис. 1.20) показаны несколько волн инноваций, различающихся темпами и широтой диффузии. По мере их выхода из первичных очагов зарождения зоны охвата пространства до какого-то предела растут. В момент t_1 наличные нововведения I_1 и I_2 расширяются, и прогноз по экстраполяции обещает дальнейшую экспансию. В момент t_2 эти ранние инновации тают, а новые I_3–I_5 с их ареалами малозаметны. Скоропалительный диагноз и прогноз, видимо, будут печальными, хотя тренд благоприятнее, чем в момент t_1, а инновационное

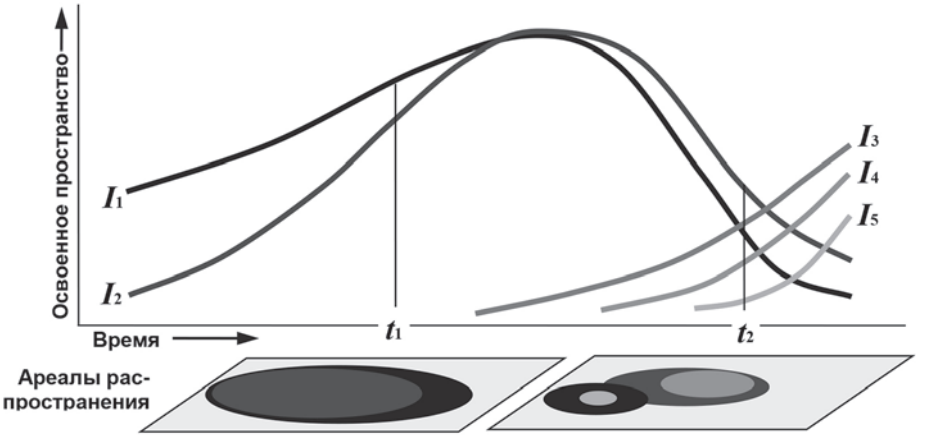

Рис. 1.20. Общая схема многоволнового инновационного освоения пространства.
I_1 –I_5 – инновации по порядку их зарождения;
t_1, t_2 – временные «срезы» для иллюстрации пространственных результатов процесса.

пространство качественно более разнообразно, что по-своему ценно и перспективно. Так под действием инновационных процессов социально-экономическое пространство пульсирует, чередуя периоды сжатия и растяжения.

Фазы модернизационных волн, обновляя хозяйство и общество, не всегда резко меняют их территориальные структуры, а если меняют, то по-разному. И подъём, и спад могут как нивелировать статистический рельеф, выравнивая его «вверх» или «вниз», так и расчленять, дифференцировать (рис. 1.21). Кстати, поэтому региональные наука и политика должны быть именно полимасштабными, то есть учитывать ход процессов на разных пространственных уровнях. В реальном социально-экономическом пространстве к тому же широко варьируют формы этого «рельефа» и их дислокация.

Разную географию смежных фаз цикла применительно к регионам России отражает рис. 1.22. При спаде 1990-х годов увеличивали или сохраняли вклад в общую сумму ВРП сырьевые регионы Севера и Востока, части Урала и Повол-

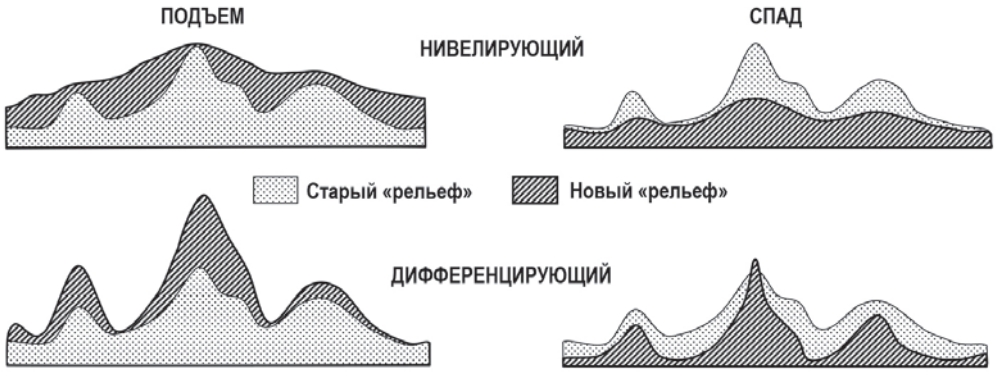

Рис. 1.21. Основные комбинации «глобального» тренда с динамикой условного статистического (социально-экономического) рельефа. Схема-разрез.

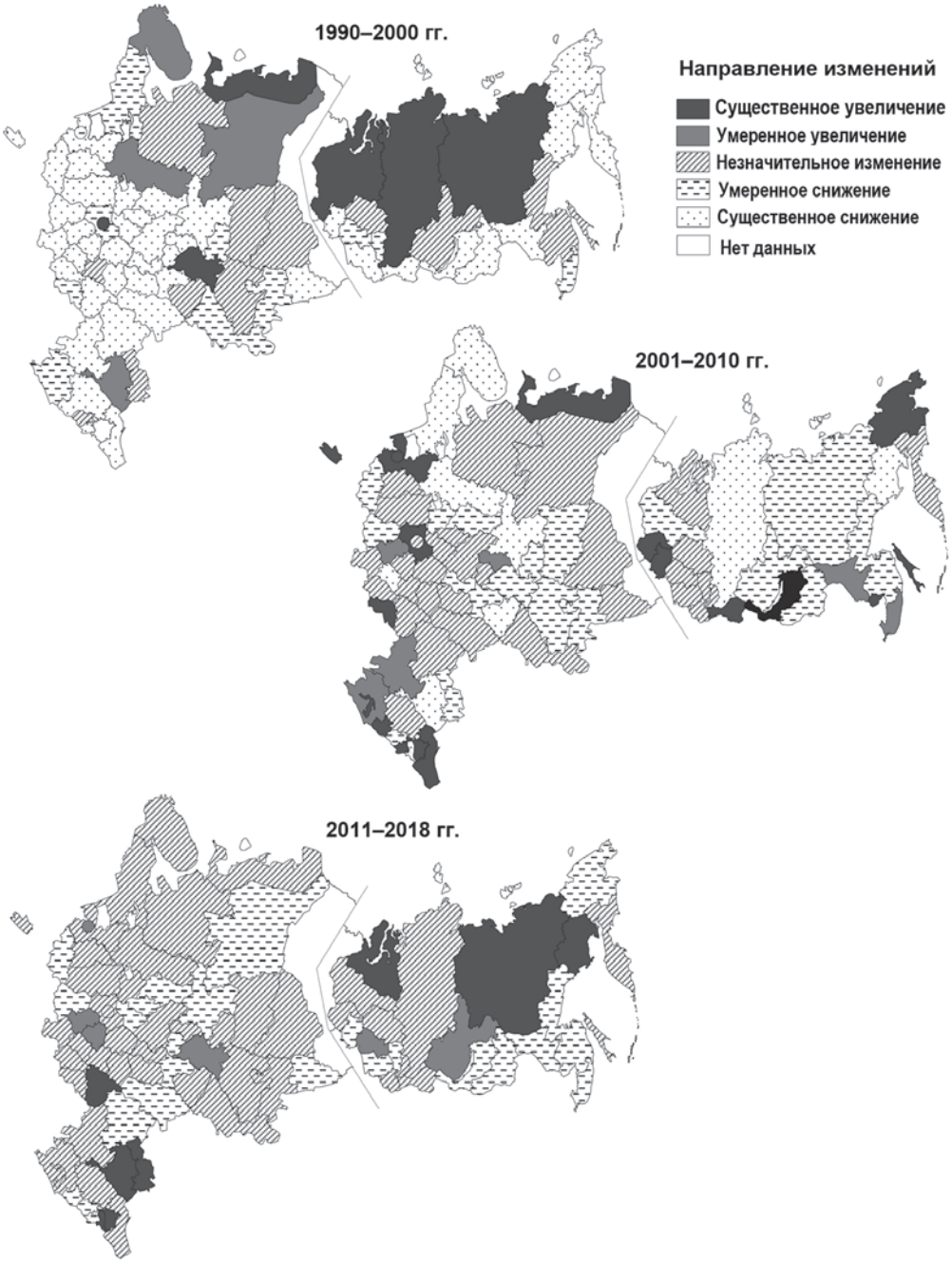

Рис. 1.22. Изменение вклада регионов России в их суммарный валовой продукт (в 1990 г. – общественный с дооценкой продукции сферы услуг), без Крыма и Севастополя ввиду недостатка данных.

жья. Восстановительный рост 2000-х годов больше затронул окраины: южные, «регионы-ворота», новые нефтегазовые, растягивая экономическое пространство и не повторяя ни картину 1990-х годов, ни советскую. Менее длительный период 2011–2018 гг. отличался не столь яркой динамикой и картиной сдвигов – скорее снова в пользу ряда сырьевых восточных регионов. Можно отметить,

что кризисы сначала зачастую приносят признаки «нивелирования вниз», более сильного проседания благополучных центров, чем бедной, невзыскательной периферии. Впрочем, они заметнее внутри регионов, чем в межрегиональном масштабе. Нельзя обойти стороной и такое явление, характерное для многих стран, особенно больших, как регионализм и регионализация. Регионализация, о которой говорили у нас в 1990-е годы, была, по сути, бумом регионализма. Он, как представляется автору этих строк, состоит из триады явлений: 1) региональной идентичности, самосознания, патриотизма; 2) их воплощения в более или менее радикальные и успешные общественные движения; 3) учёта интересов регионов в политике на основе признания регионального бытия и развития как формы самоорганизации общества.

Регионализм, антоним централизма, растёт из протеста против жёсткой и мелочной опеки регионов центральной бюрократией. В России он выходит на свет при резком ослаблении центра и местами быстро преображается в сепаратизм – отчасти реакцию на подавление даже невинных форм регионализма из опасения «как бы чего не вышло». Но, в конце концов, тогда и «выходит». Таким образом, волны регионализации и централизации оказываются тесно связанными с судьбой всей страны.

Обе великие смуты XX в. доводили её до полураспада. При этом кризис державной идентичности вызывал рост этно-региональной, а затем «парад» суверенитетов и сецессий, когда народный этатизм уходил в регионы, на этаж ниже. В 1917–1922 гг. на развалинах империи провозглашалось до 70 государств. Чаще всего они были эфемерными, но именно оттуда – многоэтажное федеративное устройство СССР и РСФСР. Более того, укрепив вертикаль, но ещё не включив «форсаж» модернизации, советская власть попыталась использовать потенциал регионализма, создав большие относительно самодостаточные административно-экономические области. В 1930-х годах они начали мешать наркоматам решать задачи индустриализации в масштабе страны и стали исчезать. В 1950–60-х годах Н.С. Хрущев возродил территориальное начало управления в рамках совнархозов. Их опять смели центральные ведомства эпохи Брежнева. Наконец, в 1980-х годах идея «регионального хозрасчёта» обернулась распадом СССР и регионализацией России 1990-х годов (подробнее см. Трейвиш, 2009).

Рис. 1.23. Условная схема волн регионализации – централизации России.

Волны стихийных либо плановых регионализаций разделяли 30–40 лет (рис. 1.23). Заметно их соответствие реформаторским волнам и межволновым ложбинам К-циклов (см. рис. 1.19). То есть регионализация совпадала с перепутьем, когда власть была не тверда в выборе эволюционной или мобилизационной модели, а тем временем пыталась как-то учесть разнообразие страны и приблизить управление к «местам». Вскоре всё это отменяла волна централизации и мобилизационного прорыва в новый уклад. Он не ладил и не считался с регионами. Лозунг их гармоничного комплексного развития оставался лозунгом – как бы на память о фактически отменённой регионализации. Этот откат мог опускаться до уровня гиперцентрализма. Если исходить из вышеупомянутого прогноза с пролонгацией волнового ритма, то примерно в 2020–2025 гг. надо ждать волны регионализации пока неизвестной силы. Это, без сомнения, фактор риска и серьёзный вызов для России.

Исторические «уроки» и новые вызовы (зачем и кому нужна модернизация)

Как сказано вначале, уроки здесь условны, и само слово лучше брать в кавычки. Это не прописи и не рецепты от всех болезней, а скорее информация к размышлению. Кроме того, известно, что уроки истории (и географии) мало кого учат или учат плохо. Но если они совсем не поняты, не усвоены наукой и обществом, то чреваты новыми бедами. Поэтому всё же попытаемся их сформулировать.

Первый «урок» гласит, что модернизация не самоцель, её нельзя абсолютизировать, забывая об относительности и побочных эффектах. Ими легко объяснить, но не оправдать отрицание модернизации как инструмента решения ряда задач. И это такой инструмент, отказ от которого чреват не меньшими издержками, чем безоглядное применение. Первый «урок» носит самый общий характер, он относится не только к России и к её географическому пространству. Следующие касаются их в большей степени.

Второй «урок» состоит в том, что главные проблемы модернизации связаны не с размером страны, а с «трением» пространства, расстояний и со средствами их преодоления, а также с нехваткой яркой, привлекательной перспективы развития.

Третий «урок» таков. Признавая значение культуры для модернизации, его тоже нельзя преувеличивать. Перегородки между культурами – не китайские стены. Традиция только формально – антипод новации и не обязательно служит её барьером.

Четвёртый «урок»: пространство модернизации непостоянно. Оно пульсирует, чередуя фазы растяжения и сжатия, дифференциации и интеграции. При обилии объектов, структур, местоположений, в географическом пространстве возникает масса различных форм инновационных ареалов и их сочетаний.

Пятый «урок» связан с таким видом социально-пространственного разнообразия, как регионализм. Будучи антонимом централизма, он не является синонимом сепаратизма, перерастая в него при особых условиях. С ним полезнее считаться, чем бескомпромиссно бороться, ограничивая этим сферу поиска различных вариантов модернизации.

Шестой «урок» относится к науке и сводится к тому, что наши знания о законах пространственного развития ограничены. При всей тривиальности данного суждения, оно верно и означает, что работу надо продолжать.

К тому же мир, страна, её районы и центры подвижны. Они меняются, меняя при этом как экономико- и политико-географическое положение России, так и внутреннюю пространственную композицию страны, вообще довольно инерционную. Среди внешних и внутренних вызовов XXI в. есть наследуемые, едва ли не вечные (они составляют суть «уроков»). А есть совсем новые или нарастающие. Вот некоторые из них.

Геополитические сдвиги мирового масштаба выражены в первую очередь в росте Китая до уровня супердержавы (огромной страной он был всегда). С дальневосточными вызовами Россия знакома, но они не меняли устойчивой западно-восточной асимметрии её освоения и развития. В какой мере её можно уменьшить на этот раз, при ограниченных мобильных ресурсах, зато благоприятных пока внешнеполитических условиях, не вполне понятно. А вопрос актуальный.

Ещё более масштабный внешний вызов создаёт то, что называют глобализацией, а можно было бы назвать просто проницаемостью мира: инвестиционной, миграционной, коммуникационной, информационной. Впрочем, она если и нарастает, то нелинейно и не повсеместно, с откатами и негативными (правыми и левыми) реакциями, в том числе в самых развитых странах. Это касается модернизации России. Проблема большинства её районов и городов – невостребованность на «рынке» пространственного развития, причём конкуренция обостряется и растёт роль когнитивных факторов: образов, репутаций мест, создания для них привлекательных брендов.

Один из внутренних вызовов состоит в суммирующем разнонаправленные сдвиги тренде сжатия инновационно активных пространств, которое сужает пространственный «фронт» модернизации России. В какой мере это следствие очередной централизации управления или объективных процессов? Как быть с гипертрофией ведущих (столичных) центров и с застоем, депрессией, депопуляцией периферии, в том числе староосвоенной внутренней, богатой историко-культурным наследием? Что с ней делать: организовать вторичное освоение или планомерный отход вместо бегства с безнадёжных участков этого «фронта» (фронтира)? Всё это острые вопросы развития России в XXI в.

На них накладываются демографические вызовы, обусловленные неумолимыми объективными процессами и катастрофами первой половины XX в. Их результаты в виде суженного воспроизводства населения, сокращения числа трудоспособных граждан, демографического старения, притока мигрантов из бывших союзных республик неплохо изучены. Заметим, однако, что некоторые из них, например, та же массовая иммиграция и быстрое изменение возрастной структуры, не имеют аналогов в предшествующей истории. А спектр их последствий (как многих других демографических явлений) весьма широк. Они и социальные, и экономические, и политические, порой неожиданные.

Кроме того, отчасти модернизированная и «вестернизированная» Россия в XXI в. воспроизводит свою евразийскую этнодемографическую структуру, усиливая, в частности, исламский компонент и культурное напряжение, особенно в главных центрах. Они уплотняются, наполняясь разнородным населением, инфраструктурой, жильём, объектами постиндустриальной экономики, тогда как расширяющая свои пределы периферия всё сильнее зависит от них в геоэкономическом отношении.

Фундаментальные особенности социального пространства России – разреженность, централизация, глубокие внутренние контрасты – значимы на всех исто-

рических стадиях. Анализ опыта российских модернизаций показывает, как он противоречив и в чём-то безуспешен: потратив массу усилий, чтобы догнать соперников-лидеров, начав эту гонку раньше многих, Россия всё равно отстаёт. Ускоряя время мобилизационными рывками, она вязла в своём пространстве. Пожалуй, именно его модернизация остаётся труднейшей задачей. Расширяя и растягивая страну в походах за землями, ресурсами, нововведениями, модернизаторы восполняли эту широту тем, что сжимали инновационные «кулаки», оголяя остальное. Тащить цепь за одно звено можно, но другие провиснут, чем затруднят и замедлят работу, если не обесценят её итоги. Наверное, поэтому для одних слово «модернизация» – почти идол, для других – просто слово, а для третьих – слово бранное.

Встаёт вопрос: а надо ли было так стараться и кого-то догонять, особенно с учётом жертв, часто напрасных? Нерасточение обывателя по М.Е. Салтыкову-Щедрину, или сбережение народа по А.И. Солженицыну, становится главным условием дальнейшего развития, так как человеческий капитал – слабая сторона современной России как страны-гиганта (добавим сюда и «утечку мозгов»). Но если страна не обогнала мировых лидеров, которые, кстати, сами менялись, то это не худший вариант. «Расслабиться» надолго было бы тоже опасно и в XX, и в XXI вв. с их технологическими, цивилизационными, геополитическими вызовами.

Больше всего осложняли и осложняют дело глубокое изначальное отставание от лидеров, рваный ритм догоняющего развития по схеме «квадратного колеса» и спорным рецептам с насилием, перегибами, непонятными для масс целями и маневрами. Маятнику реформ и контрреформ, регионализации и централизации к тому же сопутствуют циклы открытия и закрытия страны для внешнего мира, про- и антизападничества. Фазы первого типа, вводя страну в русло общемирового развития, бывают неадекватны самой России, чреваты зависимостью, поляризацией пространства и срывом. А фаза и модель отказа от таких реформ и перехода к изоляции, принося некоторое облегчение, рано или поздно ведёт к застою, потере фарватера и ощущения самой реальности. Шараханье из крайности в крайность – плохая политика. В пространстве она снижает качество его контроля и обустройства, в том числе коммуникационного, часто приносимого в жертву другим интересам и нуждам.

Волны инноваций и реформаций – всё же не бесплодные и порочные круги, не «шаг вперёд, два назад». Россия – не триумфатор и не жалкая жертва столетий модернизации. Без неё она могла просто исчезнуть с карты нашего не очень уютного мира. И нужна она не для того, чтобы заслужить сомнительные похвалы неких авторитетов, позиции в рейтингах международных агентств или подчинить непредсказуемую и непокорную страну внешним центрам. Она необходима, чтобы укрепить собственный суверенитет, здоровье и благополучие своих граждан, превратить немноголюдный и не очень проницаемый «океан суши» в такое пространство, на котором бы хотелось и удавалось не выживать, а жить и увлечённо работать ради себя и на благо общества. Остаётся надеяться, что очередная модернизация России, лучше бы «органическая», ждёт своего часа.

Литература

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 704 с.

Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 270 с.

Вейнберг Б.П. Положения центра поверхности России от начал княжества Московского до настоящего времени. Положения центра населенности России с 1613 по 1913 г. // Изв. Императорского Руссого геогр. об-ва. 1915. Т. LI. Вып. VI. С. 365–408.

Величко А.А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: Ин-т географии РАН, 1997. С. 255–275.

Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». М.: Прогресс, 1976. 256 с.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 507 с.

Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 541 с.

Герцен А.И. Московский панславизм и русский европеизм // А.И. Герцен. Соч. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 138–153.

Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 844 с.

Горкин А.П., Смирнягин Л.В. О факторах и условиях размещения капиталистической промышленности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 1. С. 40–52.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 638 с.

Долуханов П.М. География каменного века. М.: Наука, 1979. 152 с.

Зимин Б.Н. Размещение производства в рыночной среде: из тр. Зимина / сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. М.: Альфа–М, 2003. 175 с.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. 160 с.

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1 -- 572 с. Кн. 2. –591 с. Кн. 3. – 558 с.

Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1891_zaoadnoe_vlianie.shtml

Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 263 с.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. (геокультурный аспект). М.: Наследие, 1998. 95 с.

Лапин Н.И. (сост. и отв. ред.). Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016. 356 с.

Менделеев Д.И. К познанию России. Санкт-Петербург, издание А.С. Суворина, 1906. 350 с.

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: Ин-т философии РАН, 2002. 208 с.

Монахов В.Г. Динамика размерной и фенетической структуры соболя в ареале. Екатеринбург: Изд-во НИСО УрО РАН Банк культурной информации, 2006. 202 с.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 3–68.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 280 с.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка: книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д. Форум, 2001. 416 с.

Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Ред. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М.: Логос, 2014. 496 с.

Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., ред. Н.И. Лапин, Н.И. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.

Российская модернизация: размышляя о самобытности. Сб. статей / Ред. Э.А. Паин, О.Д. Вокогонова. М.: Три квадрата, 2008. 414 с.

Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. http://www.rus-stat.ru/index_vid_1_year_2002.html.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998.

Савченко А.Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 7–18.

Савченко А.Б., Трейвиш А.И. Внешняя торговля, ресурсы Сибири и их роль в формировании российской государственной территории // Проблемы региональной экологии. 2014. № 4. С. 174–179.

Семенов-Тян-Шанский П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. Императорского Русского геогр. общества. 1892. Т. 28. С. 349–369.

Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерки по политической географии). Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. 33 с.

Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 765 с.

Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные сдвиги в геокультурном пространстве России в конце XX – начале XXI вв. // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. СПб.: Изд-во РГПУ, 2012. С. 439–443.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 369 с.

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997. http://cheloveknauka.com/alternativy-rossiyskoy-modernizatsii#ixzz3NNrihJku.

Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2013. 662 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. http://www.liberal.ru/upload/files/Harrison_p1-51.pdf

Циклы политического развития: прогностический потенциал. Сб. статей / Ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 103 с.

Чаадаев П.Я: Сочинения / Lib.Ru/Классика. http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j. Обновлено 27.01.2009.

Шупер В.А. Характерное пространство в теоретической географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 5–15.

Шупер В.А., Эм П.П. Расширение Москвы: альтернатива с точки зрения теории центральных мест // Региональные исследования. 2012. № 4. С. 97–107.

Эйдельман Н. Революция сверху в России. М.: Книга, 1989. 171 с.

Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago: The University of Chicago, 1965. 481 p.

Black C.K. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper and Row, 1966. 441 p.

Eisenstadt Sh.N. Breakdowns of modernization // The Dynamics of Modern Society. N.Y.: Basic Books, 1964. P. 434–448.

Frank A.G. On Capitalist Underdevelopment. Bombay: Oxford University Press, 1975. 113 p.

Grondona M. Las Condiciones Culturales del Desarrollo Económico. Buenos Aires: Grupo Editorial Planeta, 1999. 481 p.

Hampden-Turner Ch., Trompenaars A. The seven cultures of capitalism: value systems for creating wealth in the United States, Britain, Japan, Germany, France, Sweden, and the Netherlands. N.Y.: Currency Doubleday, 1993. 405 p.

Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.

Hirooka M. Innovative Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. Cheltenham (UK); Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2006. 448 p.

Katz E., Blumler J.G. The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratification Research. Beverly Hills: Sage, 1974. 318 p.

Lerner D. The passing of traditional society: modernizing Middle East. N.Y.: Glencoe, 1958. 466 p.

Many voices, one world: Towards a new more just and more efficient world information and communication order. Paris: UNESCO, 1980. 312 p.

Prebisch R. Capitalismo periferico. Crisis y transformacion. Mexico: Fondo de Cultura Economica, 1981. 344 p.

Глава 2

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Эволюция роли природно-географических факторов в пространственной организации общества

Природно-ресурсные факторы играют важнейшую роль в пространственном развитии любого государства. Их доминирующее значение отчётливо просматривается на протяжении всей истории человечества. С момента своего возникновения человек заселял наиболее благоприятные по природным условиям территории (среди доступных), хотя по мере развития человечества критерии благоприятности существенно изменялись.

В древнейшие времена эти критерии относились к климату и биологической продуктивности территории с позиций собирателя и охотника. После неолитической революции, с появлением земледелия и скотоводства главным свойством стала естественная продуктивность территории для сельскохозяйственного производства – производная от климатических характеристик. Освоение технологий гидромелиорации – регулирование речного стока посредством сооружения водохранилищ и доставка воды на сельскохозяйственные поля в засушливые периоды – снова изменило акценты: чрезвычайно выросло значение водных ресурсов. Изобретение металлургии определило необходимость освоения территорий вблизи рудных месторождений и ресурсов топлива, которые первоначально были представлены только дровами, но со временем вытеснены углём.

В дальнейшем все отмеченные природно-ресурсные факторы играли важную роль в пространственном развитии, в ходе которого проявились две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, экономический рост и технологическое развитие, особенно после промышленной революции, требовали всё больше природных ресурсов, причём непрерывно расширялось и их разнообразие; с другой стороны, развитие транспорта позволило вместо приближения людей к ресурсам наладить доставку ресурсов в места проживания людей, весьма существенно сдерживая миграции населения к открываемым месторождениям.

«Третья экономическая революция» – информационная, если рассматривать её в пространственном аспекте, также проходит под знаком двух тенденций, однако однонаправленных (с точки зрения размещения хозяйства и территориального распределения населения). Во-первых, характерные для этого этапа тенденции к экологизации производства и ресурсосбережению сокращают удельные (на единицу продукции) потребности в природных ресурсах (это стало дополнительным фактором относительного сдерживания роста населения в сырьевых регионах). Во-вторых, скачок в сфере информационных технологий и средств связи определил возможность для большинства занятых производством информации разместить рабочее место по месту проживания (в своём доме или квартире). Благодаря этому вновь усилилось значение климатических преимуществ территории и определилась весьма существенная роль её экологического качества при выборе места жительства (оба указанные признака сильно коррелируют с залесённостью территории).

Нарастающий дефицит пресной воды, которая оказалась малотранспортабельным продуктом при современных масштабах её сельскохозяйственного и промышленного использования, может оказать весьма существенное влияние на пространственное развитие мировой экономики в долгосрочном аспекте.

Если индустриальное развитие во всех странах, прошедших промышленную революцию, было отмечено уменьшением доли сельского хозяйства в ВВП – в пользу промышленности, то постиндустриальное развитие характеризуется сокращением долей промышленности и сельского хозяйства – в пользу сферы услуг. Это означает уменьшение доли в ВВП сектора первичной экономики – природоэксплуатирующих отраслей – горнодобывающей промышленности, сельского, водного и лесного хозяйства, рыболовства. Однако, как бы ни сократилась эта доля, объём деятельности в этом секторе как в физическом, так и в денежном выражении не уменьшается и не будет уменьшаться по крайней мере до тех пор, пока продолжается рост численности населения. Более того, численность населения определяет некий нижний предел объёма производства в первичном секторе и в принципе можно дать – хотя бы грубые – оценки этой величины (принимая во внимание также размещение населения по климатическим зонам). Численность населения лимитирует снизу объём производства и в индустриальном секторе, но, хотя существование такого предела теоретически очевидно, вряд ли возможны пусть даже весьма грубые его оценки: слишком сильно влияние на этот сектор факторов, обусловливаемых не численностью населения, а уровнем его развития, идеологией, культурой, этническими традициями и т.п.

Сектор услуг весьма неоднороден по своему составу, и для анализа необходимо провести его хотя бы простейшее структурирование (Данилов-Данильян, 2009). Услуги, связанные с материальной стороной жизни человека, здравоохранением, образованием, функционированием отраслей материального производства, и производство деловой информации будем относить к материальному сегменту сферы услуг. Кроме этого сегмента в сфере услуг остаются ещё два – финансовый и индустрия досуга. Последний сегмент будем называть развлекательным, он представлен всеми видами деятельности, направленными на удовлетворение обусловленных досугом потребностей человека, т.е. индустрией развлечений в широком понимании, включая не только кино, телевидение, радио, аудио- и видеозаписи, развлекательную печатную продукцию, концертную деятельность, но и туризм, весь коммерческий спорт, всевозможные дисней-лэнды, фитнес-клубы, казино и т.д. Если бы такие услуги, пусть не целиком, но хотя бы в преобладающей своей части соответствовали минимальным требованиям качества, прежде всего приличного вкуса, содействовали бы гармоничному развитию человека, обеспечивали реальные вложения в человеческий капитал (в дополнение к системам образования, здравоохранения и пр.), то можно было бы сказать об услугах, направленных на удовлетворение духовных потребностей; реальность же такова, что, используя модное сорное слово в его точном значении, приходится говорить о как бы удовлетворении духовных потребностей и удовлетворении как бы духовных потребностей; то же относится и к физическому развитию, которому коммерческий спорт в большей мере препятствует («замораживая» людей перед телевизором), нежели содействует.

Финансовый и развлекательный сегменты сферы услуг выбрасывают на рынок производимые либо «запускаемые» (в частности, в случае финансовых деривативов) сущности, значительная (возможно, доминирующая) часть которых не

предназначается ни для удовлетворения нормальных потребностей человека, ни для его духовного и физического развития, ни для управления экономическими процессами, которые решают именно эти задачи. Наоборот, их социальная роль сугубо негативная, и при этом они в значительной мере обусловливают неустойчивость современной экономики. То же самое относится и к демонстрационному потреблению продукции вторичного сектора и т.п.

Именно финансовый и развлекательный сегменты сферы услуг оказались самыми быстрорастущими в экономике США с конца 1960-х годов. Они стали «локомотивом» американской экономики, стимулируя производство всех необходимых для их выпуска и запуска видов продукции. Другие развитые страны, заметно отставая от лидера западного мира, были втянуты в соревнование на скорость роста этих сегментов. Как представляется, финансовый и развлекательный сегменты не случайно оказались рядом. Прежде всего, эти сегменты сравнительно недавно вышли на значимые экономические позиции. Кроме самого быстрого роста в сравнении с другими структурными подразделениями экономики развитых стран (да и, во многих случаях, развивающихся), им присущи и иные особенности.

Обеспечив большинству своего населения высокий уровень благосостояния, развитая рыночная экономика ничего не сделала для возвышения человека. Наоборот, оказалась выгодной промывка мозгов посредством рекламы и иных PR-технологий, с тем чтобы упростить духовные потребности, низвести культуру до субкультуры. Стотысячный стадион даёт несопоставимо больший доход, чем филармонический зал (большинство симфонических оркестров и вовсе не окупаются, существуют только благодаря спонсорской поддержке), а если на футбольном поле соорудить эстрадные подмостки и заставить те же 100 000 хлопать в ладоши под самый примитивный ритм, отбиваемый попсовой группой, доход можно ещё более увеличить. Вестернизация оказалась по преимуществу американизацией, её главный социокультурный результат – разрушение национальных культурных традиций и субкультурное зомбирование людей, количество которых измеряется десятизначными числами, а экономический – создание колоссальной индустрии досуга.

Объём производства в материальном сегменте сферы услуг зависит от численности населения (в части услуг, оказываемых непосредственно людям) и объёма производства в первичном и вторичном секторах (в части услуг, оказываемых производству). Очевидно, что часть продукции финансового сегмента играет позитивную роль в процессах управления производством, будучи неотъемлемой частью рыночной системы. Однако другая часть этого сегмента, обслуживающая худшее в развлекательном сегменте, генерирующая откровенно спекулятивные процессы в финансовой сфере, обеспечивающая «самовозрастание» капитала на пустом месте, в конечном счёте способствует неустойчивости мировой финансово-экономической системы. Наконец, развлекательный сегмент сферы услуг представляется средоточием избыточной продукции современной экономики, объём производства в нём в наибольшей степени зависит от идеологических и социальных факторов, а нижний предел этого объёма, похоже, недалёк от нуля – в сопоставлении с его нынешним значением, свидетельствующим, прежде всего, о болезни нашей цивилизации.

Итак, сектор первичной экономики в наибольшей степени зависит от самого инерционного параметра человеческого развития – численности населения, фи-

зический объём производства в этом секторе максимально жёстко (в сравнении с другими секторами) зависит от этого параметра, а возможности выбора территориальной структуры определяются размещением природных ресурсов и, если их глобальные запасы не лимитированы достаточно жёстко, экономическими факторами с учётом политических рисков и прочих обстоятельств. Таким образом, какие бы объёмы и темпы роста ни наблюдались в секторе услуг (а в развитых странах его доля в ВВП всюду перевалила за 65%), как бы ни падала доля в ВВП первичной экономики (а в США она составляет около 3%), ключевыми факторами пространственного развития остаются размещение водных, лесных и минеральных ресурсов, а также климатические условия.

Тем более существенны эти факторы для пространственного развития России, которая в настоящее время имеет индустриально-сырьевую экономику и, как представляется, и в будущем первичный и индустриальный секторы сохранят существенную роль в хозяйстве страны.

Россия в мировом природно-ресурсном пространстве

Природные ресурсы, которыми издавна славилась российская территория, и ныне остаются «палочкой-выручалочкой», обеспечивающей выживание и даже развитие России (правда, весьма неустойчивое развитие) в условиях перманентного кризиса последних десятилетий. Экспорт только минерального сырья обеспечивает 65–70% валютной выручки страны (в СССР в 1980-е годы – 40–54% (Арбатов, 2005)) и, как минимум, половину доходов федерального бюджета.

Высокая востребованность на мировом рынке российских природных ресурсов обусловливают и место России как ресурсообеспечивающей зоны планеты, и первостепенную (стратегическую) значимость природно-ресурсного комплекса в хозяйстве страны, и приоритетность в российской научной сфере наук о Земле, включая географию и геоэкологию.

Россия – одна из немногих в мире практически «самодостаточных» в природно-ресурсном отношении стран, что создаёт все природные предпосылки для её «устойчивого развития». На огромной территории России сосредоточены минеральные ресурсы мирового значения (табл. 2.1), более половины чернозёмных почв мира, почти четверть мировых лесов, 10% речного стока планеты, более четверти мировых запасов пресной озёрной воды.

Таблица 2.1. Положение России в мировом минерально-сырьевом комплексе (% от мира, начало 2000-х годов)

Вид минеральных ресурсов	Запасы	Добыча
Нефть	9,7	14,2
Газ	30,4	19,8
Уголь	15,6	4,5
Уран	5,5	7,0
Железо	28,0	8,0
Медь	3,5	4,9
Никель	11,8	24,5
Золото	8,0	5,0
Серебро	10,0	2,3
Платина	12,5	15,9
Палладий	31,4	44,3
Алмазы	30,0	24,0

Составлено по: (Россия и страны..., 2012; Кузык, 2006).

Сопоставляя величины природного капитала и национального богатства России, В.М. Симчера (1998) отмечает, что в мире нет другой такой страны, где разрыв между стоимостью природных ресурсов и стоимостью накопленного имущества был бы столь велик. То есть в России ещё очень много не вовлечённых в хозяйственный

оборот ресурсов, которые не воплощены пока в то или иное «имущество». Так, соотношение заготовок древесины к её запасам в мире в целом составляет 2%, а в России – 0,4% (www.faostat.fao.org/). За годы перестроек, кризисов и реформ роль добычи топливно-энергетических ресурсов в экономике страны заметно усилилась (см. главу 5). Но за это время Россия заметно сократила свою долю в мировой добыче. За 1990–2017 гг. российская доля в мировом производстве угля сократилась с 8,5 до 5,7%, нефти – с 17,1 до 12,6%, газа – с 31 до 19%. А российская добыча торфа и горючих сланцев сократилась многократно.

Изученность природных ресурсов. Несмотря на масштабную разведку месторождений полезных ископаемых в советские годы (по средствам, выделявшимся на эти цели, программу разведки советских недр можно сравнить с ядерной и космической), геологическая изученность территории страны, отвечающая современным требованиям, не превышает 40% (Думнов, Борискин, 2010). Степень разведанности недр сильно различается по территории – от 50–60% на Урале до 1,2–8,4% в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и на шельфах прилегающих морей (кроме Сахалина) (Север…, 2005). По данным Минприроды России, средняя изученность российского шельфа составляет 0,24 погонных метра на 1 км^2. Это в 8 раз меньше изученности американского шельфа Чукотского моря и в 16 раз – норвежского шельфа Северного моря.

В постсоветские годы темпы опустошения российских недр опережают прирост их запасов. Так, за 2000–2005 гг. прирост разведанных запасов к добыче составил (в %): урана – 56,3; угля – 82,9; железа – 12,7; меди – 30; никеля – 20,8; золота – 54,1 (Бавлов, 2006). Е.А. Козловский (2007) отмечает, что минерально-сырьевая база большинства полезных ископаемых за последние 15 лет сократилась, несмотря на уменьшение объёмов добычи: олова (на 90%), вольфрама (на 80%), свинца (на 60%). Глубокое разведочное бурение в стране сократилось с 5299 тыс. м в 1990 г. до 1155 тыс. м в 2017 г. (Российский..., 2018). Темпы отработки месторождений опережают темпы геологоразведочных работ. К этому надо добавить, что много геологоразведочных работ в стране проводят иностранные нефтесервисные компании. Это создаёт угрозы национальной безопасности. В условиях обострения международных отношений особо уязвимыми оказываются проекты по освоению шельфа и трудно извлекаемых нефтегазовых запасов, так как в их рамках почти все работы ведутся зарубежными компаниями или в сотрудничестве с ними.

В пореформенной России не только земные недра, но и другие природные компоненты и комплексы обделены вниманием исследователей. По данным Росреестра, затраты на картографическую службу в стране составляют 7 долл. на км^2 в год (в США – 116, Франции – 281, Великобритании – 615, Швейцарии – 1439 долл.)[1]. По результатам проверки Счётной палаты, у Росимущества нет достоверных сведений, сколько всего земли находится в федеральной собственности. Данные об общей площади государственных земельных участков, содержащихся в разных разделах ведомственной ГИС, не сошлись почти на 200 млн га (1,08 млрд га в одной версии и 1,27 млрд га – в другой)[2].

За 1990-е годы была полностью утрачена метеорологическая и природно-ресурсная спутниковые группировки, они начали восстанавливаться лишь в 2009 г.

[1] Коммерсантъ. 13 февраля 2012 г.

[2] Коммерсантъ. 18 июня 2019 г.

Количество гидрологических постов уменьшилось с 4481 в 1986 г. до 3084 в 2006 г., а пунктов наблюдения за загрязнением поверхностных вод суши – с 3295 до 1815 (Водные…, 2008, с. 112, 178). На 30% сократилось количество пунктов наблюдения за морской средой (Бедрицкий, 2004). За 1991–2016 гг. количество станций наблюдения за загрязнением воздуха в городах уменьшилось с 821 до 678, а количество наблюдаемых городов – с 337 до 243 (Государственный..., 2017). На Крайнем Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке доля сокращённых пунктов наблюдений за природной средой гораздо больше. Так, измерения расходов воды на всём трансграничном участке по рекам Аргунь, Амур и Уссури до Хабаровска (крайне важном в гидроэкологическом отношении) не проводились с конца 1960-х годов (Болгов и др., 2015). Резко сократились и программы наблюдений воды, воздуха, почв. Практически развалена почвенная службы страны (Добровольский, Зайдельман, 2004). Совершенно недостаточен уровень лесоустроительных работ. По данным А.С. Исаева, сегодня только 19% лесов страны информационно актуализировано. Свыше 95% данных мониторинга лесных и других наземных экосистем получено (в том числе куплено) с зарубежных спутников[3]. Очень редко проводятся геоботанические обследования земель.

До сих пор нет официальных статистических стоимостных данных по таким показателям природного богатства, как поверхностные воды, ресурсы недр, естественные биологические ресурсы, которые Росстат включает в перечень материальных экономических активов.

Нельзя признать полностью удачным внедрение с 2005 г. в природно-ресурсную сферу Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), отвечающего, по мнению Росстата, международным стандартам. В ОКВЭД по уровню классификационной значимости «геологоразведочные, геофизические и геохимические работы в области изучения недр» (код 74.20.2) стоят в одном ряду с «разведением лягушек и дождевых червей» (код 01.25.8). Очевидно, что в этой «инновационной» классификационной схеме место природных ресурсов не отражает их реального значения в хозяйстве нашей страны. А.Д. Думнов и Д.А. Борискин (2007) справедливо подвергают сомнению целесообразность ломки отечественных учётно-статистических реалий и их подгонку под иностранные схемы (при том, что эти схемы и за рубежом подвергаются серьёзной критике).

К числу важнейших ресурсов России относится её *территория*. География исходит из признания самоценности территории вне зависимости от её «наполненности» полезными ископаемыми, лесом и другими природным ресурсами. Плохих, «недоходных» мест на Земле нет, есть лишь неверное их использование вследствие неправильной оценки. Например, бедный минеральными ресурсами район может иметь чрезвычайно ценное биологическое разнообразие, рекреационные ресурсы, уголки первозданной природы, чистую воду, воздух, быть эффективной транзитной территорией, геополитическим буфером, наконец, пространственным резервом будущего и т.п. Территория – это важнейший элемент нашего историко-культурного и природного наследия, а также поле для экономического, политического, военного, экологического манёвров.

Поскольку понятие экономической стратегии было органически чуждо всем постсоветским правительствам, их маловразумительная региональная полити-

[3] *Субботин А.* Чужими глазами // Поиск. № 18. 2 мая 2014 г.

ка привела к дальнейшему усилению исторически сложившейся мощной региональной асимметрии, гипертрофии двух столиц и немногих других «полюсов роста» с оголением огромных территорий, к запустению и даже одичанию периферии.

К сожалению, даже в отечественной географической литературе до сих пор встречается нигилистическое отношение к территории. Она объявляется лишней, признаются положительными процессы, «оголяющие» территории, разрушающие с огромным трудом созданную на ней инфраструктуру, ставящие в катастрофическое положение миллионы людей, которые вынуждены покидать обжитые края (Котляков, Тишков, 2011).

Рациональная региональная политика и в местах, представляющихся сегодня неперспективными, должна поддерживать достойный уровень жизни человека. Иначе неизбежно их дальнейшее запустение, массовый исход населения, деградация человеческого потенциала с потерей огромного ресурса развития – миллионов талантливых людей. Брошенные места, одичавшие ландшафты – это также провокация для геополитических конкурентов. А повторное вовлечение этих земель в хозяйственный оборот потребует затрат, сопоставимых с затратами на первоначальное освоение территории. Бережное отношение к территории отражает рационализм дальней цели, который учитывает отдалённые последствия, заботу о потомках и экологические факторы[4].

Если богатство территорией и другими природными ресурсами способствует устойчивому развитию России, то неблагоприятное *физико-, экономико-, а также эколого-географическое положение* (Клюев, 1995) затрудняет его. Огромная северная территория, отнюдь не компактной конфигурации, обделённая выходами к открытым и незамерзающим морям, требует много энергетических ресурсов для преодоления холода и расстояний. Однако грамотной территориальной политикой «бремя пространства и бремя природы» ослабляются, а экономико-географическое положение улучшается. Так, кратчайший путь из Европы в стремительно растущий Китай и другие страны Восточной Азии лежит через нашу территорию. Ещё более 100 лет назад, когда строили Транссиб, морские судовладельцы из Англии и США были в панике, опасаясь грозного конкурента в лице российских железных дорог. Однако до сих пор наши «тихоходные» железные дороги (скорость на которых в 5 раз ниже, чем в США) проигрывают морскому транспорту (Проблемные…, 2002, с. 59). Между тем современные технологии и методы организации перевозок позволяют сделать их скоростными и надёжными. Наблюдаемое ныне уменьшение ледовитости арктических морей открывает благоприятные перспективы круглогодичной навигации по Северному морскому пути. Перенос в Россию главной транспортной магистрали Евразии – «из англичан в японцы» – значительно повысит эффективность использования нашей территории.

Наша страна располагает мощной электроэнергетической и нефтегазовой системой – густой сетью линий электропередачи, магистральных газопроводов (свыше 170 тыс. км), нефте и продуктопроводов (свыше 70 тыс. км). В будущем на этой основе может быть создана единая интегральная евразийская инфраструктура, объединяющая транспортные, телекоммуникационные и энергети-

[4] Бизнес преследует ближнюю цель – обогащение, политики также больше озабочены современной конъюнктурой. В религиозной сфере рационализм дальней цели – идея спасения – существует уже тысячелетия.

ческие сети, центром которой станет Россия. Это позволит получать доходы от транзита, усилит геополитическое значение страны – её возможности влиять на ход глобальных процессов.

Россия в глобальном экологическом пространстве

Экологический облик России в глобальном контексте. Наряду с колоссальными природными ресурсами Россия обладает планетарного значения *пространственно-экологическим потенциалом*, под которым понимаются природные механизмы самоочистки среды от загрязнений, синтеза и деструкции органического вещества, поддержания глобального биогеохимического круговорота. Эти механизмы обеспечивают чистоту воздуха, воды, почв, биоразнообразие, значение которых в системе жизненных ценностей общества постоянно возрастает.

Хорошо известны оценки, согласно которым на территории России ареалы острых экологических ситуаций занимают площадь 2,5 млн км^2, или 15% всей территории, что соответствует 4,5 площади Франции (Котляков и др., 1990). Не подвергая сомнению эти цифры, отметим, что здесь и в других источниках, использующих данные оценки (а они вошли и в Государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей природной среды РФ», и в школьные и вузовский учебники), не оговаривается относительность применяемой шкалы «оценки остроты». Эта шкала – сугубо российская, она не годится для международных сопоставлений.

В настоящем разделе рассматривается вопрос – каковы роль российской территории в биосфере и её вклад в деградацию природной среды планеты? Отсюда вытекает мера ответственности страны, её позиция в международных отношениях.

Характер и степень устойчивости ландшафтов, представленных на территории России, к антропогенным воздействиям прежде всего определяются климатическими факторами. Преобладание низких температур обусловливает невысокую скорость естественной деструкции загрязнителей в воздухе, воде и почвах; 60% территории занимают особо уязвимые природные комплексы многолетней криолитозоны. Около половины российской территории – это слабо устойчивые к широкому спектру хозяйственных воздействий горные геосистемы; 20% территории России относится к сейсмоактивным районам (в том числе 5% территории подвержено чрезвычайно опасным 8–10-балльным землетрясениям), а 18% занимают лавиноопасные территории. Стихийные бедствия могут инициировать экологические катастрофы и усиливать тяжесть их последствий. И вечная мерзлота, и горы локализуются на очень слабо освоенном востоке страны. Эти уязвимые ландшафты пока практически не нарушены хозяйственной деятельностью. Однако приращивать «могущество российское Сибирью и Арктикой» надо с большой осторожностью.

Экологически значимые характеристики России отражены на рис. 2.1. Экологическая роль России в планетарной геосистеме во многом определяется величиной российской территории, занимающей 12% земной суши. Планетарное значение имеют российские леса. По продуктивности они в четыре раза уступают влажным тропическим лесам Амазонки. Но растения умеренных широт используют на дыхание 30–40% выделяемого ими кислорода, а тропические леса –

Рис. 2.1. Экологически значимые характеристики России (% от мира, 2000-е годы).

80–90%. Как отмечает Г.А. Заварзин, «давно забыты идеи о том, что тропические леса служат «легкими планеты». Эта роль всё более уверенно отводится лесам бореального пояса с их медленной и сезонно-подавленной деструкцией» (Круговорот…, 1999, с. 13). В России 60% годового речного стока составляет талый сток – самая ценная часть водных ресурсов мира (Алексеев, 2012), поскольку криосфера Земли – наиболее эффективная её «химчистка», где происходит криогенная самоочистка воды.

Большое экологическое значение имеет широкое распространение в России переувлажнённых земель и болот (40% торфяных болот мира), которые выступают геохимическими барьерами, или «ловушками» для загрязнителей. Стратегия функционирования российских тундровых, северотаёжных и болотных экосистем направлена на изъятие из биологического круговорота и аккумуляцию адсорбированных загрязняющих веществ. При несколько заторможенном биологическом круговороте выведение и трансформация загрязняющих веществ идёт медленно (Тишков, 2005). Крупнейший массив практически не освоенных, «диких» земель, сосредоточенных в России, рассматривается многими исследователям в качестве стратегического резерва биосферы.

На территории России сосредоточено большое количество биологических видов. Среди «восьмёрки экологически доминирующих стран», которые во многом определяют экологическое будущее планеты, Россия выделяется сравнительно высокими показателями биологического разнообразия и степени его сохранности (табл. 2.2).

«Вещественную» составляющую экологической обстановки характеризуют величина изъятия вещества из природы и объём производственных отходов. Соотношение этих параметров с масштабами промышленного производства отражено на рис. 2.2. По этим параметрам безусловные лидеры – Китай и США.

Таблица 2.2. Биологическое разнообразие в «восьмерке экологически доминирующих стран»

Страна	Доля видов растений (% от мира)	Число исчезающих видов растений	Доля исчезающих видов растений (% от числа видов в стране)	Число исчезающих видов животных
Россия	9	127	0,56	59
США	8	1 845	9,22	281
Япония	2	704	14,08	79
Германия	1	16	0,64	11
Китай	12	343	1,14	153
Индия	6	1 256	8,37	137
Индонезия	8	281	1,41	242
Бразилия	22	483	0,88	167

Составлено по (State..., 1997).

Именно эти страны в решающей степени формируют эколого-промышленную ситуацию на планете. Россия на этом фоне занимает весьма скромное место.

По соотношению блоков можно судить о степени экологичности, которая определяется относительной величиной производственного цилиндра, её соотношением с величиной добычи и отходов. Самые экологичные пирамиды характерны для Японии, Франции, Великобритании. Российская пирамида отличается на мировом фоне высокой удельной природоёмкостью и существенным «отходопроизводящим флюсом». На единицу выпускаемой продукции российская про-

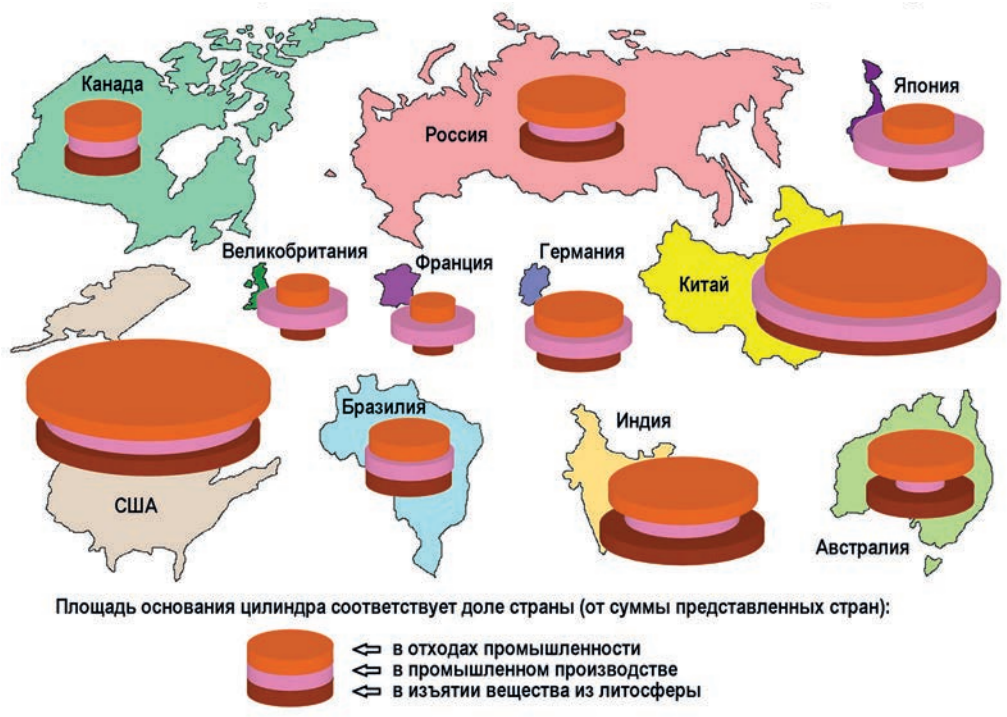

Рис. 2.2. Эколого-промышленные пирамиды отдельных стран мира (2000-е годы).

мышленность расходует значительно больше природных ресурсов и даёт больше производственных отходов, чем хозяйства развитых стран. Без устранения этих дефектов нашей стране трудно рассчитывать на роль природоохранного лидера планеты.

При этом, однако, надо учитывать, что относительная экологичность экономического авангарда планеты во многом базируется на импорте природных ресурсов и ассимиляционного потенциала природной среды, в частности, и из России.

Хотя доля России в мировом производстве отдельных видов производственных отходов в 2–4 раза превышает её долю в населении Земли, она сопоставима с удельным весом российской территории. Поэтому роль России в глобальной трансформации среды в общем адекватна величине территории, которую занимает страна.

По величине выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в настоящее время в мире лидирует Китай, а среди высокоразвитых стран по величине абсолютных и подушевых выбросов выделяются США. Российские валовые показатели по SO_2, NO_X, CO_2 в несколько раз ниже американских. Параметры выбросов европейских стран ниже российских, но в расчёте на душу населения они в целом сопоставимы (Клюев, 2017). Важно упомянуть, что Россия расположена в гораздо более суровых климатических условиях, чем США и Западная Европа. Это предопределяет и больший расход энергии (на отопление, высококалорийное питание, тёплые производственные и жилые помещения, инфраструктуру и т.п.), а, следовательно, и выбросов в атмосферу, и объёмов использования водных ресурсов. Больше энергии требуется и российскому транспорту, обеспечивающему связь на огромной территории отнюдь не компактной конфигурации. Российские показатели воздействий на среду, отнесённые к единице территории, несопоставимо малы по сравнению с другими странами.

Приведённые данные соотносятся, как правило, с огромной российской территорией, поэтому российские показатели выглядят благополучными на глобальном фоне. Что касается крупных городов, то насколько можно судить по разрозненным данным, уровни загрязнения среды в российских и зарубежных мегаполисах в целом сопоставимы. Так, в условиях превышения ПДК загрязняющих веществ в воздухе городов в России проживает 65 млн человек, а в США – 53 млн человек. Но при этом российские ПДК гораздо строже (среднесуточные ПДК NO_2 в России – 40 мкг/м^3 против 100 мкг/м^3 в США) (Ревич, Малеев, 2003, с. 113), что, впрочем, делает соблюдение стандартов мало реальным. Содержание свинца в почвах Москвы (в самом загрязнённом – Восточном округе столицы) меньше, чем в Стокгольме – в 1,6 раза, Мадриде – в 2,6 раза, Лондоне – в 4,8 раза (Никифорова, Кошелева, 2012).

Однако нельзя не заметить, что города – эти «паразиты, иждевенцы биосферы» – не могут существовать без окружающих их ландшафтов. Состояние среды в российских городах заметно улучшают огромные разреженные пространства, полноводные реки, гораздо менее чем за рубежом освоенные территории, обширные леса.

Динамика выбросов CO_2 по странам мира, дифференцированным по величине душевого ВВП, отражена на рис. 2.3. Предварительная гипотеза, отражающая распространённое мнение, состояла в том, что богатые страны сокращают нагрузку на природу, а бедные – увеличивают её. Действительно, хорошо про-

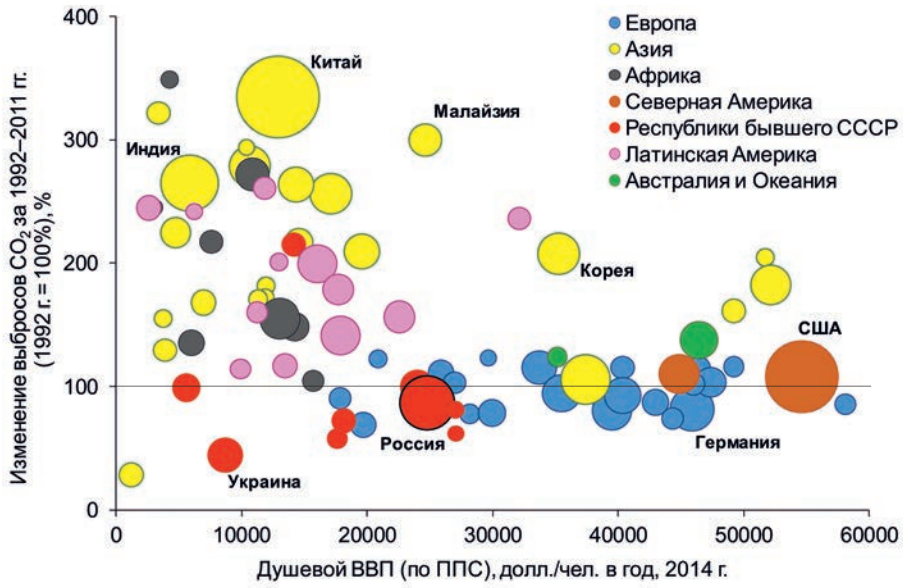

Рис. 2.3. ВВП на душу населения и динамика выбросов CO_2 в странах мира. Величина знака пропорциональна объёму выбросов CO_2 в 2011 г.

является возрастание выбросов в развивающихся странах (прежде всего азиатских, но также и в латиноамериканских и африканских), характеризующихся невысокими душевыми показателями ВВП. Однако гипотетическую тенденцию нарушают, с одной стороны, США, наращивающие выбросы, а с другой – страны Центральной, Восточной Европы и республики бывшего СССР, где выбросы уменьшаются. За 1992–2017 гг. доля России в глобальных выбросах уменьшилась с 9,4 до 4,6%, в то время как глобальные выбросы за этот период выросли более чем на 60% (рассчитано по: Статистический..., 2018). Правда, это сокращение произошло за счёт производственного спада, а не за счёт экологизации хозяйства. Так, в Российской Федерации производится 4,9% мировой электроэнергии, но её доля в производстве альтернативной, прогрессивной, относительно «чистой» энергии составляет всего 0,5%[5]. Если в мире последняя занимает 2,8% (Германия – 11,8, Дания – 29,8%), то у нас лишь 0,3%.

Интерес к выбросам именно CO_2 в последнее время обусловлен так называемой парниковой теорией изменения климата, которая, на наш взгляд, всё же является лишь гипотезой. Но даже если парниковая теория – не более чем гипотеза, бороться с выбросами вредных веществ в атмосферу – дело экологически полезное. При этом в межстрановых сопоставлениях важно учитывать не только эмиссию, но и «сток» CO_2. Расчёты показывают, что чистая продукция фотосинтеза на российской территории превышает все источники углекислоты, включая техногенного происхождения, на 25% (табл. 2.3). Следовательно, территория России выступает донором кислорода и поглотителем CO_2 мирового значения.

В нашей стране структура топливного баланса более экологична, чем в мире в целом. В мировом потреблении топлива природный газ занимает 23%, а в нашей

[5] Здесь не учитывается традиционная гидроэнергетика (крупные ГЭС), которая не даёт выбросов в атмосферу, но отличается высокой землеёмкостью.

Таблица 2.3. Баланс CO_2 на территории России, в среднем за год, 1996–2002 гг., млн т

Первичная продукция фотосинтеза (сток)	4730
Эмиссия (источники), в том числе:	3564
микробное дыхание почв	2782
разложение дебриса	213
техногенная эмиссия и др. источники	569
Баланс	+1166

Источник: (Пулы…, 2007, с. 284).

стране – более 50%. Доля угля в топливно-энергетическом балансе составляет: в Японии – 20%, США – 40, Германии – 45, Китае – 60, Индии – 70, Польше – 90%, а в России – лишь 12%. Поставками энергоресурсов на мировой рынок Россия оказывает существенную экологическую помощь зарубежным странам, прежде всего европейским. Известно, что наиболее токсичные выбросы поступают в атмосферу при сжигании угля, наименее токсичные – при сжигании газа, нефтяное топливо (мазут) занимает промежуточное положение. Замена в странах Европы угля и нефтепродуктов российским газом позволила сильно сократить выбросы вредных веществ в атмосферу.

В России в хозяйстве используется лишь 2% имеющихся ресурсов речного стока (в мире – 8%, США – 19%, Германии – 48%, Бельгии – 108%) (рассчитано по: World..., 2000). Среди крупнейших водопотребителей мира заметно выделяется «большая четвёрка»: Индия, Китай, США и Пакистан (табл. 2.4). Россия замыкает первую десятку стран, лидирующих по суммарному водопотреблению. Однако она входит в тройку крупнейших промышленных водопотребителей, хотя и сильно уступает лидерам – США и Китаю, где этот показатель в 4–5 раз выше. На водохозяйственной карте мира наша страна отличается высоким промышленным водопотреблением, концентрирующимся в компактных городских ареалах. Это определяет приоритетную задачу водоохраной деятельности в России.

По соотношению долей в водных ресурсах и водопотреблении мира (табл. 2.5) Россия вместе с Бразилией, Канадой и Колумбией также находится в лидерах. По кратности разбавления сточных вод полным речным стоком (этот показатель отражает вероятность загрязнения водных объектов) ситуация у нас почти в 10 раз лучше, чем в США, и в 3 раза лучше, чем в мире в целом (Коронкевич и др., 2014, с. 12).

Показательно сравнение качества вод типичных среднерусской и среднегерманской рек – Оки и Эльбы. Концентрации свинца, меди, цинка, хрома у Оки на 40% выше геохимического фона, а у Эльбы – в 3–16 раз выше фона (Лосев, 2001). Международная исследовательская группа признала: «...в целом состояние окружающей среды в [Волжско-Каспийском] бассейне, включая качество воды, лучше, чем в Западной Европе» (Видение..., 2004).

Самым загрязнённым морем, омывающим российскую территорию, считается Азовское. Однако даже в нём концентрации пестицидов и полихлорбифенила в мышечных тканях рыб на порядок ниже, чем в рыбе Великих озёр (данные Канадского центра исследования Великих озёр, университета Иллинойса и Мурманского морского биологического института) (Матишов, Ильин, 2006).

Российское сельское хозяйство отличается относительно невысокой интенсивностью, что позитивно сказывается на состоянии ландшафтов и качестве продуктов питания. Так, внесение минеральных удобрений на 1 га пашни в 2012 г. составляло (кг): во Франции – 137, Германии – 199, Нидерландах – 310, России – 24 (Сельское…, 2015) (в 1999 г. оно снижалось до 15, но к 2017 г. возросло до 55 кг/га). В расчете на 1 га посева Россия потребляет в 20 раз меньше

Таблица 2.4. Страны – крупнейшие потребители водных ресурсов планеты, 2000 г.

Место в мире	Страна	Потребление воды – всего, км³	Место в мире	Страна	Промышленное потребление воды, км³	Место в мире	Страна	Сельскохозяйственное потребление воды, км³
1	Индия	646	1	США	220	1	Индия	555
2	Китай	630	2	Китай	164	2	Китай	429
3	США	479	3	Россия	48	3	США	197
4	Пакистан	169	4	Индия	32	4	Пакистан	163
5	Япония	88	5	Германия	32	5	Таиланд	83
6	Таиланд	87	6	Канада	32	6	Бангладеш	76
7	Индонезия	83	7	Франция	30	7	Индонезия	75
8	Бангладеш	79	8	Вьетнам	17	8	Иран	66
9	Мексика	78	9	Италия	16	9	Мексика	60
10	Россия	77	10	Япония	16	10	Япония	55
	МИР	3802		МИР	760		МИР	2662

Составлено по (World..., 1998, 2005).

средств защиты растений, чем Германия. По количеству удобрений и ядохимикатов на единицу пашни Россия и до 1992 г. уступала другим странам. В российских условиях экологические проблемы земледелия были связаны не с количеством применяемых химикатов, а прежде всего с технологией их использования. Наше сельское хозяйство вполне конкурентоспособно с точки зрения экологической чистоты. Распространение «зелёными» алармистами необоснованных утверждений об удручающем состоянии природной среды в России не способствует продвижению отечественного продовольствия на мировой аграрный рынок, где ведётся ожесточенная конкурентная борьба.

По масштабам автомобилизации, определяющей автотранспортные воздействия на среду, Россия, конечно, намного опережает Бангладеш (соответственно 305 и 2 личного автомобиля на 1000 жителей, 2017 г.), но пока ещё сильно отстаёт от уровня Германии, Италии, США (более 700 автомобилей). По причине промышленной и транспортной «недоразвитости» России даже на европейской её части модули аэрального поступления свинца в почву близки к глобальному и на порядок ниже, чем в Западной Европе и Северной Америке (Глазовская, 1997). Экологичность железнодорожного транспорта в России обеспечивается широким применением электрической тяги, ко-

Таблица 2.5. Уровень использования водных ресурсов и водно-ресурсная «зависимость» отдельных стран мира в 2000 г., %

Страна	Доля местного речного стока страны в мировых ресурсах речного стока	Доля страны в использовании мировых ресурсов речного стока	Разность долей	Доля транзитного стока в общем речном стоке
Бразилия	9,8	1,6	8,3	34
Россия	7,8	2,0	5,8	4
Канада	5,1	1,2	3,9	2
Колумбия	3,8	0,3	3,5	1
Индонезия	5,1	2,2	3,0	0
Бангладеш	0,2	2,1	–1,9	91
Таиланд	0,4	2,3	–1,9	49
Пакистан	0,1	4,5	–4,4	76
США	5,1	12,6	–7,5	8
Китай	5,1	16,6	–11,5	1
Индия	2,3	17,0	–14,7	34

Составлено по (World..., 1998, 2005).

торая исключает загрязнение воздуха. ОАО «РЖД» электрической тягой перевозит 85% грузов и 80% пассажиров. По протяжённости электрифицированных линий Россия занимает первое место в мире.

Для международных экологических сопоставлений интегральным критерием служит *соотношение нагрузки (воздействий) на природу и устойчивости природной среды* к антропогенным воздействиям. Это соотношение показывает, в какой степени в каждой стране использована данная от природы «ёмкость», устойчивость среды.

Одним из косвенных показателей воздействия на природу может служить производственная нагрузка – величина ВВП, созданного в промышленности и сельском хозяйстве, – на единицу территории[6], В России удельная производственная нагрузка в 50–100 раз меньше, чем в Западной Европе, Японии и Южной Корее (рис. 2.4). На этом рисунке отражены также крупные города – локальные очаги крупномасштабной трансформации природы, и выделены ареалы низкоосвоенной территории, в качестве рубежа которой принимается плотность населения менее 10 чел./км^2. Из рисунка хорошо видно, что в России севернее и восточнее линии Санкт-Петербург – Новосибирск освоение территории имеет не фронтальный, а очаговый характер.

Ещё одним из обобщенных показателей антропогенной нагрузки на природу служит потребление энергии на единицу территории[7]. Этот показатель хорошо отражает ситуацию в развитых странах, но плохо – в отсталых, где главные не-

[6] Промышленность и сельское хозяйство – главные хозяйственные отрасли, трансформирующие природную среду, в то время как сфера услуг с экологических позиций в целом более инертна.

[7] Энергопотребление – это показатель не только реальной нагрузки, но и потенциальных угроз. В мире добывается, транспортируется, хранится и используется огромное количество топлива. Эта масса, способная гореть и взрываться, сопоставима по мощности с накопленным в мире арсеналом ядерного оружия.

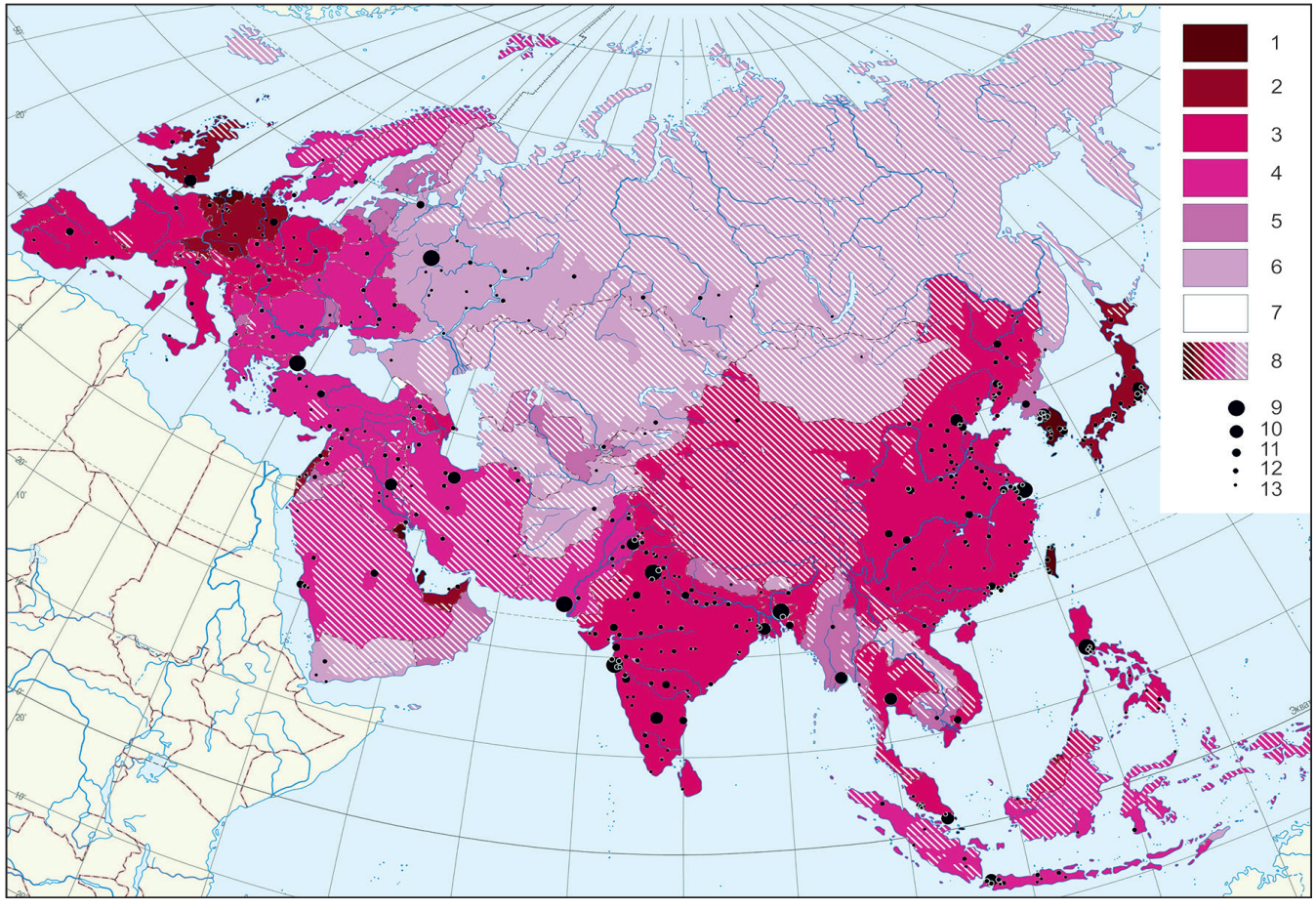

Рис. 2.4. Производственная нагрузка на территорию в странах Евразии (2000-е годы). Картограф – А.Н. Васильцова.
ВВП (по ППС) на единицу территории (тыс. долл./км^2): 1 – более 3600, 2 – 1500–3300, 3 – 500–1400, 4 – 200– 50, 5 – 100–190, 6 – 5–70, 7 – нет данных; 8 – ареалы с плотностью населения менее 10 чел./км^2; крупнейшие города (млн чел.): 9 – более 10, 10 – 5–10, 11 – 3–5, 12 – 1–3, 13 – 0,5–1.

гативные экологические процессы (уничтожение лесов, опустынивание, деградация почв) происходят без применения техники и, следовательно, без так называемой «коммерческой» энергии, но только она фиксируется статистическим учётом. Различают производственное энергопотребление и «физиологическое» – энергию, используемую на питание человека. В развитых странах физиологическое потребление энергии составляет очень малую долю общего энергопотребления (по нашим расчётам, в США – 2,1%, в России – 2,6%), но в небогатых странах эта доля значительна (в Нигерии 51%, а в Чаде, Бурунди, Лесото – более 90%). Показатель общего энергопотребления вводится для того, чтобы «привести к общему знаменателю» трудно сопоставимые параметры воздействия на среду в развитых странах (технологическое «давление») и экономически отсталых (демографическая нагрузка).

Идея суммирования двух видов энергопотребления была реализована А.П. Федотовым (1995) для определения ренты для стран за пользование биосферой. При этом А.П. Федотов использовал одинаковый для всех стран показатель «мощности биопотребления». Это неверно, ибо калорийность питания сильно варьирует – от 1600 ккал/сутки в Бурунди до 3800 ккал/сутки в Австрии.

Распределение по странам мира суммарного энергопотребления (производственного и «физиологического») отражено на рис. 2.5, составленном по (http://unstats.un.org/unsd/syb/). На нём отчётливо выявляются три обширные зоны дестабилизации природной среды – Западная Европа, Южная и Юго-Восточная Азия, Северная Америка. Эти зоны выделялись К.С. Лосевым на качественном уровне (2001), на картосхеме они охарактеризованы количественными показателями. Как видим, европейская зона высокой нагрузки не ограничивается западом Европы, а распространяется до российских границ. В пределах обширных зон

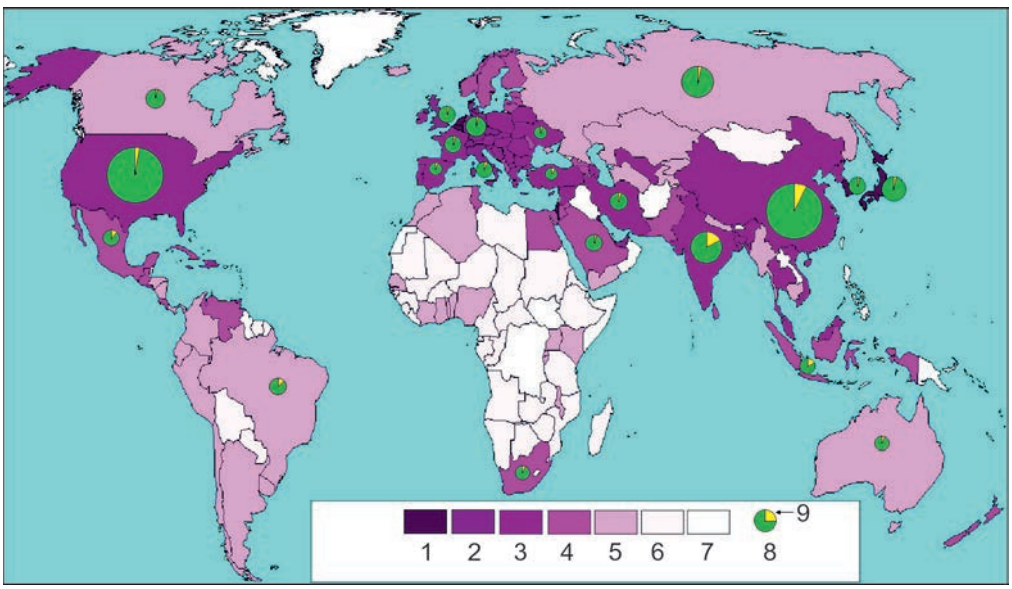

Рис. 2.5. Энергопотребление на единицу территории по странам мира (10^{12} Дж/км^2) (2000-е годы).
1 – более 40, 2 – 15–35, 3 – 5–14, 4 – 2–4, 5 – 0,5–2, 6 – менее 0,5, 7 – нет данных; 8 – общее потребление энергии в стране (площадь круга пропорциональна энергопотреблению; для стран с потреблением свыше $4*10^{18}$ Дж), 9 – доля «физиологического» потребления в общем энергопотреблении.

высокой нагрузки выделяются западно-европейский и японо-корейский ареалы. В них нагрузки на порядок величины превышают даже те, которые наблюдаются в среднем на территории США, Китая и Индии. В России потребление энергии на единицу территории ниже, чем в Южной Корее или Нидерландах, в 40–50 раз.

В качестве интегрального показателя *устойчивости природной среды* предлагается использовать естественную биологическую продуктивность ландшафтов. Экологическое значение биологической продуктивности состоит в следующем. Ряд авторов (Лосев, 2001) считают сохранение биоты («невозмущённой хозяйственной деятельностью») главным рычагом разрешения глобальной экологической проблемы. Это положение оспаривается не менее авторитетными специалистами (Виноградов и др., 1994). По-видимому, этот рычаг не может быть панацеей от всех экологических бед – хотя бы потому, что ныне сохранившаяся «невозмущённой» биота крайне неравномерно распределена по поверхности Земли. Необходимая консервация этой части биоты непременно должна сочетаться с реанимацией биоты «возмущённой», что предполагает широкое использование технических средств охраны среды – ресурсосбережения, совершенствования технологий, в том числе очистных и т.п. Однако очевидно, что биота (прежде всего растительность), даже «возмущённая» – важнейшая «очистная установка» планеты. Обычно выделяют значение растительного покрова для воспроизводства кислорода и поглощения углекислого газа, хотя этими важными функциями его роль на Земле, естественно, не исчерпывается.

Величина ежегодного прироста биологической продукции служит важным индикатором интенсивности биологического круговорота, которой соответствует и интенсивность самоочищения среды, её способность перерабатывать антропогенные отходы. Растительность – фактор влагооборота, источник питания почв, восполнения их плодородия. «Развитый растительный покров – важнейшее условие устойчивости ландшафта к антропогенным воздействиям. Он противостоит деструктивным воздействиям – солифлюкции, эрозии, дефляции, селям, лавинам» (Исаченко, 2001). Помимо «средоформирующих» биота выполняет и важные «ресурсовоспроизводящие» функции, являясь основным источником пищи для человека. В век ископаемого топлива энергетическое значение растительности заметно уменьшилось (за исключением слабо развитых стран). Но глобальный экологический кризис может кардинально изменить ситуацию. Если человечество исчерпает горючие ископаемые до того, как обеспечит безусловную чистоту ядерной энергетики или экономическую эффективность возобновляемой энергетики, растительность останется единственным реальным перспективным источником топливно-энергетических ресурсов.

По разности вклада в производство биологической продукции, с одной стороны, и роли в глобальном энергопотреблении – с другой, отчётливо выделяются страны – экологические «доноры» и «иждивенцы» (рис. 2.6). Таким образом, и по эколого-энергетическим показателям Россия входит в число благополучных стран планеты.

Рассмотренные соотношения водных ресурсов и водозабора, энергопотребления и «производства» продукции растительностью, изъятия вещества из природы и привнесения в неё отходов характеризуют «вещественно-энергетическую» составляющую природопользования. Для характеристики другой его стороны – землепользования, т.е. пользования природной территорией как угодьем или ландшафтом – можно использовать такой показатель, как коэффициент

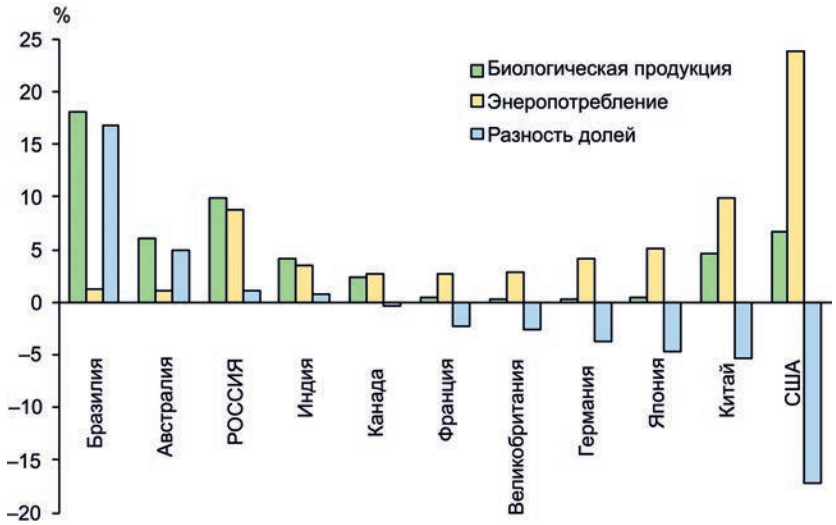

Рис. 2.6. Доля отдельных стран в ежегодном приросте биологической продукции и энергопотреблении мира (2000-е годы).

«экологичности землепользования» – отношение площади пашни (т.е. земель, безусловно экологически «вредных») к площади лесов (земель, экологически «полезных»). Заметим, что для стран аридного пояса, обделённых естественными лесами, где рукотворные оазисы на основе орошаемого земледелия служат очагами жизни, это положение неверно. На рис. 2.7 видна сильная перераспаханность Индии, США, Китая, Казахстана, Украины. Благоприятные соотношения леса и пашни, наряду с Бразилией и Канадой, характерны и для России.

Другими показателями экологичности землепользования могут служить: а) коэффициент естественности угодий – доля в стране экологически особо ценных ландшафтов, к которым следует отнести практически не освоенные, «дикие» земли; б) доля загрязнённых земель. Эти показатели в разных аспектах характеризуют степень сохранности на территории страны «первозданной» природы.

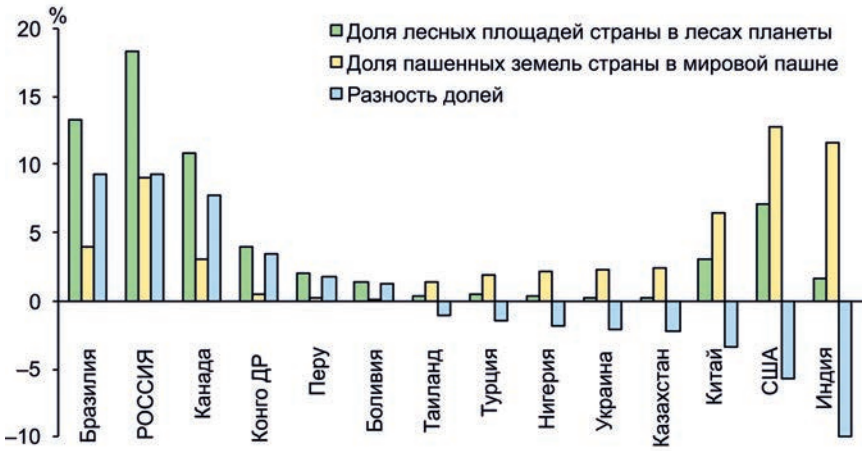

Рис. 2.7. Соотношения лесных и пахотных угодий по отдельным странам, %.

Практически не освоенные земли занимают в России 2/3 её территории, которую без натяжек можно считать уникальным мировым экологическим достоянием и большой ценностью страны (табл. 2.6). В таких странах, как Индия, Япония, Франция, Германия, Великобритания, подобных земель не выявлено. Зато в западноевропейских странах велики доли сильно загрязнённых земель, что хорошо видно на рис. 2.8, составленном по (Прокачева, Усачев, 2004).

Как видим, Россия входит в число экологически благополучных стран планеты, намного (на порядок) опережая демографических и экономических гигантов мира – Китай, Индию, США, Японию. Показатели же ведущих европейских стран отличаются от российских уже на два порядка. Эти страны, следовательно, выступают крупными «экологическими иждивенцами» России.

Таблица 2.6. Неосвоенные земли по отдельным странам мира (% от территории страны)

Страна	Площадь практически не освоенных земель
Россия	67
Канада	70
Австралия	33
Бразилия	32
Китай	20
США	4
Индия	0
Япония	0
Германия	0
Франция	0
Великобритания	0
Поверхность суши	36

Составлено по (Лосев, 2001).

В России нет безудержного потребительства (хотя, к сожалению, оно начало бурно формироваться), характерного для экономически развитых стран, – одной из важнейших экологических угроз. Культурные традиции нашей страны никогда не связывали счастье со стяжательством, чрезмерным накоплением материальных благ. Нет у нас и перенаселения, от которого жестоко страдает природа многих экономически отсталых стран. В то же время для нашего мироощущения характерны пренебрежение к закону, расточительность по отношению к ресурсам, зачаточное состояние экологического сознания (Лосев, 2001).

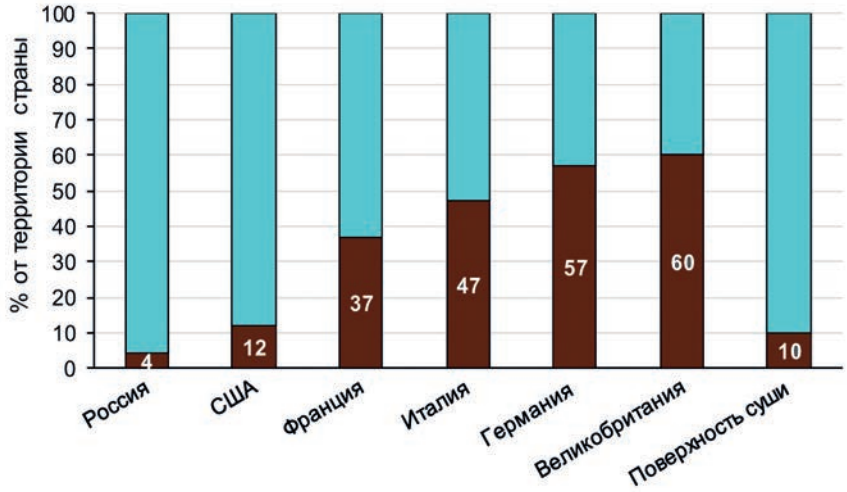

Рис. 2.8. Доля земель, подверженных хроническому техногенному загрязнению, в отдельных странах.

Россия в целом выделяется на мировом фоне наличием источников потенциального риска: ядерное оружие, ракетно-космическая сфера, предприятия ВПК, трубопроводы, газохранилища, атомные и гидроэлектростанции, химические производства, авиация и т.п. Так, в Российской Федерации, по оценкам, сосредоточено около половины накопленного в мире обогащённого урана и, соответственно, примерно половина отходов его обогащения. Россия несёт ответственность за 50% антропогенного космического мусора. В нашей стране находятся очень крупные в мировом масштабе зоны радиоактивного загрязнения, локальные очаги чрезвычайно сильного химического загрязнения территории (Карабаш, Дзержинск и др.). Но в целом вклад российского хозяйства в глобальную трансформацию природной среды не превышает долю страны в территориальных ресурсах Земли, в населении и в мировом хозяйстве. Российская территория выступает главной естественной «очистной установкой» планеты, одним из основных районов компенсации глобальных загрязнений и вообще нарушений природы, экологическим «донором» многих национальных экосистем. Мир активно осваивает (заметим, бесплатно) экологический потенциал России.

Проведённый анализ показывает, что при условии установления справедливого международного экологического порядка Россия может рассчитывать на получение существенной экологической ренты.

Эколого-географическое положение России. Подверженность территории страны внешним экологическим угрозам определяется её географическим положением – расположением относительно зарубежных источников экологической опасности, каналов и барьеров её распространения (Клюев, 1995). Особенности эколого-географического положения России заключаются в следующем.

Для России характерна относительная природно-географическая изолированность её территории от других государств, которая выражается в значительной удалённости от них основной береговой линии России, высокой (более 95%) доле местного стока в величине водных ресурсов, наличии на юго-восточных рубежах протяжённых орографических барьеров. Значительную часть территории страны, особенно на Восточно-Европейской равнине, занимают геосистемы, замкнутые на внутренние водоёмы, что затрудняет «экспорт» экологических угроз за пределы страны. В силу глубинно-материкового расположения страны российские источники экологического риска угрожают прежде всего собственным, а не зарубежным территориям и акваториям.

Несмотря на это, у России тесные экологические взаимосвязи со своими соседями (табл. 2.7). Эти взаимосвязи обусловлены огромными размерами российской территории, близостью ко всем крупнейшим на Земле ареалам экономической деятельности (Западная Европа, Китай, Япония, Южная Корея, США), выступающим поэтому и районами концентрации экологических угроз; несовпадением государственных границ Российской Федерации с границами водосборных бассейнов; западным переносом воздушных масс.

На более чем половине своей сухопутной границы Россия соседствует с бывшими советскими республиками, которые так же, как и она, испытывают социально-экономическую трансформацию. Политика ближайших российских соседей вынужденно носит неэкологичный характер. Бедные страны не могут себе позволить заботиться о чистоте окружающей среды. Между тем бедность не менее опасна для среды, чем расточительное западное потребительство. Это,

Таблица 2.7. Экологические взаимосвязи России и сопредельных стран

Страна	Речной сток, км³/год		Загрязнённые сточные воды, млн м³/год		Доля озёрно-речного пограничья, % от длины границы	Суммарный объём вышележащих водохранилищ[1], (км³), угрожающих территории:	
	Приток в Россию	Отток из России	Приток в Россию	Отток из России		России	зарубежных стран
Норвегия	–	–	–	–	65	–	8,9
Финляндия	28	–	…	–	5	7,4	4,9
Эстония	–	2,2	–	10	75	1	3
Латвия	–	–	–	–	28	–	–
Литва	0,8	–	5	–	75	1	–
Польша	1,6	–	…	–	–	–	–
Белоруссия	0,5	15,4	10	150	16	–	3
Украина	5	11,1	450	300	13	2	2
Грузия	3,1	–	–	–	–	–	–
Азербайджан	–	2.2	–	–	20	–	–
Казахстан	31,9	10,3	140	400	15	57,6	3,3
Монголия	24,9	20,6	…	–	15	–	–
Китай	95,5	–	…	–	85	17,2	90,9
КНДР	–	–	…	–	100	–	–
ИТОГО	191,3	61,8			30	86,2	116

[1] Водохранилища выступают для нижележащих регионов объектами высокой потенциальной опасности. Прежде всего речь идёт об опасности прорыва плотин вследствие аварий, диверсий, износа сооружений гидроузлов и других причин и последующего затопления территории. К основному поражающему фактору такого прорыва – разрушительной напорной волне – может добавиться и загрязняющее действие донных отложений, накопленных в водохранилищах, а также размыв химических складов или свалок отходов. Учтены водохранилища объёмом свыше 0,1 км³.

Составлена по (Россия…, 2001) и расчётам авторов.

Обозначения: (…) – нет данных, (–) – нет явления или малая величина.

Выделены наиболее значимые взаимосвязи каждого вида. По Абхазии и Южной Осетии нет данных.

естественно, негативно влияет на уровень внешнеэкологической безопасности России. Протяжённые границы Российской Федерации, из них 13,5 тыс. км – новые, с бывшими союзными республиками, часто проницаемые, создают широкие возможности контрабандных операций, в том числе по незаконному вывозу природных ресурсов и транспортировке отходов. Проблема охраны границ приобретает таким образом и экологическое звучание.

Бывшее ранее единым экологическое пространство СССР раздроблено ныне на 15 пространств. Координация усилий при этом затруднена. В качестве примера упомянем обострение противоречий России и других прикаспийских государств в сфере освоения нефтяных месторождений каспийского шельфа, которое может быть связано с негативными экологическими последствиями. В сохранении биоресурсов Каспия заинтересованы в основном Россия и Иран. Другие страны, в частности Казахстан (лидер по запасам и добыче нефти в акватории), делают акцент на разработке углеводородных ресурсов.

Приток речных вод в Россию втрое превосходит их отток. Основными поставщиками речных вод в Россию служат Китай, Финляндия и Монголия, а потребителями – Монголия, Белоруссия, Украина и Казахстан. Три последние страны «потребляют» и основную долю экспортируемых Россией посредством речной сети загрязнённых сточных вод. Для России в целом приток плюс отток речного стока составляет очень малую величину по сравнению с собственными, российскими водными ресурсами. Однако в отдельных регионах это доля существенна. Так, в Омской области лишь 16% водных ресурсов местные, остальные поступают из-за рубежа.

Из соотношения долей в водных ресурсах и водопотреблении мира (рис. 2.9) видно, что в России это соотношение благоприятное, а южные и юго-западные её соседи заметно «перерасходуют» свою долю в мировых водных ресурсах. Особенно сильный дисбаланс такого рода наблюдается в Китае, но он заметен также в Узбекистане, на Украине и в Казахстане. Вододефицитные соседи – это потенциальный источник нестабильности (Данилов-Данильян, Лосев, 2006). На картосхеме показана также степень водной зависимости стран. Обращает на себя внимание высокая степень такой зависимости в Туркмении, Молдавии, Узбекистане, Азербайджане и на Украине. Россия – страна «самодостаточная» в водно-ресурсном и водно-экологическом отношениях.

Острый дефицит пресных вод сформировался в китайской части Амурского бассейна. В рамках программы Китая «Возрождение промышленных баз Северо-Востока» строится и проектируется около 20 крупных водохозяйственных объектов: водохранилища, гидроузлы, ГЭС. Общее изъятие стока из верховий Амура может составить до 70% стока реки (Современные…, 2013, с. 67). В Даурии уже создан (в 2009 г.) канал р. Хайлор – оз. Далайнор, строительство которого нарушает Рамсарскую конвенцию, так как изменяет водно-болотные угодья международного значения. Возможные негативные экологические последствия строительства этого канала – деградация пойменных местообитаний популяций птиц, в том числе из Красной книги, аридизация территории, рост загрязнения р. Аргуни. «Большой китайский водохозяйственный скачок» игнорирует российские национальные экологические интересы.

Схожая ситуация складывается и в бассейне Иртыша. В КНР положено начало переброске стока посредством канала Чёрный Иртыш – Карамай, предусматривающей отбор из бассейна Иртыша более 1,5 км^3 воды в год. Реализация

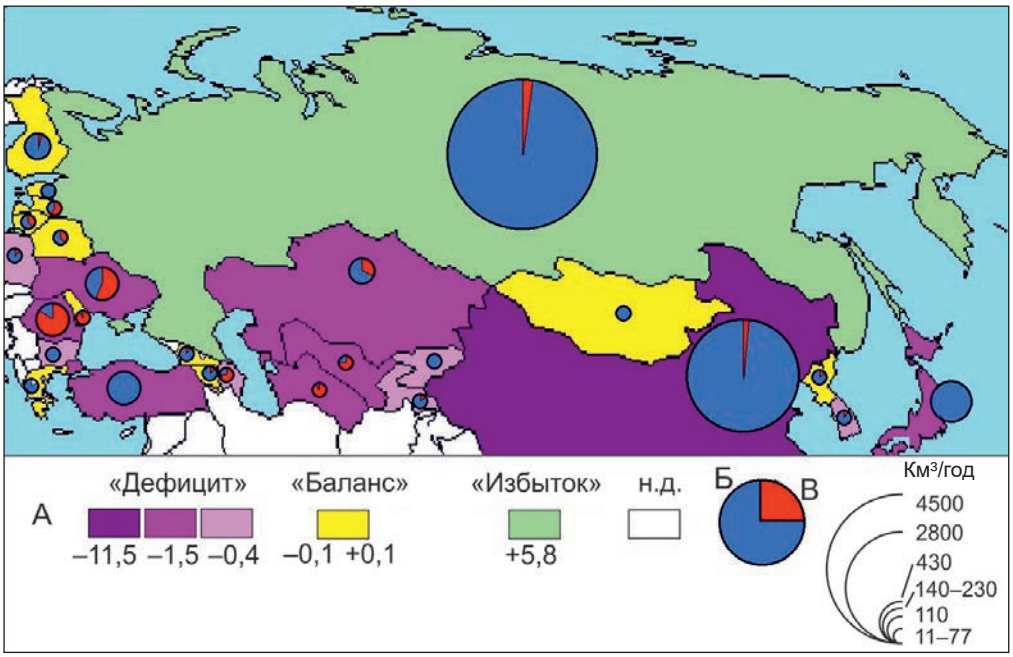

Рис. 2.9. Уровень использования водных ресурсов и водно-ресурсная зависимость России и сопредельных стран: А – разность между долей страны в водных ресурсах и её долей в водопотреблении мира, % (2000-е годы); Б – общий годовой речной сток (км³/год); В – доля зарубежного притока.

этого проекта угрожает судоходству, водоснабжению и экосистемам Иртыша, приходящего в Россию из Китая транзитом через Казахстан. Последний, в свою очередь, намечает увеличить подачу воды в канал им. Каныша Сатпаева (прежде «Иртыш – Караганда»). В связи с этим в Омской области в 2011 г. начато строительство водохранилища с целью предотвращения возможного водного дефицита. Следует добавить, что и сейчас Иртыш и его притоки – наиболее загрязнённые водные объекты Казахстана. К тому же КНР отказывается включать Россию в трёхсторонние (Китай – Казахстан – Российская Федерация) переговоры по вододелению Иртыша (Экологические…, 2014, с. 138). Хотя между Казахстаном и КНР подписано правительственное соглашение о сотрудничестве в сфере охраны трансграничных рек (2001 г.), в отношениях между этими странами остаются нерешёнными вопросы правового статуса рек. Водно-ресурсная и водно-экологическая проблемы в бассейне остаются напряжёнными и институционально не решёнными.

Если судить по табл. 2.7, в трансграничном обмене сточными водами преобладает их экспорт из России. Но в этой таблице нет данных о загрязнённых сточных водах из стран дальнего зарубежья. Учёт этих вод, особенно китайских, без сомнения, изменит пропорции обмена сточными водами не в российскую пользу.

Почти треть сухопутных (не морских) рубежей России проходит по рекам и озёрам (имеются в виду водные объекты, обозначающие границу, а не пересекающие её) (см. табл. 2.7). Больше половины речного пограничья приходится на Китай. Пограничные водотоки и водоёмы интересны для нас как объекты совместного межгосударственного природопользования, качество воды в которых

зависит от специфики хозяйственного использования территории на водосборных площадях по обе стороны границы.

По нашим расчётам, площадь водосборных бассейнов, где формируется «импортируемый» Россией речной сток, составляет более 2 млн км^2 (это примерно площадь Мексики). Зона российских гидроэкологических интересов за рубежом охватывает бассейн Северского Донца, весь северный Казахстан восточнее 60º с.ш., почти треть площади Монголии, обширные территории северо-восточного Китая, бассейн Немана, окаймляющий Калининградский эксклав. В этой зоне за рубежом проживает более 100 млн человек. Российские части международных речных бассейнов менее освоены по сравнению с зарубежными. Например, производственная и демографическая нагрузка на территории межгосударственных речных бассейнов в Китае в 10–20 раз выше, чем на территории России (Горбатенко, 2016).

К слабоосвоенным российским дальневосточным рубежам непосредственно примыкает сплошной ареал высокоосвоенной китайской территории. В настоящее время Китай – не только демографическая держава первого ранга, но и страна высочайших темпов роста экономического потенциала, он потребляет четверть глобальных энергоресурсов. Хотя в последнее время Китай предпринимает усилия по экологизации хозяйства, его интенсивный экономический рост представляет серьёзную экологическую угрозу, в том числе для своих соседей. Из-за высокой доли угля в топливном балансе по объёму выбросов парниковых газов и соединений серы в атмосферу Китай занимает первое место в мире. Высокие темпы роста жизненного уровня в Китае стимулируют массовую автомобилизацию этой страны, что влечёт за собой негативные экологические последствия. В связи с реформой земледелия усиливаются эрозия, загрязнение почв и водоёмов, аридизация.

У южных границ России сосредоточены страны, отличающиеся высокими темпами демографического роста и, следовательно, роста демографического давления на среду. По показателям демографического давления на природную среду эколого-географическое положение России за послевоенный период заметно ухудшилось. Близкое соседство наименее освоенной и наиболее уязвимой российской территории со странами, отличающимися огромным демографическим потенциалом и высочайшими темпами экономического роста, формирует на Дальнем Востоке потенциальную политико-экологическую напряжённость.

Российский вклад в использование и трансформацию бассейнов внутриматериковых межгосударственных морей существенен лишь для Каспийского и Азовского морей. Доля России в нагрузке на эти бассейны, по нашим ориентировочным расчётам, составляет от 60 до 80% суммарной нагрузки. Вклад России в антропогенное изменение бассейнов других внутриматериковых морей, омывающих её территорию, не превышает 10%.

Для окраинных морей основные пути распространения экологического риска к России связаны с Норвежско-Нордкапским течением, выносящим загрязнители в Баренцево море из Северного и Норвежского морей, где находится один из крупнейших в Евразии очагов хозяйственной деятельности. Баренцево море – крупнейший шельфовый водоём нашей страны, превосходящий по рыбопродуктивности Балтийское, Белое, Чёрное, Азовское и Каспийское моря, взятые вместе. Северное море уже свыше 150 лет используется как крупномасштабная свалка отходов наиболее развитыми европейскими странами. В послевоенные годы море активно «осваивается» ядерной энергетикой (радиоактивные отходы в него сбрасыва-

ет Франция; Великобритания – в Ирландское море) и морскими нефтегазовыми промыслами. Благодаря Гольфстриму широкий спектр загрязнений – от бытовых отходов до радионуклидов – прослеживается до Карского моря.

Западные экологи, политики и СМИ проявляют повышенную обеспокоенность ядерной и радиационной опасностью в Баренцевоморском регионе. Здесь действительно сконцентрирован у России куст опасных объектов: АЭС, базы ледокольного и подводного атомных флотов, завод по производству атомных субмарин, судоремонтные заводы, стоянки выведенных из эксплуатации атомных кораблей, хранилища отработанного ядерного топлива, установки по очистке и морской могильник радиоактивных отходов, бывший Новоземельский ядерный полигон. В то же время российско-норвежской экспедицией установлено, что фоновое радиоактивное загрязнение Баренцева и Карского морей значительно (на порядок величины) ниже, чем Ирландского и Балтийского морей (табл. 2.8). По оценкам, сбросы радиохимических заводов – английского Селлафильда и французского Ла-Хага – обеспечивают около 30% загрязнения Карского моря стронцием-90 и около 60% его загрязнения цезием-137. Как видим, в этом районе отечественные потенциальные экологические угрозы сочетаются с «импортируемыми» реальными опасностями.

На Дальнем Востоке Цусимское течение обеспечивает вынос вод из Жёлтого, а отчасти и из северной части Восточно-Китайского морей и создаёт угрозу Приморью от китайских, корейских и японских источников экологического риска. Крупномасштабной ядерной энергетикой отличается Япония, которая занимает третье место в мире после США и Франции по общей мощности ядерных установок. Аляскинское течение влияет на формирование водных масс Берингова моря, что может способствовать загрязнению побережий Чукотки и Камчатки с нефтепромыслов Аляскинского шельфа.

Циклональная циркуляция течений Каспийского моря обусловливает подток загрязнений в нашу сторону при возможной разработке нефти в казахстанском секторе моря.

Вследствие «открытости» российских границ к западу и западного переноса воздушных масс зона «атмосферно-экологических» интересов России простирается вплоть до Пиренейского полуострова. Выпадения антропогенных серы и азота на Европейской территории России на 60% происходят из Западной и Центральной Европы, но даже в азиатской части эта величина составляет около

Таблица. 2.8. Радиоактивное загрязнение морей

Акватория	Концентрация цезия-137 (нКи/м^3) в поверхностном слое воды	Содержание цезия-137 (нКи/кг) в мышцах рыб	Концентрация плутония-239, 240 (нКи/м^3) в поверхностном слое воды
Балтийское море	6,8	800	нет данных
Атлантический океан	1,6	20	нет данных
Баренцево море	0,2	20	<0,027
Карское море	1,6	нет данных	нет данных
Ирландское море	нет данных	800	0,27
Северное море	нет данных	30	0,007

Составлено по (Огородников, 1996).

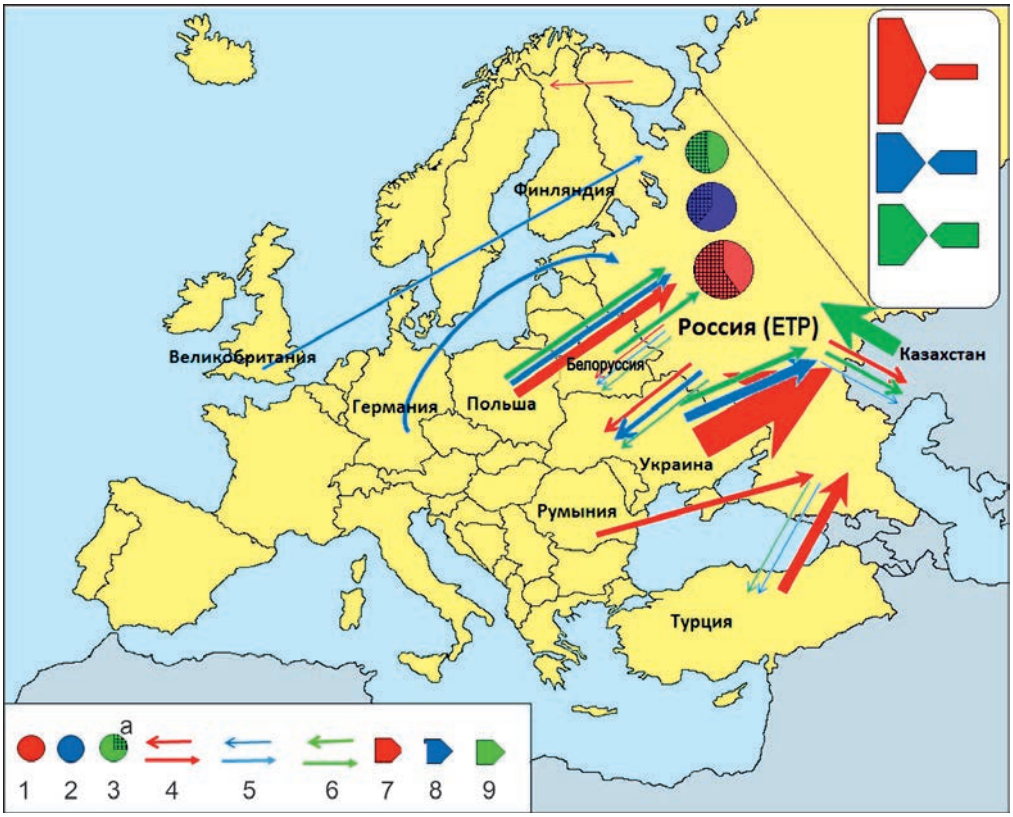

Рис. 2.10. Трансграничное загрязнение воздуха Европейской территории России (ЕТР), 2010 г. Суммарные выпадения на ЕТР: окисленной серы (1), окисленного азота (2), восстановленного азота (3); а – доля зарубежных источников; площадь круга пропорциональна величине суммарных выпадений загрязняющих веществ. Основные трансграничные потоки: окисленной серы (4), окисленного азота (5), восстановленного азота (6); толщина стрелки пропорциональна трансграничным потокам загрязняющих веществ от отдельных стран. Соотношение «импорта» и «экспорта» загрязняющих веществ на ЕТР: окисленной серы (7), окисленного азота (8), восстановленного азота (9); толщина стрелки пропорциональна трансграничным потокам загрязняющих веществ.

10%. Влияние зарубежных европейских источников эмиссии этих поллютантов прослеживается до оз. Байкал. Главные «экспортёры» в Россию атмосферных загрязнений – Украина, Польша, Германия (рис. 2.10).

Поскольку в средних широтах Северного полушария преобладает западный перенос воздушных масс, загрязняющие вещества, выброшенные в атмосферу в Европе при сжигании получаемых из России энергоносителей, частично поступают с воздушными потоками на нашу территорию. Таким образом, две главные экологические проблемы – где взять природные ресурсы и куда девать производственные отходы? – решаются в данном случае за счёт России. Наша «экологическая помощь», к сожалению, пока никак не учитывается во внешнеэкономических расчётах и потому является безвозмездной.

Юго-восток российской территории окаймлён горами и горными хребтами, имеющими субширотное распространение, которые служат преградами для свободного распространения воздушных поллютантов из-за рубежа. Климатической преградой служит также локализующаяся здесь область устойчивого преоблада-

ния зимой антициклонических условий. Поэтому, в частности, на российской территории выпадает лишь 1,2% серы, выброшенной китайскими источниками, но и это составляет 4,2% суммарных выпадений серы на азиатской части России (Башкин, 2005, с. 134).

Районами концентрации внешних угроз экологической безопасности России выступают:

Район Чернобыльской АЭС – зона реального радиоактивного загрязнения и потенциально опасный «саркофаг», откуда возможно распространение радионуклидов животными, людьми, машинами, а также посредством лесных пожаров.

Украинская часть бассейна Северского Донца – Харьковская агломерация и украинский Донбасс – высокоурбанизированный регион (с плотностью населения свыше 100 чел./км^2), специализирующийся на угледобыче, металлургии, электроэнергетике, химической и нефтехимической промышленности. Украинский вклад в загрязнение Северского Донца составляет не менее 70%. Непосредственно у российских границ, со стороны господствующих ветров концентрируется мощнейший на постсоветском пространстве очаг промышленных выбросов Донецко-Приднепровского района Украины. В пределах этого района почти 40% выбросов давала приграничная Донецкая область.

Экологическая обстановка в Донбассе вызывает особую тревогу в связи с нынешним острейшим политическим кризисом на Украине, который вылился в серьёзный военный конфликт. Опасные, технически сложные объекты, территориальная концентрация огромных масс веществ, способных гореть и взрываться – это привилегия стран с высокоорганизованным политическим устройством и процветающей экономикой. Такие объекты несовместимы с экономическим хаосом, «варваризацией» управления и общественных нравов, маскирующихся на современной Украине декларативным кличем «вернуться в европейскую цивилизацию».

В *Казахстанском Прииртышье* находятся Павлодар-Экибастузский и Усть-Каменогорский промышленные районы со специализацией на угледобыче, электроэнергетике, цветной металлургии. В регионе локализуются Ульбинский металлургический комбинат, производящий топливо для АЭС, четыре крупных водохранилища на Иртыше, бывший Семипалатинский ядерный полигон, Павлодарский очаг ртутного загрязнения грунтов.

Китайское Приамурье – это провинция Хэйлунцзян и большая часть провинции Гирин. В последней плотность населения доходит до 300 чел./км^2. Регион специализируется на «грязных» отраслях тяжёлой индустрии, опирающихся на местную сырьевую и топливную базу (добыча угля, цветных металлов, нефти, нефтепереработка, нефтехимия, электроэнергетика, химическая промышленность). Здесь находится несколько городов-миллионеров, сельское хозяйство отличается высокой интенсивностью. Так, в провинции Гирин на 1 га посевов сельскохозяйственных культур вносится более 700 кг минеральных удобрений (Бакланов, Ганзей, 2008, с. 111). Это в 12 раз больше, чем в России.

Объём водопотребления в китайской части бассейна Амура составляет 39 км^3, а в российской части – 1,1 км^3 (Геосистемы…, 2010, с. 478). По приближённым данным (данные о загрязнённых сточных водах в КНР закрыты), доля Китая в общем сбросе сточных вод составляет: в бассейне Аргуни – 87%; в р. Амур от устья Аргуни до устья Сунгари – 75%, а от устья Сунгари до устья Уссури – 98%; в р. Уссури – 97% (О российско-китайском..., 2005).

По китайским данным, р. Сунгари загрязнена больше, чем р. Янцзы (Ганзей, 2004, с. 171). Уже с 1970-х годов китайские источники загрязнения вносят решающий вклад в деградацию экосистемы Амура. Крупная авария на химическом комбинате в г. Гирин в 2005 г., когда по р. Сунгари на российскую территорию «экспортированы» бензол, нитробензол и анилин, создавшие угрозу водоснабжению Хабаровского края, лишь высветила проблему трансграничных загрязнений Амура, которая существует давно. Отметим также, что с сунгарийскими водами в Амур попадают возбудители холеры, дизентерии, гепатита А и др. (Воронов, 2006).

В российско-китайском приграничье ярко проявляются такие свойства трансграничного природопользования, как асимметрия и асинхронность (Бакланов, Ганзей, 2008). На китайской территории антропогенная нагрузка на природу намного сильнее и продолжает усиливаться, а на приграничной периферии наших дальневосточных регионов – признаки демографического опустошения, хозяйственного опустынивания и даже одичания: безлюдная тайга, брошенные деревни, развалившиеся рыбосовхозы и леспромхозы. Уровень и характер освоенности трансграничного Приамурья отражён в табл. 2.9. Как видим, китайская территория характеризуется высокой освоенностью, а на российской преобладают неиспользуемые земли, гари и пустоши. В дичающих ландшафтах российского приграничья, где нет мониторинга и контроля, часты пожары, которые иногда переходят на китайскую территорию.

В настоящее время экономическая политика Китая всё более приобретает экологическую окраску. Введены запреты на коммерческую рубку леса во многих регионах страны. Парадоксально, но экологизация лесопользования в Китае наносит серьёзный вред лесным ресурсам России. Возросший китайский спрос на российскую древесину (а также безработица в отдалённых российских посёлках) стимулируют незаконные лесозаготовки на Дальнем Востоке, которые, по некоторым оценкам, превышают заготовки легальные. Из-за слабого контроля, коррупции в лесной отрасли сформировался крупный теневой сектор, наносящий эколого-экономический ущерб (Приграничные…, 2010, с. 180). Масштабные нелегальные рубки часто ведутся в водоохранных зонах, без соблюдения лесоводственных правил. Для маскировки незаконной деятельности практикуется и прямой поджог лесных массивов. Выявляется чёткий градиент незаконных лесозаготовок – их доля тем выше, чем лес доступнее для экспорта в Китай. На западе Приморского и юге Хабаровского краёв нелегальные рубки составляют

Таблица 2.9. Структура использования земель в бассейне Амура, %

Вид использования	Россия	Монголия	КНР
Редколесья	73	3	24
Гари	97	2	1
Мелиорированные земли	9	0	91
Немелиорированные сельскохозяйственные земли	23	1	76
Населённые пункты	37	<1	63
Неиспользуемые земли	93	не опр.	7
Пустоши	84	не опр.	16

Источник: (Ганзей и др., 2007).

50–70% от законных, а на удалённых от Китая территориях – 20–30% (Природопользование…, 2005, с. 188).

Нелегальной заготовке и последующей контрабанде в Китай подвержены не только лесные, но и другие биологические ресурсы. Высокий спрос в восточной медицине на дериваты амурского тигра, кабарги, медведя, а также кедровый орех, моллюски, лекарственные травы (элеутерококк, женьшень) увеличивает их браконьерский промысел в России. Его, по нашему мнению, нельзя снизить, пока есть социальная почва – хроническая бедность населения, безработица и, следовательно, его высокая зависимость от использования биологических ресурсов в периферийных районах приграничья.

Экологичное решение китайских властей о выносе угольной генерации (наиболее неблагоприятной для окружающей среды) из 1000-километровой зоны вокруг Пекина и стимулирование строительства электростанций на севере страны приближают экологические угрозы к российским рубежам.

В последние десятилетия Китай планомерно ведёт работу по укреплению берегов Амура и его притоков. Ответные российские меры обсуждаются, но не проводятся. В результате на некоторых участках фарватер реки, по которому и проходит государственная граница, смещается в сторону российского берега. Китайские берегозащитные меры играют негативную роль и с экологической точки зрения. Свободное меандрирование рек – это ключевой элемент функционирования пойменной экосистемы, его нарушение ведёт к деградации нерестилищ и утрате биоразнообразия. Подчеркнём, что на Амуре (правый, подмываемый берег – китайский) сила Кориолиса «работает» на Россию, но китайские мелиораторы нейтрализуют и преодолевают природный процесс. В случае же с Уссури (правый берег – российский) сила Кориолиса помогает китайской «гидротехнической войне». В этой связи заслуживает внимания предложение гидрологов МГУ установить новые правила демаркации российско-китайской границы – закрепить её на местности геодезическими знаками, что снимет зависимость от природных и гидротехнических перемещений русла реки (Современные…, 2013).

Потенциальный район внешних экологических угроз России находится в *монгольской части бассейна р. Селенги*. Селенга – главный приток Байкала, объекта Всемирного природного наследия. В российской, нижней части бассейна установлен особый, природоохранный режим хозяйственной деятельности. На монгольской же части бассейна нет ограничений природопользования, а здесь сосредоточено 2/3 населения, 4/5 промышленности и 90% орошаемых земель Монголии, т.е. львиная доля хозяйства страны. Её планируемый экономический рост связывается с освоением новых угольных, медно- и золоторудных месторождений. Для их обеспечения водой и электроэнергией планируется строительство на Селенге ГЭС, есть и проекты переброски части стока рек Орхон, Селенга, Керулен и Онон на юг, в Гоби. Отсюда вытекают потенциальные противоречия между экономическим развитием монгольских регионов и сохранением экосистемы Байкала, признанного ЮНЕСКО «феноменом исключительной красоты».

Специфические экологические проблемы характерны для самой протяжённой в мире сухопутной *границы между Россией и Казахстаном*, проходящей в степной и лесостепной зонах. Вследствие значительного сокращения по обе стороны границы хозяйственной активности на обширных площадях неиспользуемые бывшие агроценозы покрываются зарослями сорной растительности и

выступают рассадниками вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. От нашествия саранчи страдают Саратовская область, Алтайский край и другие регионы вдоль границы с Казахстаном. Действенной мерой по борьбе с саранчой служит перепахивание мест кладок её личинок, чего не делалось на этих обширных пустошах много лет. Из-за многократного сокращения поголовья скота резко снизилась нагрузка на пастбищные ландшафты. В связи с этим почти повсеместно стал накапливаться степной войлок. Но его образование в сочетании с распространением высокотравных бурьянистых залежей резко повысило пожарную опасность. Ежегодно степные палы охватывают до трети территории в Оренбургской области, в заволжских районах Саратовской и Волгоградской областей (Чибилёв, 2004). Природно-антропогенные пожары легко переходят государственную границу.

В целом, в рамках «нормального» (внеаварийного) функционирования хозяйства, Россия представляет меньше опасности для соседей, чем они для неё. К примеру, потоки антропогенных серы и азота, поступающие на Русскую равнину из Западной Европы, в 3–8 раз превосходят их обратные потоки. Наша страна реально больше страдает (в экологическом плане) от соседей, чем они от неё. Это необходимо учитывать и использовать во внешнеполитической деятельности.

Далеко не все внешние экологические угрозы определяются эколого-географическим положением страны. Часть таких угроз формируется посредством механизмов международного разделения труда. Ярким примером может служить экспорт металлов платиновой группы концерна «Норильский никель» в Японию и США, где они используются в катализаторах для очистки автомобильных выбросов. Чем больше ужесточаются требования к чистоте выхлопов, тем больше спрос на эту продукцию. Борьба за чистоту атмосферы за рубежом интенсифицирует её загрязнение в России. Отметим, что этот концерн – крупнейший в Евразии загрязнитель атмосферы окислами серы.

Заключение

Природно-ресурсная и природно-экологическая «самодостаточность» России благоприятствует её устойчивому развитию. Неблагоприятные особенности географического положения нашей страны – «бремя пространства и бремя природы» – затрудняют её «фронтальное» включение в международное разделение труда. Научно обоснованной территориальной политикой можно и нужно усилить достоинства местоположения России и сгладить его недостатки. Этому может способствовать организация на российской территории и акватории железнодорожных и морских супермагистралей и центрального звена единой интегральной инфраструктуры Евразии.

Природные условия России не фатально чреваты её отставанием от экономического авангарда планеты. Этот географический оптимизм связан с целенаправленным поиском перспективных отраслей специализации, с которыми Россия могла бы успешно выйти на мировой рынок, с разработкой собственных технологий, своих методов организации производства и территориальной организации общества.

Фиксируя остроту отечественных экологических проблем, важно понимать, что по широкому кругу параметров Россия относится к числу благополучных

стран планеты, является крупнейшей экологической державой (Клюев, 2015). В силу этого важные отрасли российской специализации на мировом рынке – это производство чистой сельскохозяйственной продукции, оказание рекреационных и экологических услуг.

Особо чистые, «девственные» территории России сосредоточены в её северных районах. Отсюда вытекает важность сельскохозяйственного освоения Севера: развития северного земледелия, пастбищно-кочевого животноводства – оленеводства, табунного коневодства, мараловодства, разведения яков. Помимо получения экологически приемлемой продукции, аграрное развитие Севера послужит поддержке его коренных малочисленных народов, а также улучшит крайне неблагоприятную пространственную ситуацию, в которой ныне оказалась Россия. Сельское хозяйство – это та отрасль, которая в первую очередь обустраивает территорию страны. Такое обустройство имеет геополитическое значение, не измеряемое экономическими критериями.

Природный потенциал России позволяет компенсировать внутренние нарушения экологических условий собственными ресурсами. Более того, наша страна способна противостоять и внешним негативным воздействиям на свою природу. Экологические дефекты нашей страны – это высокие ресурсоёмкость и удельный выход отходов, концентрация источников потенциального риска. Без устранения этих дефектов трудно рассчитывать на роль природоохранного лидера планеты.

Общепланетарную роль российской территории как главной «очистной установки» планеты нужно использовать для упрочения российских позиций в международных отношениях, тем более что вес экологических факторов в глобальной политике неуклонно возрастает.

Литература

Алексеев В.Р. Талая вода – криогенный ресурс планеты // Геогр. и прир. ресурсы. 2012. № 1. С. 24–31.

Арбатов А.А. Циклы нефтяной зависимости // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. http://www.globalaffairs.ru/number/n_4831 (дата обращения: 03.07.2019).

Бавлов В.Н. Основные задачи геологоразведочных работ в 2005 г. // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2006. № 2. С. 48–56.

Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.

Башкин В.Н. Управление экологическим риском. М.: Научный мир, 2005. 368 с.

Бедрицкий А.И. О реализации Морской доктрины Российской Федерации в области информационного обеспечения морской деятельности // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2004. № 6. С. 45–52.

Болгов М.В., Алексеевский Н.И., Гарцман Б.И., Георгиевский В.Ю., Дугина И.О., Ким В.И., Махинов А.Н., Шалыгин А.Л. Экстремальное наводнение в бассейне Амура в 2013 г.: анализ формирования, оценки и рекомендации // Геогр. и прир. ресурсы. 2015. № 3. С. 17–26.

Видение Волги. Междисциплинарная инициатива ЮНЕСКО по устойчивому развитию Волжско-Каспийского бассейна / Нижегор. гос. арх.-строит. ун-т. Нижний Новгород, 2004. 144 с.

Виноградов М.Е., *Михайловский Г.Е., Монин А.С.* Вперед к природе // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 9. С. 810–817.

Водные ресурсы России и их использование. СПб.: ГГИ, 2008. 596 с.

Воронов Б.А. Эколого-географические аспекты кризисных ситуаций на р. Амур // Новые географические знания и направления исследований. Киев: Академпериодика, 2006. С. 264–269.

Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и северо-востока КНР. Владивосток: Дальнаука, 2004. 231 с.

Ганзей С.С., Ермошин В.В., Мишина Н.В., Шираива Т. Современное использование земель в бассейне Амура // Геогр. и прир. ресурсы. 2007. № 2. С. 17–25.

Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв. Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2010. 558 с.

Глазовская М.А. Методологические основы оценки эколого-геохимической устойчивости почв к техногенному воздействию. М.: МГУ, 1997. 102 с.

Горбатенко Л.В. Водопользование в трансграничном бассейне р. Амур // Геогр. и прир. ресурсы. 2016. № 2. С. 27–35.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017. 760 с.

Данилов-Данильян В.И. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31–41.

Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды. Экологический, экономический, социальный и политический аспекты. М.: Наука, 2006. 221 с.

Добровольский Г.В., Зайдельман Ф.Р. Объект мелиорации: почва или земля? // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2004. № 3. С. 50–56.

Думнов А.Д., Борискин Д.А. Некоторые итоги внедрения Общероссийского классификатора видов экономической деятельности для природно-ресурсного комплекса России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2007. № 5. С. 5–8.

Думнов А.Д., Борискин Д.А. Некоторые проблемы статистики минерально-сырьевой базы и геологоразведочных работ в современной России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 2. С. 9–12.

Исаченко А.Г. Экологическая география России. СПб: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 328 с.

Клюев Н.Н. Эколого-географическое положение России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 6. С. 15–34.

Клюев Н.Н. Природно-ресурсная сфера России и тенденции её изменения // Вест. РАН. 2015. Т. 85. № 7. С. 579–592.

Клюев Н.Н. Россия на экологической карте мира // Экологический атлас России. М.: Феория, 2017. С. 16 – 25.

Козловский Е.А. Дальний Восток: геополитическая ситуация, минерально-сырьевой потенциал и поиск решений // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2007. № 2. С. 15–17.

Коронкевич Н.И., Барабанова Е.А., Бибикова Т.С., Зайцева И.С. Россия на водохозяйственной карте мира // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 1. С. 7–18.

Котляков В.М., Кочуров Б.И., Коронкевич Н.И., Антипова А.В., Денисова Т.Б. Подходы к составлению экологических карт СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 4. С. 61–70.

Котляков В.М., Тишков А.А. У истоков отечественной академической географии // Вест. РАН. 2011. № 10. С. 925–930.

Круговорот углерода на территории России / Под ред. Г.А. Заварзина. М.: Миннаука РФ, 1999. 326 с.

Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. М.: ИЭС, 2006. 640 с.

Лосев К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI в. М.: Космосинформ, 2001. 400 с.

Матишов Г.Г., Ильин Г.В. Ещё раз о влиянии морей России на здоровье человека // Вестн. РАН. 2006. № 4. С. 315–317.

Никифорова Е.М., Кошелева Н.Е. Многолетняя динамика загрязнения тяжёлыми металлами почв Восточного округа Москвы // Геохимия ландшафтов и география почв / Геогр. ф-т МГУ. М., 2012. С. 186–206.

О российско-китайском сотрудничестве в области использования и охраны водных ресурсов // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 6. С. 134–137.

Огородников Б. Радиоактивные отходы у берегов Новой Земли // Евразия. 1996. № 5–6. С. 33–35.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Новосибирск: СО РАН, 2010. 610 с.

Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.

Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского северо-востока, Урала и Сибири. Новосибирск: ИЭОПП, 2002. 356 с.

Прокачева В.Г., Усачев В.Ф. Загрязненные земли в регионах России. Гидрографический аспект. СПб.: Недра, 2004. 106 с.

Пулы и потоки углерода в наземных экосистемах России. М.: Наука, 2007. 315 с.

Ревич Б.А., Малеев В.В. Потепление климата – возможные последствия для здоровья населения // Климатические изменения: взгляд из России. М.: ТЕИС, 2003. С. 99–137.

Российский статистический ежегодник. 2018 г. / Федеральная служба гос. статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения: 03.07.2019).

Россия и ее регионы: внешние и внутренние экологические угрозы / Под ред. Н.Н. Клюева. М.: Наука, 2001. 216 с.

Россия и страны мира – 2012 г. / Федеральная служба гос. статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_39/Main.htm (дата обращения: 03.07.2019).

Север как объект комплексных региональных исследований. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 512 с.

Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России – 2015 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_38/Main.htm (дата обращения: 03.07.2019).

Симчера В.М. В безопасности ли экономика современной России? // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М.: МГФ «Знание». 1998. С. 88–102.

Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов. Новосибирск: Наука, 2013. 161 с.

Статистический ежегодник мировой энергетики. 2018. https://yearbook.enerdata.ru (дата обращения: 03.07.2019).

Тишков А.А. Биосферные функции природных экосистем России. М.: Наука, 2005. 309 с.

Федотов А. Планета Земля, человечество, экономика // Экономист. 1995. № 11. С. 43–56.

Чибилёв А.А. Эколого-географические проблемы российско-казахстанского приграничного субрегиона // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 3. С. 13–22.

Экологические риски в трансграничном бассейне р. Иртыш. Новосибирск: СО РАН, 2014. 161 с.

http://unstats.un.org/unsd/syb/ (дата обращения: 03.07.2019).

State of the World. 1997. New York / London, 1997. 229 p.

World Resources. 1998–1999. New York, Oxford. Oxford University Press. 1998. 369 p.

World Resources. 2000–2001. https://www.wri.org/publication/world-resources-2000-2001 (дата обращения 12.07.2019).

World Resources. 2005. http:// www.wri.org/pubs (дата обращения: 03.07.2019).

www.faostat.fao.org/ (дата обращения: 03.07.2019).

Глава 3

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Российское пограничье – обширное поле исследований, которые должны проводиться в разных масштабах – от общегосударственного, или макрорегионального, до локального. Наша страна граничит с 16 странами, обладает самой протяжённой в мире сухопутной границей и сталкивается с огромным разнообразием проблем соседства. Эти проблемы по-разному проявляются на разных пространственных уровнях, что диктует необходимость территориально дифференцированного подхода к их изучению. Их актуальность определяется развитием интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС, «поворотом на восток» во внешних связях и изменившимся форматом взаимодействий с соседними странами ЕС, риском обострения региональных конфликтов вблизи российских границ. Пограничными исследованиями занимаются представители разных научных дисциплин – географы, экономисты, политологи, историки, социологи (перечень далеко не полный).

В России начинает складываться междисциплинарное сообщество экспертов, для которых пограничные исследования стали областью специализации. Они призваны выработать чёткие представления о жизни границы, её функциональном и инфраструктурном обустройстве, повседневных проблемах людей, особенностях взаимодействий с соседними странами, многообразии ситуаций на разных участках протяжённой российской границы, сложившемся под влиянием разнородных природно-географических, социально-экономических, демографических, этнокультурных и политических факторов. Одна из главных задач пограничных исследований – рассмотреть предпосылки и текущее состояние приграничного сотрудничества как феномена, отражающего баланс интересов разных акторов, участвующих в трансграничных взаимодействиях: от местных жителей до транснационального бизнеса и межгосударственных союзов.

Настоящая глава посвящена проблемам изучения российского пограничья и некоторым выводам, сделанным авторами вышедшей в конце 2018 г. монографии «Российское пограничье: вызовы соседства» (Российское…, 2018), написанной по итогам одноимённого пятилетнего проекта РНФ и предыдущих исследований. Авторы ставили своей задачей выяснить соотношение объективных и субъективных обстоятельств, логики экономической и экологической рациональности, подкрепляемой здравым смыслом, и логики страхов и угроз, базирующейся на стереотипах, манипулировании информацией и навязывании представлений, отражающих смену геополитических ориентиров и интересов элит. В фокусе исследования были механизмы и институты трансграничных контактов, пути преодоления противоречий между внутри- и внешнеполитическими процессами, интересами национальной безопасности и выгодами свободных взаимодействий.

Влияние государственной границы на приграничные районы: устойчивость и высокая динамичность

Государственная граница – не просто линия, обозначающая пределы государственного суверенитета, но и показатель дееспособности государства, отражение

его природы, системы ценностей, моделей поведения, отношений между обществом, гражданином и властями. Её влияние на социум приграничных районов многообразно и в современную эпоху необычайно динамично. Соотношение между её контактными и барьерными функциями подвижно. Оно меняется в зависимости от перипетий международной обстановки и двусторонних отношений, состояния экономики сопредельных стран и регионов, курсов валют, цен, таможенных пошлин, транспортных тарифов и т.д. Поэтому изменчивы и многие трансграничные потоки, что осложняет деятельность транспортных и пограничных служб. Недаром ключевое понятие в современных исследованиях границ, которое трудно однозначно и кратко перевести на русский, – *bordering*. Оно означает не только формирование и обустройство границ, но и постоянный процесс изменения их режима, функций, общественного значения – например, в результате изменения политических стратегий, сдвигов в международной обстановке и двусторонних отношениях, курса валют и мировых цен, в ходе повседневной деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий и т.д.

В то же время функции границы представляют собой устойчивый социальный феномен, определяющий территориальную структуру страны, в том числе соотношение между центральными и периферийными регионами, конфигурацию коммуникаций, а также региональные идентичности, социальные представления об окружающем мире и стереотипы. Система расселения и территориальная структура хозяйства обладают большой инерцией и определяют демографические и социально-экономические различия по разные стороны границы, а стало быть, и «разность потенциалов», генерирующую трансграничные потоки. Так называемые фантомные границы, утратившие свои функции десятки и даже сотни лет назад, до сих пор проявляются в хозяйстве, культуре и самосознании граждан, оказывают влияние на государственное строительство и отношения с соседними странами (Колосов, 2017).

Соотношение между безопасностью и открытостью границы

Граница и прилегающая к ней полоса – «кожа» государства, и её «здоровье» – условие нормального функционирования всего его «тела» – сложного государственного механизма. «Здоровье» пограничья зависит от настройки его функций в обеспечении безопасности государства, с одной стороны, а с другой – во взаимодействии с окружающим миром и особенно соседней страной (коммуникаций, транзита, посредничества). Эта настройка сопряжена со значительными сложностями. Издержки чрезмерного усиления барьерных функций границ трудно поддаются учёту, что влечёт преувеличение рисков и «закручивание гаек» на всякий случай, вопреки рациональной логике. Однако усиление препятствий для трансграничных взаимодействий, которое обосновывается задачами укрепления безопасности – такая же крайность, как и призывы к полной прозрачности границ, и приводит к серьёзным проблемам, связанным с изоляцией, хорошо известным из опыта СССР.

Один из примеров выбора между стратегическими сценариями развития региона – эксклавная Калининградская область. С конца 1990-х годов её резкую демилитаризацию стали противопоставлять расширению НАТО на восток и укреплению его военной инфраструктуры вблизи российских границ. Поэтому ещё

в начале 2000-х годов возникла перспектива возвращения региону роли «самого западного редута страны», выдвинутого в сторону потенциального противника. Альтернативой был курс на всемерное использование выгод нового географического положения области в интересах как всей России, так и самого региона, экономическую и политическую открытость, превращение региона в «опытный полигон» сотрудничества с европейскими странами, связанное с устранением препятствий для трансграничных обменов и развитием приграничных контактов, обеспечением благоприятного климата для иностранных инвестиций, расширением внешней торговли, логистических функций. Однако оптимальный путь – достижение баланса между задачами обеспечением безопасности страны и конкретно Калининградской области и её открытостью. Более того, в нынешних условиях одно невозможно без другого (Федоров, 2010; Федоров и др., 2013).

Между интересами безопасности и необходимостью облегчения трансграничных взаимодействий нет жесткого противопоставления. Одно из условий укрепления национальной безопасности – достижение устойчивого социально-экономического развития приграничных регионов, поддержание или повышение уровня жизни их населения до величин, сопоставимых с соседними странами. Этому способствуют трансграничные контакты, которые облегчают диффузию инноваций, знаний и компетенций, сдерживают процессы депопуляции благодаря компенсации дефицита развития за счёт ресурсов и возможностей соседей. Извлекаемая населением рента приграничного положения повсеместно служит фактором снижения социальной напряжённости. Многие задачи обеспечения национальной безопасности и вовсе не могут быть решены без приграничного сотрудничества. Это в первую очередь касается экологической и эпидемиологической обстановки, водопотребления, засух, суховеев, наводнений, распространения вирусов и прочих угроз, не признающих политических границ.

Наибольшее значение приобретают не запретительные, а превентивные и регулятивные меры, позволяющие использовать контактные функции границ к общей выгоде, минимизировать издержки пограничных барьеров и потенциальные риски национальной безопасности. Отказ от крайностей означает поиск сбалансированной пограничной политики, требующей понимания процессов, происходящих в соседней стране и на её пограничных территориях.

Успешное развитие приграничных территорий важно ещё и потому, что граница – «витрина» государства. Она не только определяет контуры территории, на которую распространяется государственный суверенитет, и служит рубежом национального экономического, социального, политического и культурного пространства, но и представляет собой социальный конструкт, элемент национальной идентичности и одновременно мощный инструмент её формирования. К сожалению, состояние многих пограничных переходов, особенно в восточной части страны, далеко от современных требований. На некоторых из них пограничные службы до сих пор располагаются в неподходящих арендованных помещениях и являют резкий контраст, например, прекрасно оборудованным китайским переходам – настоящим «воротам» страны.

Приграничье и периферия – синонимы?

Большинство приграничных регионов по обе стороны российских границ отличаются невысокими показателями душевого производства ВРП относительно

средних значений по своим странам. Исключение – регионы ресурсного типа, в которых добываются наиболее ликвидные виды сырья, прежде всего нефть и газ, а также некоторые старопромышленные районы и регионы, расположенные рядом с политическими и экономическими столицами. На юге и востоке российское пограничье на большей части протяжённости пока несколько превосходит прилегающие районы соседних стран, однако эта картина меняется в результате успешного развития экономики граничащих с Россией нефтедобывающих регионов Казахстана и китайского пограничья (Колосов и др., 2018). Отсталость или депрессивный характер экономики приграничных регионов затрудняет взаимодействие и сотрудничество. К сожалению, тенденция к относительному сглаживанию разрыва в социально-экономических показателях между регионами российского пограничья и их западными соседями, кроме Белоруссии и Украины, была прервана девальвацией рубля в конце 2014 г. На значительной части пограничья между Россией и странами ЕС социально-экономический градиент остаётся значительным.

Во взаимной торговле пограничных регионов РФ с соседними странами сложилась выраженная асимметрия в соотношении экспорта и импорта. Динамика внешнеторговых связей пограничных регионов отражает изменения, которые происходят в национальных экономиках благодаря влиянию международных организаций – ВТО, ЕС, Таможенного союза, ЕврАзЭС, национальных политик замещения импорта в интересах безопасности государств. Крупный внешнеторговый дефицит российских приграничных регионов в торговле с Украиной (до кризиса) и Белоруссией был связан с разной структурой ввоза и вывоза и более высокой конкурентоспособностью белорусских и украинских товаров на российском внутреннем рынке. Асимметрия российско-китайской приграничной торговли ещё более выражена в силу узкой специализации восточных регионов России. Российская часть пограничья предстаёт поставщиком сырья в сопредельные регионы и потребителем товаров и услуг из них. Для территорий, граничащих с Казахстаном, напротив, характерно устойчивое превышение экспорта над импортом, что связано с обменом энергоносителями. Нефть и газ, добываемые в казахстанском приграничье, поступают на переработку в соседние российские регионы, а затем их продукция экспортируется в Казахстан. Эта схема была унаследована от территориально-производственного комплекса СССР и продолжает действовать. Однако Казахстан стремится к созданию полного цикла производств на своей территории.

Различия в структуре хозяйства по разные стороны «новых» границ, возникших после распада Советского Союза, часто существенно меньше, чем в «старом» пограничье. Но сильные трансграничные градиенты и резкая асинхронность развития усугубляют асимметрию взаимодействий и отток ресурсов, могут подрывать доверие в отношениях между странами-соседями, препятствуют равноправному сотрудничеству.

Согласно международному опыту, наиболее успешно приграничное сотрудничество обычно между регионами со сходным уровнем развития, однако в других случаях определённый градиент, наоборот, порождает активные, хотя, как правило, асимметричные взаимодействия и сотрудничество.

Интенсивность и характер взаимодействий

Несмотря на геополитические сдвиги последних лет, закономерно усилившие роль границ как рубежей обеспечения национальной безопасности, другие трудности и проблемы, приграничные взаимодействия выгодны для России. Они облегчают диффузию инноваций и передачу знаний и компетенций, замедляют депопуляцию, компенсируют недостатки периферийного положения приграничных территорий, благоприятно влияют на территориальную структуру страны. Рентно-спекулятивная модель отношений с соседями, типичная для российского пограничья в первое постсоветское десятилетие, сменилась более дифференцированными взаимодействиями, связанными с развитием малого бизнеса, услуг, туризма. Диверсификация взаимодействий в приграничной зоне связана, во-первых, с развитием малого бизнеса (кафе, мастерские, гостиницы, предприятия сферы услуг и пр.), во-вторых, с приобретённым опытом трансграничных взаимодействий, пониманием правил поведения в иной социальной среде. Практически повсеместно – от Китая до Норвегии россияне используют возможности сферы услуг, здравоохранения, образования и отдыха, имеющиеся в соседней стране.

Интенсивность трансграничных связей находится в прямой зависимости не столько от близости к границе, сколько от положения населённого пункта в региональной системе «центр–периферия». Чем выше иерархический ранг поселения, тем больше возможностей имеет население для трансграничных поездок. Зависит интенсивность связей и от сложившихся линейно-узловых структур: территориальная глубина взаимодействий значительно больше вдоль полимагистралей, связывающих основные города и транспортные узлы России и соседних стран. Один из ярких примеров – Смоленская область, в которой «глубина» российско-белорусских взаимодействий значительно больше вдоль автомагистрали М1 Москва – Минск. Благодаря «открытым» границам в пограничье между Россией и сопредельными странами ЕАЭС российские территории могут сильнее тяготеть к региональному центру соседнего государства, чем к собственному, и наоборот. Условия для этого заданы транспортной доступностью, историческими, политическими факторами и функциональной спецификой связей.

Чем интенсивнее трансграничные взаимодействия, тем больше шансов для сохранения обменов и партнёрства даже при неблагоприятных экономических и политических обстоятельствах. В пограничье сформировалась общности, живущие «на две страны», чьи сезонные и недельные перемещения связаны с пересечением границы. В их числе – смешанные супружеские пары и их дети, предприниматели, осевшие в соседних странах российские специалисты. Члены таких трансграничных общностей – естественные инициаторы и активные участники совместных проектов. Коллективный опыт этих людей порождает в российском пограничье заметный демонстрационный эффект в образе жизни и потреблении.

Материалы исследования пограничья, в частности, между Россией и Эстонией, Россией и Украиной, показывают, что полностью «закрыть» границу в современном взаимозависимом мире практически невозможно. Кризисные явления и острые конфликты на межгосударственном уровне не приводят к тотальному свёртыванию трансграничных взаимодействий: повседневные потребности людей и нужды экономики, накопленный в предыдущие годы позитивный опыт способствуют сохранению критически необходимого уровня контактов.

При этом связь между «прозрачностью» границы и интенсивностью трансграничных контактов далеко не прямолинейна: открытости границы и политики добрососедства ещё недостаточно для активизации трансграничных контактов. Более того, снятие барьеров может привести к новым, подчас неожиданным проявлениям асимметрии взаимодействий, как это произошло в пограничье между Россией и Казахстаном.

Усиливающаяся геополитическая и экономическая турбулентность делает особенно актуальным вопрос об устойчивости и изменчивости контактных и барьерных функций границы. Неопределённость перспектив отношений Россией с ЕС и другими странами Запада, Украиной, ДНР и ЛНР сильно влияет на перспективы приграничного сотрудничества, лишает инвесторов и местные администрации возможности выстраивать долгосрочные планы.

Восприятие соседней страны, политика и практика трансграничных взаимодействий

Позитивные сдвиги в трансграничных взаимодействиях определяются не только прагматическими задачами экономического развития, но и нередко труднопредсказуемыми субъективными факторами национального, регионального и локального уровня. Необходимы благоприятное восприятие соседней страны (региона), осознание взаимных выгод сотрудничества.

Отношение к внешним соседям в сильнейшей степени подвержено влиянию стереотипов общественного мнения. Функции и режим каждой диады границ во многом определяются «геополитическим кодом» двусторонних отношений – их долговременной моделью, формирующей прочный имидж соседней страны в общественном сознании, передаваемый от поколения к поколению, в том числе благодаря политическому дискурсу, развиваемому и транслируемому СМИ. Негативные ментальные конструкции передаются от поколения к поколению через дискурс о действительных или мнимых исторических обидах и несправедливостях, утверждение мифологизированной интерпретации общей истории и негативных стереотипов. Так происходит, например, в Финляндии: согласно исследованию Ю. Лайне и других финских авторов, антироссийские чувства внедрены там в общественное сознание и воспринимаются как естественные и самоочевидные («Россия никогда не изменится»), хотя образ восточного соседа стал гораздо более сложным и дифференцированным (Luostarinen, 1989; Лайне, 2017). Таким образом, барьерная функция границ и отчуждение в восприятии соседней страны воспроизводятся через мобилизацию исторической памяти. Негативные стереотипы имеют вполне осязаемые материальные последствия для трансграничных взаимодействий, особенно тех, что требуют доверия и интереса к противоположной стороне – инвестиций, туризма.

В результате ускорения общественных процессов и в результате радикальных геополитических сдвигов восприятие границы и сопредельной страны жителями приграничных территорий иногда может меняться в сравнительно короткие сроки. С одной стороны, их потребности и повседневный опыт способствуют улучшению имиджа соседей, постепенному формированию видения границы как оси единого трансграничного пространства. С другой стороны, политический дискурс, драматизирующий различия идентичностей по разные стороны

границы, может укреплять её интерпретацию как «священного рубежа родины» или разграничительной линии между «цивилизациями».

Геополитический кризис, инициированный событиями 2014 г. на Украине, сильно повлиял на трансграничные взаимодействия между Россией и рядом её соседей. Этот кризис назревал давно и среди западных аналитиков ассоциируется с завершением распада постсоветского пространства и окончательным освобождением бывших советских республик от «имперского ига» России. Действительно, в последнюю четверть века дезинтеграционные процессы в российском пограничье явно превалировали над интеграционными. С течением времени надежды на восстановление прежних связей между бывшими советскими республиками таяли, попытки влить новое вино в старые меха становились всё более затратными и малопродуктивными. Если вначале казалось, что бывшие советские республики «обречены» на сотрудничество в силу общности исторических судеб, единства системы расселения и хозяйства, то ныне очевидно, что для этого необходимы значительные усилия. Число людей, выросших в одной стране, учившихся по одним и тем же учебникам и сходным образом оценивавших исторические события, резко сократилось; прежние производства устарели и деградировали, интересы нового бизнеса – иные, так же как и ценностные ориентации молодых поколений, выросших и социализированных в независимых национальных государствах, имеющих собственные геополитические ориентиры. Ощущение необратимости процессов размежевания усиливала неопределённость, а иногда и открытая враждебность отношений между Россией, ЕС и другими странами Запада, информационные и дипломатические войны, политика санкций, попытки превратить РФ в страну-«изгоя», нарушающую устойчивый мировой порядок и играющего против международных правил.

Господствующие и альтернативные социальные представления о сложившихся и желательных отношениях с соседними странами, взаимодействиях с ними, режиме и функциях границ можно проанализировать, с одной стороны, с помощью изучения политического дискурса в СМИ и исторических нарративов, процесса трансляции ценностей и стереотипов через систему образования, а с другой – идентичности, и взглядов жителей пограничных городов и районов, символического ландшафта и памятных мест.

Российский политический дискурс, касающийся отношений с сопредельными странами, в течение всего постсоветского периода был сфокусирован на балансе между условным западным и восточным (евразийским) вектором во внешних связях страны. Но при этом дискурс претерпел коренные изменения. Ныне евразийская интеграция («восточный вектор») представляется одной из форм глобального соперничества между Россией и Западом. Перераспределение контактных и барьерных функций между границами со странами бывшего СССР интерпретируется как результат их выбора между ассоциацией с ЕС и участием в проектах евразийской интеграции под эгидой России. Отношения России и западного сообщества, таким образом, рассматриваются как жесткая геополитическая конкуренция и «игра с нулевой суммой». Произошедшие сдвиги проявились, в частности, в резком ухудшении имиджа ЕС в России, появлении жёсткого барьера вдоль границы с Украиной, превратившейся во враждебную страну. Значительно укрепилась гегемония официального дискурса. Левый и национал-патриотический дискурсы по многим вопросам практически слились (Колосов и др., 2018а, б).

Эти процессы нашли отражение и во взглядах населения приграничных городов. В условиях глобализации, ослабляющей значение национальных государств, и всё более непростой геополитической ситуации жители многих приграничных территорий начинают остро осознавать свою отличительность (Вендина, 2016). Культура, события прошлого, языки и этничность оживают даже там, где они казались прочно забытыми. В государствах, где деятельность приграничных сообществ рассматривается как угроза национальному суверенитету, доминирует политика размежевания с соседом и продвижения единой национальной культуры. Однако действия, которые раньше обеспечивали консолидацию, в условиях информационной открытости влекут за собой потерю доверия части граждан и ослабление легитимности власти. Недостаточное внимание к специфическим интересам жителей пограничья, их самобытности и особенностям локальной исторической памяти негативно влияет на общенациональную идентичность. Преодолеть эту ситуацию невозможно без постоянно действующего диалога с соседями по другую сторону границы. Деполитизация истории, вынесение её больных вопросов в сферу совместных публичных обсуждений, значительно снижают накал страстей, помогают оппонентам услышать друг друга. Публичность этого процесса способствует включению локальных версий истории в большой исторический нарратив государства. Число «закрытых тем» и возможностей для спекуляций о неправомерности границ уменьшается, а значит, снижаются и угрозы национальной безопасности (Зотова и др., 2018).

В этих условиях быстро меняется символический ландшафт пограничья России и сопредельных стран. Новые независимые государства (в частности, Украина) пытаются укрепить свой суверенитет и национальную идентичность, проводя политику тотального символического размежевания с Россией – искоренения топонимов, напоминающих о советском прошлом, унификации коллективной памяти по всей стране, включая и пограничье. На Дальнем Востоке, напротив, изменения в символическом ландшафте пограничных городов отражают стремление к партнёрским отношениям с Китаем, хотя практическая реализация этих намерений приносит иногда противоречивые результаты (Вендина, Гриценко, 2017).

На границах со странами ЕС российские граждане лучше относятся к соседям, чем жители сопредельных государств – к россиянам. Вместе с тем, жители граничащих с Россией территорий более позитивно воспринимают россиян, чем население в среднем. Напротив, жители сопредельных с РФ регионов Казахстана и Китая настроены по отношению к россиянам более позитивно, чем россияне к ним.

Один из важных выводов, вытекающих из опыта изучения нового пограничья России, заключается в том, что процессы государственного строительства и текущие внутриполитические обстоятельства имеют гораздо большее влияние на приграничные взаимодействия, чем евразийская интеграция. Поэтому хозяйство приграничных районов всё больше связано с внутренним рынком, а не с сопредельной страной, что приводит к нарастанию периферийности пограничья (Морачевская, Карпенко, 2018). В России и некоторых других странах бывшего СССР его доля в населении и экономике снижается. Неравномерность экономических процессов вызывает дальнейшую дифференциацию и фрагментацию пограничного пространства, усиление как трансграничных, так и внутренних контрастов между успешными и депрессивными областями, центром и периферией.

***

В заключение следует подчеркнуть необходимость разработки территориально дифференцированной российской политики соседства, отвечающей его вызовам и в то же время способствующей росту благосостояния миллионов людей, живущих в пограничье, обеспечивающей условия для их нормальной жизни и безопасность страны. Такой подход предполагает координацию деятельности многих федеральных ведомств, региональных и муниципальных властей, институтов гражданского общества, местного бизнеса и населения, учёт разных групп интересов и развитие институтов трансграничных взаимодействий. Приграничное сотрудничество позволяет добиваться конкретных результатов, меняя ситуацию в российском приграничье к лучшему. Его деполитизация ослабляет зависимость жизни в приграничных регионах от международной обстановки и колебаний в двусторонних отношениях.

Опираясь на опыт последних лет, можно также утверждать, что политика соседства может успешно развиваться только на принципах равноправия, совместного финансирования разрабатываемых программ и чётко прописанных взаимных обязательств, согласования стратегий и конкретных проектов, региональных и муниципальных планов. Тогда можно надеяться, что важнейшие для России интеграционные проекты, играющие особенно заметную роль в приграничье, достигнут своих целей.

Литература

Вендина О.И. Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием. Часть 1 // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 3. С. 7–30.

Вендина О.И., Гриценко А.А. Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета // В фокусе наследия / Под ред. М.Е. Кулешовой. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 400–418.

Гриценко А.А. Восприятие соседей в приграничных городах Крыма после 2014 г. // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 109–114.

Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 56–77.

Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 5. С. 7–21.

Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 3–11.

Колосов В.А. Парадоксы глобализации и новое «огораживание» государственной территории в современном мире // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 9–18.

Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть I. Глядя на Запад // Полис. 2018а. № 3. С. 42–59.

Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть II. Глядя на Восток // Полис. 2018б. № 5. С. 57–69.

Лайне Ю. Восприятие России в общественном сознании Финляндии // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 123–139.

Морачевская К.А., Карпенко М.С. Влияние евразийской интеграции на экономическое взаимодействие в российско-белорусском и российско-казахстанском приграничье // Региональные исследования. 2018. № 3. С. 92–100.

Российское пограничье: вызовы соседства / Под ред. В.А. Колосова. М.: ИП И.И. Матугшкина, 2018. 562 с.

Федоров Г.М. Калининградская дилемма: «коридор развития» или двойная периферия? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 5–15.

Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С. Россия на Балтике: 1990–2012 годы. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 252 с.

Luostarinen H. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. 1989. Vol. 26. № 1. P. 123–137.

Глава 4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ[1]

Транзитный потенциал России пока используется далеко не в полной мере. В стратегических документах последних лет ставится задача более полного его использования, тем более, что в результате сдвига мировой экономики в Азию разрыв между потенциалом и его реальным использованием увеличивается. Это связано, с одной стороны, с ростом производительности морского транспорта, расширением пропускной способности Суэцкого канала, быстрым развитием логистики, а с другой, недостаточно быстрой модернизацией российского транспорта, большого числа узких мест на транспорте, замедляющих и удорожающих перевозки по трансконтинентальным магистралям России. В то же время геополитические риски перевозок по традиционным морским маршрутам имеют тенденцию к возрастанию, поскольку они пролегают в зонах непрекращающихся конфликтов, таких как Южно-Китайское, Аравийское и Красное моря. Это заставляет мировое сообщество искать альтернативные маршруты сообщений между Европой и Азией. Воссоздание «Великого шёлкового пути» через реализацию китайского мегапроекта «Пояс и путь» – одно из направлений этого поиска. В свою очередь Россия выдвинула идею «Большого евразийского партнерства», в которой, как и в китайском проекте, ведущее место занимают транспортные проекты.

В «Комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»[2] от 30.09.2018 г. ставится задача существенно расширить транзитные перевозки по железным и автодорогам, а также через порты России. Доходы от экспорта транзитных услуг согласно этому документу по сравнению с 2017 г. должны в 2024 г. вырасти более чем на треть. Центральное место в решении этой задачи занимают главные транспортные коридоры. В настоящей главе анализируется роль международных транспортных коридоров (МТК), проходящих через Россию, в освоении её транзитного положения.

О сущности международных транспортных коридоров

Международные транспортные коридоры играют ключевую роль не только во внешних экономических связях, но и в межрегиональных связях большинства стран мира. Соотношение внутренних и внешних связей в деятельности МТК в каждом конкретном случае своё, в соответствии со степенью и формами вовлечённости страны в международные экономические отношения. Международная значимость транспортных коридоров со временем меняется, отражая

[1] В главе использованы идеи и подходы, выработанные автором в ходе работы по проектам «Россия в изменяющемся мировом пространстве, межгосударственная интеграция на евроазиатском континенте» и «Внешние факторы развития регионов и крупных городов России», выполнявшимся в Институте экономики РАН и Институте географии РАН в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН в 2015–2017 и 2018–2019 гг.

[2] Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Национальные проекты: целевые показатели и результаты. 2019 г. http://static.government.ru/media/files/mMrrbr3q9P6cGfWP3WxSmf7lCvAhrLob.pdf.

изменения, происходящие в структуре национального и глобального экономического пространства, в профиле участия страны и её регионов в международных экономических отношениях и, как отражение этого, в их положении в мировой торговле и транспорте.

Понятие «транспортный коридор» (ТК) появилось в середине 1980-х годов, когда Комиссией по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединённых Наций (ЕЭК ООН) начали проводиться исследования транспортных потоков в Европе с целью развития транзитных перевозок (Щербанин, 2006).

В работах по физическому планированию под ТК понимается некое географическое пространство вдоль главного направления массовых перевозок грузов и пассажиров внутри или между агломерациями. Коридоры могут включать как одну дорогу, так и сеть параллельных маршрутов вместе с прилегающими к ним территориями (Corridor…, 2007). Именно, в таком, а не в линейном понимании, используется понятие ТК в настоящей работе.

Начавшаяся в середине прошлого века глобализация экономики сопровождалась непрерывным техническим прогрессом на транспорте. Важнейшую роль в нём сыграла «контейнерная революция», позволившая многократно сократить время и расходы по перевалке грузов. Развитие транспорта идёт и путём углубления специализации транспортных средств на перевозке определённых грузов по объёмам перевозимых грузовых партий, и по используемым комбинациям транспортных средств с целью более быстрой и своевременной доставки потребителям. Последовательная перевозка грузов разными видами транспорта с формированием цепочек транспортного обслуживания (мультимодальные и интермодальные перевозки), так называемые бесшовные перевозки, позволяет ускорить сообщение, повысить его надёжность и качество.

С развитием мировой транспортной инфраструктуры и изменением пространственной структуры международной торговли происходят технологические изменения в транспортных коридорах. Главными звеньями мировой транспортной системы становятся крупнейшие морские порты, которые связаны множеством контейнерных (фидерных) линий с региональными портами, а те, в свою очередь, с локальными портами, а также регулярными сухопутными маршрутами с внутренними отправителями и получателями грузов. Важными звеньями мировой транспортной системы стали крупные города, выступающие центральными звеньями национальных транспортных систем и формирующихся в результате их взаимодействия МТК. Формирование многоуровневой системы МТК, работающей по принципу *hubandspoke* (узла и тяготеющего к нему пространства), предполагает широкое вовлечение стран и регионов в международную торговлю, в которой всё большее место занимают промежуточные товары – комплектующие, полуфабрикаты, детали, требующие доставки точно в срок.

Большое влияние на развитие МТК оказывают геополитические соображения стран, в частности, стремление посредством современной инфраструктуры усилить своё внешнеполитическое влияние, понизить геополитические риски выхода на главные рынки, разнообразить варианты сообщения с мировыми рынками. В целом же динамика МТК – отражение технического прогресса на транспорте, хода глобализации и регионализации мировой экономики, роста её полицентричности, геополитических и геоэкономических интересов стран-участниц в развитии международных сообщений, деятельности международных организаций.

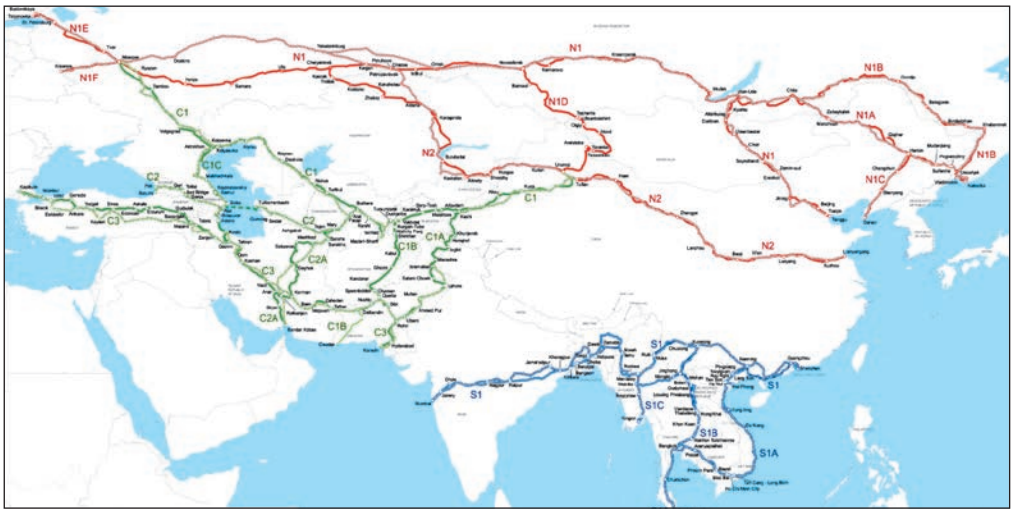

Рис. 4.1. Интегрированная карта транспортных коридоров ЭСКАТО. Источник: (Chong, 2017; Integrated…, 2017). Красные линии – Северный коридор, голубые линии – Южный коридор, зелёные линии – Центральный коридор; C1B – номера инфраструктурных участков.

В этой связи следует отметить проекты интермодальных транспортных коридоров ЭСКАТО – одной из пяти региональных организаций ООН (рис. 4.1). Эта региональная организация ООН активно содействует процессам региональной и субрегиональной интеграции, отдавая центральную роль при этом развитию транспорта и логистики, а также созданию «сухих портов» – мест стыка сухопутных транспортных сетей разных стран. Упрощение перевозок и усовершенствование логистических схем – одна из целей ЭСКАТО, поскольку транспортная инфраструктура способствует развитию внешней торговли стран, а последняя, в представлении ООН, выступает важным фактором их экономического роста.

Сегодня деятельность МТК тесно увязана с логистикой и широким внедрением цифровых технологий. С момента появления МТК сущность этого понятия эволюционировало от отражения географического направления международных перевозок до высокотехнологичной, цифровой транспортно-логистической системы. Сегодня МТК можно определить как «…согласованное развитие и унификацию технических параметров национальных магистральных путей нескольких стран, образующих международное направление перевозок между крупными центрами производств и потребления, национальных норм регулирования транзитных и внешнеторговых перевозок, логистической деятельности и широкое внедрение на этом направлении мультимодальных технологий в доставке грузов» (Вардомский, Тураева, 2018, с. 12).

МТК выполняют большую часть внешнеторговых перевозок отдельных стран, это – главные артерии внутринациональных перевозок. Но одним из главных критериев международной значимости транспортного коридора служат объёмы и разнообразие по направлениям осуществляемых по нему транзитных перевозок (Вардомский, 2018а). В этом контексте развитие МТК тесно связано с региональными интеграционными процессами и формированием общих рынков транспортных услуг.

Транзитное положение России и вопросы его использования

Россия занимает на пространстве Евразии положение близкое к центральному с широким кругом стран-соседей. В связи с этим через неё проходят более короткие сухопутные пути, связующие страны Европы и Азии, по сравнению с морским вариантом сообщения, а также Северный морской путь (СМП), потенциальное значение которого в торгово-транспортной связанности стран Европы и Азии будет постепенно увеличиваться.

Соседство с ЕС, а также Белоруссией и Украиной – на западе, Китаем, Монголией, Японией и Южной Кореей – на востоке, странами Центральной Азии (ЦА) – на юге, выход к морям трёх океанов – важная составная часть транзитного потенциала. На соседей, с которыми РФ связана сухопутными коммуникациями, приходится более половины мировой торговли и более 2/5 мирового ВВП.

Для ряда направлений Россия выступает главным транзитёром, прежде всего, для стран ЦА в их связях с ЕС, Белоруссией и Украиной. Но на большинстве направлений Россия должна конкурировать за транзитные грузопотоки. Здесь сказывается закономерность: чем длиннее транзитный маршрут, тем сильнее конкуренция других вариантов сообщения. Среди всех возможных транзитных направлений т*рансконтинентальный транзит* отличается наибольшей протяжённостью, предъявляет особые требования к скорости и качеству перевозки, требует логистического обслуживания высокого уровня, контроля движения грузов по маршруту в непрерывном режиме. В то же время динамика трансконтинентального транзита наиболее точно отражает конкурентоспособность национальных коммуникаций России в системе мировых. Однако по весу наиболее крупный транзитный поток по российским коммуникациям связан с внешнеторговыми связями Казахстана.

Для самой России высока транзитная зависимость от соседних Белоруссии, Казахстана, Украины, стран Балтии, а также Грузии – единственного реального варианта грузовых сообщений с Арменией. Россия – крупнейший потребитель транзитных услуг, оказываемых её соседями, позволяющих им получать значительный доход. Наиболее крупные экспортёры транзитных услуг для РФ среди стран СНГ – Белоруссия, Казахстан и Украина.

Потенциал положения и соседства не подкрепляется должным развитием транспортной инфраструктуры и логистики. В Транспортной стратегии РФ до 2030 г. от 22 ноября 2008 г. среди приоритетных направлений выделено «интеграция в мировое транспортное пространство и реализация транзитного потенциала страны». Но его осуществление сталкивается с большими трудностями. В данном документе было намечено в 2018 г. довести объём международного транзита до 58 млн т, в том числе по железной дороге до 56 млн т и по автодорогам – до 2,2 млн т (Стратегия…, 2008). В 2018 г. объём железнодорожного транзита России составил 22,4 млн т, а автомобильного – 1,3 млн т (Доклад…, 2019) и был меньше намеченных целевых показателей. Более того, объём железнодорожного транзита в РФ в 2017–2018 гг. был существенно ниже уровня 2012 г. (Доклад…, 2018; Доклад…, 2019) (рис. 4.2).

Это вызвано рядом причин. Первая обусловлена спадом внешней торговли у транзитных партнёров России в 2014–2016 гг. Вторая связана с введением санкций Западом против РФ и разладом по политическим причинам экономических связей с Украиной, которые сильно затронули взаимный транзит. Россия и Укра-

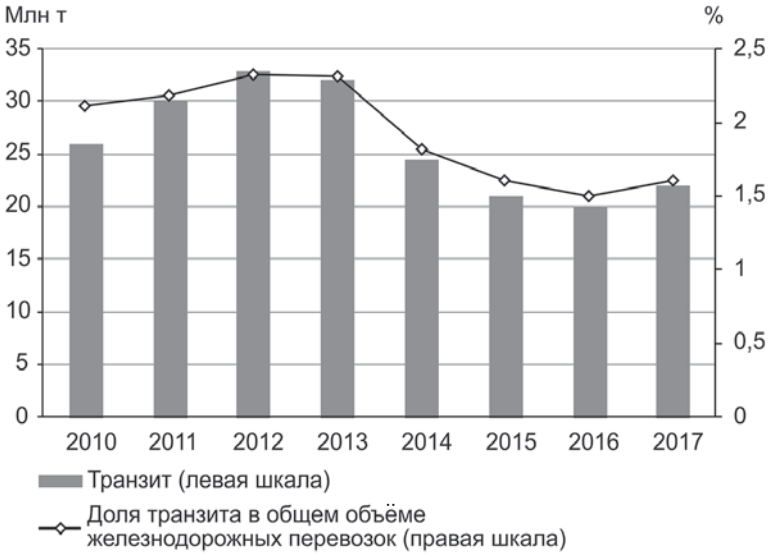

Рис. 4.2. Транзитные перевозки РЖД, 2010–2017 гг. Составлено по: (Бутов, 2016; Доклад…, 2018).

ина с момента обретения независимости были друг для друга наиболее крупными транзитными партнёрами.

Ещё одна причина обусловлена появлением для транзитных партнёров других транспортных возможностей сообщения с международными рынками – через альтернативные коммуникации, о которых упоминалось выше.

Важным ограничителем выступает также то, что объёмы доходов транспорта от транзитных перевозок в абсолютном выражении несравненно меньше, чем от обслуживания внутренних и экспортных сообщений, в которых преобладают массовые грузы. Транзитные перевозки составляют сравнительно небольшую долю в объёме железнодорожных перевозок РФ. В 2017 г. на них пришлось 1,6% всего объёма перевозок, а в структуре доходов ОАО «РЖД» – около 3%. Доходы от транзита составили чуть более 700 млн долл., а от транзитных контейнеров – 154 млн долл., т.е. примерно 32 долл. на 1 т транзитных грузов и около 400 долл. на один стандартный контейнер[3]. Это составляет весьма незначительную часть от общего экспорта транспортных услуг, который в 2017 г. был около 16,9 млрд долл. Транзит в случае России сможет приносить ощутимый для РЖД и платёжного баланса доход только при больших объёмах перевозок.

Кроме того, по ряду направлений РФ остаётся монополистом, и в связи с этим велик соблазн завышать транзитные тарифы. Тем более что зачастую транзитные сообщения конкурируют за пропускную способность с внутренними и экспортно-импортными перевозками. Это заставляет страны, зависящие от транзита, либо искать обходные пути, либо создавать инфраструктуру, обеспечивающую новые направления коммуникации с рынками.

В ряде случаев для РФ более актуально строительство транспортных путей для освоения новых месторождений минерального сырья, чем повышение пропускной способности действующей сети. Подходы к современному транспорт-

[3] Рассчитано по: *Мозговой К.* Контейнеры обгоняют прогнозы // Гудок. 2018. 30 янв.

ному строительству в основном определяются интересами крупных сырьевых компаний страны. Наиболее ярко это проявилось в задержке строительства российского участка автомагистрали Западный Китай – Западная Европа, имеющей потенциально большое международное значение. Эта задержка стала одной из главных причин отсутствия роста автомобильного транзита.

Транссибирский транспортный коридор: экспортный уголь против транзитных контейнеров

Основные объёмы транзитных перевозок концентрируются на главной широтной магистрали России – Транссибе, который вместе с БАМом, а также идущими в том же направлении автодорогой и нефте- и газопроводами составляют транссибирский транспортный коридор (ТСТК), определяющий вектор пространственного развития страны, обеспечивающий её включение в мировую экономику и обслуживающий внешний спрос на международные перевозки по российским коммуникациям.

Продолжением ТСТК служат железные дороги, идущие веером от Урала в Белоруссию, Украину, к Балтийскому, Каспийском и Чёрному морям, которые вместе с железными и автомобильными дорогами сопредельных стран составляют *широтный трансматериковый транспортный коридор.* Магистрали, отходящие от ТСТК в направлении европейских и азиатских стран, можно рассматривать как *региональные МТК*, связующие главный ТК России со странами-соседями. Это такие коридоры, как Санкт-Петербург – Хельсинки, Волгоград – Астрахань – Атырау – Нукус – Чарджоу, Новосибирск – Барнаул – Семей – Алматы, Ростов – Владикавказ – Тбилиси – Евреван и др.

Такие коридоры, связующие с Китаем, формируются в настоящее время на Дальнем Востоке РФ. К ним относятся транспортные коридоры «Приморье–1» и «Приморье–2». Первый соединит Харбин через Суйфэньхэ и Гродеково с портами Владивосток, Находка и Восточный, через которые будут осуществляться перевозки между провинцией Хэйлунцзянь и южными провинциями Китая, а также между ней и странами АТР по наиболее короткому пути. Коридор «Приморье–2» призван дать кратчайший выход к морю провинции Цзилинь через Хунчун и порт Зарубино. Для активизации формирования этих коридоров на все порты Приморского края был распространён таможенный режим Свободного порта Владивосток. Вполне вероятно формирование нового коридора в результате строительства железнодорожного моста через Амур в районе пограничного пункта пропуска Нижнеленинское – Тунцзян, который сократит железнодорожный путь между Хабаровском, Биробиджаном и китайским Харбином, а также соединит наиболее коротким образом БАМ и сеть китайских железных дорог.

В настоящее время прорабатываются пути реализации Соглашения о создании экономического коридора РФ – МНР – КНР, основой которого служат модернизация железной дороги Улан Удэ – Наушки – Улан-Батор – Эрлянь – Пекин – Тяньцзинь и строительство ряда новых линий, соединяющих железнодорожные сети РФ и КНР через Монголию. Это кратчайший путь, связывающий Москву и Пекин (7622 км), а также провинции Хэбэй, Тяньцзинь и Ляонин с расположенными на Транссибе российскими регионами. Следует отметить, что в эти коридоры входят параллельно идущие автодороги, что создаёт основу для развития мультимодальных сообщений.

Региональные транспортные коридоры, отходящие от ТСТК, играют важную роль в евразийской интеграции. Взаимоположение стран ЕАЭС и примыкающих к ним стран СНГ таково, что максимальную *транзитную ренту* и дифференциацию сообщений с мировыми рынками они могут получить только в случае согласованного развития своих транспортных сетей. Договором о ЕАЭС предусмотрено осуществление скоординированной (согласованной) транспортной политики, направленной на последовательное и поэтапное формирование *единого транспортного пространства.* По мере движения в направлении создания общего рынка транспортных услуг пространство ЕАЭС будет превращаться в единое транзитное пространство с единым транзитным тарифом для отдельных видов транспорта (Вардомский, Тураева, 2018, с. 23, 33–34).

Широтный трансматериковый транспортный коридор играет ключевую роль в экономической связанности РФ и ЕС с КНР, Японией, Южной Кореей, Северной Кореей, Монголией, странами СНГ. ТСТК выполняет значительные транзитные функции, которые связаны с обеспечением внешней торговли стран ЦА со странами Европы и Восточной Азии и между последними. Вся эта система международных путей образует транспортный каркас «Большого евразийского партнерства», к созданию которого стремится Россия[4].

С началом 2010-х годов в транспортных функциях ТСТК происходят большие изменения, связанные с быстрым ростом перевозок экспортного угля. В 2018 г. было перевезено около 80 млн т экспортного угля в направлении дальневосточных портов и около 100 млн т в западном направлении. К 2025 г. экспорт угля по восточному направлению вырастет до 126,5 млн т, а по западному – до 148,9 млн т[5].

Другой драйвер развития Транссиба – перевозки большегрузных транзитных контейнеров. За 2010–2018 гг. объём перевозок транзитных контейнеров по железным дорогам РФ вырос с 153 тыс. ДФЭ до 557 тыс. ДФЭ[6] (Холопов, Раровский, 2019; Доклад…, 2019). Но это существенно меньше, чем планировалось в Транспортной стратегии 2008 г.: 910 тыс. ДФЭ.

История транзита по транссибирскому контейнерному мосту восходит к концу 1960-х годов, когда в результате арабо-израильских войн Суэцкий канал был заблокирован до 1975 г. В этих условиях Япония, искавшая более короткие пути сообщения с Европой, совместно с советскими транспортными организациями открыла смешанную морско-железнодорожную транспортировку контейнеров через порт Находка. Сегодня в контейнерном транзите резко доминирует Китай, на который приходится 2/3 трансматерикового контейнерного транзита (Вардомский,Тураева, 2018, с. 40–46). В 2018 г. общий объём железнодорожных транзитных контейнерных перевозок (с учётом перевозок в сообщении с Белоруссией) в сообщении Китай – Европа – Китай, по данным ОАО «РЖД», составил 370 тыс. ДФЭ, на 35% больше, чем годом ранее[7]. Помимо Китая важную роль в трансконтинентальном контейнерном транзите по ТСТК играют Южная Корея и Япония, которая вновь

[4] «Большое евразийское партнерство», в представлении автора, обозначает некий ареал международного сотрудничества на евразийском материке, наполнение которого конкретными проектами и создание для этого международных институтов зависит от воли и интересов стран-участниц.

[5] *Скорлыгина Н., Джумайло А.* Великий угольный путь. Кузбасс претендует на две трети БАМа и Транссиба // Коммерсантъ. № 131. 26.07.2018. https://www.kommersant.ru/doc/3696019.

[6] ДФЭ – стандартный двадцатифутовый контейнер, в которых исчисляется контейнерный оборот.

[7] *Мозговой К.* Новые точки на карте // Гудок. 6.04.2019. https://www.gudok.ru/1520/newspaper/detail.php?ID=1459455.

стала проявлять интерес к данному варианту сообщения с европейским рынком. Этому способствует образование зоны свободной торговли между ЕС и Японией, а также начавшаяся модернизация этой транспортной артерии.

Развитию транзитных перевозок способствует реализация Программы «Транссиб за 7 дней», в рамках которой стали формироваться ускоренные контейнерные поезда со среднесуточной скоростью 1200 км и выше[8], а также начавшаяся в 2013 г. реализация программы расширения пропускной способности Восточного полигона ТСТК (железнодорожная сеть восточнее Тайшета), которая тесно увязана с наращиванием экспорта угля. В 2018 г. она была расширена до 120 млн т в год. Благодаря реализации Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 г. она должна вырасти до 182 млн т[9].

Рост экспорта каменного угля покрывает большую часть прироста пропускной способности Восточного полигона, что сдерживает рост транзитных перевозок большегрузных контейнеров по маршруту Китай – ЕС – Китай. Ограничения в пропускной способности и связанные с ними трудности в обеспечении контрактных сроков перевозки стали причинами перераспределения транзитных контейнерных потоков. Если до 2014 г. практически весь транзитный железнодорожный контейнерный грузопоток из ЕС в Китай проходил через российский пункт пропуска Забайкальск (95–100%), то в 2016 г. его доля снизилась до 22%, а 67% прошло через казахстанские Достык и Алтынколь и ещё 11% – через российский пункт пропуска Наушки (Холопов, Раровский, 2019, с. 76).

Кроме того, казахстанский вариант трансконтинентального транзита, как более короткий (примерно на 1 тыс. км) и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута), оказался более востребованным для главных поставщиков товаров, расположенных в центральной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чэнду и т.д.), на европейский рынок. К казахстанскому маршруту тяготеет также бóльшая часть торгового потока между КНР и странами Центральной Азии и значительная часть торговли с европейской частью РФ. На Москву в 2017 г., по данным Федеральной таможенной службы, пришлось около 45% общего товарооборота РФ и КНР, но бóльшая его часть осуществляется по морю (Вардомский, 2018б). Пока на сухопутный вариант приходится 3–4% от общего объёма перевозок контейнеров между странами ЕС и странами Восточной Азии.

К транзиту по Транссибу с точки зрения общей протяженности пути в Европу тяготеют в основном северные и северо-восточные регионы КНР. Предполагаемое участие японского логистического бизнеса в развитии ТСТК существенно повысит его транзитную привлекательность не только для японских компаний, но и компаний КНР, Южной Кореи, других стран АТР.

МТК «Западный Китай – Европа» через Казахстан, Россию (европейский участок Транссиба) и Белоруссию начал формироваться в конце 2000-х годов (рис. 4.3). В результате строительства в Казахстане ряда железных дорог протяжённость этого железнодорожного маршрута сократилась почти на 1000 км. Форсированное формирование МТК было обусловлено большой заинтересован-

[8] Ускоренный контейнерный поезд следует без переформирования до станции назначения, и его суточная скорость составляет 1200–1500 км.

[9] Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На 7.02.2019 г. http://static.government.ru/media/files/mMrrbr3q9P6cGfWP3WxSmf7lCvAhrLob.pdf.

Рис. 4.3. Схема трансконтинентальных МТК стран ЕАЭС и КНР. Источник: (Kovalev et al., 2018).

ностью Китая в сокращении времени сообщения с европейским рынком. Этот коридор составляют несколько линий, связующих пограничные пункты пропуска на казахстано-китайской границе с РЖД на Урале и в Поволжье. Важным элементом этого коридора станет автомагистраль Западный Китай – Европа. При этом в России будут реализовываться два варианта прохождения магистрали: Оренбург – Казань – Нижний Новгород – Москва и далее на Минск, Брест, порты Балтийского моря, и минуя Москву: Оренбург – Самара –Тамбов – Брянск – Смоленск (платная дорога). Обе дороги будут введены в эксплуатацию в 2024 г.

Транссибирская и казахстанская ветви китайского транзита соединяются в единый маршрут в районе Южного Урала, и далее он следует к «сухим портам» на белорусско-польской границе или к балтийским портам. Кроме того, ТСТК имеет несколько соединений с широтными магистралями Казахстана, ведущими к каспийским портам и к транспортным коммуникациям Ирана, которые повышают транзитный потенциал ТСТК, а также дают более короткий выход сибирских и уральских регионов России на рынки стран ЦА, Ирана, стран Южного Кавказа и Турции.

В целом развитие трансматерикового широтного коридора и повышение его международного значения тесно связано с координацией развития входящих в него транспортных путей Белоруссии, Казахстана и России. Это отражает деятельность международной компании АО «ОТЛК ЕРА», которая в 2018 г. перевезла 280,5 тыс. ДФЭ, превысив объём 2017 г. на 60%. Значительный рост объёмов перевозок ОТЛК ЕРА на маршруте из КНР в ЕС в 2018 г. (на 91% к 2017 г.) был обусловлен активным расширением географии регулярных контейнерных поездов между городами европейских стран и Китая, в результате которого общее число регулярных сообщений выросло до 57[10]. На компанию приходится 3/4 объёма сухопутных контейнерных перевозок между КНР и ЕС и половина транзитных перевозок, осуществлённых РЖД в 2018 г.

[10] *Мозговой К.* Новые точки на карте // Гудок. 6.04.2019. https://www.gudok.ru/1520/newspaper/detail.php?ID=1459455.

Помимо ОТЛК ЕРА операции с транзитными контейнерами осуществляют российские компании «Fesco», «РЖД Логистик», «ТрансКонтейнер», организующие движение контейнерных транзитных поездов. Развитию транзитных сообщений по трансматериковому транспортному коридору способствует учреждённый в 1997 г. Координационный совет по транссибирским перевозкам, в который входят компании и организации из 23 государств, среди них Ассоциация Европейских Транссибирских операторов Корейская Ассоциация международных грузовых экспедиторов.

МТК «Север – Юг»: проект несбывшихся ожиданий

Коридор «Север – Юг», который формально открыт в 2002 г., был призван обеспечить более короткий путь в сравнении с морским вариантом через Суэцкий канал из России и стран восточной части Балтийского моря и СНГ до Ирана, стран Персидского залива, Индии и Пакистана. Предполагалось, что контейнеры на этом направлении будут перемещаться комбинированным железнодорожно-морским путём. Но реальность оказалась сложнее предположений, и этот путь вполне успешно обслуживает лишь связи России и ряда других стран с прикаспийскими государствами (Караваев, Тишехьяр, 2019). О какой-либо альтернативе варианту через Суэцкий канал пока речь не идёт.

Формально российский участок МТК «Север – Юг» начинается от станции Бусловская на границе с Финляндией и завершается в портах Астрахань и Махачкала и на пограничном пункте пропуска на российско-азербайджанской границе Дербент – Ялама. (рис. 4.4). Всего расстояние от Санкт-Петербурга до порта в Мумбаи составляет 7200 км. Это короче, чем через Суэцкий канал. Но выигрыш по времени не столь велик, как в случае транзита контейнеров на направлении Китай – ЕС – Китай. Это подтверждает тот факт, что из всего контейнерного оборота, связанного с российско-индийской торговлей (в 2016 г. – 124 тыс. ДФЭ), по этому коридору перевозится не более 15% (Стратегия…, 2017; Караваев, Тишехьяр, 2019, с. 12). Но самое главное, что товарооборот Индии и ЕС примерно в 5 раз меньше, чем между КНР и ЕС, и для большинства стран ЕС традиционный вариант сообщения с Индией короче, чем через Россию.

Транспортный коридор «Север – Юг» опирается, прежде всего, на коммерческую основу, лишён существенного субсидирования со стороны государств-участников при том, что уровень развития транспорта и его инновационность заметно ниже, чем у стран, участвующих в организации широтных транзитных перевозок. В развитие коридора, ориентированного на перевозку контейнеров, до последнего времени не выделялось значительных средств. В отличие от широтного трансконтинентального коридора на меридиональном не налажены регулярные поездные перевозки, ограниченно используются мультимодальные технологии.

Развитие коридора «Север – Юг» долгое время сдерживали международные санкции, наложенные на Иран, а также сравнительно небольшие объёмы торговли стран южного плеча коридора со странами, которые находятся на его северном плече. В отличие от Китая, у Индии отсутствует синергия геополитических и экономических интересов в развитии перевозок по этому коридору. Кроме того, в последнее время восстановлены и усилены санкции США в отношении Ирана, сильно выросла напряжённость в зоне Ормузского пролива, что сдерживает участие в нём аравийских соседей Ирана.

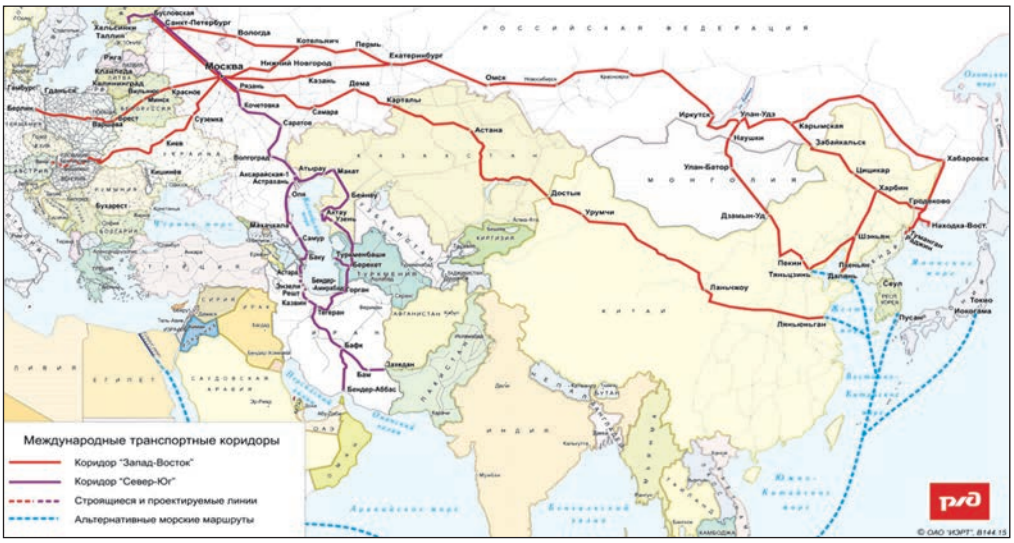

Рис. 4.4. МТК «Восток – Запад» и «Север – Юг». Источник: ОАО «РЖД» в мировой транспортной системе. http://inter.rzd.ru/dbmm/images/6/121/81316.

Нам представляется, что коридор «Север – Юг» – система железнодорожных, автомобильных и водных коммуникаций меридиональной ориентации, опускающаяся к Прикаспийскому региону. Важная особенность этого региона состоит в том, что он лежит на пересечении широтных и меридиональных трансконтинентальных путей, проходящих через Россию, страны ЕАЭС, Азербайджан, Грузию и Туркменистан, что повышает транзитный потенциал всех этих стран (рис. 4.4).

Транспортный коридор «Север – Юг» важен, прежде всего, как элемент территориальной структуры страны, поскольку он пересекает множество регионов РФ, связывает её крупнейшие городские агломерации. Он может сыграть важную роль в развитии южных регионов страны. Но его транспортное значение для внешнеэкономических связей заметно меньше, чем у ТСТК, поскольку главные торговые и транзитные партнёры России и постсоветских стран располагаются по широтному ходу..

В техническом отношении меридиональный коридор по территории СНГ фактически создан: по обоим берегам Каспия проходят железные и автомобильные дороги, ведущие в Иран, расширены и модернизированы морские порты Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, организовано железнодорожно-паромное сообщение между портом Курык в Казахстане и портом Алят в Азербайджане. Созданная инфраструктура заметно улучшила транспортно-логистические условия для обслуживания торговых связей уральских и сибирских регионов РФ с прикаспийскими странами, а также восточными регионами Турции и странами Ближнего Востока.

Окликаясь на происходящую в Каспийском регионе активную транспортно-транзитную деятельность соседей, Россия в 2017 г. приняла Стратегию развития морских портов и сухопутных путей в прикаспийских субъектах РФ, а в 2019 г. План реализации данной Стратегии. Эти несколько запоздалые документы отражают ожидаемое развитие экономического сотрудничества в регионе, обусловленное углублением евразийской интеграции, расширением сотрудничества ЕАЭС с Азербайджаном и Туркменистаном, созданием зоны свободной

торговли ЕАЭС с Ираном, развитие экономических отношений в рамках экономического коридора Россия – Азербайджан – Иран. Данные проекты формируют благоприятную атмосферу для создания совместных логистических компаний и на этой основе расширения по коридору транзитных перевозок между странами ЕС и Южной Азии.

Экспорт сжиженного природного газа как фактор трансформация транспортной миссии Северного морского пути

Северный морской путь (СМП), также как Транссиб, имеет широтную ориентацию, но последний проходит на 3–4 тыс. км южнее. Эти пути объединяет также и то, что они оказывают большое влияние на ход освоения и модернизации пространства России. СМП был открыт для международного судоходства в 1991 г. В Федеральном законе «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ СМП определяется как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация Российской Федерации в Арктике». В том же году на Первой международной евразийской конференции по транспорту прозвучало предложение рассматривать СМП как евразийский транспортный коридор (Пересыпкин, Яковлев, 2006). В пользу этого приводится довод, что это самый короткий морской маршрут из Северной Европы в Китай и другие страны Восточной Азии. Путь от Шанхая до Роттердама по СМП равняется 8100 миль, а через Суэцкий канал и Малаккский пролив – 10500 миль.

В научной литературе разными авторами СМП понимается и как: «главная широтная транспортная магистраль, связующая арктические районы» (Евдокимов и др., 2000), «главная национальная транспортная магистраль» (Веретенников и др., 2016), «транзитный маршрут проекта КНР «Пояс и путь» (Хейфец, 2018), «новая международная водная транспортная артерия» (Чжиминь, 2019). Но пока этот путь, проходящий по российским территориальным и экономическим водам, и служащий одним из символов достижений советской и российской экономики, имеет в основном каботажное и экспортное значение[11].

Регулярные, но сезонные, коммерческие перевозки по СМП начались в начале 1930-х годов. За 1933–1987 гг. их объём вырос с 130 тыс. до 6,7 млн т. В 1950–1980-х годах важную долю в перевозках занимало снабжение военных частей, размещённых в арктической зоне.

В результате рыночной и геополитической трансформации объёмы перевозок в 1990-е годы сильно сократились и в 1998 г. составили 1,2 млн т (Евдокимов и др., 2000, с. 102). В ходе восстановительного роста экономики перевозки по СМП стали постепенно расти и в 2006 г. достигли 2 млн т. После запуска нефтяного терминала Варандей компании «ЛУКОЙЛ» перевозки стали расти быстрее: 3,1 млн т. в 2011 г., 5,4 млн в 2015 г. и 7,3 млн в 2016 г., тем самым был превзойдён рекордный объём 20-летней давности в 6,7 млн т .

В 2015 г. начался взрывной рост перевозок по СМП: 10,7 млн т в 2017 г. и более 20 млн в 2018 г. Он был связан с ростом экспорта нефти, началом в 2018 г. экспорта с Ямала сжиженного природного газа (СПГ), ростом каботажных перевозок, обеспечивающих нефтегазоразведку в арктической зоне, строительством

[11] *Невельский А.* Первый контейнеровоз прошел по Северному морскому пути // Ведомости. 29.09.2018.

компанией НОВАТЕК заводов по производству сжиженного газа «ЯМАЛ СПГ», «Арктик СПГ 2», порта Сабетта, а также развёртыванием военных группировок в арктической зоне.

У транзитных перевозок по СМП была иная динамика. В 1993 г. их объём составил 209 тыс. т, затем до 2011 г. они оставались на уровне 100–200 тыс. В 2012 г. перевозки резко возросли до 1269 тыс. т, но затем стали сокращаться и сейчас находятся на уровне 200–300 тыс. т[12]. В отличие от железнодорожного варианта внешний спрос на трансматериковый транзит по СМП пока довольно ограничен.

Определённое влияние на это оказывают введённые в России ограничения для иностранного судоходства. В конце декабря 2017 г. в Кодекс торгового мореплавания России были внесены поправки, согласно которым суда под российским флагом получили исключительное право на перевозки газа и нефти по СМП. С 1 января 2019 г. введены ограничения на использование судов иностранной постройки для перевозок по СМП и обязательное уведомление для иностранных гражданских и военных кораблей для прохода по СМП.

Если руководствоваться выше приведённым определением МТК, то СМП не обладает всеми признаками такого коридора. Его можно определить как национальную (евразийскую) транспортную коммуникацию с быстро растущей ролью в обеспечении углеводородами стран Европы и Азии.

В 2018–2019 гг. произошла серьёзная корректировка госуправления СМП. Единым инфраструктурным оператором СМП Указом Президента была определена госкорпорация «Росатом». Разрешения на плавание по СМП находятся в ведении Минтранса по согласованию с «Росатомом», а правила плавания определяются правительством РФ. Переход СМП в компетенцию «Росатома» объясняется наличием в его структуре «Росатомфлота», управляющего группировкой атомных ледоколов.

В свою очередь для логистического освоения этого коридора в 2018 г. компанией НОВАТЭК создана судоходная компания «Морской арктический транспорт», в которую наряду с российской компанией «Совкомфлот» войдут китайские COSCO и Фонд Шелкового пути. Новая компания призвана наладить круглогодичную доставку по СМП углеводородов в страны АТР и организовать транзит между странами Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Европы[13]. Благодаря вхождению в новую компанию китайских партнёров Россия получит от КНР заёмные средства для строительства арктического флота, а это необходимое условие для наращивания международных перевозок по СМП.

СМП по своей формирующейся миссии во многом схож с ТСТК. И в том, и в другом коридоре преобладает экспорт энергоносителей, причём как в европейские, так и в азиатские страны. В развитии обоих коридоров ведущую роль играют как крупные российские государственные, так и частные компании, обеспечивающие удовлетворение внешнего спроса на российские товары и услуги, а также зарубежные компании, увязывающие российское предложение со спросом, формирующимся в соответствующих странах. И для ТСМ, и для СМП ведущую роль в их развитии играют экономические и геополитические интересы Китая. Транссиб включен Китаем в общую расстановку «Пояса и пути» в качестве части «Эконо-

[12] Данные ФГКУ «Администрация Севморпути». https://ru.wikipedia.org/wiki.

[13] *Веденеева А.* Северный морской путь станет как Шелковый // Коммерсантъ. 2018. 4 сент. с. 1, 9.

мического пояса Шелкового пути»[14]. СМП рассматривается китайской стороной как отдельный грузовой («синий») коридор «Пояса и пути», именуемый «Ледовый шелковый путь». Он становится важной структурой российско-китайского экономического и политического сотрудничества. Китай надеется продлить СМП из Владивостока до разных морских портов на восточном побережье и соединить через них свой «Морской шелковый путь», тем самым, замкнув морское транспортное кольцо вокруг Евразии (Чжиминь, 2019).

Перспективы перевозок по СМП во многом зависят от роста спроса мирового рынка на сжиженный природный газ. С запуском компанией НОВАТЭК завода «Ямал СПГ» Россия может поставлять на мировой рынок около 27 млн т СПГ, или примерно 9% от современного уровня мирового спроса. Ресурсная база в районе Обской губы позволяет производить до 140 млн т СПГ и в несколько раз увеличить долю в мировом производстве и экспорте. К 2030 г. НОВАТЭК сможет нарастить производство СПГ до 70 млн т[15].

В 2024 г., по оценке Минприроды, по СМП будет перевезено 82 млн т грузов, резко преобладающая их часть – экспортные, в том числе 31,1 млн т – СПГ (20,2 млн т придется на «Ямал СПГ» и 11,1 млн т на «Арктик СПГ-2», первая очередь которого будет пущена в 2022 г.), 21 млн т нефти, 21,5 млн т угля и 2,5 млн т газового конденсата. По оценке же «Росатома», перевозки по СМП в 2024 г. могут достичь 92,6 млн т[16], что составит примерно половину от перевозок по ТСМ (в 2018 г. разница составляла около 6 раз).

Для реализации такой масштабной программы развития перевозок СМП необходимо создание соответствующего по мощности ледокольного флота, танкеров, газовозов и других типов судов арктического класса, способных самостоятельно плавать в сложных ледовых условиях, обеспечить надёжное гидрометеорологическое сопровождение арктического судоходства, инфраструктуру его технической, социальной и информационной поддержки. Важную роль в росте перевозок через их круглогодичность, безопасность и надёжность призвано сыграть создание портов-хабов для перевалки СПГ, а также возможно нефти, угля и других грузов на обычные суда в Мурманской области и Камчатском крае.

Стремительный рост перевозок по СМП трудно переоценить. Они создают дополнительный импульс для развития дальневосточных и северных регионов благодаря развёртыванию мощностей в судостроении, портовой и аэродромной инфраструктуры, преодолению обособленности примыкающих к нему северных территорий от экономического пространства основной России. В условиях геополитической борьбы усиление арктического вектора развития означает укрепление экономического и политического влияния РФ в мире. В этой связи СМП следует рассматривать в контексте не только роста международного значения запасов углеводородов, расположенных в приполярных регионах, и вопросов безопасности России, но и реализации идеи «Большого евразийского партнерства».

По мере роста перевозок по СМП будут сокращаться транспортные издержки и увеличиваться привлекательность этого маршрута для взаимных сообщений между странами Азии и Европы. Но пока их рост будет идти в основном по

---

[14] В 2019 г. танкер-газовоз ледового класса «Владимир Русанов» доставил партию СПГ из порта Сабетта в китайский порт Тяньцзинь за 16 суток, в два раза быстрее, чем через Суэцкий канал.

[15] *Матвеева О.* Арктический статус // Коммерсантъ. Тематическое приложение. 9.04.2019. с. 15.

[16] Объёмы перевозок по СМП превзойдут ожидания. https://www.pnp.ru/politics/obyomy-perevozok-po-sevmorputi-prevzoydut-ozhidaniya.html.

ТСТК и железным дорогам Казахстана, поскольку грузоперевозчикам это выгоднее с точки зрения затрат. СМП сильно уступает пути через Суэцкий канал в том, что по нему могут ходить суда значительно меньшей контейнеровместимости (4 тыс. против 19 тыс. стандартных двадцатифутовых контейнеров). Это делает перевозку по СМП в расчёте на единицу полезного веса заметно дороже. Кроме того, СМП примерно в 3 раза уступает сухопутному трансматериковому пути по скорости доставки груза. Для иностранных грузоотправителей и грузополучателей СМП пока выступает резервным маршрутом на случай осложнений перевозок через Суэцкий канал. Однако по мере исчерпания пропускной способности ТСТК, коридора «Западный Китай – Европа» и Южного морского пути транзитное значение СМП будет возрастать. Но на сколько, пока трудно определить, поскольку в 2015 г. был построен дублёр Суэцкого канала, который удвоил его пропускную способность.

Заключение

Следует подчеркнуть, что в условиях жёсткой конкуренции транзитных маршрутов рост транзита означает признание международным сообществом конкурентоспособности национального транспорта в глобальных транспортно-логистических цепочках. Для использования транзитного потенциала нужны немалые инвестиции в транспорт и логистику, необходимо снятие разного рода административных ограничений, нужно осуществлять тесное сотрудничество с соседними странами в технологической и таможенной унификации перевозочного процесса, совместное выведение транзитного продукта на мировой рынок транспортных услуг.

В то же время транзит стал для России средством геополитической борьбы. С одной стороны, она стремится максимально сократить свою транзитную зависимость от враждебно настроенных к ней стран, а с другой – затруднить этим странам транзит по российским коммуникациям. В практической транспортной политике следует, на наш взгляд, сочетать неизбежный в настоящее время учёт геополитических ограничений для транзитных сообщений с политикой более полного использования транзитного потенциала – своего и соседей, опираясь в этом на сотрудничество с государствами ЕАЭС и другими заинтересованными странами. Особое значение имеет сотрудничество России с Казахстаном, который активно расширяет транспортную сеть для увеличения вариантов сообщения с международными рынками, что одновременно повышает транзитную привлекательность не только Казахстана, но и России. (Вардомский, 2015).

В «Комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» предусмотрено увеличение транзита контейнеров с 415 тыс. ДФЭ в 2017 г. до 1656 тыс. в 2024 г[17]. Повышение транзитного потенциала страны связывается в основном с развитием пропускной способности БАМа и Транссиба, а также морских портов, созданием новых примыканий к транспортной системе Китая. Важное место в планах повышения транзитной привлекательности России занимают внедрение мультимодальных транспортных технологий и современной логистики, цифровизация перевозочно-логистического процесса, что позволит заметно ускорить перевозку. Согласно плану суточная скорость перевозок транзитных контейнеров в среднем по сети вырастет с 810 км в 2017 г.

[17] Национальные проекты: целевые показатели основные результаты. На 07.02.2019 г. http://static.government.ru/media/files/mMrrbr3q9P6cGfWP3WxSmf7lCvAhrLob.pdf.

до 1319 км в 2024 г., или в 1,6 раза. Для сравнения среднесетевая коммерческая скорость товародвижения на железнодорожном транспорте за этот период вырастет в 1,2 раза: с 362 до 440 км.

Повышение скорости перевозок транзитных контейнеров – один из главных факторов освоения транзитного потенциала России. Четырёхкратный рост контейнерного транзита, предусмотренный в планах РЖД, видимо, построен на экстраполяции динамики транзитных перевозок контейнеров за 2011–2017 гг. Однако не факт, что она сохранится в период 2018–2024 гг. Транзитные перевозки сильно зависят от того, как будет развиваться торговля стран, которые связывает трансматериковый транспортный коридор, прежде всего между КНР и ЕС. Пока её объёмы не показывают значимой динамики. Как на ней скажется торговая война КНР и США, трудно спрогнозировать. Если торговля Европы и КНР не покажет высокую динамику, то рост транзита может быть обеспечен путём расширения доли России на рынке этих перевозок. Но Китай имеет достаточно широкий выбор транспортных вариантов сообщения с Европой, и как будут распределяться торговые объёмы по отдельным маршрутам, КНР будет решать исходя из своих интересов. Бесспорно, что интересы РФ будут сталкиваться с интересами стран-конкурентов на рынке транзитных услуг. В то же время России нельзя не учитывать динамичный рост экономики стран ЦА, который сопровождается ростом их внешнеторговых связей, что может стать существенным фактором роста транзитных перевозок России.

Постепенное включение ТСТК, ТК «Север – Юг» и СМП в систему глобальных коммуникаций повысит роль России в связанности стран Европы и Азии и тем самым актуализирует реализацию идеи «интеграции интеграций». Вовлечение в процесс освоения транзитного потенциала частных российских и зарубежных компаний ускорит формирование ТСТК, ТК «Север – Юг» и СМП как полноценных МТК. Вместе с коридором «Западный Китай – Европа» это станет важным шагом в направлении создания евразийского транспортного партнерства (Вардомский, 2018а).

Литература

Бутов А.М. Рынок перевозок грузов железнодорожным транспортом. НИУ ВШЭ. Центр развития, 2016. 68 с.

Вардомский Л.Б Вопросы географии транзитных коммуникаций в странах ЕАЭС // Региональные исследования. 2018а. № 2. С. 120–130.

Вардомский Л.Б. Участие регионов в торговле с Китаем как отражение пространственной структуры российской экономики // Региональные исследования. 2018б. № 4 (62). С. 53–63.

Вардомский Л.Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 8. С. 59–78.

Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. 64 С.

Веретенников Н.П., Геращенко Л.В., Евграфова Л.Е. Реальность и перспективы развития коммуникаций Серенного морского пути // Вестник МГТУ. 2016. Т. 19. № 2. С. 377–382.

Доклад о реализации транспортной стратегии РФ на период до 2030 г. Отчетный период 2018. М.: Министерство транспорта РФ. 2019. 265 с. https://www.mintrans.ru/documents/7/10041

Доклад о реализации транспортной стратегии РФ на период до 2030 г. Отчетный период 2017. М.: Министерство транспорта РФ. 2018. 250 с. https://www.mintrans.ru/documents/7/9489

Евдокимов Ю.А., Бацких Ю.М., Истомин А.В. Северный морской путь: проблемы, возможности. перспективы возрождения // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 101–112.

Караваев А.В., Тишехьяр М. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь 2019. 32 с.

Пересыпкин В., Яковлев А. Северный морской путь в проблеме международных транспортных коридоров // Транспорт Российской федерации. 2006. № 3. С. 16–19.

Стратегия развития транспорта России до 2030 г. Приложение № 3. М., 2008. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=297899&fld=134&dst=102745,0&rnd=0.27059465121586546#05258469105759629.

Стратегия развития морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним на период до 2030 г. М., 2017. http://government.ru/docs/30086.

Хейфец Б.А. Северный морской путь – новый транзитный маршрут «Одного пояса – одного пути» // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 68–87.

Чжиминь В. Ледовый шелковый путь // Китай. 2019. № 3. С. 36–37.

Холопов К.В., Паровский П.Е. Концептуальные направления развития международного контейнерного транзита во внешне торговле России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2. С. 72–83.

Щербанин Ю.А. Транспортные коридоры: еще модно? // Транспорт Российской Федерации. 2006. № 5. С. 7–9.

Chong Ed. Enhancing regional integration of landlocked developing countries in North and Central Asia through infrastructure connectivity (Agenda 6). 6–7 Sep 2017. Issyk-Kul, Kyrgyzstan. https://www.unescap.org/sites/default/files/ESCAP_Transport%20Division.pdf.

Corridor planning guide towards a more meaningful integration of transportation and land use Delaware Valley Regional Planning Commission. September 2007. 150 p. https://www.dvrpc.org/Reports/07028.pdf.

Integrated Map of AH, TAR & Dry Ports of International Importance. https://www.unescap.org/sites/default/files/AH-TAR-DryPorts-2017_0.pdf.

Kovalev V., Falcenko O., Savelyeva I., Semin A. Efectos aduaneros de la logística del transporte en las condiciones de la integración económica de Eurasia: el caso de la importación agrícola de China a Rusia // Revista Espacios. 2018. № 32. 13 p.

Глава 5

ПРИРОДНО-РЕСУРСНАЯ СФЕРА РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Россия унаследовала ресурсоёмкую экономику с перекошенной в сторону тяжёлой индустрии структурой, определяющей высокий антропогенный пресс на природу. С 1992 г. в стране происходит крупномасштабная социальная трансформация, которая существенно изменила хозяйственный облик страны, что, естественно, отразилось и на природно-ресурсной сфере. В настоящей главе рассматриваются некоторые экологические последствия коренной ломки основ хозяйственной жизни и её территориальной организации, связанные с процессом формирования постсоветской экономической системы.

Траектория «неустойчивого» развития

В числе новых факторов, формирующих ныне территориальную организацию общества, в литературе упоминается экологический фактор – «как ограничитель традиционной и «организатор» новых форм хозяйственной деятельности» (География…, 2004, с. 488). Это положение, по всей видимости, не относится к отечественным реалиям. Для постсоветской России, как справедливо отмечают М.П. Ратанова и В.Р. Битюкова, характерно снятие экологических барьеров, что создаёт условия для поддержания устаревших технологий, «способствует размещению опасных производств в не пригодных для них местах» (2004, с. 595).

Экологический фактор у нас в отдельных случаях действительно «организует» хозяйство, но большей частью он используется в качестве инструмента конкурентной борьбы и передела собственности, а вовсе не в интересах охраны природы. То, что российские природоохранные требования выше, чем в других странах, хорошо почувствовали в ходе реализации проекта «Сахалин-2» корпорации Royal Dutch Shell, Mitsui и Mitsubishi. Лишь после вхождения в этот проект Газпрома его экологические проблемы благополучно «разрешились».

Рынок, в особенности российский, лишь формирующийся, не работает в экологической сфере (так же, как и в сфере борьбы с преступностью, наркотиками, вообще в социальной сфере). Вот примеры такого рода.

В Москве реализуется программа вывода промышленности за черту города с целью снижения нагрузки на природу. На практике же от предприятий (отнюдь не самых вредных) освобождаются те промзоны, территория которых представляет коммерческий интерес. Заметного улучшения экологической обстановки это не принесёт.

Так называемое озеленение в Москве финансируется по статье «охрана окружающей среды», эта деятельность осуществляется структурами, преследующими экономические, а не природоохранные цели. На неё затрачиваются огромные средства, но никакого улучшения состояния природной среды она не даёт.

Сугубо рыночный механизм хозяйствования при ослабленном природоохранном контроле ведёт к ухудшению экологических характеристик производства. Так, территориальным генерирующим компаниям выгоднее производить электроэнергию на собственных, пусть и устаревших электростанциях, чем по-

Рис. 5.1. Динамика эколого-экономических показателей России за 1990–2017 гг. (1990 г. = 100%).

купать её у оптовых генерирующих компаний. Поэтому самые старые электростанции загружаются работой больше, чем новые, экономически и экологически более совершенные (Экономическая…, 2013, с. 272).

Специфический российский «рынок» порождает порой весьма причудливые формы, например, особого рода «зелёный рэкет», когда региональные власти создают охраняемые природные территории местного значения, которые сейчас или в будущем будут предметом торга за территорию с федеральным центром (при строительстве, прокладке дорог). В отдельных регионах созданы сотни таких охраняемых территорий (Тишков, 2005). Помимо экзотического «зелёного», экологическое звучание приобретает порой и традиционный рэкет, который испытало на себе, например, ОАО «Тольяттиазот», когда автоматчики рвались на производство, опаснейшее по всем параметрам – взрыво-, пожароопасное, оснащённое агрегатами с высоким давлением[1].

За годы перестройки и реформ воздействия на природу (водопотребление, водоотведение, выбросы в атмосферу от стационарных источников) сократились больше, чем объём продукции промышленного производства – рис. 5.1[2]. При этом объёмы ввода в действие очистных установок и другого природоохранного оборудования сильно сократились, но количество и площади особо охраняемых территорий заметно увеличились. В то же время затраты на их содержание в сопоставимых ценах значительно уменьшились. Иными словами, ландшафтов охраняется всё больше, но сохраняются они, по-видимому, хуже (заметим, что расширение площадей и увеличение количества охраняемых территорий даже при сокращающемся финансировании имеют глубокий экологический смысл).

До 1999 г. в реформируемой России темпы снижения промышленного производства намного опережали темпы сокращения его «давления» на природную среду. Производство, в расчёте на единицу продукции, становилось «грязнее». Это было следствием существенной трансформации промышленной структуры, её экологической деградации. Доля природоёмких экологически «агрессивных» отраслей (топливной промышленности, электроэнергетики, чёрной и цветной

[1] Трибуна. 2008 г. № 45.

[2] Здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по: (Регионы…, 2003–2018; Российский..., 2002–2018).

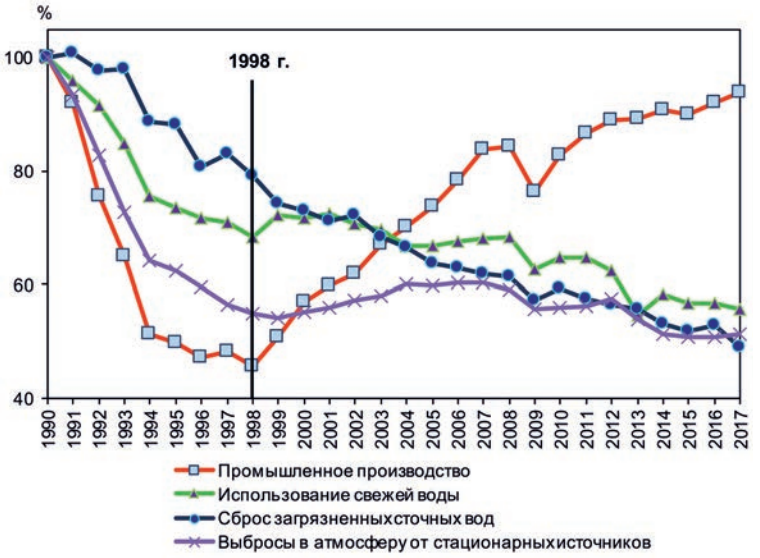

Рис. 5.2. Индексы промышленности и воздействий на природу в России (1990 г. = 100%).

металлургии, химической и нефтехимической промышленности) увеличилась (в текущих ценах) с 30,2% в 1990 г. до 57,4% в 2004 г[3]. В сопоставимых ценах изменения меньше, но тоже существенны – с 30,2 до 48,3%. За 1990–2004 гг. «утяжеление» промышленных структур регионов произошло везде, кроме Самарской и Ленинградской областей. Выявлена определённая корреляционная зависимость: чем в регионе выше была доля «агрессивных» отраслей, тем значительнее она увеличилась за постсоветское время. Важным фактором роста удельного (на единицу продукции) воздействия на природу в 1990-е годы стала неполная, т.е. экономически и экологически не эффективная, загрузка производственных мощностей, связанная с обвальным падением производства во многих отраслях.

Мы ожидали, что с возобновлением промышленного роста нагрузка на природу будет расти ещё сильнее, поскольку природоохранная деятельность заметно деградирует (Клюев, 2004). Но произошла смена тенденции, и оживление производства сопровождалось уменьшением удельного загрязнения природы (рис. 5.2). Это частично можно объяснить тем, что с 1999 г. быстрее наращивали производство относительно малоотходные отрасли – пищевая промышленность и машиностроение. Однако эта причина, по всей видимости, не единственная. В числе других возможных причин разной природы отметим следующие: увеличение загрузки производственных мощностей, определившее их экологически более оптимальное функционирование; газификацию электроэнергетики; изменение состава природопользователей, охваченных статистическим наблюдением из-за ликвидации, реорганизации, слияний, поглощений, банкротств хозяйствующих субъектов; общее падение учётно-отчётной дисциплины; определённый «выход из тени» теневой экономики. В целом же расхождение индексов производства продукции и индексов воздействий на среду до конца не ясно и требует развёрнутого исследования.

[3] Из-за перехода на новую статистическую классификацию – с ОКОНХ на ОКВЭД – с 2005 г. аналогичный анализ динамики промышленной структуры чрезвычайно затруднён.

Промышленный спад, с одной стороны, и стремительная автомобилизация населения – с другой, привели к изменению соотношения выбросов в атмосферу от стационарных источников и автотранспорта. Так, в Москве за 1990–2017 гг. доля транспортных выбросов возросла с 75 до 94%, а в г. Калининграде – с 20 до 75% (Государственный…, 2017). Причём это преимущественно выбросы от личного транспорта населения, т.е. вклад не производственного, а потребительского сектора. Учёт суммарных (промышленных плюс транспортных) выбросов существенно трансформирует иерархию городов – лидеров по загрязнению воздушной среды. Если в списке лидирующих по промышленным выбросам городов Москва и Санкт-Петербург занимают место лишь в середине третьей десятки, то по суммарным выбросам они перемещаются в лидирующую тройку. Список городов с наибольшими объёмами сбросов загрязнённых сточных вод также возглавляют столичные центры, которые многократно (в 4–7 раз) опережают других крупнейших загрязнителей вод. В сбросе сточных вод Москвы и Санкт-Петербурга доминирует доля жилищно-коммунального хозяйства при падающей доле промышленности. В составе загрязнённых сточных вод столицы доля промышленных стоков менее 10%, основные – это хозяйственно-бытовые стоки. Очень велики и поверхностные сточные воды: ливневые, талые, поливомоечные. Таким образом, не индустриальная, а третичная экономика оставляет всё более заметный экологический след в крупнейших российских городах. В связи со всеобщей автомобилизацией транспортные загрязнения в городах «расползаются». Если раньше загрязнения атмосферы концентрировались вблизи мест приложения труда, то теперь они распространяются и на места проживания и отдыха людей (Колдобская, 2014).

Увеличение доли автотранспортных выбросов имеет непосредственное отношение к величине, характеру и пространственной организации нагрузок на природные комплексы. Как известно, большая часть твёрдых веществ атмосферных выбросов выпадает в локальной зоне (30–80 км от источника выбросов), а основная часть газообразных веществ включается в дальний перенос (Василенко и др., 1985). Ныне в России твёрдые вещества составляют лишь 9–10% валовых атмосферных выбросов (автотранспорт даёт очень мало твёрдых выбросов, хотя и токсичных). Поэтому, во-первых, в настоящее время увеличивается нагрузка на городские геосистемы, на основной реципиент воздействия – городское население, особенно в зоне жилой застройки, прилегающей к автомагистралям. Во-вторых, увеличивается вклад российских городов в глобальное загрязнение атмосферы – в межрегиональные и глобальные потоки вовлекается уже более 90% выбросов, и эта доля растёт.

Современные тенденции использования природных ресурсов

Отличительной географической особенностью российского природно-ресурсного комплекса было и остаётся почти полное территориальное несовпадение мест размещения населения и ресурсов (исключение – почвенно-климатические ресурсы). На Сибирь и Дальний Восток, где проживает 20% населения, приходится 70% природно-ресурсного потенциала, без учёта сельскохозяйственных ресурсов (Приваловская, Рунова, 1980). Это обстоятельство определяет главную проблему освоения минеральных сокровищ страны – дорогая их добыча в условиях «ледяных изотерм», отсутствия дорог и прочей инфраструктуры

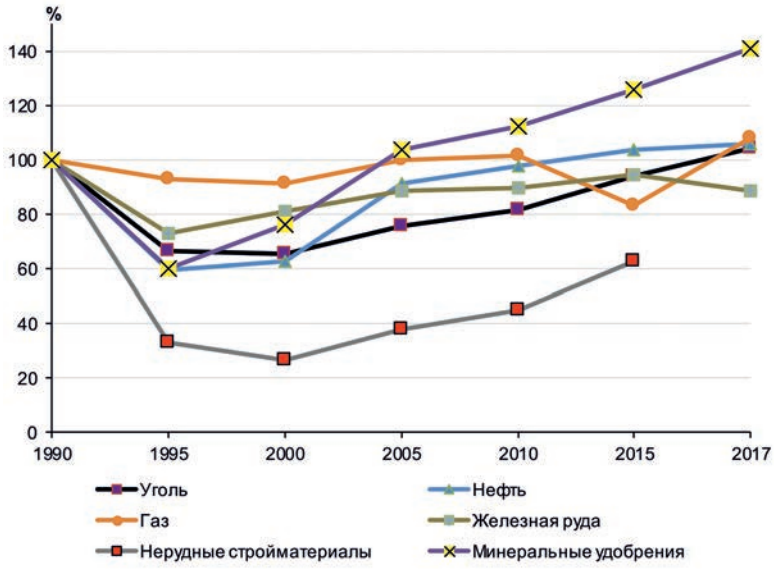

Рис. 5.3. Динамика добычи минеральных ресурсов в России за 1990–2017 гг. (1990 г. = 100%).

и трудовых ресурсов, а также дорогая транспортировка добываемого сырья к потребителям. И эти трудности с течением времени всё усугубляются.

Истощение крупных месторождений, ухудшение качественной структуры запасов актуализируют давнюю проблему добывающей индустрии – потери полезных компонентов при добыче. Между тем коэффициент извлечения нефти в России снижается и ныне составляет 0,35, т.е. 65% нефти остаётся в недрах, и стоимость её добычи многократно возрастёт, либо она вообще безвозвратно теряется. В 1980-х годах СССР занимал лидирующие позиции в области новых методов увеличения нефтеотдачи. В то время как в США медленно, но неуклонно наращивался коэффициент извлечения нефти, в нашей стране он снижался (Лавёров, 2006). В постсоветское время политика нефтяных компаний направлена на выборочное извлечение наиболее продуктивных запасов, что ведёт к значительной их потере. С другой стороны, в России практически прекратились исследования в области эффективных технологий нефтедобычи, свёрнуто и производство соответствующего оборудования.

Не ослабевает, а даже обостряется проблема комплексного использования минерального сырья и утилизации отходов. Например, сегодня в России на нефтяных промыслах сжигается от 20 до 50 млрд м^3 попутных нефтяных газов в год (Алдошин, 2012). Это не только потери ценного химического сырья, но и значительные выбросы в атмосферу широкого спектра загрязняющих веществ.

После существенного спада 1990-х годов добыча невозобновимых минеральных ресурсов в России к 2010-м годам практически достигла советского уровня (рис. 5.3), а по некоторым позициям и превысила его. Исключение составляет добыча нерудных стройматериалов, сократившаяся почти в 2 раза. Причина этого – сильное сокращение промышленного, транспортного и жилищного строительства, ибо промышленность стройматериалов работает на внутренний рынок. В противоположность этому добыча топливно-энергетических ресурсов, руд чёрных и цветных металлов, химического сырья в значительной степени ори-

Таблица 5.1. Добыча и экспорт нефти, газа, угля и железной руды в России

Показатель	1993 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.	2017 г.
Нефть, млн т					
Добыча	354	324	470	512	546
Экспорт	80	145	253	244	253
Доля экспорта в добыче, %	22,6	44,7	53,8	47,7	46,3
Газ природный, млрд м^3					
Добыча	618	584	641	671	691
Экспорт	96	194	207	187	210
Доля экспорта в добыче, %	15,5	33,2	32,3	27,9	30,4
Уголь, млн т					
Добыча	306	258	299	335	410
Экспорт	20	44	80	111	181
Доля экспорта в добыче, %	6,5	17,1	26,8	33,1	44,1
Железная руда, млн т					
Добыча	76	87	95	104	95
Экспорт	10	19	18	28	21
Доля экспорта в добыче (%)	13,2	21,8	18,9	26,9	22,1

Составлена по: (Российский…, 1994; 2018).

ентирована на экспорт, что и определяет положение России в качестве сырьевой кладовой мира, его «бензоколонки» и «кочегарки».

За годы реставрации капитализма в России существенно усилилась экспортная ориентация добывающей индустрии (табл. 5.1). Минеральное сырьё на мировом рынке стоит недорого. Эффективность внешней торговли возрастает по мере переработки добытых ресурсов, а Россия экспортирует сырьё большей частью в исходном состоянии. Кроме того, экономически выгодно вывозить излишки – то, что не требуется национальному хозяйству. Однако вывозимые из России, например, минеральные удобрения, отнюдь не лишние для неё. Их применение на 1 га российской пашни в сельскохозяйственных предприятиях сократилось с 88 кг в 1990 г. до 55 кг в 2017 г. (в 1999 г. оно опускалось до 15 кг). Это предопределяет не только будущие низкие урожаи, но и деградацию почв.

Подчас экспортные потребности удовлетворяются в приоритетном порядке. Россия – крупнейший в мире экспортёр природного газа, а уровень газификации, например, Сахалинской области (газодобывающего региона) составляет 14,2% (в России в целом – 66,3%, 2016 г.), в сельской местности этот показатель намного ниже. Лидируя в мире по добыче нефти и газа, Россия сохраняет своё отставание в нефтегазохимических отраслях. На её долю приходится лишь 2% мирового производства пластмасс, внутренние потребности обеспечиваются импортом, в том числе из Китая, выступающего нетто-импортёром нефтегазового сырья. За рубеж вывозится подавляющее большинство (до 90%) производимых в стране алюминия, меди, никеля, цинка при сильном падении внутреннего потребления продукции цветной металлургии, которая облагораживает экономику, делает её структуру более прогрессивной. СССР потреблял свыше 10% мирового алюминия, современная Россия – в 10 раз меньше, потребление меди снизилось в 8 раз, никеля – в 12 раз (Кашин, 2009). В СССР производилось 8 тыс. т в год редкоземельных элементов, в современной России – 2–3 тыс. т (Савельева, 2011). Между тем редкоземельные металлы используются в солнечной энергетике, оптоэлектронике, лазерной промышленности, производстве ЭВМ, т.е. в отраслях

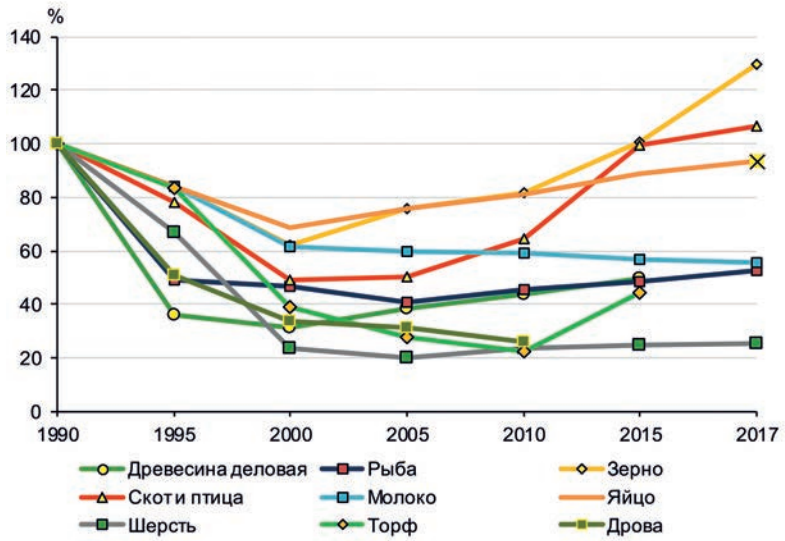

Рис. 5.4. Динамика производства в России продукции на основе возобновимых ресурсов за 1990–2017 гг. (1990 г. = 100%).

– катализаторах научно-технического прогресса, в том числе в экологической сфере.

В процессе вывоза природных ресурсов из страны, по сути, экспортируется и ассимиляционный потенциал природных ландшафтов – их способность противостоять хозяйственным воздействиям. Низкий уровень платежей отечественных экспортёров за энергию, землю, минеральное сырьё, загрязнение окружающей среды означает присвоение и беспошлинный вывоз экологических ресурсов страны. В то же время наша страна импортирует продукцию «верхних этажей» технологических цепочек, производство которой менее вредно для природной среды.

На фоне усиливающейся эксплуатации российских недр отрасли хозяйства, базирующиеся на возобновимых ресурсах, за постсоветский период сократили производство (рис. 5.4). Лишь после 2014 г. производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции показало заметный рост. Уместно вспомнить, что устойчивое развитие подразумевает постепенную замену невозобновимых природных ресурсов возобновимыми. Понятно, что эта задача не решается в одночасье. Трудно, однако, рассчитывать на её решение, если изначально двигаться в противоположном направлении.

В России сосредоточено 45% мировых ресурсов торфа, ежегодно они увеличиваются на 260–280 млн т, а добывается лишь 1% прироста (Бессмертных, Зайченко, 2012). Вовлечение в эксплуатацию торфяных ресурсов актуально, учитывая, в частности, уровень неосвоенности российской территории, 70% которой не охвачено централизованным электроснабжением. Поэтому в России очень перспективно создание автономных источников энергии на местных топливных энергоресурсах. При всей важности развития ветровой, солнечной, приливной, геотермальной энергетики, малых ГЭС, возобновляемая энергетика России должна строиться прежде всего на практически неисчерпаемых запасах биомассы, в частности, торфяной.

Крупнейшая лесная держава за годы перестройки и реформ вдвое сократила лесозаготовки. Правда, за этот период в больших объёмах стала заготавливаться нелегальная древесина. Её объёмы, по разным оценкам (Тишков, 2005; Шейнгауз, 2006), составляют от 15 до 100% сверх легальной заготовки. Но даже с учётом браконьерского рынка древесины расчётная лесосека сильно недоиспользуется. За годы перестройки и реформ не разрешилась, а даже усугубилась основная проблема лесного комплекса страны – экспорт преимущественно круглого леса и отсутствие глубокой переработки древесины, большая часть которой остаётся в лесу. Экспортно-сырьевая ориентация лесной промышленности страны стимулирует бесхозяйственные способы рубок – выборку из древостоев лучших деревьев. В постсоветские годы «отрицательная селекция», ведущая к ухудшению качества и санитарного состояния лесов, снижению биоразнообразия, усилилась, так как масштабные нелегальные рубки ведутся вообще без лесоводственных правил (Шейнгауз, 2006).

Экологические последствия трансформации сельскохозяйственного природопользования

Сельское хозяйство, базирующееся на возобновляемых ресурсах (при их рациональном использовании), развивается в России очень своеобразно и, к сожалению, неэкологично. Рассмотрим последствия преобразований в аграрной сфере более подробно.

За 1990–2017 гг. посевные площади сельскохозяйственных культур в стране сократились на 29 млн га (примерно площадь Италии), т.е. на треть от всех посевных площадей 1990 г. Это – в целом экологически позитивный процесс, особенно в степных и лесостепных, безусловно перераспаханных районах страны, но стихийное течение снижает его потенциальную экономическую и природоохранную эффективность.

Во-первых, вывод из оборота сельскохозяйственных площадей происходит на периферии регионов и сопровождается интенсификацией землепользования в сёлах, пригородах и даже городах, т.е. как раз там, где нагрузки и ранее были превышены. Подобная «поляризация биосферы», не оправдана с социально-экологических позиций по той простой причине, что в городах и сёлах живут люди (напомним: для которых природа и должна «охраняться»).

Во-вторых, выводимые из сельскохозяйственного оборота земли необходимо устраивать. Они могут и должны выполнять другие социально-экономические и экологические функции – естественных кормовых угодий, рекреационные, охраняемых территорий. Пока же неиспользуемые агроценозы покрываются мелколесьем и зарослями сорной растительности и выступают рассадниками вредителей и болезней сельскохозяйственных культур, а также – вблизи городов – активно используются под свалки.

В-третьих, выбытие земель из оборота должно сопровождаться повышением эффективности использования и улучшением экологического состояния сохраняющихся агроценозов, а этого отнюдь не наблюдается. Из-за отсутствия средств не выполняются мероприятия по сохранению и повышению плодородия почв: агротехнические, агрохимические, мелиоративные, фитосанитарные, противоэрозионные.

Наконец, и это самое главное, широкомасштабное запустение сельскохозяйственных земель, утрачивающих хозяйственную ценность и эстетическую

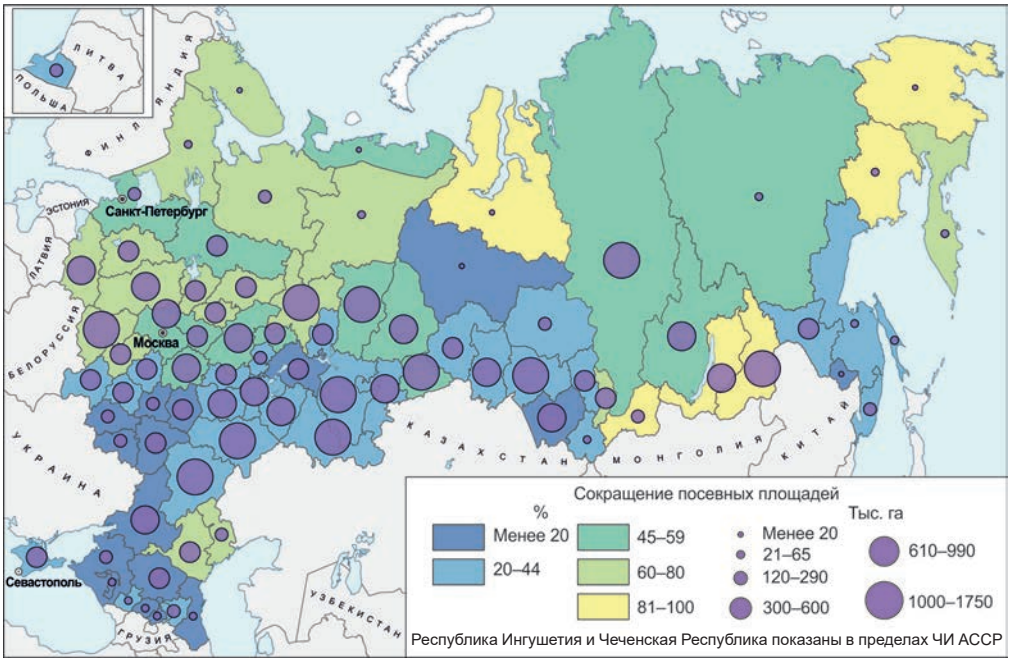

Рис. 5.5. Сокращение посевных площадей сельскохозяйственных культур по регионам России за 1990–2017 гг.

привлекательность, наряду с депопуляцией сельской местности представляют реальную угрозу для формировавшихся столетиями сельских культурных ландшафтов России, являющихся её национальным достоянием.

Максимальное относительное сокращение посевных площадей отмечается в периферийных районах экстремального земледелия: в Магаданской области, Тыве и на Чукотке. Естественно, не эти регионы определяют продовольственную безопасность страны. Относительные сокращения невелики на юго-западе России, а также в Татарстане. Но важнее показатель абсолютных величин вывода земель из хозяйственного оборота. Наибольшие потери посевных площадей – в южных степных регионах страны, многие из которых выступают житницами страны (рис. 5.5): в Саратовской, Оренбургской, Волгоградской и других областях.

Уменьшение нагрузки на природу произошло и в связи с сильным уменьшением поголовья сельскохозяйственных животных. По поголовью свиней нынешняя Россия (2017 г.) соответствует своему уровню 1957 г. Современное поголовье крупного рогатого скота составляет лишь 55% от поголовья 1916 г., а овец и коз сто лет назад в России было вдвое больше. В итоге произошло изменение аграрного профиля регионов, а именно – сдвиг в сторону растениеводства. В 1980-е годы оно преобладало лишь в нескольких юго-западных, ныне доминирует уже почти в половине регионов страны. Произошло масштабное продвижение границ преобладания в сельском хозяйстве растениеводства от сухих степей до тайги (Клюев, 2017).

Соотношение растениеводства и животноводства, помимо собственно хозяйственного, имеет и важное экологическое значение. Оно определяет тип и интенсивность аграрных нагрузок на природу, пропорции между видами сель-

скохозяйственных угодий (пашней, сенокосами, пастбищами) и тем самым – облик современных сельских ландшафтов. Так, традиционный для Нечернозёмной зоны России лесо-лугово-полевой ландшафт местами трансформировался в лугово-лесной. В результате изменения аграрной специализации снизились нагрузки на пастбищные ландшафты. Это особенно важно для подверженных опустыниванию регионов – Калмыкии, Астраханской и Ростовской областей, Дагестана, Алтайского края, Тывы.

Вследствие перевыпаса скота к середине 1980-х годов продуктивность пастбищ в нижнем Поволжье и на востоке Северного Кавказа сильно сократилась, увеличились площади песчаных почв и частота пыльных бурь. В районе Чёрных земель (Калмыкия) ситуация характеризовалась как предкатастрофическая. Экологическую «помощь» ландшафтам оказали социально-экономические и климатические изменения. Скачкообразное уменьшение поголовья скота в результате постсоветских кризисов и реформ, а также заметное уменьшение засушливости климата в регионе способствовали восстановлению растительного покрова в пустыне, антропогенной по происхождению. Хотя истощительные нагрузки на пастбища наблюдаются и ныне, но локально, вблизи населённых мест, что, правда, создаёт предпосылки нового «фронтального» опустынивания.

По данным А.А. Чибилёва (2004), на юге Оренбургской области нагрузка скота на степные пастбища уменьшилась в 7–8 раз. В связи с этим почти повсеместно стал накапливаться степной войлок. Но его образование в сочетании с распространением высокотравных бурьянистых залежей резко повысило пожарную опасность. Ежегодно степные палы охватывают до трети территории в Оренбургской области, в заволжских районах Саратовской и Волгоградской областей. Роль этого фактора заслуживает серьёзного внимания геоэкологов.

Для современного использования пастбищных угодий также характерна поляризация нагрузок на ландшафты. Перетравливание, переуплотнение, эрозия почв на ближайших к населённым пунктам пастбищах и зарастание удалённых угодий грубостебельным разнотравьем, их закочкаривание или превращение в завалуненные или щебнистые пустоши (в горах) наблюдается в широком спектре природно-хозяйственных условий – в Якутии (Федоров, 2002), на Кавказе, Алтае, в Приморье (Грачева, 2002), в Тыве (Самбуу, 2000). За 1990-е годы площадь травяных кормовых угодий в стране уменьшилась на 15–16 млн га (Тишков, 2005, с. 154).

Сокращение поголовья сельскохозяйственных животных имеет и другие позитивные природоохранные следствия. Уменьшается потребность в кормовой базе при выращивании кормовых культур с существенной долей пропашных, обедняющих почву, стимулирующих эрозию. Сокращается и количество крупнотоннажных отходов животноводческих комплексов. Правда, вследствие нехватки техники и дороговизны горюче-смазочных материалов эти отходы утилизируются на сельскохозяйственных полях ещё хуже, чем в дореформенный период. Сокращение поголовья животных произошло в сельскохозяйственных предприятиях, а хозяйства населения в основном сохранили своё поголовье. В результате произошёл сдвиг животноводства на личные подворья. Животноводческие нагрузки на ландшафты не просто сократились, они территориально перераспределились, сконцентрировались ныне в сёлах, пригородах и городах.

Таблица 5.2. Импорт Россией продовольственных товаров, тыс. т

Продовольственные товары	Год					Изменение за 1993–2017 гг., раз
	1993	2000	2005	2010	2017	
Мясо свежее и мороженое (без мяса птицы)	85,1	517	1340	1614	646	7,6
Мясо птицы свежее и мороженое	73,9	694	1329	688	229	3,1
Рыба свежая и мороженая	43,5	327	787	791	429	9,8
Молоко и сливки сгущенные	14,6	76,6	146	238	243	16,6
Масло сливочное и прочие молочные жиры	70,1	70,8	133	134	100	1,4

Составлена по: (Российский…, 1994; 2018).

Вследствие обвального падения отечественного животноводства резко возрос импорт продовольствия (табл. 5.2)[4]. Складывается своеобразная продовольственно-производственная цепочка, экономически и экологически невыгодная нашей стране: экспорт Россией минеральных удобрений (простых питательных веществ) – производство за рубежом мяса и молока (сложных питательных веществ) – ввоз их в Россию. Формирование такой цепочки вряд ли можно считать «рациональным» включением в международное разделение труда. Нынешняя продовольственная зависимость не просто унизительна для великой в прошлом сельскохозяйственной державы, это реальная угроза национальной безопасности. Немаловажно и то, что качество отечественного продовольствия зачастую пока ещё лучше зарубежного по показателям санитарной и экологической безопасности (Думнов, 2002).

Основные зернопроизводящие районы наращивают экспорт зерновых культур (экспорт Россией зерна увеличился с 15 тыс. т в 1993 г. до 43,2 млн т в 2017 г.) и семян подсолнечника, увеличив посевные площади этих культур, что приводит к экологически нежелательным последствиям. В чернозёмных регионах растёт доля пропашных культур и чистых паров, провоцирующих эрозию, и сокращается доля почвоулучшающих многолетних трав и бобовых культур. Так, в Тамбовской области за постсоветские годы доля пропашных выросла до 36,5%, а доля многолетних трав сократилась в 8 раз – до 2,3% (в 10 раз ниже нормы биологического земледелия) (Косолапов и др., 2015). В Курской области за этот период возросла доля зерновых культур, которые характеризуются низкой почвозащитной способностью, при этом доля посевов многолетних трав уменьшилась втрое. В Самарской, Саратовской, Тамбовской областях в 3–4 раза выросли посевные площади «почворазрушающего» подсолнечника, его доля в посевах заметно превышает фитосанитарные нормы. Особенно неэкологичны в этом отношении фермерские хозяйства. Например, в Ростовской области фермеры почти половину посевов занимают подсолнечником при норме 15%. Монокультуру называют сельскохозяйственным СПИДом, она губит «иммунитет» почв, ведёт к развитию в посевах специфических вредителей и болезней.

Активизация экспорта продукции растениеводства («сырьевой» отрасли сельского хозяйства) на фоне обвального падения животноводства («обрабатывающей» отрасли сельского хозяйства) свидетельствует о закреплении сырьевой

[4] После введения «режима контрсанкций» с 2014 г. импорт продовольствия стал существенно сокращаться, но всё ещё очень велик.

специализации страны, выпускающей продукцию с невысокой долей добавленной стоимости.

Серьёзную угрозу для агроландшафтов представляет резкое снижение использования удобрений[5]. Применение органических удобрений сократилось с 3,5 в 1990 г. до 1,5 т/га в 2017 г. Из-за обвального уменьшения поголовья скота их просто некому производить. Малое количество скота нарушает гармонию между животноводством, производящим отходы, и земледелием, потребляющим их. К началу 1990-х годов на российских пахотных почвах был создан запас питательных веществ, но ныне баланс безнадёжно отрицательный. По России в целом компенсация выноса питательных веществ из почвы с урожаем путём внесения удобрений составила: азота – 15%, фосфора – 15%, калия – 5% (Изменения…, 2007). Дегумификация, снижение почвенного плодородия, в свою очередь, ведёт к снижению устойчивости почв к антропогенным нагрузкам. Прогрессирующая деградация почв связана и с резким, обвальным уменьшением объёмов известкования кислых почв (сокращение за 1990–2017 гг. в 23,5 раза), их гипсования (в 31,8 раз), культуртехнических работ на сельхозугодьях.

Современное земледелие базируется на управляемом двустороннем (дренаж плюс ирригация) регулировании гидрологического, термического и других почвенных режимов. В США такими системами охвачено 60% земель, в Германии – 50%, а в России – лишь 5% (Добровольский, Зайдельман, 2004, с. 50)[6]. За пореформенный период площади мелиорированных земель сократились более чем на 20%, причём треть этих земель находятся в неудовлетворительном состоянии и лишь четверть – в хорошем, но в Брянской, Рязанской, Свердловской, Челябинской областях «хороших» земель в 2016 г. не было совсем, а ещё в половине регионов ЕТР они составляли менее 10% от всех мелиорированных земель (Государственный (национальный)…, 2017). Как видно, только небольшая часть ранее мелиорированных земель остаются улучшенными, ценными для хозяйства, а остальные – скорее наоборот.

Ранее мелиорированные, а ныне заброшенные торфяные болота (например, в Мещёре) утратили свои полезные свойства, снизилось их плодородие, они подверглись вторичному заболачиванию, заросли труднопроходимой растительностью. Иными словами, потеряв прежние, сельскохозяйственные функции, новых, полезных для человека функций они не приобрели. Не случайно катастрофические природные пожары лета 2010 г. затронули те районы, где велики площади заброшенной пашни и плохое состояние ранее мелиорированных земель. В итоге продуктивные угодья теряют свою хозяйственную ценность, а оставшиеся в обороте земли эксплуатируются в условиях стихийного, нерегулируемого режима почв. Это – один из признаков примитивизации отечественного сельского хозяйства.

Другим её свидетельством служит перераспределение производства между хозяйствами разных категорий. Если в 1990 г. хозяйства населения производи-

[5] Негативные долгосрочные последствия некомпенсируемого (внесением удобрений) земледелия сопровождаются сиюминутными позитивными результатами. Резкое снижение применения минеральных удобрений и средств защиты растений ведёт к уменьшению загрязнения химическими веществами природных компонентов и комплексов, а продукция отечественного растениеводства отличается экологической «чистотой».

[6] Уместно вспомнить, что и в Советской России все виды мелиорации (их больше 30), кроме орошения и осушения, недооценивались, а последние проводились неэффективно.

ли 26,6% продукции сельского хозяйства, то в 2017 г. – 32,5% (а в 1998 г. даже 58,9%). Полевые обследования (Клюев, 2007) показали, что крестьянское землепользование в личных подсобных хозяйствах не столь экологично, как это может показаться на первый взгляд. В структуре их посевных площадей 2/3 составляют посевы картофеля, что препятствует ведению экологически рационального севооборота. Нарушаются технологии применения удобрений и пестицидов, что ухудшает фитосанитарное состояние агроэкосистем. В пореформенный период личные подсобные хозяйства обеспечили выживание значительной части населения страны. Однако, будучи максимально эффективными с точки зрения *выживания*, крестьянские подворья неперспективны с позиций сельскохозяйственного *развития*. В этих хозяйствах господствуют примитивные технологии растениеводства и животноводства, тяжёлый физический труд, большей частью они мелкотоварные или совсем не товарные.

В России хозяйства населения, как известно, расположены не только в сельской местности, но и в городах. Земли личных подсобных хозяйств занимают, к примеру, до 30% территории городов Курска и Ростова-на-Дону и 60% – города Новочеркасска. Заметим, что два последних города – в списке самых загрязнённых городов страны, что, конечно, не может не сказываться на качестве продуктов, полученных на таких землях. Например, в овощах, выращенных на участках в г. Тольятти, содержание тяжёлых металлов выше, чем на фоновых участках: кадмия – в 2–9 раз, хрома – в 2–5, никеля, меди, свинца – в 1,5–2 раза (Экогеохимия…, 1995, с. 277).

Кроме городских земель, значительным антропогенным воздействиям подвергаются земли в пригородах. В постсоветские годы ближайшие пригороды стали местом интенсивного дачного освоения и коттеджного строительства. Оно локализуется часто в водоохранных и лесопарковых зонах. Стихия хищнической неконтролируемой застройки не подчиняется никаким, даже минимальным природоохранным требованиям. Например, только за июнь 2004 г. выявлено более 2000 объектов, незаконно возведённых в водоохранных зонах Московской области[7]. Осуществлён самозахват около 1400 га земель лесного фонда, относящихся к лесам 1-й группы. Захватываются лесные поляны, пашни, карьеры, колхозные сады, спортивные площадки, земли под ЛЭП и даже кладбища (Королёва и др., 2004). В районах массовой коттеджной и дачной застройки серьёзную угрозу для качества подземных вод представляет бесконтрольное бурение артезианских скважин. В результате ухудшается качество питьевых водоёмов и санитарное состояние пригородных территорий, сокращаются возможности массовой общедоступной рекреации, разрушаются пригородные пояса экологической безопасности. С экологических позиций значительная территориальная экспансия городов, эта новая мощная субурбанизационная волна – крайне нежелательный процесс. Полезно, например, напомнить, что для обеспечения благоприятной экологической обстановки в городе важна не величина площади зелёной зоны и её лесов, а лесистость обширной территории (Экологические…, 1998, с. 157).

В пореформенном сельском хозяйстве наблюдается, на первый взгляд, парадоксальный эффект расхождения индексов производства сельскохозяйствен-

[7] Регулярный мониторинг такого рода не налажен. Показательно, что проведение проверки водоохранных зон с берега оказалось невозможным из-за плотности застройки и заборов, поэтому она проводилась с воды и затронула только половину застроек (Коммерсантъ – Дом. 2005. № 216).

Рис. 5.6. Индексы показателей сельского хозяйства России за 1990–2017 гг., % (1990 г. = 100%).

ной продукции, с одной стороны, и индексов используемых ресурсов (посевных площадей, поголовья скота, применения органических и минеральных удобрений, техники, электроэнергии и т.п.) – с другой (рис. 5.6). На единицу продукции расходуется всё меньше ресурсов. На первый взгляд, это интенсификация производства, и она действительно наблюдается в отдельных хозяйствах в результате использования новой техники, технологий, урожайных сортов растений и продуктивных пород скота и т.п. Так, надой молока на 1 корову за 1990–2017 гг. возрос с 2731 до 4368 кг, но поголовье коров сократилось почти вдвое.

Но в целом по стране прирост производства достигается преимущественно за счёт усиления эксплуатации земельных ресурсов, чреватой «проеданием» почвенного плодородия, деградацией почв. Вследствие бездарной аграрной реформы отечественный крестьянин старается выжать из земли всё возможное, что, естественно, не может не подрывать экологический потенциал страны. В качестве позитивных результатов аграрных реформ некоторые исследователи (Нефедова, 2003) отмечают увеличение урожайности сельскохозяйственных культур. Однако рост урожайности[8] достигается, в частности, за счёт концентрации земледелия на лучших землях, менее продуктивные земли выводятся из хозяйственного оборота. В условиях некомпенсируемого (внесением удобрений) земледелия это чревато быстрым превращением лучших земель в бедленды, в дальнейшем неизбежно перемещение сельского хозяйства на менее плодородные земли, их последующая деградация и т.д. А повторное вовлечение в оборот заброшенных земель потребует затрат, сопоставимых с первоначальным их освоением, поскольку не только, скажем, агро-дерново-подзолистые, но и более плодородные агросерые почвы после забрасывания деградируют по гумидному типу. В лесной зоне в дичающих ландшафтах активно идёт утрата плодородия почв – процессы оподзоливания, осолодевания, элювиально-глеевые и др.

Отмеченное расхождение индексов производства и индекса ресурсов, парадоксальное несоответствие между сокращающимся потоком материальных ресурсов и увеличением выхода сельскохозяйственной продукции (парадокс

[8] Важным фактором роста урожайности служит также некоторое улучшение в последние десятилетия гидротермических условий в сельскохозяйственных районах – своего рода климатическая «гуманитарная помощь» перманентно реформируемой России.

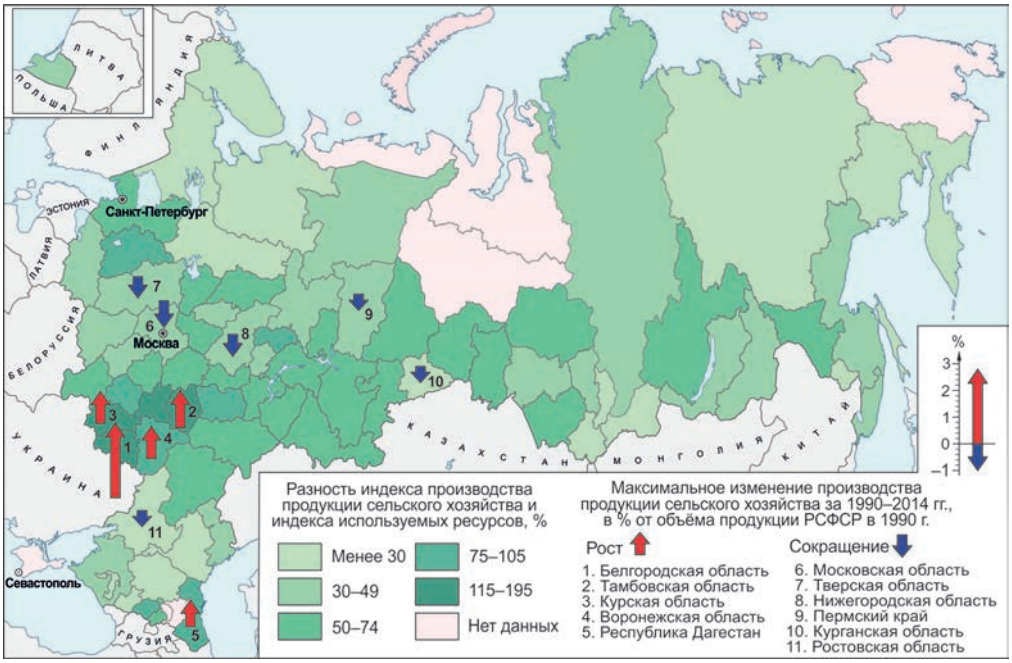

Рис. 5.7. Изменение нагрузки на сельскохозяйственные ландшафты за 1990–2014 гг. по регионам России.

«затраты – выпуск») назовём эколого-ресурсным «диссонансом», чтобы акцентировать внимание на основном факторе такого несоответствия – ужесточении эксплуатации земельных ресурсов, выступающих важнейшим компонентом экосферы.

Рассмотрим этот своеобразный *эколого-ресурсный «диссонанс»* в региональном разрезе – рис. 5.7. Предварительно были рассчитаны обобщённые, интегральные индексы используемых ресурсов за 1990–2014 гг. ($И_и$) по следующей формуле:

$$И_и = \frac{И_п + И_у + И_с}{3}, \quad (1)$$

где $И_п$ – индекс посевных площадей; $И_у$ – индекс применения минеральных удобрений; $И_с$ – индекс поголовья скота в условных единицах. Иными словами, интегральный индекс определялся как среднее арифметическое из трёх частных индексов используемых ресурсов, которые, на наш взгляд, в решающей мере определяют продуктивность сельскохозяйственного производства.

Минимальными значениями интегрального индекса характеризуются Костромская, Смоленская, Ивановская, Тверская и Калужская области. Так, в Костромской области посевные площади сократились в 3,4 раза, применение минеральных удобрений (на 1 га) – в 12,5, поголовье крупного рогатого скота – в 6 раз. На другом полюсе – Карачаево-Черкесия и Дагестан, где этот индекс превышает 100%, что говорит об увеличении вовлекаемых в оборот факторов производства. Например, поголовье овец в Дагестане возросло в 1,5 раза, в Карачаево-Черкесии – в 1,7 раз. В центрально-чернозёмных областях с середины 2000-х годов вновь вовлекается в оборот ранее заброшенная пашня, и в Курской, например, области величина посевных площадей в 2015 г. в ряде районов уже превышает показатели советского периода.

Таблица 5.3. Регионы, лидирующие по динамике производства продукции сельского хозяйства за 1990–2014 гг.

Субъект Федерации	Индекс производства продукции, %	Субъект Федерации	Прирост производства продукции, %[1]	Субъект Федерации	Разность индексов производства продукции и используемых ресурсов, %
Белгородская область	282	Белгородская область	2,87	Белгородская область	192
Тамбовская область	208	Тамбовская область	1,45	Тамбовская область	145
Республика Дагестан	187	Курская область	1,20	Липецкая область	124
Липецкая область	180	Воронежская область	1,15	Курская область	114
Курская область	176	Республика Дагестан	1,07	Республика Марий Эл	104
Республика Кабардино-Балкария	164	Липецкая область	0,93	Воронежская область	98
Воронежская область	155	Республика Татарстан	0,84	Новгородская область	92
Орловская область	141	Орловская область	0,42	Орловская область	88
Республика Марий Эл	137	Республика Кабардино-Балкария	0,39	Республика Кабардино-Балкария	83
Республика Татарстан	131	Республика Башкортостан	0,38	Пензенская область	77

Примечание. Выделены регионы, лидирующие по всем трём параметрам. [1] – % от объёма производства продукции сельского хозяйства РСФСР в 1990 г.

Хорошо выражена закономерность: чем выше индекс производства, тем больше разность индексов (табл. 5.3). Чем успешнее – с чисто производственной точки зрения – развивается региональное сельское хозяйство, тем выше ресурсно-экологический диссонанс. В этом смысле выделяются две группы регионов, различающиеся диаметрально противоположными экологическими траекториями (рис. 5.8).

1. Регионы, где велико расхождение индексов и велик спад производства (Тверская, Нижегородская области, Пермский край и др.), – это районы ускоренной «примитивизации» сельского хозяйства. В них усиливается зависимость аграрной сферы от природных режимов и тенденций и прежде всего от климата. Кроме того, в этих регионах можно ожидать изменений региональных климатических характеристик. А.Н. Кренке (1989) показал, что формирование природно-хозяйственных зон сильно нарушило природно-климатическую зональность. Ренатурализация ландшафтов (в связи с сокращением сельскохозяйственной деятельности и её примитивизацией) ведёт к ренатурализации региональных (зональных) климатических характеристик. Ныне в районах сильного сокращения сельскохозяйственной активности можно ожидать определённых подвижек и в изменениях регионального климата (которые здесь накладываются на изменения климата глобального).

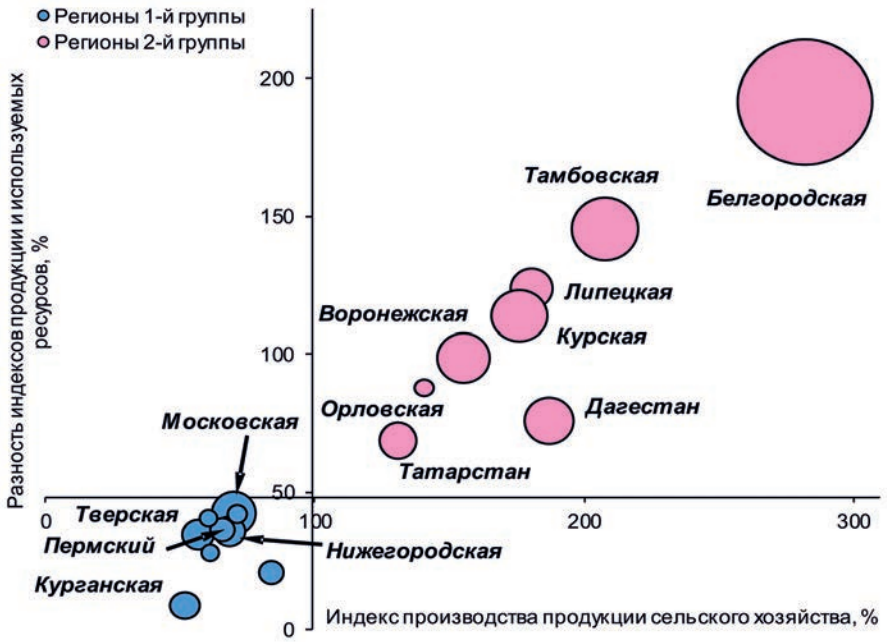

Рис. 5.8. Разность индексов продукции сельского хозяйства и используемых ресурсов по некоторым регионам России за 1990–2014 гг.

2. В регионах, где большая разность индексов сопровождается ростом производства (Белгородская, Тамбовская, Липецкая, Курская области и др.), наблюдается усиление воздействия на ландшафты. Чрезмерная эксплуатация агроландшафтов Центрального Черноземья и смежных областей угрожает их ускоренной экологической деградацией.

В условиях систематического уклонения российского государства от выполнения социальных функций наше бедное население выживает за счёт чрезмерной эксплуатации биологических ресурсов (Тишков, Клюев, 2010) – почвенного плодородия, браконьерства, незаконных рубок леса, самозаготовок дров, самозахвата земель и т.п. При этом неэкологичное поведение населения объясняется не столько безграмотностью, сколько экономической безысходностью. На другом социальном полюсе богатое меньшинство нашего общества выживает (или «процветает»?) за счёт эксплуатации ресурсов литосферы, тоже чрезмерной, подчас хищнической эксплуатации. В целом же – усиливается влияние природно-географических факторов в жизни общества.

Таким образом, важнейшая черта трансформации сельскохозяйственного природопользования в пореформенной России – изменение характера агроэкологических проблем. В позднесоветский период экологические проблемы были обусловлены интенсификацией сельского хозяйства – использованием удобрений и средств защиты растений, нагрузками тяжёлой сельскохозяйственной техники, крупнотоннажными отходами животноводческих комплексов. Ныне на первый план выходят проблемы, характерные для отсталых в аграрном отношении стран, которые связаны с «проеданием» почвенного плодородия, деградацией почв, забрасыванием пахотных земель, упрощением агроценозов, монокультурой, низким уровнем агротехники, примитивными технологиями земледелия и животноводства.

Тенденции территориальной организации природопользования

Отличительная черта современного периода – преимущественное сжатие российского ресурсного пространства, концентрация природопользования в центральных местах и хозяйственное запустение периферии. Эти тенденции проявляются на разных территориальных уровнях и в разных отраслях природопользования – в добывающей, лесной, рыбной промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве.

Возрастает уровень концентрации природопользования в региональном разрезе. В конце 2000-х годов на долю первой десятки регионов приходилось около 49% промышленного производства, 45% выбросов в атмосферу, 49% сброса загрязнённых сточных вод, 59% использования воды на производственные нужды, 82% нарушенных земель, 85% твёрдых отходов. Происходит концентрация добывающей промышленности, а, следовательно, и связанных с ней крупных изменений природных компонентов и комплексов, в ограниченном числе регионов. Если на первые пять регионов в 1990 г. приходилось 37,2% добычи[9], то в 2005 г. – уже 54,3%. А доля первой десятки регионов за этот период выросла с 52,5 до 66,5%. Этот процесс концентрации добывающей индустрии, обусловленный экономическими соображениями, с экологической точки зрения оценивается негативно. Концентрация негативных воздействий на среду выражена сильнее, чем концентрация промышленного производства. Более половины загрязнённых сточных вод в стране обеспечивают лишь 70 городов, 12% таких вод приходится на бассейн Москвы-реки. Именно эти города, особенно расположенные в Московском столичном регионе, заслуживают приоритетного внимания водоохранных органов.

Если в 1990 г. на два столичных региона приходилось 10% жилищного строительства России, то в 2017 г. уже почти четверть, а в 2004 г. – почти треть. В пределах Московской области – нынешнего лидера по строительству – 55% строящегося жилья сосредоточено в 10-километровой зоне вокруг МКАД. Такого рода концентрацию населения экологически можно трактовать как «мёртвому – мёртво».

В основных районах лесодобычи дальние лесосеки забрасываются, лесозаготовки концентрируются вблизи транспортных магистралей. Соответственно, благоприятные экологические последствия сокращения лесозаготовок сказались в основном в удалённых лесах, которые и без того были мало нарушенными. В лесодефицитных районах, где леса сильно нарушены, наблюдается рост рубок. В горных районах, особенно на Северном Кавказе, идёт интенсивная вырубка средне- и низкогорных лесов и кустарников на дрова, вследствие этого увеличились площади селевых очагов. Столь же выборочно осваиваются недревесные ресурсы леса.

За постсоветский период доля Северного и Северо-Западного экономических районов в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности России существенно увеличилась, при этом упала доля Восточной Сибири и Дальнего Востока. Поскольку основные лесные ресурсы сосредоточены на востоке страны, лесная индустрия удалилась от своей сырьевой базы. Доля

[9] Под добычей здесь понимаются рассчитанные нами объёмы извлечения из земных недр вещества природы – минеральных ресурсов вместе с попутно извлекаемыми вскрышными, вмещающими породами, попутным газом и т.п. (Клюев, 2011).

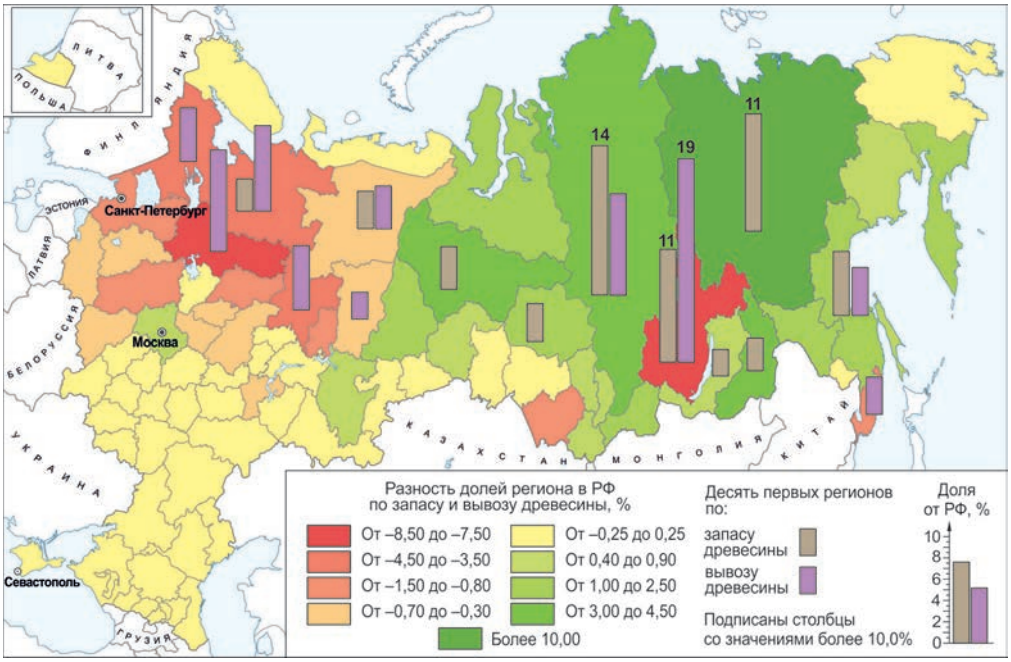

Рис. 5.9. Запас и вывоз древесины по регионам России.

региона в лесоразработках страны намного больше его доли в запасах древесины в Иркутской, Вологодской, Архангельской, Кировской областях и в Карелии (рис. 5.9), что косвенно говорит о сильной переэксплуатации лесов этих регионов. Происходит также сдвиг лесозаготовок в районы, прилегающие к государственным границам.

Изменения в нагрузке на природу – это следствие изменений в размещении промышленного производства. Рассмотрим, как оно изменилось в ходе реформирования страны. К 2017 г. лишь 46 регионов превысили дореформенный уровень объёма промышленного производства (рис. 5.10). Отметим, что главные «валютные цеха» страны – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО отнюдь не лидируют по величине промышленных индексов. Их индексы за 1990–2017 гг. составляют соответственно 87,7 и 105,2% (в России в целом – 93,7%). Между тем доля этих регионов в промышленности страны за указанный период сильно выросла с 1,7 до 4,7% в ХМАО (в 2012 г. она достигала 7,6%) и с 1,0 до 2,9% в ЯНАО. Относительное благополучие этих округов определяется мировыми ценами на нефтегазовые ресурсы. Но это не экологическое благополучие. ХМАО лидирует в стране по величине нарушенных земель и (наряду с Красноярским краем) выбросов в атмосферу. По величине нарушенных земель в тройке «анти-лидеров» находится и ЯНАО. Таким образом, ведущими потребителями специфического ресурса «качество природной среды» выступают регионы – основные поставщики экспортной выручки в российский бюджет.

Российские регионы сильно неравнозначны в индустриальном отношении. Например, промышленность Свердловской области не сопоставима с промышленностью Калмыкии. Для самой Калмыкии и её ландшафтов, конечно, чрезвычайно важно, что промышленная нагрузка сократилась в 4 раза. Но в масштабе

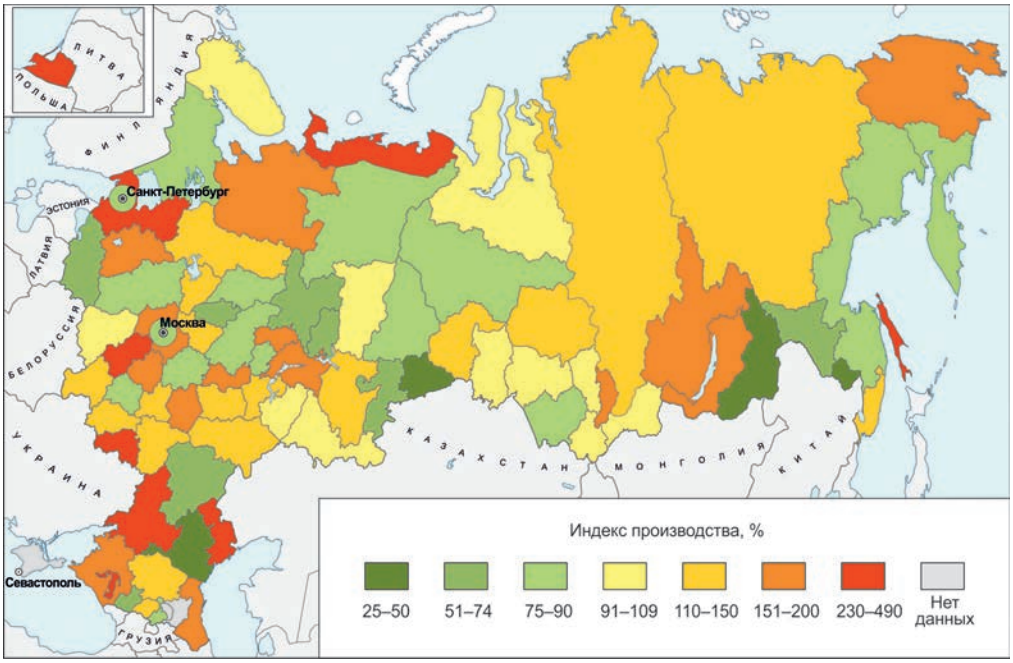

Рис. 5.10. Индекс производства промышленной продукции по регионам России, 2017 г. в % от 1990 г.

страны это 0,01%. Поэтому надо оценить и наиболее важные промышленные потери в национальном масштабе, т.е. от страны в целом (рис. 5.11). Значительный «вклад» в деиндустриализацию страны внесли Москва, Санкт-Петер-

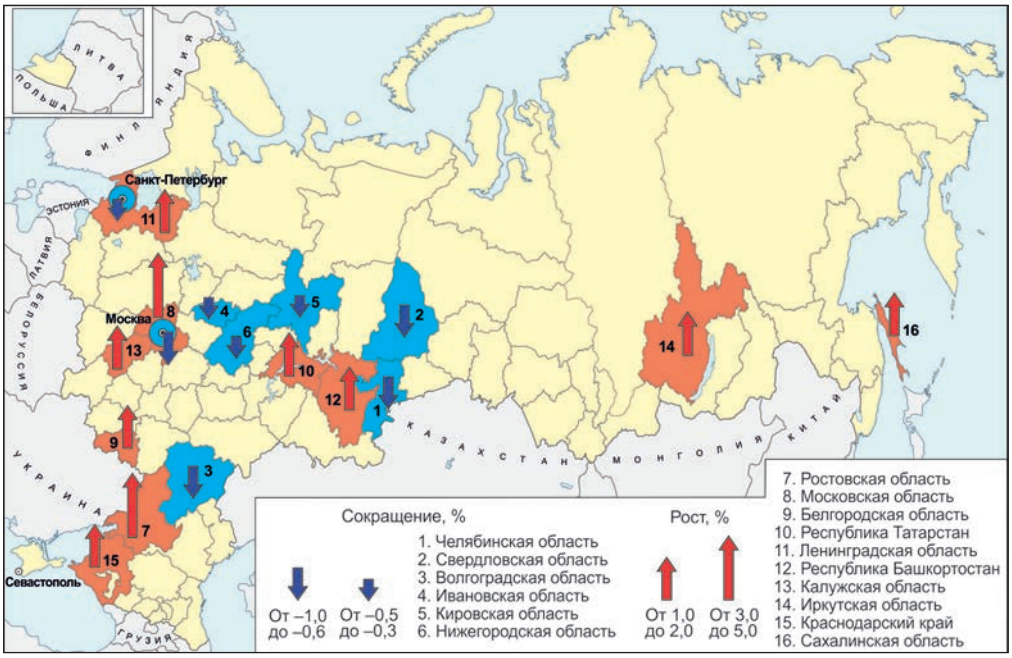

Рис. 5.11. Регионы, максимально изменившие объём промышленного производства за 1990–2017 гг. (% от объёма производства РСФСР в 1990 г.).

бург, Свердловская и Челябинская области. Значимый промышленный рост – в столичных областях, которые развиваются в противофазе с обеими столицами. Основные подвижки – наибольшие приращения и, наоборот, потери промышленного потенциала – происходят в европейской части страны и на Урале. В грубом приближении рисунки 5.10 и 5.11 можно трактовать как иллюстрации региональной динамики промышленных воздействий на природу в постсоветский период.

В ходе реформирования страны население, а значит и демографическое «давление» на среду, смещается в Центр (исключительно в Московский столичный регион) и на Северный Кавказ. Грубо говоря, если исключить столицу (внезональную во всех отношениях) и тюменские нефтегазоносные автономные округа, можно сказать, что население сдвигается в зону с оптимальным соотношением тепла и влаги и максимальной биологической продуктивностью ландшафтов. Это движение внешне выглядит как тяготение населения к экологически благоприятным местам, однако определяется оно экономическими и природно-ресурсными, а не природно-экологическими факторами. Парадоксальным районом выглядит Северный Кавказ. Производство здесь относительно сокращается, а население сильно растёт. Возможно, расхождение экономической и демографической динамики – это индикатор высокой доли здесь теневого хозяйственного сектора. Водопотребление, во всяком случае, на Северном Кавказе в 1990-е годы увеличивалось. Если за 1991–2002 гг. водозабор из бассейна Волги сократился на 22%, из бассейна Урала – на 30%, то из Терека он возрос на 8%, а из бассейна Кубани – даже на 82% (рассчитано по: (Радкович, 2003, с. 138; Кудинов, 2005, с. 535)).

Проведённая инвентаризация реализованных инвестиционных проектов в постсоветской России (Клюев, 2018) выявила исключительно высокую территориальную дифференциацию промышленного строительства, выражающуюся в его концентрации в небольшом числе промышленных ареалов и его сверхконцентрации в столичных регионах (рис. 5.12). Очень слабо новым промышленным освоением охвачен Европейский Север, на котором выделяются лишь два ареала добывающей индустрии: в Большеземельской тундре и на западе Мурманской области. Два новых горнодобывающих предприятия – по разработке месторождений алмазов в Архангельской области и добыче бокситов в Республике Коми «теряются» на мелкомасштабной карте.

Севернее и восточнее главной полосы расселения чётко видно абсолютное преобладание добывающей промышленности. Множество отдельных очагов промышленной активности хорошо заметно в тюменских округах, при этом ареал нефтедобычи расширяется в разных направлениях, а газодобыча сдвигается на север – на полуострова Ямал и Гыданский (Южно-Тамбейское, Салмановское и другие месторождения). В XXI в. началась разработка нефтегазоносных провинций Восточной Сибири и Дальнего Востока: Ванкорского, Талаканского, Верхнечонского, Чаяндинского месторождений, готовятся к эксплуатации Ковыктинское и другие месторождения. Целый куст нефтегазодобывающих мощностей появился на шельфе Сахалина. Энергоресурсы добываются в ещё более труднодоступных районах и более суровых природных условиях, чем в советский период. Если в 1970-е годы удалённость трасс магистральных трубопроводов в Сибири от ближайших поселений достигала 1000 км, то теперь – 2000 км.

На фоне редких новых промышленных объектов южной Сибири высокой концентрацией новых угольных шахт, разрезов, обогатительных фабрик и их

мощностей выделяется Кузбасс. Это увеличивает и так немалую нагрузку на природную среду региона, на который приходится почти 40% извлекаемого из литосферы страны вещества.

Огромное «белое пятно» на карте промышленного освоения страны простирается в Азиатской России восточнее 80° в.д. и севернее 60° с.ш., большин-

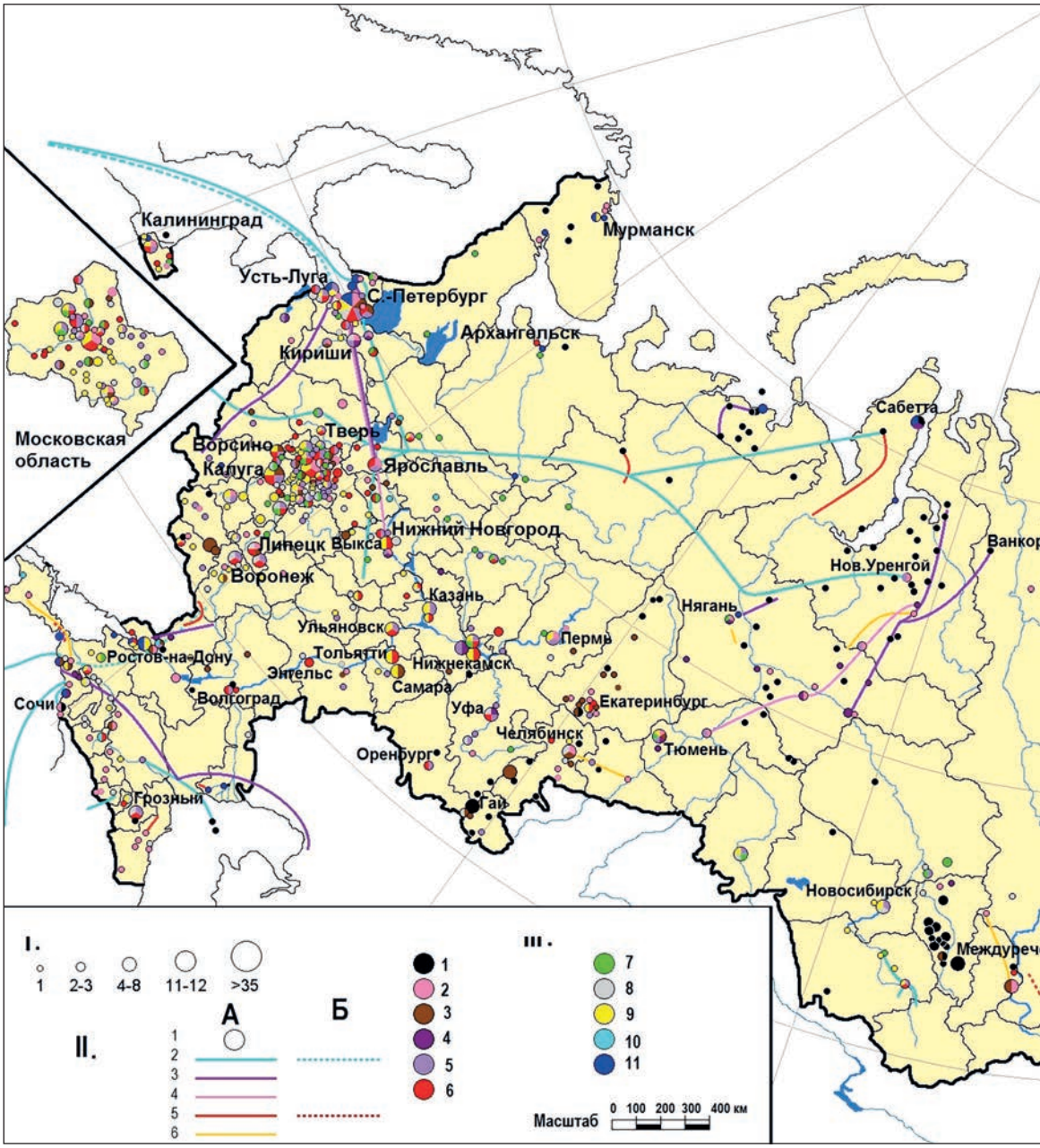

Рис. 5.12. Объекты нового промышленного и транспортного строительства на территории России в постсоветский период. (Картограф – А.Н. Васильцова).
I – Количество объектов. II – Объекты: А – построенные; Б – строящиеся; 1 – промышленное предприятие, 2 – газопровод, 3 – нефтепровод, 4 – нефтепродуктопровод, 5 – железная дорога,

ство редких здесь значков – это новые предприятия по добыче золота, серебра, цветных металлов, алмазов. На первый взгляд, количество новых предприятий в отдельных ресурсных регионах велико, но они приходятся на огромную территорию. Если в двух столичных регионах (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), занимающих в совокупности 0,8%

6 – ЛЭП. III – Отрасли хозяйства: 1 – добывающая промышленность, 2 – электроэнергетика, 3 – металлургия, 4 – нефтеперерабатывающая промышленность, 5 – химическая и нефтехимическая промышленность, 6 – машиностроение и металлообработка, 7 – лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, 8 – промышленность строительных материалов, 9 – пищевая промышленность, 10 – легкая промышленность, 11 – порты и терминалы.

Таблица 5.4. Регионы, лидирующие по промышленным инвестициям за 1996–2017 гг.

Регион	Доля, % от России
Ханты-Мансийский АО	11,49
Ямало-Ненецкий АО	10,68
Красноярский край	3,87
Республика Татарстан	3,55
г. Москва	3,29
Сахалинская область	2,65
Самарская область	2,47
Московская область	2,47
Свердловская область	2,31
Краснодарский край	2,28

Составлено по: (Регионы…, 2002–2018).

российской территории, появилось более 20% новых промышленных объектов, то в тюменских нефтегазодобывающих округах (7,6% территории) – менее 6%.

Налицо концентрация природопользования на относительно хорошо (по российским, конечно, меркам) освоенных территориях, где нагрузки на природу и ранее были велики. Об этом говорит распределение по районам страны промышленных инвестиций, которые служат, по сути, будущими антропогенными нагрузками (табл. 5.4). В Азиатской России по величине промышленных инвестиций выделяются ХМАО и ЯНАО, но «плотность» освоения (величина инвестиций на единицу территории) невелика. По этому показателю такие регионы, как Московская, Самарская области и Татарстан, превосходят тюменские округа в 3–4 раза. Коэффициент корреляции между долей регионов в инвестициях (1996–2017 гг.) и их долей в промышленной продукции страны (2017 г.) составляет +0,65, а без учёта Москвы и Санкт-Петербурга – даже +0,85.

На промышленной карте страны появилась новая отрасль – производство сжиженного природного газа (СПГ), завод СПГ с 2009 г. работает на Сахалине (г. Корсаков). В 2017 г. запущена первая очередь проекта «Ямал-СПГ» (пос. Сабетта). На Гыданском полуострове, по другую сторону Обской губы от Ямала создаётся аналогичный комплекс «Арктик-СПГ-2». Проектируется аналогичный по профилю завод в Усть-Луге. Мини-заводы СПГ появились в Кингисеппе, Выборге, Пскове и в других местах. Судя по сохраняющейся тенденции на развитие России как энергетической экспортной сверхдержавы, отрасль СПГ весьма перспективна для нашей страны.

В г. Певек на Чукотке сооружена инфраструктура первой в мире плавучей АЭС. Началось освоение нефтегазовых ресурсов шельфа Каспийского, Балтийского, Печорского и Чёрного морей. Отметим, что первое российское месторождение нефти, разрабатываемое на арктическом шельфе (Приразломное в Печорском море), не имеет аналогов по сложности освоения и экологическому риску. Его освоение происходит при совокупном воздействии экстремальных природных факторов: тяжёлые дрейфующие льды, низкие температуры воды и воздуха, сильные подводные течения, частые и сильные штормы, в том числе ледяные, значительные колебания уровня моря, наличие субаквальной мерзлоты.

В структуре нового промышленного строительства преобладают базовые, экологически «агрессивные» отрасли – добывающая, электроэнергетика, химическая промышленность, металлургия, нефтепереработка, составляющие в совокупности почти 2/3 новых объектов. Невелика доля машиностроения, почти незаметна – лёгкой промышленности. Можно констатировать отсутствие признаков экологизации, «озеленения» промышленной структуры. В перечне объектов постсоветского строительства мало высокотехнологичной промышленности: аэрокосмической,

Таблица 5.5. Города Европейской территории России с самым высоким уровнем загрязнения воздуха в 1991–2017 гг.

Город	Встречаемость в «чёрных списках» Росгидромета в 1991–2017 гг., раз		
	В списках «хронически загрязнённых городов»	В списках «городов экстремального загрязнения»	Всего
Магнитогорск	25	27	52
Екатеринбург	19	22	41
Курган	18	21	39
Нижний Тагил	15	17	32
Челябинск	13	19	32
Архангельск	7	19	26
Саратов	17	9	26
Москва	16	9	25
Ростов-на-Дону	16	9	25
Новороссийск	11	13	24
Уфа	3	20	23
Череповец	8	15	23
Волжский	14	7	21
Новодвинск	6	15	21
Санкт-Петербург	3	18	21
Липецк	13	6	19
Первоуральск	4	15	19
Пермь	2	17	19
Соликамск	6	11	17
Березняки	3	13	16

Составлено по: (Государственный…, 2004–2017; Соколовский, 2005).

фармацевтической, станкостроения, электроники, производства высокоточной аппаратуры, информационного и коммуникационного оборудования и т.п. Слабо представлены новые верхние этажи производственных цепочек. Несмотря на декларируемый на высшем государственном уровне инновационный прорыв, признаков масштабной модернизации промышленности нет.

Несмотря на резкое падение внутреннего спроса на алюминий из-за развала советского авиастроения и нехватку отечественного сырья (бокситов), растёт алюминиевая промышленность, запущены новые заводы – Хакасский, Богучанский, строится Тайшетский. Они используют дешёвую энергию сибирских ГЭС и экспортируют львиную долю своей продукции. При этом почти половина российского потребления алюмосодержащих изделий – это импорт. Заметим, что среди городов с особо грязным атмосферным воздухом (по Европейской территории России они представлены в табл. 5.5) много центров алюминиевой промышленности (Братск, Красноярск, Новокузнецк, Иркутск, Шелехов). Такого рода международное разделение труда нельзя считать рациональным для нашей страны: нет верхних этажей производства, готовую продукцию приходится импортировать, а вредные производственные выбросы остаются «нам и внукам»[10].

Принятая правительством РФ в 2007 г. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики России до 2020 г. (правда, нереализованная из-за очеред-

[10] Книга Д.Л. Арманда, считающаяся предтечей популярной ныне концепции устойчивого развития, называлась «Нам и внукам».

ного кризиса) предусматривала высвобождение природного газа для обеспечения экспортных поставок и переориентацию отечественной энергетики на менее экологичные виды топлива. Доля газа должна была уменьшиться с 68 до 50%, а угля – возрасти с 25 до 46%[11]. Намного более экологичный газ резервировался не «для внуков», а для экспорта. В 2000-е годы разрабатывались проекты дальневосточных угольных электростанций (в Амурской и Сахалинской областях) для экспорта электроэнергии в Китай и Японию. После запуска нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан лёгкие сорта нефти пошли на азиатский рынок, а на нефтеперерабатывающие заводы центра России увеличились поставки высокосернистой (следовательно, менее экологичной) нефти. Приведённые примеры подтверждают вывод В.Н. Лаженцева (2015): дезинтегрированное пространство России является следствием государственной политики, отдающей приоритет внешнему, а не внутреннему рынку.

Очаговое освоение ресурсов становится всё более деконцентрированным. Сейчас уже нет таких новых гигантских месторождений, как Самотлорское, Уренгойское, Медвежье. Если в начале 1970-х годов средняя величина запасов открываемых месторождений нефти в Западной Сибири составляла 77 млн т (в РСФСР – 30 млн т), то ныне – всего 1 млн т. Это признаки поздней стадии жизненного цикла в главном «валютном цехе» страны – Западносибирской нефтегазоносной провинции. На единицу добываемых ресурсов приходится всё больше внутри- и межпромысловых трубопроводов, а именно они представляют собой наиболее экологически опасные звенья нефтяной индустрии, на них разливается не менее 1% добываемой нефти.

Подавляющее большинство объектов *транспортной инфраструктуры*, отражённых на карте (см. рис. 5.12), ориентированы на экспорт минеральных ресурсов. Это газопроводы «Голубой поток», «Северный поток», Ямал – Европа, Бованенково – Ухта – Торжок, «Турецкий поток», «Сила Сибири»; Сахалинские трубопроводы; нефтепроводы Восточная Сибирь – Тихий океан, Тенгиз – Новороссийск, Южное Хыльчую – Варандей, Балтийские трубопроводные системы (Кириши – Приморск и Унеча – Усть-Луга); нефтепродуктопровод Кстово – Ярославль – Кириши – Приморск и др.

Активное строительство экспортных трубопроводов сопровождается сооружением новых портов и терминалов почти на всех российских морях, особенно на балтийском и азово-черноморском побережьях. За 1990–2017 гг. в России сократился объём транспортной работы: грузооборот железнодорожного транспорта снизился на 2%, а его пассажирооборот – на 55%, грузооборот автомобильного транспорта сократился на 16%. На этом фоне мощности российских морских портов выросли в 6 раз. Объём перегруженных в морских портах грузов за 2000–2015 гг. вырос с 82,9 до 676,7 млн т (в том числе 539,1 млн т экспортных грузов); количество грузовых причалов увеличилось с 322 до 887. Так, грузооборот порта Усть-Луга вырос с 400 тыс. т в 2003 г. до 78 млн т в 2015 г. (Лачининский, Семенова, 2015). Можно сказать, что петровское «окно в Европу», территориально сузившееся до «форточки» в результате геополитической катастрофы начала 1990-х годов, ныне превратилось по пропускной способности в широкие «ворота».

Транспортное обустройство пореформенной России обусловливается почти исключительно внешнеэкономическими и внешнеполитическими факторами –

[11] Коммерсантъ. 20 сентября 2007 г.

обеспечением экспорта природных ресурсов и его защиты от геополитических рисков (трубопроводы в обход Украины, Белоруссии, Польши и др.). Конечно, экспортные – по целевому назначению – трубопроводы попутно обеспечивают и потребности транзитных российских регионов. Например, в постсоветское время осуществлён масштабный перевод энергетики Европейской территории страны на природный газ. Но газопроводов, целенаправленно обеспечивающих отечественных потребителей, построено заметно меньше и они менее протяжённые: Джубга – Сочи, Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск, Петропавловск-Камчатский – Соболево, Западно-Озерненское – Анадырь, Сахалин – Хабаровск – Владивосток.

На экспорт природных ресурсов ориентированы и расширение и модернизация Транссиба и БАМа, а также немногочисленные железнодорожные ветки, построенные в постсоветский период: Обская – Бованенково – Карская (для обустройства газовых месторождений, строительства и функционирования завода СПГ на Ямале и нового порта Сабетта); ст. Тиман – ст. Чиньяворык (для вывоза бокситов на уральские алюминиевые заводы с целью последующего экспорта алюминия); Эльга – Улак и Кызыл – Курагино (сооружаемая) – для экспорта коксующихся углей соответственно Якутии и Тывы в азиатские страны. Экспортно-сырьевая модель российского хозяйства закрепляется в новых инвестициях. Лишь Амуро-Якутская железнодорожная магистраль, железнодорожная ветка Миллерово – Журавка в обход Украины и Крымский мост нацелены скорее на обустройство территории, усиление её связности, а не обслуживание экспортных потребностей. В крупнейшей по территории стране отнюдь не компактной конфигурации не построено ни одной высокоскоростной железной дороги (в Китае – свыше 3 тыс. км, в зарубежной Европе – более 4 тыс. км). Десятилетиями не реализуется, например, актуальный проект дороги Белое море − Республика Коми – Урал.

В последнее десятилетие экспортные потоки энергоресурсов частично развернулись на восток, что обусловлено главным образом геополитическим фактором. Таким образом, пока идея диверсификации отраслевой структуры хозяйства страны остаётся красивой декларацией, диверсификация экспортных сырьевых потоков успешно реализуется.

Под влиянием геополитического фактора российские экспортные терминалы сконцентрировались в акваториях внутриматериковых морей – Балтийского, Чёрного и Азовского. Но узкие Балтийские и Черноморские проливы потенциально могут стать барьерами для транспортировки стратегически важных внешнеторговых грузов. Между тем Балтийское море мелкое, отличающееся слабым водообменом с Мировым океаном. Это обусловливает высокую уязвимость моря ко всё увеличивающимся антропогенным воздействиям. К тому же оно давно и интенсивно осваивается (а значит, и загрязняется) нашими балтийскими соседями. Это определяет серьёзность водно-экологических проблем, важнейшая из них – эвтрофирование вод Финского залива из-за высокой нагрузки биогенными элементами, а транспортно-трубопроводный бум последних десятилетий создаёт потенциальную опасность нефтяного загрязнения Балтики. Открытая перевалка угля в порту Усть-Луги ведёт к существенному запылению атмосферы[12].

[12] Эта проблема ещё более актуальна для дальневосточных портов (Ванино, Находка, Советская Гавань и др.), для которых уголь – основной экспортный груз. Проблема обостряется, так как за 1993–2017 гг. российский экспорт угля возрос в 9 раз – с 20 млн т до 181 млн т. К 2025 г. Минэнерго РФ прогнозирует увеличение угольного экспорта ещё на треть (Коммерсантъ. 28 августа 2018 г.).

На Черноморском побережье растущая транспортная нагрузка ложится на дефицитные в стране рекреационные ресурсы пляжного отдыха у тёплых морей. Таким образом, как геополитические, так и экологические факторы требуют искать новые выходы в Мировой океан. Поскольку главные морские фасады России обращены к Северному Ледовитому и Тихому океанам, очевидна актуальность их транспортного освоения, которое надёжно обеспечит независимость страны в пространственном отношении.

«Вся история России связана с освоением огромной суши. … Это её функция, или, если хотите, миссия» (Сысоева, 2007, с. 38). Поэтому освоение новых минеральных богатств отвечает основной «магистрали» развития страны, но с важной оговоркой. Ключевой инновацией современного мира стал экологический императив. Уникальное разнообразие российских ландшафтов должно быть *бережно освоено* при тщательном учёте пространственно-временных особенностей их устойчивости к техногенезу. Освоение – это отнюдь не экспансия горнодобывающих производств, оставляющих после себя техногенную пустыню. Экологичное освоение предполагает обустройство территории, организацию на ней туристических и рекреационных зон, охраняемых территорий разного уровня охраны, органического сельского хозяйства, прогрессивных средств транспорта и связи, традиционных промыслов малых народов и т.п.

Пока, к сожалению, принципы устойчивого развития не вошли в практику отечественного природопользования. На первый взгляд, новые добывающие предприятия должны отличаться высокой степенью экологичности. Однако это далеко не всегда так. К примеру, новые районы добычи нефти в ХМАО не охвачены сетью предприятий по утилизации попутного нефтяного газа. На вновь вводимых нефтепромыслах степень использования газа приближается к нулю. Только на старых, хорошо обустроенных промыслах она может составлять 60–90% (Атлас…, 2004, с. 89).

На наш взгляд, российские нефтегазовые месторождения арктического шельфа следует рассматривать как ресурс будущих поколений. Их фронтальная разработка в ближайшие 10–20 лет нецелесообразна в силу ряда причин, в том чиле связанных с трансформацией климата. Его изменения проявляются, в частности, в учащении экстремальных опасных явлений, чреватых авариями с экологическими последствиями. Так, в последние годы наряду с уменьшением ледовитости арктических морей наблюдалось возрастание частоты штормовых ветров, высоких волн, низких температур, гололёдных отложений, сильных туманов, разовых осадков и других опасных явлений (Пространственные…, 2012, с. 133). Суровые, но стабильные природные условия требуют больших затрат, зато не сопряжены с мало предсказуемыми последствиями. Вместе с тем, в геополитических целях требуется «эффективное присутствие» на территории – инфраструктурное обустройство навигации в арктических районах, интенсификация информационного этапа их освоения (геологоразведки, мониторинга и т.п.). А колоссальные капиталовложения, требуемые для новых шельфовых проектов, целесообразно направить на повышение коэффициента извлечения нефтегазовых ресурсов на уже разрабатываемых месторождениях, увеличение глубины переработки нефти, на утилизацию попутных газов и т.п.

Неуправляемая *территориальная концентрация разнообразных нагрузок на природу* в компактных ареалах крупных населённых пунктов и их ближайшего окружения, вдоль главных автомобильных и железнодорожных магистралей

– это наиболее яркая современная тенденция в пространственной организации природопользования. На периферийных территориях нагрузки заметно снижаются, налицо признаки опустения и даже одичания.

Речь идёт об экономической, а не физической периферии. Например, в Курской области в пореформенное время сельское хозяйство развивается (точнее – лучше сохраняется, меньше деградирует) не в центральном, Курском районе, а на плодородной юго-западной периферии области, а также в районах локализации крупных экологически опасных предприятий – железорудного комбината и атомной электростанции. Здесь не наблюдалось сильного спада промышленности, население относительно экономически благополучных городов Железногорска и Курчатова поддерживает высокий платёжеспособный спрос. А на северо-западе области выведена из сельскохозяйственного оборота почти половина площадей. Здесь появились новые 20–30-летние берёзово-осиновые рощи. Наблюдается положительная динамика численности и разнообразия орнитофауны, ихтиофауны. Возросло и количество волков. Здесь уже нет гибели рыб в результате сброса загрязнений промышленными предприятиям. Теперь лидерство в нарушениях природоохранного законодательства перешло к браконьерам. Можно сказать, что и здесь есть признаки постиндустриального развития – ведь вместо производства главным врагом природы стал непосредственно человек в виде браконьера. И статистический портрет современного браконьера изменился – теперь он более образован, как правило, ранее не судим. В действительности, конечно, «социально вынужденное браконьерство» – это не постиндустриальный симптом, а регресс в сторону доаграрного, присваивающего хозяйства. Но на новой технической базе: для отлова рыбы, кроме сетевых и багрящих орудий, используются электрический ток, взрывчатка, химические вещества.

Территориальная организация хозяйства требует экологического обоснования и регулирования. Некоторые авторы предлагают, например, концентрировать сельскохозяйственную деятельность в центральных местах: «Скорее всего неизбежно превращение лесной и отчасти лесостепной зон России в архипелаг небольших освоенных участков вокруг городов среди моря лесов и, отчасти, степей» (Иоффе, Нефедова, 2002). Но экологические требования диктуют прямо противоположную стратегию территориального развития сельского хозяйства. «Химико-техногенные системы земледелия необходимо развивать именно в периферийной зоне. В пригородном поясе интенсивность нагрузки на землю должна ослабевать в результате развития ландшафтно-адаптивного земледелия – увеличения доли многолетних трав, залужения отдельных площадей пашни, исключения пестицидов и удобрений» (Покровский, 2002, с. 70).

Разумеется, при реальном многообразии природно-хозяйственных условий в нашей стране может найти применение и та, и другая территориальная модель сельскохозяйственного развития, а прежде всего – их разнообразные комбинации. Подчеркнём, однако, что стратегия концентрации сельскохозяйственных функций на ограниченной территории «лучших земель» имеет не только экологические, но и геополитические изъяны. При использовании такой стратегии неизбежно дальнейшее сжатие российского освоенного пространства, вторичное экономическое опустынивание и даже одичание территории. Это вроде бы очевидный «плюс» с чисто экологических позиций. Но нельзя не учитывать, что огромные, далеко ещё не *освоенные* (т.е. не *свои*) природные ресурсы России, включая её территорию, вряд ли останутся вне поля зрения других стран в усло-

виях острого их (ресурсов) дефицита в мире. Поэтому проблема формирования белых пятен на экономической карте страны требует тщательной проработки и с общих социально-экономических, и с геополитических позиций.

Вопросы территориальной организации использования природных ресурсов, важные для любой страны, для России имеют особое значение, учитывая фактор пространства. Однако в ходе перестройки и реформ была разрушена в целом неплохая советская система территориального проектирования, охватывающая всю пространственную вертикаль – от Комплексных программ НТП, схем развития и размещения производительных сил, расселения населения страны до схем и проектов районной планировки, генеральных планов городов и других населённых мест. Эти документы содержали и природоохранные разделы. А в конце 1970-х годов стали разрабатываться и специальные территориальные комплексные схемы охраны природы. Отсутствие в 1990-е годы социально-экономического развития обусловило потерю интереса и к проектированию, в том числе территориальному. С введением нового Градостроительного кодекса Правительство России пытается реанимировать территориальное проектирование. Серьёзные проблемы в этой сфере связаны с определённой утратой за «бесплановые» годы соответствующих институтов, квалифицированных специалистов, научно-проектной культуры в целом.

Возможная стратегия – развитие водоёмких производств

Исследования показывают, что в хозяйственном комплексе России продолжается экологическая деградация. В качестве одной из альтернатив нынешней неэкологичной природоёмкой сырьевой траектории движения страны может рассматриваться выход России на мировой рынок водоёмкой продукции (Данилов-Данильян, 2007).

Представляется, что во второй – третьей четвертях XXI в. остро дефицитным природным ресурсом окажется пресная вода. Этот дефицит станет и основным из ресурсных факторов, определяющих трансформацию структуры реального сектора мировой экономики. Пресная вода – весьма специфичный во всех отношениях ресурс, связанные с ней проблемы заслуживают подробного рассмотрения.

Глобальное водопотребление растёт высокими темпами более 100 лет и будет продолжать расти ещё несколько десятилетий. Вместе с тем объём экономически доступных ресурсов пресной воды уменьшается в результате негативных антропогенных воздействий на природные системы её воспроизводства. Согласно экстраполяционному прогнозу, примерно между 2025 и 2035 гг. объём потребляемой пресной воды сравняется с её ресурсами (экстраполируется при этом не непосредственно водопотребление, а определяющие его факторы – численность населения, уровень конечного потребления и качество жизни, отраслевая структура и пр.). Очевидно, подобный прогноз – индикатор острейшего кризиса. Однако не все водные ресурсы, которые могут быть отнесены к экономически доступным, будут использованы даже в 2035 г. – по той причине, что они расположены в водообеспеченных странах – Бразилии, России, Канаде. Проблема их вовлечения в хозяйство на территориях без развитой инфраструктуры очень сложна, так что часть этих ресурсов не обещает значимого экономического выигрыша даже при ожидаемых сдвигах соотношений цен на мировом рынке. Отсюда следует, что глобальный водный кризис может наступить даже раньше, чем ожидается по экстраполяционному прогнозу.

Вовлечение в эксплуатацию новых водных ресурсов в среднем обходится всё дороже с ростом их потребления. Затраты на транспортировку воды в масштабах её промышленного и сельскохозяйственного применения (в км^3, т.е. млрд т) претерпевают резкий скачок при пересечении границ бассейна. Подчеркнём, что речь идёт о промышленном и сельскохозяйственном использовании пресной воды, а не о бутилированной питьевой воде, на долю которой приходится ничтожно малая часть общего водопотребления. Представление о масштабах потребностей различных производств в воде дают несколько примеров. Производство 1 т азотной кислоты требует 80–180 м^3 пресной воды, хлопчатобумажной ткани – 300–1100 м^3, синтетического волокна – 1000 м^3, целлюлозы – 200–400 м^3, резины – 2500 м^3, синтетических тканей – 2000–3000 м^3. Огромные объёмы воды потребляют энергетические установки для охлаждения энергоблоков, причём значительная её часть (до 1/3) уходит в безвозвратные потери. Так, для работы ТЭС мощностью 1 млн кВт необходимо 1–1,6 км^3 воды в год, а для работы АЭС той же мощности – 1,6–3 км^3. Нижние границы этих интервалов соответствуют передовому техническому уровню. Для выращивания 1 т пшеницы в среднем требуется 1 тыс. м^3 воды.

Утверждение о резком скачке затрат на транспортировку воды при пересечении границ бассейна справедливо именно для крупномасштабного водопользования, типичного для промышленности и сельского хозяйства (проблемы питьевого водоснабжения имеют иной характер). Скачок транспортных затрат – одна из двух главных причин того, что водой нельзя торговать так, как торгуют нефтью. Другая причина – колоссальная разница в физических объёмах потребления воды и нефти (сотни раз). Из продаваемой воды доминирующая часть приходится на внутрибассейновые перераспределения, это продолжится и в будущем. Сам по себе рынок воды никогда не будет играть для водопользования такой роли, какую для энергопотребления имеет рынок нефти, это несопоставимые вещи. Для того чтобы решить проблему водообеспечения, современной цивилизации нужно идти совершенно другими путями. Смягчение дефицита воды в странах, где он уже имеет место и будет всё больше усиливаться, возможно за счёт широкомасштабного применения водосберегающих технологий и отказа от производства водоёмкой продукции, замещения её импортом. В секторе водоёмкой продукции продавцами на мировом рынке могут выступать лишь страны, располагающие водными ресурсами в избытке по сравнению со своими внутренними потребностями. К этим совсем немногим странам принадлежит и Россия.

Подчеркнём, что рынок водоёмкой продукции – это рынок продукции, а не сырья. Для эффективного участия страны в качестве продавца на этом рынке одних запасов природного ресурса мало – необходимо и использующее его производство. Используемый ресурс – пресная вода – воспроизводимый, неиссякающий (естественно, при выполнении водоохранных правил, соблюдении гидрологических и экологических норм эксплуатации). Кроме того, это ресурс, в принципе не заменимый никаким другим, его субституты даже теоретически могут составлять ему конкуренцию лишь до определённого природообусловленного предела.

Перестройка структуры мировой экономики под давлением угрозы глобального водного кризиса формирует исключительно благоприятные условия для водообеспеченных стран, поскольку неизбежен рост спроса и цен на водоёмкую

продукцию. Её экспортёры окажутся в положении, аналогичном тому, которое обеспечивает благоденствие нынешних экспортёров нефти. Воспользоваться шансом можно будет только при условии серьёзной подготовки к развитию экспортных водоёмких производств.

Интересы России в данном случае вполне совпадают с интересами мирового сообщества. Многие страны будут предъявлять спрос на водоёмкую продукцию, и нам выгодно удовлетворять такой спрос, потому что это вопрос не только экономической эффективности развития нашего хозяйства, но и нашей безопасности, устойчивости позиций России в мире.

Для того чтобы проблема дефицита воды в мировой экономике не стала для нас угрожающей, а наоборот, определила новый источник благосостояния для страны, надо со всем вниманием, ответственностью и предусмотрительностью относиться к её решению.

Заключение

За годы перестроек, кризисов и реформ обостряется проблема информационного обеспечения природно-ресурсного комплекса страны. Разработка минеральных богатств до сих пор в основном базируется на запасах, разведанных ещё советскими геологами, что грозит возможным сырьевым кризисом. Резко сократились программы мониторинга природной среды. Наведение порядка в «бухгалтерском» учёте природных ценностей – важная задача государственного управления, в её решение географы могут и должны внести немалый вклад. Стратегическое значение для устойчивого развития страны имеют знания, получаемые науками о Земле. Уровень их поддержки может служить индикатором соответствия государственной политики российским национальным интересам. Остро необходимо интенсифицировать научное изучение российской территории – самую экологичную и геополитически необходимую форму её освоения.

В постсоветские годы в российской экономике усиливается роль природно-ресурсного комплекса, а в его составе возрастает значение отраслей, базирующихся на минеральных ресурсах. При этом растут разрывы между добычей минерального сырья и его переработкой, между добычей и внутренним потреблением. Увеличивается экспортная ориентация природно-ресурсной сферы.

Главным лозунгом внешнеэкономической стратегии России должно быть снижение до минимума поставок любого сырья за границу. Богатства российских недр – мощный рычаг, который нужно использовать, но не для «латания дыр» в хозяйстве, а для подъёма экономики, коренного обновления технической базы, внедрения ресурсосберегающих и природоохранных технологий, отвечающих задачам инновационного рывка и современным экологическим вызовам.

Проведённый анализ позволил выявить актуальные тенденции в отечественном природопользовании: усиление межрегиональных различий по экологическим параметрам; поляризация природопользования, его фрагментация; «одичание», ренатурализация периферии; неуправляемая концентрация разнообразных нагрузок на природу в компактных ареалах крупных городов и их ближайшего окружения, вдоль главных транспортных магистралей; существенная экологическая трансформация пригородных зон; «трубопроводно-портовый бум», вызывающий перемещение транспортных экологических угроз к морским акваториям и их приближение к российским границам; специфическая псевдоин-

тенсификация сельского хозяйства за счёт ужесточения эксплуатации земельных и трудовых ресурсов. В крупных городах лидерство в загрязнении атмосферы перемещается от промышленности к автотранспорту. В структуре регионального природопользования в постсоветской России по целому ряду параметров центр тяжести перемещается от производственного к потребительскому сектору. Если раньше загрязнение и вообще нарушение природной среды было вызвано *производством* продукции, то теперь оно во всё большей степени вызвано её *потреблением* населением.

В условиях систематического уклонения российского государства от выполнения социальных функций бедное население России выживает за счёт чрезмерной эксплуатации биологических ресурсов – почвенного плодородия, браконьерства, незаконных рубок леса, самозаготовок дров, самозахвата земель и т.п. На другом социальном полюсе богатое меньшинство российского общества «процветает» во многом за счёт эксплуатации ресурсов литосферы, тоже чрезмерной, подчас хищнической эксплуатации. В целом же – усиливается влияние природно-географических факторов в жизни общества.

В экспортно-ориентированном минерально-сырьевом комплексе наблюдается расширение ресурсного пространства – очаговое вовлечение в эксплуатацию новых ресурсов Восточной Сибири, Дальнего Востока, Севера и шельфовых областей. В противовес этому использование возобновимых ресурсов (биологических, лесных, почвенных, агроклиматических, водных), а также нерудных стройматериалов, потребляемых внутри страны, всё более стягивается в компактные ареалы вблизи центральных мест и главных транспортных магистралей, ориентируется на использование «лучших земель».

Некомпенсируемое (внесением удобрений) земледелие, «проедание» почвенного плодородия сопровождается концентрацией сельского хозяйства на лучших землях, выводом из хозяйственного оборота менее продуктивных земель. Истощительное использование лучших земель чревато быстрым их превращением в бедленды, в дальнейшем неизбежно перемещение сельского хозяйства на менее плодородные земли, их последующая деградация и т.д.

Принципиально важно предпринять усилия по реанимации отраслей, базирующихся на возобновимых ресурсах и очень сильно пострадавших в ходе кризиса и реформ: сельского, лесного, водного, рыбного хозяйства и др. Помимо экономического и экологического эффектов их восстановление и развитие принесёт и геополитический результат. Именно эти хозяйственные отрасли в первую очередь «обустраивают» территорию страны.

Наряду с отраслевой очень важно совершенствовать и территориальную структуру природопользования. В частности, для разгрузки от чрезмерного антропогенного давления на природу главной полосы расселения заслуживает внимания идея В.Н. Лаженцева (2015) о необходимости сдвига индустрии в зону ближнего Севера Европейской России. Очень актуально сократить сельскохозяйственную нагрузку на лесостепные и степные ландшафты и направить усилия на восстановление аграрной сферы нечернозёмной полосы.

За постсоветские годы фактически не происходит сдвиг производительных сил на восток, необходимый для обеспечения геополитической устойчивости страны и выравнивания по территории промышленной нагрузки на природную среду. Растущая концентрация хозяйства в немногочисленных ареалах экономической активности, ориентированных главным образом вовне, – главный вектор территориального

развития России. Сложившийся в условиях рыночной стихии подобный вектор носит негативный характер как с экологических, так и с геополитических позиций.

В растущем внимании внешнего мира к «несправедливой» диспропорции между огромной малоосвоенной российской территорией, богатой природными ресурсами, и относительно скудным населением заключена реальная угроза национальной безопасности России. Вследствие этого фокус внимания должен быть направлен на рациональное использование пространства и формирование эколого-хозяйственной стратегии, отвечающей вызовам современности.

На высшем управленческом уровне провозглашён лозунг модернизации России. При этом ряд экспертов основной упор в проблематике модернизации делает на опережающем развитии нашей страны на основе нового технологического уклада – биотехнологий, нанотехнологий, солнечной энергетики и т.д. (Глазьев, 2012). Имеется в виду некий инновационный прыжок из ресурсообеспечивающей зоны мировой экономики в технологический авангард планеты. На наш взгляд, этот рецепт более подходит странам, которые меньше по территории, компактнее и однороднее, чем Россия.

Важно понимать, что сугубо инновационное развитие всё же «точечное», не фронтальное. Об этом говорит и зарубежный опыт модернизации: новые наукоёмкие сектора могут быть ключевым фактором модернизации лишь небольшого региона, а не всей экономики (Кондратьев, 2013). И по мере становления «локомотивов роста» будут усугубляться разительные контрасты между этими островами экономики знания и экономикой выживания на огромной территории обездоленной, деградирующей периферии. В условиях пореформенной России нет механизмов поддержки периферии, а упомянутые «локомотивы» преимущественно воспроизводят рост в пределах собственной городской черты. Точечное развитие – реальная угроза дезинтеграции страны.

Развитие высоких технологий, с которыми теперь принято связывать будущее российской экономики, заведомо не удастся реализовать «по всему фронту». Для этого имеются весьма веские причины: современное (плачевное) состояние наших высокотехнологичных отраслей, их однобокая ориентация (преимущественно на удовлетворение потребностей ВПК), убогая инфраструктура (уровень которой весьма важен для организации высокотехнологичных производств), ожесточённая конкуренция на мировом рынке хай-тек-продукции, несомненная готовность сильных игроков этого рынка не стесняться в средствах для блокирования России, слишком низкая доля России в мировом продукте, чтобы противостоять такому блокированию и т.д.

Развитие высоких технологий следует сосредоточить на наиболее актуальных направлениях – чтобы модернизировать первичный и индустриальный секторы, обеспечить их эффективность и экологичность, социальную привлекательность работы в них. Следует признать: Россия ещё надолго останется сырьевой державой. Сырьевые ресурсы России в обозримой перспективе будут весьма востребованными в мировой экономике. Это безусловно относится и к водным ресурсам, а также к пригодным для сельского хозяйства землям. Россия располагает весьма значительными площадями таких земель, актуализация роста их ценности абсолютно реальна в случае решения социальных проблем российского сельского хозяйства.

Интерес мировой экономики к сырьевым ресурсам совсем не обязательно удовлетворять экспортом сырья – его следует заместить экспортом ресурсоёмкой

продукции, то есть основным источником экспорта должен стать не первичный (как сейчас), а индустриальный сектор. Такое замещение существенно улучшит структуру реального сектора российской экономики. Некоторые специалисты видят опасность ориентации на развитие экспорта ресурсоёмкой продукции в том, что это приведёт к усилению нагрузки на окружающую среду, ухудшению экологической ситуации в стране. Такая опасность действительно есть, но лишь в том случае, если развивать этот экспорт на старой технической базе, по-прежнему игнорировать экологические нормативы, стремиться к скорейшему извлечению максимальной прибыли, пренебрегая долгосрочными интересами страны. Эта опасность не реализуется, если ориентироваться на высокий технический уровень при развитии соответствующих производств, что соответствует долгосрочным национальным интересам; более серьёзная опасность – не отвечать на запросы мировой экономики.

Инновационный путь развития России не означает сокращение использования природных ресурсов. Их надо рациональнее и глубже перерабатывать, а использовать преимущественно внутри страны, направляя на экспорт продукты глубокой переработки. Сегодня и в ближайшей перспективе остро актуален переход от ресурсно-экспортной к ресурсно-инновационной траектории хозяйственного развития (Север…, 2005). В связи с этим надо заниматься именно технологиями сырьевого сектора, природопользования, переработки минерального сырья и вообще природных ресурсов, природосберегающими технологиями и техникой, а также – и не в последнюю очередь – рационализацией территориальной организации природопользования. Отсюда, в частности, вытекает приоритет в отечественной научной сфере наук о Земле, в том числе географии и геоэкологии.

Литература

Алдошин С.М. Достижения и инновационные перспективы химической науки // Вест. РАН. 2012. № 6. С. 499–514.

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Природа. Экология. М.: НПЦ «Мониторинг», 2004. 152 с.

Бессмертных А.В., Зайченко А.М. Развитие распределённой энергетики // Вест. РАН. 2012. № 9. С. 823–832.

Василенко В.Н., Назаров И.М., Фридман Ш.Д. Мониторинг загрязнения снежного покрова. Л.: Гидрометеоиздат, 1985. 192 с.

География социально-экономического развития / Под ред. А.И.Алексеева и Н.С.Мироненко. М.: Городец, 2004. 672 с.

Глазьев С.Ю. О стратегии экономического развития России на ближайшую и среднесрочную перспективы // Государственная политика и управление современной России в сфере экономики. Материалы научного семинара. Вып. 3 (50). М.: Научный эксперт, 2012. С. 6–40.

Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2016 году». https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 07.12.2017)

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в РФ». 2004–2017. http://www.mnr.gov.ru/docs/ (дата обращения 12.03.2019);

Грачева Р.Г. Влияние изменений землепользования на почвенный покров в горных регионах России и Грузии (1990-е годы) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002, № 6. С. 70–74.

Данилов-Данильян В.И. Вода – стратегический фактор развития экономики России // Вест. РАН. 2007. Т. 77. № 2. С. 108–114.

Добровольский Г.В., Зайдельман Ф.Р. Объект мелиорации: почва или земля? // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2004. № 3. С. 50–56.

Думнов А.Д. Статистика окружающей природной среды: генезис, предмет и задачи изучения, информационно-аналитический аппарат // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 3. С. 36–62.

Изменения окружающей среды и климата: природные и связанные с ними техногенные катастрофы. М.: ИГЕМ РАН, 2007. 200 с.

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Маргинальные земли в сельском хозяйстве России // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: Ин-т географии РАН, 2002. С. 188–201.

Кашин В.И. Природные ресурсы как часть национальных богатств России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2009. № 5. С. 3–7.

Клюев Н.Н. Промышленное и транспортное освоение территории России в постсоветский период // География и прир. ресурсы. 2018. № 1. С. 5–14.

Клюев Н.Н. Аграрное природопользование в российских регионах: эколого-ресурсный «диссонанс» // Изв. РГО. 2017. Т. 149. № 3. С. 4–15.

Клюев Н.Н. Полиструктура природопользования в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 5. С. 13–27.

Клюев Н.Н. Изменения региональных хозяйственных структур в пореформенной России (экологический аспект) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2007. № 1. С. 13–23.

Клюев Н.Н. Эколого-хозяйственная трансформация постсоветской России и ее регионов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2004. № 1. С. 37–45.

Колдобская Н.А. Исследование трансформации экологической ситуации с помощью интегральных индексов и рейтингов (на примере столиц постсоветских стран) // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 84–91.

Кондратьев В.Б. Зарубежный опыт модернизации: уроки для России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 33–44.

Королёва М.В., Суслова Н.В., Шарова Г.Н. Природоохранная деятельность прокуратуры в сфере охраны окружающей среды // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2004. № 6. С. 28–37.

Косолапов В.М., Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П. Агроландшафты Центрального Черноземья. М.: Наука, 2015. 198 с.

Кренке А.Н. Антропогенные изменения географической зональности и их влияние на соотношение тепла и влаги в климатической системе // Изв. РАН. Сер. геогр. 1989. № 3. С. 43–50.

Кудинов А.Г. Современные водохозяйственные балансы основных речных бассейнов Российской Федерации // Водные ресурсы. 2005. № 5. С. 533–538.

Лавёров Н.П. Топливно-энергетические ресурсы // Вест. РАН. 2006. № 5. С. 398–408.

Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар: ИСЭиЭПС, 2015. 176 с.

Лачининский С.С., Семенова И.В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб: Лема, 2015. 191 с.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое изд-во, 2003. 408 с.

Покровский С.Г. Комплексно-географические подходы к развитию разных направлений земледелия // Территориальная организация сельского хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 61–73.

Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Территориальная организация промышленности и природные ресурсы СССР. М.: Наука, 1980. 253 с.

Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере. М.; Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. 344 с.

Радкович Д.Я. Актуальные проблемы водообеспечения. М.: Наука, 2003. 352 с.

Ратанова М.П., Битюкова В.У. Экологические ограничения развития социально-экономического пространства // География социально-экономического развития. М.: Городец, 2004. С. 593–602.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 – 2018 / Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения 11.06.2019).

Российский статистический ежегодник. 1994 / Госкомстат России. М.: 1994. 799 с.

Российский статистический ежегодник. 2003–2018 / Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения 11.06.2019).

Савельева И.Л. Редкоземельная промышленность России // География и прир. ресурсы. 2011. № 1. С. 122–128.

Самбуу А. Социально-политические изменения и природопользование в тувинских степях // Степной бюллетень. 2000. № 6. С. 40–42.

Север как объект комплексных региональных исследований. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 512 с.

Соколовский В.Г. Атмосферный воздух России (окончание) // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 1. С. 96−108.

Сысоева Н.М. Процессы хозяйственного освоения Сибири и современные проблемы территориального развития // География и прир. ресурсы. 2007. № 3. С. 37–41.

Тишков А.А. Биосферные функции природных экосистем России. М.: Наука, 2005. 309 с.

Тишков А.А., Клюев Н.Н. Экосистемы в условиях постсоветской трансформации природопользования // Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. М.: КМК. 2010. С. 342–370.

Федоров С.П. Ресурсный потенциал кормовых угодий Западной Якутии // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России. Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2002. С. 65–66.

Чибилёв А.А. Эколого-географические проблемы российско-казахстанского приграничного субрегиона // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 3. С. 13–22.

Шейнгауз А.С. Дальневосточный лесной экспорт // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН. 2006. С. 146–149.

Экогеохимия городских ландшафтов / Под ред. Н.С. Касимова. М.: Изд-во МГУ, 1995. 336 с.

Экологические проблемы урбанизированных территорий / Ин-т географии СО РАН. Иркутск, 1998. 200 с.

Экономическая и социальная география России. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 516 с.

Глава 6

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ[1]

Долгосрочные тенденции изменения пространственной структуры экономики

Тенденции изменения экономического пространства формируются под воздействием базовых факторов, определяемых особенностями и закономерностями пространственного развития. В «новой экономической географии» выделены две группы таких факторов: к числу факторов «первой природы» отнесены обеспеченность природными ресурсами, которые востребованы рынком (минеральными, земельными и др.), выгодное географическое положение (в том числе приграничное положение на путях глобальной торговли); факторами «второй природы» являются: агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, росту мобильности населения, распространения инноваций и др. (Krugman, 1993; Зубаревич, 2010).

Действие указанных факторов оказывается чрезвычайно инерционным, что и определяет высокую степень устойчивости пространственных пропорций. В этой связи унаследованные особенности развития (*path dependence*) являются важнейшим условием, формирующим долгосрочные тенденции пространственного развития.

Современный пространственный каркас российской экономики был сформирован в условиях планового хозяйства. В основу планов закладывались общие для всех экономик принципы рационального размещения производства, такие как учёт сравнительных преимуществ регионов, их рациональная специализация, минимизация издержек производства и транспортных затрат и т.д. Однако экономические критерии не были определяющими при выборе приоритетов пространственного развития, поскольку страна решала политические и геополитические проблемы, в том числе задачи укрепления обороноспособности, освоения новых территорий и развития экономики отсталых регионов, включая развитие национальных республик. Даже в тех случаях, когда размещение определялось на базе экономических критериев, это были критерии практически замкнутой экономики Советского Союза, в котором Российская Федерация была лишь частью «единого народнохозяйственного комплекса», затраты и результаты оценивались на основе внутренних цен, структура которых сильно отличалась от цен мировых рынков.

---

[1] В главе обсуждаются концептуальные подходы к определению модели пространственного развития российской экономики. Использованы результаты проектов, выполнявшихся в 2012–2014 гг. в Совете по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН: «Обоснование системных изменений в пространственном развитии экономики», «Инструменты региональной политики и эффективность их использования», а также проектов: «Разработка концептуальных моделей пространственного развития российской экономики в долгосрочной перспективе», «Теоретические концепции и модели освоения и развития пространственных структур», выполнявшихся в 2015–2019 гг. в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Разрушение плановой системы стало своего рода «чистым экспериментом», когда пространственное развитие стало определяться рыночными факторами и унаследованными особенностями развития, поскольку центральная власть, особенно на начальном этапе реформ, не располагала ресурсами для регулирования пространственного развития, более того, отказ от государственного регулирования, в том числе и пространственного развития, был одним из основных принципов проводившихся реформ. В результате мы имеем 25-летний опыт «свободного плавания» в рыночных условиях прежде жёстко планово зарегулированной пространственной структуры экономики России. Ниже рассмотрены изменения основных пространственных характеристик экономики, наблюдавшихся в постсоветский период, их соответствие (или несоответствие) современным тенденциям пространственного развития, складывающимся в условиях глобализации экономик.

Направления изменения пространственных пропорций. Изменения характеристик российского экономического пространства в постсоветский период рассмотрены в ряде работ (Михеева, 2008; Ершов, 2010; Российские…, 2011; Михеева, 2016б), общей чертой отмечаемых в них структурных сдвигов является смещение населения, трудовых ресурсов, производства в западном и юго-западном направлениях.

По сравнению с началом 1990-х годов в пространственной структуре населения увеличились доли Центрального, Южного, Северо-Кавказского федеральных округов, практически стабильной оставалась доля Уральского округа. В структуре валового регионального продукта (ВРП) в 2017 г. по сравнению с 1994-м, первым годом, за который опубликована официальная статистика ВРП, увеличились доли Центрального, Северо-Западного, Уральского, Южного и Северо-Кавказского округов, в промышленном производстве выросли доли Уральского и Северо-Западного округов, в сельском хозяйстве – доли Центрального, Южного, Северо-Кавказского округов. В табл. 6.1[2] представлены изменения пространственной структуры населения, ВРП, промышленного и сельскохозяйственного производства в разрезе крупных макрозон.

Сдвиг в центральную часть страны (Центр в табл. 6.1) определялся увеличением доли макрозоны к 2017–2018 гг. по сравнению с началом периода в численности населения, ВРП, сельском хозяйстве, причём основным фактором, формирующим изменение структуры, был рост удельного веса Москвы и Московской области. Увеличение доли Центра в ВРП составило 9,5 п.п., часть этого прироста обусловлена регистрацией в Москве доходов от экспорта природных ресурсов, этот факт неоднократно отмечался в литературе, однако очевиден и факт увеличения реального вклада в суммарный ВРП столичной агломерации. Схожими тенденциями характеризовалось развитие южной макрозоны, доля которой также увеличилась в численности населения, суммарном ВРП и сельском хозяйстве. Удельный вес каждой из остальных макрозон в указанных показателях в конце периода по сравнению с его началом снизился.

[2] Здесь и далее данные по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам приведены в составе округов до принятия Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849», в соответствии с которым Республика Бурятия и Забайкальский край были переданы из состава Сибирского федерального округа в состав Дальневосточного федерального округа.

Таблица 6.1. Изменение структуры показателей в разрезе макрозон (п.п.)*

Макрозона	Население		ВРП		Промышленность		Сельское хозяйство	
	2000/ 1990	2018/ 2000	2000/ 1994	2017/ 2000	2000/ 1990	2018/ 2000	2000/ 1991	2017/ 2000
Центр	0,3	1,5	6,4	9,5	–8,2	–1,4	–0,6	2,4
Северо-Запад	–0,6	–0,7	–0,5	0,5	1,3	1,8	–1,0	–2,5
Юг	1,4	2,5	–0,6	1,0	–4,1	–3,7	–0,1	6,4
Урал и Приволжье	0,0	–1,2	–1,1	–5,0	9,8	4,4	1,8	–1,4
Восток	–1,1	–2,1	–4,2	–5,9	1,2	–1,2	0,0	–4,9

* Начальный год рассматриваемого периода зависит от наличия сопоставимых статистических данных, для ВРП это 1994 г., для сельского хозяйства – 1991 г. Центр – Центральный федеральный округ, Северо-Запад – Северо-Западный федеральный округ, Юг – Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (без учета Республики Крым и г. Севастополя), Урал и Приволжье – Уральский и Приволжский федеральный округа, Восток – Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

Тенденции изменения структуры промышленного производства оказались противоположными, доли Центра и Юга в общероссийском показателе снизились, сдвиг в пространственной структуре промышленного производства происходил в сторону Северо-Запада, Урала и Приволжья. Рост удельного веса указанных макрозон в промышленном производстве не привёл к увеличению их долей в суммарном валовом региональном продукте. Удельный вес восточных районов страны к 2017–2018 гг. сократился по сравнению с началом периода по всем показателям, при этом самым значительным по величине оказалось падение доли восточных районов в ВРП.

В действительности картина пространственных изменений не столь тривиальна и однородна, в разные периоды для различных показателей обнаруживались разные тенденции.

К числу наиболее устойчивых пространственных структур относится распределение населения по территории страны. Кардинальные изменения в распределении населения произошли в начале 1990-х годов, современные тенденции формируются на фоне относительно стабильной численности населения страны в целом (если не считать рост численности населения в 2014 г. за счёт вхождения в состав РФ Республики Крым и Севастополя) и определяются демографической ситуацией, которая неблагоприятна в подавляющем числе регионов, и межрегиональными миграционными процессами, интенсивность которых невелика.

После начала экономических реформ при сокращении населения России в целом его численность увеличивалась лишь в двух макрозонах – Центре и Юге. Наиболее интенсивно население сокращалось в Дальневосточном и Северо-Западном округах. В тройке округов с наиболее значительным в абсолютном выражении размером депопуляции кроме «традиционных» Дальневосточного и Сибирского оказался Приволжский округ (сокращение более чем на 2,3 млн человек), расположенный в центре страны и имеющий достаточно благоприятные природные условия, вклад в снижение численности населения в Приволжье внесли отрицательные и демографические, и миграционные факторы.

Пространственная структура населения в разрезе крупных макрорегионов (федеральных округов) в силу их масштабов менялась в гораздо меньшей степени, чем это происходило на уровне субъектов Российской Федерации.

В условиях благоприятной экономической ситуации 2000–2008 гг. население России сократилось на 3,6%, динамика оставалась положительной только в Северо-Кавказском и Центральном округах. Тенденция сокращения населения России была переломлена в 2009 г., в дальнейшем отмечался невысокий, но, тем не менее, рост численности. Однако в целом за десятилетие 2001–2010 гг. снижение численности населения даже превысило показатели предыдущего десятилетия.

К 2017 г. население России увеличилось по сравнению с 2010 г. на 1647 тыс. человек (без учёта присоединения Крыма). Основная часть прироста пришлась также на Северо-Кавказский и Центральный округа, сокращение населения продолжалось только в Приволжском и Дальневосточных округах. Новая волна сокращения населения началась в 2018 г., численность по сравнению с предыдущим годом снизилась на 11,8 тыс. человек, наибольшее падение численности в абсолютном выражении наблюдалось в Приволжском и Сибирском округах, в процентном отношении – в Приволжском и Дальневосточном округах. Устойчивой оказалась тенденция последовательного снижения в совокупном населении доли восточных территорий страны, в 1990 г. в трёх восточных округах проживало 28,3% населения страны, в 2000 г. – 27,1%, в 2018 г. – 26,1%.

Изменения в территориальной структуре населения складываются под воздействием двух процессов – естественного прироста населения и миграции. Естественный прирост вплоть до 2009 г. был отрицательным в России в целом и во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского. С 2009 г. положительный естественный прирост был зафиксирован в Уральском округе, где он был обеспечен за счёт Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого округов и Тюменской области. Естественный прирост населения в этих регионах был положительным в течение 2000-х годов, однако он был недостаточным для того, чтобы перекрыть сокращение населения в южноуральских регионах и обеспечить положительную динамику населения по Уральскому округу в целом.

Устойчивый положительный естественный прирост населения с 2011 г. имеет место в Сибирском федеральном округе, где он обеспечивается не только за счёт национальных республик – Тывы, Алтая, Бурятии, Хакасии, но и за счёт крупных индустриальных центров: Красноярского края, Иркутской, Томской областей. В 2012 г. впервые за многие годы число родившихся превысило число умерших в Дальневосточном округе, положительный результат был достигнут за счёт естественного прироста в Республике Саха (Якутии), Хабаровском крае, положителен естественный прирост в Чукотском автономном округе.

Наметившиеся положительные демографические тренды 2012–2016 гг. были изменены ситуацией 2017–2018 гг. Положительный естественный прирост населения сохранился только в Северо-Кавказском и Уральском округах (за счёт Тюменской области и автономных округов). Во всех остальных округах происходила естественная убыль населения, положительный естественный прирост населения в национальных республиках Сибири и Дальнего Востока, а также республиках Татарстан и Калмыкии, Ненецком автономном округе оказался недостаточным для того, чтобы обеспечить положительную динамику для округа в целом.

Продолжающаяся тенденция снижения доли восточных регионов страны в общей численности населения определяется как естественной убылью населения, так и миграцией. Пространственная структура миграционных потоков, рассматриваемая в разрезе федеральных округов, в динамике меняется мало, устойчиво положительный миграционный прирост характерен для Центрально-

Таблица 6.2. Коэффициенты миграционного прироста (на 10 000 человек населения)*

Федеральный округ	1990	2000	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	19	25	11	21	21	17	18	14	9
ЦФО	55	82	42	60	56	57	45	51	47
СЗФО	–8	–0,2	51	72	41	16	41	55	36
ЮФО	80	39	21	45	34	59	48	27	35
СКФО	159	35	4	–40	–21	–26	–21	–26	–26
ПФО	–7	11	–12	–5	–2	–8	–5	–12	–22
УФО	–22	16	–12	3	7	3	12	0	–5
СФО	–28	–15	–18	–8	–4	–5	–7	–16	–21
ДФО	–49	–83	–49	–53	–40	–38	–28	–28	–34

*Показатели ЮФО за 2015–2018 гг. с учётом Республики Крым и г. Севастополя.
Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

го, Северо-Западного и Южного округов, устойчиво отрицательный – для Приволжского, Сибирского, Дальневосточного округов, а с 2010 г. и для Северо-Кавказского (табл. 6.2).

Величина миграционных потоков существенно зависит от экономической ситуации в стране. Кризис 2009 г. ознаменовался значительным сокращением миграционных потоков в 2010 г., в 2011–2013 гг. количество мигрантов увеличилось, однако показатели миграционных потоков не достигли уровня 2007–2009 гг. В 2015–2016 гг. на фоне ухудшения экономической ситуации абсолютная величина миграционного прироста в целом по России уменьшилась, однако для отдельных округов (Приволжского, Сибирского) миграционный отток усилился.

После кризиса 2008–2009 гг. сложились устойчивые соотношения миграционных потоков в федеральных округах: положительный приток в Центральном, Северо-Западном, Южном округах, минимальный, но положительный в Уральском, и устойчивый миграционный отток населения во всех остальных округах, причём некогда положительный миграционный прирост населения на Северном Кавказе не только поменял направление, но по своим отрицательным значениям приблизился к показателям Дальнего Востока.

Характерной особенностью миграционных потоков начала 2000-х годов являлось преобладание в них миграции внутри федеральных округов, эта тенденция сохранилась, но доля таких миграций постепенно снижается. Самыми высокими показателями внутриокружной миграции отличается Сибирской округ, в котором в 2000 г. 82,6% миграций составляли переезды между сибирскими регионами, в 2017 г. показатель снизился до 76,5%. Второй по масштабам внутриокружной миграции – Центральный округ, в котором соответствующие показатели миграции составляли 80,1 и 75,8%.

В целом за рассматриваемый период доля внутриокружных миграций снизилась во всех округах, кроме Дальневосточного, что можно расценивать как тенденцию к повышению межокружной мобильности.

В течение всего постсоветского периода происходила концентрация населения в наиболее крупных по численности и экономическому потенциалу регионах. После кризиса 2008–2009 гг. процесс концентрации замедлился, удельный

Таблица 6.3. Десять крупнейших субъектов РФ в численности населения России и соответствующего федерального округа (регионы проранжированы по численности населения в 2018 г.), %

Субъект РФ	Доля региона в Российской Федерации и федеральном округе, %						Прирост численности населения, тыс. человек		
	2000		2010		2018*		2010–2000	2018–2010	2018–2000
	в РФ	в ФО	в РФ	в ФО	в РФ	в ФО			
Москва	6,8	26,2	8,0	29,9	8,7	31,9	1438,0	1099,3	2537,3
Московская область	4,5	17,3	4,9	18,4	5,2	19,2	444,4	486,3	930,7
Краснодарский край	3,5	36,5	3,7	37,7	3,9	39,9	89,0	403,7	492,7
Санкт-Петербург	3,2	33,2	3,4	35,7	3,7	38,4	137,7	501,8	639,5
Свердловская область	3,1	36,5	3,0	35,6	3,0	35,0	–258,9	17,7	–241,2
Ростовская область	3,0	31,6	3,0	30,9	2,9	29,9	–166,9	–68,6	–235,5
Республика Башкортостан	2,8	13,0	2,8	13,6	2,8	13,8	–47,2	–13,2	–60,4
Республика Татарстан	2,6	12,0	2,7	12,6	2,7	13,2	–2,3	110,5	108,2
Челябинская область	2,5	29,2	2,4	28,8	2,4	28,2	–173,2	5,6	–167,6
Нижегородская область	2,5	11,4	2,3	11,1	2,2	10,9	–294,2	–92,5	–386,7
Всего	34,6	–	36,3	–	37,6	–	1166,4	2450,6	3617,0

* РФ и ЮФО без учёта Республики Крым и г. Севастополя.
Источник**:** расчёты автора на основе данных Росстата.

вес в российском населении увеличивался только для Москвы и Санкт-Петербурга. Перечень крупнейших по численности населения субъектов Российской Федерации стабилен, относительные позиции регионов в разные годы менялись, однако после 2000 г. перечень лидеров оставался неизменным (табл. 6.3).

Доля первой десятки регионов в населении страны увеличилась с 34,6% в 2000 г. до 36,3% в 2010 г. и 37,6% в 2018 г. При этом прирост населения в 10 крупнейших регионах перекрывал суммарный по России прирост, т.е. превышал убыль населения всех остальных регионов. Однако даже в первой десятке регионов динамика численности населения оказалась положительной в течение всего периода 2000–2018 гг. только в Москве, Московской области, Краснодарском крае и Санкт-Петербурге.

В других, менее крупных регионах, прирост населения в 2018 г. по сравнению с 2000 г. имел место в Белгородской, Ленинградской, Астраханской, Новосибирской, Томской, Калининградской, Тюменской областях, Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также республиках Алтай, Тыва и всех регионах Северного Кавказа, кроме Кабардино-Балкарии. Все остальные субъекты Федерации, включая крупнейшие, теряли население. Максимальное сокращение населения за период (386,7 тыс. человек) имело место в Нижегородской области, которая, тем не менее, осталась в десятке крупнейших субъектов Российской Федерации.

Анализ динамики численности населения после 2000 г., когда процессы рыночной трансформации можно считать завершёнными, показывает, что направления пространственных сдвигов совпадают с мировыми тенденциями, отмечаемыми в литературе – концентрацией населения в наиболее богатых регионах. Это подтверждают соотношения темпов прироста населения и среднедушевого

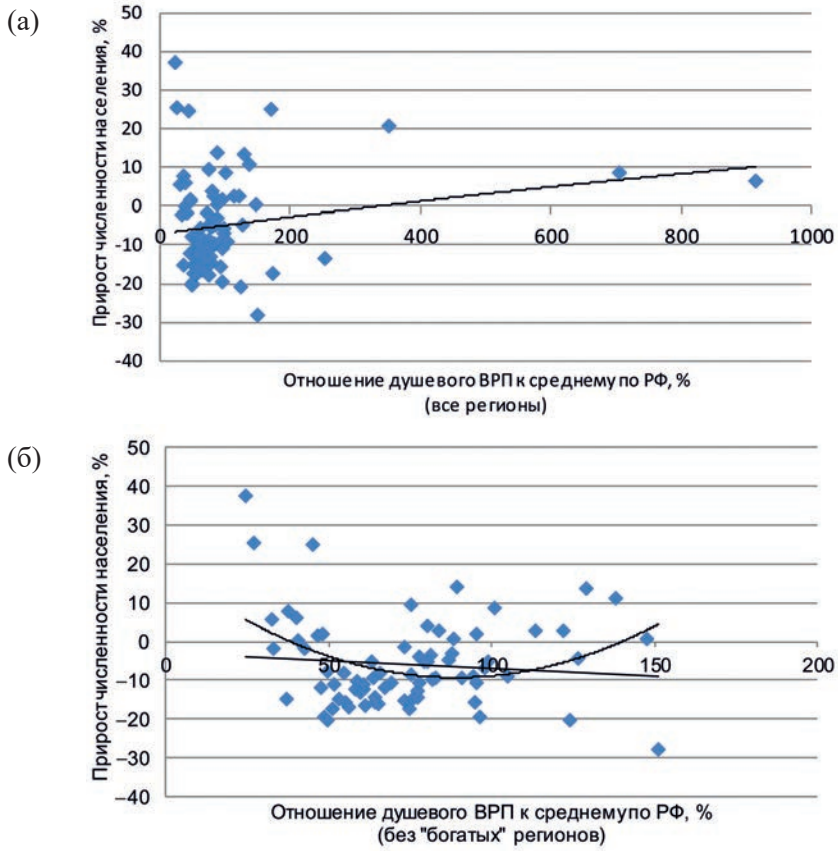

Рис. 6.1. Прирост численности населения субъектов РФ в 2018 г. по сравнению с 2000 г. и отношение среднедушевого ВРП с учётом ФНТУ в 2017 г. к среднему по РФ: а) все регионы, б) без «богатых» регионов.

ВРП, взятого с учётом межрегиональной дифференциации цен[3], которые обнаруживают тенденцию более быстрого роста населения в наиболее богатых с точки зрения среднедушевого ВРП регионах (рис. 6.1а).

Основной вклад в дифференциацию показателей среднедушевого ВРП вносят нефтегазодобывающие регионы: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и Москва, имеющие самый высокий в стране уровень среднедушевого ВРП и положительную динамику численности населения, а также Сахалинская область, занявшая в последние годы лидирующие позиции по размеру среднедушевого ВРП, но имеющая отрицательный миграционный прирост. Эти регионы оказывают существенное влияние на формирование указанной тенденции, а их исключение из анализа обнаруживает U-образную форму тренда (рис. 6.1б).

Наибольший прирост населения наблюдался в самых бедных регионах; здесь основным фактором служит естественный прирост, далее по мере продвижения к среднероссийскому уровню душевого ВРП прирост снижается, а в регионах с

[3] Для учёта межрегиональной дифференциации цен использовался показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ).

уровнем душевого ВРП, превышающим средний по стране, темпы роста населения увеличиваются, причём в этом случае существенную роль играет миграционный прирост, хотя этот процесс не однозначен во всех регионах.

При исключении весьма специфичного фактора роста населения в северных нефтегазодобывающих регионах общее направление сдвигов в пространственном распределении населения – с северо-востока на юг и запад, в наиболее благоприятные для жизни населения регионы Центрального, Южного, Северо-Западного округов сохраняется; оно обеспечивается преимущественно за счёт миграции, поскольку положительный естественный прирост населения характерен как раз для небогатых регионов. Общая тенденция заключается в формировании прироста населения в богатых регионах преимущественно за счёт внешней миграции, в бедных – за счёт естественного прироста. Суммарный за период 2000–2018 гг. миграционный прирост населения был положительным в 31 субъекте Российской Федерации, хотя число регионов, в которых прирост был стабильно положительным, чуть больше десятка.

Сравнение направления и интенсивности миграционных потоков для разных временных периодов показывает, что их пространственная структура находится в зависимости от экономической ситуации. В 2000-2008 гг. основной поток мигрантов направлялся в Центральный округ (Московская область, Москва, Белгородская, Воронежская, Липецкая области, в отдельные годы положительный миграционный прирост наблюдался в Калужской, Тульской областях) и в Южный округ (Краснодарский край и Ростовская область). Значительно меньший по величине миграционный прирост имел место в Северо-Западном округе (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области), положительный миграционный прирост Северного Кавказа обеспечивался за счёт Ставропольского края.

В восточных регионах миграционное сальдо было отрицательным, по абсолютному количеству мигрантов лидировали Сибирский округ и Дальний Восток. В Сибирском округе миграционное сальдо было отрицательным по всех субъектах Федерации, исключение в отдельные годы составляли лишь Новосибирская и Томская области. На Дальнем Востоке в результате миграции население теряли все субъекты РФ. В Уральском округе положительный миграционный прирост имеют, как правило, ХМАО – Югра и Тюменская область, однако даже эти регионы в 2004–2006 гг. теряли население за счёт миграции.

Очень неоднородна миграционная ситуация в Приволжском округе, где миграционный отток относительно невелик, а в 2007–2009 гг. для округа в целом миграционное сальдо было также небольшим (2–5 человек на 10 тыс. человек населения), но положительным. Ситуация для округа в целом определяется соотношением между миграционным притоком населения в крупные индустриальные центры (Республику Татарстан, Нижегородскую и Самарскую области) и миграционным оттоком населения из всех остальных приволжских регионов.

В 2009–2010 гг. в связи с кризисом миграционные потоки сократились почти повсеместно, а после кризиса их структура изменилась. Снизилась доля миграции в Центральный и Южный округа, но существенно повысилась доля положительного миграционного потока в Северо-Западный округ. В число округов с положительной миграцией вошёл Уральский округ. Северный Кавказ оказался в числе округов, теряющих население за счёт миграции. В Сибирском и Дальневосточном округах снизились абсолютные показатели оттока населения, в общем

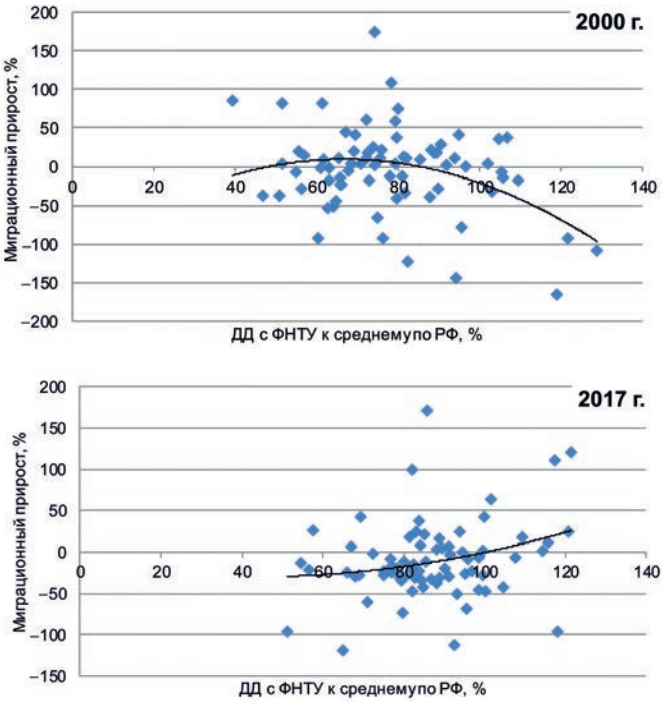

Рис. 6.2. Зависимость между коэффициентом миграционного прироста в субъектах Российской Федерации и отношением денежных доходов на душу населения (ДД) с учетом ФНТУ к средним по России в 2000 г. (а) и 2017 г. (б).

миграционном потоке увеличилась доля Приволжского округа. Общее направление миграционных потоков – в столичные агломерации[4] и крупные индустриальные центры – не изменилось, хотя интенсивность их снизилась.

К 2018 г. по сравнению с 2000 г. показатели миграционной активности снизились, в 2000 г. значения коэффициентов миграционного притока выражались трёхзначными цифрами (–704 человека на 10 тыс. населения в Чукотском автономном округе, –384 в Магаданской области, +239 в Москве), в 2018 г. максимальный миграционный прирост (+239) в Ленинградской области, максимальный отток (–187) в Магаданской области.

Отличия касаются и изменения направления миграционных потоков. В 2000 г. не было зависимости между величиной коэффициента миграционного прироста и уровнем среднедушевых доходов населения, а при исключении регионов с самыми высокими доходами и положительным приростом (Чукотского АО, Москвы, Тюменской области вместе с автономными округами) она становилась отрицательной (рис. 6.2а). В 2017 г. ситуация стала обратной. Коэффициенты миграционного прироста увеличиваются вместе с увеличением доходов населения (рис. 6.2б) (здесь, как и на предыдущем графике, исключены регионы с самыми высокими доходами: Чукотский АО, Москва и Сахалинская область); тем самым уровень доходов населения стал существенным образом определять миграционные потоки.

[4] Здесь и далее столичными агломерациями условно названы территории Москвы и Московской области и Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

На характере миграционных процессов всё больше сказываются экономические факторы, обусловливающие миграцию. Притягательными для мигрантов оказываются регионы с высоким экономическим потенциалом, в которых расположены крупные города; во всех федеральных округах наблюдается миграционный отток из периферийных регионов с более низким уровнем жизни. Это даёт основание полагать, что сложившиеся направления миграционных потоков сохранятся и в перспективе.

В целом, изменения пространственных пропорций производства и распределения ресурсов на территории Российской Федерации, произошедшие после распада СССР, свидетельствуют о том, что территориальная структура расселения и производства оказалась довольно стабильной, причём наиболее стабильно распределение населения и занятости, обусловливающее инерционность территориальной структуры отраслей, связанных с обслуживанием населения. Рыночные трансформации, неравномерный экономический рост и экономический кризис не смогли существенно «раскачать» пространственный каркас российской экономики, рассматриваемый в разрезе крупных макрорегионов. Это означает, что сложившаяся система пространственного распределения населения и экономической деятельности не только сейчас, но и в достаточно длительной перспективе будет определять не только ограничения, но и векторы развития страны в целом.

Специализация или диверсификация экономики регионов? Экономические реформы привели к деиндустриализации экономики многих регионов, упрощению и обеднению структуры их производства. Изменение специализации российских регионов в сторону её роста или снижения (диверсификации производства) – одна из существенных характеристик внутренней структуры экономического пространства. Диверсификация структуры производства рассматривается в качестве стратегического направления широко декларируемого в официальных документах и научных публикациях инновационного пути развития российской экономики и предполагается в качестве базовой стратегии развития практически всех российских регионов. Преимущество диверсифицированных экономик заключается в том, что они менее чувствительны к колебаниям в динамике отдельных отраслей, в том числе к ценовым шокам, поскольку спад в одной отрасли может компенсироваться ростом в другой, что обеспечивает устойчивость экономики в целом (Йогман, 2008; Hvidt, 2013; Economic Diversity…, 2014; Дуженко, 2015; Михеева, 2016а). Диверсифицированная экономика предоставляет более широкие возможности формирования эффективной занятости, причём не только в плане сглаживания шоков в отдельных отраслях, но и в плане формирования более гибкого рынка труда в регионе за счёт межотраслевого перелива рабочей силы. Аргументом в пользу диверсификации производственной структуры служит большая устойчивость регионов к влиянию внешних факторов, в том числе к внешнему спросу, поскольку в многоотраслевой структуре генерирование внутреннего спроса обеспечивается за счёт межотраслевых связей.

Вместе с тем, никто не отрицает теории сравнительных преимуществ как одного из основополагающих принципов регионального развития, в соответствии с которым специализация регионов – это один из важнейших условий общенационального роста. Теоретические аспекты комплексного развития регионов, предполагающего формирование региональной структуры производства на базе на-

роднохозяйственной специализации регионов, сочетающей оптимальные уровни специализации и диверсификации производства, были подробно проработаны в советской литературе, они сохраняют свою актуальность. Теоретически оптимальный с точки зрения народнохозяйственных критериев уровень диверсификации конкретного региона может быть определён в рамках межрегионального межотраслевого подхода, учитывающего совокупность народнохозяйственных и региональных факторов и ограничений, а также конкурентоспособности региона и производимых в нём продуктов на внутреннем и внешних рынках. Инструментарием для проведения таких расчётов служат, например, межрегиональные модели (Гранберг и др., 2007); возможности и ограничения использования таких моделей широко известны.

На практике выбор оптимального сочетания в регионах стратегий диверсификации и специализации чрезвычайно затруднён из-за сложности и многоаспектности самой проблемы, трудностей формализации стратегических альтернатив, информационных проблем, отсутствия общепризнанных измерителей и критериев диверсификации регионального хозяйства. Ниже предпринята попытка количественной оценки тенденций диверсификации (специализации) производства в российских регионах как фактора, определяющего усложнение (или упрощение) структуры производства в регионах, соответственно, и внутренней структуры экономического пространства.

Методы оценки и информационная база. В литературе предлагается широкий набор показателей, на основе которых можно проследить динамику процессов дифференциации отраслевой структуры производства для отдельной экономики или сравнить степень диверсификации для разных экономик. Подробный обзор количественных методов определения уровня диверсификации с описанием достоинств и недостатков каждого из показателей приведён в работе (Measuring…, 2008), применительно к анализу диверсификации экономики российских регионов в публикации (Михеева, 2013).

К числу распространённых показателей диверсификации экономики относятся коэффициент энтропии и коэффициент Герфиндаля–Хиршмана. Первый сравнивает имеющуюся структуру экономики с равно пропорциональным распределением, более высокое значение коэффициента свидетельствует о более высоком уровне диверсификации, более низкое значение – о специализации экономики. Максимальное значение коэффициента достигается при равномерном распределении, когда доли всех секторов равны, минимальное значение коэффициента энтропии, равное нулю, достигается в случае максимальной специализации, когда вся деятельность сосредоточена в одном секторе.

Коэффициент Герфиндаля–Хиршмана показывает степень доминирования в регионе отдельных секторов экономики, он рассчитывается как сумма квадратов долей регионального рынка, занимаемого каждым из секторов. Значение коэффициента варьирует от нуля (когда экономика представлена множеством секторов, занимающих незначительную долю в общерегиональном показателе), до единицы (когда вся экономика полностью специализирована и представлена одним сектором), таким образом, низкий уровень коэффициента Герфиндаля–Хиршмана означает снижение степени специализации экономики и, соответственно, повышение её диверсификации; наоборот, повышение значение коэффициента означает усиление доминирования одного из секторов и рост специализации.

Абсолютное значение того и другого коэффициентов зависит от количества рассматриваемых секторов. Как и любые другие индексы, рассчитанные на базе одного статистического показателя, оба указанные коэффициента не отражают всего многообразия такого явления как диверсификация, достоинство их состоит в простоте расчёта.

Для проведения межрегиональных сопоставлений уровня диверсификации производства и сравнения показателя отдельного региона с некоторым эталонным показателем (в качестве последнего, как правило, рассматривается национальная экономика) используется коэффициент Хэчмена, в основе которого лежит коэффициент локализации производства (Moore, 2001; Measuring…, 2008; OECD, 2006). Коэффициент Хэчмена показывает, насколько близка региональная структура рассматриваемого показателя к структуре соответствующего показателя для национальной экономики. Значение коэффициента находится в интервале от 0 до 1, значение, равное единице, означает, что структура показателя для региона полностью совпадает с национальной, нулевое значение показывает, что структуры полностью различаются.

Коэффициенты энтропии и Герфиндаля–Хиршмана не учитывают масштабы экономической системы; в отличие от них коэффициент Хэчмена соизмеряет уровень диверсификации и масштабы оцениваемого региона с некоторым эталоном, поэтому он наиболее широко используется в работах по данной тематике.

В зарубежных исследованиях основным показателем, на основе которого анализируются региональные структуры и строятся характеристики процессов диверсификации, как правило, является занятость (Esteban, 2000; Knudsen, 2000; Moore, 2001). Преимущество этого показателя в том, что он достаточно точно характеризует общеэкономическую динамику и не зависит от стоимостных измерителей. В силу специфики российского рынка труда, низкой межрегиональной и межотраслевой мобильности трудовых ресурсов, значительной скрытой занятости показатели занятости плохо отражают реальную экономическую динамику, рост выпуска не обязательно сопровождается ростом занятости, также как и снижение производства часто происходит без сокращения занятости.

Возможности анализа долгосрочных изменений отраслевой структуры занятости и производства ограничены существующей статистической базой. Переход к публикации данных с 2017 г. в ОКВЭД-2 обеспечивает сопоставимость временных рядов с данными до 2017 г., при том, что отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в разрезе 15 видов экономической деятельности (ВЭД)[5] опубликована в ОКВЭД-2007 за период 2004–2016 гг., а индексы валовой добавленной стоимости в регионах по видам экономической деятельности представлены здесь для периода 2005–2016 гг.; они использовались для проведения расчётов по структуре ВДС в сопоставимых ценах (Национальные…, 2002–2018). Структура занятости в сопоставимом формате опубликована за 2000 и 2005–2016 гг., она представлена 13 агрегированными ВЭД в ОКВЭД-2007 (Регионы…, 2002–2018).

[5] Диверсификация структуры ВДС оценивалась по 13 видам экономической деятельности. По сравнению со стандартной классификацией (15 ВЭД) «рыболовство и рыбоводство» объединены с «сельским и лесным хозяйством», «финансовая деятельность» объединена с «прочими производствами», поскольку в структуре ВДС большинства субъектов Федерации указанные ВЭД не представлены.

При высоком уровне агрегирования региональные структуры занятости оказываются близкими и мало меняются во времени. Около 30–35% занятых в регионах приходится на отрасли социальных услуг, около 15–20% – на торговлю, доля этих видов деятельности в структуре занятости для большинства регионов примерно одинакова, региональные различия структуры занятости касаются преимущественно удельного веса сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств.

Другим показателем, используемым для характеристики структурных сдвигов, служит доход, или валовая добавленная стоимость. Проблемы его использования в общем случае связаны с выбором ценовых измерителей, обеспечивающих сопоставимость данных. Имеются ещё и специфические проблемы учёта созданной добавленной стоимости в регионах, связанные с тем, что созданные доходы не всегда регистрируются по месту их производства; существуют и другие проблемы корректного учёта созданной в регионах добавленной стоимости (Михеева, 2013), тем не менее, реальной альтернативы при проведении региональных расчётов показателю валовой добавленной стоимости нет.

Как и в случае занятости, агрегированные структуры ВДС в регионах оказываются довольно близкими (за исключением небольшого числа регионов) и мало меняются во времени.

Более содержательным представляется анализ структурных сдвигов для промышленного производства, поскольку регионы достаточно сильно различаются по структуре промышленности. Доступная база расчётов представлена данными по объёмам отгруженных товаров и услуг и структуре добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды в текущих ценах.

Расчёты по структуре промышленного производства проводились в разрезе 14 ВЭД[6], где добыча полезных ископаемых представлена двумя позициями, обработка – 11 позициями, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – одной позицией. Расчёты по промышленности проводились в текущих ценах, поэтому на их результатах сказывается влияние межрегиональной дифференциации цен, но нивелировать его на базе имеющейся статистики не удаётся.

Уровень диверсификации экономики регионов. Структура производства добавленной стоимости для экономики в целом даже при использовании детализированной номенклатуры продуктов (68 ВЭД)[7] оказывается устойчивой, коэффициент относительных структурных сдвигов за период 2003–2016 гг. составил 0,260. Для оценки уровня диверсификации российской экономики использованы коэффициенты энтропии и Герфиндаля–Хиршмана, рассчитанные на основе показателей занятости и валовой добавленной стоимости (табл. 6.4).

Максимальное значение индекса энтропии определяется в зависимости от числа секторов, включённых в расчёт. В случае 68 ВЭД оно равно 4,220, в случае 15 ВЭД – 2,708. Приведённые в таблице оценки показывают, во-первых, доста-

[6] В структуре отгруженной продукции по промышленным ВЭД, публикуемой Росстатом (Регионы…, 2002–2018).

[7] Сопоставимые данные по структуре ВДС в ОКВЭД-2007 в детализированной (68 видов экономической деятельности), рассчитанные в постоянных ценах 2008 г., опубликованы Росстатом за 2003–2011 гг. Данные за 2011–2016 гг. опубликованы в постоянных ценах 2011 г. Данные по структуре занятости по ВЭД публикуются только в агрегированной классификации (15 ВЭД) (Приложение…, 2017).

Таблица 6.4. Показатели уровня диверсификации российской экономики (2003–2011 гг. – в постоянных ценах 2008 г., 2011*–2016 – в ценах 2011 г.)

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2011*	2012	2013	2014	2015	2016
Коэффициент энтропии (ВДС по 68 ВЭД)	3,439	3,429	3,435	3,443	3,447	3,429	3,372	3,389	3,394	3,307	3,320	3,327	3,330	3,324	3,332
Коэффициент Герфиндаля–Хиршмана (ВДС по 68 ВЭД)	0,047	0,048	0,047	0,047	0,046	0,047	0,050	0,050	0,049	0,055	0,054	0,053	0,053	0,053	0,052
Коэффициент энтропии (ВДС по 15 ВЭД)	2,392	2,382	2,379	2,373	2,366	2,365	2,376	2,357	2,354	2,378	2,377	2,375	2,374	2,384	2,385
Коэффициент Герфиндаля–Хиршмана (ВДС по 15 ВЭД)	0,110	0,112	0,113	0,114	0,116	0,116	0,113	0,116	0,117	0,111	0,111	0,112	0,112	0,110	0,110
Коэффициент энтропии (занятость по 15 ВЭД)	2,403	2,407	2,412	2,418	2,421	2,424	2,429	2,430	–	2,432	2,429	2,431	2,435	2,430	2,352*
Коэффициент Герфиндаля–Хиршмана (занятость по 15 ВЭД)	0,107	0,106	0,105	0,104	0,104	0,104	0,103	0,103	–	0,103	0,102	0,102	0,103	0,103	0,106*

* Расчёт проведён по 12 ВЭД.
Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

точно высокий уровень диверсификации, что естественно для крупной экономики, он составляет 82% от максимально возможного при расчёте по детализированной номенклатуре и 88% по агрегированной; во-вторых, близкие значения оценок при расчёте по структуре занятости и по структуре ВДС в сопоставимых ценах; и в-третьих, оценки за рассматриваемый период оказываются устойчивыми. Если считать значимыми имевшие место изменения коэффициентов, которые составляли около 1–2%, то уровень диверсификации экономики в 2015–2016 гг. оказывается немного меньшим, чем в начале периода.

Диверсификация структуры занятости в российских регионах при оценке коэффициента энтропии для агрегированных показателей, по сути, сводится к более равномерному распределению занятости между секторами, а при использовании коэффициента Хэчмена – к приближению региональной структуры занятости к структуре занятости в национальной экономике, которая представляется диверсифицированной.

По агрегированным данным по занятости в экономике субъектов Федерации за 2000 г. наиболее диверсифицированными были сибирские регионы: Красноярский край, Иркутская, Томская и Новосибирская области, а также Ленинградская область, Пермский край и Республика Татарстан. В 2016 г. на первых позициях по-прежнему оставались Красноярский край, Иркутская, Томская области, республики Татарстан и Башкортостан, уровень диверсифицированности занятости существенно увеличился в Саратовской и Омской областях.

Наиболее специализированными в начале и в конце периода оказываются северные сырьевые регионы – Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа, Магаданская область, Республика Саха (Якутия). Однако в 2016 г. в числе регионов с высоким уровнем специализации оказалась Москва с высокой долей занятых в отраслях услуг, включая торговлю, а также республики Дагестан, Алтай, Калмыкия с весьма специфичной специализацией на социальных услугах, что стало прямым следствием роста доходов в бюджетных отраслях в данных регионах.

В 2016 г. по сравнению с 2000 г. коэффициент Хэчмена увеличился в 51 регионе, т.е. экономика более чем половины регионов стала более диверсифицированной. Уровень диверсификации изменился даже для федеральных округов, при этом показатель повысился во всех округах, исключая Центральный, Южный и Уральский, где экономика стала более специализированной.

Сравнение прироста уровня диверсификации занятости (по коэффициенту Хэчмена) с динамикой ВРП обнаруживает слабую отрицательную зависимость. Темпы роста ВРП за рассмотренный период оказываются в высоко специализированных регионах немного выше, чем в диверсифицированных. Коэффициент корреляции между коэффициентом Хэчмена в 2016 г. и темпом роста занятости за весь период составляет –0,240, но зависимость слабая и также отрицательная. Схожие результаты были получены и для ряда регионов США, где зависимость между уровнем диверсификации и ростом занятости отрицательная, занятость в специализированных регионах растёт быстрее, чем в диверсифицированных (Measuring…, 2008).

Расчёт коэффициента Хэчмена для агрегированной структуры ВРП был проведён в сопоставимых и текущих ценах, структура ВДС в сопоставимых ценах рассчитывалась на основе данных по индексам производства по ВЭД. Перечень регионов, которые могут быть отнесены к числу наиболее диверсифицирован-

ных и наиболее специализированных, достаточно близкий, хотя ранги регионов различаются. В 2004 г. к числу наиболее диверсифицированных по структуре ВРП отнесены экономики Пермского края, Калининградской, Волгоградской, Самарской областей, республик Карелия и Удмуртия.

В 2016 г. максимальные значения коэффициента Хэчмена были достигнуты в Самарской, Иркутской, Калининградской областях, республиках Удмуртии, Карелии, Пермском крае, существенных изменений в относительных позициях регионов не произошло. Согласно коэффициенту Хэчмена уровень диверсификации экономики при расчёте в текущих ценах повысился в 2016 г. по сравнению с 2004 г. в 39 субъектах Федерации и снизился в 43.

Расчёт коэффициента Хэчмена для структуры ВРП не позволяет выявить существенную зависимость между изменением уровня диверсификации производства и темпами роста экономики. Коэффициенты корреляции между изменением коэффициента Хэчмена, темпами прироста ВРП и занятости составляют 0,142 для занятости и –0,088 для ВРП. В общем случае темпы роста производства и занятости оказываются выше в специализированных регионах, хотя высокий уровень специализации, характерный, например, для Магаданской области и Камчатского края, не сопряжёен с высокими темпами роста ВРП. Отсутствие зависимости между изменением уровня диверсификации и темпами роста экономики можно объяснить устойчивостью структуры производства и занятости в рассматриваемом периоде. Структура ВРП и занятости в разрезе 13 ВЭД в регионах оказывается довольно близкой в силу именно высокого уровня агрегирования ВЭД. Межрегиональные различия в уровне диверсификации более существенны для промышленного производства, структура которого в регионах более разнообразна.

К числу самых диверсифицированных промышленных регионов в 2016 г. принадлежали Республика Татарстан, Пермский край, Москва, Саратовская, Самарская, Нижегородская области, при этом уровень диверсификации в 2016 г. по сравнению с 2005 г. во всех указанных регионах вырос.

Наименее диверсифицированной (и соответственно более специализированной) оказалась промышленность Чукотского автономного округа, Магаданской, Ивановской, Амурской, Архангельской областей, Республики Саха (Якутии) – во всех названных регионах, кроме Якутии, значение коэффициента Хэчмена в 2016 г. оказалось ниже, чем в 2005 г., оцененный таким образом уровень диверсификации снизился.

Зависимость между темпами роста промышленности и уровнем ееё диверсификации прослеживается более отчётливо, чем для агрегированных показателей по занятости и ВРП. Совокупный индекс промышленного производства за последнее десятилетие для диверсифицированных регионов оказывается близким к общероссийскому тренду, для регионов с высоким уровнем специализации характерны значительно большие отклонения, как в бóльшую, так и в меньшую сторону. В целом преобладает тенденция к более высоким темпам промышленного производства для регионов, уровень специализации в которых увеличивался; коэффициент корреляции для темпов экономического роста и прироста уровня диверсификации отрицателен, величина его составляет –0,272.

Приведённые оценки уровней диверсификации экономики в целом и промышленности подтверждают гипотезу о том, что диверсификация ведёт к более стабильному росту промышленности и экономики региона, но она не обеспечивает высоких темпов роста. Прорыв вызывает усиление специализации – это

показывают регионы, достигшие наибольших темпов роста за прошедшее десятилетие: Калужская, Калининградская, Сахалинская области. Вместе с тем, рост специализации неизбежно вызывает риски для региона: так, снижение уровня диверсификации в ряде регионов (Орловская, Оренбургская области, Республика Ингушетия) сопровождалось низкими темпами роста производства.

Анализ структурных сдвигов занятости, валовой добавленной стоимости и промышленного производства показывает, что структура этих показателей в конкретных регионах менялась мало, в большинстве регионов она по-прежнему соответствует структуре 2000–2004 гг. Прошедший десятилетний период, включающий и годы интенсивного экономического роста, с точки зрения модернизации структуры производства и занятости оказался для большинства регионов потерянным.

Формально оценённый коэффициент диверсификации российской экономики оказывается очень устойчивым, за анализируемый период он практически не изменился. Тенденции изменения уровня диверсификации для отдельных регионов разнонаправлены, примерно в половине регионов диверсификация увеличилась, а в другой половине снизилась.

Зависимость между уровнем диверсификации производства и темпами его роста наиболее характерна для промышленного производства: чем выше специализация производства в регионах, тем выше темпы промышленного производства, хотя в некоторых высоко специализированных регионах темпы роста оказываются низкими. Это значит, что темпы роста производства определяются более сложным набором факторов, чем структура производства, но диверсификация экономики обеспечивает её стабильный рост за счет концентрации ресурсов на наиболее конкурентоспособных направлениях, хотя и в этом случае сохраняются определённые риски.

Межрегиональная дифференциация среднедушевых показателей ВРП и доходов населения. Дифференциация показателей социально-экономического развития регионов относится к важнейшим характеристикам пространства. Сглаживание межрегиональных различий – одна из важных задач региональной экономической политики, что находит своё отражение во многих публикациях. Подробный анализ таких публикаций приведён в работах К.П. Глущенко (2010а, б). В качестве теоретической базы исследования процессов дифференциации используются, как правило, неоклассические модели экономического роста. В большинстве публикаций, следуя (Barro et al., 2004), тестируется гипотеза конвергенции либо дивергенции региональных показателей, причём стереотипно предположение о том, что в долгосрочном периоде происходит конвергенция среднедушевых показателей ВВП для национальных экономик. Однако К.П. Глущенко (2010а, б) показал, что однозначного вывода относительно конвергенции экономического роста из неоклассических моделей не следует.

Подобные модели предсказывают конвергенцию доходов в единственном случае, когда рассматриваемые экономики однородны в терминах производственных функций, используемых в модельных построениях. Более того, на основе неоклассических моделей (модель Ромера) показано, что уровни среднедушевого выпуска продукции не обязательно должны сходиться – рост в менее развитых странах может быть постоянно ниже роста в высокоразвитых странах, либо вообще отсутствовать. При учёте открытого характера экономики в реги-

онах появляется ряд дополнительных условий, за счёт которых скорость конвергенции может увеличиваться: это относительно свободныйо переток рабочей силы, либо сближение экономик в рамках отдельных кластеров, объединяющих экономики с относительно однородными условиями.

В настоящее время теоретических работ, обосновывающих неизбежность конвергенции или дивергенции в развитии регионов, не существует. Динамика межрегиональной дифференциации измеряется на основе различных статистических показателей, среди которых наиболее распространены валовой региональный продукт в расчёте на душу населения и среднедушевые доходы населения. Для измерения дифференциации используют различные количественные показатели (Anand, 1983; Малкина, 2015; Kataoka, 2019), причём используются разные варианты показателей (например, отношение среднеквадратичного отклонения к среднему значению показателя) и размах колебаний (отношение максимального значения показателя к минимальному).

Для инерционных региональных систем тренды межрегиональных различий могут быть выявлены лишь на основе достаточно продолжительного временно́го отрезка. Конечно, возможности оценки динамики и масштабов межрегиональной дифференциации, ограничены доступной статистической базой. Данные по объёмам ВРП по субъектам Российской Федерации публикуются Росстатом с 1994 г., а по автономным округам в составе отдельных субъектов РФ – с 2000 г. Статистика среднедушевых денежных доходов населения по регионам публикуется с 1995 г., а по автономным округам – с 1997 г. Наиболее удобен для учёта межрегиональной дифференциации цен показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ), публикуемый с 2001 г. Можно использовать также величину прожиточного минимума, публикуемую с 1994 г., хотя методика расчёта этого показателя в разные годы менялась. В этой главе для расчётов 1994–2000 гг. использовался показатель прожиточного минимума, а с 2001 г. – ФНТУ. Для корректировки среднедушевых денежных доходов использовался показатель прожиточного минимума для всего периода 1995–2018 гг.

Другая статистическая проблема – учёт данных по автономным округам. Росстат до 2010 г. не рассчитывал среднедушевых показателей по округам, аргументируя это сильными расхождения между показателями постоянного и наличного населения в округах из-за трудностей учёта вахтовиков. Включение в расчеёты автономных округов – самостоятельных субъектов Российской Федерации – увеличивает размах колебаний и дифференциацию показателей, но не меняет тенденции. Аналогичным оказывается влияние московской агломерации, которая вносит значительный вклад в межрегиональную дифференциацию; при её исключении абсолютное значение вариации сокращается, но тенденция сохраняется.

Ниже представлены результаты расчётов, которые проводились по 79 субъектам РФ (автономные округа учтены в составе соответствующего субъекта Российской Федерации); Чеченская Республика, а также Республика Крым и г. Севастополь в расчётах не учитывались.

За весь рассматриваемый период соотношения максимального и минимального уровней среднедушевого ВРП, скорректированного на величину межрегиональной дифференциации цен, существенно изменились, разрыв составлял 18,8 раза в 2004 г. и 12,4 раза в 2017 г., а максимальный разрыв показателей составлял 28,8 раза в 2005 г. (рис. 6.3). Значительный рост дифференциации отмечен в период экономического роста с 1999 по 2006 г.

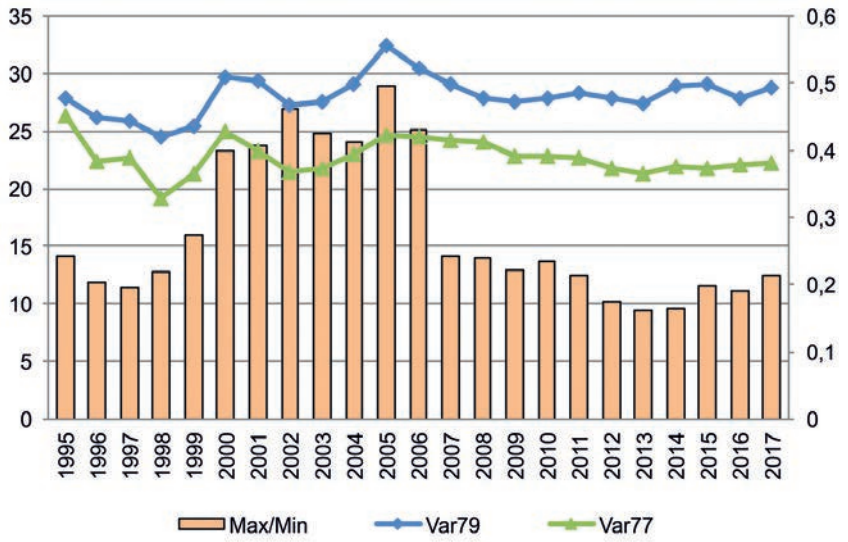

Рис. 6.3. Показатели межрегиональной дифференциации среднедушевого ВРП: max/min – отношение максимального показателя к минимальному (раз), var79 – коэффициент вариации для 79 регионов (правая ось), var77 – коэффициент вариации при исключении Тюменской и Сахалинской областей (правая ось).

Коэффициент вариации среднедушевого ВРП в 1994 г. составил 0,461, а в 2017 г. – 0,493. Этот показатель снижался до 1998 г., в 2003–2005 гг. несколько возрастал, а после 2005 г. оставался почти неизменным; его незначительное увеличение произошло в 2010 и 2011 гг. на фоне выхода экономики из кризиса, а также в кризисных условиях 2014–2017 гг. Таким образом, показатели межрегиональной дифференциации возрастают, как правило, в условиях экономического роста, а в периоды спада производства снижаются. Этот факт объясняется современной моделью роста российской экономики, когда наиболее чувствительными к ухудшению экономической конъюнктуры оказываются экспортно ориентированные богатые регионы, определяющие высокую степень дифференциации показателей ВРП.

Более детальный анализ показывает, что для большинства регионов различия среднедушевых показателей значительно меньше, чем это следует из оценок дифференциации всей совокупности регионов. Существенный вклад в динамику и величину межрегиональных различий обеспечивают нефтегазодобывающие регионы. Исключение из расчёта Тюменской и Сахалинской областей, имеющих максимальные уровни среднедушевого ВРП, снижает величину межрегиональной вариации показателя почти на треть. Динамикой производства и среднедушевых показателей в нефтегазодобывающих регионах объясняется и увеличение показателей вариации в кризисные годы. При исключении Тюменской и Сахалинской областей увеличения вариации в 2014–2017 гг. не происходит.

Межрегиональные различия среднедушевых доходов населения, скорректированных на величину прожиточного минимума, значительно меньше, чем дифференциация показателей производства (рис. 6.4). За рассматриваемый период произошло снижение уровня межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения по обоим показателям дифференциации.

Разрыв максимальных и минимальных среднедушевых доходов сократился с 11,1 в 1995 г. до 2,7 раз в 2018 г. Коэффициент вариации снизился с 0,324 в 1995 г.

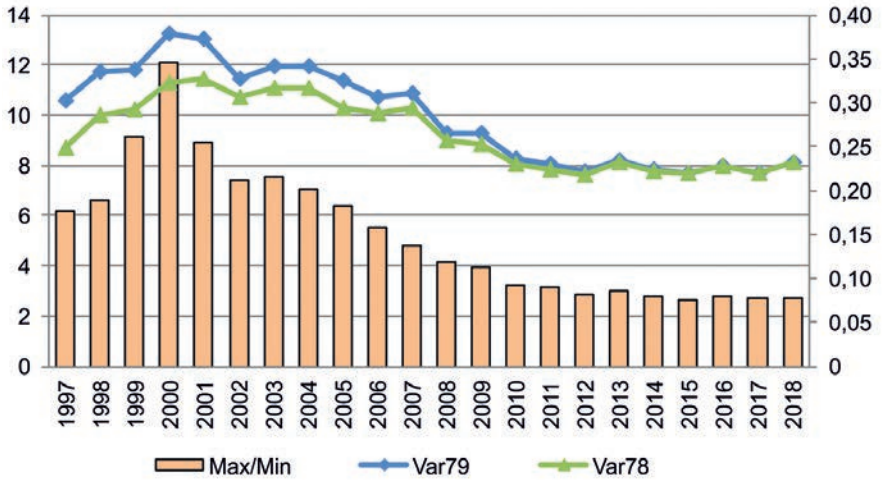

Рис. 6.4. Показатели межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения: max/min – отношение максимального показателя к минимальному (раз), var79 – коэффициент вариации для 79 регионов (правая ось), var78 – коэффициент вариации при исключении Москвы (правая ось).

до 0,231 в 2018 г. Рост показателей дифференциации доходов населения происходил до 2000 г., когда разрыв в доходах населения между регионами был максимальным, далее наблюдается тенденция к снижению дифференциации, хотя в отдельные годы (2004, 2007, 2009) происходил небольшой рост коэффициента вариации.

Важнейший фактор межрегиональной дифференциации доходов населения связан с г. Москвой. В 1995 г. среднедушевые денежные доходы (с учётом их корректировки на разницу в ценах) в Москве превышали средний по стране уровень в 3,3 раза, максимальный разрыв был отмечен в 1999 г. – 3,6 раза, далее разрыв постепенно снижался, и в 2018 г. составил 1,9 раз. Влияние «московского фактора» исчерпало себя после 2007 г., когда исключение Москвы при расчёте вариации среднедушевых доходов перестало влиять на величину показателей дифференциации.

В целом за рассматриваемый период сокращение межрегиональных различий имело место для показателей среднедушевого производства (ВРП на душу населения) и для среднедушевых доходов населения. Тенденция к сокращению различий среднедушевых доходов наблюдается с 2001 г. Межрегиональные различия среднедушевого производства сокращались в период до 2002 г., а после их некоторого роста в 2003–2005 гг. показатели межрегиональной дифференциации стабилизировались и остаются почти неизменными.

Сглаживание межрегиональных различий среднедушевого ВРП и денежных доходов населения рассматривается в литературе как показатель улучшения качества экономического пространства. Подобное сглаживание межрегиональных различий – это цель региональной политики в большинстве стран. Для нашей страны характерна низкая эффективность региональной политики (Аганбегян и др., 2012; Фундаментальные…, 2013), поэтому можно предположить, что снижение межрегиональной дифференциации среднедушевого ВРП и денежных доходов населения происходит независимо от проводимой региональной политики. Специфика тенденции снижения межрегиональной дифференциации состоит в

том, что показатели дифференциации, как правило, растут в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и снижаются при замедлении темпов общеэкономического роста, т.е. сокращение межрегиональных различий происходит за счёт ухудшения положения богатых регионов, а не подтягивания бедных к уровню богатых.

Становится ли пространственная структура более эффективной? Проблема определения эффективности пространственной структуры, как и любого другого социально-экономического процесса, – чрезвычайно сложная и многоаспектная. В самом общем представлении – это соотношение затрат и результатов. Можно говорить об экономической, социально-экономической, социальной, общественно-политической эффективности пространственной структуры, соизмеряя экономические, социально-политические результаты и затраты на их достижение. С точки зрения определённости и количественного выражения этих понятий проще всего, вероятно, говорить об экономической эффективности, хотя и в этом случае определение затрат и результатов – очень непростая задача. Строго говоря, сравнивать эффективность пространственной структуры Российской Федерации в советский и постсоветский периоды некорректно, поскольку это разные типы экономик, нацеленные на разные конечные результаты, тем более что набор статистических данных для корректных сравнений очень ограничен. Однако на качественном уровне такие сопоставления уместны, и подобные сравнения сделаны в большом количестве постсоветских публикаций с безапелляционными заявлениями о более высокой эффективности рыночного пространственного распределения факторов и результатов производства по сравнению с плановым.

Оценивая качественно результаты планового размещения производительных сил, следует отметить, что оно обеспечивало не только решение социально-политических задач, стоящих перед страной, но и нацеливалось на решение проблем собственно пространственного развития: сближение уровней экономического развития и занятости трудовых ресурсов в разных регионах, достижение сравнимого уровня обеспеченности социальными услугами и даже сближение уровня доходов населения (Михеева, 2016б).

Логично предположить, что изменения пространственной структуры, происходящие под влиянием рыночных механизмов, в том числе «санация» экономики регионов во время кризисов, в результате которой должны улучшиться позиции наиболее конкурентоспособных регионов, направлены на повышение эффективности экономики в целом. Статистически проверить эту гипотезу затруднительно, поскольку существуют проблемы как методологического, так и информационного характера; поэтому мы рассмотрим некоторые аспекты преимущественно качественных оценок.

Методология оценки. Экономический эффект от изменения в системе размещения производства может быть оценен на базе макроэкономических показателей, которые, с одной стороны, отражают все изменения в структуре производства, обусловленные появлением в регионе новых производств, модернизацией старых и увеличением за счёт этого объёмов производства, а с другой, учитывают множество иных факторов, не связанных непосредственно с пространственным распределением производства. Однако при использовании макропоказателей нельзя вычленить непосредственное влияние на региональную динамику, вызванное именно изменениями в размещении производства.

Не претендуя на получение обобщённой оценки, рассмотрим некоторые аспекты определения эффективности пространственной структуры производства, сложившейся в постсоветский период: влияние структурных сдвигов в пространственном распределении производства на показатели эффективности использования важнейших экономических ресурсов – труда и капитала, а также изменение некоторых качественных характеристик пространства.

Производительность труда и фондоотдача относятся к числу общепринятых частных показателей эффективности. Для пространственных систем, являющихся сложными социально-экономическими образованиями, улучшение характеристик пространства (социальных, экологических, инновационных, политических), даже не сопровождаемое ростом экономической эффективности, можно расценивать как признак рационализации пространственной организации и улучшения качества экономического пространства. Распространённый метод исследования качественных изменений пространственной структуры – построение разного рода рейтингов. Этот подход используется и для оценки изменений в пространственной организации экономики.

Для расчётов мы применили метод разложения на факторы (Спасская…, 2003; Михеева 2014а). Динамика показателей использования ресурсов в экономике складывается под влиянием двух факторов: изменения в региональной структуре производства и изменения эффективности их использования в каждом из регионов. В качестве измерителей эффективности использованы выработка валового регионального продукта в сопоставимых ценах на одного занятого (производительность труда) и производство ВРП на единицу основных фондов (фондоотдача). Методика расчёта подробно изложена в (Михеева, 2014б).

Производительность труда. Показатели динамики производительности труда на национальном уровне рассчитываются Росстатом (Методологические…, 2005), который определяет индексы производительности труда как частное от деления индексов физического объема ВВП (по видам экономической деятельности – индексов физического объёма выпуска) и индексов изменения совокупных затрат труда. Совокупные затраты труда рассчитываются на основе трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления, приведённых к условным работникам в эквиваленте полной занятости. Источником информации служат результаты выборочных обследований занятости населения, данные которых доступны за отдельные годы.

Для регионов показатели динамики производительности труда рассчитываются аналогично, но в качестве базового используется показатель валового регионального продукта. Информация по совокупным затратам труда, рассчитанным по методике Росстата, имеется только за отдельные годы, при этом данные не за все годы сопоставимы. Необходимые для расчётов индексы физического объёма валовой добавленной стоимости в регионах публикуются Росстатом только с 1997 г.

Свою задачу мы видели в анализе максимально возможного по продолжительности периода, поэтому сопоставимые показатели производительности в регионах рассчитывались как отношение производимой (зарегистрированной) валовой добавленной стоимости в сопоставимых ценах к среднегодовой численности занятых в экономике, такой показатель более корректно называть выработкой ВДС на одного занятого в экономике, в отличие от определённого выше показателя «производительность труда».

Сравнение суммарного по регионам показателя выработки на одного занятого и производительности труда по экономике в целом, динамика которой публикуется Росстатом, показывает, что результаты расчётов различаются незначительно, при расчёте по сумме регионов показатели в большинстве случаев выше, чем при расчёте по экономике в целом, объяснить это можно более полным учётом совокупных затрат труда в расчётах, проводимых Росстатом.

Темпы роста производительности труда были рассчитаны за 1997–2016 гг. по упоминавшимся выше 79 субъектам Российской Федерации. Производительность труда в среднем по РФ выросла в 2016 г. по отношению к 1996 г. в 1,9 раза. В половине регионов (41) темпы роста производительности были выше среднероссийских.

Регионы, лидирующие по темпам роста производительности, представлены тремя группами: регионы с низким базовым уровнем производительности, на фоне которого темпы роста производительности существенно превосходили среднероссийские (республики Дагестан, Адыгея); ресурсодобывающие регионы, в которых вводились новые крупные мощности, что обеспечило значительный рост производства (Сахалинская область, Чукотский автономный округ); регионы с преобладанием в структуре производства обрабатывающей промышленность, рост производительности труда в которых обусловлен модернизацией и созданием новых производств (Тамбовская. Белгородская, Ростовская, Ленинградская области, Республика Мордовия, ряд других регионов).

Вклад региональных факторов и сдвигов в пространственной структуре в рост производительности труда в экономике России в целом представлен в табл. 6.5. Результаты расчётов показывают, что в течение рассматриваемого периода изменения в пространственной структуре производства практически не оказывали влияния на динамику производительности труда по экономике в целом; доминирующим фактором, её определяющим, был рост производительности труда в отдельных регионах. Влияние регионального и структурного факторов в большинстве случаев было однонаправленным, когда производительность труда росла, то положительным был вклад обоих факторов.

Исключением стал 2007 г., когда изменения пространственной структуры внесли незначительный, но, тем не менее, отрицательный вклад в общую динамику производительности. Падение производительности труда происходило в кризисные годы, в 1998 и 2009 гг. отрицательным был вклад обоих факторов. Из общей картины выбивается 2015 г., когда вклады региональных факторов и пространственной структуры оказались разнонаправленными. Однако это эффект статистический, данные по занятости за 2015–2016 гг. рассчитаны по новой методике, более полно учитывающей численность наёмных работников, не охваченных статистическим наблюдением организаций и индивидуальных предпринимателей, в результате чего среднегодовая численность занятых в большинстве субъектов Российской Федерации увеличилась.

В целом сдвиги в размещении производства сказывались преимущественно на росте производительности труда в регионах, но их масштабы были недостаточны для изменения межрегиональных пропорций распределения производства. Невысокая степень влияния пространственной структуры на рост производительности труда обусловлена тем, что доля каждого отдельного субъекта Федерации в совокупном показателе ВДС, за исключением небольшого количества крупных регионов, находится в пределах 1–2%, поэтому изменения их доли оказываются не-

Таблица 6.5. Прирост производительности труда в экономике Российской Федерации за счёт регионального и структурного факторов, %

Год	Прирост производительности труда	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры	Год	Прирост производительности труда	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры
1997	3,2	3,0	0,1	2008	5,0	4,6	0,4
1998	–5,2	–4,4	–0,8	2009	–8,8	–7,3	–1,5
1999	5,4	1,9	3,5	2010	7,6	5,4	2,1
2000	9,7	9,5	0,1	2011	5,2	5,1	0,0
2001	5,2	4,8	0,5	2012	2,6	2,4	0,2
2002	4,5	4,3	0,3	2013	1,9	1,6	0,3
2003	6,9	6,4	0,5	2014	1,4	1,0	0,4
2004	6,7	6,6	0,1	2015	–6,9	–9,2	2,3
2005	7,2	7,0	0,1	2016	1,3	1,1	0,2
2006	7,5	7,5	0,0	2017	1,9	1,8	0,1
2007	7,0	7,1	–0,1				

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

существенными с точки зрения динамики пространственной структуры в целом.

Другим условием, определившим доминирование внутрирегиональных факторов, стало практически повсеместное сокращение либо незначительный рост численности занятых в экономике, в связи с чем рост производства в большинстве регионов происходил за счёт производительности труда.

Показатель ВРП на одного занятого характеризует добавленную стоимость всех видов экономической деятельности, в том числе социальных услуг, рост производительности труда в которых – показатель весьма условный. В бюджетной сфере рост выработки реально характеризует рост затрат на одного занятого, что важно при оценке доходов институциональных единиц, формируемых в регионе, но не имеет отношения к эффективности производства этих услуг. Более конкретную характеристику реальным сдвигам в пространственной структуре, обусловленным изменениями в размещении, даёт показатель производительности труда в промышленности. Расчёт этого показателя также сопряжён со статистическими трудностями оценки совокупной занятости, динамики и структуры промышленного производства, для которых переход от ОКОНХ к ОКВЭД нарушил сопоставимость динамических рядов.

Динамика производства и производительности труда в

промышленности была крайне неустойчивой. Рост промышленного производства практически в течение всего рассматриваемого периода происходил в условиях либо снижения, либо стабильной численности занятых, заметный прирост численности наблюдался только в 2000 и 2001 гг., в дальнейшем отмечалось снижение численности занятых, в 2010–2011 гг. численность не изменялась, в 2015–2016 гг. формально численность занятых увеличилась из-за изменения методики учёта. В этой связи рост занятости в промышленности не мог служить существенным фактором роста производства, последний основывался на росте производительности труда.

Оценки вклада региональных и пространственных факторов в изменение производительности труда в промышленности были рассчитаны таким же образом, как и для ВДС (табл. 6.6), данные за 1999–2003 гг. представлены в соответствии с ОКОНХ, за 2004–2016 гг. – по данным ОКВЭД-2007, т.е. абсолютные значения показателей за два указанных периода несопоставимы, однако их можно использовать для характеристики тенденций.

Рост производительности труда в отдельных регионах оказался для динамики российского показателя также доминирующим, вклад пространственной структуры промышленного производства был неизмеримо меньше, однако в большинстве случаев он был положительным, т.е. промышленное производство перемещалось в регионы с более высоким уровнем производительности труда, хотя этот процесс не оказал значительного влияния на рост эффективности использования трудовых ресурсов для страны в целом.

Эффективность использования основного капитала характеризуется показателями фондоотдачи, которые могут служить хорошим инструментом для оценки пространственных сдвигов при наличии корректных статистических данных.

В региональной статистике публикуются данные по основным фондам по полной балансовой стоимости, показатели динамики основных фондов в сопоставимых ценах публикуются только по России в целом, расчёт дефляторов показывает их значительную неустойчивость (Михеева, 2014б). Данные Росстата показывают, что объём основных фондов в сопоставимых ценах вплоть до 2005 г. оставался практически неизменным, т.е. ввод в действие новых основных фондов обеспечивал только возмещение их выбытия. Динамика региональных показателей основных фондов в сопоставимых ценах оценивалась на основе среднероссийских дефляторов, эти данные использовались при расчёте фондоотдачи по регионам.

Показатели фондоотдачи как эффективности использования основных фондов традиционно относятся к основным производственным фондам, которые непосредственно участвуют в процессе производства. Доля основных производственных фондов[8] в целом по России в 2017 г. составляла 62,2%, их доля по субъектам Федерации колеблется от 27% в Москве, 30–40% в республиках Северного Кавказа до 90–92% в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком округах, Сахалин-

[8] К производственным фондам в 2017 г. условно отнесены основные фонды: сельского хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, обеспечения электрической энергией, газом и паром; кондициионирования воздуха, водоснабжения, водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений, строительства, оптовой и розничной торговли, транспортировки и хранения, деятельности в области информатизации и связи.

Таблица 6.6. Прирост производительности труда в промышленности Российской Федерации за счёт регионального и структурного факторов, %

Год	Прирост производительности труда	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры	Год	Прирост производительности труда	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры
1999	7,9	8,2	–0,2	2009	–3,2	–3,4	0,2
2000	6,6	6,6	0,0	2010	8,0	7,2	0,8
2001	1,8	1,0	0,8	2011	4,9	5,0	–0,2
2002	3,7	3,7	0,1	2012	5,2	5,5	–0,2
2003	10,2	10,1	0,2	2013	5,6	5,6	0,0
2004	9,2	7,3	1,8	2014	6,4	6,2	0,2
2005	3,9	0,4	3,6	2015	0,6	0,1	0,4
2006	7,3	6,9	0,4	2016	4,9	4,4	0,5
2007	6,9	6,4	0,4	2017	4,7	0,8	3,9
2008	2,0	1,6	0,4				

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

ской области. Рядов динамики основных производственных и непроизводственных фондов нет, совокупный показатель основных фондов в экономике характеризует эффективность использования в регионах основных фондов как элемента национального богатства в процессе производства и обеспечения жизнедеятельности в регионе, его можно использовать для описания эффективности экономики региона в целом.

Пространственное распределение основных фондов менялось за счёт ввода в действие новых фондов и выбытия старых. Суммарные показатели ввода в действие основных фондов включают ввод новых производственных фондов, являющийся результатом нового строительства и модернизации производства, а также новые фонды в жилищной и инфраструктурной сферах. Более 45% основных фондов за рассматриваемый период было введено в Центральном и Уральском федеральных округах, абсолютными лидерами по объёмам введённых в действие основных фондов были Москва, Ханты-Мансийский автономный округ, Московская область и Ямало-Ненецкий автономный округ. В случае Москвы значительные объёмы ввода новых фондов не связаны с размещением новых производств, это преимущественно жилищное и транспортное строительство.

Показатели фондоотдачи объективно сильно дифференцированы по регионам и определяются кроме упоминавшегося выше соотношения про-

Таблица 6.7. Прирост фондоотдачи в экономике Российской Федерации за счёт регионального и структурного факторов, %

Год	Прирост фондоотдачи	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры	Год	Прирост фондоотдачи	За счёт региональных факторов	За счёт пространственной структуры
1997	1,7	1,1	0,6	2008	2,0	1,5	0,5
1998	–6,2	–8,4	2,2	2009	–10,5	–10,6	0,1
1999	5,4	5,1	0,3	2010	1,6	1,5	0,0
2000	10,0	9,3	0,7	2011	1,3	1,2	0,1
2001	5,0	3,7	1,3	2012	–1,2	–1,1	–0,1
2002	4,5	4,2	0,3	2013	–2,2	–3,3	1,1
2003	6,3	4,2	2,1	2014	–2,3	–2,0	–0,3
2004	5,7	4,9	0,8	2015	–3,7	–3,7	0,0
2005	5,6	4,5	1,1	2016	–2,9	–3,1	0,2
2006	5,8	5,5	0,3	2017	–1,9	–3,8	1,8
2007	5,1	3,8	1,3				

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

изводственных и непроизводственных фондов отраслевой структурой производства в регионе – долей наиболее фондоёмких добывающих и инфраструктурных отраслей. В регионах с преобладанием обрабатывающих производств фондоотдача выше, рост доли добывающих отраслей и инфраструктурное освоение территории ведеёт, как правило, к снижению совокупной отдачи основных фондов.

Оценка влияния региональных факторов и сдвигов в пространственной структуре фондов на совокупные показатели производства ВДС на рубль основных фондов проводилась указанным выше методом. Как и в случае производительности труда, предполагается, что изменение общей по экономике фондоотдачи происходило под влиянием региональных факторов, которые определяли изменение эффективности использования основных фондов в субъектах Федерации, и изменения пространственной структуры основных фондов.

Рост экономики в рассматриваемый период происходил на базе мало меняющихся объёмов фондов, в этой связи формально он должен был сопровождаться растущей эффективностью их использования. Очевидно, что фактором роста производства могли служить как повышение эффективности использования основных фондов, так и рост загрузки имеющихся мощностей, что было типичной характеристикой восста-

новительного роста. Вплоть до кризиса 2014–2016 гг. возможности увеличения загрузки мощностей оценивались как невысокие, поэтому экономический рост с большой вероятностью сопровождался ростом эффективности использования основных фондов.

Оценка вклада внутрирегиональных факторов и факторов пространственной структуры (табл. 6.7) показывает, что в отличие от производительности труда на фондоотдачу пространственные факторы оказывали более существенное влияние, в отдельные годы (1997–1998, 2003, 2007–2008) на долю региональных факторов приходилось около трети общего изменения фондоотдачи. Во все рассматриваемые годы вклад пространственной структуры был положительным, на снижение фондоотдачи в 1998, 2009, 2015 гг., обусловленное падением ВРП при увеличивавшихся объёмах основных фондов, фактор пространственной структуры оказывал стабилизующее воздействие.

Полученные оценки показателей отдачи основных фондов свидетельствуют о том, что пропорции занятости и производства ВДС меняются за счёт увеличения доли в обоих показателях регионов с более высоким уровнем отдачи основных фондов; это в рамках принятых при оценке допущений означает, что происходящие пространственные сдвиги в структуре основных фондов направлены на повышение эффективности экономики.

Критерии качества жизни. Представленные выше подходы к оценке изменения пространственной структуры основаны на использовании критериев экономической эффективности. При более широком взгляде на проблему конечным результатом размещения новых производств и обусловленных им пространственных структурных сдвигов является изменение качества экономического пространства. Последнее также происходит как под влиянием размещения новых производств, так и под влиянием множества других факторов; для его оценки можно использовать другие менее формализованные критерии, относящиеся к отдельным сторонам пространственного развития. Мы рассмотрим один из критериев, характеризующих качество экономического пространства – изменение качества жизни. Оценивая влияние структурных сдвигов в производстве на изменение качества экономического пространства, мы предполагаем, что оно улучшается (или размещение производства становится более рациональным), если в динамике в структуре производства и занятости увеличивается удельный вес регионов, имеющих высокие показатели качества жизни населения.

Проблемам измерения качества жизни в литературе уделено достаточно много внимания, в практике международных сопоставлений уровня и качества жизни широко используются индексы развития человеческого потенциала ИРЧП (либо индексы человеческого потенциала ИЧП), индексы человеческого развития ИЧР (Валентей, Нестеров, 1999; Иванов, Саградов, 2001; Римашевская, 2001; Доклад..., 2004; Соболева, 2007; Гришина и др., 2012; Доклад..., 2017; Доклад..., 2018).

Динамика индекса человеческого развития (ИЧР) по российским регионам представлена в докладах ПРООН. Относительные позиции регионов в рейтинге ИЧР по годам меняются незначительно, в расчёте использовались показатели ИЧР за 1994 г. – первый послереформенный год, по которому есть официальные данные по ВРП и оцененным с их использованием ИЧР, и последняя публикация ИЧР на основе данных за 2016 г. (Доклад..., 2018). Поскольку для анализа эффективности сдвигов в размещении производства нужны ряды сопоставимых показателей ИЧР, были использованы индексы, представленные в указанных докладах.

Абсолютные значения ИЧР по регионам оказываются довольно близкими, в динамике дифференциация регионов по ИЧР снижается, в 1994 г. отношение максимального значения к минимальному составляло 1,29 раз (Тюменская область и Республика Тыва), в 2016 г. – 1,21 (Москва и Республика Тыва).

Анализ соотношений изменения ИЧР и удельного веса соответствующего региона в совокупной по РФ занятости показывает наличие слабой положительной связи, т.е. в структуре занятости увеличивалась доля регионов, в которых быстрее росли показатели ИЧР, соответствующий коэффициент корреляции составляет 0,195. Тенденция слишком слаба для утверждения о том, что произошедшие сдвиги в занятости привели к улучшению качества экономического пространства, однако, по крайней мере, нельзя утверждать о наличии обратной тенденции.

Аналогичные соотношения складываются и для изменения структуры производимой добавленной стоимости в 2016 г. по сравнению с 1994 г., хотя стоимостные пропорции производства оказываются более подвижными, чем пропорции пространственного распределения занятости.

Существенным «событием», характеризующим изменение пространственной структуры ВДС, за рассматриваемый период было резкое увеличение доли Москвы (на 10,6 п.п. в 2016 г. по сравнению с 1994 г.) и доли Тюменской области (на 2,5 п.п.). Оно было связано с ростом и перераспределением доходов от экспорта нефти и газа и только отчасти определялось реальными сдвигами в структуре производства, однако на этом фоне все менее заметные изменения теряются. Если исключить из расчёта Москву и Тюменскую область, то зависимость между изменением ИЧР и доли региона в создаваемой ВДС оказывается более явной, коэффициент корреляции увеличивается с 0,229 до 0,324, т.е. зависимость между приростом показателя ИЧР и изменением относительных позиций региона в производстве за достаточно длительный период обнаруживается, причём характеризовать эту зависимость можно как определённое выше улучшение качества экономического пространства в результате сдвигов в структуре производства.

Неизбежным следствием сдвигов в размещении производства является изменение территориальных пропорций, а также места и роли, которые регионы занимают в новых условиях. Направления таких изменений в общем случае ожидаемы и вполне предсказуемы, их общей тенденций служит сдвиг экономической деятельности в более благоприятные для жизни и производства условия.

Экономическая эффективность происходящих пространственных сдвигов может быть оценена их вкладом в рост общих показателей эффективности использования ресурсов – производительности труда и фондоотдачи.

Анализ динамики производительности труда и отдачи основных фондов за период 1996–2016 гг. показывает, что вклад пространственного фактора в совокупный прирост производительности труда и фондоотдачи был несоизмеримо меньше, чем вклад собственно региональных факторов. Иными словами, совокупный рост производительности труда и фондоотдачи обеспечивался за счёт роста региональных показателей эффективности, а не за счёт перемещения производства и трудовых ресурсов в регионы с более высокими показателями эффективности. Произошедшие сдвиги в размещении производства и занятости не стали существенным фактором роста эффективности использования ресурсов для экономики в целом.

Анализ изменений отдельных качественных характеристик экономического пространства за счёт происходящих структурных сдвигов показывает, что гипо-

теза относительно перемещения производства и занятости населения в регионы, характеризующиеся более высокими показателями качества жизни, подтверждается только для пространственных сдвигов в структуре производства. Явной зависимости между изменением пространственной структуры занятости и показателями качества жизни не прослеживается.

Выше были указаны методологические и статистические ограничения проведённого анализа, тем не менее его результаты свидетельствует о том, что изменения пространственного каркаса экономики оказались слабым фактором роста совокупной эффективности. Причина этого, помимо высокой устойчивости пространственной структуры производства и занятости, заключается в низкой мобильности факторов производства, в первую очередь, населения и трудовых ресурсов, и, отчасти, в государственной политике поддержки производства и занятости, не связанной напрямую с условиями приложения труда в регионах, в том числе, с качеством жизни и уровнем производительности труда.

Пространственные аспекты модернизации экономики

Направления модернизации. Модернизация, или эффективное использование передовых достижений, охватывает все стороны общественной жизни. В сфере экономики и в социальном секторе выделяется ряд ключевых направлений модернизации (Аганбегян, 2010а, б; 2011а, б, в; 2016):

– приватизация той части госсобственности, которая может быть использована в коммерческих целях;

– значительное увеличение в экономике доли среднего и, особенно, малого бизнеса;

– модернизация финансовой системы страны, включающая бюджетную реформу и изменение налоговой системы в направлениях снижения налоговой нагрузки на бизнес и увеличения нагрузки на домашние хозяйства при одновременном повышении заработной платы и доходов малообеспеченных семей;

– формирование крупных источников «длинных» денег за счёт перехода к накопительным пенсиям, всемерного развития страхования и паевых фондов;

– значительное снижение, а возможно и обнуление резервов долговременных пассивов российских банков;

– «банкизация» страны с повышением доли активов банков от ВВП хотя бы до нижнего уровня европейских стран – до 150% вместо 70% в настоящее время;

– преобразование регионального управления при укрупнении административно-территориального деления и переводе регионов, в основном, на самоокупаемость;

– модернизация социальной сферы, включая здравоохранение и ЖКХ.

Разумеется, этот перечень не охватывает всех направлений модернизации, очевидно, в модернизации нуждается вся система судопроизводства и права и другие системы. Фундамент модернизации – это модернизация реального сектора, содержащая два взаимосвязанных направления: модернизацию производственно-технической базы экономики и модернизацию структуры производства, включая диверсификацию экспорта.

Кардинальное технологическое обновление производства позволит поднять производительность общественного труда в ближайшие 7–10 лет в 2–3 раза, вдвое сократить энергоёмкость валового внутреннего продукта и в 1,5 раза – ма-

териалоёмкость, радикально повысить качество выпускаемой продукции и создать материальные условия для производства новых, прежде всего, инновационных товаров и услуг, повысив их долю в общем объёме реализации.

Структурная перестройка экономики позволит увеличить долю готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, сократив тем самым долю топливных и сырьевых отраслей и производство полуфабрикатов. За счёт технологического обновления производства выход конечной продукции на тонну добываемой нефти и газа можно увеличить в 2,5 раза, на кубометр заготавливаемой древесины – в 3 раза, на тонну выплавляемого металла – в 2 раза. В структуре экспорта удельный вес топлива, сырья и полуфабрикатов мог бы сократиться с 85 до 40%, а доля готовой и инновационной продукции и услуг повыситься до 60%.

В структуре валового внутреннего продукта должен повыситься удельный вес экономики знаний (науки, образования, здравоохранения, информационных и биотехнологий), инновационное развитие страны станет главным источником экономического роста. Если в настоящее время по производительности общественного труда и общей эффективности, качеству продукции, прогрессивности структуры народного хозяйства, уровню инновационного развития Россия занимает 60–80-е место среди двухсот государств мира, то в результате модернизации наша страна может вплотную приблизиться к самым развитым странам мира.

Технологическое обновление. Основной капитал – материальный фундамент общественного развития – в России безнадёжно устарел. Изношенность основных фондов в России приближается к 50%, а изношенность машин и оборудования уже превысила этот критический рубеж. Средний срок службы машин и оборудования составляет около 18 лет, в то время как старыми считаются машины, работающие свыше 10 лет. Средний срок службы машин и оборудования в передовых странах составляет около 8 лет.

Из отраслей народного хозяйства определённую модернизацию прошли чёрная металлургия, трубная промышленность, ряд отраслей пищевой промышленности, связь, частично электротехническое машиностроение, проходит модернизацию здравоохранение. Всё это около 10% народного хозяйства, а подавляющая его часть в техническом отношении является крайне отсталой. Особенно это относится к энергетике, лёгкой промышленности, тяжёлому машиностроению, станкостроению, нефтепереработке и многим отраслям химии, железнодорожному транспорту, трубопроводным системам, жилищно-коммунальному хозяйству.

Необходимо в ближайшие годы провести коренное техническое обновление всех основных отраслей. Это даст весомый эффект, если ставка будет сделана на самые высокие технологии, на самые лучшие машины и оборудование. Другое важнейшее условие – особое внимание к подготовке высококвалифицированных кадров, способных эффективно использовать эту новую технику и технологии. По примерной оценке, такая модернизация потребует около 2 трлн руб. дополнительных инвестиций ежегодно. Средний срок окупаемости может составить 5–7 лет.

Модернизация социально-экономической системы требует проведения целенаправленной и эффективной социально-экономической политики, охватывающей все указанные направления, однако для модернизации реального сектора экономики особое значение имеет региональная экономическая политика, учи-

тывающая всё разнообразие пространственных условий и особенностей России, в том числе региональных особенностей технологического обновления производственного аппарата, специфику производственной структуры экономики отдельных регионов и пространственное распределение производства, а эти особенности весьма существенны.

Региональные особенности определяют исходные условия модернизации: состояние и структуру производственного аппарата в регионах, отраслевую структуру производства, в том числе промышленности, а также восприимчивость регионов к нововведениям.

Приоритеты региональной экономической политики. Инструментом, обеспечивающим модернизацию пространственной структуры экономики, является региональная политика. Прежде чем перейти к определению региональной политики, которая, на наш взгляд, соответствует решению задач модернизации пространственной структуры, сделаем ряд замечаний общего характера.

Все страны с большой территорией и значительным уровнем пространственной дифференциации условий производства и жизни населения неизбежно сталкиваются с проблемой выбора приоритетов регионального развития. Последние определяются в зависимости от модели региональной политики, принятой в той или иной стране. Теоретические концепции определяют два типа региональной политики: выравнивающую и стимулирующую, однако в реальности всегда реализуется некоторое их сочетание, включающее как элементы выравнивания условий для производства и жизнедеятельности, уровней экономического развития регионов, доходов населения, так и элементы стимулирования производства в отстающих регионах.

Насколько важным может оказаться влияние выбранных приоритетов регионального развития на общеэкономическую динамику, показывает пример стран Евросоюза, Китая и России, имеющих, несмотря на существенные различия их экономик, значительное пространственное разнообразие условий производства и жизнедеятельности.

Наднациональная региональная политика Евросоюза и региональная политика Китая являются в определённом смысле противоположностями с точки зрения выбранной модели политики и соответствующих ей приоритетов. Региональная политика Евросоюза (политика сплочения) изначально позиционировалась как политика сглаживания межрегиональных различий, по крайней мере, на уровне стран-участниц, хотя отнесение европейской региональной политики к «выравнивающему» типу – это большая условность. Начиная с процесса европейской интеграции и, в особенности с каждым последующим расширением Евросоюза, существовали значительные различия в уровнях экономического развития между странами-участницами и регионами. В рамках первых моделей европейской интеграции региональная политика рассматривалась, в том числе, и как механизм помощи регионам в достижении средних показателей по ЕС (хотя этот аспект и сейчас не утратил своего значения). С каждым последующим этапом развития ЕС региональная политика совершенствовалась, усложнялась, охватывая всё новые сферы социально-экономического развития стран и регионов Евросоюза. В настоящее время она представляет собой политику, которая ориентируется на будущие возможности, мобилизуя недостаточно использованный потенциал, а не выплачивая компенсацию за проблемы прошлого (Европейская..., 2009; Regional..., 2014).

В современной европейской региональной политике выделяется три основные направления (Европейская…, 2009). Во-первых, делается акцент на содействии экономическому сближению стран и регионов, чтобы помочь менее развитым регионам (которые расположены в основном в новых странах-участницах) уменьшить своё отставание от более развитых. Во-вторых, реализуются мероприятия, направленные на улучшение региональной конкурентоспособности и занятости. Третьим приоритетом является содействие сотрудничеству между регионами и странами для того, чтобы уменьшить экономическое значение национальных границ.

Ассигнования из структурных фондов, которые были созданы для реализации региональной политики, распределяются в соответствии с 11 выделенными приоритетами: инновации и НИОКР, информационно-коммуникационные технологии, поддержка малого и среднего бизнеса, низкоуглеродная экономика, адаптация к изменениям климата, экологические мероприятия, сетевая инфраструктура, занятость, социальная инклюзия, образование, качество управления.

Для политики, реализующей финансовый план ЕС на 2014–2020 гг., из числа указанных приоритетов выделено четыре ключевых. К ним отнесены: поддержка НИОКР, информационно-коммуникационных технологий, малого бизнеса и низкоуглеродной экономики.

Эффективность европейской региональной политики и её влияние на экономический рост оцениваются по-разному (Региональная..., 2015; Synthesis..., 2016). С точки зрения увеличения частных показателей (строительства дорог и других инфраструктурных объектов, обеспечения занятости, привлечения инвестиций в наиболее слабые экономики) позитивные сдвиги наблюдаются. По поводу того, насколько политика сплочения достигла долгосрочной цели – выравнивания межтерриториальных различий в уровне экономического развития, ответ не столь однозначен.

Положительные тренды в развитии стран ЕС, отмечавшиеся до 2007 г., оцениваемые как результат проводившейся наднациональной и национальных региональных политик, были прерваны экономическим кризисом (6th Report…, 2014). С 2008 г. снизились доходы населения, уровень безработицы превысил показатели, существовавшие в предыдущее двадцатилетие, усилилась межрегиональная дифференциация показателей безработицы, межрегиональные различия среднедушевых показателей ВРП либо увеличились, либо перестали сокращаться. С началом восстановления экономического роста эти различия начали снова сокращаться в результате более высоких темпов роста в странах с более низкими уровнями подушевого ВВП (7th Report…, 2017; Regional…, 2017). Процесс сокращения внутристрановых различий происходил очень медленно и практически прекратился после 2008 г. (Kramar, 2016). Использование для оценки результатов межрегионального выравнивания формальных методов не показывает устойчивой тенденции к выравниванию (Cappelen et al., 2003; Becker et al., 2010; Pellegrini et al., 2016), в новых странах дифференциация между центральными и периферийными регионами усиливается; основным фактором, определяющим межрегиональную дифференциацию, служит общеэкономическая динамика. Современный тренд европейской региональной политики – усиление внимания к мерам стимулирования эндогенных факторов роста в каждом регионе.

Принципиально важный момент европейской региональной политики заключается в том, что её приоритеты конкретны и задаются на определённый период,

а не просто декларируются. В большинстве случаев по ним устанавливаются целевые показатели, их реализация обеспечивается соответствующим финансированием, результаты регулярно мониторятся.

Если трендом региональной политики в ЕС служит сдвиг от политики выравнивания к стимулированию экономического роста, то противоположным примером является региональная политика Китая, где за сравнительно небольшой период времени – около 30 лет – произошла смена приоритетов с поддержки самых благополучных и перспективных регионов на поддержку проблемных территорий и таким образом сближения уровней экономического развития всей территории

Региональная политика в Китае, также как и рыночные реформы, осуществляется поэтапно, регионы включаются в систему мирохозяйственных связей в разном темпе и масштабе. В 1980-х годах в Китае была принята эта концепция, которая характеризуется как «центр-периферическая» (Самбурова, 2010) и, по сути, является моделью стимулирующей политики. На первом этапе приоритет получили наиболее перспективные регионы (центр), обладавшие сравнительными конкурентными преимуществами на мировом рынке. На втором этапе, после достижения перспективными регионами запланированных экономических показателей, поддержка начинает оказываться отстающим регионам (периферия).

Предполагалось, что восточные провинции станут локомотивом для экономического развития остальной территории Китая. Благодаря такой политике Восточный Китай добился выдающихся экономических успехов. Вместе с тем, его влияние на экономическое развитие остальной территории Китая остаётся ограниченным – экономическая дифференциация даже усилилась за время экономических реформ (Keidel, 2007). Сейчас Китай перешёл к выполнению второго этапа региональной политики – в целях смягчения межрегиональной дифференциации поддержка начинает оказываться отстающим регионам Центрального, Северо-Восточного и Западного Китая. Как и в случае с Восточным Китаем, ставка делается на государственные инвестиции в инфраструктурные проекты, введение режима максимального благоприятствования.

Анализ долгосрочных трендов регионального развития китайской экономики (Liao, Wei, 2016) показывает, что в течение последних 60 лет обнаруживаются множественные пики регионального неравенства, что совпадает с различными этапами стратегий развития Китая, но тенденция к региональному неравенству не показывает чеётких расходящихся, конвергентных или инвертированных U-моделей. Региональное неравенство оказывается чувствительным к масштабам регионов. В то время как неравенство между провинциями обнаруживает тенденцию к сокращению, межрегиональное неравенство между Восточным, Западным и Центральным регионами продолжает расти. Тем не менее, как межрегиональное, так и межпровинциальное неравенство значительно сократилось после глобального экономического кризиса в 2008 г.

В целом результаты нового этапа региональной политики оцениваются как положительные (Самбурова, Мироненко, 2016), разница между уровнем экономического развития разных частей Китая, хотя и медленно, но сокращается. В 2001 г. среднедушевой ВРП в Западном регионе составлял 38,7% от ВРП Восточного региона, в 2014 г. отношение составило уже 55,9%, минимальный уровень среднедушевого ВРП в 2014 г. составлял 25,1% от максимального уровня (China..., 2015). Однако большинство исследователей не смогли обнаружить сильного влия-

ния программ развития центральных и западных регионов на сокращение разрыва между прибрежными (богатыми) и внутренними (бедными) регионами (Chen, 2010; Chen, Groenewold, 2010). Отмечаются некоторые положительные последствия реализации программы «Идти на Запад» на развитие западных провинций, однако в целом результаты по-прежнему неубедительны (Li, Wei, 2010).

Экономические программы Правительства Российской Федерации включали разделы по региональной политике, начиная с 1992 г. Представленные в них цели и задачи отражали общегосударственные приоритеты пространственного развития, такие как укрепление экономического единства страны, повышение уровня и качества жизни населения, обеспечение примерно равных условий социального развития во всех регионах, использование региональных факторов и благоприятных предпосылок для формирования в регионах эффективной социально ориентированной экономики.

Официальным документом, формирующим государственную политику в отношении развития регионов, стали «Основные положения региональной политики в Российской Федерации» (Основные…, 1996), которые действовали вплоть до 2017 г. Документ определял фактически «выравнивающий» характер региональной политики в России, поскольку основными целями такой политики были названы: обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов, выравнивание условий социально-экономического развития регионов, а также приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое значение. В числе задач региональной экономической политики было названо стимулирование развития районов и городов, располагающих крупным научно-техническим потенциалом и могущих стать «локомотивами» и «точками роста» экономики субъектов Российской Федерации, однако конкретных механизмов стимулирования представлено не было.

Конкретным шагом в реализации государственной региональной политики стало принятие в 2002 г. федеральной целевой программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (на 2002–2010 годы и до 2015 года) (Федеральная…, 2002). Целью Программы было сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 г. в 1,5 раза, а к 2015 г. – в 2 раза.

Программу сокращения межрегиональных различий постигла участь большинства ФЦП, принятых в начале 2000-х годов. Отсутствие необходимых средств в региональных бюджетах также не позволило выполнить обязательства регионов по софинансированию мероприятий Программы. В 2006 г. финансирование Программы было прекращено, реализация программы была завершена.

После принятия в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ФЗ-172) появился ряд новых документов, определяющих общенациональные приоритеты регионального развития, призванные обеспечить решение задач экономического роста, стоящие перед страной в современных условиях.

В 2017 г. были приняты «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Основы…, 2017),

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (Стратегия…, 2017), в 2019 г. принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации (Стратегия…, 2019).

В «Основах государственной политики» определены приоритеты регионального развития, в числе которых: сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в разных регионах, а также в городах и сельской местности; сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов; достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населённых территорий Российской Федерации; дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности, развитие крупных городских агломераций.

Эти же приоритеты с некоторыми вариациями дублируются в Стратегии экономической безопасности и Стратегии пространственного развития, особо выделяя приоритетное развитие экономического потенциала Восточной Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Крыма и Калининградской области; развитие Северного морского пути, модернизацию Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей.

Перечень приоритетов регионального развития в новых документах не претерпел существенных изменений, в их число традиционно входит сокращение межрегиональной дифференциации в уровнях социально-экономическом развитии регионов, т.е. выравнивающая региональная политика по-прежнему декларируется, однако конкретных мер по её реализации, подобных Программе 2002 г., не предлагается. По-прежнему приоритетом остаётся развитие регионов, имеющих геостратегическое значение.

В Стратегии пространственного развития в качестве приоритетов пространственного развития России на период до 2025 г. предусмотрены: «опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала; развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации; социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста».

Относительно новыми можно считать приоритеты региональной политики, касающиеся её стимулирующей части, специальной поддержки «точек роста», «центров роста», в качестве которых (в разных формулировках) определено дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности, развитие крупных городских агломераций.

Вопрос о том, насколько данный приоритет может стать существенным фактором модернизации и роста российской экономики, остаётся открытым. Широко распространённая идея (Дмитриев…, 2016; Эффект…, 2017) о том, что экономический рост сосредоточен в крупных городах и городских агломерациях, не находит убедительного научного обоснования, по крайне мере, в российском случае ситуация не однозначна.

Анализ зарубежных литературных источников и экономики городов (Мельникова, 2017) показывает, что существуют совершенно разные модели городских систем в странах, близких по уровню жизни. Тезисы о превосходстве крупных городов с точки зрения эффективности производства и темпов экономического

роста проверены на обширном статистическом материале и не нашли однозначного подтверждения. Развитие процесса урбанизации будет способствовать росту национальной экономики только в случае, если не сведётся к концентрации ресурсов и населения в агломерациях, а обеспечит раскрытие потенциала каждого города независимо от его размера.

Анализ динамики крупнейших городов (Кузнецова, 2017) показывает, что концентрация населения в городах-миллионниках продолжает увеличиваться, однако ситуация с изменением их роли в обрабатывающих производствах и розничной торговле регионов складывается по-разному. Численность занятых в обрабатывающих производствах и доля обработки в занятости почти повсеместно снижается; возможно, это следствие трансформации и модернизации самой промышленности и возрастания доли технологически сложных производств. Однако в перспективе роль крупных городов как промышленных центров будет возрастать только в случае, если в стране будет развиваться высокотехнологичная промышленность. Серьёзная проблема для развития городов-миллионников – развитие социальной сферы.

Пространственный ресурс роста экономической эффективности в России связан скорее не с ростом уровня урбанизации, а с изменениями во внутренней структуре городской системы, её разнообразием (Коломак, 2016), т.е. положительное влияние на уровень общей региональной продуктивности оказывает развитие городов разных размеров.

Обозначенный в официальных документах приоритет развития городских агломераций – пока только декларация, поскольку не определены не только конкретные объекты государственной поддержки и предназначенные для этого механизмы, но и сами агломерации как объекты управления. В этой связи вопрос о том, смогут ли они стать новыми «точками роста», пока остаётся открытым.

Региональная политика, направленная на модернизацию. В современной практике стран с рыночной экономикой выделяется три различных подхода к регулированию пропорций пространственного роста и устранению его диспропорций (Rebalancing…, 2011).

Позиция Всемирного банка состоит в том, что регулирование должно быть направлено на сглаживание пространственных различий в качестве жизни, а не на пространственные различия в деловой активности. Основу экономической политики при таком подходе должны составлять усилия, направленные на развитие экономической интеграции регионов, используя все её средства – институты, инфраструктуру, за счёт которых улучшаются возможности коммуникаций, доступа к рынкам, стимулы, которые способствуют переселению населения в более динамичные регионы. Региональная политика, реализующая такой подход, предполагает, в частности, стимулирование активности частного бизнеса в городах-лидерах, обеспечивающих реализацию агломерационных эффектов.

Второй подход реализуется Евросоюзом и OECD (OECD…, 2006; Barca, 2009), он основан на том, что пространственная политика должна быть нацелена на рост всех регионов, для того, чтобы максимизировать использование их потенциала. Современные представления о региональной политике, предлагаемые OECD (OECD…, 2006; Green Growth …, 2010), выдвигают на первый план создание богатства во всех регионах, роль инноваций и модернизацию региональных активов как ключевые императивы. Такой подход не противоречит концен-

трации ресурсов для поддержки роста на отдельных территориях, в том числе и на территориях с высоким уровнем экономической активности, если у них имеются соответствующие активы, эффективность использования которых может быть усилена агломерационными эффектами. Неявно такой подход предполагает сглаживание дифференциации показателей деловой активности в регионах, т.е. речь идёт о региональном росте (и его эффективности в пределах региона), а не региональном перераспределении, которое было ключевым аргументом в региональной политике 1980-х годов.

Третий подход основан на том, что предметом региональной политики служит решение пространственных проблем занятости, в этой связи межрегиональная дифференциация и пространственные диспропорции рассматриваются именно с точки зрения обеспечения занятости (позиция Комиссии по труду и занятости Великобритании). Считается, что ключевую роль в обеспечении сбалансированности пространственного развития играет общественный сектор. Поскольку в определённых регионах рынок не может обеспечить экономический рост, генерируемый частным сектором, то на общественный сектор ложится функция создания рабочих мест (т.е. создания рабочих мест в общественном секторе) в отстающих регионах для того, чтобы использовать неиспользуемые ресурсы труда (Coutts et al., 2007; Green, 2009).

Предполагаемая роль государства в обеспечении сбалансированности регионального развития существенно различается в зависимости от используемого подхода. Всемирный банк фактически отдаёт на откуп рынку экономическое развитие регионов, считая задачей региональной политики сглаживание межрегиональных различий в уровне жизни, которое при такой логике, может происходить за счёт межрегионального перераспределения ресурсов и при активной поддержке перемещения населения и производства в центры экономического роста. Принятый в ЕС и OECD подход предполагает, что рост должен быть целью во всех регионах, при этом он может сосредотачиваться в тех местах или на тех активах, которые обладают самым большим потенциалом.

Последний подход предполагает активную роль государства в регулировании пространственных пропорций за счёт развития общественного сектора, который должен развиваться там, где рынок не создаёт достаточного количества рабочих мест.

Первая позиция в идейном плане близка к концепции поляризованного пространственного развития, вторая – к концепции эндогенного экономического роста, ориентированного на эффективное использование ресурсов и возможностей каждого региона.

Тема формирования новой региональной политики, нацеленной на модернизацию российской экономики, активно обсуждается как в научной литературе, так и в работах практической направленности. Упор делается либо на активную государственную политику модернизации и мобилизацию значительных государственных ресурсов, либо на создание институциональных условий и поддержание рыночных стимулов модернизации производства и инноваций.

В принятой в 2008 г. и уже подзабытой к настоящему времени Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года (Концепция…, 2008), в которой переход к инновационной модели развития был продекларирован в качестве цели долгосрочного развития России, предполагалось, что модернизация экономики будет происходить на основе активного государ-

ственного вмешательства. Инновационная модель предполагала переход к новому типу пространственного развития российской экономики, включающему, в том числе: стимулирование формирования новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, и создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий; координацию инфраструктурных инвестиций государства и инвестиционных стратегий бизнеса в регионах с учётом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений, в том числе демографических; сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения в регионах с помощью эффективных механизмов социальной и бюджетной политики.

В дальнейшем идеи активного государственного регулирования процессов модернизации пространственного развития получили выражение в так называемом проектном подходе, преимущества которого активно пропагандировались в научной литературе (Кулешов и др., 2009; Татаркин, 2011; Глазьев и др., 2011; Фетисов, 2011). Суть этого подхода уже в виде официальной доктрины была изложена тогдашним Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым на заседании президиума Госсовета в Хабаровске, посвящённом повышению роли регионов в модернизации экономики страны: «Суть программного (проектного) подхода заключается в формировании единого взаимосвязанного комплекса государственных и региональных программ, направленных на решение наиболее острых социально-экономических проблем по приоритетным направлениям, и выделении бюджетных ресурсов регионам в рамках реализации этих программ на основе принципов софинансирования, возвратности и ориентации на конкретный результат» (Заседание…, 2011).

Идеи проектного (программного подхода) к модернизации экономики регионов отчасти были реализованы в принятых Правительством РФ стратегиях развития федеральных округов, однако сам по себе проектный подход часто остаётся скорее благим пожеланием, чем реальным механизмом пространственного развития. Центральным звеном всех представленных документов являются крупные инвестиционные проекты, прежде всего инфраструктурные, реализуемые государством, а также крупными компаниями, но конкретные источники их финансирования, кроме случаев крупнейших общенациональных проектов типа Олимпиады в Сочи или форума АТЭС, не определены, ответственность за их реализацию никто не несёт.

Вопросы создания институциональных условий, стимулирующих модернизацию пространственного развития, также представлены в литературе достаточно широко (см. например: Всемирный…, 2009; Глазьев, 2015; Восстановление…, 2016; Структурно-инвестиционная…, 2017). Основные идеи работ в данном направлении сводятся к следующему: создание пространственного каркаса зон и точек опережающего развития, способных транслировать инновации на обширную периферию страны, опора на центры модернизации, определённые на основе конкурентных преимуществ, и снижение барьеров их развития; системная поддержка крупных городов как трансляторов инноваций; развитие механизмов горизонтальной интеграции пространства; использование институтов федерализма в качестве механизма согласования региональных интересов; использование в качестве инструментов сглаживания межрегиональных различий социальной политики и развития человеческого потенциала (Михеева, 2018).

Практические направления создания институциональных условий для модернизации пространственного развития, которые в определённом смысле можно считать выражением позиции Правительства РФ в отношении модернизации пространства, представлены в Докладе рабочей группы к заседанию Государственного совета (Мишарин и др., 2011). В документе систематизирован и детализирован ряд идей формирования региональной политики, которые уже высказывались в различных работах, в этом отношении доклад в концентрированном виде представляет концепцию модернизации региональной политики, основные положения которой уже приняты научным сообществом и находят своё выражение в официальных документах.

Суть предлагаемой новой региональной политики, необходимой для модернизации экономики, заключается в создании государством институциональной среды для модернизации через различные институты развития, а также создании полицентричной пространственной структуры экономики, которую предполагается формировать за счёт выделения и поддержки развития центров экономического роста. Важно, что в качестве основной движущей силы модернизации пространственной структуры рассматривается опора на процессы саморазвития; этот тезис лежит в русле современных трендов региональной науки – ориентации на эндогенные факторы роста. Для этого необходима разработка механизмов и инструментов выбора наиболее эффективных приоритетов территориального развития, в том числе в отношении проблемных территорий, нацеленных на повышение их устойчивого функционирования.

Один из ключевых инструментов экономической региональной политики – совершенствование и создание новых форм пространственной организации экономики, в частности бизнес-территорий. Сложившимися типичными примерами таких территорий, получившими апробацию в мировой и отечественной практике и науке, являются технопарки, специальные (особые) экономические зоны, промышленные и индустриальные парки, транспортно- логистические центры, специализированные торгово-складские зоны и др.

Реализация новой региональной политики предполагается на основе создания и повышения эффективности различных институтов развития. При этом институты должны быть достаточно разнообразными и преследовать различные цели территориального развития: институты, реализующие прямые действия государства по реализации основных положений региональной политики, в том числе в отношении проблемных территорий (фонд реформирования ЖКХ, фонд финансовой поддержки субъектов РФ, фонд реформирования региональных финансов, фонд регионального развития и др.); институты, направленные на стимулирование инновационного развития территорий (особые экономические зоны, иннограды и др.); институты, ориентированные на изменение технологий регионального управления; институты, связанные с активизаций бизнес-сообщества в форме укрепления горизонтальных связей, в том числе через кластерные формы развития бизнеса.

Проектный подход рассматривается как основа для реализации региональной политики и регионального управления. На базе стратегических приоритетов региональной политики должны быть разработаны программы, охватывающие наиболее сложные комплексные проблемы регионов.

Конкретной реализацией проектного подхода служит система национальных проектов, принятых на период до 2024 г. Национальные цели и стратегические

задачи развития России на период до 2024 г., сформулированные Президентом РФ изначально в его Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г., развитые в Указе № 204 от 07.05.2018 (далее Указ 2018) и Послании Федеральному собранию 20 февраля 2019 г., направлены на прорывное научно-техническое и социально-экономическое развитие страны, они охватывают все ключевые сферы экономики, включая структурную перестройку экономики и социальной сферы. По оценкам экспертов (Ивантер, 2019), непосредственной целью национальных проектов не является рост экономики, но они могут дать стартовый импульс инвестициям, бизнесу и, как следствие, росту важных макроэкономических показателей вроде ВВП. Реализация национальных проектов может обеспечить улучшение качества жизни населения, которое проявляется именно на региональном уровне.

При всей важности для модернизации экономики создания институциональной среды остаётся открытым вопрос о межрегиональном распределении ограниченных ресурсов на модернизацию, т.е., по большому счёту, какая региональная политика нужна для модернизации экономики: стимулирующая или выравнивающая?

Ответ на этот вопрос оказывается не так прост. Проводимая до настоящего времени региональная политика имела скорее выравнивающий характер, причём выравнивание касалось текущих бюджетных расходов, и лишь реализацию крупных инфраструктурных проектов можно рассматривать в определённом смысле как выравнивание условий для ведения бизнеса.

Представленные предложения по формированию новой региональной политики являют по сути её стимулирующий тип, реализация которого для достижения реальных результатов потребует резкого изменения межрегиональных пропорций распределения ресурсов, что в принципе может дать значительный и быстрый эффект, но сильно повышает риски недофинансирования и негативных как социальных, так и экономических последствий для слаборазвитых и проблемных регионов, которые не окажутся в числе приоритетов.

Проблема модернизации пространственной структуры экономики, как и любая другая проблема, связанная с пространственным развитием, имеет два ключевых аспекта.

Первый касается опоры на конкурентные преимущества отдельных регионов, учёта особенностей производственного потенциала и структуры производства при выборе приоритетных направлений модернизации, их всестороннее стимулирование, направленное на повышение общей эффективности экономики и достижение максимального народнохозяйственного эффекта.

Второй аспект вытекает из неравномерности пространственного распределения населения и производства и связан со сглаживанием негативных последствий пространственной неравномерности модернизации и неизбежного роста межрегиональной дифференциации доходов населения и региональных бюджетов, которые будут результатом опережающего роста производства и его эффективности в наиболее передовых регионах и нарастания социальных и экономических проблем в отстающих. Последнее происходит и будет происходить независимо от того, будут ли дополнительно стимулироваться наиболее передовые регионы, однако последнее обстоятельно может существенно усилить процессы межрегиональной дифференциации и обострить его негативные последствия, которые усугубляются процессами депопуляции в большинстве российских регионов и крайне низкой мобильностью населения и трудовых ресурсов.

Главным способом сокращения неравномерности пространственного развития является стимулирование развития отставших (депрессивных и слаборазвитых) регионов, стимулирование притока капитала в них, строительство новых предприятий, создание рабочих мест с высоким уровнем заработной платы и т.д. Однако отстающие регионы имеют, как правило, низкий уровень инфраструктурной обеспеченности, более низкий уровень производительности труда и отдачи на капитал, поэтому политика искусственного «привлечения» инвестиций в отстающие регионы ведёт к снижению совокупных темпов роста по сравнению с ситуацией привлечения ресурсов в наиболее эффективные регионы. Такая политика обеспечивает, возможно, более медленную, но более равномерную модернизацию пространственной структуры, не допускает критических пространственных диспропорций и нацеливается, в конечном итоге, на сохранение территориальной целостности страны.

Литература

Аганбегян А.Г. Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика // ЭКО. 2010а. № 1. С. 34–60.

Аганбегян А.Г. Финансы для модернизации // Деньги и кредит. 2010б. № 3. С. 3–11.

Аганбегян А.Г. О новой модели экономического роста в России // Экономические стратегии. 2011а. № 2. С. 11–18.

Аганбегян А.Г. О новой модели экономического роста в России // Экономические стратегии. 2011б. № 3. С. 15–22.

Аганбегян А.Г. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России // SPERO. 2011в. № 14. С. 8–17.

Аганбегян А.Г. Новая модель экономического роста России // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 31–46.

Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. № 4. С. 7–44.

Восстановление экономического роста в России. Научный доклад. М.: ИНП РАН, 2016. 32 с.

Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 90–102.

Всемирный банк. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии 2009. М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 384 с.

Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М.: Ин-т экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. 60 с.

Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л., Некипелов А.Д., Татаркин А.И., Гринберг Р.С., Фетисов Г.Г., Цветков В.А., Батчиков С.А., Ершов М.В., Митяев Д.А., Петров Ю.С. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3 (54). С. 1–7.

Глущенко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010а. № 1. С. 54–87.

Глущенко К.П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: экономика и социология. 2010б. № 4. С. 88–119.

Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Многорегиональные системы. Экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2007. 371 с.

Гришина И.В., Полынев А.О., Тимонин С.А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 1. С. 70–83.

Дмитриев М.Э. Итоги пространственного развития России и его вклад в будущий экономический рост / Юбилейная конференция Леонтьевского Центра «25 лет после СССР». Санкт-Петербург, 10 сентября 2016 г. http://www.leontief-centre.ru/UserFiles/Files/Dmitriev_M.pdf (дата обращения: 05.04.2018).

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004 год. http://www.undp.ru/index.phtml?iso=ru&lid=2&cmd=publications1&id=49 (дата обращения 11.06.2019).

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Экологические приоритеты для России / Под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2017. 292 с.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. 172 с.

Дуженко Т.И. Диверсификация экономики региона на основе развития социальной инфраструктуры. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.э.н. Новосибирск, 2015. http://econom.nsc.ru/ieie/news/zashiti/personalii/2015/dugenko/dissert.pdf (дата обращения 15.06.2019).

Европейская региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС? Применение принципов и обмен опытом. Европейская Комиссия по вопросам региональной политики, 2009. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf дата обращения: 01.04.2019).

Ершов Ю.С. Пространственный аспект российской экономики и перспектив ее развития: до и после кризиса // Регион: экономика и социология. 2010. № 2. С. 129–153.

Заседание президиума Госсовета по вопросу повышения роли регионов в модернизации экономики. Хабаровск, 11 ноября 2011. http://www.kremlin.ru/events/president/news/13477 (дата обращения 15.06.2019).

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Иванов Ю.Н., Саградов А.П. К вопросу об исчислении и анализе человеческого развития в регионах России // Вопросы статистики. 2001. № 2. С. 23–26.

Ивантер В.В. Не ростом, так умом. Как национальные проекты повлияют на динамику российской экономики // Российская газета – Федеральный выпуск № 102(7860). https://rg.ru/2019/05/14/kak-nacionalnye-proekty-povliiaiut-na-dinamiku-rossijskoj-ekonomiki.html (дата обращения 15.06.2019).

Йогман Л.Г. Стратегия диверсификации экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1 (1). С. 78–91.

Коломак Е.А. Развитие городской системы России: ресурсы и результаты / Тр. Гранберговской конф. Новосибирск, 10–13 октября 2016 г. Сб. докладов Междунар. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения акад. А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» / Под ред. В.И. Суслова, Л.В. Мельниковой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 253–264.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01 (дата обращения 15.06.2019).

Кузнецова О.В. Сдвиги в занятости и качестве жизни населения российских городов-миллионников // Проблемы прогнозирования. 2017. № 6. С. 121–131.

Кулешов В.В., Суслов В.И., Селиверстов В.Е. Стратегические установки долгосрочного развития Сибири // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 3–22.

Малкина М.Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «социального благополучия» регионов РФ // Journ. of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. Т. 6. № 4. С. 111–119.

Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. № 7. С. 5–19.

Методологические рекомендации по расчетам совокупных затрат труда по производству товаров и услуг на всех видах работ и показателя производительности труда по видам экономической деятельности соответствии с ОКВЭД. Росстат, 2005. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod-prtrud.doc (дата обращения 15.06.2019).

Михеева Н.Н. Региональные пропорции экономического роста в России // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 225–243.

Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32.

Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. 2014а. № 1. С. 6–28.

Михеева Н.Н. Некоторые подходы к оценке сдвигов в пространственной структуре экономики // Современные производительные силы. 2014б. № 1. С. 7–21.

Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. 2016а. № 4 (92). С. 196–217.

Михеева Н.Н. Оценка долгосрочных тенденций изменения пространственной структуры российской экономики / Сб. научных трудов ИМЭИ. 2016б. № 1. С. 145–160.

Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста. Научные труды ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 32–55.

Мишарин А.С., Клепач А.Н., Белоусов Д.Р. Посткризисное развитие России: модернизация, инновации и социальное государство. Перспективы до 2025 года. Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011. 160 с.

Национальные счета России. Выпуски 2002–2018 гг. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения 10.07.2019).

Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 года № 803. http://docs.cntd.ru/document/9020553 (дата обращения: 10.04.2018).

Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13. http://docs.cntd.ru/document/420389221 (дата обращения: 05.04.2018).

Приложение к ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 – 2017 гг.». http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016 (дата обращения 10.07.2019).

Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Выпуски 2002–2018 гг. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 10.07.2019).

Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России; взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 35–48.

Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М Григорьева., Н.В Зубаревич., Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 357 с.

Самбурова Е. Китай – страна-«супергигант»: проблемы и преимущества / Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 145–158.

Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. Региональные диспропорции в экономическом развитии Китая в пореформенный период (1978–2015 г.) // Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века: монография / Под ред. И.А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2016. С. 79–85.

Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 201 с.

Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений / Науч. тр. ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 20–39.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 05.06.2019).

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/ (дата обращения: 10.06.2019).

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. / Под ред. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017.196 с.

Татаркин А.И. Программно-проектное развитие регионов как условие устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации // Вест. УРФУ. Сер. Экономика и управление. 2011. № 4. С. 46–55.

Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)». http://docs.cntd.ru/document/901798968 (дата обращения: 10.04.2018).

Фетисов Г.Г. О необходимости учета пространственного фактора в исследовании и регулировании социально-экономического развития // Экономист. 2011. № 9. С. 26–32.

Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

Эффект масштаба. Первый глобальный рэнкинг агломераций. PWC, 2017. https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus.pdf. (дата обращения: 05.04.2019).

Anand S. Inequality and poverty in Malaysia: Measurement and decomposition. New York: Oxford University Press. 1983. 371 p.

Barca F. An Agenda for a Reformed Cohesion Policy. A place-based approach to meeting European Union challenges and expectations. DG Regio. Brussels, 2009. 244 p.

Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. MIT Press, 2004. 654 p.

Becker S., Egger P., von Ehrlich M. Going NUTS: The effect of EU Structural Funds on regional performance // Journ. of Public Economics. 2010. V. 94. P. 578–590.

Cappelen A., Castellacci F., Fagerberg J., Verspagen B. The impact of EU regional support on growth and convergence in the European Union // Journ. of Common Market Studies. 2003. V. 41. № 4. P. 621–664.

Chen A. Reducing China's regional disparities: Is there a growth cost? // China Economic Review. 2010. V. 21. P. 2–13.

Chen A.P., Groenewold N. Reducing regional disparities in China: An evaluation of alternative policies // Journal of Comparative Economics. 2010. V. 38. P. 189–198.

China Statistical Yearbook. 2015. http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm (дата обращения: 10.04.2019).

Coutts K., Glyn A., Rowthorn R. Structural Change under New Labour // Cambridge Journal of Economics. 2007. V. 31. № 6. P. 845–861.

Economic Diversity in Appalachia: Statistics, Strategies, and Guides for Action. February 2014. http://www.arc.gov/assets/research_reports/economicdiversityinappalachiacompilationofallreports.pdf (дата обращения 10.06.2019).

Esteban J. Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis // Regional Science and Urban Economics. 2000. V. 30. № 3. P. 353–364.

Green A. Geography matters: The importance of sub-national perspectives on skills and employment. UK Commission for Employment and Skills, Wath Upon Dearne, 2009. http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/praxis-2-geography-matters.pdf/ (дата обращения 10.06.2019).

Green Growth Strategy (Interim report) – rationale for green strategy, lessons learned from some initiatives. OECD: Paris, 2010. http://www.oecd.org/dataoecd/42/.../45312720.pdf (дата обращения 10.06.2019).

Hvidt M. Economic Diversification in GCC Countries: Past Record and Future Trends. 2013. http://www.lse.ac.uk/middleEastCentre/kuwait/documents/economic-diversification-in-the-gcc-countries.pdf (дата обращения 10.10.2018).

Kataoka M. Interprovincial differences in labour force distribution and utilization based on educational attainment in Indonesia, 2002–2015 // Reg. Sci. Policy Pract. 2019. V. 11. P. 39–54.

Keidel A. China Regional Disparities. The Causes and Impact of Regional Inequalities in Income and Well-Being. 2007. http://carnegieendowment.org/files/keidel1.pdf (дата обращения: 10.06.2019).

Knudsen D.C. Shift Share Analysis: further examination of models for the description of economic change // Socio-Economic Planning Sciences. 2000. V. 34. № 3. P. 177–198.

Kramar H. Regional convergence and economic development in the EU: the relation between national growth and regional disparities within the old and the new member states // Intern. Journ. of Latest Trends in Finance & Economic Sciences. 2016. V. 6. № 1. P. 1052–1062.

Krugman P.R. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. V. 33. P. 129–144.

Li Y.R., Wei Y.H.D. The spatial-temporal hierarchy of regional inequality of China // Applied Geography. 2010. V. 30. P. 303–316.

Liao F.H., Wei Y.D. Regional Inequality in China: Trends, Scales and Mechanisms. Territorial Cohesion for Development Working Group. Working paper series, 2016. № 202. http://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1473279216202_FH_Liao_YD_Wei.pdf (дата обращения: 10.06.2019).

Measuring economic diversification in Hawaii. Research and Economic Analysis Division Department of Business, Economic Development and Tourism State of Hawaii. February 2008. http://hawaii.gov/dbedt/info/economic/data_reports/EconDiversification/Economic_Diversification_Report_Final%203-7-08.pdf (дата обращения 10.06.2019).

Moore E. Measuring Economic Diversification. OLMIS, Sep-28-2001. http://www.lanecounty.org/departments/cao/economicdevelopment/documents/measuring_economic_diversification.pdf (дата обращения 10.06.2019).

OECD Territorial Reviews: Competitive Cities in the Global Economy. 2006. https://www.oecd.org/gov/oecdterritorialreviewscompetitivecitiesintheglobaleconomy.htm.

Pellegrin, G., Terribile F., Tarola O., Muccigrosso T., Busillo F. Measuring the effects of European Regional Policy on economic growth: A regression discontinuity approach // Papers in Regional Science. 2016. V. 92. № 1. P. 217–233.

Rebalancing the economy sectorally and spatially: An evidence review. Volume 1 – Main report. UK Comission for Employment and Skills. Evidence Report 33, August 2011. http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/evidence-report-33-rebalancing-economy-vol2.pdf (дата обращения 10.06.2019).

Regional policy. European Union. 2014. https://europa.eu/european-union/topics/regional-policy_en (дата обращения: 01.06.2019).

Regional policies and European Commission priorities. Eurostat Statistics Explained. 2017. http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Regional_policies_and_European_Commission_priorities (дата обращения: 10.06.2019).

6th Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. 2014. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion6/light_6cr_en.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

7th Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. 2017. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion7/7cr.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

Synthesis Report, Ex post evaluation of Cohesion Policy programmes 2007-2013, focusing on the European Regional Development Fund (ERDF) and the Cohesion Fund (CF). European Commission. 2016. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/evaluation/pdf/expost2013/wp1_synth_report_en.pdf.

Глава 7

РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Введение

Актуальность темы определяется необходимостью на основе мирового опыта и российских реалий последних двух десятилетий обобщить новые закономерности размещения производительных сил России, которые возникают в связи с инновационной модернизацией национальной экономики.

Логика работы – сначала на основе обобщения материалов стратегий федеральных округов формулируются новые закономерности (формы) размещения – городские агломерации, хозяйственные кластеры и новые промышленные районы. Затем анализируется феномен центро-периферийного разлома российского пространства, который рельефно проявляется в современном размещении производительных сил России. Следом идёт отраслевой анализ факторов размещения новых промышленных объектов, созданных в стране в 2006–2010 гг., в контексте различий по степени их технологичности. Все три среза анализа объединены общим стремлением показать роль новых драйверов размещения производительных сил России – знания и инноваций.

В классической теории факторами размещения признавались земля (ресурсы), труд, капитал. Где здесь место знанию? Есть две возможности учёта возросшей роли знания в современном размещении производительных сил. Первая связана с тем, что мы признаём глубинное проникновение знания внутрь традиционных факторов размещения, а именно, что оно радикально меняет их природу и закономерности дислокации экономических активов в пространстве. Например, оплодотворение знания и капитала приводит к появлению венчурных финансов; смычка знания и рынка труда обусловливает появление специфичного рынка талантов и т.д. Вторая возможность исходит из признания перемен, внесённых факторами знания на процессы общественного разделения труда, настолько радикальными, что предлагает выделить особый (новый) четвёртый фактор размещения – наряду с тремя традиционными.

Во всех случаях, вспоминая уроки классической политической экономии, важно понимать, что знание и инновации воздействуют на размещение производительных сил через изменения в формах общественного разделения труда, которые имеют первичный характер. А происходящее сегодня углубление общественного разделения труда, появление более «тонких», узких, интеллектуальных компетенций и специализаций отражается на пространственной развёртке этих процессов, т.е. на размещении производительных сил.

---

[1] В главе использованы результаты выполнявшихся в 2011–2017 гг. в Совете по изучению производительных сил проектов «Теоретико-методологические и методические основы междисциплинарного синтеза знаний о пространственном развитии», «Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики», «Новая структурность арктического пространства (территориальные сети, центры, линии взаимодействия)».

Стратегии федеральных округов – обобщение новых форм размещения производительных сил

Именно на уровне федерального округа новые тенденции размещения приобретают максимальную отчётливость: то, что может проявиться не в каждом регионе, на уровне федерального округа уже обязательно присутствует; вместе с тем, то, что на уровне страны может скрадываться масштабом, на уровне федерального округа обозначается как важный новый тренд/сдвиг в процессах размещения. Обобщение материалов стратегий федеральных округов, проведённое нами в 2011–2012 гг., позволило выявить те формы размещения производительных сил, которые проявляют себя практически повсеместно. Это феномен крупных городских агломераций; хозяйственных ассоциаций (территориальных кластеров); низового экономического района в виде локализованных участков повышенной экономической концентрации – инновационных долин, технопарков, индустриальных парков, особых экономических зон и др.; инновационной инфраструктуры и её базовых элементов в виде федеральных и исследовательских университетов, исследовательских институтов, интеллектуальных платформ, наукоградов; транзитных транспортных коридоров, интегрирующих локальное и глобальное; гетерогенных активов в новых ресурсных проектах на Севере и в Арктике, отработка которых характеризуется значительной спецификой организации и размещения производительных сил[2].

Возникает закономерный вопрос – что общего во всех этих структурах? Все они способны обеспечить эффекты возрастающей отдачи для экономики за счёт постоянного («спонтанного») генерирования нового знания и инноваций в форме новых видов экономического деятельности, новых технологий, новых бизнес-процессов, новых продуктовых групп за счёт диверсификации, гетерогенности активов. Скажем ещё точнее: они приспособлены к этому лучше, чем другие формы размещения, которые доминировали в индустриальную эпоху (например, монопрофильные города, территориально-производственные комплексы и промышленные узлы, «большие» энергоэкономические районы) и в основном актуализировали эффекты экономии на размере, на масштабе, на больших объёмах однотипных операций. Нынешние формы размещения, напротив, в существенно большей степени «пригнаны» к субъектам малого и среднего предпринимательства, нацелены получать эффекты на разнообразии, на диверсификации (Котов, Пилясов, 2012).

Правота теперь у тех форм размещения, которые содействуют, облегчают, обеспечивают накопление человеческого капитала. Правота у тех форм, которые способны наладить взаимодействие корпораций, малых и средних фирм, домохозяйств друг с другом таким образом, чтобы внешние позитивные экстерналии опыта, знания, информации были максимально лёгкими и сильными. Это есть одновременно и сверхзадача и критерий успеха современного размещения про-

[2] Теперь многие новые северные и сибирские месторождения являются конденсатными, сложными по составу. Для их эффективной отработки требуется создание комбинатов – перерабатывающих мощностей рядом и одновременно со строительством добычных комплексов. Чтобы обеспечить извлечение всех полезных компонентов, переработка должна быть максимально приближена к месту добычи. В этом состоят новые закономерности размещения производительных сил. В советское время, когда основные эксплуатируемые месторождения были однородными по сырью, такая задача не стояла: ресурсы нефти и газа транспортировались для переработки на тысячи километров от места добычи.

изводительных сил: обеспечивает процессы коллективного обучения участников производственного процесса друг у друга, помогает им напитаться новым знанием – имеет жизнеспособность и права гражданства в новую эпоху; нет – значит, будущее этих форм размещения находится под угрозой.

И это становится ключом для нас в объяснении возвышения по-разному называемых, но обладающих сущностным единством новых форм размещения – экономических кластеров, особых экономических зон, индустриальных и технологических парков, бизнес-инкубаторов и других «островных» платформ; эти формы компактного, локализованного, концентрированного размещения обеспечивают лучшие условия для процессов обучения работников и фирм друг у друга, перетоков знания, чем прежние, пространственно более дисперсные, более крупные. Они как бы замещают прежние индустриальные формы размещения: крупные центры (городские агломерации) – метрополитенские ареалы – монопрофильные промышленные города; плоские сетевые кластеры – вертикально интегрированные территориально-производственные комплексы; малые (низовые) экономические районы – прежние крупные энергоэкономические районы, транзитные транспортные коридоры, обеспечивающие выход в глобальные сети, – прежние трассы проникновения в неосвоенные ареалы и т.д.

Даже поведение крупных иностранных инвесторов также подчиняется новым, обусловленным возросшей ролью знания, закономерностям. Как ещё можно объяснить их «стадный инстинкт» – когда вслед за первой автомобильной корпорацией в Ленинградскую и Калужскую области пришла следом целая группа других автогигантов? Конкуренты на всех других рынках, в России они вдруг разместились предельно компактно, по-соседски. Первый инвестор тратит значительные ресурсы и усилия для укоренения в новую почву и обретение социального капитала связей и знакомств с людьми в региональной и местной власти, которые принимают решения по подготовке промплощадки, прохождению необходимых согласований и т.д. Но зато следующие инвесторы уже могут существенно сэкономить на этих трансакционных издержках, используя накопленный опыт первого, «обучаясь» у него практике социального укоренения (Замятина, Пилясов, 2013).

Но можно понимать роль знания как нового фактора размещения и более буквально: размещение субъектов экономики, озабоченных поддержанием своей конкурентоспособности, тяготеет к местам выработки нового знания. В работах М. Фельдман, Д. Аудретша и их коллег это доказывается на многочисленных примерах размещения малых инновационных фирм в радиусе ежедневной физической доступности к исследовательским университетам, научно-исследовательским лабораториям, НИОКР-подразделениям корпораций, другим объектам инновационной инфраструктуры (Аудретш, Фельдман, 2012).

Но и в российских условиях факторы близости к источнику нового знания, к объектам инновационной инфраструктуры начинают работать как факторы размещения. Например, близость к новосибирскому университету, исследовательским институтам новосибирского Академгородка стало фактором создания инновационных фирм первого российского технопарка[3]. В исследовательской работе А.В.Суворовой обозначается стокилометровый радиус доступности как расстояние от объекта инновационной инфраструктуры, на котором действуют

[3] Верховод Дмитрий – директор ОАО «Технопарк Новосибирского Академгородка», личное сообщение.

эффекты близости, удобства размещения старт-апов, малого инновационного предпринимательства в Свердловской области (Суворова, 2014). В наукограде Бийск фактором появления целой сети малых инновационных биотехнологических фирм в 1990–2000-е годы стало наличие «материнской» компании ФГУП «Алтай» как генератора нового знания.

Как показали наши обследования малых и средних (до 50 тыс. населения) городов России, очень часто в них нет «канонических» объектов инновационной инфраструктуры в виде университетов и исследовательских институтов. Нередко в этом случае роль таких объектов для малого инновационного бизнеса, для городских стартапов начинает выполнять местная инфраструктура поддержки предпринимательства – технопарки, бизнес-инкубаторы, венчурные фонды и др.

Природа знания оказывает воздействие на маршруты миграции выпускников российских вузов. Например, выпускники химического и физико-технического факультета, факультета прикладной математики и кибернетики в Томском университете имеют существенно более «узкую» зону распределения, чем гуманитарных факультетов. В самом Томске оседает более трёх четвертей выпускников факультета высшей математики и кибернетики. Выпускники физико-технического факультета ориентируются в значительной степени на «интеллектуальные города» (Снежинск, Саров, Черноголовка), включая собственно Томск (2/3 выпускников), а также Санкт-Петербург. А выпускники факультета искусств и культуры, напротив, имеют очень широкий спектр трудоустройства в крупных городах страны (Новосибирск, Красноярск, Омск, Кемерово, Самара, Воронеж, Екатеринбург и др.) (Замятина, 2011).

Городские агломерации, кластеры и новые промышленные районы – триада современного размещения производительных сил

Процессы метрополитенизации, которые повсеместно в мире означают возвышение экономической роли глобальных городов, городов-регионов, с обширной пригородной территорией в зоне их влияния, с 1990-х годов начали активно работать и в России. О феномене городских агломераций говорили при размещении производительных сил и в советское время, но тогда никто не видел в них основных драйверов национальной экономики. Они находились в тени крупных монопрофильных городов, создающих основной промышленный продукт индустриальной экономики и нередко воспринимались как ничего не производящие «города-паразиты».

Однако в силу значительной диверсифицированности и гибкости их экономики в условиях радикальной экономической реформы городские агломерации оказались существенно более устойчивыми, комфортными и потому привлекательными для энергичных и талантливых мигрантов периферии, чем ранее престижные индустриальные центры. Неудивительно, что по сравнению с индустриальными городами крупные городские агломерации России либо нарастили свою численность, либо имели минимальные её потери за счёт передислокации сюда энергичных трудовых мигрантов российской периферии и стран СНГ.

Именно здесь позитивные преобразования в комфортизации среды, улучшении качества жизни, расширении досугового комплекса происходили максимально динамично. Но мало того. Локализованные ассоциации городов за счёт агломерационного эффекта стали давать импульс развития соседним территори-

ям, расположенным в радиусе часовой-полуторачасовой транспортной доступности от них.

Часовая транспортная доступность до крупного города-центра стала позитивным фактором размещения для многих видов промышленной, сервисной, аграрной деятельности. Высокоскоростное железнодорожное сообщение не отменило, но только расширило площадь привлекательного влияния столичных городов на размещение производительных сил. И население, и материальные активы в возрастающей степени стали концентрироваться вокруг крупных городских центров. Новым привлекательным местом для размещения стал хинтерланд крупных столичных агломераций, их периферия, расположенная в зоне полуторачасовой доступности. Здесь позитивно сработали резервы свободных площадей для размещения торговых и складских объектов крупных розничных сетей, филиалов глобальных промышленных компаний.

В России сейчас 22 крупнейшие агломерации, которые насчитывают более 1 млн человек (по экспертным оценкам[4], в стране более полусотни агломераций с числом жителей свыше четверти миллиона).

Максимально рельефно роль городских агломераций как генераторов сдвигов в размещении производительных сил (прежде всего периферийно-центральных миграциях квалифицированных кадров), как можно судить по 25-летней динамике доли городских агломераций в численности населения федерального округа, региона, проявляется именно в разреженном, низкоплотностном российском пространстве: в Сибирском федеральном округе мощнее, чем в Поволжском, в Республике Саха (Якутия) мощнее, чем, например, в Ленинградской области.

Новой роли крупных городских агломераций в инновационном развитии и размещении производительных сил в последние годы посвящено множество работ (Зотова, 2007; Кирсанова, 2010; Аксенов, 2011; Игловская, 2011; Селиванова, 2011). Их авторы отмечают гибридность новой пространственной структуры российских городских агломераций, которые сочетают черты индустриального и уже нового времени, элементы западных городских агломераций (например, начинают проявляться классические черты мировой субурбанизации). Отмечается способность городских агломераций расширить ареал своего влияния на прилегающую территорию, их притягательность для квалифицированных кадров и талантов. Успешное выполнение функции инновационного лидера напрямую зависит от динамики (скорости) трансформации их внутренней структуры. В разных российских городах эта трансформация идёт либо по сервисному, либо по сценарию реиндустриализации, но всегда сопровождается значительным изменением функциональной структуры используемых городских земель, обширными передислокациями активов (например, выносом части основных производственных фондов промышленности за городскую черту), преобразованием части территории промзон в объекты досуговой, торговой, предпринимательской или инновационной инфраструктуры.

Другой фактор, определяющий силу влияния городской агломерации на окрестную территорию, связан с её статусом в единой сети крупных российских городов-центров. Значительное влияние на него оказывает степень развитости деловых интеллектуальных услуг. Максимально легко статус городской агломерации внутри российской сети определяется по количеству прямых авиасообщений города с другими крупными агломерационными центрами России.

[4] Г.М. Лаппо, В.Я. Любовный, П.М. Полян, Н.И. Наймарк и др.

Во многих стратегиях федеральных округов идёт речь о создании новых хозяйственных кластеров – биомедицинского, логистического, фармацевтического и др. Абсолютно неслучайно формирование кластеров во многих исследовательских работах прямо увязывается с региональным инновационным процессом (Маркушина, 2011; Куценко, 2012; Синергия…, 2012; Дмитриева, 2013). Дело в том, что кластеры предполагают локализованное (территориально концентрированное) размещение интенсивно сотрудничающих фирм и других участников кластерной кооперации, что позволяет им очень быстро перенимать передовой опыт друг у друга, на регулярной основе взаимодействовать с носителями уникального нового знания и компетенций и в конечном итоге – постоянно генерировать и внедрять новшества. Неслучайно в большинстве стран Европейского союза кластерная политика интегрирована в инновационную политику.

Но и в российских регионах, как показывают материалы стратегий федеральных округов и нормативные правовые документы субъектов Российской Федерации, проводится увязка инновационной и кластерной политики. Например, в Республике Татарстан приоритетными направлениями кластерного развития признаётся развитие инновационной деятельности и механизмов коммерциализации инновационных проектов; в Чувашской Республике на кластерном подходе основаны региональные программы инновационного развития, например, Программа развития промышленности до 2020 г.[5].

Исследователи отмечают, что кластерная активность воздействует на уровень инновационной активности входящих в кластер фирм (Куценко, 2012): т.е. факт локализованного размещения и сотрудничества хозяйствующих субъектов уже само по себе повышает их способность к новаторской деятельности. Но верно и обратное: тот же автор на примере московской городской экономики показывает в своём диссертационном исследовании, что именно высоко- и среднетехнологичные виды деятельности (измерительное и исследовательское оборудование, образовательная и научно-исследовательская деятельность, информационные технологии, биофармацевтические препараты, коммуникационное оборудование, аэрокосмическая промышленность, финансовые услуги, издательская деятельность и полиграфия) в первую очередь склонны к кластеризации.

Обеспечение условий для совместного размещения сотрудничающих хозяйствующих субъектов можно признать новым эффективным инструментом государственной политики, который учитывает позитивные экстерналии перетоков знания и реализуется в виде технопарков, бизнес-инкубаторов, особых экономических зон, в которых увязываются воедино процессы размещения, кластерная политика и инновационные императивы современной экономики.

Ряд стратегий федеральных округов закладывает перспективу формирования новых промышленных районов – нередко в сельской местности, где индустриального слоя за предыдущий период хозяйственного освоения создано не было, или в хинтерланде крупных городских агломераций, которые ранее были пригородной сельской местностью, но в результате разрастания городов обрели урбанизированный облик. Наши исследования последних лет позволили выявить в России несколько типов новых промышленных районов, большинство из которых были

[5] Программа утверждена Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 29.05.2009 № 178; в настоящее время действует Программа «Развитие промышленности и инновационная экономика», утв. Постановлением Кабинета Министров ЧР от 14 декабря 2018 г. № 522, в ред от 08.07.2020 № 382.

Таблица 7.1. Экономические районы двух различных эпох

Характеристика	«Большой» район Колосовского	«Малый» район Алаева–Бекаттини
Экономическая эпоха	Ранняя индустриализация	Начало постиндустриальной трансформации, новая индустриализация
Организационная структура	Район – крупный производственный комбинат конвейерного типа	Район-конгломерат (сеть) малых, средних и крупных фирм
Основа районирования	Энергопроизводственная	Коммуникационная, рынок труда
Границы	По энергорайонам	По местным рынкам труда
Размер	Тысячи км^2	Сотни км^2
Основа района	Локализованный подбор сочетаний отраслей	Локализованный подбор сочетаний навыков и компетенций
Цель существования	Вывоз продукции отраслями союзной специализации	Устойчивое развитие местного сообщества за счёт глобальной конкурентоспособности местных фирм и компаний
Специализация	По отраслям, стабильная	По видам деятельности и компетенциям (профессиям), высоко изменчивая
Источники развития	Экзогенные – госкапвложения и местные природные ресурсы	Эндогенные – местное сообщество, его человеческий, креативный, социальный капитал, глобальные рынки и инвесторы
Ядро района	Территориально-производственный комплекс, в основе которого устойчиво повторяющийся тип производственного процесса	Территориальный кластер, постоянно меняющаяся специализация
Экономические эффекты	Экономия на масштабе, экстерналии внутри предприятия	Экономия на разнообразии (диверсификации), внешние экстерналии
Характер основных материальных и природных активов	Гомогенный, однородный	Гетерогенный, неоднородный
Жизненный цикл	Энергопроизводственный цикл (перетоки вещества, энергии)	Инновационно-производственный (креативный) цикл: перетоки знания, информации
Узловая проблема	Ведомственность против местничества (конфликт интересов ведомств и территории)	Глобализм против местной идентичности (конфликт интересов глобальных компаний и местного сообщества, малого бизнеса)
Атомарный (первичный) элемент – катализатор районного развития	Программа развития ядерного производственного предприятия (программный подход)	Инвестиционный/социальный проект (проектный подход)
Внутренняя территориальная структура	Линейно-узловая	Сетевая

описаны зарубежными исследователями ещё в середине 1990-х годов (Markusen, 1996). Это новые промышленные районы ресурсной специализации (например, нефтегазовый в Ненецком автономном округе и на шельфе Северного Ледовитого океана), классический маршаллианский ростовский промрайон обувной специализации малого и среднего бизнеса, калужско-боровский автопромышленный район по типу спутниковой платформы крупных глобальных корпораций, центро-периферийный высокотехнологичный верхнесалдинский промрайон «Титановая долина» Свердловской области, владивостокский промрайон локализованного масштабного привлечения государственных инвестиционных ресурсов (Котов, Пилясов, 2013).

Практически во всех стратегиях федеральных округов упоминаются различные новые компактные формы размещения производительных сил: особая экономическая зона, промышленный округ, интеллектуальная долина, технополис, локальный полюс роста и др. Обилие названий порождает иллюзию, что речь идёт об очень разных феноменах. На самом деле и в России, и в других странах мира имеет место один и тот же феномен современного пространственного развития – повсеместное закономерное возвышение значения низового (малого) экономического района (Пилясов, 2013). И этот пространственный феномен непосредственно связан с новыми чертами, особенностями инновационного развития. Динамично развивающиеся низовые экономические районы приносят новую специализацию, новый тонус развития всей региональной и национальной экономике.

Ключевые особенности низового экономического района отчетливо могут быть поняты через сопоставление с «большим» экономическим районом (табл. 7.1).

Малый экономический район является ключевой пространственной клеткой, в которой увязываются важнейшие современные вопросы нового размещения производительных сил, новой территориальной организации российской экономики. На этой площадке размером с местный рынок труда (городская агломерация, метрополитенский ареал и др.) реализуется возможность регулярной личной коммуникации и обменов знанием агентов местной экономики друг с другом, важная для выработки нового знания, формирования новых идей и компетенций. Феномен низового экономического района отражает тот факт, что современный процесс инновационной модернизации российской экономики идёт существенно более локализованно в пространстве, чем более «ареальный» процесс советской индустриализации.

Новая центро-периферийная структурность российского пространства и размещение производительных сил

Обширность российских пространств всегда признавалась генератором существенной специфики развития и размещения производительных сил. Именно поэтому многие исследователи этих процессов, например, в госплановских институтах, в советское время делали вывод о том, что общие мировые закономерности размещения проявляются в России со значительными особенностями.

Однако недостаточно просто зафиксировать обширность российских пространств. Российская специфика размещения экономических активов проистекает из низкой плотности заселения (например, специализация Урало-Кузнецкого ком-

бината была сродни немецкому Руру, однако плотность населения была ниже на порядок, и расстояния между угольными и металлургическими предприятиями многократно больше); холодовой экстремальности, характерной для большей части территории страны, невиданной по критериям Европы; существенной недоурбанизированности – фундаментальная нехватка городов оказывает лимитирующее давление при любом размещении производительных сил; сухопутности – значительная часть территории страны далеко отодвинута от морских побережий и портов (Безруков, 2008). Все эти факторы обусловили значительное трение пространства и потому сильное государственное начало в любом крупном размещенческом проекте переустройства пространственной организации производительных сил.

В свёрнутом виде все эти специфические черты российского пространства проявляются в особой природе российской центро-периферийности – по сравнению с европейскими странами, США и даже близким аналогом, другой северной федерацией, – Канадой. Российская Федерация всегда была исключительно централизованной по всей природе протекающих на её пространствах общественных процессов (в том числе и размещения производительных сил).

Феномен центро-периферийных контрастов ещё более усилился с началом радикальных рыночных реформ в 1990-е годы. Как только выравнивающая мощь государственного вмешательства в процессы размещения производительных сил в пространстве ослабла, сразу же быстро пошли в экономический отрыв регионы и города сосредоточения объективных экономических преимуществ местоположения: столичные, центральные, приграничные, агломерационные, экспортоориентированные.

Российская экономическая реформа привела к новому центро-периферийному разлому разгосударствленного, теперь открытого на глобальные рынки, экономического пространства страны. Прежнее советское индустриальное пространство имело основной центро-периферийный разлом по оси город–деревня, что отражало основное конструктивное противоречие той индустриальной эпохи. Новое российское экономическое пространство имеет основной центро-периферийный разлом по оси «метрополитенская и периферийная Россия», что отражает очень быстрое проникновение элементов новой постиндустриальной экономики в крупнейшие городские агломерации и значительное отставание от этих процессов российской сельской и городской периферии.

Новые центро-периферийные контрасты российского открытого и разгосударствленного пространства огромны даже по сравнению с советским временем и отражают особенности нового общественного и географического разделения труда в современную эпоху. Исследователи (Зубаревич, 2012) отмечают значительное возвышение экономической роли крупнейших российских агломераций, прежде всего Московской и Санкт-Петербургской, в создании валового внутреннего продукта, жилищном строительстве, оптовом товарообороте. Размещение многих активов промышленных предприятий концентрируется в ближнем круге крупных городских агломераций, в малых и средних городах-спутниках. Именно там возникает принципиально новая промышленность – филиалы иностранных компаний, собственные новые малые и средние предприятия, финансовая и организационная власть, элементы управления (штаб-квартиры основных российских корпораций).

В новом размещении производительных сил огромную роль приобретает наличие и близость не просто к основным городским агломерациям, но именно к

крупным авиаузлам. Как раньше портовые и речные города были командными пунктами, организующими российское пространство, так теперь эти функции начинают выполнять российские авиахабы.

Исследователи называют феномен новых центро-периферийных контрастов российского пространства его сжатием (Сжатие…, 2010) – отступление из ранее заселённых и освоенных территорий, которое происходит одновременно с его «уплотнением» в крупных городских агломерациях, запускающих процессы позитивных Джекобс-экстерналий на урбанизации (диверсификации).

Для визуальной оценки развёртывающихся в российском пространстве новых центро-периферийных процессов была построена картографическая модель на основе выявления зон влияния центров системы расселения разного размера[6]. Для расчётов использовалась модель потенциалов Кларка–Медведкова[7] с той разницей, что вместо суммарного потенциала для каждой точки *j* рассчитывался максимальный (W_j) по следующей формуле[8]:

$$W_j = \frac{P_i}{R_{ij}^a}$$

где P_i – людность каждого «центра» (по данным на 2013 г.), R_{ij} – расстояние между ним и точкой *j*, *a* – величина трения пространства.

Каждой точке присваивался идентификатор соответствующего «центра» с максимальным потенциалом воздействия. В качестве вероятных центров системы расселения были рассмотрены все российские города и посёлки городского типа (кроме случаев, когда последние вместе с иерархически вышестоящим городом входят в состав городских округов или поселений) – всего более двух тысяч объектов.

С помощью геоинформационных систем (ГИС) для всей территории России была построена регулярная сеть точек с фиксированным шагом (всего около 300 тыс. штук). Каждая из них по приведённой выше схеме была отнесена к тому или иному центру. В результате ГИС-анализа были выделены зоны влияния всех вероятных центров системы расселения, после чего с помощью методов статистического анализа исключены наименьшие из них (зоны влияния которых были меньше эмпирически выведенного порогового значения). После пересчёта модели для меньшего числа центров (в итоговый список попали 476 населённых пунктов) были выделены их зоны тяготения (рис. 7.1).

Важнейший результат данной картографической модели – обнаружение в явном виде того факта, что половина территории страны «незаякорена» – местные

---

[6] Пример данного расчёта приведён в (Zamyatina et al, 2020).

[7] Модель потенциалов Кларка–Медведкова является аналогом модели главных потенциалов (разработана Л.В. Смирнягиным (2011)). В данном методе рассчитывается значение потенциала каждого из городов для любой точки на местности (в модели главных потенциалов для каждого города рассчитывается зона влияния относительно всех остальных городов). Обе модели используются для разграничения зон тяготения населённых пунктов. Согласно модели потенциалов Кларка–Медведкова суммарный потенциал (V_j) любой точки *j* равен сумме отношений людности каждого города (P_i) к расстоянию от него до данной точки (R_{ij}): $V_j = \sum_{i=1}^{i=n} \frac{P_i}{R_{ij}^a}$

Преимущество данного показателя заключается в том, что он позволяет оценить систему расселения на обширных территориях, упростив при этом вычислительные процессы. В первоначальной формуле Кларка–Медведкова не учитывалось трение пространства (*a*), однако в дальнейших работах оно уже принималось во внимание – см. Distance Decay Models, портал «Geospatial Analysis», http://www.spatialanalysisonline.com/HTML/?distance_decay_models.htm). В расчётах для данной работы, как и в других российских исследованиях (Василенко, 2013), степень приравнивалась к двум.

[8] Методика расчётов разработана А.Д. Яшунским.

центры не выполняют здесь своих функций стабилизации населения и развития производительных сил. Именно поэтому эти пространства попадают в зону влияния Москвы, которая вынужденно выполняет для них роль местного центра, подменяет его в силу его неразвитости.

Именно в этом состоят важнейшая современная (в советское время местные городские центры выполняли функции стабилизаторов для своей тогда сельской периферии) специфика российского пространства и современные особенности размещения производительных сил: местные центры есть, но свои функции (например, важнейшую для современной эпохи – генерирования и трансляции новшеств для подчинённой территории) они выполнить не могут и вынужденно отдают их Москве. В практическом плане это проявляется в ориентированных на Москву трудовых миграциях жителей «незаякоренных» территорий России.

В результате инновационная модернизация производительных сил на этих территориях существенно тормозится. Одним из решений данной проблемы может стать развёртывание здесь новых проектов разного масштаба и значения (местных, региональных, федеральных), способных сконцентрировать вокруг себя квалифицированные, творческие кадры и стать катализаторами инновационной модернизации производительных сил.

Именно в силу обширности российской «незаякоренной» территории не проходят прямые, лобовые аналогии при обозначении современных трендов в размещении производительных сил даже с другой северной федерацией – Канадой, имеющей много общих черт с Россией в ресурсном профиле национальной экономики, зональности местоположения, низкой плотности заселения. В Канаде существенно больше крупных городских агломерационных центров на единицу площади, чем в нашей стране.

В 2000-е годы коллектив канадских авторов под руководством Марио Полеза выполнил цикл работ, посвящённых изучению новых закономерностей размещения производительных сил Канады, проявившихся в 1980–90-е годы. Несмотря на обозначенные существенные различия в агломерационной организованности российского и канадского экономического пространства, полезно обобщить их. Важнейший вывод канадских авторов состоит в выдвижении метрополитенизации как ключевой тенденции нового размещения производительных сил (Polese, Shearmur, 2003; Shearmur, Polese, 2004). Близость к крупным метрополитенским ареалам и агломерационная экономика (размер города) играют возрастающую роль в привлечении занятости в последние десятилетия.

Население Канады всё в большей степени концентрируется в крупных метрополитенских ареалах (городских агломерациях) численностью более полумиллиона человек. Уже до 75% всего населения страны проживает либо непосредственно в метрополиях, либо в их «тени», т.е. в пределах 100–150-километровой зоны транспортной доступности. Крупные городские агломерации Канады задают новую метрику пространства страны и переупорядочивают под себя как самый динамично развивающийся элемент пространственной структуры все другие элементы системы расселения. Их преимущества – в высокой креативности, качестве жизни, плотности информационных потоков. Те поселения и размещённые виды экономической деятельности, которые расположены в пределах часовой доступности от крупных метрополитенских ареалов, обретают преимущества более динамичного развития.

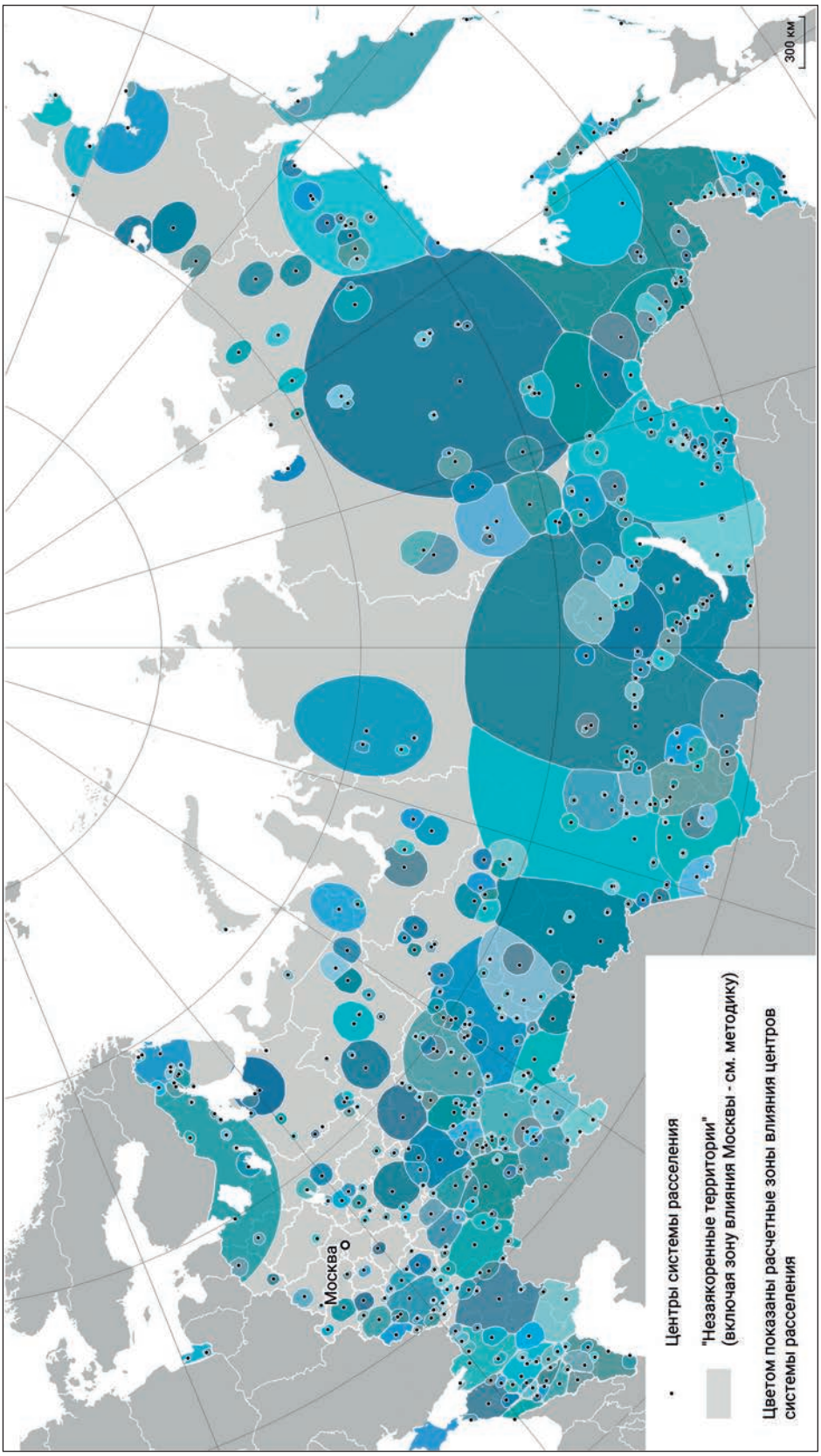

Рис. 7.1. Зоны влияния центров системы расселения Российской Федерации.

Три основные тенденции в размещении производительных сил оказались характерны для Канады в последние три десятилетия. Во-первых, традиционная промышленность выносится из крупных городских агломераций в малые и средние города поблизости. Во-вторых, бизнес-услуги (финансовые, производственные, оптовая торговля и др.) подчиняются в размещении иерархическому распределению (чем выше статус города, тем больше доля занятых). Печатная, издательская деятельность в своём размещении имеет структуру, близкую к деловым услугам: чем выше город по уровню иерархии, тем больше доля занятых в нём, например, в издательской деятельности – в метрополитенских городах выше, чем в центральных, а там выше, чем в периферийных. В-третьих, первичные и ресурсные виды деятельности подчиняются «противоиерархическому» распределению, когда и расстояние, и размер толкают фирмы к более дальним местам размещения.

Традиционные промышленные производства передислоцировались из крупных центров на окрестные территории, в малые и средние города. Самая сильная концентрация промышленности (не рассматривая высокотехнологичную) отмечается в малых и средних городах внутри 100-километрового радиуса главных метрополитенских ареалов. Граница в 100–150 км (часовая доступность) служит пределом размещения промышленных заводов. Данный рубеж не изменился под воздействием новых технологий (Polese, Shearmur, 2001).

Самая высокая концентрация автомобильной промышленности, например, отмечается в больших городах с численностью населения 100–500 тыс. чел. в пределах 100-километровой зоны от крупных метрополий. Самая высокая концентрация текстильной промышленности – в городах меньшего размера (до 100 тыс. чел.) в пределах 100-километровой зоны (Shearmur, Polese, 2004). Чем более требовательна промышленность к площади, к пространству, тем дальше от ядра города она размещается: например, автопроизводство, химическая промышленность – в городах-спутниках, а менее землеёмкое издательское дело – ближе к центру.

Высокотехнологичная промышленность, чувствительная к культурно разнообразной городской среде, с агломерационным эффектом, широким набором интеллектуальных услуг, большим и диверсифицированным «пулом» талантов и квалифицированных кадров сконцентрировалась в городских агломерациях. В крупных городах остались и те производства, для которых близость к рынку служит критичной, как, например, переработка информации, уже упоминавшаяся издательская деятельность.

Чем более удалены города и посёлки периферийной Канады от региональных столиц, тем больше роль природных ресурсов и ресурсной занятости в местной экономике. Периферийные (часто монопрофильные ресурсные) города и посёлки сталкиваются с совместным действием нескольких тенденций – рост производительности труда в капиталоёмких ресурсных отраслях на фоне истощения многих видов и месторождений природных ресурсов, нарастание международной конкуренции в условиях глобализации, внедрение новых технологий-заместителей природных ресурсов (например, в лесопереработке всё бóльшую долю составляют композитные материалы – пластик, синтетика; основным фактором размещения таких производств становится близость к рынкам сбыта) и потери населения в результате миграционного оттока и нередко естественной убыли.

По этим причинам ресурсные посёлки закрываются или переходят в режим сезонной работы. Вместе с тем, периферийные ресурсные города в «малых цен-

тральных» городских зонах, также и в сельских центральных зонах обретают шанс на развитие в виде создания ресурсных производств с малой добавленной стоимостью (целлюлозное производство, пищевая, текстильная, лёгкая промышленность и др.).

Важнейший вывод из обобщения новых российских реалий в центро-периферийной организации пространства, канадских трендов размещения производительных сил в последние три десятилетия заключается в представлении о новой природе экономико-географического положения как фактора размещения производительных сил. Теперь важнее становится не сам по себе статус места размещения экономических активов, а его экономико-географическое положение по отношению к ближайшему центру национального или субрегионального значения. Города и сёла одного статуса абсолютно по-разному развиваются вблизи главных городских центров и в периферийной России.

Факторы размещения новой «постиндустриальной» промышленности

Наше первоначальное понимание периода 1990-х годов состояло в признании различий в закономерностях размещения между индустриальными и неиндустриальными (постиндустриальными) видами экономической деятельности. Однако уже в 2000-е годы стало очевидно, что главный современный водораздел в процессах размещения идёт не по оси «индустриальное–неиндустриальное», а совсем по другой – «рутинные–креативные» виды экономической деятельности. Потому что сами индустриальные, промышленные объекты могут попадать и в категорию рутинных, и в категорию креативных. И законы размещения в обоих случаях будут разными у объектов «старой» и «новой» промышленности. В этой связи А.П. Горкин (2012) впервые ввёл понятие постиндустриальной промышленности.

Склонность к размещению в крупных городских агломерациях будет выше в тех отраслях и видах промышленной деятельности, в которых новое знание играет бóльшую роль: поскольку поначалу оно не может быть формализовано, потому лучше быть поближе к его источникам, к объектам инновационной инфраструктуры в виде университетов, исследовательских центров и др. – таковы законы размещения высокотехнологичных молодых отраслей типа биотехнологии, генной инженерии. Склонность отраслей инновационной (новой) промышленности кластеризоваться в пространстве связана с ролью перетоков знания: поближе к местам выработки нового знания, технических и технологических новшеств. Ведь их конкурентоспособность напрямую зависит от скорости вывода на рынок новых товарных групп, серий, выпусков продукции.

Но как только отрасль промышленности стареет, степень её концентрации понижается, она становится более дисперсной, потому что доля неявного знания в общем знаниевом пуле уже сокращается. Так работают «когнитивные» законы размещения новых промышленных отраслей. Например, высокотехнологичные отрасли электронной и биотехнологической промышленности, которые опираются на нематериальные активы нового знания, новых технических решений максимально концентрированы в размещении в пространстве: эти фирмы как бы учатся друг у друга. А традиционные промышленные отрасли лёгкой и пищевой промышленности размещаются существенно более дисперсно.

Ввиду современных процессов углубления общественного разделения труда и специализации водораздел нередко проходит теперь уже не между высоко- и низкотехнологичными отраслями, но внутри одной отрасли между высокотехнологичными (креативным ядром) и рутинными видами экономической деятельности. Например, в мировой музыкальной индустрии несколько музыкальных сетей тесно связаны друг с другом через записывающие компании. Креативные сети рождения новой музыки, новых песен, мелодий очень концентрированные; в то же время сети индустриального производства музыки, наоборот, пространственно диффузны (Leyshon, 2001) – для массового музыкального производства типичны прежние индустриальные законы размещения.

Аналогичные тенденции действуют, например, и в автомобильной промышленности. С одной стороны, самые творческие виды деятельности и компетенции (например, промышленный дизайн) полностью или частично сохраняются в «корневом каталоге» глобальной компании, её штаб-квартире, головном офисе. С другой стороны, все рутинные процедуры изготовления комплектующих, сборочные производства выносятся в результате производственного аутсорсинга в места низких производственных затрат и/или крупных новых рынков сбыта.

Законы размещения начинают по-разному действовать уже не между отраслями экономики, но даже внутри одной отрасли в разных видах экономической деятельности, и даже ещё глубже – внутри даже одного вида экономической деятельности законы размещения могут быть разными для людей разных профессий! Одно дело – законы размещения «штучных» специалистов – высокоталантливых кадров; другое дело – размещение просто высококвалифицированных кадров. Очень хорошо это выразил Р. Флорида (2007), обосновавший необходимость перехода в современных экономических измерениях от понятия человеческого капитала, который дифференцируется по уровню образования работников, к понятию креативного класса, который вычленяется по профессиям (специальностям). В наших исследованиях отчётливо обособились различия в направлениях миграций квалифицированных и талантливых кадров (Замятина, Пилясов, 2013): первые переезжают работать на самые крупные и привлекательные рынки труда столичных российских агломераций, вторые откликаются на зов крупных народнохозяйственных проектов, на которых востребованы «штучные» постановщики задач в узких областях знания, с очень «заострёнными» компетенциями, которых может быть несколько человек на всю страну.

Для определения особенностей размещения объектов новой высокотехнологичной промышленности было предпринято исследование инвестиционных проектов, о которых было сообщено (как планы или программы российских или зарубежных компаний по развитию производства на территории России) в статьях журнала «Эксперт» и его региональных выпусков, в новостной ленте сайта www.expert.ru с сентября 2006 г. по август 2010 г. В процессе мониторинга было собрано около 900 информационных сообщений, на основании которых была создана база данных по 754 инвестиционным объектам промышленности. На следующем этапе из общего массива были исключены проекты, которые, несмотря на анонсирование, так и не стали реализовываться. Также были исключены проекты, суммарные затраты на создание которых составили менее 200 млн рублей – из-за недостаточной информации по ним (табл. 7.2).

Основу сформированной информационной базы составили 290 производственных объектов. Около половины из них пришлось на новые объекты, другая часть –

Таблица 7.2. Количество проектов, обработанных в ходе исследования

Общее количество проектов, по которым была собрана информация	754
Проекты по созданию нового производства,	299
в том числе без инфраструктурных проектов	204
Проекты по реконструкции и расширению мощностей,	123
в том числе без инфраструктурных проектов	86
Проекты, заявленные к реализации, но не реализуемые	332
Всего проектов, по которым проводилось исследование	290

Таблица 7.3. Распределение проектов по технологическим группам

Вид предприятия	Проекты нового строительства	Проекты реконструкции и расширения
Добывающие (сырьевые) предприятия	49	11
Низкотехнологичные предприятия	75	38
Среднетехнологичные предприятия	70	34
Высокотехнологичные предприятия	10	3

на реконструкцию существующих производств, а также расширение их мощности.

В первую группу попали сырьевые объекты, включающие объекты по добыче, обогащению сырья и сельскохозяйственные предприятия. Вторая группа представлена низкотехнологичными предприятиями первичного передела, в частности, металлургическими предприятиями, нефтеперерабатывающими или лесопильными заводами. Третья группа включает среднетехнологичные производства, прежде всего, машиностроительные, химические, металлообрабатывающие предприятия. В четвёртую группу были выделены высокотехнологичные производства (табл. 7.3).

Факторы размещения были разделены на четыре группы по степени их интеллектуальности. В первую группу вошли интеллектуальные факторы, такие как трудоресурсный, агломерационный, инновационный и институциональный. В две отдельные группы выделены транспортный и потребительский факторы. Четвёртая группа включает природно-сырьевую группу факторов, таких как сырьевой, ресурсно-энергетический и экологический.

Трудоресурсный фактор размещения определяет выбор месторасположения создаваемого объекта в соответствии с потребностями в квалифицированных кадрах. Инновационный фактор играет роль при потребности предприятия в постоянной научной поддержке при разработке и выпуске продукции: то есть для его нормального функционирования на территории должна быть сформирована достаточно «плотная» научно-исследовательская среда. Агломерационный фактор определяется широко и включает в себя наличие сформированной отраслевой среды, присутствие действующих предприятий данной отрасли и производителей из смежных отраслей. Концентрация предприятий одной отрасли стимулирует более активное внедрение инноваций. Влияние агломерационного фактора рассматривалось и для ситуации, когда предприятие размещается вблизи уже действующих предприятий компании-инвестора, что позволяет последней добиваться экономии в организационно-управленческой сфере.

Таблица 7.4. Значимость факторов размещения при создании новых производственных мощностей

Вид предприятия	Интеллектуальные факторы				Транспортный	Потребительский	Ресурсно-сырьевые факторы	
	Трудоресурсный	Агломерационный	Инновационный	Институциональный			Сырьевой	Ресурсно-энергетический
Добывающие предприятия		+			+	++	+++	++
Низкотехнологичные предприятия		+		+	+	+++	+++	++
Среднетехнологичные предприятия	+	++	+	++	+	+++		+
Высокотехнологичные предприятия	++	++	++	+++		+		

Институциональный фактор включает в себя государственную политику и действия властей по развитию экономики. При этом могут рассматриваться действия на федеральном, региональном или муниципальном уровне по формированию особого налогового режима, целенаправленному созданию специальных пространственных форм (включая подготовку площадок для развития индустриальных парков), а также иные действия властей по привлечению производств на подведомственную территорию. Институциональный фактор выражается в предоставлении налоговых льгот, субсидировании, создании инфраструктурно подготовленных площадок, лоббировании и работе с инвесторами.

Под ресурсно-энергетическим фактором размещения понимается зависимость предприятия от природных условий, наличия земельных и энергетических ресурсов. Экологический фактор обусловливает процесс размещения промышленных объектов в зависимости от экологической обстановки, действия экологических программ и законодательства.

Остановимся более подробно на наиболее интересном случае размещения новых промышленных объектов в отраслях разной степени наукоёмкости. В низкотехнологичных отраслях и видах промышленной деятельности, добывающих предприятиях доминируют традиционные, классические сырьевой и потребительский факторы размещения (табл. 7.4).

Наиболее интересны факторы, определяющие размещение среднетехнологичных предприятий. Для объектов этой группы можно выделить общее доминирование потребительского фактора, значимость трудоресурсного и агломерационного факторов. В силу большой неоднородности данной группы набор ведущих факторов может значительно варьировать в зависимости от отрасли. Так, в автомобилестроении резко выделяется институциональный фактор и агломерационный факторы. Это отчётливо видно на примере двух автомобильных кластеров в Калужской области, где разместили свои производства компании Volkswagen, Volvo и альянс PSA Peugeot Citroen и Mitsubishi Motors Corporation, и Санкт-Петербурге, в окрестностях которого действуют заводы компаний General

Motors, Toyota, Nissan и Hyundai. В обоих случаях одним из ключевых факторов для компаний стали активная позиция властей по привлечению инвесторов, наличие площадок с подготовленной инфраструктурой и возможности получения экономического эффекта от концентрации этих предприятий.

Для предприятий, производящих электротехнику, значим трудоресурсный фактор. Например, предприятия по производству бытовой техники компаний Bosch, Samsung и Beko были построены соответственно в Санкт-Петербурге, Калужской и Владимирской областях, то есть регионах, обладающих специалистами из машиностроительной и электротехнической отраслей.

Для лесоперерабатывающих и химических производств большое значение имеет сырьевой фактор. Например, размещение предприятия по производству плит MDF компании Pfleiderer было связано с получением в пользование подходящего лесного участка.

Для высокотехнологичных производств максимально значимы «интеллектуальные» факторы. В частности, для этой группы в наибольшей степени проявляется роль трудоресурсного, агломерационного, инновационного и институционального факторов.

С наличием квалифицированных трудовых ресурсов и научной базы связано размещение в Зеленограде фабрики по производству микросхем компании Ситроникс, те же факторы предопределили создание корпорацией Роснано производства светодиодов в Санкт-Петербурге. Наличие производственной и научно-исследовательской базы, квалифицированного персонала и большой заинтересованности местных властей предопределили развитие фармацевтических предприятий в Новоуральске (Свердловская область), в частности, предприятия по производству генно-инженерного инсулина человека.

В высокотехнологичных отраслях и видах экономической деятельности начинают работать новые факторы размещения – близость к источникам знания и инноваций (например, университетам), чувствительность к качеству местной среды и характеристикам местного сообщества и др. Новые отрасли более мобильны, более свободны в своём размещении, однако и более требовательны к состоянию среды, инфраструктуры и человеческих ресурсов. Для размещения высокотехнологичных фирм важно количество образовательных структур в городе, регионе, количество студентов и университетских выпускников.

Заключение

Новые закономерности размещения производительных сил России связаны с возвышением значения городских агломераций, хозяйственных кластеров, новых промышленных районов как современных форм пространственной организации производительных сил. Во многих российских регионах проявляется феномен малого экономического района, который называется по-разному (особая экономическая зона, интеллектуальная долина, промышленный округ и др.), но обладает сущностным единством.

Важнейшая особенность новой центро-периферийной структурности российского пространства заключается в том, что около половины территории страны «незаякорена», т.е. не имеет поблизости «внятного» центра, роль которого в инновационной модернизации, пространственном переустройстве поэтому вынужденно выполняет Москва.

Специфика размещения высокотехногичных видов экономической деятельности состоит в особой чувствительности к факторам институциональной среды, к агломерационному эффекту, наличию объектов инновационной инфраструктуры. Модернизация пространственной организации производительных сил России – экономики крупной по пространствам, но средней по размеру, недостаточной плотности и агломерированности, постепенно разворачивающейся на новый Азиатско-Тихоокеанский центр мировой экономической силы – при наличии общих инновационных трендов, протекает со значительной спецификой в разных участках российского пространства.

Для высокоплотностной среды крупных столичных агломераций реально говорить о проявлении постиндустриальных закономерностей размещения, которые выражаются в возвышении роли творческих индустрий, креативного класса, знания в дислокации новых экономических активов в микропространстве городов-миллионников и их ближайших пригородов. В старопромышленных районах и монопрофильных городах России размещение производительных сил существенно зависит от «прошлого пути» – на протяжении нескольких десятилетий и может рассматриваться как ответ на вызов реструктуризации прошлого индустриального наследия. Для индустриально-аграрных и аграрных территорий, зон опережающего (пионерного) развития речь идёт о «новой индустриализации» и формировании новых промышленных районов в прежде абсолютно неиндустриальных территориях – аграрных республиках, на арктическом шельфе, в рекреационных (курортных) зонах.

Литература

Аксенов К.Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России. Автореф. дисс. …д-ра геогр. наук. Санкт-Петербург, 2011. 38 с.

Аудретш Д., Фельдман М. Перетоки НИОКР и география инновационной и производственной деятельности // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 499–512.

Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2008. 370 с.

Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 83–90.

Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. 348 с.

Дмитриева Л.В. Формирование кластеров и региональное инновационное развитие. Автореф. дисс. …канд. экономич. наук. М., 2013. 28 с.

Замятина Н.Ю. Томский государственный университет как центр производства человеческого капитала: зона «сбыта» специалистов. Отчет по проекту РФФИ № 10-06-00275а «Новые закономерности размещения производительных сил России» за 2011 гг. С. 117–122.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели. Исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 548 с.

Зотова М.В. Трансформация крупных городов России в центры макрорегионального влияния. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2007. 30 с.

Зубаревич Н.В. Пятнистая Россия: агломерации и периферия / Семинар Е.Г. Ясина 5 февраля 2012 г. Экспертный портал Высшей школы экономики: www.opec.ru.

Игловская Н.С. Социально-экономические и экологические факторы развития Архангельской городской агломерации. Автореф. дисс. …канд. геогр. наук. М., 2011. 19 с.

Кирсанова Н.В. Эволюция территориальной структуры г. Ростова-на-Дону: факторы и тенденции постсоветского этапа. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Санкт-Петербург, 2010. 15 с.

Котов А.В., Пилясов А.Н. Сила «полукровок»: неожиданная власть гетерогенных активов в современной экономике // ЭКО. 2012. № 9. С. 57–74.

Котов А.В., Пилясов А.Н. "TERRA INCOGNITA": новые промышленные районы России // Экономика и география / Под ред. А.П. Заостровцева, Л.Э. Лимонова. СПб: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2013. С. 105–162.

Куценко Е.С. Кластерный подход к развитию инновационной экономики в регионе. Автореф. дисс. …канд. экономич. наук. М., 2012. 28 с.

Маркушина Е.В. Функционирование и модернизация экономических кластеров в системе регионального хозяйства Западной Арктики. Автореф. дисс. …канд. экон. наук. Мурманск, 2011. 22 с.

Пилясов А.Н. Контуры новой теории экономического районирования России (основные элементы) // Современные проблемы регионалистики. Доклады Междунар. юбилейной конф., посвящ. 110-летию кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского гос. экономич. ун-та. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013.

Селиванова Т.И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветской России. Автореф. дисс. …канд. геогр. наук. М., 2011. 29 с.

Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Отв. ред. С.С.Артоболевский, Л.М.Синцеров. М.: Эслан, 2010. 428 с.

Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.

Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Общественная география: многообразие и единство. Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 60–61.

Суворова А.В. Пространственная организация экономической деятельности с учетом уровня креативности среды в регионе. Дисс. ... канд. экономич. наук. Екатеринбург, 2014.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.

Leyshon A. Time – space (and digital) compression: software formats, musical networks, and the reorganisation of the music industry // Environment and Planning A. 2001. V. 33. P. 49–77.

Markusen A. Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts // Economic Geography. 1996. V. 72. P. 293–313.

Polese M., Shearmur R. Is distance really dead? A model for comparing industrial location patterns over time with an application to Canada. INRS Urbanisation, Culture et Societe, 2001. 26 p.

Polese M., Shearmur R.. The metropolitanisation of Canada. Why populations continue to concentrate in and around large urban centers and what it means for other regions. INRS Urbanisation, Culture et Societe, 2003. 28 p.

Shearmur R., Polese M. Diversity and employment growth in Canada, 1971–2001: speciality, diversity and restructuring. INRS Urbanisation, Culture et Societe, 2004. 37 p.

Zamyatina N., Goncharov R., Poturaeva A., Pelyasov A. The sandwich of Russian space: how different spaces differentiate themes in regional science // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12. № 4. P. 559–577.

Глава 8

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ[1]

Социально-географическое пространство понимается как территориальные формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения их занятости и отдыха, развития личности, воспроизводства жизни и перемещений, создания условий труда и быта, а также расселения населения, взаимодействия городов и сельской местности (Глезер, Нефедова, 2014).

В комплексном изучении России нельзя обойтись без пространственного подхода, при котором не только свойства её социально-географического пространства рассматриваются как факторы и условия развития, но и само пространство, формируемое людьми и результатами их деятельности, воспринимается как её имманентное свойство (Глезер, Вайнберг, 2013; Смирнягин, 2016). Такую оценку пространства страны и его роли можно соотнести с «пространствопониманием» П.А. Флоренского (1993). В главе анализируется, под влиянием каких процессов формировалось и менялось современное социально-географическое пространство России и как сложившаяся структура географического пространства влияет на развитие городов и сельских районов.

Важно подчеркнуть, что пространственные атрибуты общества и его социальное развитие тесно связаны. Поляризация социально-географического пространства, пространственное неравенство обусловливают социальное «неравенство между группами людей, выраженное в социальной иерархии» (Шкаратан, 2012, с. 53); в результате нарушается правило максимальных и равных для всех возможностей (Сен, 1996).

Для России главный вызов связан со сложностью освоения столь обширной территории. Постоянные метания показывают, что стратегия обустройства российского пространства так и не найдена. Её лимитируют неравномерное и на значительной части страны рассредоточенное расселение, недостаток финансовых ресурсов, приоритеты власть- и капиталоимущих. Именно поэтому социально-географическое пространство страны становится всё более важным фактором её эволюции.

Размеры пространства России ограничивают свободу маневра в ходе модернизации, которая сама по себе всегда неравномерна. Поэтому ожидать уменьшения территориальной и социальной дифференциации было бы неразумно. Географический подход к пониманию пространства исходит из того, что равных возможностей быть не может. Каждое место, район, регион – большой, средний,

---

[1] В главе использованы результаты выполнявшихся в 2012–2019 гг. в Институте географии РАН проектов «Структуризация населенного пространства России в начале XXI века», «Поляризация социального пространства России: проблемы городов и сельской местности», «Трансформация населенного пространства России», «Роль урбанистистических структур и миграций населения в пространственном развитии России», а также некоторые итоги проектов «Пространственное развитие агропромышленного комплекса и сельская местность России: новые вызовы и ответы», «Эволюция и адаптация основных типов местности России к современным вызовам в разных географических условиях», «Региональное нормативно-правовое регулирование пространственных аспектов социально-экономического развития регионов» и ряда других исследований.

малый город, пригородная и удаленная деревня, северные и южные территории – имеют свои достоинства и недостатки. Эти ограничения надо знать, недостатки социальной сферы отчасти компенсировать, но не подталкивать людей к отъезду из тех мест, где они хотят и могут жить.

Задача видится в поисках допустимого коридора множества социальных параметров, причём не унифицированных, а учитывающих пространственные различия страны.

Исходные концепции

Исследование социально-географического пространства опирается на следующие концепции:

– концепции природных предпосылок и ограничений условий жизни населения и развития экономики, связанные с разнообразием природных условий (Природно-климатические…, 2018; Пространство…, 2012, с. 128–154);

– концепцию ключевой роли разнообразия человеческого капитала в экономическом развитии разных районов (Зубаревич, 2010; Назаров и др., 2015);

– концепцию «центр – периферия» как на универсальный принцип пространственного и социального неравенства (Грицай и др., 1991; Иоффе, 1989; Нефедова, 2013а, б; Friedmann, 1966 и др.);

– концепции незавершенной урбанизации в России, длительной сельской депопуляции и формирования новых региональных форм взаимодействия городов и сельской местности (Город…, 2001; Нефедова, Трейвиш, 2017);

– концепции усиливающейся роли этнокультурных и исторических предпосылок в экономическом развитии отдельных районов и поселений (Нефедова, 2013а, б; Тишков, 2008);

– концепции территориально дифференцированных социальных последствий институциональных преобразований (Глезер, 2013; Замятина, Пилясов, 2013 и др.)

Важным принципом исследования социально-географического пространства России служит полимасштабность (Каганский, 2001; Нефедова, 2013а; Трейвиш, 2009) как своего рода лестница, подъём или спуск на каждую ступень которой даёт прирост знания об объекте. Эти ступени заданы дискретностью информации на разных территориальных уровнях, а сама лестница тянется от мирового и национального уровней к районному и локальному. С масштабом связаны методы. Мелкий, обзорный масштаб, охватывая большие территории, обусловливает работу со статистикой по регионам России и с литературой. Средний опирается на муниципальную статистику в сочетании с полевыми исследованиями. Крупный масштаб требует обследований отдельных ключевых районов, городов, сельских поселений, домохозяйств.

Специфика расселения населения и освоения пространства России

Расселение (сеть населённых мест, её узлов и многообразные связи между ними) – материальная среда, в которой существуют и функционируют государство и население, – это не просто компонент пространства жизнедеятельности, но в определённом смысле его основа. Вместе с тем само расселение – результат длительной эволюции, отражение пространственных особенностей и многовековой истории государства. Однако в современной российской практике оно редко

учитывается в качестве фактора как при локализации конкретных предприятий, так и в стратегическом планировании на федеральном и региональном уровнях (Глезер, Вайнберг, 2013). В то же время, по мнению В.Н. Лексина, трансформация ранее сложившейся системы расселения – самая главная проблема России, и её осмысление необходимо в контексте обеспечения целостности страны и благополучия её граждан, социальной и политической стабильности государства (Лексин, 2011).

Развитие России слишком долго было экстенсивным, т.е. основывалось на вовлечении всё большего количества ресурсов и опиралось до середины XX в. на излишки сельского населения и колонизацию пространства. Свыше 3/4 российской территории расположено в Азии, но почти 3/4 населения проживает в европейской части страны. По размерам территории Россия – крупнейшее государство мира, однако по эффективной территории вне малопригодных для постоянного проживания людей местностей с экстремальными природными условиями (средняя годовая температура ниже –2 °С, а высота над уровнем моря превосходит 2000 м) страна занимает лишь пятое место в мире (Максаковский, 2008).

В отличие от многих больших стран Россия старалась освоить свою огромную территорию, создавая в северных и удалённых восточных районах и большие города, и сельское хозяйство. Столь активное освоение окраин, как и курс на рост промышленных городов, опирались на представление о неисчерпаемости человеческих ресурсов в стране. В результате, в России в отличие от других стран со сложными природными условиями (например, Канады) значительная часть населения к концу XX в. оказалась «сдвинута» именно в такие районы, населённость которых в советское время поддерживалась административными и финансовыми рычагами. Ослабление этих рычагов привело к массовому опустению огромных территорий страны.

И всё же особенности природно-географического пространства определили зональные черты освоения. Их не смогли стереть кардинальные изменениях общественного строя в 1917 и 1991 гг., индустриализация и коллективизация, прокладка железнодорожных магистралей, освоение минерально-сырьевых и лесных ресурсов в зонах с экстремальными природными условиями, создание системы ГУЛАГа, эвакуация на восток промышленных и других предприятий во время Великой Отечественной войны, масштабное развитие военно-оборонного комплекса.

Принципиальные различия в пространственной организации деятельности людей и расселении хорошо видны в пяти основных зонах (Нефедова, 2013б, с. 188–192).

1. *Слабоосвоенная территория* занимает 47% общей площади России. В европейскую часть эта зона заходит лишь на Крайнем Севере, зато она охватывает большую часть Азиатской России. Это – огромная внешняя периферия, хотя здесь расположено 6 больших городов, в том числе самые северные города с населением более 100 тыс. жителей в мире: Мурманск и Норильск. В 1920–70-х годах её освоение шло преимущественно неэкономическими методами. Потом людей влекли сюда высокие зарплаты, возможность накопить деньги и вернуться «на материк». Лишившись этого в 1990-х годах, население устремилось в западные и южные освоенные местности. Небольшие по площади очаги развития приурочены к столицам регионов, а также к городам и посёлкам в нефтегазонос-

ных автономных округах на севере Западной Сибири. Но они гораздо больше связаны с Европейской Россией и Тюменью, чем с окраинами своих регионов. Всё остальное – мир традиционного хозяйства коренных народностей Севера, хотя их доля в населении (за исключением Якутии) крайне мала.

2. *Зона очагового и линейного избирательного освоения с лесным хозяйством и добычей полезных ископаемых* тянется широкой полосой от Белого и Баренцева до Охотского и Японского морей. Она занимает 22% территории России. Здесь 11 больших городов, вокруг которых формируются крошечные ареалы пригородного сельского хозяйства. Всё остальное – небольшие транспортные, рыболовецкие, добывающие и лесопромышленные посёлки среди «моря тайги». Населённые пункты или их группы разделены сотнями и тысячами километров безлюдных пространств.

3. *Зона мозаичного промышленно-городского и мелкоселенного сельскохозяйственного освоения* охватывает остальную часть Нечерноземья, а также переходную полосу от тайги к степям. Она занимает 13% территории России и раскинулась от Ленинградской и Смоленской областей (включая и эксклавную Калининградскую) на западе до юга Дальнего Востока. Здесь живёт 53% городского населения страны и 30% её сельского населения. Это главная промышленная полоса России, сосредотачивающая более 70 больших городов, из которых 21 город – в Московской области. Главная особенность этой зоны – сильные контрасты крупных и малых городов, пригородных и периферийных (глубинных) муниципальных районов внутри субъектов РФ. Доля наиболее успешных городских и пригородных территорий составляет менее 5% этой зоны, но на них живёт подавляющая часть городского и более 20% сельского населения. Переходные пояса от пригородов к периферии занимают 10–15% территории и концентрируют ещё 30% населения. Бóльшая же часть – внутренняя периферия между крупными городами с преобладанием небольших городов, теряющих жителей, и пониженной плотностью сельского населения.

4. *Зона сельскохозяйственно-городского развития* охватывает равнинные территории в треугольнике Курск – Краснодар – Красноярск. По площади она почти равна третьей зоне, занимая 12% территории России, но шире в европейской части и сильно сжата в азиатской. Это наиболее освоенная территория, на ней сосредоточено более 60% сельского населения России. Здесь почти столько же больших городов, сколько в третьей зоне, но расположены они более равномерно. В сочетании с лучшей освоенностью территории это способствует сглаживанию социально-экономических контрастов внутри субъектов РФ. Это основная сельскохозяйственная часть страны с весьма благоприятными природными предпосылками и лучшей сохранностью человеческого капитала. Сюда направлялись инвестиции в сельское хозяйство. Неоднородность социального пространства определяют не столько пригородно-периферийные различия, как в третьей зоне, сколько дифференциация природных условий и этнические особенности населения.

5. *Горно-предгорные территории с очагами добычи полезных ископаемых* можно разделить на два подтипа: кавказский, более плотно населённый, и сибирский. В сельской местности население вернулось к традиционному для этих территорий экстенсивному животноводству или уезжает в города. С распадом СССР горные районы на южных окраинах, по существу, стали внешней периферии страны. Зона сравнительно небольшая – 6% российской территории.

Основная полоса расселения в европейской части страны благодаря развитию промышленности и плотности городов в историческом центре и между Москвой и Санкт-Петербургом распространяется немного севернее 60-й параллели, т.е. выходит за полосу природного комфорта. Зато за Байкалом она, проходя вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, сужается местами до 30–150 км. Всё это способствовало сильной разнородности социально-географического пространства России. В то же время оно бывает и инверсивно по отношению к физическому, как, например, в случае доступности городов-центров для жителей разных частей страны и регионов с учётом соотношения транспортных тарифов и среднедушевых доходов (Трейвиш, 2011).

Доступность удалённых от региональных центров муниципальных районов, действительно, затруднена. Более 20% сельских домохозяйств не имеют по дорогам с твёрдым покрытием связи с сетью путей сообщения общего пользования (Всероссийская сельскохозяйственная…, 2017, с. 252). Многие деревни и сёла доступны для транспорта только зимой или летом. При обеспеченности мобильной телефонной связью на 75%, подключение к сети интернет имеют только 22% сельских домохозяйств (Там же). Средства связи сегодня становятся важным фактором социально-экономического развития, подобно тому как в конце XIX в. эту роль выполняли железные дороги. Обеспечение сельских школ компьютерами при невозможности их подключения к интернету – это конфликт разных эпох, сосуществующих в пространстве страны.

Динамика населения и демографическое геопространство

Устойчивый тренд последних двух десятилетий – усиление пространственной неравномерности расселения на всех территориальных уровнях – от национального до локального. Это происходит на фоне сокращения численности населения в стране, в подавляющем большинстве субъектов Федерации, кроме некоторых республик. На территории европейской части России, занимающей около четверти территории страны, сосредоточено более 80% её населения со средней плотностью, более чем в 10 раз превышающей его плотность в азиатской части. При этом в Москве и Московской области концентрируется 13,8% всего населения страны (в 1990 г. было 10,6%) (Регионы…, 1998, 2019). Население сосредотачивается в ограниченном числе крупных центров, их пригородах и в южных регионах страны, а территории на периферии регионов депопулируют.

Рассмотрим географическое распределение количественных показателей составляющих динамики населения, прежде всего естественного и миграционного прироста/убыли населения. Демографический переход был пространственно неравномерным. В староосвоенной части Европейской России он наступил раньше, там смертность значительно превышает рождаемость, что формирует повышенную естественную убыль населения (рис. 8.1), особенно в сельской местности. В более восточных и южных регионах России рождаемость незначительно ниже смертности, а в большинстве республик демографический переход находится на той стадии, когда снижение уровня смертности обгоняет понижение рождаемости, что обеспечивает прирост населения.

В России наблюдается повышенный уровень смертности по сравнению со странами Запада, а также большие контрасты в его пространственном распределении. Помимо постарения населения различия в уровне смертности зависят

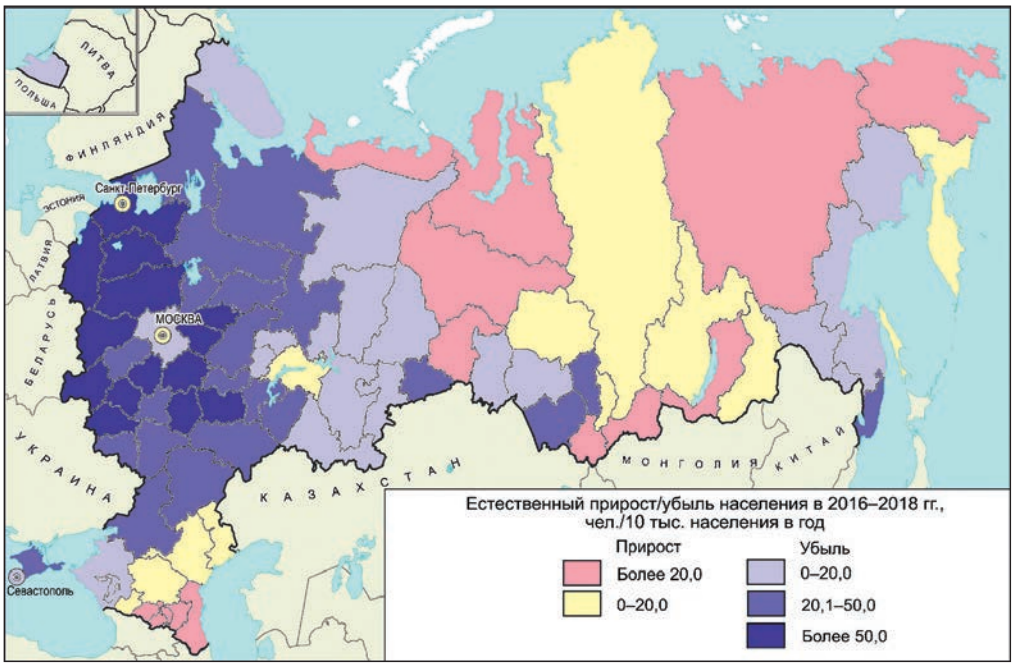

Рис. 8.1. Естественный прирост/убыль населения в среднем в 2016–2018 гг. Источник: (Регионы…, 2019).

от многих социально-экономических показателей: доходов, включая уровень бедности, качества и доступности услуг здравоохранения, уровня образования, сложившихся стереотипов самосохранения, системы общественной безопасности и охраны труда, состояния окружающей среды. В России многие из этих факторов были явно неблагоприятны, что отражает и ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин как в советское время, так и особенно в 2000 г. после стресса 1990-х (рис. 8.2а). В среднем по России она составляла 59 лет, а в областях Северо-Запада и юга Сибири и Дальнего Востока опускалась до 55–57 лет, что соответствовало уровню 1950-х годов. Улучшение общеэкономической ситуации в 2000–10-х годах сопровождалось снижением смертности у мужчин и увеличением продолжительности их жизни в среднем по России до 68 лет в 2018 г. (рис. 8.2б). При этом она традиционно выше, до 70–75 лет, в республиках Северного Кавказа, на юге России и в крупных городах. Ожидаемая продолжительность жизни у женщин всегда была выше: в 2000 г. она составляла 72 года, в 2018 г. – 78 лет, хотя и эти показатели ниже, чем в развитых странах. Наиболее катастрофичная ситуация с демографической ситуацией сложилась на двух территориальных полюсах: в староосвоенных районах Центра и, особенно, северо-запада России и на российском Дальнем Востоке. Это, безусловно, сказывается и на трудовом потенциале регионов, и на состоянии экономики, в том числе сельского хозяйства, которое в постсоветское время находилось в этих регионах в упадке.

Депопуляция привела к повышенной демографическое нагрузке на трудоспособное население (рис. 8.3). Максимальная нагрузка в 2018 г. была характерна для Курганской, Кировской, Новгородской и Костромской областей, где на каждого работающего приходился, по сути, один пенсионер. В целом по России

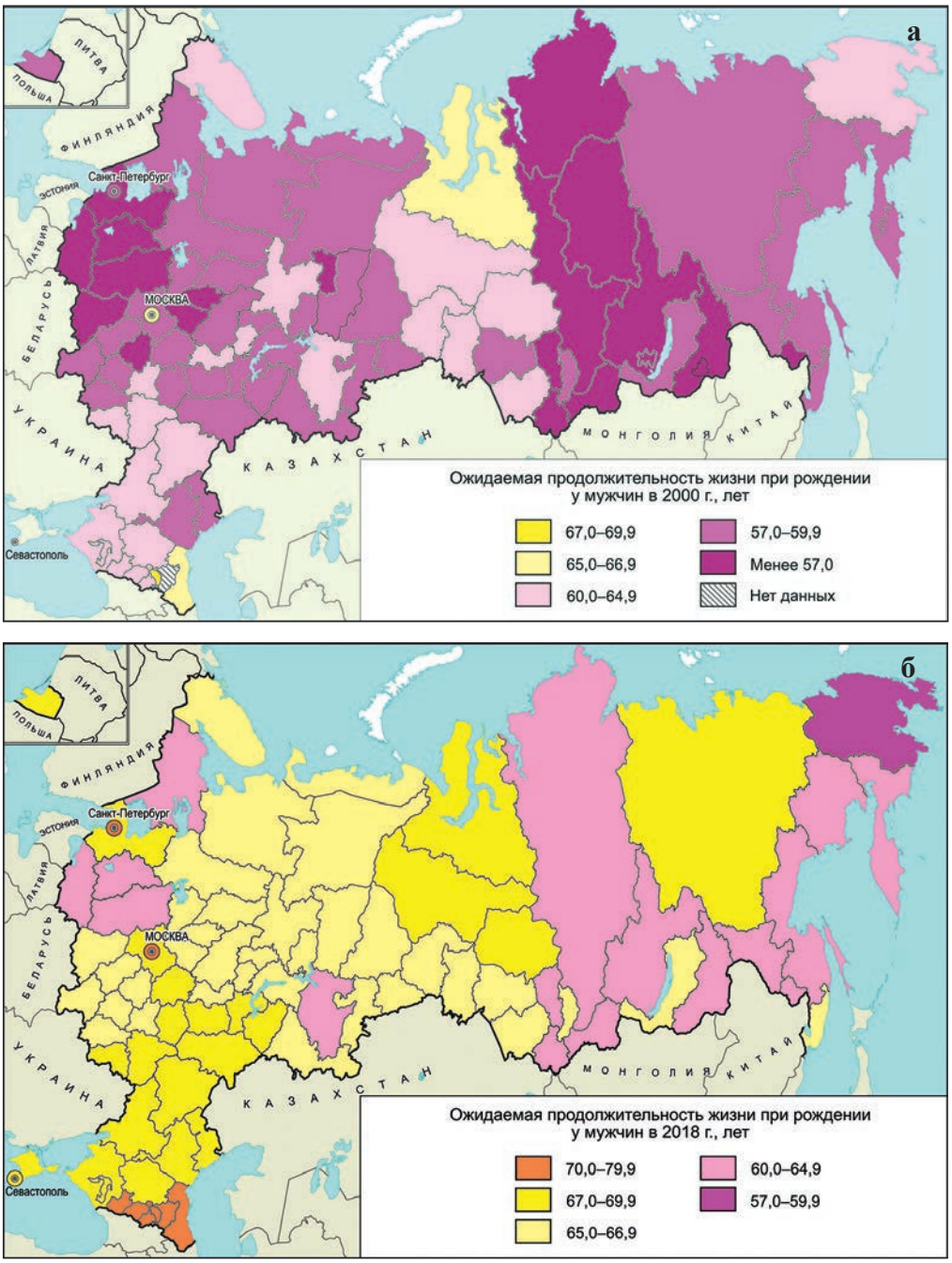

Рис. 8.2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин, лет: а) 2000 г., б) 2018 г. Источник: (Регионы…, 2012, 2019).

максимальная нагрузка более характерна для староосвоенных регионов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга с их областями), где повышена и доля домохозяйств в сельской местности, состоящих из одного-двух человек, как правило, пенсионеров. В большинстве регионов Центра их доля превышает половину всех сельских домохозяйств. На такой трудовой потенциал опираться трудно.

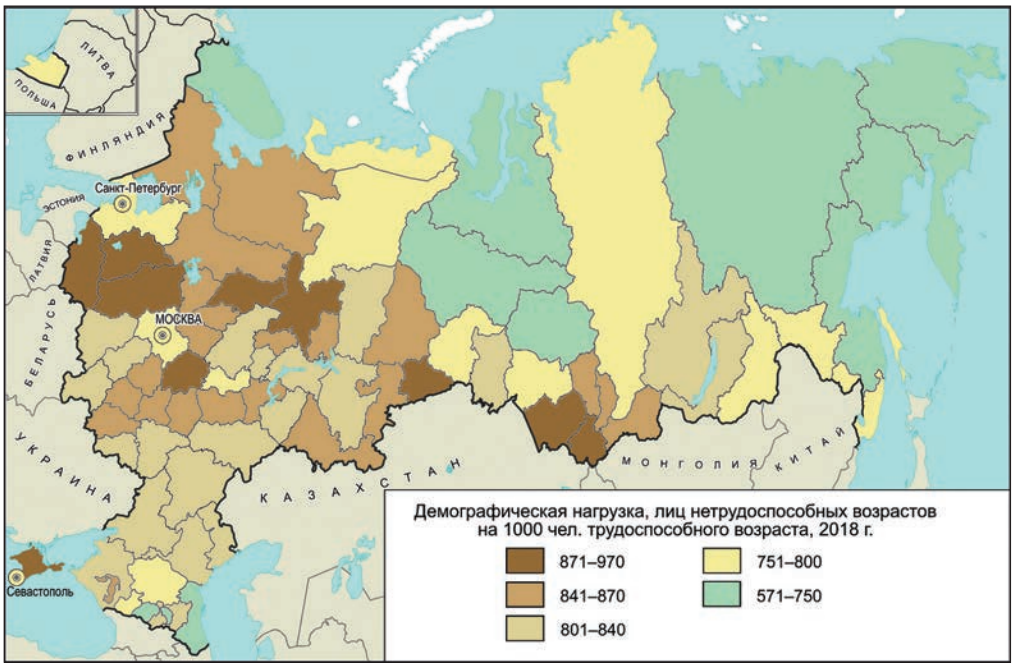

Рис. 8.3. Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста, 2018 г. Источник: (Регионы…, 2019).

Естественная убыль во многих регионах до 1990 г. усиливалась миграционным оттоком населения. В 1970–80-х годах население преимущественно стягивалось в крупные города и ближе к ним. В 1990-е годы тренды миграций резко изменились. Шёл приток населения из бывших республик СССР, а также из северных и восточных регионов России на европейскую часть страны (рис. 8.4а): западный дрейф внутренних миграций стал ключевым процессом (Зайончковская, 2012). Около 40% внешних и внутренних мигрантов направлялось тогда в сельскую местность. Несмотря на то, что большинство были горожане, важен был фактор жилья. Сказывались и возможность получить участок земли для частичного самопрокорма, и относительная дешевизна жизни в деревне. Однако большая часть мигрантов рассматривала село как временное пристанище и стремилась в города. К 2000-м годам восстановились тенденции стягивания населения в крупногородские регионы. В условиях кризиса многих предприятий и целых отраслей и повышенной реальной безработицы, когда предложение труда превышает спрос, на первое место в причинах миграций выходит поиск работы (Там же). К этому добавилось стремление мигрантов, особенно с севера и востока, в южные регионы с благодатными природными условиями, а также консолидация этнически нерусского населения в республиках (рис. 8.4б).

В 1990-х годах сокращение населения в восточных районах было катастрофическим (в 1989–2002 гг. в азиатской части оно уменьшилось на 2,4 млн чел., в то время как в европейской выросло на 0,5 млн). Но уже в 2000-х годах сокращение было повсеместным. Из 2,3 млн чел., на которые сократилось население России между переписями 2002–2010 гг., на европейскую часть пришлось 0,8 млн, на азиатскую – 1,5 млн чел. Но и в пределах Европейской России численность населения в результате его миграций менялась весьма избирательно. К концу

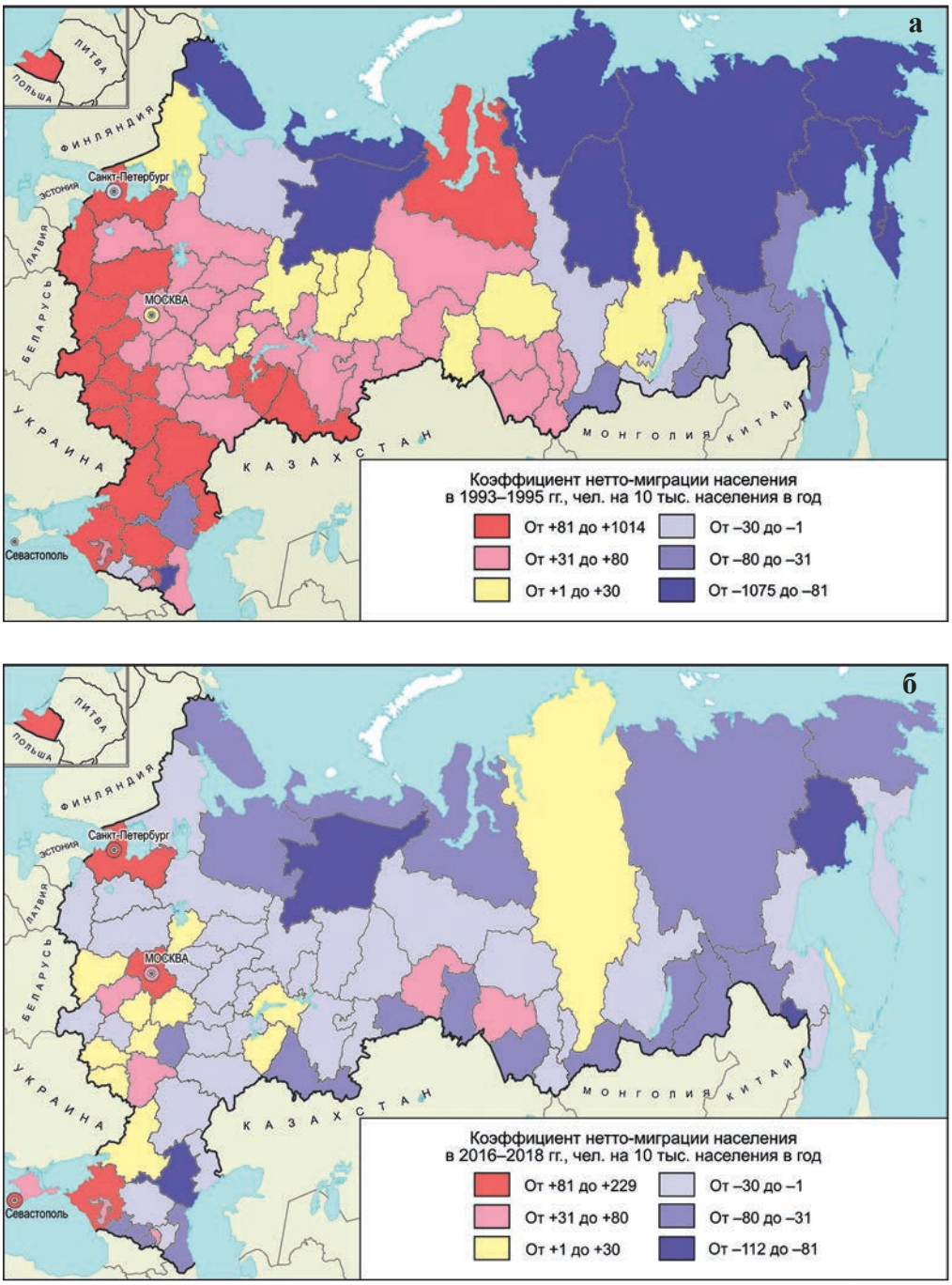

Рис. 8.4. Нетто-миграция населения: а) 1993–1995 гг., б) 2016–2018 гг. Источник: (Регионы…, 1999, 2019).

2010-х годов самыми привлекательными для мигрантов стали Московская и Ленинградская области, Москва и Санкт-Петербург, а также Краснодарский край, Крым, другие южные регионы европейской части страны, а также Калужская область, создавшая благодаря, в том числе, политике региональных властей, мощную промышленную зону недалеко от границ Московского региона. В азиатской

части страны мигранты чаще выбирают Тюменскую и Новосибирскую области. Тем не менее рассматривать миграции и обусловленный ими рост населения по регионам России совершенно не состоятельно, поскольку, помимо южных регионов, основными аттракторами стали не столько субъекты РФ в целом, сколько крупные города, прежде всего административные центры регионов (см. ниже).

Модернизационный потенциал социально-географического пространства зависит от качества человеческого потенциала, одним из основных атрибутов которого служит образование и творческая креативность. В современном мире образование играет особую роль как институциональный фактор социальной мобильности, открывая возможности социальных лифтов и часто оказываясь более значимым, чем собственность (Шкаратан, 2012, с. 234). Однако и по этому показателю в России наблюдается сильная пространственная поляризация. Например, почти половина докторов наук России работают в Москве и Московской области, около 10% – в Санкт-Петербурге. Помимо этих трех основных «кузниц интеллектуалов» (в том числе отправляющих часть своих питомцев за границу) можно отметить Новосибирск, Екатеринбург, Иркутск и Нижний Новгород.

Тем не менее по общему числу студентов и численности преподавательского состава вузов таких контрастов нет. Характерен всплеск числа высших учебных заведений в 2000-х годах благодаря появлению частных вузов, в том числе, в связи с сокращением бюджетных мест в государственных. Однако в последние годы общее число вузов сократилось с 1115 в 2010/2011 учебном году до 741 в 2018/2019 году, особенно за счет частных (Регионы…, 2019). Лидером по развитию рынка образовательных услуг и негосударственных вузов стала Москва, где доля последних к 2017 г. достигла 53% (Зотова, 2020). Хотя увеличение их количества приводит к снижению качества образования, массовый приток молодежи в вузы отражает рост престижности высшего образования и готовность семей вкладывать свои ресурсы в развитие человеческого капитала (Там же). Высшее образование концентрируется в крупнейших центрах (в отличие от многих западных стран): четверть вузов России находится в Москве и Московской области, ещё 9% – в Санкт-Петербурге (соответственно 20 и 7% студентов и магистрантов в 2018/2019 г.). По числу студентов и преподавателей вузов выделяются также Свердловская, Челябинская и Тюменская области (суммарно 7%) и сибирские центры – Новосибирск, Красноярск, Омск, Томск, Иркутск (в сумме 9%), в европейской части – Татарстан и Башкортостан (6%), а также Нижегородская, Воронежская и Ростовская области. В сумме перечисленные регионы концентрируют более половины всей численности студентов России. Тем не менее стремление не только студентов, но и преподавателей попасть в крупнейшие образовательные центры также усиливает неравенство между регионами, а ставшее престижным высшее образование – неравенство между центрами и периферией (Катровский, Сергутина, 2016).

Однако наиболее катастрофичной и способствующей усилению поляризации пространства стала последняя волна сокращения общеобразовательных школ в малых городах и сельской местности в результате объединения муниципальных образований. Даже в сложные 1990-е годы количество общеобразовательных школ увеличилось в связи с притоком населения (табл. 8.1). Но к 2018 г. число школ уменьшилось на 40%, причём особенно быстрое сокращение было характерно для Москвы и для малых городов и сельской местности Центральной России. В столице (в отличие от Санкт-Петербурга) пошли по пути создания мощных образовательных комплексов и частных школ. А в регионах, особенно

Таблица 8.1. Изменение числа общеобразовательных школ в России и некоторых субъектах РФ с 1985 по 2019 г.

Регион	1985/1986 гг.	1998/1999 гг.		2018/2019 гг.	
	Государственные	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Россия	67118	67321	568	40498	851
Москва	1158	1528	102	663	145
Санкт-Петербург	586	714	60	709	58
Костромская область	554	550	3	293	2
Белгородская область	853	830	2	547	4

Источник: (Регионы…, 1999, 2019).

в Нечерноземье (см. Костромскую область в табл. 8.1), именно закрытие школ, особенно начальных, и рост среднего размера общеобразовательных школ дали дополнительный толчок к отъезду населения и опустению деревень. Никакие паллиативы в виде интернатов или школьных автобусов при расстояниях между деревнями в десятки километров и отсутствии дорог с твёрдым покрытием не устраивают родителей.

Укрупнение школ, в том числе в сельской местности, по мнению ряда экспертов, имело и некоторые преимущества, позволявшие по специальным программам привлекать молодых учителей, предоставляя им льготы. Но касалось это чаще пригородов, куда ради льгот переходили работать городские учителя, но не удалённой глубинки (Зотова, 2020). При этом объединение приняло характер массовой кампании без реальной реструктуризации школ и подготовки материальной и кадровой базы (Там же).

Рост числа частных школ (с 368 в 1993 г., когда они массово появились в России, до 851 в 2018 г.) типичен для больших городов с обеспеченным населением. В Москве их доля составляет 22%, Санкт-Петербург значительно отстаёт от столицы по частному образованию, да и сокращение государственных школ там не было столь массовым (см. табл. 8.1). Главной проблемой за пределами крупных городов остаётся обеспеченность школ квалифицированными учителями, особенно в сельской местности, хотя при повышенной безработице любая занятость и зарплата в бюджетном секторе стала важна.

Те же процессы характерны и для инфраструктуры здравоохранения с сокращением больниц и больничных коек, родильных домов и фельдшерских пунктов. Последнее особенно важно, так как и молодежь, желающая завести детей, и старики, преобладающие в депопулирующих районах, стали уезжать в города из-за недоступности элементарной медицинской помощи. В целом, основные цели оптимизации сети не достигнуты – роста эффективности и доступности медицинской помощи не произошло, даже Президент России в последнее время заговорил о недопустимости столь бездумного сокращения, важности учёта особенностей страны и её расстояний (Зотова, 2020).

Социально-экономические контрасты на региональном уровне

Социально-географическое пространство тесно связано с экономикой. Пространственное неравенство проявляется прежде всего в возможностях и типах занятости населения и, следовательно, доходах.

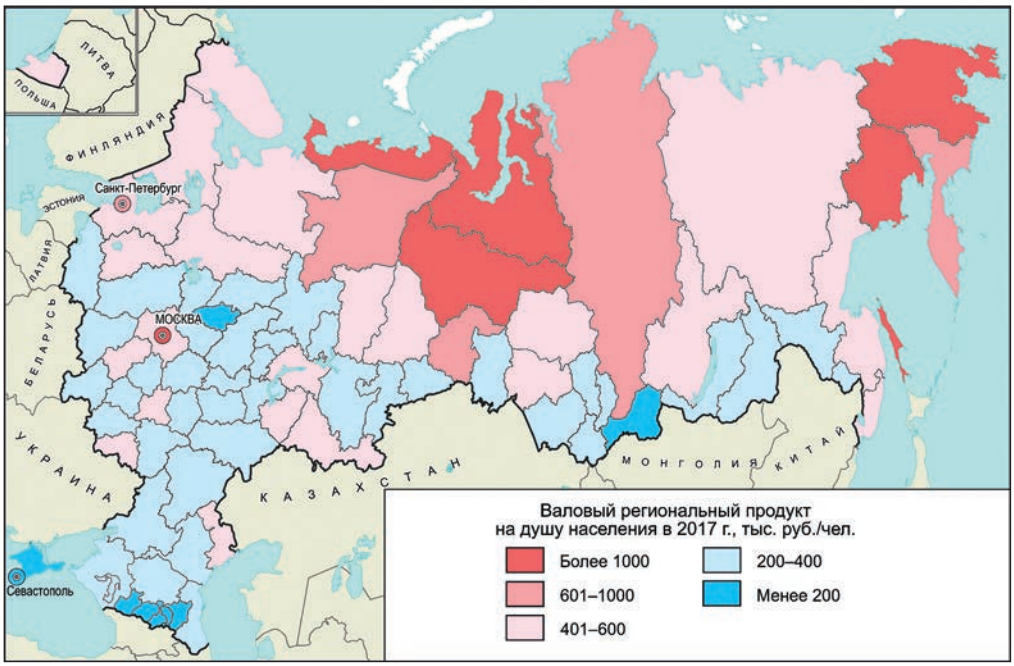

Рис. 8.5. Валовый региональный продукт на душу населения в 2017 г. Источник: (Регионы…, 2019).

Для постсоветской экономики характерно заметное увеличение роли третичного сектора (Трейвиш, 2020), связанное не только с развитием постиндустриальной экономики, которая характерна в основном для крупных центров, но и с тяжёлым кризисом промышленности и сельского хозяйства во многих регионах. В крупных городах это вызвало рост третичных отраслей, включая массовое появление частных предприятий в сфере обслуживания, что создало множество новых рабочих мест и привлекло мигрантов. На остальной территории, особенно на периферии регионов в малых городах и сельской местности, спад производства и усиление федеральной поддержки слабых регионов в 2000-х вызвали кризисную квазитерциаризацию (как следствие недостаточности производства) и рост доли нерыночных услуг (Зотова, 2020). Это привело к увеличению занятости в бюджетной сфере, а при её сокращении вследствие оптимизации – к сильной, часто не фиксируемой официальной статистикой, безработице. Так, на периферии регионов, окружающих Московскую область, доля занятых даже в сжавшейся бюджетной сфере с минимальными зарплатами выросла до 70–80% от всех занятых.

Основной валовый продукт в «нефтегазовой» стране, какой стала Россия после тяжёлого кризиса традиционных отраслей обрабатывающей промышленности (Трейвиш, 2009), производится в добывающих районах. Наиболее высокий показатель ВРП на душу населения в трёх нефтегазодобывающих округах и на Сахалине, к которым добавляется Чукотка и Магаданская область из-за минимального населения, а также в Москве (рис. 8.5). Беднейшие в России – республики Северного Кавказа (чего не скажешь, видя добротные каменные дома, например, в равнинной сельской местности Ингушетии (Нефедова, 2019б), Крым с Севастополем, Тыва и Ивановская область. Это не останавливает отток

населения из восточных и северных регионов. Лидерами по миграционным потерям населения, как уже было сказано, остаются Магаданская область и Чукотка, Ненецкий АО, Якутия, наряду с республиками Северного Кавказа. Отток, например, из Северной Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии почти вдвое превышает миграционные потери Ивановской области. Так что дело не только в доходах регионов.

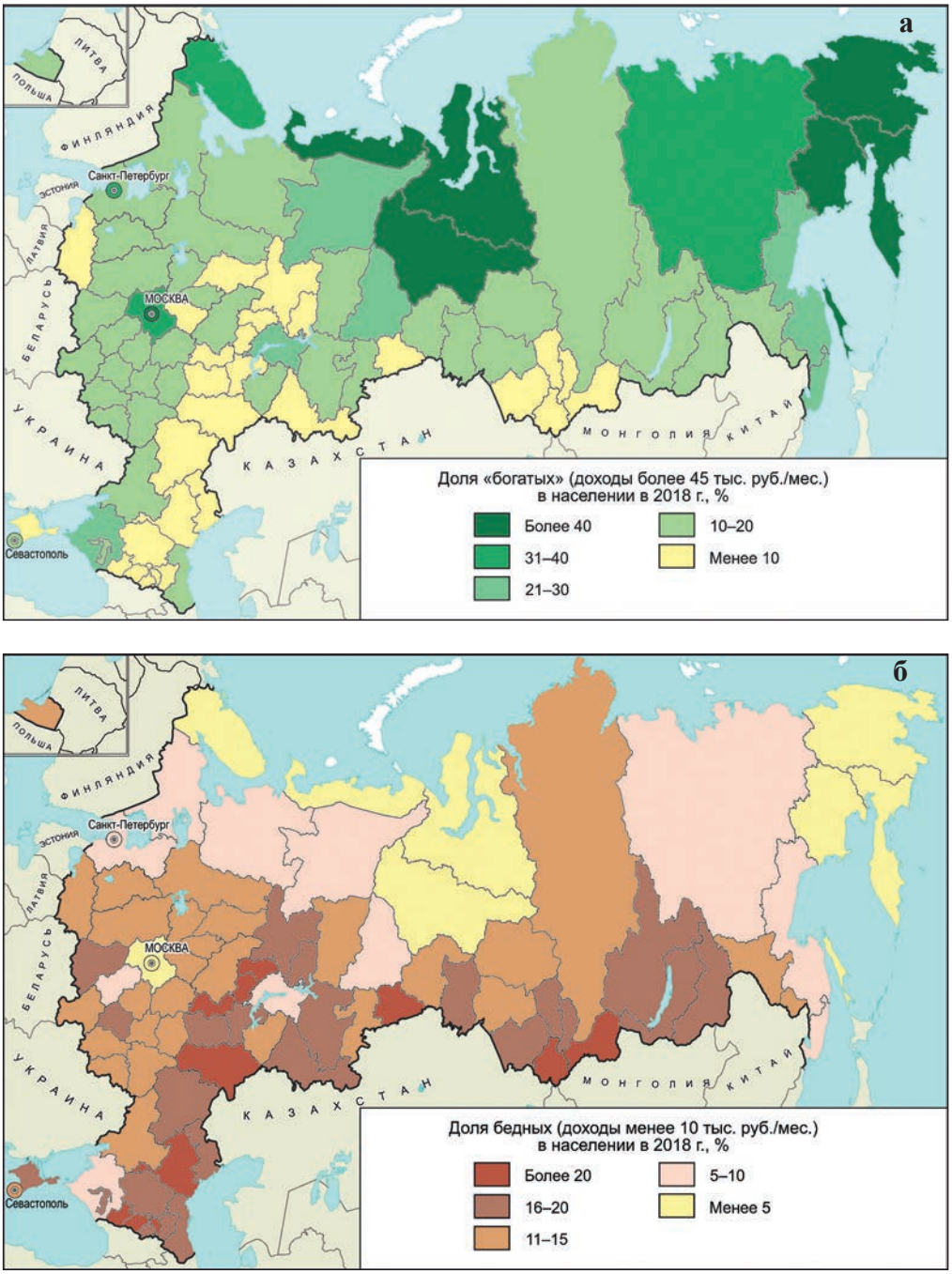

Рис. 8.6. Доля в населении богатых (а) и бедных (б) в 2018 г. Источник: (Регионы…, 2019).

Повышенная доля (более 40%) «богатого» населения (с доходами свыше 45 тыс. руб. в месяц) в целом соответствует экономическому потенциалу регионов (рис. 8.6а). Помимо «северов» это только Москва. Более ярким показателем служит доля населения с доходами ниже 10 тыс. руб. в месяц (значительную часть которых оно вынуждено отдавать на оплату коммунальных услуг[2]) (рис. 8.6б). Она наиболее высокая в большинстве южных и восточных республик (кроме Якутии) и в Курганской области. Однако распределение показателей на рис. 8.6а и 8.6б не ортогонально. Бедность населения часто сочетается с повышенной долей населения со средними доходами, однако есть регионы, где повышена доля и бедных, и богатых.

Из-за существенной вариации цен гораздо важнее показатель соотношения среднедушевых доходов населения и прожиточного минимума (ПМ). Вариации ПМ в регионах России тоже существенны. Его максимальный размер (более 20 тыс. руб. в месяц) наблюдался в 2018 г. в Чукотском и Ненецком АО. Повышен он в северо-восточных регионах и в Москве (16,1 тыс. руб.). Среднее значение составляло 10,2 тыс. руб., хотя нижняя граница ПМ отличается от среднего значения не сильно. Самая «дешёвая» жизнь в Белгородской и Саратовской областях и в Республике Мордовия (8,4–8,6 тыс. руб.).

По превышению доходов на душу населения над ПМ на втором месте после Ямало-Ненецкого АО (5,1 раза) стоит Москва (4,3), которая тоже живет в значительной степени на нефтегазовые деньги (рис. 8.7). Но от неё недалеки Санкт-Петербург (4,1 раза) и Татарстан (3,9). Московская область занимает 7-е место, доходы её населения к ПМ составляют 88% московских, в Белгородской и Свердловской областях – 84%, т.е. выше, чем в Ханты-Мансийском АО. В конце списка ожидаемо находится Республика Тыва (превышение над ПМ вдвое меньше, чем в среднем по России, и примерно треть от показателя Москвы), а также республики Северного Кавказа, хотя официальная занятость и фиксируемые статистикой доходы там не соответствуют действительности. В Ивановской области как аутсайдере по ВРП на душу населения среди российских регионов доходы населения к ПМ примерно вдвое меньше, чем в Москве, и составляют 77% от среднероссийского показателя. Для определения влияния степени превышения ПМ над доходами на бедность населения (доли населения с доходами ниже ПМ) С.Н. Смирновым (2017) был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона, который оказался отрицательным и значимым (–0,751), т.е. чем выше финансовое (по доходам) благополучие населения региона, тем ниже в нём доля бедных[3]. Пространственные различия в уровне доходов населения определяют и различные структуры потребительских расходов домохозяйств. Например, доля

[2] В советское время население возмещало только четверть стоимости услуг ЖКХ, тратя до 2–3% своих доходов. За 2000–2015 гг. эта доля выросла с 4,6 до 8–9,5%. Жилищные субсидии малоимущему населению также сокращаются. Например, в 2015 г. их получали только 6% семей. Лучше поддержка (11–15 %) в Москве, Мурманской области, республиках Дагестан, Марий Эл и Татарстан, что определяется политикой региональных властей (Зотова, 2020).

[3] Используя показатель доходов, необходимо иметь в виду, что он включает только доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью; выплаченную заработную плату наёмных работников; социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии, страховые возмещения); доходы от собственности, проценты по ценным бумагам, дивидендам и т.п. (Социальное…, 2016). Однако теневая занятость, включая трудовые миграции (отходничество) без должного оформления (Между домом…, 2016, с. 83–101) может существенно исказить официальные данные занятости и доходов. По оценкам, увод в тень части доходов населения составляет в стране до 20-40% (Смирнов, 2017). Особенно это характерно для регионов Центра России и северо-кавказских республик.

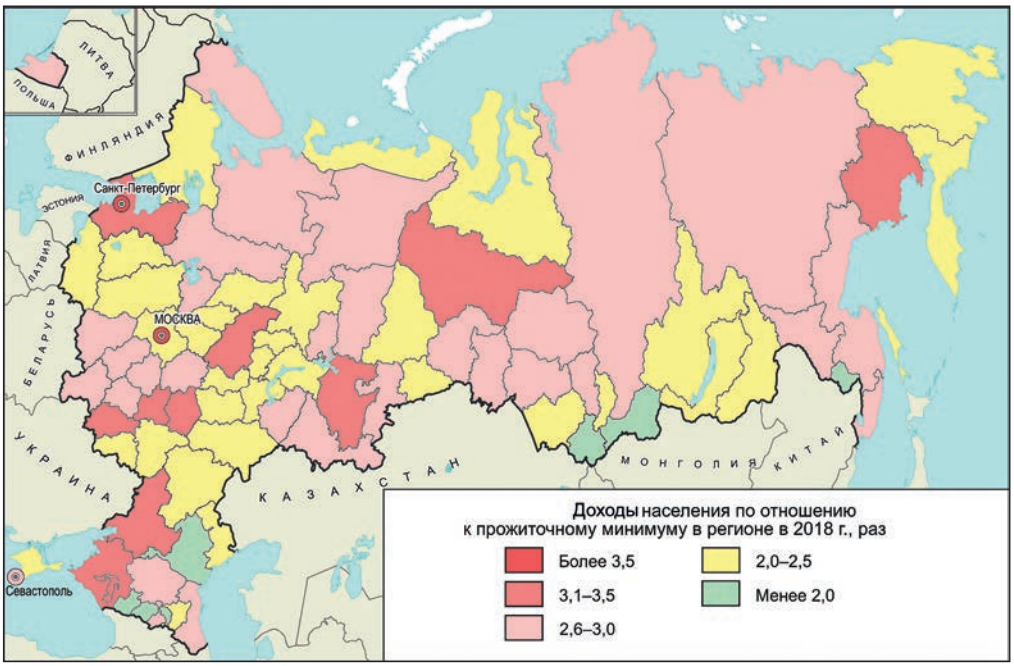

Рис. 8.7. Уровень жизни населения по соотношению доходов и прожиточного минимума в 2018 г. Источник: (Регионы…, 2019).

расходов на продукты питания у наиболее бедного населения (первый и второй децили) составила соответственно 45 и 42%, в то время как у наиболее состоятельного (девятый и десятый децили) – соответственно всего 29 и 19% (Доходы…, 2017; Смирнов, 2017).

Для целей данного исследования важно подчеркнуть, что неравенство доходов служит проявлением более широко понимаемого экономического и социального пространственного неравенства. Это ведёт к неравенству в разных субъектах РФ, городах и сельских территориях в доступе к высококачественному образованию, медицинскому обслуживанию, достойной работе. Всё больше исследователей проблем социального неравенства приходят к выводу, что оно подавляет экономический рост, а снижение спроса на внутреннем рынке препятствует осуществлению структурных преобразований в стране в целом и по-разному проявляется в разных регионах (Экономические…, 2017).

Оборот розничной торговли на душу населения (рис. 8.8) в определённой мере отражает распределение доходов населения, хотя вмешиваются и некоторые другие факторы. Он максимален в Москве и Московской области, превышая среднероссийские показатели в 1,8 и 1,5 раз соответственно, причём касается это не только москвичей: как и в советское время, за покупками стали ездить в столицу или ближе к ней. На третьем месте находится островной Сахалин. Превышение Санкт-Петербурга, Свердловской, Тюменской областей и даже Ямало-Ненецкого АО над среднероссийским показателем – всего в 1,2 раза. Если не считать республики Северного Кавказа, жители которых совершают покупки за пределами своих регионов, то к числу беднейших по этому показателю следует отнести республики Тыва и Калмыкия (треть от среднероссийского уровня), а также республики Поволжья и Курганскую область (около половины).

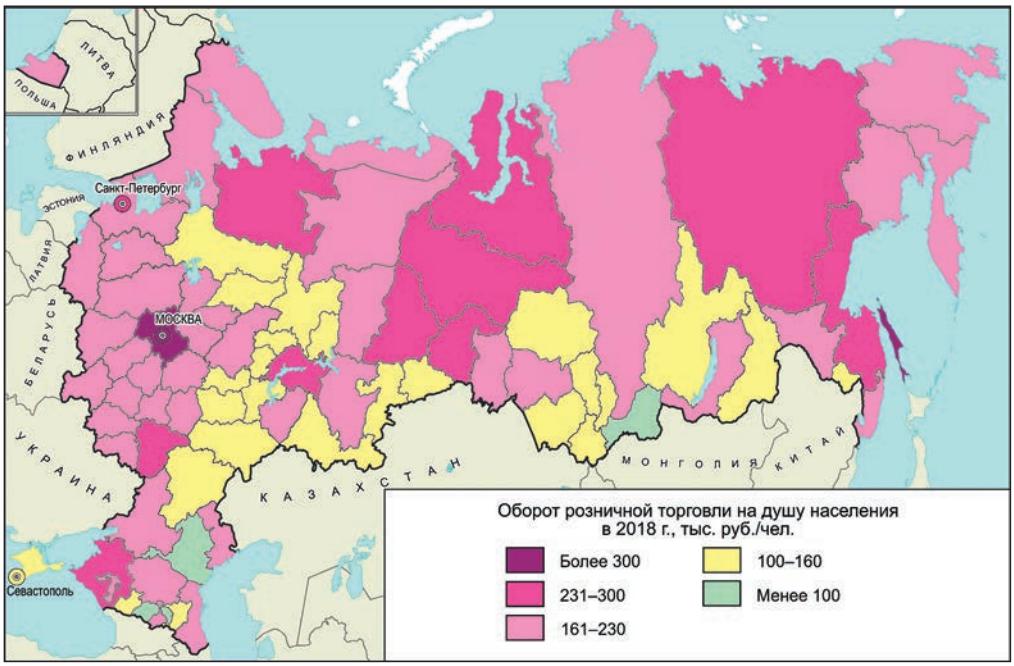

Рис. 8.8. Оборот розничной торговли на душу населения в 2018 г., тыс. руб./чел. Источник: (Регионы…, 2019).

Индикатором общего благополучия региона служит также ввод жилья на душу населения, среднее значение которого в 2018 г. составляло 0,5 м^2. По этому показателю российское пространство выглядит несколько иначе. На первом месте с большим отрывом от среднего (в 2,5–3 раза) стоят Ленинградская и Московская области; почти вдвое он выше в Тюменской и Калининградской областях, что в общем согласуется с миграционными предпочтениями населения. Белгородская область, бывшая лидером в 1990-х – начале 2000-х годов (благодаря специальной политике региональных властей (Глезер, 1995)), как и Краснодарский край, сейчас только на 7-м и 8-м местах соответственно. Зато их догнала Калужская область, наиболее активно из окружающих Москву регионов привлекающая мигрантов (Нефедова, 2020). Санкт Петербург в последние годы также строится (0,72 м^2 на человека), а Москва из-за дороговизны жилья находится в конце списка, здесь его ввод почти вдвое меньше, чем среднероссийский.

Несмотря на то, что уровень жизни в 2000–10-х годах в целом по стране вырос, и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уменьшается, все эти данные позволяют сделать вывод о сильной контрастности социально-географического пространства при возрастающей региональной дифференциации. По совокупности данных показателей Россия находится на уровне развивающихся стран.

Отчасти это способствует и преступности, которая, хотя и уменьшилась по сравнению с 1990-ми годами, но значительно дифференцирована по регионам (рис. 8.9). Преступность повышена в малолюдных и плохо контролируемых обширных восточных и северных окраинах, а также в центральных районах с пустеющим пространством. В «плавильных котлах» крупногородских регионов она значительно меньше, как и в контролируемых сообществах некоторых респу-

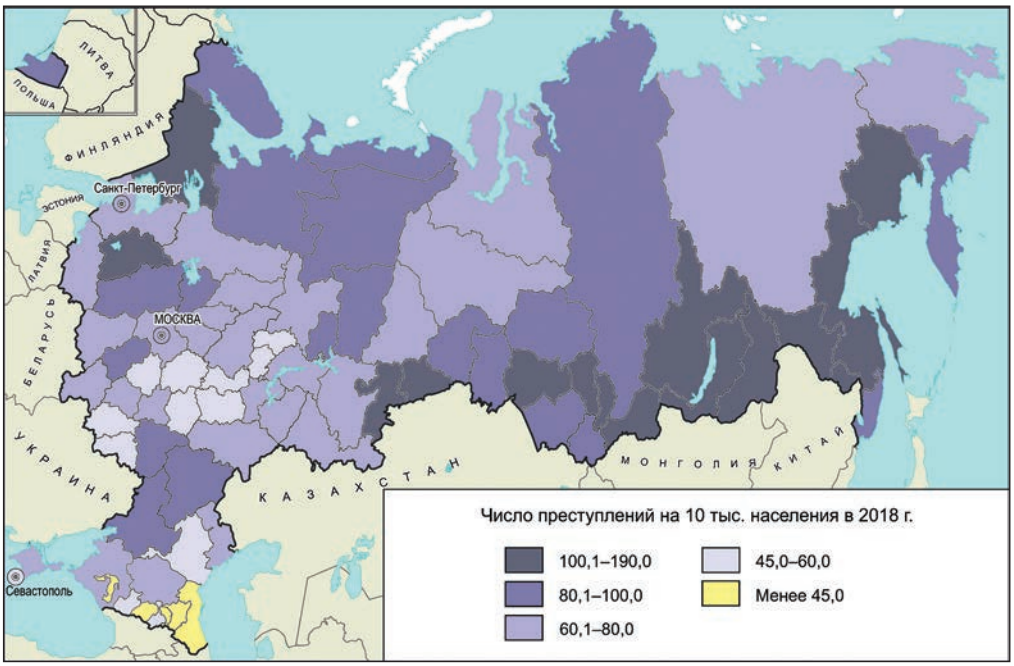

Рис. 8.9. Преступность в регионах России в 2018 г. Источник: (Регионы…, 2019).

блик. В целом почти 70% всех преступлений в 2018 г. составляли кражи и грабежи. Повышена доля преступлений, связанных с оборотом наркотиков (17%). В последние годы растёт число преступлений экономической направленности (9%), за которыми, судя по СМИ, часто скрываются политические факторы.

Роль городов и агломераций в формировании социально-географического пространства

Разнообразие социально-географического пространства во многом связано с распределением сети городов и их разной ролью в организации территории. Можно сказать, что ни по количеству, ни по характеру размещения (крайне неравномерному) их не хватает для обслуживания даже обжитой территории страны. Да и сами города очень разные и формируют контрастные городские среды.

В 2019 г. из 1115 городов в 945 (85% их общего числа) было зарегистрировано менее 100 тыс. жителей, что составило всего 26% городского населения. Городов с населением 100 и более тыс. чел., т.е. таких, которые выполняют роль узлов опорного каркаса территории, – всего 170. Ещё в советское время Ч. Харрис писал, что СССР – страна больших городов, имея в виду их число по сравнению с другими странами (Harris, 1970). Тогда их было больше, чем в США. Но современная Россия по числу больших городов существенно отстает от крупных стран, не только США, Китая, Индии, но и Бразилии. Однако значение больших городов увеличивается, в 2019 г. они концентрировали 76 млн человек (74% городского и 52% всего населения страны), в 2010 г. было 164 больших города, и они концентрировали 68% городского населения. Роль средних городов (50–100 тыс. жителей) по сравнению в США и европейскими странами мала. Их число уменьшается (с 157 в 2010 г. до 151 в 2019 г.), и живёт в них всего 10% городского

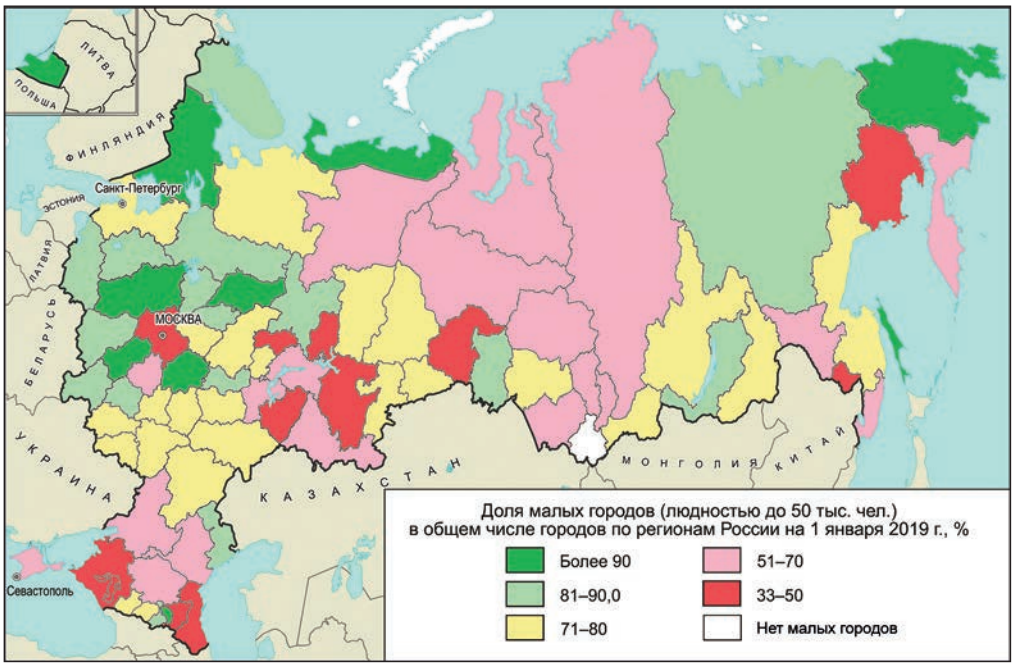

Рис. 8.10. Доля малых городов (людностью до 50 тыс. чел.) в общем числе городов по регионам России на 1 января 2019 г., %. Рассчитано по: (Численность…, 2019).

населения, т.е. 14% от населения больших городов, в то время как в США и ЕЭС эта доля поднимается до 38–39% (Трейвиш, 2009, с. 258).

Доля жителей 794 малых городов не дотягивает и до 16% городского населения, хотя именно небольшие городки заполняют и пока ещё отчасти поддерживают освоенность обширной территории России. Больше всего малых городов в Центре России. В некоторых областях – Калужской, Рязанской, Тверской, Костромской – их доля превышает 90% общего числа городов (рис 8.10). В старосвоенных и старопромышленных центральных регионах плотность городов вообще повышена (рис. 8.11), хотя и достигается за счёт малых и средних городов. Есть и совсем маленькие старинные городки: до 3 тыс. жителей (19 городов) и от 3 до 10 тыс. (176 городов). Почти половина из них – в центре и на северо-западе России. Исключение составляет лишь Московская область с самой высокой и почти европейской плотностью городов (16 на 10 тыс. км^2), где около 30% составляют большие города, концентрирующие 64% городского населения, и ещё 22% – средние города.

С советского времени сохранилась и такая категория населённых пунктов, как посёлок городского типа (пгт), хотя в постсоветское время их число сократилось более чем вдвое. В результате административных преобразований и перевода в сёла осталось 1160 пгт. Из них 84% имеют менее 10 тыс. жителей и почти не отличаются от малых городов и даже сёл. В них живёт 7 млн чел., и они не менее важны для сохранения общей освоенности территории, чем малые города.

Влияние большого города на окружающую территорию определяет степень её урбанизированности, распространения городского образа жизни и служит одним из показателей качества социально-экономической среды и населения (Глезер, Вайнберг, 2013). Однако даже в европейской части России

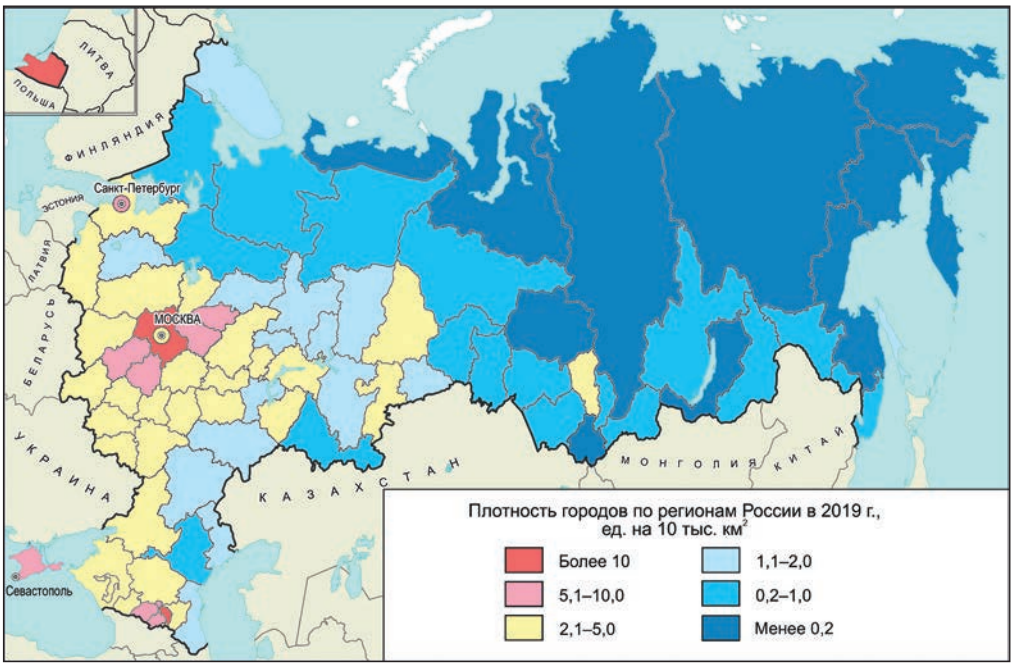

Рис. 8.11. Плотность городов по регионам России в 2019 г., ед. на 10 тыс. км². Рассчитано по: (Численность…, 2019).

среднее расстояние между большими городами (с населением от 100 тыс. жителей) составляет 150 км (а без Московской области – 190 км). Если говорить о всей сети городов, то даже между ними среднее расстояние в европейской части превышает 70 км, в том числе в наиболее освоенном Центральном районе – 45 км (в Западной Европе – до 20–30 км). За Уралом среднее расстояние превышает 225 км, в наиболее освоенной южной зоне Западной Сибири оно равно 114 км, а на обширном Дальнем Востоке – 300 км. Очевидно, что дефицит городов испытывают все районы страны, но особенно острый он в восточных регионах. Не хватает крупнейших, крупных и больших городов, способных стать лидерами национального и регионального развития, причём ситуация не меняется.

В целом плотность городов в России очень низкая – не дотягивает и до одного города (0,65 на 10 тыс. км²). Кроме Московской области и окружающих её регионов, где плотность городов находится в диапазоне от 3 городов в Рязанской и Смоленской до 7–8 – в Калужской и Ивановской, она повышена также в старо-освоенных промышленных регионах Урала, в Центральном Черноземье и Краснодарском крае (3–4 города на 10 тыс. км²), а также в некоторых республиках Северного Кавказа[4], в Татарстане и Чувашии (см. рис. 8.11). Однако показатель этот весьма условен, так как города и пгт в малоосвоенных районах концентрируются, как правило, вдоль дорог или в отдельных ареалах добычи полезных ископаемых, оставляя огромные пространства без влияния.

Особую роль в формировании социально-географического пространства играют города с населением свыше 250 тыс. чел., значительная часть которых

[4] Повышенная плотность городов в Ингушетии и Северной Осетии объясняется и тем, что площадь республик меньше, чем 10 тыс. км².

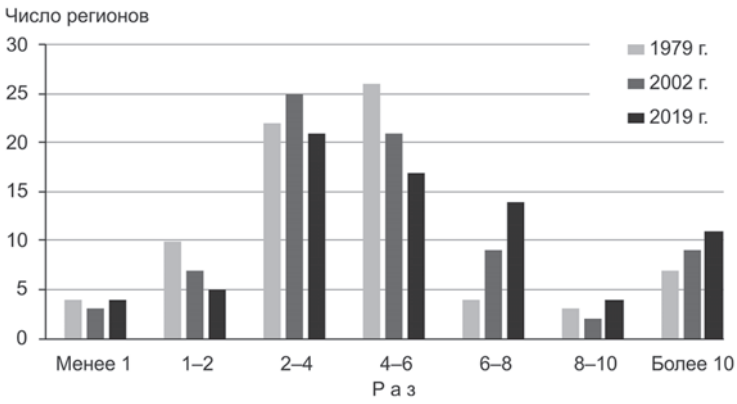

Рис. 8.12. Число регионов с разным отношением людности центра ко второму (первому) по численности населения городу в 1979, 2002 и 2019 гг. (без учёта Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Крыма). Рассчитано по данным Росстата.

– столицы регионов. Они концентрируют 60% городского населения. А городов-миллионников всего 12. Так что Харрис был все-таки прав – в России роль больших городов велика, только сеть их редкая, что усиливает поляризацию социально-географического пространства.

Более того, степень централизации регионального развития и роль центров регионов в России, особенно после дезурбанизационной паузы 1990-х годов. (Нефедова, Трейвиш, 2017), возрастает. На рис. 8.12 и 8.13 видно, что число регионов, где региональный центр является абсолютным лидером, превышающим

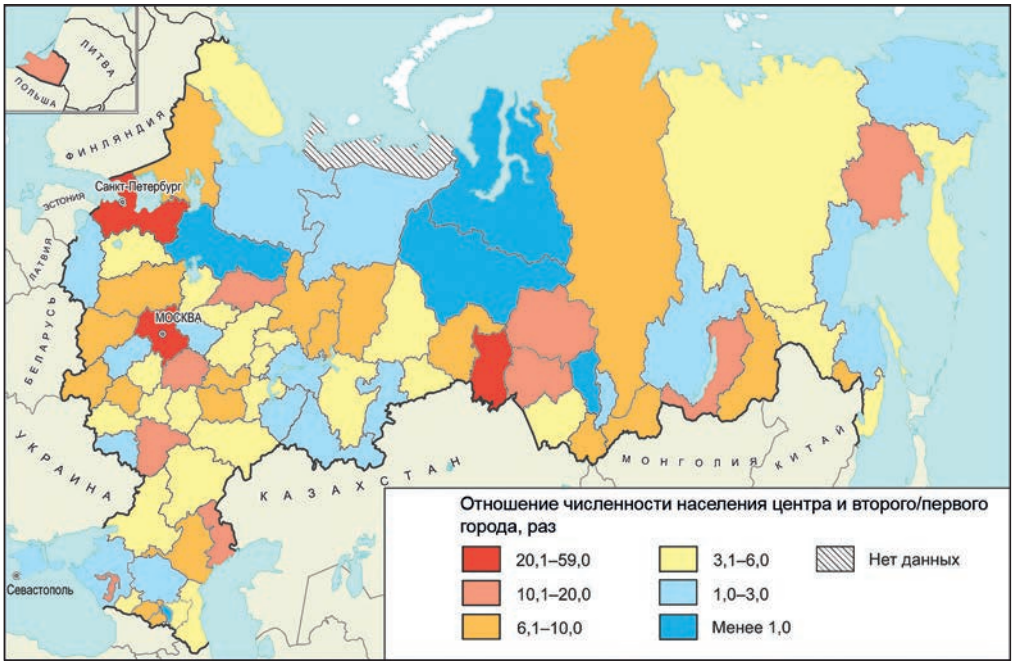

Рис. 8.13. Соотношение людности центра и второго города в регионе в 2019 г. (Москва с Московской областью, Санкт-Петербург с Ленинградской областью). Рассчитано по: (Численность…, 2019).

второй по численности населения город более чем в 6 раз, увеличилось, а число полицентричных регионов (превышение 1–2 раза и в целом менее 6 раз) по сравнению с советским временем уменьшилось. Это также отличает геопространство России от западных стран.

В целом состояние городов в России и их привлекательность для населения сильно зависят от размера и статуса города. В 1970-80-х годах мигранты из сельской местности переезжали во все города, но всё же предпочитали большие, что соответствовало классической стадии урбанизации. К концу 1980-х годов российское общество находилось уже на её поздних этапах с замедлением роста больших городов и ростом средних (Нефедова, Трейвиш, 2017). В начале 1990-х годов главные центры неожиданно показали отток населения; даже заговорили о начале дезурбанизации. Но бегство из городов было связано с привычной для России реакцией на экономический кризис, в том числе дефицит продуктов. Добавился и приток в село мигрантов из бывших республик СССР. Во второй половине 1990-х годов позитивный миграционный баланс крупнейших городов восстановился, хотя привлекательнее всего, опять же за счёт приезжих извне, были небольшие города, где дешевле жилье. На рубеже веков всё более важной становится работа. Началась обратная тяга в крупнейшие города с большим предложением рабочих мест и более высокими зарплатами, эта тяга только усиливалась в 2010-х годах. Даже после финансового кризиса 2000-х, снивелировавшего вниз некоторые показатели, в том числе крупных центров, поляризация городов быстро восстанавливается. Крупные города являются также центрами концентрации разного рода услуг с массой рабочих мест, становясь, как уже говорилось, лидерами постиндустриальной экономики. Эта в целом мировая тенденция усиливается в России недостаточным развитием сектора услуг в небольших городах и сельской местности. Поэтому кризисы, типа пандемии 2020 г., вызвавшей массовый отъезд россиян на весну и лето в сельскую местность, вряд ли переломят основную тенденцию продолжающейся урбанизации и централизации расселения. Этому способствуют и имеющиеся институты, включая финансово-бюджетные отношения, и тенденции экономического развития России.

Основными фокусами притяжения и концентрации населения выступают центры регионов с населением более 250 тыс. чел. и особенно крупнейшие города свыше 500 тыс. чел. (их всего 37) и их агломерации. На последние приходится около 1/4 всего миграционного прироста в городах; ещё 1/3 поглощают Москва и Санкт-Петербург в результате как межрегиональных, так и международных, в основном из бывших республик СССР, миграций. В 2012–2017 гг. Москва увеличивала свое население более чем на 90 тыс. чел. в год. Около 60 тыс. чел. в год добавлялось в Санкт-Петербурге. При этом Москва привлекала население не только из небольших населенных пунктов, но и из центров регионов, особенно соседних (Калуги, Твери, Тулы), которые в свою очередь пополнялись за счёт внутрирегиональных миграций (Нефедова, 2020). В последние годы на каждые 100 км^2 Москва ежегодно прибавляла 3,7 тыс. человек из других регионов России и более 500 международных мигрантов, Московская область – соответственно 165 и 38 человек. А окружающие их регионы в центре России теряли население, которое восполнялось только благодаря международным мигрантам (рис. 8.14), которые все равно работали преимущественно в Москве и Московской области.

Велики и вре́менные возвратные миграции (трудовые, учебные), которые постепенно переходят в миграции на постоянное место жительства в города с

использованием родовых домов в сельской местности и малых городах как второе, дачное, жилье. Регулярные дачные миграции характерны и для жителей больших городов. В результате в самих городах и вокруг них формируются территории с пульсирующим населением. Например, численность населения в Москве в зимний рабочий день на 5 млн чел. больше (за счёт трудовых мигрантов), чем в летний выходной, когда все разъезжаются на дачи (Между домом…, 2016, с. 26).

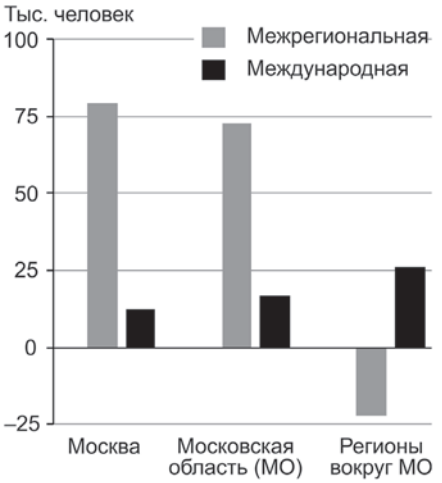

Рис. 8.14. Баланс межрегиональной и международной миграции населения в Московском столичном регионе и окружающих областях в год в среднем за 2014–2018 гг., тыс. человек. Рассчитано по данным Росстата.

Территории агломераций представляют собой наиболее ценные, значимые ареалы на территории страны, концентрирующие её социально-экономический, научно-образовательный, демографический потенциал. Здесь наиболее дорогие земельные ресурсы за пределами территорий городов и большая конкуренция потребителей. Именно пригороды крупнейших центров в пределах агломераций стали, помимо самих центров, главными узлами концентрации населения и инвестиций, хотя внутри них возрастает нагрузка на территорию и экологические проблемы, у жителей увеличиваются затраты времени на дорогу. Концентрация социально-экономического потенциала и населения в агломерациях ведет к опустошению территории за её пределами.

Главный вопрос: куда ведет экономическая и социальная поляризация городов и можно ли этот процесс переломить? Судя по опережающему росту крупнейших центров, в 2000-х годах мы наблюдаем новый виток урбанизации (Браде и др., 2013; Нефедова, Трейвиш, 2017), связанной не только со спецификой постсоветской институциональной и экономической централизации (Зубаревич, 2013а), но и с огромным необустроенным пространством России. В этих условиях крупные города обладают и большей устойчивостью, и большими экономическими возможностями для социальных лифтов населения, продлевая процесс урбанизации. Этому отчасти способствует и российская массовая культура дач, не требующая выезда из города на постоянное место жительства.

Регулярный мониторинг состояния городов по ряду показателей по единой методике[5] позволяет отчасти понять причины стремления населения в крупные центры (Нефедова, Трейвиш, 2010). К 2010 г. после финансового кризиса к де-

[5] Использовались показатели Паспортов городов Росстата, из которых были выбраны наиболее индикативные: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесённая к прожиточному минимуму; 5) розничный товарооборот, общественное питание и платные услуги на душу населения, то же с поправкой на цены; 6) ввод жилья на душу населения; 7) обеспеченность жилого фонда канализацией и телефонами. Ряды по каждому показателю ранжировались сначала отдельно, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для данного города и выражались в привычной 5-балльной шкале «школьных» оценок.

прессивным городам с низкими оценками социально-экономического состояния (1–2 балла) можно было отнести 12 больших городов, 46 средних и 500 малых. Среди малых городов доля городов с низкими оценками составляла 67%.

Значительная часть населения депрессивных городов, где в кризисе градообразующие предприятия, нет инвестиций, нет работы или стабильных зарплат, как и многих посёлков городского типа, вынуждена выживать либо на своих огородах как в черте города или посёлка (особенно на юге), так и в окружающей сельской местности на дачах, либо искать работу или уезжать в более крупный город. Те, кто не может преодолеть экономические барьеры проникновения в крупнейшие центры (особенно стоимость жилья), заменившие советские административные барьеры, поселяются у границ (особенно в Московской области). В последнем случае, кроме работы и зарплаты, переселенцы меньше пользуются преимуществами больших городов, но также страдают от их недостатков, включая социальные, психологические, экологические и другие стрессы (Нефедова, 2013а) (табл. 8.2).

Более подробно оценка социально-экономического состояния городов проводилась нами в регионах Центра России вокруг Московской области (Nefedova, 2019). В 1990–2000-х годах постсоветские московские и зарубежные инвестиции стимулировали здесь развитие новых пищевых, автомобильных производств, деревообработки, стройиндустрии. Предприятия, работающие на Москву или на всю страну, из-за дороговизны московской земли выгоднее было размещать недалеко от границ Московской области. При этом многие старые предприятия (текстильные, стекольные, машиностроительные) находились в депрессивном состоянии. В целом для регионов вокруг Московской области характерна сильная контрастность экономического состояния и траекторий развития городов. В самом сложном положении оказались небольшие города северных и северо-восточных старопромышленных регионов: Ивановской, Костромской, Тверской. Коэффициент корреляции экономического состояния городов и численности их населения составил 0,57, что соответствует общероссийским тенденциям (Зубаревич, 2015; Нефедова, Трейвиш, 2010). Особенно выигрывают столицы регионов благодаря диверсификации экономики, восстановлению промышленности, развитию сервисных отраслей с более высокой оплатой труда. Всё это усиливает разрыв в уровне жизни населения между крупными центрами и остальной территорией (рис. 8.15) и стимулирует миграции. При этом доля городского населения, живущего в столицах регионов, сильно различается от 3/4 в Рязанской области до менее 40% во Владимирской. При естественной убыли стареющего населения многие малые города, где закрылись промышленные предприятия, стремительно теряют население.

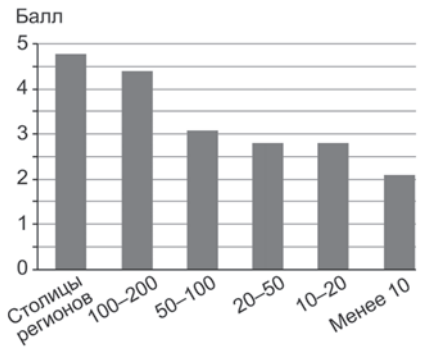

Рис. 8.15. Средние оценки состояния городов (от 1 до 5 баллов) разной людности (тыс. чел.) в регионах, окружающих Московскую область. Рассчитано по данным Росстата.

Помимо размера на состояние города влияет его специализация. В лучшем положении оказывались малые города при атомных и электростанциях (Удомля, Десногорск, Суворов, Волгореченск), известные туристические центры (Суздаль). Но наиболее сильное влияние на повышение оценок

Таблица 8.2. Некоторые достоинства и недостатки крупных и малых городов

Достоинства	Недостатки
Крупный город	
1. Ключевая роль в экономике страны	1. Психологические и социальные стрессы
2. Концентрация управления	2. Транспортный коллапс
3. Концентрация человеческого капитала	3. Высокий уровень загрязнения от транспорта
4. Концентрация науки, искусства, образования	4. Сильное социальное расслоение
5. Преимущества карьерного роста	5. Экономическая недоступность жилья
6. Разнообразие работы и повышенный уровень доходов	6. Этнокультурные проблемы
7. Лучшее социальное обслуживание	7. Переуплотнение многоэтажной застройки, недостаточность парков
8. Взаимодействие по интересам, а не по соседству	8. Расползание города, превращение в «бескрайний» город с конфликтами землепользования
9. Активное проведение досуга	9. Дезинтеграция города
Малый город (село)	
1. Пригодность для спокойной жизни, размеренный режим	1. Пониженное качество социального обслуживания
2. Лучшая экологическая обстановка (если нет загрязняющего предприятия)	2. Монофункциональность и экономические проблемы предприятий
3. Возможность иметь свой дом и сад и воплощать свои идеи обустройства	3. Повышенная незанятость в месте проживания
4. Опорные точки сохранения сельской местности	4. Недостаток необходимой инфраструктуры и часто необустроенность жилья
5. Центры переработки местного сельскохозяйственного сырья и ресурсов леса	5. Проблемы среднего и высшего образования
	6. Недостаточное разнообразие проведения досуга
	7. Проблемы общественного транспорта
	8. Взаимодействие по принципу соседства, а не интересов, конфликты социальных слоев

состояния города по сравнению со средними для его размера в регионе оказывает положение рядом с границей Московской области. Во Владимирской области выделяются Покров, Петушки, Александров, в Рязанской – Рыбное, Новомичуринск, в Смоленской – Гагарин, в Калужской – Обнинск, Жуков, Малоярославец, Балабаново. Эту ситуацию наглядно отражает и уровень зарплат по мере удаления от границ с Московской областью (рис. 8.16). При росте инфляции и небольшом увеличении заработной платы в последние годы пространственные различия сохраняются и даже усиливаются.

Помимо работы, доходов, возможностей образования и профессионального роста социальные контрасты между крупными центрами и малыми городами усиливаются неблагоустроенностью бытовых условий жизни в последних. Зачастую города включают резервные сельские территории на окраинах с сельской застройкой. Но и в центрах многих небольших городов частный сектор со старыми деревянными домами без элементарного обустройства, включая канали-

Рис. 8.16. Уровень заработной платы в городах и муниципальных районах регионов, окружающих Московскую область, в 2013 и 2017 гг., по мере удаления от границ с Московской областью. Рассчитано по данным Росстата.

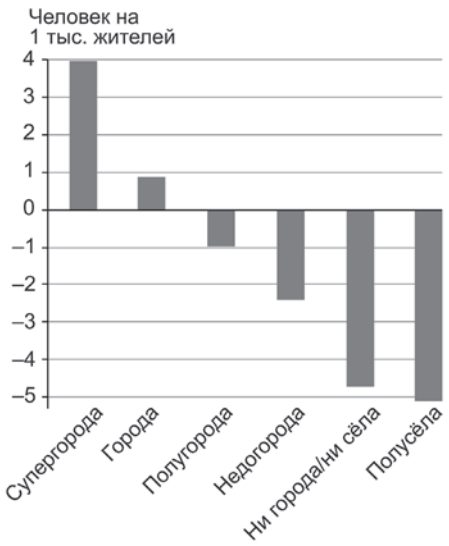

Рис. 8.17. Миграционный баланс в городах РФ с разным типом благоустройства в 2010 г., чел. на 1000 жителей. Рассчитано по данным Росстата.

зацию, – обычное явление. В целом, чем город крупнее, тем лучше выражены его городское обустройство и облик (Нефедова, 2013а). Исключение составляют новые нефте- и газодобывающие центры на севере и востоке страны, небольшие наукограды и т.п. Свыше 90% жилого фонда с сетевой канализацией имеют лишь города с населением свыше 250 тыс. жителей. А наилучшая ситуация в Москве и в Санкт-Петербурге.

Можно условно выделить несколько типов современных российских городов по этому критерию: супергорода; обычные города с небольшой долей частного сектора; полугорода, где старый частный сектор занимает до половины территории; «недогорода», имеющие сельский облик с микрорайоном пятиэтажек; «ни город и ни село»; наконец, небольшие городки, практически не отличимые от сёл, с несколькими 3–5-этажными домами. Из городов последних двух типов население уезжает особенно активно (рис. 8.17).

Сельское социальное пространство

Хотя сельское население почти в 3 раза меньше городского, но 9/10 российской ойкумены – это сельская местность.

Сельское население, несмотря на положительный естественный прирост, убывало почти весь XX век, подпитывая растущие города. Максимальной численность сельского населения в современных границах России была в 1926 г. – 76 млн человек. В 1950 г. было уже 58 млн, в 2018 – 37,3 млн (Демографический…, 1995, 2001; Регионы…, 2019). Многие области потеряли около 2/3 сельского населения, а удалённые периферийные районы областей – до 90%. В первой половине века сказались военные потери, голод, сселение при коллективизации, репрессии. Во второй половине XX в. сельское население таяло в результате миграций в быстро растущие города, где был огромный дефицит рабочей силы. С

1990-х годов (а в Нечерноземье и раньше) всё заметнее сказывается превышение смертности над рождаемостью в деревне. Максимум потерь сельского населения во второй половине века наблюдался в полосе староосвоенных районов вокруг Московской агломерации (рис. 8.18а).

После кратковременного увеличения сельского населения в 1990-х годах с 38,8 до 39,3 млн чел. за счет административных преобразований посёлков город-

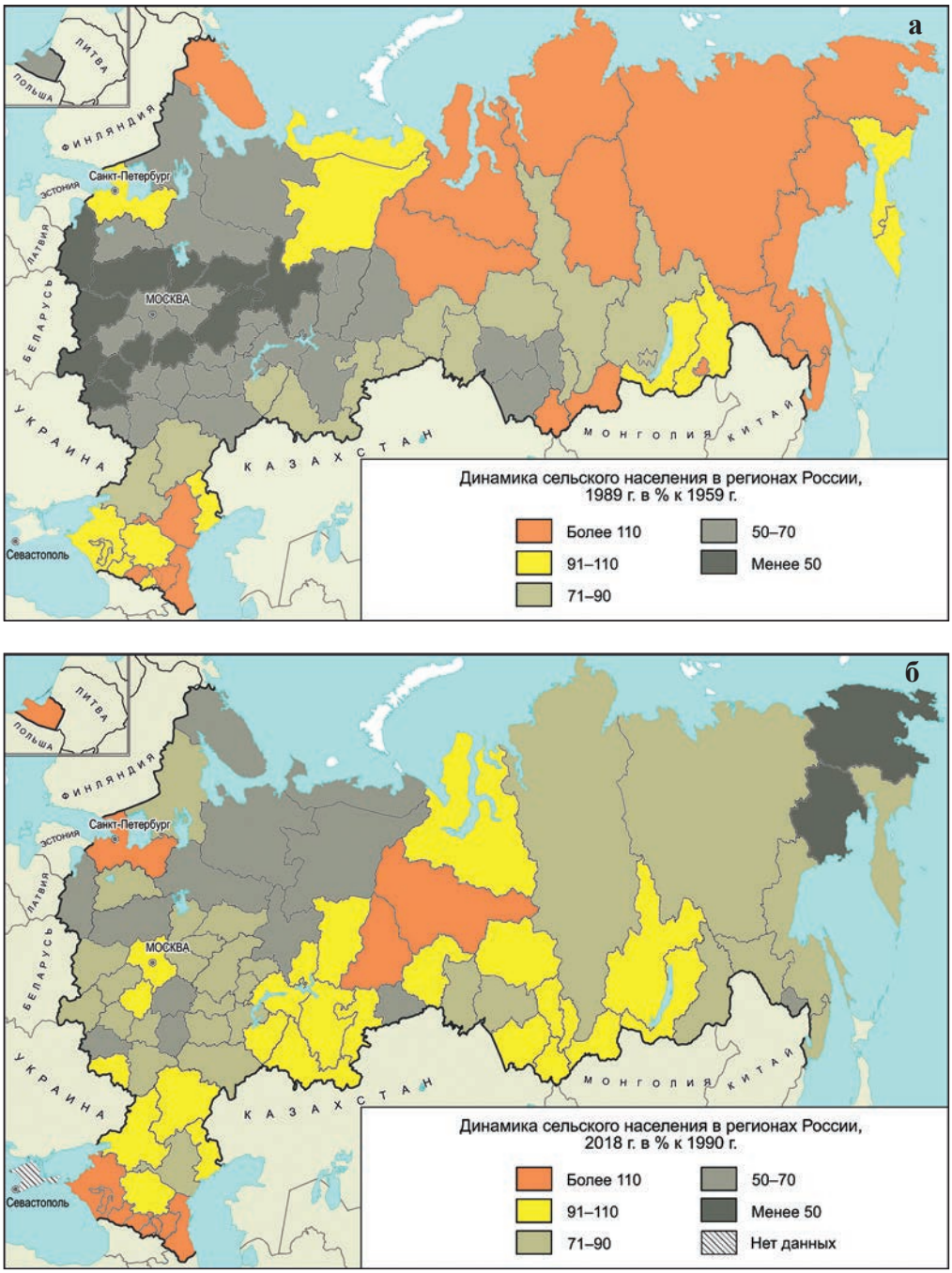

Рис. 8.18. Динамика сельского населения в регионах России, %: а) 1989 г. к 1959 г., б) 2018 г. к 1990 г. Источник: (Всероссийская перепись…, 2011; Демографический…, 1995, 2010, 2018).

ского типа в сёла и притока населения из бывших советских республик с 2000 г. отрицательная динамика сельского населения восстановилась. В 2010 г. уже было 37,4 млн., а в 2018-м, несмотря на прибавку около одного миллиона крымских сельских жителей – 37,3 млн чел. (Регионы..., 2019). Так что на самом деле сельское население России продолжает убывать и очень существенно. Самые большие потери в постсоветские годы характерны для северных и восточных регионов. Продолжали терять сельское население и староосвоенные регионы Центра России. А на Юге его численность увеличилась, особенно сильно в республиках (рис. 8.18б).

По данным переписи населения 2010 г., из 133,7 тыс. сельских населённых пунктов, в которых есть население, в 36 тыс. было до 10 жителей, ещё в 19 тыс. – 11–25 чел., в 27 тыс. – от 26 до100 жителей. В этих маленьких пунктах суммарно проживало всего 2 млн чел. (чуть более 5% сельского населения), но они составляют 70% всех сельских населённых пунктов, а в ряде регионов, например, Нечерноземья, – более 80–90%, формируя определённый тип сельского пространства. Населённых пунктов размером более 1000 чел., т.е. таких, которым согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ рекомендуется образовывать самостоятельный муниципалитет (сельское поселение), на всю страну – всего 7,8 тыс. *Мелкоселенность* существенно увеличивает затраты на обслуживание территории (дорожное строительство, транспортное обслуживание, инфраструктуру связи, образование, здравоохранение и др.). Это и обусловило кампанию объединения поселений, в том числе ради экономии бюджетных средств, имевшую для освоенности территории негативные последствия.

Наиболее устойчивы населённые пункты людностью более 2000 жителей (Алексеев, Сафронов, 2015; Зубаревич, 2013б). Однако в Нечернозёмной зоне таких опорных сельских пунктов крайне мало, их число и доля повышаются к югу, юго-востоку и востоку от центральных районов. Исследования показывают, что ключевым размером, ограничивающим социальную и производственную дееспособность населённого пункта в Нечерноземье, можно принять 200 чел. (Нефедова, 2018). В таких сёлах и деревнях до последней кампании объединения сельских поселений ещё сохранялись небольшие магазины, ФАПы, подразделения сельскохозяйственных предприятий, были индивидуальные предприниматели. Такие селения служили опорными точками для дачников из окружающих малых деревень. При меньшей населённости, а особенно менее 100 чел., из местных жителей остаются преимущественно люди старше дееспособного возраста, повышена доля практически недееспособных мужчин трудоспособного возраста. Рисунок 8.19а показывает, что такой каркас относительной жизнеспособных населённых пунктов сильно разрежается в Нечерноземье, особенно к западу, северу и востоку от Московской области. Здесь более 60% всех населённых пунктов – либо совсем без населения (часто там живут только дачники летом, а зимой жизнь замирает), либо сохранили менее 10 чел., в основном бабушек. На юге Европейской России – более полноценные сельские семьи и лучше сохранилась система расселения.

Обезлюдение и исчезновение небольших сельских населённых пунктов – одна из длительно действующих тенденций сельского расселения. За 1989–2010 гг. в России в целом сократилось количество и доли населённых пунктов всех категорий людности до 2000 чел., зато на 17 процентных пунктов выросла доля

деревень с населением менее 6 чел. и без населения (последние две категории составляют более четверти всех пунктов). Уменьшил свою людность, перейдя в более низкую категорию, каждый шестой населённый пункт размером 201–500, 501–1000 и 1001–2000 чел. Этот процесс идет особенно интенсивно за преде-

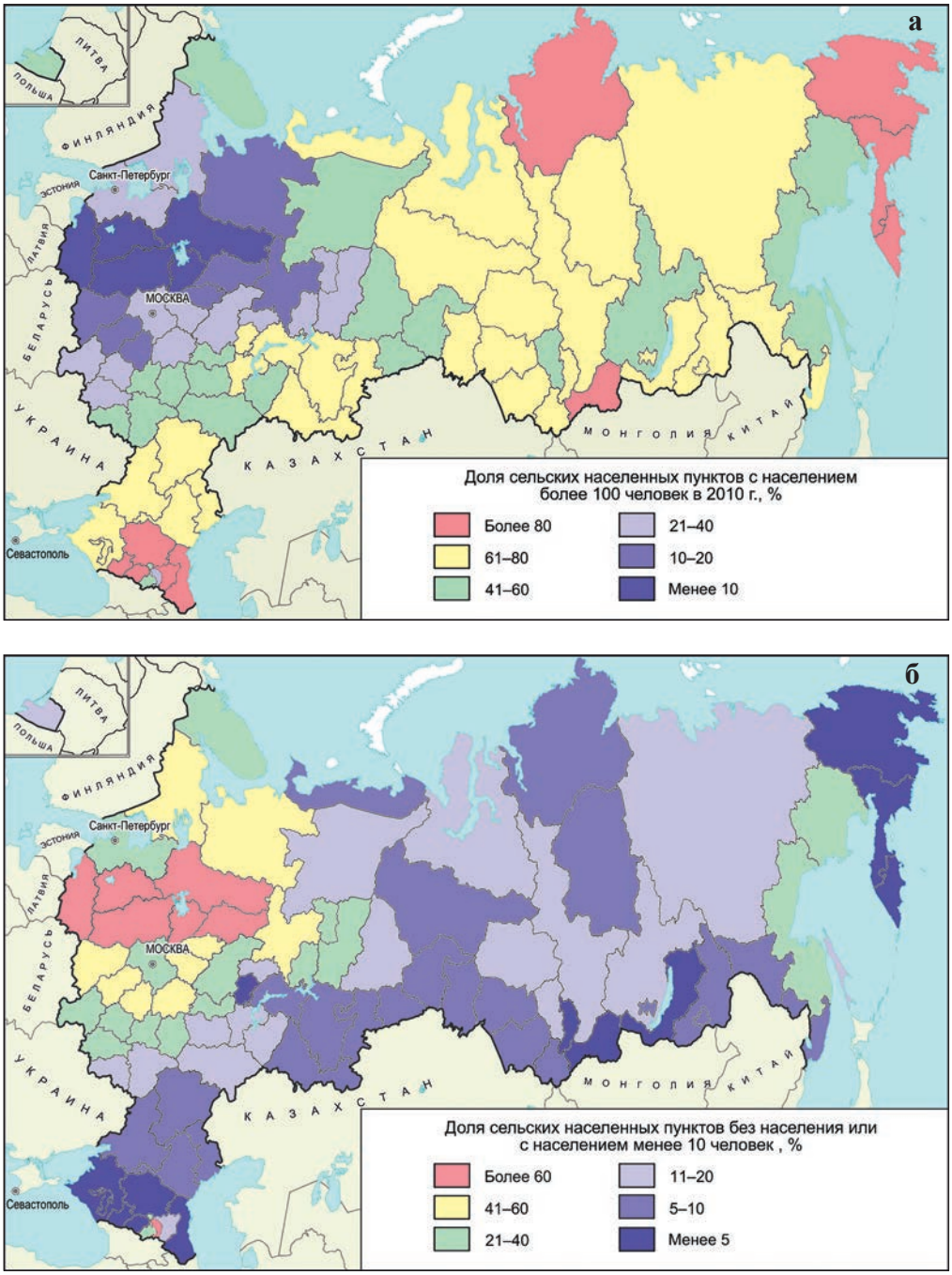

Рис. 8.19. Доля сельских населённых пунктов в 2010 г., %: (а) с населением более 100 чел., (б) без населения или с населением менее 10 чел. Рассчитано по данным переписи населения 2010 г.

лами пригородов крупных городов, на периферии регионов и муниципальных районов. В результате, низкой плотностью сельского населения отличаются даже самые обжитые в прошлом территории, а в Сибири и на Дальнем Востоке сокращение шло особенно интенсивно на наименее освоенных территориях. Резкое измельчание и сокращение сети сельских населённых пунктов сопровождается ростом доли населения в крупных пунктах размером более 2000 чел. (за 1989–2010 гг. – с 27,9 до 37,6%).

В ареалах относительно компактного проживания отдельных этносов динамика сельского расселения и характер идущих процессов специфичны. Эти сельские сообщества ещё не разрушены в такой же мере, как в ареалах расселения русских в Нечерноземье, где давно идут процессы оттока населения в города.

На пространство сельского расселения, помимо природных условий, характера и давности освоения, очень сильное влияние оказывают большие города. Пригородно-периферийные различия для обширной страны со сравнительно разреженным населением служат ключевым параметром организации её социально-географического пространства (Иоффе, Нефедова, 2001; Нефедова, 2013б). Контрасты между пригородами и остальными территориями внутри многих субъектов РФ, особенно в Нечерноземье, больше, чем межрегиональные различия.

Если обобщить различия в плотности населения по административным районам от пригородов региональных центров к периферии регионов в разных частях страны, то можно увидеть, что везде плотность населения к периферии падает. Причем падает резко, уже в районах-соседях региональной столицы второго порядка (рис. 8.20), уменьшаясь далее к периферии регионов. В Нечерноземье градиент в среднем восьмикратный, а в некоторых регионах и десятикратный. На европейской староосвоенной территории в зоне мозаичного промышленно-городского и мелкоселенного сельскохозяйственного освоения (зона 3 – см. выше) сформировалась обширная внутренняя периферия, откуда уезжает население не только деревень, но и малых городов. И за последние 20 лет ситуация ухудшилась (Нефедова, 2013б). В Черноземье плотность населения выше, а градиенты между пригородами и периферией регионов меньше. На равнинах Северного Кавказа тоже есть различия в плотности, но ситуация иная. Плотность сельского населения там возросла. Но максимальная прибавка была ближе к главным городам.

Чем крупнее город, тем шире пригородная зона повышенной плотности населения и активнее социально-экономическая среда. Однако влияние города на окружающую территорию зависит не только от его размера, но и от степени освоенности сельских территорий и общей социально-экономической плотности окружающего пространства (Нефедова, 2013б). В разреженном социально-экономическом пространстве Нечерноземья города с населением 100 тыс. жителей и больше формируют вокруг себя, как минимум, административный район с лучшими показателями плотности сельского населения, инфраструктурной обустроенности, активности деятельности. Зона влияния Москвы распространяется на всю Московскую область и даже за её пределы. У Санкт-Петербурга она меньше, но тоже охватывает районы-соседи как первого, так и второго–третьего порядков. В южных регионах для повышения активности и привлекательности плотно заселённых сельских территорий необходим город с населением в 250 и даже 500 тыс. (как правило, столицы регионов).

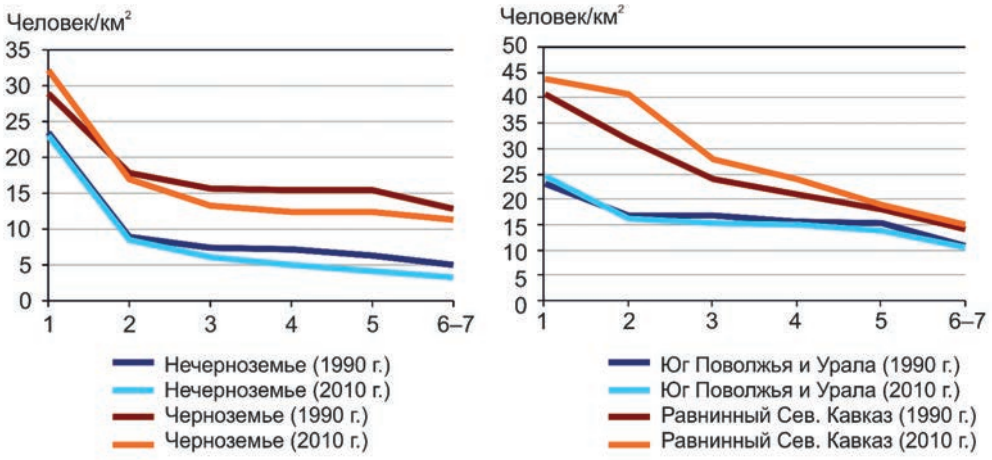

Рис. 8.20. Изменение плотности сельского населения внутри регионов Европейской России по мере удаления от центров, чел./км²: 1 – районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка и т.д. до окраинных (6 и 7 порядков) районов. Рассчитано по: (Численность…, 1990, 2010).

Столь сильные различия в динамике сельского населения, его расселении и в специфике его возрастной структуры при отъезде молодёжи в депопулирующих районах (Карачурина, Мкртчян, 2016; Мкртчян, 2018), не могут не сказываться на характере человеческого капитала и на уровне жизни сельского населения. Однако несмотря на то, что население во многих районах убывает, при современной трансформации сельской экономики, когда предприятиям требуется меньше занятых (Нефедова, 2017; Шагайда, Узун, 2019), даже официальный уровень безработицы в сельской местности (при очень слабой регистрации сельских жителей) выше, чем в городах. И доходы сельского населения в целом ниже, чем городского. Так, по данным выборочного обследования домашних хозяйств, в III квартале 2016 г. месячный денежный доход в среднем на члена домохозяйства в сельской местности составил 15,3 тыс. руб., в то время как в городской местности – 24,4 тыс. руб., т.е. почти на 60% больше (Смирнов, 2017). При этом стоимость натуральных поступлений сельских домохозяйств, хотя и была вдвое выше, чем городских, но составляла всего 1,2 тыс. руб. в месяц (Доходы…, 2016). При пониженных доходах сельская местность отставала и по объёму потребительских услуг. В итоге разница в потреблении между городом и селом достигала полутора раз (Зотова, 2020).

Поляризация и сжатие социально-географического пространства России

Концентрация всего и городского населения регионов в их центрах (даже в случае сокращения их людности) и концентрация сельских жителей в крупных населенных пунктах и в пригородах больших городов на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов – таковы тренды расселения за исключением степных и приморских районов юга Европейской России и некоторых других местностей.

В целом, опорный каркас расселения охватывает незначительную часть территории страны, имеет разрывы и местами фрагментарен. Системы расселения

сформировались на весьма ограниченных территориях исключительно локального уровня. Таким образом, расселение в России не скрепляет социально-географическое пространство (Глезер, Вайнберг, 2013).

И если наличие градиентов север–юг и пригород–периферия связано с характером освоения территории обширной страны с различными природными условиями и повышенной ролью крупных городов, то далеко не всегда можно оправдать размеры и последствия сложившихся контрастов. Ведь концентрацию ускоряют процессы централизации управления, в том числе порождаемые реформированием муниципальной территориальной структуры (Глезер, 2013).

Сочетание территориальной концентрации населения и его сокращения на большей части территории усиливает поляризацию социально-географического пространства страны и регионов: отдельные ареалы, (ядра, полюса), имеющие потенциал развития, перемежаются значительными пустеющими территориями, на которых забрасываются сельскохозяйственные угодья, разрушаются здания и инфраструктура, местность превращается в «дикое поле», социальную пустыню. Эти явления свидетельствуют уже о крайней степени поляризации.

Она порождает локализационное сжатие социально-экономического (освоенного, заселённого) пространства (Трейвиш, 2010). Этот процесс тоже идёт на территориях разного масштаба – и страны в целом, и субъектов РФ, и муниципальных образований обоих уровней, в том числе и в основной полосе расселения. Из-за сложности преодоления «пустых» территорий, а также вследствие перестройки и частичной деградации системы общественного транспорта (Тархов, 2015) и других причин уменьшается связность населённых мест при параллельном коммуникационном расширении пространства.

По нашей ориентировочной оценке, не менее 40% населения страны (жителей крупных и крупнейших городов и зон их активного влияния) сосредоточено примерно на 1% её территории. Если сюда добавить все большие города и зоны их влияния, средние города – опорные пункты северных и восточных нефтегазовых и горнорудных районов, портовые центры, а также интенсивно растущие, но не обеспечивающие занятость трудоспособного населения города Северо-Кавказского федерального округа, то получится, что до 60% населения России проживает на 5% территории.

Можно искать разные показатели, характеризующие социальную среду за пределами этих активных ареалов, но достаточно красноречиво свидетельствуют параметры продолжительности жизни и смертности мужчин в трудоспособном возрасте, в том числе от внешних причин: самые высокие значения (более чем в 1,5 раза выше, чем в среднем по России) наблюдаются именно в регионах с самым мелкоселенным расселением в центре европейской части, особенно на его западе, т.е. совсем рядом со столицей страны и единственным её городом, который по международным критериям относится к мировым (Бородина, Глезер, 2014).

Взаимодействие городов и сельской местности

Значительным явлением в России стали перемещения населения между городами и сельской местностью в виде маятниковой миграции, отходничества и садово-дачной рекреации, формирующей особые формы расселения и новые типы социальных отношений (Горожане…, 2016; Махрова, Кириллов, 2015; Между домом…, 2016; Плюснин и др., 2015). И хотя структура социального простран-

ства по осям север–юг и центр–периферия довольно устойчива, такие возвратные перемещения населения, делая это пространство пульсирующим, несколько сглаживают контрасты.

Особенно это касается пригородов с их непростыми проблемами транспортного и инженерного обустройства, санитарной очистки территорий, социального обслуживания сезонного дачного населения. Эти проблемы вокруг городов кардинально не решаются и не имеют нормативно-правового обеспечения для их регулирования. Особенно велики масштабы данного явления в Московской области (4–5 млн сезонного дачного населения при 7,6 млн постоянных жителей). Садово-дачное строительство идет и в пригородах малых городов, дачи строят даже на окраинах северных городов (например, под Архангельском, Новым Уренгоем, Норильском и т.п.).

Концентрация жилищного, садово-дачного, коттеджного строительства вокруг крупных городов представляет реальную угрозу пригородному сельскому хозяйству, что особенно масштабно проявляется в Московском регионе. Тем не менее Московская область пока ещё остается крупнейшим в центре России сельскохозяйственным производителем (Нефедова, 2019). Агропредприятия сохраняются даже на территории Новой Москвы (Старая…, 2018, с. 206), несмотря на высокую стоимость земли и плотность дач. Не только население, но и сельское хозяйство концентрируется ближе к большим городам из-за лучшей обеспеченности здесь трудовыми ресурсами, инфраструктурной обустроенности, огромного городского рынка, а его упадок на периферии регионов лишний раз доказывает высокую степень экономической поляризации пространства России. Тем не менее постепенный уход сельского хозяйства из пригородных территорий в районы, характеризующиеся более благоприятными природным предпосылками, при условии модернизации и минимизации использования труда неизбежен. Недаром на территории Московской области в радиусе до 70–80 км от кольцевой автодороги по некоторым направлениям почти нет земель сельскохозяйственного назначения, используемых по назначению (Глезер, Вайнберг, 2013).

На смену сельскому хозяйству не только в пригородах, но всё дальше и дальше от больших городов распространяются дачи, включая дополнительные к городским квартирам дома горожан для сезонного проживания в деревнях, число которых не поддаётся учёту[6] (Между домом…, 2016). В Псковской, Новгородской, Тверской областях зоны рекреационно-дачного расселения москвичей и петербуржцев сомкнулись (Путешествие…, 2015). Вместе с отходниками, возвратно мигрирующими в крупные города, дачники из городов в деревнях формируют порой на значительном удалении от крупных центров специфическое социальное пространство с неясной численностью реального населения и в городах, и в сельской местности.

Если посчитать прибавку летом и в выходные дни горожан только в садово-дачных товариществах в окружающих Московскую область регионах (Махрова и др., 2016), то, оказывается, что число горожан во многих районах

[6] Учёт горожан – владельцев домов в сельской местности с указанием места постоянной регистрации вёлся в сельских администрациях до муниципальной реформы 2000-х годов. В последние годы реальная численность проживающего летом в деревнях населения не интересует ни местные, ни федеральные власти. Все показатели обустройства сельской местности, включая строительство дорог, рассчитываются только на постоянно зарегистрированных в деревнях и сёлах жителей.

Рис. 8.21. Средний размер статусных населённых пунктов и безстатусных дачных посёлков в регионах, окружающих Московскую область, чел. Рассчитано на основе данных Росстата о числе жителей в сельских населённых пунктах и данных о числе участков в садовых товариществах и коттеджных поселках, полученных А.А. Медведевым в результате дешифрирования космических снимков (с предположительным нахождением на одном участке в летние месяцы в среднем двух человек) (Махрова и др., 2016).

превышает численность сельского населения (рис. 8.21). Особенно это касается муниципальных районов, примыкающих к границам Московской области, в которых летом население увеличивается в 2–3 раза за счёт московских дачников.

Не только в районах концентрации садовых товариществ, но и в небольших деревнях Калужской, Тульской, Тверской, Ярославской и других областей, вплоть до удалённой Костромской (Аверкиева, Нефедова, 2016) число дачников, преимущественно московских, в доступных местах часто превышает численность местного населения в деревне (Между домом…, 2016). Именно горожане со своим вторым сезонным жильем постепенно становятся фактором сохранения освоенности социально-географического пространства и сети расселения в районах депопуляции.

Вместо заключения. Российская периферия: социальная обуза или база?

Анализ муниципальных районов России с точки зрения их удалённости от основных сгустков городов и с учётом транспортной освоенности, заселённости и социально-экономического состояния городов и сельской местности позволяет отнести к внешней периферии страны около 70% территории, а к внутренней (на староосвоенной, но пустеющей территории между городами) – ещё около 15% (Нефедова, 2013б). Огромные пространства российской периферии требуют специальных подходов.

Размеры территории и редкая заселённость обусловливают невозможность контроля за всей внешней периферией и проблемы управления ею. Её развитие во многом ограничено удалённостью, сложностью природных условий, редкой

сетью центров и слабой связностью пространства России. Оно и дальше будет иметь мелкоочаговый характер на фоне природных ландшафтов и экстенсивного традиционного хозяйства коренных народностей. Это не означает отсутствие внимания к уменьшению изолированности отдельных очагов. Связность российского пространства катастрофически мала, причём не только физическая (дороги), но и экономическая (высокие транспортные тарифы и цены авиакомпаний, подстегивающие население окраин к отъезду «на материк»).

Внутренняя периферия занимает меньше территории и часто находится в 1–3-часовой доступности от больших городов, ближе к границам субъектов РФ. Однако это не уменьшает проблем периферийных территорий, которые всё больше выпадают из использования, особенно в Нечерноземье. Вряд ли следует ожидать в ближайшие годы возвращения в депопулировавшие периферийные районы постоянного населения. Сохранение части поселений и очагов деятельности в них возможно лишь благодаря внешним импульсам: городским дачникам и мигрантам в сельскую местность, рыночной поддержке, в том числе столичным и иностранным бизнесом, некоторых предприятий в небольших городах и в сельской местности как локальных точек экономической активности. Однако разрушение местной инфраструктуры по мере угасания постоянной жизни отнюдь не способствует этим процессам.

Будущее периферии неоднозначно и во многом зависит от политики федеральных и региональных властей. На окраинах регионов всё чаще наблюдается потеря социального контроля за освоенными прежде территориями: уход любой деятельности, истощение человеческого потенциала, разрушение инфраструктуры. А ведь периферия – это ещё и транзитные территории, социальное опустошение которых разрывает связи между развивающимися очагами и делает территорию небезопасной. При этом пуск скоростных поездов и создание платных автомагистралей коммуникационно сжимает пространство (Трейвиш, 2010), улучшая связность крупных центров, но при этом отдаляет от них районы внутренней периферии из-за усложнения доступа к традиционным транспортным сообщениям.

Источником экономической жизнеспособности периферии в значительной степени остаются ресурсы регионального бюджета. Федеральная и региональная бюджетная политика была направлена на ликвидацию диспропорций, в том числе и внутри регионов. Не только в советское время, но и в 2000-х годах самые слабые в экономическом плане территории имели более высокую бюджетную обеспеченность на душу населения, чем локомотивы роста, а сельские районы на периферии имели более высокую душевую обеспеченность, чем города (Кузьминов, 2010). Но такая перераспределительная бюджетная политика, лишающая большие города необходимой финансовой самостоятельности, тормозит развитие регионов в целом. На этом отчасти основана и политика объединения сельских поселений. Однако в результате лишь усилилась социальная поляризация за счёт удаления обслуживающих локальных центров от всех населённых пунктов, хотя статистически такая поляризация становится невидимой. А ведь социальная поляризация в условиях России сопровождается экономической. Экономия бюджетных средств за счёт уменьшения поддержки таких районов чревата оставлением на произвол судьбы их населения, в основном в преклонном возрасте. Это уничтожит и те немногочисленные, но уже обозначившиеся ростки нового постаграрного развития таких районов, которые помогут отчасти

сохранить социальный контроль над огромными территориями, хотя бы в старо-освоенной части России.

Сильная поляризация социального пространства требует осознанной региональной политики, причём не только на уровне субъектов РФ, чему уделяется больше внимания, но и на муниципальном уровне. Главное при разработке направлений развития городских и сельских территорий и предлагаемых мер их поддержки – недопущение унификации подходов, учёт природных, социально-демографических и экономических ограничений и преимуществ, определение коридора возможного развития конкретных территорий. Реализация задач развития должна осуществляться на основе поиска и стимулирования точек роста и приоритетных направлений при бюджетной поддержке депрессивных сельских районов и поселений, а также малых и средних городов с кризисом основных градообразующих предприятий.

Наибольшее внимание на государственном уровне в последние годы уделяется развитию сельского хозяйства, а также образования и медицинского обслуживания, чему посвящены специальные национальные проекты. В то же время аграрное развитие – это отнюдь не единственный и далеко не главный путь развития сельских территорий периферии в нечернозёмных и некоторых восточных регионах, учитывая их обширность, малодоступность и зачастую сложные природные условия. Да и для многих южных территорий монофункциональная аграрная экономика стала тормозом развития.

Сформулируем общие условия если не развития, то частичного сохранения российской периферии, а тем самым уменьшения поляризации социально-географического пространства.

- Специальная социальная политика, направленная на сокращение смертности, в том числе от алкоголизма, в малых городах и сельской местности. Это требует не только улучшения медицинского обслуживания, но и усилий местных властей и самого сельского сообщества по расширению альтернативных занятий населения не только в трудовой сфере, но и при проведении досуга. Повышение рождаемости, о котором много говорится в последнее время, при сильном постарении местного населения во многих районах вряд ли возможно, но для оставшихся и, особенно, немногих приезжающих молодых семей с детьми необходимо усиление государственной поддержки, помощь в ремонте или строительстве дома и т.п.
- Привлечение мигрантов из регионов РФ или из ближнего зарубежья для сохранения освоенности территорий и занятий сельским хозяйством или другими производствами; снятие административных преград предоставления им земель в аренду и выдача кредитов на развитие производства, строительство или ремонт домов.
- Сохранение и улучшение социальной инфраструктуры, здравоохранения и образования в малых городах и в небольших поселениях, а также транспортной доступности каждого населённого пункта. Роль культурной среды, в которой растёт новое поколение, чрезвычайно высока. Её неучёт создаёт серьёзные преграды для социальной восходящей мобильности населения (Шкаратан, 2012, с. 239).

В целом, современные тенденции ведут к ослаблению разного рода средних позиций с усилением крайностей, как по вертикали в иерархии общества, так и по горизонтали в пространстве России.

Пространствопонимание чрезвычайно важно для России. Концепция развития России должна рассматривать не только страну в целом и её регионы, но и учитывать пространственно-расселенческие и пространственно-социальные особенности территории, основные тренды внутри регионов. Инерционность расселения и сложившихся структур социального пространства в целом позволяет с достаточной степенью вероятности экстраполировать тенденции на обозримую перспективу. Без принятия радикальных государственных мер по совершенствованию сети и функций населённых пунктов, усилению линейных и узловых элементов опорного каркаса территории, укреплению «рвущихся» окраин (хотя бы с помощью дачников) сложившиеся негативные тенденции в динамике социально-географического пространства России усилятся.

Литература

Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.

Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015 № 2 С. 66–76.

Бородина Т.Л., Глезер О.Б. Социальное пространство России: ресурс и риски для развития страны // Стратегические ресурсы и условия устойчивого развития Российской Федерации и ее регионов / Под ред. В.М. Котлякова и А.А. Тишкова. М.: Институт географии РАН, 2014. С. 29–47.

Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Развитие процессов субурбанизации в крупнейшей агломерации в постсоветский период (на примере Московской метрополии) // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 19–29.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Предварительные итоги. М.: ФСГС, 2011.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017.

Глезер О.Б. Дом, который построил Фонд // Ваш Выбор. 1995. № 2 (15). С. 17–19.

Глезер О.Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 224–244.

Глезер О.Б., Вайнберг Э.И. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3. С. 21–38.

Глезер О.Б., Нефедова Т.Г. Социальное пространство России // Сельский университет на Унже. Учебные курсы и мастер-классы. Угорский проект. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 130 с.

Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. 558 с.

Горожане и дачники. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Ред. В. И. Ильин, Н. Е. Покровский. М.: Университетская книга. 2016. 404 с.

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.

Демографический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1995, 2001, 2018.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в III квартале 2016 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Росстат, 2017.

Зайончковская Ж.А. Россия: масштабная иммиграция неизбежна // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 659–687.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 548 с.

Зотова М.В. «Третичная экономика»: торговля и услуги // Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Европейская Россия и Урал. В 2-х кн. Кн. 1. Общий обзор / отв. ред. В.М. Котляков, О.Б. Глезер. М.: Паулсен, 2020. (в печати)

Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra, Москва как физическое и социальное пространство. 2013а. Т. 16. С. 6–18.

Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности// Известия РАН. Сер. геогр. № 3. 2013б. С. 26-38.

Зубаревич Н.В. Атлас регионов. Итоги 2013, 2014 и первой половины 2015 г. М., 2015. http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml#no31-33

Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990. 164 с.

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.

Катровский А.П., Сергутина С.А. Региональная политика в сфере высшего образования: из прошлого в будущее // Педагогическое образование и наука. 2016. № 3. С. 78–84.

Кузьминов И.Ф. Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Сер. геогр. 2010. № 5. С. 31–43.

Лексин В. Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 57–74.

Максаковский В.П. Географическая картина мира. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Дрофа, 2008. 495 с.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.

Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 2012. № 517-518. http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php.

Между домом и … домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый Хронограф, 2016. 504 с. http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf.

Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.

Назаров В.С., Зубаревич Н.В., Нефедова Т.Г., Полякова А.Г. Типы расселения в России и развитие социальных институтов и социальной инфраструктуры. М.: РАНХиГС, 2015. 94 с.

Нефедова Т.Г. Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена, 2013а. С. 171–193.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013б. 456 с.

Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Сер. геогр. 2017. № 5. С. 7–18.

Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Вестник Ассоциации российских географов обществоведов. 2018. С. 4–21.

Нефедова Т.Г. Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019а. № 4. С. 50–70.

Нефедова Т.Г. От трансформации хозяйства в сельской местности к неформальной занятости населения на Юге России // Журнал исследований социальной политики. 2019б. Т.17. № 1. С. 127–139.

Нефедова Т.Г. Контрасты социально-экономического пространства в Центре России и их эволюция: два разреза-профиля // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 18–38.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования 2010. № 2. С. 42–57.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 35–71.

Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / ред. А.Н. Золотокрылин, В.В. Виноградова, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2018. 156 с.

Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.

Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. В 2-х кн. / ред. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Аверкиева К.В. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.

Регионы России. Стат. Сб. М.: Федеральная служба гос. статистики, 1998, 1999, 2012, 2019.

Сен А. Об этике и экономике. Пер. с англ. М.: Наука, 1996. 160 с.

Смирнов С.Н. Региональные факторы социального неравенства и его следствия: пример современной России // Экономические и социальные проблемы России. М., 2017. С. 46–66.

Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М.: Росстат, 2016.

Старая и Новая Москва: тенденции и проблемы развития. Сб. науч. ст. М.: Изд. ИП Матушкина И.И., 2018. 338 с.

Тархов С.А. Изменение связности пространства России. Москва – Смоленск: Институт географии РАН, 2015. 154 с.

Тишков В.А. Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. М.: Старый сад, 2008. 230 с.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 16–31.

Трейвиш А.И. Европейская Россия в хозяйстве страны и основные черты её экономической географии // Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Европейская Россия и Урал. В 2-х кн. Кн. 1. Общий обзор / отв. ред. В.М. Котляков, О.Б. Глезер. М.: Паулсен, 2020. (в печати)

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. 321 с.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. Научн. доклады РАНХиГС. М.: Издат. дом «Дело», 2019. № 4 (19). 96 с.

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. М.: Росстат, 2019. (1990, 2010).

Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. № 2: Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты. М., 2017. 142 с.

Friedmann J. Regional Development Policy. A Case Study of Venezuela. Cambridge: Mass. Inst. Tech. Press, 1966.

Harris Ch. Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970.

Nefedova T.G. Old-developed regions of the Russian Center in the shadow of the Moscow capital region // Regional Research of Russia. 2019. Vol. 9. № 4. P. 329–339.

Глава 9

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ[1]

Теоретические и методические подходы к оценке человеческого потенциала

Понятие человеческого потенциала в нашей стране прочно вошло в научный оборот, и наряду с ним в исследованиях как синоним используется термин «человеческое развитие». Подходы к изучению их содержания иногда объясняют заимствованием зарубежных достижений в период рыночных реформ, когда Россия стала участником Программы развития Организации объединенных наций (ПРООН). На наш взгляд, это является не совсем верным. Отечественная наука задолго до этих реформ была подготовлена к творческому восприятию и использованию данных понятий.

Среди предпосылок следует назвать исследования тех же проблем, анализ которых за рубежом привел к формированию категории человеческого потенциала. Это относится к обоснованию недостаточности характеристик темпов роста для оценки экономического и социального прогресса (Анчишкин, 1973), а также разработанную в годы планового хозяйства концепцию трудового потенциала, включая систему его качественных параметров (Маслова,1987).

Более серьёзной проблемой следует считать преодоление человекоутилизирующей парадигмы, рассматривающей человека в основном как производственный ресурс. Эта парадигма либо явно, либо имплицитно, господствовала в теории и плановой, и рыночной экономики. Альтернативная ей человекоразвивающая парадигма ставит человека в центр воспроизводственного процесса, при котором расширяются возможности самореализации, обогащается содержание труда, и само производство продуцирует человеческое развитие (Соболева, 2006). В отечественных исследованиях пересмотр ресурсного подхода к человеку произошёл тогда, когда на основе обобщения достижений отечественной и зарубежной науки человеческий потенциал был признан учёными (в отличие от практиков) целью и критерием общественного прогресса, а его исследования вписались в мировую траекторию (Римашевская, 2009).

В дальнейшем был поставлен вопрос о том, являются ли понятия человеческого потенциала и человеческого развития синонимами, тем более что ряд исследователей явно отдают предпочтение одному из терминов. Специалисты, предпочитающие термин «человеческое развитие», опираются на концепцию А. Сена о развитии как расширении возможностей человека и трактуют его не как благополучие, а как свободу, которой располагают люди благодаря тому или иному набору доступных вариантов выбора (Человеческое…, 2008). Соответственно, отличие человеческого развития от человеческого потенциала состоит в том, что первое – не средство (ресурс) социально-экономического

[1] В главе представлены результаты исследования, которое проводилось по методике, разработанной в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН под научным руководством чл. корр. РАН Н.М. Римашевской в рамках проекта «Человеческий и трудовой потенциал российских регионов: демографическое и социально-экономическое измерение» (2012–2014 гг.), проекта «Социально-экономическая дифференциация населения России и ее регионов» (2015–2017 гг.).

прогресса, а его цель. Такое понимание нашло отражение в Докладе о человеческом развитии 2015, имеющем подзаголовок «Труд во имя человеческого развития» (Доклад…, 2015).

Термином «человеческий потенциал» оперируют специалисты, которые рассматривают его одновременно как цель и средство (не противоречащее цели) общественного прогресса. Такому диалектическому пониманию отвечает следующее определение человеческого потенциала: «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей» (Соболева, 2007, с. 12). Как видим, при достаточно полном наборе признаков акцент делается на реализации человеческого потенциала, но его область не ограничена сферой труда, что свойственно производственным ресурсам, а потребности человека выходят за рамки экономических потребностей. Поэтому его изучение нуждается в междисциплинарных исследованиях, которые в дальнейшем могут стать органическими частями целостных научных представлений о человеке (Марцинкевич, Соболева, 1995).

Вместе с тем некоторая неопределённость названных понятий имеет давнюю традицию и восходит к ПРООН, в рамках которой определяется интегральный индекс человеческого развития (ИЧР), применяемый для межстрановых сопоставлений. Сравнительный подход обусловлен не только миссией ООН по выявлению стран, нуждающихся в содействии развитию, но и тем, что абсолютные оценки (какие бы индикаторы ни применялись) непросто интерпретировать. Поэтому используется метод сравнений, который позволяет определять, какие страны и за счёт каких базовых компонент опережают или, наоборот, отстают от других стран. Рейтинговый подход используется и для внутристрановых сопоставлений.

В настоящее время базовые компоненты ИЧР отражаются через показатели таких компонент человеческого развития, как здоровье (ожидаемая продолжительность жизни), образование (количество лет обучения) и материальное благополучие (душевой ВВП, а с 2011 г. душевой ВНД). Если ожидаемую продолжительность жизни можно считать индикатором человеческого развития в его целевом понимании, то другие индикаторы – образования и материального благополучия – скорее характеризуют средства его обеспечения. Вместе с тем включение в композицию ИЧР индикаторов, альтернативных индикаторам благосостояния, позволило получить ранги стран, отличные от рангов по душевому ВВП, и тем самым опровергнуть устойчивые представления, что возможности человека в основном определяются доходами (Человеческое…, 2008).

В данном исследовании мы рассматриваем качественные характеристики человеческого потенциала в рамках человекоразвивающей парадигмы, отвлекаясь от ресурсных аспектов, и проводим сопоставление субъектов РФ по их индикаторам. Региональный ракурс важен для такой пространственно масштабной страны, как Россия. Территориально и популяционно многие субъекты РФ превосходят большое число суверенных государств. Более того, дифференциация регионов по социально-экономическим параметрам приобрела размах, порой превышающий различия между отдельными странами.

Мы поставили задачу проведения сравнительного межрегионального анализа качества человеческого потенциала субъектов РФ в динамике. Прежде всего

исходили из того, что объектом анализа должно быть именно население, а не его доступ к тем или иным благам. Далее определили основные (базовые) компоненты человеческого потенциала, опираясь на имеющиеся разработки и региональную статистику. Среди них считаем нужным выделить следующие. Это исследования ИСЭПН РАН, где был представлен укрупнённый набор базовых компонент: здоровье, интеллектуальный потенциал и социально-культурная активность (Римашевская, 2009). Затем в их состав была включена и демографическая составляющая (Римашевская и др., 2013). Многие специалисты привлекают к анализу также миграционную компоненту (Тюличева, 2007).

Если здоровье, интеллектуальная и частично социально-культурная компоненты учитываются в большинстве межрегиональных исследований человеческого потенциала, то к демографической составляющей, которая оценивается показателями численности населения, сложилось более скептическое отношение. Во многих работах её считают количественной характеристикой и в этом аспекте привлекают к изучению и трудового, и человеческого потенциала. Однако, по нашему мнению, демографическая компонента содержит существенные качественные моменты. Так, гуманитарной ценностью является не только продолжительность земного бытия, но и постоянное возобновление жизни, которое можно трактовать как право человека появиться на свет благодаря человеческой потребности в продолжении рода. Вследствие этого человеку присуща репродуктивная способность замещать и дополнять себе подобных, поэтому данную способность есть основания относить к качественной характеристике человеческого потенциала.

Таким образом, в анализ включены следующие базовые компоненты человеческого потенциала населения: демографическая составляющая; здоровье; образование; социально-культурное поведение.

Базовые компоненты качества человеческого потенциала были подвергнуты процедуре операционализации, т.е. переводу в статистические показатели. При их отборе решались проблемы, хорошо известные специалистам по сходной тематике. Во-первых, практически невозможно найти один универсальный статистический показатель, характеризующий ту или иную компоненту. Поэтому использовались несколько показателей. Во-вторых, существуют проблемы статистики (региональной в особенности), которые ограничивают выбор подходящих показателей.

Для *демографической компоненты*, характеризующей способность населения к воспроизводству, основным является показатель его естественного прироста. Но на эту способность влияют не только процессы естественного воспроизводства населения (рождаемость и смертность), но и внешние и внутренние миграционные потоки, которые сказываются как на численности жителей, так и на их качественных характеристиках. Данные процессы в нашей стране имеют значительное распространение. Из-за масштабной внешней миграции Россия относится к числу стран, являющихся нетто-импортерами людских ресурсов, при этом внешние потоки в разы уступают перемещениям внутри регионов, которые в целом ряде субъектов РФ стали основной причиной убыли населения. Поэтому индикатор его естественного прироста/убыли дополнен показателем общего миграционного прироста/убыли.

Компонента здоровья, как и в ИЧР, оценена через индикатор ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ). Более корректную оценку мог бы

дать предложенный экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) индикатор продолжительности здоровой жизни с корректировкой ОПЖ на период нездоровья. Но в России в официальной статистике он не рассчитывается. Поэтому в данном исследовании дополнительно привлечены показатели, отражающие нарушение здоровья: инвалидность и общая первичная заболеваемость (количество впервые зарегистрированных заболеваний у пациентов).

Образование входит в интеллектуальную компоненту, но ввиду дефицита статистики, как и в других исследованиях, она отражена только показателями образования, а потому и названа образованием. Для изучения качества человеческого потенциала чаще всего используют индикаторы не доступности образования (как в ИЧР), а более адекватные показатели долей населения с тем или иным его уровнем. Многие специалисты предпочитают рассчитывать их по населению от 15 лет и старше с высшим и средним профессиональным образованием, так как школьное обучение (как минимум на уровне основного общего) в нашей стране давно стало обязательным.

В данном анализе использован альтернативный подход, базирующийся на балльных оценках системы образования. Каждый его уровень – 3 ступени полного общего (школьного) и 3 ступени профессионального – получает определенный ранг (чем выше уровень образования, тем выше ранг). Путём экспертных оценок каждому рангу присваивается определённое количество баллов. Их средняя величина по региону рассчитывается на основе доли населения 15 лет и старше с тем или иным уровнем образования (Римашевская и др., 2013). Отметим сразу, что оба эти подхода, во-первых, не «улавливают» качественные аспекты полученного населением образования (а его качество не остаётся неизменным), а во-вторых, использование того или другого метода не даёт существенной разницы в конечном результате.

Для операционализации *социально-культурной компоненты* отобраны две группы показателей, характеризующие потребление услуг, предоставляемых учреждениями культуры, и социальное поведение, которое оценивается методом «от противного», а именно показателями асоциального (девиантного) поведения. Ввиду их содержательных различий они представлены как две компоненты – культурная активность населения и его социальное поведение. Для более полной оценки социально-культурной компоненты она должна быть дополнена и социально-политической характеристикой (участие в выборах, партиях и других общественных организациях и т.д.), однако найти такую информацию по всем российским регионам не удалось.

Культурная активность населения выражена через показатели посещаемости музеев и театров и численности пользователей общественных библиотек, а социальное поведение – через численность мужчин и женщин, совершивших преступления, и численность лиц, состоящих на учёте в лечебно-профилактических учреждениях по поводу алкоголизма, наркомании и токсикомании.

Информационной базой исследования послужили данные Росстата по 83 субъектам Федерации за 2010 г. и 85 – за 2015 г. (Регионы…, 2016). Для включения отдельных показателей в интегральную оценку человеческого потенциала применялся индексный метод. Он состоит в том, что статистические показатели преобразуются в индексы, которые рассчитывались в соответствии с процедурой минимаксного нормирования, часто применяемой для оценки социальных показателей (Моделирование…, 2001; Айвазян, 2012).

Для отражения динамики статистических показателей при расчёте индексов использовались одинаковые минимальные и максимальные значения показателей для 2010 г. и 2015 г. По каждой компоненте рассчитывался сводный индекс, а затем на их основе определялся интегральный индекс человеческого потенциала как среднеарифметическое значение из пяти компонент. Выбор аддитивной формулы для расчёта интегрального индекса объясняется главным образом тем, что она позволяет оценить вклад каждой компоненты в общую характеристику. Кроме того, не по всем регионам есть необходимые показатели, и использование мультипликативной формулы приводит к нулевому значению компоненты. Например, в культурной активности населения в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах отсутствует показатель посещаемости театров из-за отсутствия самих театров.

Динамика основных характеристик человеческого потенциала РФ за 2010–2015 гг.

Демографическая составляющая. Динамика численности населения – это, как отмечалось, не только его количественная характеристика, но и качественная – способность населения к воспроизводству, и зависит от величины естественного и миграционного прироста/убыли.

Естественный прирост населения зависит от соотношения рождаемости и смертности. В последние пять лет темпы роста рождаемости резко снизились. Это снижение объясняется, в том числе тем, что выплата материнского капитала стимулировала рождение запланированных детей. Если эта потребность удовлетворена, то рождаемость не увеличивается, и естественная динамика демографических процессов возобновляется. Кроме того, сократилась доля женщин в репродуктивном возрасте (15–49 лет). По данным Росстата на начало 2010 г., доля женщин этого возраста в стране составляла 49,3% в общей численности женщин, а на 1 января 2015 г. – 45,3%.

Коэффициент рождаемости (количество родившихся на 1000 человек населения) в среднем по стране в 2010 г. составлял 12,5‰, в 2015 г. – 13,3‰. За эти годы число регионов с уровнем рождаемости выше среднероссийского (42) не изменилось. Коэффициент общей смертности (число умерших на 1000 человек населения) снизился с 14,2‰ в 2010 г. до 13‰ в 2015 г. В 2010 г. в 35 субъектах РФ смертность была ниже среднего по стране показателя. В 2015 г. число таких регионов сократилось до 32.

В 2010 г. отрицательный естественный прирост, или естественная убыль населения, составлял в целом по стране 1,7‰. При этом в 24 субъектах РФ фиксировался положительный прирост населения – рождаемость превышала среднероссийский уровень (12,5‰), а смертность была ниже (14,2‰) среднероссийского уровня. Исключение – Иркутская область, где смертность составляла 14,4‰.

В 2015 г. был зафиксирован небольшой положительный прирост (0,3‰), а число субъектов РФ с положительным приростом увеличивалось до 41. Однако в 4 регионах из этих 41 (Москва, Мурманская и Камчатская области, Ставропольский край) рождаемость была ниже, а в 5-ти (Марий Эл, Пермский край, Сахалинская, Свердловская и Оренбургская области) – смертность выше, чем в среднем по стране. Кроме того, нулевой прирост в 2015 г. зафиксирован в Челябинской и Магаданской областях.

В 10 регионах-лидерах естественный прирост населения в 2010 г. превышал 4,7‰, в 2015 г. – 5,8‰. Состав группы, которая отличается высокой рождаемостью и относительно низкой смертностью населения, оставался в эти годы на 90% без изменений – республики Чечня, Ингушетия, Тыва, Дагестан, Саха, Алтай, а также Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ненецкий АО; Кабардино-Балкария заменила Бурятию.

В 2010 г. в 11 субъектах РФ естественная убыль населения была больше 7‰, а в 2015 г. – 4,6‰. В их состав входили в основном регионы ЦФО и СЗФО с высокой смертностью населения. В 2015 г. из этой группы вышла Нижегородская, а вошла Курская область. Региональные значения естественного прироста населения варьировались в 2010 г. в интервале от 24,3 (Чеченская Республика) до –10,7‰ (Псковская область), в 2015 г. – от 18,2 до –7,2‰ соответственно.

Миграционные потоки населения. Миграцию населения за пределы субъекта Федерации, включая выезд за границу и въезд на постоянное место жительства (ПМЖ) из других регионов и стран характеризует коэффициент миграционного прироста (чел. на 10 тыс. человек населения, ‰). Его динамика зависит от множества факторов, включая уровень социально-экономического развития регионов, ситуацию на рынках труда, миграционную политику федерального центра и региональной администрации, ментальность населения и т.д. В России в условиях неразвитости арендного рынка жилья внутренняя миграция существенно сдерживается.

Миграционный отток снижает, а приток увеличивает демографический потенциал населения. В 2010 г. в среднем по стране коэффициент миграционного прироста составлял 19‰. Он имел положительное значение в 26 субъектах РФ, в том числе в 14 – был выше среднего уровня, а в Московской и Ленинградской областях, Санкт-Петербурге и Москве превосходил 100‰, в основном за счёт мигрантов из других регионов страны. В таких регионах, как Коми, Тыва, Ингушетия, Магаданская область и Чукотский АО отрицательный коэффициент составлял –100‰ и более.

В 2015 г. коэффициент миграционного прироста в целом по стране снизился до 17‰, в 32 субъектах РФ он был положительным, причем в 19 превышал среднероссийский уровень. В лидерах оказался Севастополь (439‰), а также Тюменская (без автономных округов) и Московская области, Краснодарский край.

По сравнению с 2010 г. существенно изменился и состав группы с самым высоким оттоком населения (–100‰). В ней оставались Коми, Чукотский АО и Магаданская область; из неё вышли Ингушетия и Тыва, а вошли Калмыкия, Еврейская автономная область, Ямало-Ненецкий АО.

Изменение численности населения. Для его оценки в регионах удельные показатели естественного и миграционного прироста были приведены к единой основе – на 1 тыс. населения (‰). Пересчёт чётко показал, что миграционные перемещения в целом в стране играли более заметную роль в изменении численности населения, чем естественное воспроизводство. В регионах эти процессы протекали разнонаправленно и с разной интенсивностью, меняя ранги (места) регионов в иерархии по значению рассматриваемого показателя (табл. 9.1).

В 2010 г. прирост населения в целом по стране составлял всего 0,2‰ и варьировался от 19,9‰ в Чеченской Республике до –16,5‰ в Чукотском АО. В 25 регионах наблюдался прирост населения и в Воронежской области нулевой, в этих регионах проживали 61,4 млн человек, или 43% общей численности насе-

ления страны. Отрицательный прирост был зафиксирован в 57 субъектах РФ, в том числе в 25 убыль была выше 7‰, а в 10 – превосходила 10‰.

В 2015 г. общий прирост численности населения (2‰) также сопровождался его значительными региональными различиями: от 42,5‰ в Севастополе до –13,4‰ в Еврейской автономной области. Положительный прирост зафиксирован в 33 субъектах РФ, в том числе в 23 он был выше среднероссийского уровня. В 12 регионах количество жителей увеличилось за счёт естественного и миграционного прироста, в 11 – только миграционного прироста и в 10 – естественного прироста. Всего в этих регионах проживали около 77 млн человек, или 52,6% общей численности населения страны.

Снижение численности населения, как и в 2010 г., наблюдалось в большинстве регионов (52). В 19 из них отмечен небольшой естественный прирост (за исключением ЯНАО, где он составил 11,3‰). В Магаданской области сокращение численности произошло за счёт отрицательного сальдо миграции, а в Рязанской области – в основном за счёт естественной убыли населения. В 8 регионах естественная убыль была частично компенсирована положительным сальдо миграции. В остальных 23 субъектах Федерации она сопровождалась миграцией в другие регионы страны и за рубеж. В 7 регионах, где численность населения снизилась, убыль составила более 7‰ и в 4 – более 10‰.

Здоровье населения. Основным индикатором, отражающим состояние здоровья населения, служит ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ).

В конце XX в. экспертами ВОЗ для оценки состояния здоровья населения был предложен показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ), который в России официальной статистикой не рассчитывается. В этом исследовании оценка здоровья населения строится на базе трёх показателей – ОПЖ (лет), инвалидности населения (число инвалидов на 1000 человек населения) и общей заболеваемости (число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые, на 1000 человек населения).

Ожидаемая продолжительность жизни. В 1990 г., т.е. накануне радикальных экономических реформ, ОПЖ населения России составляла 69,2 года. Спустя четыре года (1994 г.) ОПЖ в среднем по населению снизилась до 63,8 года. Подобная динамика – результат проводимых рыночных реформ без необходимых социальных амортизаторов.

К 1998 г. ситуация несколько стабилизировалась: ОПЖ в среднем по стране выросла до 67,1 года, но финансовый кризис того же года вновь изменил динамику этого показателя, который к 2003 г. опустился до 64,8 года. С 2004 г. в России вновь началось повышение ОПЖ, и в 2010 г. она в среднем по России составляла 68,9 года, а через год достигла уровня 1990 г. – 69,8.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни заметно варьируются по субъектам РФ. В 2010 г. в 25 регионах ОПЖ была выше среднероссийского показателя, из них в 7 регионах превосходила 72 года (Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Москва и Санкт-Петербург) и в 3 – больше 71 года (Чеченская Республика, Белгородская область и Ставропольский край). В половине субъектов РФ ОПЖ была меньше 68,2 лет, из них в 10 регионах – 65,1 и ниже (Псковская, Новгородская, Магаданская области, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Ненецкий АО, Сахалинская область, Чукотский АО и Республика Тыва). Мак-

симальные региональные различия в ОПЖ в 2010 г. составляли 1,3 раза между Республикой Ингушетия (74,7 лет) и Чукотским АО (57,5 лет).

В 2015 г. ОПЖ во всех субъектах Федерации выросла и в среднем по стране составляла 71,4 года. В 25 субъектах РФ она была выше среднероссийского уровня, в том числе в 8-ми (Северо-Кавказские республики, Москва и Санкт-Петербург) превзошла 74 года. Если в республиках Северного Кавказа на показатель ОПЖ наряду с генетическим фактором влияние может оказывать и статистический (достоверность данных), то в двух российских столицах важную роль играют социальные условия жизни и, в первую очередь, доступность квалифицированной медицинской помощи для населения.

В половине регионов ОПЖ была ниже 70,5 лет, в том числе в 10 – менее 68,5. Состав этой группы-аутсайдеров на 70% остался без изменений. Из неё вышли Псковская и Новгородская области, Ненецкий АО, а вошли Кемеровская и Иркутская области, Республика Алтай. Причины низкой продолжительности жизни в этих регионах разные – суровые природно-климатические условия в Магаданской области и в Чукотском АО, проблемы с экологией в Кемеровской области, Чукотском АО, Забайкальском крае, низкая обеспеченность квалифицированной медицинской помощью (индикатором служит высокая младенческая смертность) – Чукотский АО, Еврейская автономная область, республики Тыва и Алтай. Максимальные региональные различия в ОПЖ в 2015 г. несколько сократились и составляли 1,25 раза (между республиками Ингушетия – 80 лет, и Тыва – 63,5 года).

Инвалидность населения. После значительного роста численности инвалидов, который был зафиксирован в 2005–2006 гг. в связи с монетизацией льгот, их численность продолжала увеличиваться до конца 2010 г. (13209 тыс. человек). С 2012 г. она начала постепенно сокращаться и к исходу 2015 г. составляла 12751 тыс. человек. В статистике отсутствует информация по Московской и Ленинградской областям, численность инвалидов, проживающих в этих регионах, включена в показатели по Москве и Санкт-Петербургу. Поэтому в данном исследовании публикуемая численность инвалидов в обеих столицах распределена между ними и прилегающими областями пропорционально численности жителей.

Среднегодовая удельная численность инвалидов в 2010 г. в РФ (на 1000 человек населения) составляла 92,5 человек. В 48 регионах она была ниже среднероссийского показателя, а в 10 региона-лидерах (с низкой удельной численностью инвалидов) меньше 56 человек (ЯНАО и ХМАО, Московская и Ленинградская области, Чукотский АО, Магаданская, Мурманская и Астраханская области, Камчатский край, Москва). В группу 10 регионов с самой высокой удельной инвалидностью населения (более 117) в 2010 г. входили Оренбургская область, Республика Карелия, Тульская, Костромская, Новгородская, Липецкая, Тамбовская, Рязанская и Белгородская области, Республика Алтай – регионы с высокой долей лиц старше трудоспособного возраста. Максимальные региональные различия составляли 6,4 раза между Белгородской областью (181,9) и Ямало-Ненецким АО (28,6).

В 2015 г. среднегодовая удельная численность инвалидов снизилась до 87,7 человек. Однако в 26 субъектах РФ был зафиксирован рост численности инвалидов. В половине регионов она была ниже среднероссийского показателя. Состав 10 регионов-лидеров (53 и меньше человек) на 90% остался прежним, из данной группы вышел Камчатский край, а вошёл Севастополь.

Группа из 10 субъектов РФ с самой высокой удельной численностью инвалидов (свыше 115) в сравнении с 2010 г. по составу изменилась больше. Из неё вышли Оренбургская, Тульская и Костромская области, а вошли Курская область и республики Чечня и Ингушетия. Максимальные региональные различия в удельной численности инвалидов в 2015 г. по сравнению с 2010 г. снизились и составляли 5,2 раза между Белгородской (159,8) и Московской (30,8) областями.

Общая заболеваемость населения в статистике представлена числом зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленном впервые, на 1000 человек населения. Динамика этого показателя в среднем по стране в последние годы не имела однозначной тенденции: к 2013 г. он увеличился до 799,4 против 780 в 2010 г., затем постепенно снижался и в 2015 г. составлял 778,2 заболеваний.

В 2010 г. общая первичная заболеваемость в 36 субъектах Федерации была ниже среднероссийского уровня. Возглавляли эту группу 10 регионов-лидеров (с удельным количеством заболеваний до 650). Половина из них – территории СКФО, а также Ленинградская, Воронежская и Курская области, Краснодарский край, Республика Тыва. Такой состав свидетельствует об определённой зависимости состояния здоровья от этнического фактора, действенность которого проявилась в регионах Северного Кавказа и в Тыве. В состав 10 регионов-аутсайдеров (с самой высокой удельной заболеваемостью) входили 11 субъектов РФ (Ненецкий, Чукотский и ЯНАО, Карелия, Коми и Саха (Якутия), Алтайский край, Архангельская область, Удмуртия и Самарская область). Большинство из них относится к северным регионам, что указывает на ещё один фактор нездоровья – проживание в сложных природно-климатических условиях. Это отражается, в первую очередь, на высокой заболеваемости органов дыхания, а также болезнями нервной и эндокринной систем и органов пищеварения. В Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском АО и в Карелии заболеваемость этими болезнями самая высокая.

Максимальные региональные различия в удельной первичной заболеваемости населения в 2010 г. составляли 4,5 раза между Ненецким АО (1813,8) и Кабардино-Балкарией (399,8).

В 2015 г., как уже было отмечено, удельный показатель первичной заболеваемости в среднем по стране снизился и в половине субъектов РФ стал меньше среднероссийского уровня. За 5 лет существенно изменился состав 10 регионов-лидеров (с низким показателем – до 621 заболевания) за счёт замены Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Тывы на Севастополь, Республику Крым и Бурятию.

В то же время в 36 регионах выявлен рост общей заболеваемости. В составе 10 субъектов РФ с самой высокой удельной заболеваемостью (свыше 980 заболеваний) изменения минимальные – Удмуртия заменила Чувашию. Максимальные региональные различия по удельной заболеваемости населения снизились до 3 раз между теми же регионами с крайними значениями, что и в 2010 г. – Ненецким АО (1421,5 заболеваний) и Кабардино- Балкарией (466,2).

Сводный индекс здоровья населения рассчитывался на основе трёх индексов, определённых путем нормирования каждого из трёх рассмотренных показателей. Индексу ОПЖ в оценке здоровья предавалась более важная роль, чем другим индексам, характеризующим «нездоровье» в данный период времени, – инвалидности и первичной заболеваемости населения, которые лишь несколько корректируют величину ОПЖ.

Расчёт сводного индекса здоровья ($I_з$) проведен по следующей формуле:

$$I_з = [I_{опж} + (I_и + I_{пз}) / 4] / 2,$$

где $I_{опж}$ – индекс ожидаемой продолжительности жизни; $I_и$ – индекс инвалидности населения; $I_{пз}$ – индекс первичной заболеваемости.

Распределение субъектов РФ по величине сводного индекса здоровья в 2015 г. представлено в табл. 9.2, где также указан ранг региона по этому показателю в 2010 г., что позволяет увидеть произошедшие сдвиги за рассматриваемый период.

В 2010 г. в среднем по стране сводный индекс здоровья был равен 0,41503, а индекс ОПЖ 0,49786. Самый высокий показатель здоровья у москвичей – 0,54321, а самый низкий у жителей Чукотки – 0,21452. В группу с относительно хорошим здоровьем входил 31 субъект РФ с индексом выше среднего по стране. В число 10 субъектов Федерации с самыми высокими оценками состояния здоровья помимо Москвы входили шесть Северо-Кавказских республик, Краснодарский и Ставропольский края, Ханты-Мансийский АО. Большинство из них отличались самой высокой продолжительностью жизни в стране, за исключением Краснодарского края и Ханты-Мансийского АО.

В половине регионов сводный индекс здоровья был меньше 0,392, из них в группу из 10 регионов-аутсайдеров (индекс ниже 0,345) входили регионы с самой низкой ОПЖ – Псковская, Новгородская и Амурская области, Еврейская АО, Тыва, Ненецкий АО и Чукотский АО. В республиках Карелия и Алтай на оценку здоровья повлияла высокая инвалидность населения, в Иркутской области – первичная заболеваемость.

Через 5 лет в 2015 г. сводный индекс здоровья в среднем по стране увеличился до 0,46259. Аналогичная тенденция наблюдалась во всех субъектах РФ. В группу с относительно хорошим здоровьем (сводный индекс выше среднероссийского уровня) входили 30 регионов. При этом состав 10 регионов–лидеров изменился на треть – вошли Севастополь, Московская и Ленинградская области. Утратили свои позиции Чечня, Краснодарский край и Северная Осетия, где заметно выросла заболеваемость, кроме того, в Чечне и Краснодарском крае – инвалидность населения.

В половине субъектов РФ сводный индекс здоровья был меньше 0,442, а у 10 регионов-аутсайдеров – ниже 0,4. Аутсайдерами остались в основном те же регионы, что и в 2010 г., исключая Псковскую область и Ненецкий АО. Их заменили Забайкальский край и Кемеровская область. Таким образом, при общем улучшении здоровья населения во всех регионах ранг у 31 субъекта РФ в распределении по сводному индексу здоровья снизился по сравнению с 2010 г., в том числе из-за включения в расчёты Крыма, регионы которого вошли в первую двадцатку (Севастополь занял 10 место, Республика Крым – 19).

Образование населения. В результате реформы системы образования изменилась его привычная классификация, прежде всего, профессионального образования. В высшей школе появились две новые ступени – бакалавр и магистр. По данным ВПН-2010, доля лиц с этими новыми формами образования была незначительна (бакалавр – 1%, магистр – 0,5%). В совокупности со специалистами доля всех лиц с высшим образованием составляла 22,8%, а с учётом послевузовского – 23,4%. В МПН-2015 новые формы высшего образования, как и послевузовское, не выделялись. Реформированию подверглись также начальное и среднее профессиональное образование, их объединили в среднее профессиональное, и его учреждения стали готовить как специалистов среднего звена, так и квалифицированных

рабочих (служащих). Несмотря на эти изменения, данные ВПН-2010 и МПН-2015 по среднему профессиональному (в 2010 г. вместе с начальным) и по высшему образованию сопоставимы.

Анализ распределения населения не моложе 15 лет за 2010 г. и 2015 г. показал, что доля лиц с высшим образованием (включая послевузовское) несколько увеличилась – с 23,4 до 25,8%, а доля обучившихся на специалистов среднего звена за 5 лет практически осталась прежней (соответственно 31,2 и 31,3%). Существеннее изменился лишь удельный вес тех, кто получил подготовку квалифицированных рабочих – с 5,6 до 9,2%. По другим уровням образования доли прошедших обучение снизились: с неполным высшим образованием – с 4,6 до 2,8%, с полным общим – с 18,2 до 17,9%, с основным общим – с 11 до 9,7%, а не имеющих общего основного и начального – с 6 до 3,5%.

Следует отметить, что текущая статистика Росстата по образованию (Обследование рабочей силы) охватывает только население в возрасте экономической активности (15-72 лет). По данным этого обследования за 2015 г., доля лиц с высшим образованием увеличилась до 26,4% против 22,3% в 2010 г., практически не изменилась – со средним профессиональным образованием (40,1 и 40,5%), соответственно, несколько снизились доли с другим образованием.

Для оценки уровня образования населения страны в целом и регионов использован балльный метод, когда каждому уровню присваивается определённый балл: 1– начальное; основное общее – 3; полное общее – 4; начальное профессиональное – 4,5; среднее профессиональное – 5,5; неполное высшее – 6; высшее – 7 баллов.

Средняя оценка уровня образования населения зависит от его половозрастного и социального состава (работающие, безработные, пенсионеры), от места проживания (город, село). Подробно анализ оценок уровня образования для разных категорий населения за 2010 г. по РФ в целом изложен в (Римашевская и др., 2013).

Средняя балльная оценка образования всего населения России 15 лет и старше составляла, по данным ВПН-2010, 4,994 балла, по данным МПН-2015, – 5,138 балла, т.е. увеличилась на 2,7%. Но в материалы МПН-2015 г. включена только Республика Крым, данные по Севастополю отсутствуют, нет информации и по Ненецкому АО (как и в данных ВПН-2010). Однако отсутствующая информация по Севастополю и Ненецкому АО в этом исследовании была восполнена данными Обследования рабочей силы. Следует также иметь в виду, что средние оценки уровня образования, рассчитанные на основе текущей статистики, несколько ниже, чем по данным переписей для возрастной категории 15–72 лет. Так средняя оценка образования населения РФ в том же возрасте, по данным МПН-2015, составляла 4,758 балла, а по Обследованию рабочей силы – 4,553.

Средний уровень образования населения во всех субъектах РФ за 5 лет также повысился, но темпы значительно варьировались от 100,6% в Карелии до 112,1% в Чечне, что отразилось на ранге большинства регионов (табл. 9.3).

В 2010 г. в 18 регионах средняя оценка образования была выше, чем в среднем по РФ, а через 5 лет их число увеличилось до 25. В половине субъектов Федерации в 2010 г. эта оценка была ниже 4,867 балла, а в 2015 г. – 5,062 балла. Состав 10 регионов-лидеров на 70% остался без изменений. В 2015 г. в эту группу вошли г. Севастополь, Республика Крым и Томская область с темпами роста этого показателя выше среднероссийского уровня в 104,2%. Покинули группу лидеров Камчатский край, Калининградская и Мурманская области, где средняя оценка образования увеличилась всего на 1%.

Ненамного изменился и состав 10 субъектов РФ с самыми низкими средними оценками образования (ниже 4,927 баллов). В 2015 г., повысив свой ранг, покинули группу Тыва, Тамбовская область и Ингушетия. В первых двух регионах средняя оценка увеличилась на 7%, а в Ингушетии на 9,6%. У Чеченской Республики при росте этого показателя на 12,1% в результате двукратного роста доли лиц с высшим образованием (с 11,8% до 23,1%) ранг не повысился. Кроме неё оставались в этой группе Алтайский край, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Курганская и Кировская области, Дагестан. Только в Забайкальском крае рост средней оценки несколько уступал среднероссийскому – 2,5%, а в остальных регионах он варьировался от 3,2% в Кировской области до 5,2% в Еврейской автономной области. Среди новых членов группы выделяется Карелия, рейтинг которой опустился с 36 до 77 в результате самых низких среди всех регионов страны темпов роста этого показателя, что связано в основном с со снижением доли лиц с высшим и послевузовским образованием с 19,7 до 18,4%.

Всего в 2015 г. помимо Карелии ранг на 10 и более позиций снизили 14 субъектов Федерации (в табл. 9.3 они выделены цветом). Среди них такие регионы с известными научными центрами, как Калужская, Новосибирская, Свердловская, Воронежская области, Республика Татарстан и ряд других. Низкие темпы роста средней оценки, несмотря на повышение доли получивших высшее образование, в этих регионах объясняются главным образом увеличением (в 1,5–2 и более раз) доли лиц, обучившихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, и снижением – по программам подготовки специалистов среднего звена.

Распределение регионов по средней оценке образования населения, в сравнении с другими качественными характеристиками, отличается низкой межрегиональной дифференциацией. Максимальные различия в 2010 г. составляли 1,37 раза (между Москвой и Чеченской Республикой), а в 2015 г. – 1,27 раза. Основная причина низкого регионального неравенства – достигнутая ещё в советский период обязательность среднего (школьного) образования для младших поколений и доступность профессионального образования.

Культурная активность населения. Оценить культурную активность населения, которая характеризует его уровень культурного развития можно с помощью статистических показателей – посещаемость театров и музеев (число посещений на 1000 человек населения) и число читателей общественных библиотек (тыс. человек). Последнее наиболее важно для субъектов РФ, где количество театров и музеев ограничено. В районных центрах библиотеки являются культурными центрами, где проводятся художественные выставки, праздничные мероприятия, встречи с писателями, работают детские кружки и т.д.

Посещаемость театров и музеев. В целом по РФ число профессиональных театров за 5 лет увеличилось на 10% (с 604 до 665), а удельная посещаемость – на 20,3% (с 217 до 261 посещений на 1000 человек населения). В большинстве регионов (68) наблюдалась положительная динамика посещаемости театров, и самыми высокими темпами она росла в Чечне (в 5,5 раза), Ингушетии (2,9 раза), Алтае (2,2 раза), Тыве (2 раза). Несколько снизился этот показатель в 11 субъектах РФ – в Орловской, Псковской, Ленинградской, Мурманской, Кировской, Пензенской, Саратовской, Новосибирской, Омской и Сахалинской областях, в Калмыкии. В рассматриваемый период в Чукотском АО, Ненецком АО и Ямало-Ненецком АО театров не было.

Наибольшее число театральных зрителей в 2010 и 2015 гг. наблюдалось в культурных столицах – Москве (соответственно 527 и 612 посещений) и Санкт-Петербурге (517 и 780). На 3-м месте в 2010 г. была Омская область (360), а в 2015г. – Республика Марий Эл (374). В десятку регионов-лидеров по посещаемости театров в 2010 и в 2015 гг. помимо двух столиц, Республики Марий Эл и Омской области входили Магаданская и Новосибирская области. В этих регионах удельная посещаемость театров увеличилась, за исключением Омской и Новосибирской областей, но и в них оставалась на относительно высоком уровне (352 и 328). В эту группу в 2015 г. вошли Севастополь, Астраханская и Костромская области, Пермский край, а покинули – Красноярский край, Чувашия, Томская и Саратовская области, причём только в последней произошло снижение посещаемости (с 264 до 239).

В 2010 г. в 11 субъектах РФ удельная посещаемость театров была менее 100, и минимальный уровень наблюдался в Тыве (48), Алтае (39) и Чечне (28). Через 5 лет таких субъектов РФ осталось только 5 – Тыва (98), Ставропольский край (86), Алтай (84) и Еврейская автономная область (73).

В результате максимальные региональные различия по удельной посещаемости театров за 5 лет сократились с 18,8 раз (между Москвой и Чечней) до 10,7 раза (между Санкт-Петербургом и Еврейской автономной областью). Если исключить две российские столицы, где существенный вклад вносит, в том числе, туристический фактор, то максимальные региональные различия в 2010 г. составляли 12,9 и в 2015 г. 5,1 раза.

Удельная посещаемость музеев в целом по РФ за 5 лет выросла ещё больше (на 43,4%) – с 567 до 813, в том числе в результате увеличения числа музеев с 2578 до 2758 (на 7%). В подавляющем большинстве субъектов РФ (75) складывалась аналогичная динамика, и лидерами по темпам роста посещаемости музеев выступали Чечня (в 14,2 раза), Алтай (в 9 раз), Татарстан (в 2,5 раза) и Еврейская автономная область (в 3 раза). Самое большое снижение посещаемости музеев в 2015 г. было зафиксировано в Ленинградской области – более, чем на 40% (с 731 до 429) как результат присоединения Петергофа к Санкт-Петербургу. Аналогичные тенденции наблюдались в Приморском и Алтайском краях (снижение на 25% и 19% соответственно), Ингушетии (на 20%), Астраханской области (на 16%), Бурятии (менее 5%), Саратовской области и Пермском крае (около 1%).

В 2010 г. группу регионов-лидеров с высокой удельной посещаемостью музеев (более 1200) возглавляли Санкт-Петербург (3669), Ярославская и Владимирская области (1402 и 1372 соответственно). В 2015 г. Санкт-Петербург, наиболее привлекательный для туристов, сохранил своё лидерство (4860), второе место занял Севастополь (3468), третье – Москва (более 2,1 тыс.). Кроме того, в десятку лидеров вошла Республика Крым (1383). В результате Вологодская и Брянская области покинули эту группу. В ней по-прежнему остались регионы с городами, входящими в «Золотое кольцо России» (Ярославская и Владимирская области), а также Новгородская, Псковская, Волгоградская и Калининградская области с большим числом исторических достопримечательностей.

В половине субъектов РФ удельная посещаемость музеев в 2010 г. была ниже 389, а в 2015 г. – ниже 454. Группу 10 регионов с самой низкой посещаемостью (менее 150) возглавляла Адыгея, а замыкала Чечня (13). В 2015 г. в этой группе (менее 200) по-прежнему оставались Адыгея, Чечня, Северная Осетия, Карача-

ево-Черкесия, Калмыкия и Магаданская область. Покинули группу Башкортостан, Кабардино-Балкария и Алтай. Их заменили Алтайский край, Дагестан и Тыва. В регионах, которые остались в группе или вошли в неё, удельная посещаемость музеев увеличилась.

Туристический фактор в посещаемости музеев играет бóльшую роль, чем в посещаемости театров, поэтому выше и региональные различия. В 2010 г. максимальный разрыв в посещаемости музеев составлял 282,2 раза (между Санкт-Петербургом и Чеченской Республикой), а через 5 лет он сократился, но оставался по-прежнему высоким – 86,8 раза (между Санкт-Петербургом и Карачаево-Черкесией). При исключении Санкт-Петербурга в 2010 г., а в 2015 г. ещё и Севастополя различия сокращаются до 107,8 и 38 раз соответственно.

Численность пользователей общественными библиотеками. В последнее десятилетие число пользователей общественными библиотеками постоянно снижалось, в том числе из-за интенсивного развития интернета, что привело к закрытию библиотек и сокращению библиотечного фонда. Эти процессы шли практически с одинаковой скоростью в городах и сельской местности. Число общественных библиотек за 5 лет снизилось с 46,2 тыс. до 39 тыс., а библиотечный фонд уменьшился с 6459 до 5726 экземпляров на 1000 населения.

В 2010 г. общая численность пользователей общественными библиотеками составляла около 56 млн человек, а в 2015 г. – 52 млн человек (в пересчёте на 1000 человек населения соответственно 392 и 355). Однако в 17 субъектах РФ произошёл рост удельной численности пользователей. Небольшой (от 0,1 до 5%) рост отмечен в Белгородской, Кемеровской, Пензенской и Челябинской областях, в Тыве; несколько выше (6–7%) – в Сахалинской и Новосибирской областях, Кабардино-Балкарии. В Хабаровском крае, Свердловской и Ярославской областях и в Чечне удельный показатель повысился более чем на 10%, в Ненецком АО, Ленинградской и Вологодской областях – более чем на 20%. В Новгородской области рост составил 30,8% и в Ямало-Ненецком АО – 93,3%. В 7 субъектах РФ положительная динамика этого показателя связана отчасти со снижением численности населения (Кемеровская, Пензенская, Новгородская, Сахалинская и Вологодская области, Хабаровский край и ЯНАО).

Несмотря на сокращение удельного числа пользователей библиотеками, в 2015 г. в составе 11 регионов-лидеров оставались Чукотский АО, Смоленская, Мурманская и Магаданская области, Мордовия, Чувашия и Марий Эл, а вошли Новгородская, Сахалинская и Вологодская области, где зафиксирован рост пользователей библиотеками, и Марий Эл, сохранившая относительно высокую их численность. В 2010 г. в число лидеров входили субъекты РФ с удельной численностью пользователей более 552, а 2015 г. – более 535. Выше среднероссийского уровня этот показатель был в 55 регионах России в 2010 г. и в 54 – в 2015 г.

Группа 10 регионов с самым низким удельным числом пользователей библиотеками (в 2010 г. меньше 300, в 2015 г. – 260 чел.) на 60% оставалась без изменений. Свои позиции сохранили регионы, в которых посещаемость библиотек снизилась, – Ханты-Мансийский АО, Санкт-Петербург, Московская область и Приморский край, а также Ленинградская область и Чечня, где отмечен рост этого показателя соответственно на 21 и 12%. В 2015 г. из группы вышли Свердловская область, Ямало-Ненецкий АО, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, а вошли Москва, Волгоградская и Воронежская области и Ингушетия, где произошло снижение этой численности на 30–80%.

В результате разнонаправленной динамики удельной численности пользователей общественными библиотеками максимальные региональные различия между Чукотским АО и Чеченской республикой сократились с 6 раз в 2010 г. до 3,4 раза в 2015 г.

Сводный индекс культурной активности населения рассчитывался как среднее значение из трёх индексов – удельной посещаемости театров ($I_т$), музеев ($I_м$) и пользователей библиотеками ($I_б$): $I_к = (I_т + I_м + I_б)/3$ (табл. 9.4).

За пять лет сводный индекс культурной активности в среднем по России вырос на 9,3% с 0,21115 до 0,23087. Аналогичная положительная динамика наблюдалась в 53 регионах. В половине субъектов Федерации в 2010 г. этот индекс был больше 0,207 и в 2015 г. – 0,214, но число регионов с индексом выше среднероссийского показателя сократилось с 39 до 28. При этом состав регионов-лидеров на 70% остался без изменений. В 2010 г. к лидерам принадлежали Чукотский АО, Карелия и Омская область, а в 2015 их сменили Севастополь, Новгородская и Ярославская области. Состав регионов с самой низкой культурной активностью населения, как и группа лидеров, существенно за пять лет не поменялся. В группу аутсайдеров входили Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня (несмотря на то, что в этих республиках по всем трём показателям культурного развития зафиксирован рост, причём в Чечне существенный), Краснодарский край, Московская область, Ханты-Мансийский АО (где сократилось число пользователей библиотеками) и Ленинградская область, где посещаемость театров и музеев снизилась, что отразилось на их рейтинге (по театрам он снизился с 55 до 73 и по музеям с 11 до 44). Низкая культурная активность жителей Ленинградской и Московской областей во многом объясняется близостью столичных мегаполисов.

Социальное поведение населения оценивалось по численности граждан с асоциальным (девиантным) поведением. Под ними подразумеваются не только лица, совершившие преступления, но и состоящие на учёте в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) – больные наркоманией, алкоголизмом, токсикоманией. В здравоохранении данные отклонения считаются болезнями, но состояние здоровья этих граждан связано с асоциальным образом жизни.

Преступность. В официальной статистике основным показателем, позволяющим судить о масштабах и динамике преступности, является показатель общего количества зарегистрированных преступлений в расчёте на 100 тыс. человек населения. Кроме того, существуют и данные Росстата об общем количестве женщин и мужчин, совершивших преступления (в тыс. человек). Первый показатель существенно больше второго, что, видимо, связано с тем, что одно и то же лицо одновременно совершает разные виды преступлений. Оба показателя, по данным официальной статистики, в последние годы имели положительную динамику – количество преступлений снижалось.

В 2015 г. в РФ число лиц (женщин и мужчин на 100 тыс. человек населения), совершивших преступления, было равно 734. Но этот показатель публикуется в региональном разрезе по нечётным годам. Поэтому для оценки масштабов асоциального поведения, связанного с преступностью, в исследовании использовался показатель общего количества совершивших преступление на 100 тыс. человек в 2009 г. и в 2015 г.

Общее количество лиц, совершивших преступления, в России в 2009 г. составляло 1220 тыс. человек, в 2015 г. – 1075 тыс. человек, а в расчёте на 100 тыс.

населения 860 и 734 человек соответственно. Если в среднем по стране удельный показатель лиц, совершивших преступления, снизился на 14,6%, то в регионах зафиксирована разнонаправленная динамика. В большинстве субъектов Федерации (62) этот показатель снизился, в том числе в 24 регионах снижение было бóльшим, чем по стране в целом, и лидировали в этом процессе Москва, Ненецкий АО, Астраханская и Новосибирская области (снижение более чем на треть).

Среди 21 субъекта РФ, где наблюдалось увеличение удельного числа лиц, совершивших преступления, самыми высокими темпами роста отличались Вологодская область и Камчатский край (на 13,1%), Кабардино-Балкария (на 16,9%) и Дагестан (на 18,3%).

В 2015 г. число субъектов РФ с показателем ниже среднероссийского почти не изменилось – 39 против 40 в 2009 г. Состав группы лидеров (с низким числом совершивших преступления – в 2010 г. менее 575 и в 2015 г. – менее 502 на 100 тыс. человек населения) на 70% остался прежним. Несмотря на рост этого показателя в Ингушетии (с 168 до 186) и Дагестане (с 263 до 311), они сохранили свои позиции в этой группе – 1-ю и 4-ю. В нее также входили Чечня, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, Москва и Санкт-Петербург. В 2015 г. в группу вошли Тульская и Белгородская области и Севастополь, которые заменили Рязанскую область, Адыгею и Северную Осетию.

Группа из 10 регионов-аутсайдеров (с самым высоким удельным количеством лиц, совершивших преступления, – в 2010 г. более 1280, а в 2015 г. 1130 на 100 тыс. человек населения) осталась, как и лидерская, в том же составе на 70% (Магаданская область, Коми, Тыва, Хакассия, Алтай, Бурятия и Забайкальский край). Если в Коми и Забайкальском крае зафиксирован рост этого показателя на 5,2 и 6,8% соответственно, то в других регионах группы произошло снижение от 4,7% в Бурятии до 14,7% в Алтае. В 2009 г. в неё входили также Ненецкий АО, Амурская и Астраханская области, а в 2015 г. Еврейская автономная область, Сахалинская и Кемеровская области. Максимальные региональные различия снизились с 10,1 раза (между республиками Бурятия и Ингушетия) в 2009 г. до 7,9 раза (между республиками Алтай и Ингушетия) в 2015 г.

Контингент лиц, состоящих на учёте в ЛПУ по поводу алкоголизма и алкогольного психоза, наркомании и токсикомании в целом по стране в 2010 г. составлял 1607 человек в расчёте на 100 тыс. человек населения, из них 85,1% – это лица с алкогольной зависимостью, 14,4% – наркоманы и 0,5% – токсикоманы. В 32 субъектах РФ этот удельный показатель был ниже среднероссийского уровня.

Через 5 лет общая удельная численность контингента, состоящего на учёте в ЛПУ по указанным поводам, в целом по стране снизилась до 1278,8, или на 20,4%. При этом контингент мало изменился. Сокращение их численности произошло во всех субъектах РФ за исключением Бурятии (рост на 2%) и Еврейской автономной области (на 7,6%). При этом количество регионов с показателем ниже среднего по стране осталось практически таким же – 33.

Не произошло существенных изменений и в составе 10 регионов с самыми низкими удельными показателями – менее 1153 в 2010 г. и 868 в 2015 г. В эту группу входили пять Северо-Кавказских республик, Москва, Санкт-Петербург и Бурятия. В 2010 г. в составе лидеров были также Белгородская и Оренбургская области, а в 2015 г. на смену им пришли Томская область и Краснодарский край, где контингент состоящих на учёте в ЛПУ снизился в 2 раза.

Не зафиксировано больших изменений и в составе 10 регионов-аутсайдеров (с самой большой удельной численностью лиц, состоящих на учёте ЛПУ, – более 2460 в 2010 г. и 1925 в 2015 г.). Помимо Чукотского АО в группу входили Костромская, Нижегородская, Новгородская, Сахалинская, Ивановская и Магаданская области, а покинули её Карелия и Ненецкий АО, где удельная численность лиц, состоящих на учёте, снизилась соответственно в 1,5 и 3 раза. Их заменили Тамбовская и Брянская области, где темпы сокращения этого показателя были существенно ниже. Ненамного снизились и максимальные региональные различия – 53,4 раза в 2010 г. между Ненецким АО и Ингушетией против 50,8 раза между Чукотским АО и Ингушетией в 2015 г.

Общая численность лиц с асоциальным поведением рассчитывалась как сумма абсолютных значений рассмотренных показателей (табл. 9.5).

Численность лиц с асоциальным поведением в рассматриваемый период в целом по стране сократилась с 2467,2 до 2012,8 на 100 тыс. населения, или на 18,4%. Аналогичная динамика наблюдалась во всех субъектах Федерации, но темпы её были различными. В результате большинство регионов изменили свой ранг – у 20 субъектов Федерации он повысился, так как темпы снижения значения удельной численности были более высокие. Максимальная региональная разница снизилась с 24,7 между Ненецким АО и Ингушетией в 2010 г. до 18 раз между Чукотским АО и Ингушетией в 2015 г. При этом состав лиц с девиантным поведением изменился не столь существенно. Доля состоящих на учёте в ЛПУ снизилась с 65,1 до 63,5%, в том числе на контингент с алкогольной зависимостью приходится больше половины – в 2010 г. 55,4%, в 2015 г. – 53,5%.

Число регионов с удельной численностью лиц с асоциальным поведением ниже среднероссийского показателя в 2015 г. сократилось до 28 против 33 в 2010 г. Как и в распределениях регионов по уровню преступности и по удельной численности контингента, состоящего на учёте в ЛПУ, в составе группы из 10 регионов-лидеров помимо двух российских столиц большинство представляли Северо-Кавказские республики. В 2010 г. в неё также входил Татарстан. Через пять лет Карачаево-Черкесию и Татарстан заменили Краснодарский край и Ленинградская область, где существенно снизилась доля населения, совершившего преступления, а контингент состоящих на учёте в ЛПУ сократился вдвое.

Что касается группы регионов с самыми высокими показателями асоциального поведения (в 2010 г. выше 3,5 тыс., в 2015 г. выше 2,9 тыс. на 100 тыс. человек населения), то в ней преобладали Дальневосточные регионы. Кроме них в составе группы аутсайдеров находились Новгородская и Ивановская области с высокой численностью лиц, состоящих на учёте, и Республика Хакассия с высоким уровнем преступности. В 2010 г. в эту группу входили Пермский край, Карелия и Ненецкий АО, а через 5 лет – Нижегородская и Брянская области и Еврейская автономная область, которая снизила свой рейтинг по сравнению с 2010 г. на 22 позиции (с 54 на 76). Существенные сдвиги (на 10 и более позиций) произошли ещё в 15 субъектах РФ (в табл. 9.5 они выделены цветом).

Для включения этого показателя в интегральную оценку человеческого потенциала рассчитывался его индекс. Причём, чем выше индекс, тем меньше доля лиц с асоциальным поведением проживает на данной территории, другими словами, он характеризует в большей мере социально-нормальное, чем отклоняющееся поведение.

Человеческий потенциал регионов России

Индекс человеческого потенциала (ЧП) России и её регионов рассчитывался как среднее арифметическое значение из индексов пяти его компонент. По РФ в целом он вырос за 5 лет на 12,7% с 0,39622 до 0,44636. Все компоненты ЧП имели положительную динамику, но темпы роста варьировались от 109,3% по культурной активности до 114,4% по образованию. Поэтому удельный вес каждой из компонент в среднероссийском индексе ЧП за рассматриваемый период больших изменений не претерпел: доля демографической составляющей и здоровья населения снизились соответственно с 14 до 13,7% и с 20,9 до 20,7%, аналогичную динамику имела доля компоненты культурной активности населения – с 10,7% в 2010 г. до 10,3% в 2015 г., несколько увеличилась роль образования и социального поведения в формировании ЧП – соответственно с 25,1 до 25,5% и с 29,3 до 29,7%.

В субъектах РФ ЧП также улучшился, исключение составляли две республики СКФО (интегральный индекс снизился в Дагестане до 99,8% и Карачаево-Черкесии до 95,5%) и Еврейская автономная область – 99% к уровню 2010 г. Во всех трёх регионах ухудшились демографическая ситуация и культурная активность населения. Кроме того, в Еврейской автономной области в 2015 г. помимо самой масштабной эмиграции в стране и снижения числа пользователей общественными библиотеками до 61,7% увеличилась удельная численность лиц с асоциальным поведением. В остальных 80 регионах (без Республики Крым и Севастополя) темпы роста индекса ЧП варьировались от 105,2% в Северной Осетии до 192% в Ненецком АО и в 47 субъектах РФ были выше, чем в среднем по стране.

По величине индекса ЧП все субъекты Федерации можно разделить на три типа: а) с относительно высоким человеческим потенциалом (индекс ЧП выше среднероссийского уровня), среди которых выделяется группа из 10 регионов-лидеров; б) со средним уровнем развития человеческого потенциала (индекс ЧП ниже среднероссийского, но не ниже медианного уровня); в) с человеческим потенциалом ниже среднего уровня (индекс ЧП меньше медианного уровня), с выделением 10 регионов с самым низким ЧП (табл. 9.6). По числу субъектов Федерации, входящих в каждый тип, за 5 лет изменений практически не произошло, если не считать того, что медианный уровень сдвинулся в 2015 г. на одну позицию из-за увеличения количества регионов с 83 до 85.

В группу с относительно высоким развитием ЧП в 2010 и 2015 гг. входили 19 субъектов Федерации. Её состав за 5 лет изменился не существенно. В группу со средним развитием ЧП перешли Мурманская область, Ставропольский край, Волгоградская область, где индекс ЧП увеличился всего на 6–7%, и Карачаево-Черкесия, где индекс ЧП снизился. Их заменили Севастополь, Республика Крым, Краснодарский край и Новосибирская область. В последних двух регионах темпы роста индекса ЧП существенно превышали среднероссийский уровень (соответственно 22 и 18,7%). Более заметные сдвиги в данном типе произошли в численности населения – за 5 лет она увеличилась с 48,1 до 54 млн человек, или с 33,7 до 36,7% в общей численности населения России. Это увеличение обусловлено не столько изменением состава группы, сколько ростом численности населения в регионах.

Средний индекс ЧП в этой группе в 2010 г. был равен 0,44665, в 2015 г. вырос до 0,50940 (на 14%). По отношению к среднероссийскому индексу он был выше

в 2010 г. на 12,7% и в 2015 г. – на 14,1%, а индексы его компонент, за исключением культурной активности, также были выше, чем по стране в целом (табл. 9.7). Самыми высокими темпами (123,6%) росла компонента образования (с 0,51016 до 0,63055), и её доля в среднем по группе в индексе ЧП увеличилась с 22,7 до 24,8%. Самую большую роль в формировании индекса продолжала играть компонента социального поведения, несмотря на относительно низкие темпы роста её индекса (109,9%) и снижение доли в структуре среднегруппового индекса ЧП с 31,4 до 30,5%. Ещё меньшими темпами рос средний индекс здоровья (108,5%), и доля его снизилась с 21,1 до 20,1%. Относительно высокими темпами увеличивались индексы демографической составляющей (113,6%) и культурной активности (118,5%), однако доля первой в структуре среднего по группе индекса ЧП несколько снизилась (с 16,9 до 16,7%), а второй – увеличилась лишь с 8 до 8,1%.

Максимальные региональные различия в индексах ЧП в этой группе (включая её лидеров) не изменились – в 1,5 раза в 2010 г. между Санкт-Петербургом и Волгоградской областью и в 2015 г. между Севастополем и Ленинградской областью.

Группа из 10 регионов-лидеров отличается самыми высокими значениями всех компонент ЧП. Её средний индекс ЧП в 2015 г. вырос на 14,6% и был больше среднегруппового на 7,6% (0,54836 против 0,50940). В соотношении со среднероссийским индексом ЧП в 2010 г. средний индекс ЧП регионов-лидеров составлял 120,7%, в 2015 г. – 122,9% (см. табл. 9.7).

Состав группы лидеров за 5 лет изменился на 40%, её покинули республики Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Калининградская область, причём если у первых двух, как отмечалось выше, индекс ЧП несколько снизился, то у последних, наоборот, наблюдался его рост на 5 и 9%, соответственно. За исключением Карачаево-Черкесии все три региона в 2015 г. остались в составе группы с относительно высоким ЧП. В группу лидеров в 2015 г. вошли Краснодарский край, и Чеченская Республика, где индекс ЧП увеличился соответственно на 22 и 14%, а также Севастополь и Республика Крым. Численность населения в регионах-лидерах росла более высокими темпами, чем в целом по группе (118 против 112%) и за 5 лет увеличилась с 31,7 до 37,4 млн человек.

Шесть постоянных членов группы лидеров отличают относительно невысокие (ниже среднероссийского уровня) темпы роста индекса ЧП, исключение составляли Ингушетия (19,1%) и Тюменская область (13,8%). Каждый из 10 регионов в 2015 г., как и в 2010 г., отличался и рядом высоких значений компонент ЧП. Так, у всех индекс демографической составляющей был выше среднероссийского уровня, и первые три места занимали Севастополь (благодаря миграционному приросту), Ингушетия и Тюменская область (без автономных округов), где одновременно был зафиксирован естественный и миграционный прирост населения.

Оценка здоровья населения у всех субъектов РФ группы лидеров также выше, чем в среднем по стране, но темпы её роста были весьма скромными (108,1%), и первые три места занимали Москва (благодаря относительно высокой продолжительности жизни и низкой заболеваемости), Ингушетия (с самой высокой продолжительностью жизни) и Московская область (с относительно высокой продолжительностью жизни и низкой инвалидностью населения). Что касается образования населения, то проблемными в этой группе остаются Ингушетия и Чечня, несмотря на то, средний уровень образования (в баллах) увеличился соответственно на 10 и 12% против 2,7% в среднем по стране. Первые три места

не только в этой группе, но и среди всех субъектов РФ по уровню образования занимают Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Эти же регионы являются первыми и по культурной активности населения, тогда как в Московской области, Краснодарском крае и Ханты-Мансийском АО этот индекс в 2015 г. был в 2 раза ниже среднего по стране уровня, не на много лучше ситуация и в Чечне.

Регионы группы лидеров отличаются высоким уровнем индекса социального поведения, только в Московской и Тюменской областях он несколько меньше среднероссийского, а первые места занимают Ингушетия, Чечня и Санкт-Петербург.

В структуре среднего индекса ЧП регионов–лидеров, как и в целом по 19 субъектам РФ, существенных сдвигов не наблюдается. Разница в роли различных компонент в формировании ЧП в среднем по этой группе снизилась. Однако максимальные региональные различия в величине индекса ЧП незначительно увеличились с 1,4 до 1,47 раз, как и в целом по группе – с 1,52 до 1,54 раз.

Во вторую группу (со средним уровнем развития ЧП) в 2015 г. входили 24 субъекта РФ (в 2010 г. – 23). Её состав изменился почти на треть: помимо четырёх регионов, которые переместились из первой группы, в неё вошли Марий Эл, Ненецкий АО, Курская и Астраханская области. Численность населения сократилась за 5 лет с 48,1 до 41,4 млн человек (с 33,7 до 28,3% в общей численности россиян). Средний по группе индекс ЧП увеличился с 0,37894 до 0,43016 (на 13,5%) и по отношению к среднероссийскому индексу в 2010 г. составлял 95,6%, а в 2015 г. – 96,4%. Все компоненты ЧП в среднем были несколько ниже среднероссийских. Максимальные региональные различия в индексе ЧП снизились с 1,16 до 1,13 раза.

Самыми высокими темпами рос индекс компоненты образования (121,5%), и его соотношение со среднероссийским показателем увеличилось с 91,7 до 97,4%, а удельный вес в структуре среднего индекса ЧП – с 24,1 до 25,8%. Относительно высоким образованием в 2015 г. отличалось население ЯНАО, Самарской области, республик Саха (Якутия) и Адыгея, а низким – Ставропольского края. Самыми низкими темпами повышалась культурная активность (104,8%). При этом она по уровню и доле в структуре индекса ЧП оставалась несколько выше, чем в среднем в группе с относительно высоким ЧП. По уровню культурной активности в 2015 г., с одной стороны, выделялись Ярославская область, Красноярский край, Чувашия и Марий Эл, а с другой – Карачаево-Черкесия, Ненецкий АО и Ставропольский край. Здоровье населения в группе улучшалось, но недостаточно высокими темпами (110,4%), в результате в 2015 г. его среднегрупповой индекс стал несколько ниже, чем в среднем по РФ (0,45977 против 0,46259). Хорошим здоровьем в группе отличаются жители Ставропольского края, Карачаево-Черкесии, Астраханской области, а серьёзные проблемы со здоровьем населения в основном только в Ненецком АО.

Демографическая составляющая в среднем по группе росла более высокими темпами, чем в РФ (114,3 против 110,5%). В результате её отставание от среднего по стране уровня снизилось с 14,4 до 11,4%. Проблемными в этом плане по-прежнему являются Мурманская и Волгоградская области и особенно ЯНАО, где демографическая составляющая была равна 0,09677, и в структуре индекса ЧП на нее приходилось всего 4,6%. Наибольший удельный вес в его структуре в этом типе регионов, как и первом, занимает компонента социального поведения, а по регионам она в 2015 г. варьировалась от 34,6% в Карачаево-Черкесии до

26,9% в ЯНАО. За 5 лет её значение выросло на 12,3% (с 0,57596 до 0,64687), но соотношение со среднероссийским уровнем снизилось с 99,2 до 97,5%. Относительно низкие значения (менее 0,6) этой компоненты остаются в ЯНАО, Ненецком АО, в республиках Адыгея, Марий Эл и Чувашская.

Третий тип регионов с развитием ЧП ниже среднего уровня – самый многочисленный: в 2010 г. в него входил 41 субъект Федерации, в 2015 г. – 42, и его состав мало изменился. В 2015 г. произошёл обмен с регионами второго типа, вышли 4 субъекта РФ, их заменили Калмыкия, Челябинская, Воронежская и Пензенская области. В третьей группе общая численность населения увеличилась с 46,7 до 51 млн человек, или с 32,7 до 34,8% в общей численности россиян.

Средний индекс ЧП за 5 лет вырос на 18,4% (с 0,31747 до 0,37591). В 2010 г. он был ниже 0,3 в 8 субъектах Федерации, через пять лет таких осталось только 2 – Еврейская автономная область и Чукотский АО. Этот тип регионов отличается, во-первых, не только самым высоким темпом роста среднего индекса ЧП, но и высокими средними темпами роста его четырёх компонент – демографической (129,6%), здоровья (116%), образования (121,4%) и социального поведения (122,7%) – и некоторым снижением среднего значения компоненты культурной активности (на 0,5% с 0,21893 до 0,21321). Во-вторых, средний индекс ЧП в этом типе регионов и средние индексы всех пяти его компонент остаются, как и в 2010 г., самыми низкими. Наиболее проблемными являются характеристики демографии и социального поведения. Средний индекс первой компоненты даже в результате её увеличения в 2015 г. оставался меньше среднероссийского в 1,5 раза (0,20338 против 0,30645), а социального поведения – в 1,2 раза (0,53820 против 0,66313). Если проблемы с демографией больше обусловлены выездом жителей в другие регионы, то с социальным поведением – высокой долей лиц с девиациями.

В связи с актуальностью проблемы комплексного пространственного развития и снижения межрегиональных различий, в том числе в развитии человеческого потенциала, особого внимания требует ситуация, сложившаяся в 10 субъектах РФ с самым низким индексом ЧП (регионах-аутсайдерах), входящих в третий тип регионов. В этих 10 регионах в 2010 г. проживали 7 млн человек, в 2015 г. – 6,1 млн человек, или 4,9 и 4,2% от общей численности населения страны. Через 5 лет состав этой группы на 70% остался без изменений, постоянными её членами являлись 5 регионов ДФО, а также Курганская и Ивановская области. В 2015 г. группу покинули Пермский край, Новгородская область и Ненецкий АО, в которых все компоненты ЧП имели значительные положительные сдвиги. Индекс демографической составляющей в Ненецком АО существенно (в 1,5 раза) превысил среднероссийский показатель, но главный сдвиг был зафиксирован в характеристике социального поведения, индекс которой в 2010 г. был немногим более нуля, а в 2015 г. достигал 0,563182 (запредельные удельные показатели по алкогольной зависимости населения снизились в 3,2 раза, но при этом оставались в 1,5 выше, чем в среднем по РФ). Высоких положительных сдвигов в культурной сфере достигла Новгородская область.

В 2015 г. в группе аутсайдеров оказались Забайкальский край, Коми и Карелия. Только в Коми темпы роста индекса ЧП были выше, чем в среднем по стране (16,2%), а в двух других территориях рост составил менее 10%. В Коми все компоненты ЧП имели положительную динамику, в Карелии индекс культурной активности населения снизился в 1,7 раза. В Забайкальском крае снижение зафик-

сировано по двум характеристикам – демографической (результат эмиграции) и культурной активности (сократилась численность пользователей библиотеками). В 2010 г. только Карелия по уровню ЧП находилась в относительном отдалении от большинства аутсайдеров (63 место среди регионов РФ).

Средний индекс ЧП у аутсайдеров рос самыми высокими темпами (122,2%). Среди 7 постоянных членов группы в 2015 г. только в Еврейской автономной области индекс ЧП снизился, а во всех остальных вырос, и самые большие темпы его роста отмечены в Магаданской области (137%), Чукотском АО (132,2%), Амурской (123,6%) и Сахалинской областях (121,9%). Во всех 10 регионах остаются серьёзные проблемы с демографической составляющей из-за активного выезда населения. Средний индекс этой компоненты в 2015 г. оставался почти в 2 раза ниже среднероссийского и варьировался от 0,23710 в Сахалинской области до 0,08387 в Магаданской и 0,05806 в Еврейской автономной области. Средний индекс здоровья (0,39560) составлял в 2015 г. 85,5% от среднего по РФ. Проблемы со здоровьем по-прежнему наиболее остро стоят у жителей Амурской области, Еврейской автономной области, Чукотского АО и Республики Карелия, несмотря на то, что во всех четырёх регионах индекс здоровья увеличился, но остаётся значительно ниже среднероссийского уровня (0,346–0,375 против 0,463 по РФ). Почти в таком же соотношении со среднероссийским уровнем оставалось среднегрупповое значение компоненты образования, а в Забайкальском крае и Курганской области этот индекс был меньше 0,38.

Показатель культурной активности населения в 2010 г. был на 5% выше, чем в среднем по стране, а через 5 лет он снизился до 90,8%, и самыми проблемными в этой сфере были Еврейская автономная область, Курганская и Амурская области. Проблемы с социальным поведением населения остаются особо актуальными в Чукотском АО, Магаданской области. В целом по 10 регионам темпы роста компоненты социального поведения были самыми высокими (157,3%), однако в соотношении со среднероссийским уровнем она составляла 65,5% (в 2010 г. всего 47,6%). Средняя структура интегрального индекса ЧП регионов-аутсайдеров в 2015 г. стала значительно ближе к средней структуре всех регионов третьего типа, чем в 2010 г.

Максимальные региональные различия по величине индекса ЧП в регионах третьего типа снизились за 5 лет с 1,63 раза (между Оренбургской областью и Ненецким АО) до 1,44 раза (между Калмыкией и Еврейской автономной областью), в том числе в регионах-аутсайдерах с 1,38 раза (между Курганской областью и Ненецким АО) до 1,24 раза (между Сахалинской областью и Еврейской автономной областью), а в целом по РФ с 2,76 раза (между Санкт-Петербургом и Ненецким АО) до 2,41 раза (между Севастополем и Еврейской автономной областью).

* * *

Одним из факторов социально-экономического развития и одновременно целью его выступает человеческий потенциал, которым обладает население страны и её регионов. Модернизация экономики невозможна без надлежащего качества человеческого потенциала. В России с её огромной территорией, включающей 85 субъектов Федерации, и многонациональным составом населения важной задачей является преодоление пространственной дифференциации, в том числе и по качеству человеческого потенциала. В данном исследовании оценка ЧП включала пять его компонент – демографическая составляющая, здоровье, образова-

ние, культурная активность и социальное поведение населения – и проводилась индексным методом. Информационной базой служили данные Росстата за 2010 и 2015 гг.

Исследование показало, что за 5 лет качество человеческого потенциала населения России улучшилось. Индекс ЧП в целом по стране увеличился на 12,7%, выросло значение и каждой его компоненты от 9,3% в культурной активности до 14,4% в социальном поведении. В субъектах РФ наблюдались те же процессы, исключая Еврейскую автономную область и две республики СКФО – Дагестан и Карачаево-Черкесскую, но и у них большого снижения качества человеческого потенциала не зафиксировано. Динамика индекса ЧП и отдельных его компонент в регионах резко отличалась от среднероссийской. Так, темпы роста индекса ЧП варьировались в достаточно широком диапазоне – от 105,2% в Северной Осетии до 192,2% в Ненецком АО, а культурной активности – от 59,6% в Карелии до 770% в Чечне.

По величине интегрального индекса все субъекты Федерации объедены в три типа: 1) с человеческим потенциалом выше среднероссийского уровня; 2) со средним человеческим потенциалом и 3) с человеческим потенциалом ниже среднего уровня. В крайних двух группах дополнительно выделялись 10 субъектов РФ с самыми высокими и самыми низкими индексами ЧП, так называемые лидеры и аутсайдеры. За пять лет состав трёх типов регионов серьёзных изменений не претерпел, а по лидерам и аутсайдерам на 70% остался таким же, как и в 2010 г. Однако в результате разных темпов роста ЧП ранг регионов в распределении по этому показателю в большинстве из них изменился. При этом неравенство между субъектами РФ по качеству человеческого потенциала несколько сократилось – с 2,76 до 2,41 раза.

Так как конечная цель исследования – оценка готовности субъектов РФ к участию в процессе модернизации экономики, то в качестве критерия, по которому с этой точки зрения оценивался региональный человеческий потенциал и его отдельные характеристики, применялся среднероссийский уровень.

В 2010 и 2015 гг. индекс ЧП выше среднероссийского был всего в 19 регионах. В этой группе проживали 48 млн человек в 2010 г., и в 2015 г. 54 млн человек. В 2010 г. названному критерию по всем пяти характеристикам ЧП отвечали только два региона с общей численностью населения 16,3 млн человек (11,4%) – Москва и Санкт-Петербург. В 2015 г. к ним присоединился Севастополь, повысив численность до 17,9 млн. человек (12,2%). Ещё у 5-ти регионов – Тюменская область без автономных округов, республики Крым и Татарстан, Ханты-Мансийский АО, Калининградская область – в 2015 г. среднероссийского уровня не достигала одна характеристика. У Московской и Ленинградской областей таких характеристик было две, причём одна из них – культурная активность населения. Но их близость к двум российским столицам восполняет этот недостаток. Все перечисленные регионы, в которых проживает 18,8 млн человек (12,9%), имеют шансы относительно быстро исправить ситуацию.

В 2015 г. в состав регионов первого типа входили четыре Северо-Кавказские республики. Качество ЧП этих республик объясняется высокой рождаемостью и продолжительностью жизни, а также национальными социокультурными традициями. Но в Чечне и Ингушетии выявлены серьёзные проблемы с образованием населения, что не позволяет считать их даже условно готовыми к реализации процесса модернизации.

Анализ показал, что в большинстве субъектов Федерации самыми актуальными остаются демографические проблемы, проявляющиеся в низком естественном приросте и высокой миграционной убыли населения. Их решение – одна из самых сложных задач. Улучшение здоровья особенно актуально для регионов с суровыми природно-климатическими условиями, плохой экологической ситуацией и высокой долей сельских поселений, удалённых от административных центров. Целый ряд регионов по уровню образования населения отстаёт от среднероссийского. Требует серьёзного внимания и социально-культурная компонента ЧП. И если культурная активность населения, проживающего на данной территории, во многом зависит от наличия учреждений культуры, то снижение численности лиц с асоциальным поведением – от множества факторов, и прежде всего, от повышения спроса на труд и его качественной сбалансированности с предложением труда.

Литература

Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Экономика, 1973. 294 с.

Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука, 2012. 432 с.

Доклад о развитии человеческого потенциала 2015. Труд во имя человеческого развития. М.: Весь мир, 2015.

Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества. Вопросы теории и методологии исследования / Препринт доклада. М.: ИЭ АН СССР, 1987. 33 с.

Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М.: Аспект Пресс, 1995. 286 с.

Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / под ред. Гурмана В.И., Рюминой Е.В. М.: Наука, 2001. 175 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016. Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm.

Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России; взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34–48.

Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003. 388 с.

Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в условиях инновационной экономики // Народонаселение. 2009. № 3. С. 16–29.

Римашевская Н.М. Пути повышения качества трудового потенциала в современной России // Народонаселение. 2011. № 1. С. 25–30.

Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. 2013. № 3. С. 82–141.

Соболева И.В. Проблемы воспроизводств человеческого потенциала в трансформационной экономике. М.: ИЭ РАН, 2006. 236 с.

Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 203 с.

Тюличева Л.Д. Использование сравнительных исследований для определения стратегических приоритетов регионального развития. СПб.: ГУАП, 2007. 263 с.

Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: Учебное пособие / Под общей ред. проф. Колесова В.П. М.: Права человека, 2008. 636 с.

Таблица 9.1. Прирост/убыль населения в субъектах РФ и их ранги в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	Прирост населения, (+, –), ‰		Ранг		Субъект РФ	Прирост населения, (+, –), ‰		Ранг	
	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.		2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.
Российская Федерация	**2,0**	0,2			Самарская область	–2,0	–1,7	**43**	32
Севастополь	42,5		1		Республика Северная Осетия – Алания	–2,2	1,1	**44**	20
Республика Ингушетия	19,0	6,8	**2**	11	Саратовская область	–2,2	–6,4	**45**	57
Тюменская область[1]	17,6	7,2	**3**	10	Приморский край	–2,2	–6	**46**	56
Чеченская Республика	17,4	19,9	**4**	1	Сахалинская область	–2,3	–9,1	**47**	69
Московская область	11,9	19,9	**5**	5	Республика Марий Эл	–2,4	–5,6	**48**	48
Краснодарский край	11,0	11,6	**6**	14	Астраханская область	–2,7	–1,3	**49**	30
Москва	10,9	13,8	**7**	3	Карачаево-Черкесская Республика	–2,7	7,5	**50**	9
Ненецкий АО	10,7	–0,3	**8**	28	Кемеровская область	–2,7	–4,3	**51**	43
Ханты-Мансийский АО	9,1	10,4	**9**	6	Вологодская область	–2,8	–5,9	**52**	53
Республика Дагестан	8,4	15,7	**10**	2	Хабаровский край	–2,8	–4,8	**53**	45
Калининградская область	7,7	3,4	**11**	13	Нижегородская область	–3	–5,9	**54**	54
Республика Алтай	6,9	5,5	**12**	12	Оренбургская область	–3,1	–5,2	**55**	47
Санкт-Петербург	6,6	13,7	**13**	4	Алтайский край	–3,4	–5,6	**56**	49
Республика Крым	5,9		**14**		Камчатский край	–3,7	–4,7	**57**	44
Республика Тыва	5,9	2,6	**15**	16	Ульяновская область	–3,9	–8,6	**58**	66
Новосибирская область	5,6	1,9	**16**	18	Забайкальский край	–4,1	–2,5	**59**	35
Республика Адыгея	5,1	0,3	**17**	24	Республика Карелия	–4,3	–9,5	**60**	71
Республика Бурятия	3,9	1,9	**18**	17	Костромская область	–4,5	–9,8	**61**	73
Республика Татарстан	3,6	1,5	**19**	22	Волгоградская область	–4,5	–2,6	**62**	36
Республика Саха (Якутия)	3,0	–0,1	**20**	27	Рязанская область	–4,7	–8,6	**63**	65

Таблица 9.1. Окончание

Красноярский край	2,7	–1,4	**21**	31	Тульская область	–4,7	–9,2	**64**	70
Курская область	2,3	–8,3	**22**	64	Новгородская область	–4,9	–10,8	**65**	78
Томская область	2,2	7,9	**23**	8	Пензенская область	–5,1	–6	**66**	55
Республика Хакасия	1,9	–0,9	**24**	29	Кировская область	–5,3	–10,4	**67**	75
Ленинградская область	1,8	8,0	**25**	7	Амурская область	–5,3	–7,5	**68**	63
Кабардино-Балкарская Республика	1,7	0,2	**26**	25	Мурманская область	–5,4	–7,1	**69**	59
Белгородская область	1,4	0,4	**27**	23	Брянская область	–5,9	–8,7	**70**	67
Воронежская область	1,0	0,0	**28**	26	Владимирская область	–6	–5,9	**71**	52
Челябинская область	1,0	–1,8	**29**	33	Смоленская область	–6,4	–10,3	**72**	74
Ставропольский край	0,8	1,9	**30**	15	Республика Калмыкия	–6,5	–2,7	**73**	38
Свердловская область	0,7	–2,6	**31**	37	Ивановская область	–6,8	–7,2	**74**	61
Ярославская область	0,3	–7,2	**32**	62	Орловская область	–7,3	–9,6	**75**	72
Омская область	0,1	–3,8	**33**	40	Псковская область	–7,3	–15,7	**76**	82
Удмуртская Республика	–0,2	–3,2	**34**	39	Чукотский АО	–7,6	–16,5	**77**	83
Республика Башкортостан	–0,3	0,8	**35**	21	Тверская область	–7,9	–11,2	**78**	79
Калужская область	–0,7	–5,7	**36**	50	Архангельская область[1]	–8,6	–10,6	**79**	76
Иркутская область	–0,8	–5,1	**37**	46	Республика Коми	–8,9	–14,1	**80**	80
Пермский край	–1,0	–5,8	**38**	51	Курганская область	–9,1	–10,7	**81**	77
Чувашская Республика	–1,2	–4,3	**39**	42	Ямало-Ненецкий АО	–11,0	1,5	**82**	19
Ростовская область	–1,4	–2,2	**40**	34	Тамбовская область	–11,5	–9,0	**83**	68
Липецкая область	–1,5	–4,3	**41**	41	Магаданская область	–11,8	–15,6	**84**	81
Республика Мордовия	–1,8	–7,1	**42**	60	Еврейская автономная область	–13,4	–6,8	**85**	58

[1] Здесь и далее в таблицах Архангельская и Тюменская области без автономных округов.

Серым цветом выделены регионы, где убыль населения в 2015 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась или прирост сменился убылью.

Таблица 9.2. Сводный индекс здоровья населения в субъектах РФ в 2015 г. и их ранги в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	Индекс здоровья, 2015 г.	Ранг		Субъект РФ	Индекс здоровья, 2015 г.	Ранг	
		2015 г.	2010 г.			2015 г.	2010 г.
Российская Федерация	0,46259			Республика Башкортостан	0,44182	43	32
Москва	0,59827	1	1	Кировская область	0,44170	**44**	50
Республика Ингушетия	0,58078	2	3	Республика Саха (Якутия)	0,44133	**45**	53
Кабардино-Балкарская Республика	0,55540	3	2	Липецкая область	0,44098	**46**	46
Республика Дагестан	0,54063	4	4	Республика Бурятия	0,44064	**47**	57
Московская область	0,52731	5	11	Ивановская область	0,43923	**48**	58
Ставропольский край	0,51864	**6**	9	Удмуртская Республика	0,43774	**49**	39
Ленинградская область	0,51627	7	12	Смоленская область	0,43731	**50**	60
Ханты-Мансийский АО	0,51413	8	10	Ярославская область	0,43708	**51**	55
Севастополь	0,50575	9		Рязанская область	0,43678	**52**	64
Карачаево-Черкесская Республика	0,50462	10	5	Брянская область	0,43651	**53**	48
Республика Северная Осетия – Алания	0,50438	11	6	Белгородская область	0,43581	**54**	42
Астраханская область	0,50195	12	14	Камчатский край	0,43454	**55**	49
Санкт-Петербург	0,50051	13	13	Самарская область	0,43027	**56**	40
Краснодарский край	0,49835	14	8	Архангельская область	0,42919	**57**	54
Республика Адыгея	0,49176	15	16	Костромская область	0,42685	**58**	62
Волгоградская область	0,49011	16	18	Республика Хакасия	0,42683	**59**	38
Республика Татарстан	0,48894	17	19	Вологодская область	0,42552	**60**	66
Томская область	0,48759	18	17	Ульяновская область	0,42495	**61**	44
Республика Крым	0,48611	19		Тульская область	0,42472	**62**	61
Саратовская область	0,48535	20	20	Сахалинская область	0,42367	**63**	68
Республика Калмыкия	0,48359	21	22	Псковская область	0,42170	**64**	74

Таблица 9.2. Окончание

Пензенская область	0,48295	22	25	Алтайский край	0,42082	**65**	52
Ямало-Ненецкий АО	0,48262	23	15	Орловская область	0,41940	**66**	47
Воронежская область	0,47601	24	26	Нижегородская область	0,41792	**67**	67
Чеченская Республика	0,47600	25	7	Оренбургская область	0,41123	**68**	59
Республика Мордовия	0,47501	26	29	Тверская область	0,40990	**69**	70
Тюменская область	0,47037	27	28	Ненецкий АО	0,40989	**70**	82
Мурманская область	0,46989	28	24	Республика Марий Эл	0,40978	**71**	63
Ростовская область	0,46800	29	23	Владимирская область	0,40601	**72**	71
Новосибирская область	0,46583	30	21	Республика Коми	0,40389	**73**	65
Калужская область	0,45619	31	37	Курганская область	0,40209	**74**	45
Чувашская Республика	0,45581	32	35	Пермский край	0,40165	**75**	69
Калининградская обл.	0,45565	33	33	Забайкальский край	0,39735	**76**	73
Тамбовская область	0,45081	34	41	Кемеровская область	0,39370	**77**	72
Курская область	0,44990	35	34	Новгородская область	0,38267	**78**	80
Свердловская область	0,44777	36	27	Республика Алтай	0,37628	**79**	79
Приморский край	0,44693	37	43	Амурская область	0,37584	**80**	76
Красноярский край	0,44574	38	36	Республика Карелия	0,37103	**81**	77
Челябинская область	0,44452	39	31	Иркутская область	0,36756	**82**	75
Магаданская область	0,44410	40	51	Еврейская автономная область	0,35308	**83**	78
Омская область	0,44269	41	30	Чукотский АО	0,34571	**84**	83
Хабаровский край	0,44190	42	56	Республика Тыва	0,33469	**85**	81

Серым цветом выделены субъекты РФ, в которых, несмотря на положительную динамику индекса здоровья, ранг снизился на 10 позиций и более.
Источник: расчёты авторов.

Таблица 9.3. Уровень образования (средний балл) населения в субъектах РФ и их ранги в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	Средний балл		Ранг		Субъект РФ	Средний балл		Ранг	
	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.		2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.
Российская Федерация	5,138	4,994			Республика Чувашия	5,059	4,813	**43**	63
Москва	5,981	5,759	**1**	1	Республика Тыва	5,052	4,705	**44**	76
Санкт-Петербург	5,921	5,632	**2**	2	Тамбовская область	5,051	4,717	**45**	74
Севастополь	5,723		3		Вологодская область	5,050	4,819	**46**	60
Ямало-Ненецкий АО	5,600	5,270	**4**	4	Омская область	5,048	4,832	**47**	54
Московская область	5,569	5,323	**5**	3	Волгоградская область	5,042	4,917	**48**	31
Республика Северная Осетия – Алания	5,380	5,121	**6**	10	Красноярский край	5,042	4,881	**49**	37
Ханы-Мансийский АО	5,303	5,260	**7**	5	Республика Коми	5,032	4,896	**50**	34
Республика Крым	5,291		8		Тульская область	5,028	4,856	**51**	45
Томская область	5,274	5,070	**9**	14	Карачаево-Черкесская Республика	5,027	4,952	**52**	22
Магаданская область	5,267	5,160	**10**	7	Смоленская область	5,022	4,879	**53**	38
Самарская область	5,250	5,085	**11**	13	Тверская область	5,020	4,828	**54**	55
Камчатский край	5,249	5,198	**12**	6	Республика Татарстан	5,016	4,942	**55**	27
Республика Адыгея	5,232	4,837	**13**	52	Оренбургская область	5,015	4,804	**56**	67
Республика Саха (Якутия)	5,217	5,039	**14**	15	Амурская область	5,012	4, 819	**57**	61
Калининградская обл.	5,214	5,148	**15**	8	Костромская область	5,011	4, 826	**58**	57
Приморский край	5,211	5,011	**16**	17	Ярославская область	5,007	4,959	**59**	21
Кабардино-Балкарская Республика	5,203	4, 942	**17**	26	Свердловская область	5,007	4,896	**60**	35
Мурманская область	5,199	5,129	**18**	9	Брянская область	5,003	4,747	**61**	72
Хабаровский край	5,180	5,099	**19**	12	Курская область	4,998	4,774	**62**	69

Таблица 9.3. Окончание

Ленинградская область	5,176	5,022	**20**	16	Воронежская обл.	4,997	4,844	**63**	47
Белгородская область	5,171	4,975	**21**	19	Кемеровская область	4,996	4,827	**64**	56
Республика Калмыкия	5,165	4,838	**22**	51	Республика Башкортостан	4,991	4,815	**65**	62
Удмуртия Республика	5,163	4,835	**23**	53	Архангельская область	4,980	4,844	**66**	48
Тюменьская область	5,152	5,112	**24**	11	Иркутская область	4,972	4,859	**67**	44
Республика Бурятия	5,142	4,917	**25**	30	Орловская область	4,964	4,867	**68**	41
Краснодарский край	5,136	4,859	**26**	43	Псковская область	4,963	4,774	**69**	70
Чукотский АО	5,131	4,949	**27**	24	Пермский край	4,952	4,752	**70**	71
Нижегородская область	5,121	4,926	**28**	28	Ставропольский край	4,945	4,812	**71**	64
Саратовская область	5,109	4,924	**29**	29	Республика Ингушетия	4,944	4,513	**72**	82
Челябинская область	5,104	4,950	**30**	23	Новгородская область	4,940	4,809	**73**	65
Ростовская область	5,103	4,906	**31**	32	Республика Хакассия	4,935	4,806	**74**	66
Республика Мордовия	5,101	4,870	**32**	40	Ивановская область	4,927	4,824	**75**	58
Липецкая область	5,100	4,865	**33**	42	Алтайский край	4,926	4,706	**76**	75
Владимирская область	5,092	4,849	**34**	49	Республика Карелия	4,924	4,894	**77**	36
Республика Алтай	5,092	4,730	**35**	73	Ульяновская область	4,921	4,820	**78**	59
Калужская область	5,085	5,009	**36**	18	Пензенская область	4,919	4,784	**79**	68
Ненецкий АО	5,082	4,900	**37**	33	Еврейская автономная область	4,858	4,619	**80**	78
Астраханская область	5,074	4,844	**38**	48	Кировская область	4,846	4,694	**81**	77
Новосибирская область	5,071	4,970	**39**	20	Курганская область	4,754	4,559	**82**	81
Сахалинская область	5,069	4,948	**40**	25	Республика Дагестан	4,740	4,573	**83**	80
Рязанская область	5,064	4,874	**41**	39	Забайкальскай край	4,712	4,596	**84**	79
Республика Марий Эл	5,062	4,841	**42**	50	Чеченская Республика	4,699	4,191	**85**	83

Серым цветом выделены субъекты РФ, в которых, несмотря на положительную динамику уровня образования населения, ранг снизился на 10 и более позиций.
Источник: расчёты авторов.

Таблица 9.4. Сводный индекс культурной активности населения в субъектах РФ в 2015 г. и их ранги в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	Индекс 2015 г.	**Ранг**		Субъект РФ	Индекс 2015 г.	Ранг	
		2015 г.	2010 г.			2015 г.	2010 г.
Российская Федерация	0,23087			Республика Коми	0,21213	**43**	42
Санкт-Петербург	0,66615	1	1	Тверская область	0,21056	**44**	47
Севастополь	0,42153	2		Хабаровский край	0,20990	**45**	59
Москва	0,41673	3	4	Республика Карелия	0,20671	**46**	3
Новгородская область	0,35401	4	25	Челябинская область	0,20565	**47**	51
Республика Марий Эл	0,34699	5	5	Тюменская область	0,20447	**48**	50
Ярославская область	0,32313	6	11	Забайкальский край	0,20133	**49**	43
Псковская область	0,30442	7	9	Томская область	0,20072	**50**	52
Магаданская область	0,30201	8	7	Архангельская область	0,19696	**51**	62
Чувашская Республика	0,29231	9	8	Кемеровская область	0,19582	**52**	60
Красноярский край	0,28448	10	10	Ульяновская область	0,19372	**53**	49
Вологодская область	0,27983	11	22	Орловская область	0,19186	**54**	39
Республика Татарстан	0,27368	12	38	Республика Бурятия	0,19144	**55**	46
Костромская область	0,27067	13	19	Ивановская область	0,19132	**56**	26
Сахалинская область	0,26500	14	17	Волгоградская область	0,18803	**57**	21
Республика Мордовия	0,26481	15	16	Республика Калмыкия	0,17902	**58**	55
Омская область	0,26395	16	6	Республика Тыва	0,17816	**59**	70
Мурманская область	0,25762	17	13	Амурская область	0,17811	**60**	66
Кировская область	0,25016	18	14	Курганская область	0,17593	**61**	37
Республика Хакасия	0,24780	19	12	Ямало-Ненецкий АО	0,17064	**62**	82
Республика Саха (Якутия)	0,24475	20	18	Республика Алтай	0,16977	**63**	57
Чукотский АО	0,24470	21	2	Липецкая область	0,16966	**64**	56
Рязанская область	0,24009	22	33	Ростовская область	0,16932	**65**	65

Таблица 9.4. Окончание

Смоленская область	0,23993	23	15	Самарская область	0,16802	**66**	69
Тамбовская область	0,23924	24	35	Иркутская область	0,16015	**67**	53
Владимирская область	0,23922	25	27	Приморский край	0,15700	**68**	73
Камчатский край	0,23695	26	29	Алтайский край	0,15520	**69**	54
Тульская область	0,23381	27	41	Ненецкий АО	0,14456	**70**	79
Брянская область	0,23196	28	24	Республика Ингушетия	0,14417	**71**	58
Новосибирская область	0,22883	29	23	Республика Северная Осетия – Алания	0,14335	**72**	75
Астраханская область	0,22637	30	45	Республика Адыгея	0,14323	**73**	67
Удмуртская Республика	0,22632	31	30	Оренбургская область	0,13773	**74**	63
Нижегородская область	0,22594	32	31	Ставропольский край	0,13591	**75**	72
Калининградская область	0,22455	33	36	Карачаево-Черкесская Республика	0,12541	**76**	71
Пермский край	0,22314	34	34	Краснодарский край	0,11938	**77**	74
Калужская область	0,22265	35	40	Кабардино-Балкарская Республика	0,11864	**78**	80
Республика Башкортостан	0,21954	36	32	Еврейская автономная область	0,11820	**79**	62
Белгородская область	0,21685	37	48	Воронежская область	0,11693	**80**	68
Саратовская область	0,21635	38	20	Ханты-Мансийский АО	0,11554	**81**	78
Свердловская область	0,21442	39	61	Московская область	0,11348	**82**	81
Пензенская область	0,21412	40	44	Ленинградская область	0,11031	**83**	77
Республика Крым	0,21412	41		Республика Дагестан	0,10482	**84**	76
Курская область	0,21396	42	28	Чеченская Республика	0,08038	**85**	83

Серым цветом выделены субъекты РФ, в которых, несмотря на положительную динамику культурной активности населения, ранг региона снизился на 10 и более позиций. Источник: расчёты авторов.

Таблица 9.5. Число лиц с асоциальным поведением (чел. на 100 тыс. человек населения) в субъектах РФ в 2015 г. и их ранги в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	Число лиц с асоциальным поведением		Ранг		Субъект РФ	Число лиц с асоциальным поведением		Ранг	
	2015 г.	2010г.	2015 г.	2010 г.		2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.
Российская Федерация	2013	2467			Тульская область	2222	2696	**43**	43
Республика Ингушетия	256	263	**1**	1	Кемеровская область	2245	2507	**44**	24
Чеченская Республика	598	670	**2**	2	Республика Бурятия	2249	2303	**45**	25
Республика Дагестан	722	787	**3**	3	Орловская область	2265	2585	**46**	37
Санкт-Петербург	1170	1392	**4**	6	Республика Саха (Якутия)	2296	2788	**47**	49
Москва	1196	1453	**5**	7	Псковская область	2303	2718	**48**	44
Кабардино-Балкарская Республика	1325	1354	**6**	5	Республика Марий Эл	2366	2733	**49**	47
Республика Северная Осетия – Алания	1349	1345	**7**	4	Кировская область	2376	3075	**50**	62
Белгородская область	1389	1779	**8**	8	Архангельская область	2398	2338	51	30
Краснодарский край	14456	2336	**9**	29	Чувашская Республика	2429	2605	**52**	38
Ленинградская область	1536	2679	**10**	40	Челябинская область	2437	2835	**53**	51
Севастополь	1562		**11**		Удмуртская Республика	2461	2625	**54**	39
Республика Татарстан	1587	1938	**12**	10	Тверская область	2480	2856	**55**	53
Карачаево-Черкесская Республика	1664	1900	**13**	9	Республика Адыгея	2480	2725	**56**	45
Ставропольский край	1703	1990	**14**	11	Республика Алтай	2485	3481	**57**	73
Свердловская область	1735	2154	**15**	13	Приморский край	2499	3180	**58**	66
Волгоградская область	1739	2220	**16**	17	Липецкая область	2509	2906	**59**	55
Томская область	1744	3087	**17**	65	Смоленская область	2512	2743	**60**	48
Оренбургская область	1763	2049	**18**	12	Ямало-Ненецкий АО	2516	2847	61	25

Таблица 9.5. Окончание

Новосибирская область	1788,1	3031	**19**	58	Владимирская область	2525	2689	**62**	42
Мурманская область	1863	2159	**20**	14	Ненецкий АО	2562	6499	63	83
Ханты-Мансийский АО	1886	2826	**21**	50	Курганская область	2571	2729	**64**	46
Республика Калмыкия	1903	2230	**22**	20	Тамбовская область	2630	2922	**65**	56
Республика Крым	1924		23		Алтайский край	2632	3086	**66**	64
Республика Башкортостан	1941	2307	**24**	26	Иркутская область	2658	3062	**67**	60
Ростовская область	1947	2226	**25**	19	Амурская область	2691	3472	**68**	72
Калининградская область	1955	2181	**26**	15	Костромская область	2696	3286	**69**	69
Самарская область	1969	3059	**27**	59	Хабаровский край	2707	3072	**70**	61
Ярославская область	1985	2286	**28**	22	Республика Коми	2737	3030	**71**	57
Саратовская область	2014	2234	**29**	21	Пермский край	2757	3547	**72**	75
Московская область	2015	2334	**30**	28	Забайкальский край	2773	3079	**73**	63
Республика Мордовия	2022	2210	**31**	16	Республика Карелия	2814	3624	**74**	76
Калужская область	2042	2297	**32**	24	Республика Тыва	2837	3242	**75**	67
Красноярский край	2052	2531	**33**	35	Еврейская автономная область	2943	2858	**76**	54
Омская область	2056	2409	**34**	33	Республика Хакасия	2946	3528	**77**	74
Пензенская область	2059	2223	**35**	18	Новгородская область	3015	3719	**78**	77
Тюменская область	2122	2395	**36**	32	Нижегородская область	3048	3379	**79**	71
Рязанская область	2156	2297	**37**	23	Брянская область	3101	3339	**80**	70
Ульяновская область	2175	2572	**38**	36	Ивановская область	3746	4336	**81**	80
Курская область	2179	2683	**39**	41	Сахалинская область	3767	4119	**82**	79
Астраханская область	2186	3282	**40**	68	Камчатский край	3959	4101	**83**	78
Воронежская область	2188	2326	**41**	27	Магаданская область	4052	5610	**84**	82
Вологодская область	2203,7	2220	**42**	17	Чукотский АО	4611	5357	**85**	81

Серым цветом выделены регионы, которые понизили свой ранг на 10 и более позиций. Источник: расчёты авторов.

Таблица 9.6. Индекс человеческого потенциала (ЧП) и темпы роста ЧП (2015 г./2010 г.) в субъектах РФ, ранг субъекта в 2015 и 2010 гг.

Субъект РФ	2015 г.			Ранг 2010 г.
	Индекс	Темп роста, %	Ранг	
Тип 1. Регионы с относительно высоким ЧП (выше среднероссийского уровня)				
Севастополь	0,69872		1	
Санкт-Петербург	0,66485	109,9	**2**	1
Москва	0,65343	108,3	3	2
Республика Ингушетия	0,55204	119,1	**4**	4
Московская область	0,51082	111,4	**5**	5
Тюменская область	0,49038	113,8	**6**	10
Краснодарский край	0,48072	122,0	**7**	23
Республика Крым	0,47883		8	
Ханты-Мансийский АО	0,47765	109,6	**9**	8
Чеченская Республика	0,47620	114,0	**10**	12
Кабардино-Балкарская Республика	0,47307	110,2	**11**	11
Республика Северная Осетия – Алания	0,47201	105,2	**12**	6
Калининградская область	0,47184	109,2	**13**	9
Томская область	0,46935	115,1	**14**	17
Республика Татарстан	0,46867	112,3	**15**	13
Республика Дагестан	0,46460	99,8	**16**	3
Белгородская область	0,46224	112,0	**17**	14
Новосибирская область	0,45973	118,7	**18**	24
Ленинградская область	0,45346	111,2	**19**	16
Тип 2. Регионы со средним уровнем ЧП				
Республика Саха (Якутия)	0,44572	115,2	**20**	25
Красноярский край	0,44495	114,8	**21**	23
Ярославская область	0,44220	116,7	**22**	33
Астраханская область	0,44134	125,2	**23**	47
Мурманская область	0,44089	107,7	**24**	15
Республика Мордовия	0,43932	116,7	**25**	35
Республика Адыгея	0,43713	118,8	**26**	38
Свердловская область	0,43296	112,9	**27**	29
Омская область	0,43229	112,3	**28**	28
Республика Бурятия	0,43206	110,6	**29**	22
Саратовская область	0,43152	111,7	**30**	27
Калужская область	0,42835	112,2	**31**	30
Самарская область	0,42726	117,8	**32**	40
Ставропольский край	0,42668	106,0	**33**	18
Республика Марий Эл	0,42439	117,3	**34**	42
Ямало-Ненецкий АО	0,42434	108,2	**35**	21
Чувашская Республика	0,42395	114,5	**36**	36
Ростовская область	0,42305	110,8	**37**	31

Таблица 9.6. Продолжение

Волгоградская область	0,42270	106,2	**38**	19
Курская область	0,42138	123,7	**39**	52
Ненецкий АО	0,42108	192,2	**40**	83
Республика Башкортостан	0,42043	108,7	**41**	26
Карачаево-Черкесская Республика	0,42011	95,4	**42**	7
Удмуртская Республика	0,41964	115,8	**43**	41
Тип 3. Регионы с ЧП ниже среднего уровня (ниже медианного уровня)				
Республика Калмыкия	0,41952	110,4	**44**	32
Вологодская область	0,41756	117,4	**45**	45
Челябинская область	0,41564	112,9	**46**	37
Республика Алтай	0,41096	126,3	**47**	61
Рязанская область	0,40887	115,8	**48**	46
Приморский край	0,40452	121,8	**49**	59
Воронежская область	0,40261	106,5	**50**	34
Хабаровский край	0,40150	112,8	**51**	44
Пензенская область	0,40059	109,6	**52**	39
Тульская область	0,39913	119,8	**53**	58
Оренбургская область	0,39784	111,2	**54**	43
Липецкая область	0,39671	115,7	**55**	55
Псковская область	0,39489	126,4	**56**	69
Костромская область	0,38866	124,4	**57**	68
Республика Хакасия	0,38810	114,1	**58**	53
Кемеровская область	0,38774	113,0	**59**	49
Владимирская область	0,38773	112,5	**60**	48
Смоленская область	0,38628	114,4	**61**	55
Ульяновская область	0,38476	113	**62**	56
Республика Тыва	0,38096	123,1	**63**	70
Нижегородская область	0,38096	116,3	**64**	60
Кировская область	0,38013	121,6	**65**	67
Пермский край	0,37729	124,8	**66**	75
Новгородская область	0,37651	134,8	**67**	80
Орловская область	0,37336	109,1	**68**	51
Тверская область	0,37104	118,0	**69**	66
Тамбовская область	0,37103	116,5	**70**	64
Архангельская область	0,36896	109,9	**71**	57
Иркутская область	0,36416	112,5	**72**	62
Камчатский край	0,36391	107,5	**73**	54
Брянская область	0,36285	117,3	**74**	72
Алтайский край	0,3617	114,7	**75**	65
Сахалинская область	0,36085	121,9	**76**	76
Республика Коми	0,35879	116,2	**77**	73

Таблица 9.6. Окончание

Амурская область	0,35763	123,6	**78**	78
Республика Карелия	0,35235	109,6	**79**	63
Магаданская область	0,35116	137,3	**80**	81
Забайкальский край	0,33753	108,7	**81**	71
Курганская область	0,32883	108,5	**82**	74
Ивановская область	0,32130	113,5	**83**	79
Чукотский АО	0,29960	132,2	**84**	82
Еврейская автономная область	0,29041	98,9	**85**	77

Серым выделены регионы, ранг которых снизился на 10 и более позиций в 2015 г. по сравнению с 2010 г. Источник: расчёты авторов.

Таблица 9.7. Среднее значение индекса человеческого потенциала населения (ЧП), темпы его роста и структура в субъектах РФ разного типа в 2010 и 2015 гг.

Год	Показатель	Компоненты ЧП					Всего, в среднем и в %
		Демографическая	Здоровье	Образование	Культурная активность	Социальное поведение	
Российская Федерация							
2010	Индекс ЧП	0,27742	0,41503	0,49700	0,21115	0,58051	**0,39622**
	Структура индекса ЧП, %	14,0	20,9	25,1	10,7	29,3	100
2015	Индекс ЧП	0,30645	0,46259	0,56875	0,23087	0,66313	0,44636
	Темп роста 2015/2010, %	110,5	111,3	114,4	109,3	114,2	112,7
	Структура индекса, %	13,7	20,7	25,5	10,3	29,7	100
1 тип – субъекты РФ с относительно высоким ЧП (выше среднероссийского уровня – 19)							
2010	Индекс ЧП	0,37742	0,46625	0,51016	0,18289	0,69653	0,44665
	То же в % к РФ	136	112,3	102,6	86,6	120	112,7
	Структура индекса ЧП, %	16,9	21,1	22,7	8,0	31,4	100
2015	Средний индекс ЧП	0,42878	0,50569	0,63055	0,21672	0,76526	0,50940
	То же в % к РФ	139,9	109,3	110,9	93,9	115,4	114,1
	Темп роста, %	113,6	108,5	123,6	118,5	109,9	114,0
	Структура индекса, %	16,7	20,1	24,6	8,1	30,5	100
в том числе регионы-лидеры (10)							
2010	Индекс ЧП	0,42129	0,47712	0,56948	0,20187	0,72222	0,47839
	То же в % к РФ	151,9	115	114,6	95,6	124,4	120,7
	Структура индекса ЧП, %	17,7	20,2	23,6	8,1	30,4	100
2015	Средний индекс ЧП	0,51919	0,51576	0,68590	0,24959	0,77137	0,54836
	То же в % к РФ	169,4	111,5	120,6	108,1	116,3	122,9
	Темп роста, %	123,2	108,1	120,4	123,6	106,8	114,6
	Структура индекса, %	19,0	19,1	24,8	8,5	28,6	100

Таблица 9.7. Окончание

2 тип – субъекты РФ со средним уровнем ЧП (2010 – 23, 2015 – 24)							
2010	Индекс ЧП	0,23752	0,41661	0,45584	0,20878	0,57596	0,37894
	То же в % к РФ	85,6	100,4	91,1	98,9	99,2	95,6
	Структура индекса, %	12,5	22,0	24,1	11,0	30,4	100
2015	Средний индекс ЧП	0,27151	0,45977	0,55371	0,21893	0,64687	0,43016
	То же в % к РФ	88,6	99,4	97,4	94,8	97,5	96,4
	Темп роста, %	114,3	110,4	121,5	104,8	112,3	113,5
	Структура индекса, %	12,6	21,4	25,8	10,2	30,1	100
3 тип – субъекты РФ с ЧП ниже среднего уровня (ниже медианы в 2010 г. – 41, в 2015г. – 42)							
2010	Средний индекс ЧП	0,15688	0,35988	0,41779	0,21428	0,43851	0,31747
	То же в % к РФ	56,5	86,7	84,1	101,5	75,5	80,1
	Структура индекса, %	9,9	22,7	26,7	13,7	27,0	100
2015	Средний индекс ЧП	0,20338	0,41743	0,50733	0,21321	0,53820	0,37591
	То же в % к РФ	66,4	90,2	89,9	92,4	81,2	82,2
	Темп роста, %	129,6	116,0	121,4	99,5	122,7	118,4
	Структура индекса, %	10,8	22,2	27,0	11,3	28,6	100
В том числе регионы-аутсайдеры (10)							
2010	Средний индекс ЧП	0,12855	0,33045	0,41680	0,22199	0,27627	0,27481
	То же в % к РФ	46,4	79,6	83,3	105,1	47,6	69,4
	Структура индекса, %	9,4	24,0	30,3	16,2	20,1	100
2015	Средний индекс ЧП	0,15548	0,39560	0,48415	0,20954	0,43445	0,33584
	То же в % к РФ	50,7	85,5	85,1	90,8	65,5	75,2
	Темп роста, %	120,9	119,7	116,2	94,9	157,3	122,2
	Структура индекса, %	9,3	23,6	28,8	12,5	25,9	100

Источник: расчёты авторов.

Глава 10

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Пространство, модернизация, государство: проблема системных взаимосвязей

Как показано в предыдущих главах, значение пространства в модернизации[2] современной России исключительно важно, разнообразно и противоречиво сложно. Российское пространство продолжает оставаться беспрецедентно ёмким и неиссякаемым *источником*, с одной стороны, уникальных *возможностей и преимуществ*, а с другой – существенных *рисков и ограничений* развития страны. Уточним, что речь идёт о так называемом *социоэкономическом* пространстве, под которым нами понимается та часть общего (заключённого в государственных границах) российского пространства, в пределах которой *определённым образом* распределён и организован «рукотворный» социально-экономический потенциал страны и осуществляется жизнедеятельность её населения. Этот потенциал включает, разумеется, и природные ресурсы, но уже освоенные, вовлечённые в хозяйственный оборот. Можно сказать, что физико-географическое пространство по мере и в силу его освоения становится и социоэкономическим пространством. Характер, содержание и результат происходящих при этом пространственных метаморфоз обусловливаются конкретно-историческими предпосылками, условиями и ограничениями. К сожалению, мы не имеем возможности в рамках настоящей главы и в контексте поставленных в ней задач с большей обстоятельностью раскрыть свои дефиниции и соотнести их с разнообразными аналогичными представлениями наших авторитетных предшественников и коллег; в частности с такими понятиями как «территориальная организация общества» (Хорев, 1981; Агафонов, 1993 и др.), «экономическое пространство» (Минакир, Демьяненко, 2010 и др.), «социальное пространство» (Бурдье, 2005, 2007) и с иными подобными смысловыми конструкциями.

Пространство выступает не застывшей и однородной структурой; его организация под нарастающим воздействием многих новейших факторов, противо-

---

[1] В главе использованы результаты, выполнявшихся в 2012–2019 гг. в Институте системного анализа РАН проектов «Государственная поддержка пространственного развития: теоретические основы, институты, эффективность», «Структурные трансформации социоэкономического пространства страны и ее территориальных частей: предпосылки, содержание, государственное регулирование» и «Пореформенная реструктуризация пространства и современное государство как субъект пространственных трансформаций».

[2] Это понятие, несмотря на его чрезвычайную распространённость (а может быть именно поэтому), требует пояснения. Но дабы не плодить без особой нужды новые сущности, мы прибегнем к авторитетному мнению Н.И. Лапина, который полагает, что в наше время модернизацию следует рассматривать не только в её классическом содержании – как процесс перехода от традиционных обществ к современным, но и в качестве комплексного способа решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач в контексте внутренних и внешних угроз и рисков; как совокупность процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития общества (страны и её регионов) (2014, с. 345).

речиво взаимодействующих с укоренившимися особенностями, претерпевает значительные, динамичные и неравномерные трансформации, формирующие новое распределение социоэкономического потенциала с иной, нежели прежде комбинацией свойств, пропорций и диспропорций освоенного (организованного) пространства.

По-иному предстоит участвовать в формировании нового облика пространства обществу и государству. Отказавшись от идеи планомерности в пользу спонтанности развития[3], современное российское общество, тем не менее, не может и не должно впадать в крайность и довольствоваться при решении задач модернизации страны исключительно стихийной адаптацией к изменяющимся разнообразным пространственным обстоятельствам; напротив, оно в состоянии и даже обязано использовать целесообразную стратегию активного взаимодействия с пространством, задействуя для этого исключительные возможности государственной власти. При этом место и роль самой власти в этом процессе также должны претерпеть принципиальные изменения. Государство призвано занять адекватное современным реалиям качественно новое положение в создании и поддержании предпосылок лучшего использования благоприятных и смягчения последствий негативных (и тех и других квалифицируемых таковыми с позиций именно актуальных задач модернизации) факторов российского пространства. Выполняя это особое предназначение, государство по отношению к пространственно опосредованным процессам и явлениям де факто выступает в качестве субъекта одновременно и регулятивных и инвестиционных воздействий[4], следствием которых становятся преднамеренные сдвиги в пространственной организации жизнедеятельности общества.

Отмеченная двоякая функция государства (как регулятора и инвестора) в принципиальном смысле императивна и безальтернативна; но в конкретно-содержательном плане (применительно к определённым ситуациям и принятым решениям) с государственным участием в трансформации социоэкономического пространства связаны не только дополнительные возможности (преодоления ограничений ресурсного, организационного и правового характера, расширения спектра доступных решений, ускорения процесса преобразований), но и новые проблемные риски (нерационального использования ресурсов, деформации про-

[3] Мы имеем в виду декларированный в начале 1990-х годов принципиальный политико-экономический выбор: отказ от всеохватного централизованного государственного планирования в пользу перехода к рыночной экономике с её свободной игрой рыночных сил. Несмотря на сохраняющуюся высокую долю государственного присутствия в экономике и в других сферах жизнедеятельности, государство, тем не менее, уже не выступает синонимом всеобщей и телеологической планомерности; более того былая планомерность отсутствует не только в частном, но даже в сугубо государственном секторе. Далее мы будем говорить о связанных с переходным периодом противоречиях, рецидивах прежних и трудностях освоения новых подходов, но, безусловно, состоявшимся можно считать уход от принципов и инструментов планового ведения хозяйства, сопровождающийся утратой соответствующих смыслов и профессиональной культуры, на обломках которых никак не прорастут новые представления и умения.

[4] Под регулятивными воздействиями понимаются меры косвенного характера, состоящие в общем нормативно-правовом регламентировании (установлении «правил игры») пространственно преобразовательной деятельности, а именно в установлении для неё ограничений (в пределе – запретов) или, напротив, в её стимулировании (поощрении). Под инвестиционными воздействиями понимаются меры непосредственного вмешательства, состоящие в полном или совместном с бизнесом финансировании за счёт государственных средств инвестиционных проектов, трансформирующих пространство.

странственной структуры). Поэтому важен обоснованный, опирающийся, в том числе на системный анализ и системную оценку предпосылок и последствий возможных сценариев, практический выбор предпочтительных (экономически оправданных и социально приемлемых) целей, меры и форм государственного участия в преобразовании пространства. Решение такой нетривиальной задачи невозможно без проведения на систематической основе углублённых теоретических междисциплинарных исследований[5], результаты которых могли бы служить надежной научной основой принятия соответствующих государственных решений.

В контексте системного междисциплинарного подхода организация социоэкономического пространства понимается как большая сложная динамичная открытая система. Её структуру образуют определённым образом распределённые по территории страны многочисленные, разнообразные (разнородные) и взаимосвязанные (взаимодействующие) между собой компоненты социоэкономического потенциала. При этом ни количественные параметры массива самих элементов, ни спектр различий между ними, не говоря уже о характере межэлементных взаимодействий (взаимоотношений), не являются целиком и полностью известными.

Но вовсе не количественно-структурные параметры этой крупномасштабной системы (теоретически сравнительно просто, но на деле и они далеко не в должной мере учитываемые), прежде всего, характеризуют её сложность; эта сложность выступает в первую очередь следствием социоэкономической организации системы, элементы (подсистемы) которой обладают свойством самостоятельного (независимого) поведения, которое непредсказуемо влияет на формирование траектории поведения системы в целом. Вследствие накапливающейся энергии множества элементарных решений, принимаемых под совокупным воздействием эндогенных и экзогенных факторов (свойство открытости системы), а также обусловленных этими решениями цепочек положительных и отрицательных обратных связей, система претерпевает изменения: обретаются и утрачиваются территории, возникают и умирают населённые пункты, возводятся и исчезают города, складываются и распадаются их агломерации, строятся и приходят в упадок предприятия, вовлекаются в хозяйственный оборот и исчерпываются месторождения, сооружаются и выводятся из эксплуатации инфраструктурные (энергетические, дорожные и другие) объекты, и т.д.

Такие процессы нестационарны, их предпосылки и последствия неодинаковы и нестабильны во времени и в пространстве. Неравнозначны роли основных акторов (субъектов) пространственных трансформаций – государства, бизнеса, социумов, чьи необязательно согласованные по смыслу, времени и месту дей-

[5] Междисциплинарные исследования как способ организации научной деятельности, предусматривающий взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин, во второй половине XX в. выделяются в специальный тип исследовательской активности. Применительно к пространственной проблематике в России такие исследования были инициированы А.Г. Гранбергом в 2009 г. в рамках программы фундаментальных исследований РАН. Эта инициатива оказалась весьма востребованной, подтверждением чему служит продолжение этих исследований вплоть до настоящего времени. Не впадая в крайность восторженных оценок полученного при этом пионерного опыта, можно лишь констатировать как высокий потенциал плодотворности междисциплинарного подхода, так и существенные трудности его реализации, в особенности в современных российских условиях проведения научных исследований (Фундаментальные проблемы, 2013; Минакир, 2014; Швецов, 2014а, б).

ствия способны вызывать в пространственной организации жизнедеятельности различные по содержанию и локализации, значимости и устойчивости изменения. В том случае, если следствием синтеза указанных воздействий становится переход организации социоэкономического пространства (системы в целом) в новое качественное состояние, то такие (затрагивающие все основные характеристики системы – её состав, структуру, связи) изменения следует характеризовать как системные преобразования. Априори судить о них не представляется возможным. Причинно-следственные связи в столь сложной системе зачастую нелинейны. Поэтому даже незначительное вмешательство в систему может привести к неожиданным изменениям (эффект усиления). Более того, считается, что сложные системы полностью недетерминированы, а это значит, что на основе данных об их состоянии в прошлом почти невозможно построить прогноз их возможных изменений.

Роль государства в развитии: соотношение общего и национально-особенного

Вопрос о государственном участии в реорганизации пространства и использовании его модернизационного потенциала в принципиальном плане выступает частью более общего вопроса о роли государства в экономическом развитии страны. Выяснение этой роли относится к остро дискуссионным темам современной экономической теории и практической политики. Выявляющиеся противоречия обычно сводят, несколько огрубляя, к двум полярным позициям. Согласно одной – государству отводится вспомогательная по отношению к агентам рынка роль, тогда как другая точка зрения возлагает на государство основную ответственность. Но в реальности проблема, разумеется, намного сложнее и интереснее примитивной дилеммы – отдать ли всё на откуп рынку или поставить во главу угла государственное стимулирование экономической жизни? Дело вовсе не в сакраментальном вопросе: должно ли или нет присутствовать государство в экономике – оно там уже давно, всерьёз и надолго; намного важнее совокупность других вопросов – с какими целями, в каких формах, в какой мере, в каких сферах, до каких пределов, с какими результативностью и эффективностью может или должно осуществляться государственное участие[6].

В России, где государство всегда было «великой ценностью и великой тяготой», каждый очередной крутой перелом в экономической политике (будь то петровские преобразования, столыпинские реформы, ленинская НЭП, сталинские коллективизация и индустриализация, маленковские и хрущевские новации и др., вплоть до нынешней путинской модернизации) одинаково приводил к усилению

[6] В отличие от кабинетных учёных, часто демонстрирующих доктринёрскую приверженность отвлеченным спорам и устаревшим взглядам, реально мыслящие политики нередко вынуждены проявлять большую гибкость в отношении вопроса о государственном вмешательстве. Показательно, что даже неоконсерваторы (основа республиканской партии США) – убеждённые противники государственного участия в экономике, в определённых обстоятельствах уходят от рыночного догматизма и ставят вопрос предельно прагматично. Они полагают, что пределы вмешательства государства в частную экономическую сферу должны определяться на практике подсчётом выгод и убытков в каждом конкретном случае. Если государственные меры (перераспределение налогов путём установления прогрессивной ставки налогообложения, увеличение числа налогов, их повышение, введение обязательных страховых отчислений) негативным образом отражаются на экономическом росте страны, то они должны быть немедленно свёрнуты или значительно сокращены (Сидорова, 2014, с. 69).

роли государства в развитии страны. Верность примату именно государственного начала и использованию государственных рычагов в осуществлении любых инноваций и модернизаций была характерна для нашей страны на всех этапах её исторического пути. Так было в старой России, в которой самодержавное государство стояло во главе значимых преобразований[7]. Мало что поменялось в этом отношении и в СССР, где инициатором и проводником всех трансформаций также выступало централизованное государство, пусть и другого типа и действовавшего с бóльшим размахом и результативностью. В новейший период, несмотря на кардинальную смену общественных формаций, государственный фактор («вертикаль власти») также не утрачивает своего доминирующего значения. И, по-видимому, всякий раз уповать именно на государство заставлял и продолжает это делать до сих пор пресловутый *«фактор времени»* – ибо во все времена с тех пор как Россия *осознала себя* недопустимо *отставшей* от Запада не было более важной для страны задачи, чем *в кратчайшие сроки догнать и перегнать* вырвавшуюся далеко вперёд преуспевающую Европу, а потом и Америку. И в ответ на этот ставший неизменным исторический вызов уповать на естественный ход развития событий было попросту невозможно. Поэтому выбор в пользу осуществляемого *в предельно сжатые сроки* и *именно государством* мощного *догоняющего рывка* был однозначно предопределён[8]. *Прорывное* развитие заявлено президентом страны стратегической задачей и современной России. Мотивируя столь традиционную целевую установку в новых обстоятельствах, нынешний руководитель тоже привычно делает акцент на *угрозах отставания*: «Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета. … Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, размыванию человеческого потенциала. … Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнёт, утопит. … общество будет терять жизнеспособность и энергию развития»[9]. Неудивительно, что смысл нового российского курса выражают такие характерные словосочетания, как «настоящий рывок», «решительный прорыв», «опережающий рост».

Отмеченная особая мобилизующая роль государства в России не могла не навести исследователей на вопрос: является ли государствоцентричная модель любых российских преобразований выражением идентичности (националь-

---

[7] Даже на коротком отрезке буржуазного развития предреволюционной России стимулирование экономического роста обеспечивалось за счёт именно государственного бюрократического управления, заменявшего необходимые предпосылки капиталистического развития, к которым относят наличие таких условий, как невмешательство государства в дела бизнеса, соблюдение законов, независимое гражданское общество (Аллен, 2013).

[8] Ошеломляющие результаты экономического роста Восточной Азии (самого быстрорастущего региона мира) дали повод усомниться в такой предопределённости. На смену идеи догоняющего развития выдвигается «неоклассический подход к структурам и их динамике в процессе экономического развития». В его основе – использование стратегии сравнительных преимуществ, позволяющей избежать обречённости догоняющего пути и воспользоваться возможностями опережающего рывка. По мнению китайского экономиста Дж. И. Линя, главная функция государства при этом должна состоять в стратегической адресной поддержке отраслей экономики, которые имеют конкурентные преимущества (они могут быть скрытыми), а также в совершенствовании инфраструктуры (Антипина, 2013).

[9] Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. http://kremlin.ru/events/president/news/56957.

но-специфического), которая должна быть преодолена движением в сторону «общего», характерного для развитых стран, или же это необходимый элемент национального жизнеустройства, нечто неизбежное для российской жизни в силу многих жёстких объективных условий её существования? Задаваясь таким вопросом, например, авторы монографии (Российская…, 2014, с. 90, 99) полагают, что «игнорирование общего приводит к произволу власти и экономическому застою, а игнорирование идентичного – к развалу государства, духовному кризису» и что «реформирование … должно происходить на основе эволюции, в сторону развития общего». По их мнению, есть немало оснований необходимости более существенного участия государства в экономической и социальной жизни России независимо от господствующего типа отношений на том или ином историческом этапе её развития. Учёные считают, что роль государства в экономике России нельзя объяснить обычными провалами рынка или вывести из кейнсианской или марксистской теории – она продуцируется, прежде всего, уникальными условиями страны. Государство здесь имеет не только экономическую и политико-правовую природу, но, в первую очередь, цивилизационную.

Выделяя эту отечественную черту – неизменную верность традиционному подходу, следует вместе с тем подчеркнуть, что подобная стойкая приверженность стереотипным принципам обоснования и выбора важнейших политических решений свойственна отнюдь не только нашей стране. Не исключено, что для систем политического управления всех государств характерна подобная закономерность, смысл которой заключается в том, что в любой стране на протяжении довольно длительных периодов всякий раз при столкновении с новыми задачами воспроизводятся прежние национальные стратегии. Налицо парадокс. Вопреки, казалось бы, резонному мнению, что мир меняется слишком быстро, чтобы его можно было трансформировать, опираясь на уроки истории и на принципы ушедших времен (Иноземцев, 2016), всякий раз, когда перед нацией встаёт новая проблема, требующая политического выбора, новые институты создаются по образцу и подобию неоднократно использованных ранее. Поиск ответов на новые вызовы происходит не столько под влиянием содержания новых задач, сколько в русле малоподвижной укоренённой политической культуры, являющейся сердцевиной структуры государственной власти, в рамках устойчивых архетипов мышления политических элит и бюрократии, закрепивших исторически сложившиеся в разных странах неоднородные представления о порядке и рациональности, вокруг которых и формируются современные стратегии и политики. Эта мысль в настоящее время подкрепляется результатами множащихся научных исследований, доказывающих реальность феномена «зависимости от предшествующего развития»[10].

Так, Ф. Доббин убедительно раскрыл подмеченную уникальную непреходящую роль политической культуры в формировании промышленной политики на примере подходов к становлению и развитию железнодорожной отрасли в США, Франции и Великобритании (2013). Этот исследователь, отказываясь от привычной интерпретации способов хозяйственной организации в качестве своего рода универсальных ответов на экономические вызовы времени и прибегая к иному – социокультурному или культурно-историческому подхо-

[10] Речь идёт о возникшей в 1980-е годы теории *Path dependence*, основы которой заложены американскими экономистами-историками Полом Дэвидом и Брайаном Артуром.

ду, приходит к совершенно необычным выводам. Он обращает внимание, что вопреки, казалось бы, ожидаемому сходству в подходах к решению одной и той же задачи – становлению и развитию железнодорожной отрасли – эти три страны развитого капитализма с примерно равным уровнем технологического развития и примерно в одно время подходили совершенно по-разному. В каждой из них сходные вопросы, связанные с планированием, финансированием, защитой конкуренции и обеспечением безопасности, решались сугубо по-своему, вследствие чего в каждой стране складывалась, можно говорить, своя оригинальная промышленная политика, парадигму которой формировала особая, присущая именно данному обществу политическая культура, помогавшая основным игрокам интерпретировать политический порядок и вырабатывать особые, идеологически нагруженные смыслы. Так, в промышленной политике США во главу угла была поставлена характерная для Нового Света хозяйственная самостоятельность правительств местных сообществ, которые активно содействовали экономическому развитию всей страны. Напротив, промышленная политика Франции исходила из твёрдо усвоенного здесь убеждения в том, что только управление из центра может создать хозяйственный порядок и обеспечить достижение экономических целей нации. В Великобритании же промышленная политика была ориентирована на незыблемую традицию независимости отдельных фирм, которым была обеспечена активная защита от вмешательства и рыночных, и политических сил.

Ф. Доббину вторит и другой современный исследователь преуспевания западной цивилизации Н. Фергюсон: «Среди странностей жизни есть и такая: люди со временем научились почти инстинктивно учитывать свой опыт. Их поведение адаптивно. Мы не блуждаем беспорядочно, а идем проторенной дорогой, и то, с чем мы столкнулись прежде, определяет наш выбор в будущем, когда мы оказываемся на развилке. Это происходит снова и снова» (2014, с. 14).

Множащиеся подобные исследования оставляют всё меньше сомнений в том, что исторически укоренённые режимы и институты оказывают сильнейшее отложенное влияние на современное состояние дел в различных сообществах, и странам не так легко уйти от своего прошлого. По мнению М. Снеговой (2014), опирающейся на ряд соответствующих зарубежных исследований, в таком выводе сходится сегодня большинство учёных[11]. Всё это наводит на мысль о том, что и современной России без традиционно сильного для нашей страны государственного участия, по-видимому, не справиться в обозримые сроки с грузом накопившихся многочисленных проблем и нарастающих новых задач модернизации пространственного развития. Слишком многое говорит о том, что именно такая государственно направляемая и пропитанная духом приверженности привычности и канону стратегия пространственных преобразований имеет наибольшие шансы на осуществление.

[11] Автор (политолог, докторант Колумбийского университета в Нью-Йорке) основывает свои выводы, в частности, на работах, которые: показывают связь работорговли с сохраняющимися низкими уровнями доверия в тех регионах Африки, где она была распространена; описывают эффекты, связанные с практиками, принятыми в Оттоманской империи, и сегодняшней коррупцией; объясняют влияние китайской письменности на восприимчивость культуры к коллективным ценностям; подчёркивают преемственность между элементами феодального общества, существовавшими при царском режиме, и теми чертами, что были, по мнению некоторых исследователей, воссозданы в советской версии государственной системы; анализируют влияние русской традиции на политический стиль советских элит и др.

Основное противоречие пространственной организации как источник пространственных преобразований и способы снятия этого противоречия

Длительный процесс пространственных преобразований, взятый в исторической ретроспективе, поддаётся периодизации, в основе которой лежит вычленение отдельных этапов пространственного развития страны с наиболее характерными (доминирующими) для них ключевыми предпосылками, главными движущими силами и обусловленными ими массовидными и существенными пространственными трансформациями.

Своеобразие нынешнего – постсоветского – этапа таких преобразований состоит в их обусловленности резко обозначившимся кардинальным несоответствием (антагонизмом) пространственной организации жизнедеятельности, целенаправленно, энергично и последовательно формировавшейся в предшествующие десятилетия путём воплощения исключительно государственных планово-директивных решений – долгосрочных схем развития и размещения производительных сил, а также расселения на всей территории СССР, качественно новым обстоятельствам, возникшим вследствие пережитого страной в 1990-е годы крутого формационного поворота[12] (переход к рыночной экономике, смена государственного устройства, политипические реформы и др.). Это противоречие является источником и смыслом неотвратимых и существенных преобразований сложившейся системы пространственной организации жизнедеятельности (системных преобразований пространства).

Разумеется, возникновение новых обстоятельств и адаптацию к ним можно считать вполне обычным делом для развития сложных общественных систем. Однако в современной России речь идет о совершенно особом (правда, для её истории вовсе не уникальном) случае, когда происходит не постепенное (эволюционное) перестраивание отдельных сторон жизнеустройства, а предельно сконцентрированная во времени, по сути дела, революционная смена всех устоев жизнедеятельности, внезапно поставившая страну перед небывалыми по числу, масштабу и сложности пространственными вызовами[13]. Существенно со-

[12] Независимо от того, какой из теоретических концепций объяснения закономерностей общественного исторического развития придерживаться – формационной ли методологии с её классовыми революциями, цивилизационного ли подхода с его кризисами развития, обществоведческими ли приложениями естественнонаучных теорий (к примеру, нелинейной неравновесной термодинамики с её точками бифуркации), а также возможных прочих умозрительных конструкций, – неоспорим вывод о кардинальности произошедших в России 1990-х годов изменений.

[13] Для характеристики такого неустойчивого поведения пространственной системы, находящейся в состоянии «фазового перехода», методологически привлекательной может оказаться теория нелинейной неравновесной термодинамики, разработанная нобелевским лауреатом по физике И. Пригожиным. Он предложил различать системы «вблизи равновесия» и «вдали от равновесия». Системы первого рода – это относительно простые системы, они линейны и стационарны (их поведение не зависит от времени). Системы же второго рода могут иметь различные способы поведения: они могут быть как стационарными, так и нестационарными (их поведение меняется во времени), как простыми, так и сложными, линейными или нелинейными. В Институте системного анализа РАН проводятся исследования, в которых постулаты созданной И. Пригожиным нелинейной термодинамики, характеризующей термодинамические процессы вдали от равновесия, применяются к экономическим системам (Костюк, 2013; Лившиц, 2013). В качестве исходных используются понятия «состояние системы», «реализуемое состояние системы», «множество реализуемых состояний системы», «стационарная система» и «нестационарная система», «устойчивость» и «неустойчивость», «линейное равновесие» и «нелинейное равновесие», «потенциальная структура», «бифуркация» и др.

кратилась территория страны, произошла смена функциональных ролей и геополитического значения её отдельных частей (регионов), усилилась гипертрофия северных территорий с экстремальными условиями проживания населения и ведения хозяйственной деятельности (две трети территории современной России занимает зона вечной мерзлоты), оказались утраченными (отошли другим государствам) основные выходы в бассейны Балтийского и Чёрного морей, и вынужденно усилилась роль тихоокеанских и северных портов, возросло экономическое тяготение Восточно-Сибирских и Дальневосточных территорий к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличилось число приграничных регионов, появилась эксклавная территория и т.д. На смену исключительно планомерному и государственно-направляемому распределению хозяйственного (а следом и социального) потенциала по территории страны пришёл преимущественно стихийный процесс стягивания не только производства, но и экономической активности вообще в наиболее жизнеспособные ареалы. Только жизнеспособность получает здесь уже другие основания и связана либо с наиболее благоприятными природно-ресурсными предпосылками, либо с выгодами географического положения (транспортная доступность, близость к рынкам сбыта и т.д.)[14].

Случившиеся пространственные изменения имеют не только сугубо внутрироссийские последствия, замыкающиеся в пределах вновь установленных государственных границ. Болезненный процесс драматического сжатия (резание «по живому») пространства, долгое время (включая и дореволюционно-российский и советский периоды) развивавшегося как единое целое, не мог не привести рано или поздно к высвобождению скрытой (потенциальной) мощной энергии регенерации его покалеченной структуры. Эта восстановительная энергия как свойство внутренней упругости сжимаемого пространства (можно сказать, его исторической памяти) получает соответствующее идеологическое оформление и, главное, становится источником практических внешнеполитических, внешнеэкономических и даже военных действий государства в его ближнем зарубежье, в сущности направленных (вопреки декларациям, разумеется, отрицающим подобные намерения) на компенсацию понесённых страной пространственных потерь. Такие действия проявляются в разнообразных формах, дающих наглядное представление о том, в каких пределах, какими средствами и с какой решимостью (рисками) готово действовать российское государство в целях реинтеграции (восстановления целостности) постсоветского пространства. В этом ряду лежат не только мирный и вполне соответствующий современным мировым трендам проект межгосударственной евроазиатской экономической интеграции на постсоветском пространстве, но и отнюдь не получающие международного одобрения и опирающиеся на угрозу или применение военной силы экспансионистские

[14] Указывая на традиционно выделяемую особую роль экономико-географических факторов, следует вместе с тем заметить, что в течение последних двух десятилетий был сформулирован ряд принципиально важных выводов относительно их места в ряду основных групп параметров (ресурсно-технологических, экономико-географических, социокультурных и институциональных факторов, а также экономической политики), на которые опираются современные модели экономического роста. Согласно новым воззрениям экономико-географические факторы « … из экзогенных детерминант экономического развития превращаются в производные от действия ресурсно-технологических факторов и экономической политики». Множатся примеры, когда «географическое положение и климат более не выступают жесткими детерминантами экономического развития» (Афонцев, 2014, с. 5). Хотя в большинстве случаев всё ещё актуальна мысль о том, что «климат – это судьба».

действия России по поддержке в сопредельных с ней государствах сепаратистских режимов и самопровозглашённых ими новых квази-государств (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Донецкой и Луганской народных республик), и даже прямое присоединение отдельных территориальных частей других государств (Крым). Окажутся ли указанные действия – и интеграционные, и экспансионистские, – стратегически выигрышными, сейчас трудно предвидеть, но то, что их осуществление влечёт пока больше потерь, очевидно уже сейчас. Особенно показательным в этом смысле стал 2014 г., когда против России, в связи с её действиями на Украине, были введены международные политические и экономические санкции, усугубившие и без того сверх меры (на общемировом фоне) затянувшуюся и обострившуюся кризисную ситуацию в стране. При этом санкционные меры наносят существенный ущерб и без того не очень политически успешному и экономически выгодному интеграционному евразийскому проекту.

Процесс пространственных трансформаций в России запущен и, по-видимому, будет набирать обороты. Смысл и содержание этого процесса будет заключаться в преодолении (снятии) отмеченного выше коренного постсоветского противоречия в организации пространства. Уже обозначались основные способы решения этой задачи. С одной стороны, это кризис[15] как стихийно возникающий и неуправляемо развивающийся процесс спонтанного саморазрешения (на практике до настоящего времени – преобладающего) и, с другой, это реформы как заранее спланированный целесообразный процесс государственно-направляемого преодоления (на деле до сих пор имевшего место в меньшей степени) названного противоречия. Кризис и реформы, несмотря на их сущностные различия, в известной мере взаимообусловлены. Развитие кризиса вызывает к жизни естественное для здорового государства стремление к преодолению неблагоприятной ситуации, в том числе путём проведения соответствующих реформ, которые в свою очередь могут оказывать на кризисные процессы либо смягчающие, либо усугубляющие воздействия. Совокупным следствием этих способов пространственных преобразований – кризиса и реформ – выступает противоречиво формирующаяся новая пространственная среда (новая конфигурация пространства), характеризующаяся уникальным – по количеству, масштабам, содержательному разнообразию, остроте и территориальной неравномерности – сочетанием пространственно опосредованных проблемных ситуаций и явлений. Важно при этом учитывать, что сложившаяся на обширной российской территории пространственная организация жизнедеятельности исключительно инерционна и вялотекущий и малопродуктивный в кризисных условиях реформационный процесс быстро и существенно изменить параметры этой конструкции будет не в силах. В ещё меньшей степени на это способно спонтанное (питаемое неупорядоченной активностью субъектов рынка или неконтролируемой стихией кризисных процессов) территориальное перераспределение социоэкономического потенциала. Поэтому в реорганизации его пространственной архитектуры на новых основаниях, по нашему убеждению, очевидны объективная закономерность, временна́я длительность, территориальная неравномерность,

[15] Речь идёт о так называемом системном, охватившим все аспекты жизнедеятельности страны кризисе, корни которого уходят в поздний советский период, а его пышная крона распустилась уже во времена рево-реформ 1990-х годов. Этот общий кризис периодически дополнительно обостряется циклическими кризисами, имеющими в отличие от доморощенного системного кризиса уже внешние причины, порождённые вхождением России в мировое капиталистическое хозяйство.

динамическая неустойчивость и содержательная противоречивость начавшегося переходного периода. Для этого периода должна быть выбрана соответствующая политика государственного участия в пространственных преобразованиях, адекватная специфическим переходным условиям и особенностям.

Предмет и цели государственного участия в пространственных преобразованиях

Раскрыть современную роль государства в пространственных преобразованиях – значит определить: предмет соответствующих государственных действий; интересы и цели, которыми руководствуется государство, а также возможности, которыми оно располагает в преобразовании пространства; состав, компетенции и способы взаимодействия государственных органов, реализующих государственные интересы и цели пространственного развития; пространственные объекты государственных воздействий; инструменты осуществления пространственных преобразований.

Другими словами, государству важно было бы определиться, в каких сферах, во имя каких целей, в каких масштабах, в какой мере, какими способами и ресурсами оно намерено влиять на содержание, темпы и направленность преобразований социоэкономического пространства страны и её отдельных территориальных частей. Сокращению продолжительности и снижению болезненности этого трансформационного периода (если в этом есть осознанная заинтересованность), по-видимому, могло бы способствовать проведение имеющей широкую общественную поддержку и адекватной складывающейся ситуации государственной политики, предметом которой в широком понимании могли бы стать осмысленные действия власти, выступающие в качестве целесообразных и обоснованных реакций на явления и процессы изменения организации социоэкономического пространства советского типа. Осмысленными такие действия могут стать только при условии ясного понимания долговременных общественных интересов в сфере пространственного развития и государственных возможностей их реализации.

Выбор верной политики, оцениваемой исключительно по её реальным последствиям, сулит немалые выгоды, тогда как ошибочная политика чревата очень высокими экономическими и социальными издержками. К сожалению, реформационные деяния власти свидетельствуют пока об отсутствии корректного и глубокого понимания подлинно общественных (а не узко групповых) интересов и государственных возможностей (как ресурсных, так и инструментальных) в процессах пространственного развития. Государственная власть, у которой после кратковременного ослабления роли централизованного государственного начала и стихийного роста региональной самостоятельности в начальный постсоветский период 1990-х годов в 2000-е годы появилось подкреплённое ресурсами стремление возобновить свою былую активность в этой сфере, ориентируется преимущественно на частные интересы отдельных наиболее влиятельных лоббистских группировок и действует к тому же импульсивно, беспорядочно и вслепую. Не выработав для себя новых ценностных ориентиров, власть зачастую сбивается на стереотипное воспроизведение советских по своей сути подходов к пространственному развитию, преимущественно «по государственному проекту» и на государственные же деньги без должного учёта новых обстоятельств

и задач[16]. И что немаловажно – без оглядки на общественное, в первую очередь научное, мнение, которое имеет исчезающе малое влияние на государственные решения.

Недвусмысленные подтверждения наличия у государственной власти не просто «генетической предрасположенности» к воспроизведению советского опыта определения перспективной пространственной специализации, формирования и реализации схем размещения производства и расселения, а вполне реальной её готовности к практическим действиям в этом направлении можно без труда обнаружить в правительственных программных и концептуальных документах, принимавшихся с начала 2000-х годов[17]. Ознакомление с ними убеждает, что государство вновь, как это было в советский период, готово не просто участвовать, но взять на себя *главную роль* в формировании нового облика пространственной конфигурации социоэкономического потенциала страны и её регионов. «Центр» последовательно стремится установить новый баланс функций в своей политике, сократив те из них, содержанием которых является создание общих институциональных условий для самостоятельного развития регионов, в пользу расширения своего непосредственного участия в территориальном размещении производственных и инфраструктурных объектов. И этот процесс втягивания государства в решение проблем пространственного развития производственно-промышленного и инфраструктурного потенциалов, а также системы расселения, судя по множащимся примерам, нарастает[18]. Но при этом не похоже, что правительство

[16] К примеру, в разработанной несколько лет назад «Стратегии развития Дальнего Востока, Иркутской области и Республики Бурятия», в качестве основных целей, в достижении которых собиралось активно (и как целеуказатель, и как регулятор, и как инвестор) участвовать государство, фигурировало создание в южной Якутии крупного промышленного района, связанного с глубокой переработкой полезных ископаемых, природного газа, апатитов, угля, железных и урановых руд. На территории Забайкальского края выделялась Забайкальская индустриальная зона, где планировалось развивать горно-металлургические комплексы, деревообрабатывающую промышленность, строительную индустрию, а также мясное скотоводство. На Камчатке на основе традиционной специализации региона – добыче и переработки рыбы должен был быть создан биоресурсный кластер Авачинской агломерации. Тем самым во главу угла своей региональной политики государство ставит всё ту же нещадно осуждаемую на словах, но остающуюся незыблемой на деле модель ресурсного освоения пространства страны и её отдельных территориальных частей.

[17] Для примера упомянем, в частности, подготовленную Минэкономразвития России в октябре 2007 г. «Концепцию долгосрочного развития страны на период до 2020 г.». Её соответствующий раздел, красноречиво озаглавленный «Пространственное развитие российской экономики», содержал обширный перечень задач государства по реализации энергетических, производственных, инфраструктурных и миграционно-расселенческих проектов в различных территориальных частях страны (Швецов, 2010).

[18] Интерес к возрождению важнейших элементов советского «размещенческого» подхода проявляют государственные власти и субфедерального уровня. Уже в начале 2000-х годов в ряде регионов, возглавляемых «крепкими хозяйственниками», начали разрабатывать схемы размещения, которые интерпретировались в качестве стратегий регионального развития. Например, в 2002 г. была разработана «Схема развития и размещения производительных сил Свердловской области на период до 2015 года», в 2006 г. – «Схема развития и размещения производительных сил Ханты-Мансийского автономного округа-Югры на 2006–2015 гг. и до 2020 г.», в 2007 г. – «Схема размещения и развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.» и др. И это направление не затухает. Более того региональными руководителями ставится даже вопрос о применении такой политики в масштабах уже всей страны. Так, в 2011 г. губернатор Владимирской области более чем откровенно высказывался на сей счёт: «Очевидно, что сегодня в России необходимо более системно заниматься *размещением производительных сил в регионах* (курсив мой – *А.Ш.*). Позиция инвестора понятна: где ему выгоднее, туда он и пойдет. Но каждый из нас хочет, чтобы выбор был сделан в его пользу. И в этой ситуации другого пути, кроме как увеличение

отдаёт себе отчёт в том, что коль скоро оно берётся за непосредственную реализацию проектов преобразования социоэкономического пространства страны, то ему хорошо бы располагать чётким представлением о предпочтительном варианте перспективной пространственной конфигурации. Не видно также, чтобы все планируемые государственные действия были бы самым тщательным образом продуманы и обоснованы, возможные альтернативы выявлены и взвешены, последствия допустимых решений оценены, объёмы ресурсных потребностей определены и источники их удовлетворения известны.

К сожалению, ни одна из правительственных пространственно ориентированных концепций не отвечает таким требованиям. Прежде всего, концептуальные документы не предлагают перспективного облика социально-экономического пространства, которое представляется желательным обществу и государству с позиций их ценностных устремлений и ресурсных возможностей, не устанавливает целей осуществления пространственных преобразований. Без такого ценностно-целевого ориентира, задающего критериальную базу для оценки сложившейся ситуации и принятия важнейших решений по её исправлению, становится абсолютно бессмысленным анализ современных пространственных проблем, а формируемый на этой основе перечень задач перспективного пространственного развития выглядит малообоснованным и случайным. Серьёзнейший недостаток правительственного подхода заключается в отсутствии оценок социально-экономической обоснованности предлагаемых мер; нет никакой ясности, во сколько эти меры обойдутся государству, и какую выгоду получит или, напротив, с какими рисками столкнётся страна в результате их осуществления. Государственные решения принимаются, как правило, по прихотливым соображениям политической целесообразности, противоречащим строгим критериям экономической эффективности. Примеров на сей счёт современная российская действительность предоставляет в избытке[19]. Более того соответствующая активность властей возрастает.

Государственная власть, затевая пространственные проекты, видимо, имеет намерения определённо показать бизнесу где, как и когда будет улучшаться инве-

---

льгот и преференций, нет. И мы соревнуемся, кто предоставит больше льгот, а возможности у всех разные. Бесспорно, внутри страны должна развиваться конкуренция, но должно быть и единство интересов. И кто-то должен определять, где от инвестора будет больше пользы» (Биткина, 2011).

[19] Достаточно назвать такие инициированные и финансово поддержанные государством «имиджевые» инвестиционно-строительные мегапроекты как проведение в 2012 г. в г. Владивостоке форума АТЭС, в 2013 г. в г. Казани – Универсиады, в 2014 г. в г. Сочи – Олимпиады и гонок «Формулы-1», в 2018 г. в ряде городов страны первенства мира по футболу. По экспертным оценкам, только названные спортивные мероприятия суммарно «тянули» на 120,5 млрд долл. США – огромнейшая сумма на фоне дефицита бюджета, растущих социальных обязательств, хронического дефицита Пенсионного фонда и других финансовых проблем (Николаев, 2010). К этому следует добавить активно «проталкиваемые» проекты строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей. Например, проект организации высокоскоростного железнодорожного сообщения между Москвой и Санкт-Петербургом, экономическая неэффективность которого была доказана ещё в 1990-е годы. Правда, по сравнению с тем периодом в нынешнем проекте появились дополнительные аргументы в пользу магистрали, строительство которой теперь увязывается с сооружением грузовых портов на Балтике. Но выглядит эта «увязка» абсурдно, если учесть, что магистраль предназначается для перевозки пассажиров, а вовсе не грузов. Поразительно, но ни один из названных исключительно дорогостоящих проектов не подвергался полноценной экспертизе и корректной оценке эффективности. К слову сказать, пожалуй, и ни один из них в строгом смысле проектом не может быть признан как не отвечающий устоявшимся критериям в части технико-экономического обоснования, планирования, разработки и управления.

стиционный климат и формироваться благоприятная предпринимательская среда, якобы давая тем самым бизнесу чёткие ориентиры развития[20]. Но в современной экономике это не такой простой вопрос: кто кому и в чём должен намечать ориентиры – государство бизнесу, бизнес государству или же это более сложный обоюдный процесс? Ставя перед собой амбициозные цели, не оказывается ли государство заложником устаревших подходов, не подвергается ли оно чрезмерному риску попасть в сложную ситуацию, когда будут потрачены колоссальные общественные средства на инфраструктурное обустройство выбранных государством территорий, а бизнес не пойдет туда, и придётся решать непростую задачу, как заинтересовать (или принудить) бизнес жить по предписанным государством схемам[21]. Напомним, что нынешняя пространственная конфигурация экономики вообще и инфраструктуры, в частности, была создана именно по «государственным схемам»; в той системе экономических отношений только государство решало, в каком районе страны будут размещены принадлежащие ему предприятия. Оно ставило задачи, оно и логично несло все риски. Разгосударствление же экономики освободило государство от этого бремени (или привилегии) и теперь на повестке дня стоят проблемы рыночной трансформации пространственной конфигурации экономики, которая должна бы происходить, конечно же, не без участия государства, но всё же в большинстве случаев под определяющим влиянием интересов частного бизнеса, «равноудалённого» от государства. И в новой ситуации предстоит определить меру и формы государственного участия в этом трансформационном процессе. В любом случае свою новую роль государство не сможет эффективно выполнять, если не научится корректно идентифицировать и непротиворечиво учитывать в своих стратегиях интересы бизнеса. И для этого потребуется государственно-частное партнёрство, основанное на взаимном доверии и информационной открытости сторон (Швецов, 2014а).

Однако разворота в новом направлении не происходит. Государственные решения последних лет[22] продолжают стремление совместить советскую идеологию схем развития и размещения производительных сил и системы расселения с идеями «новой географии» (крупные города и агломерации, центры роста и др.). Таким образом, в России действуют не в логике новых обстоятельств и интересов, а «модернизируют» пространственную организацию, выстроенную под потребности экономики советского типа.

---

[20] И не только бизнес получает такие ориентиры, но и регионы, каждому из которых федеральная власть в стратегии пространственного развития до 2025 г. подобно легендарному советскому Госплану предписала «перспективную экономическую специализацию».

[21] Ситуацию пока спасает теснейшая связь крупного российского бизнеса с государственной властью. В таком симбиозе решения в конечном итоге принимаются к «взаимному удовольствию» обеих сторон, и поэтому никаких серьёзных противоречий пока не возникает. Бизнес идёт в те регионы и реализует там те проекты, которые ему указывает государство. Причём такие решения принимаются не без лоббистских усилий самого бизнеса, для которого всё оборачивается беспроигрышной игрой. Ведь в случае экономических неудач бизнес обоснованно предъявляет претензии государству, которое с готовностью изыскивает способы компенсации за счёт государственных ресурсов потерь, понесённых бизнесом. Но из-за такого симбиоза общество больше теряет, чем приобретает, ибо в стране, сделавшей выбор в пользу рыночной конкурентной экономики, не формируется соответствующие её сущности бизнес-климат и инвестиционная среда.

[22] «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13; «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

Пространственные образования как объекты государственного воздействия

Сложно устроенный мир пространственно организованной жизнедеятельности общества представлен калейдоскопом конкретных социоэкономических ситуаций, складывающихся в границах многочисленных пространственных ареалов – различных по масштабам, географическому положению, административному статусу территориальных образованиях, в рамках которых пространственно структурирован социоэкономический потенциал страны. Признание принципиальной допустимости и даже императивности государственного воздействия на пространственную конфигурацию этого потенциала требует прояснения вопроса о том, ситуации, в рамках (границах) каких типов пространственных ареалов (территориальных образований), должны выступать объектами такого воздействия с тем, чтобы обеспечить получение наибольшего общественного эффекта. Получить чёткий ответ на этот вопрос не позволяет отмеченная ранее неопределённость предметного содержания, интересов и целей политики пространственных преобразований.

Для России как федеративного государства основным типом пространственных объектов воздействия со стороны федерального «центра», что называется по определению, служат субъекты Российской Федерации. Их весьма большое число и беспрецедентно сильная неоднородность не позволяют федеральной власти, отнюдь не располагающей безграничными ресурсными возможностями, проявлять индивидуально-ситуативные реакции и оказывать реальную поддержку всем без исключения регионам и вынуждают её проводить избирательную политику, прибегая при отборе конкретных объектов государственного воздействия к сравнительной оценке уровней (потенциалов) развития регионов. В соответствии с такими оценками резко контрастное множество всех регионов может быть разделено на более однородные их группы, позволяющие целенаправленнее решать вопрос о том, регионам какого из секторов следует направлять средства господдержки[23]. Впрочем, на деле методически бесстрастному подходу к выбору регионов как объектов государственной поддержки противостоит неискоренимое закулисное принятие соответствующих решений в зависимости от политической лояльности региональных властей. Неспроста такого рода методики никогда не становились предметом законодательного установления, а все годы реформ оставались уделом органов исполнительной власти (правительства и Минфина).

В последнее время в силу разных причин объектный состав государственной пространственной политики претерпевает изменения, причём настолько серьёз-

[23] Причём ответ на указанный вопрос вовсе не однозначен. Существуют две конкурирующих концепции, одна из которых ориентирована на поддержку отсталых регионов, а другая – на стимулирование регионов – «точек роста». Возможен и третий вариант – помогать регионам со средним уровнем развития. Мотивировка третьего предложения основывается на статистически подтверждённом выводе о том, что большинство бедных людей сосредоточено в регионах со средним уровнем бедности и поэтому любые предпринимаемые в этой области меры смогут оказать влияние на положение большинства бедного населения в России. В этой связи Всемирным банком предлагалось федеральным властям уделить особое внимание стратегиям роста именно для средних регионов. В научно-прикладных исследованиях можно встретить и другие концептуальные подходы, основанные на более сложных типологиях регионов по уровням их развития и по остроте проблем, требующих приоритетного решения.

ные, что их следствием уже стали первые (и, скорее всего, не последние) изменения в Конституции РФ[24]. Речь в данном случае идёт о начавшихся в начале 2000-х годов действиях федеральной власти по укрупнению региональных объектов государственного регулирования. Так, в эти годы было проведено группирование всех субъектов РФ в рамках федеральных округов[25] и был запущен процесс слияния ряда субъектов РФ в новые государственно-территориальные образования.

Особый вид объектов государственного воздействия – регионы-участники федеральных целевых программ (ФЦП). В этой сфере в последние годы происходило последовательное сокращение общего числа федеральных целевых программ регионального развития при расширении территориальных зон охвата некоторых из них. Если первоначально ФЦП развития регионов в основном имели привязку к отдельным субъектам РФ, то в последующем доминировать стали ФЦП, охватывающие одновременно несколько регионов – в частности, ФЦП «Юг России», «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья».

Наконец, в полном согласии с курсом на укрупнение объектов региональной политики в недавнем прошлом на высшем государственном уровне высказывались предложения о необходимости разработки концепции макрорегионов России. В частности, на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию 30 ноября 2007 г. глава государства активно развивал тему о «… макрорегионах Российской Федерации, которые по границам часто совпадают с границами федеральных округов». Он ориентировал учёных на «… целенаправленные исследования по определению самого понятия макрорегиона, определению его границ, обусловленных территориальными, природными, инфраструктурными, демографическими и этнокультурологическими особенностями, с тем, чтобы определить наиболее эффективные пути развития регионов для обеспечения интересов граждан, проживающих на этих территориях, а может быть, даже при необходимости поправить и оптимизировать границы федеральных округов»[26].

Тогда же появились правительственные планы нового экономического районирования страны[27], под которым понималось «… не политическое решение и не

[24] Изменения претерпевает статья 65 Главы 3. Федеративное устройство, где приводится состав субъектов РФ.

[25] В момент их учреждения в 2000 г. было создано семь федеральных округов. Первым изменением их количества (увеличением до восьми) и состава стало выделение Северо-Кавказского федерального округа из Южного федерального округа на основании Указа Президента РФ от 19 января 2010 г. Вторым – образование в марте 2014 г. Крымского федерального округа.

[26] К слову сказать, именно это президентское поручение послужило поводом и основанием для инициирования в 2009 г. программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», результаты которой представлены в выпущенной в 2013 г. одноимённой монографии (Фундаментальные…, 2013).

[27] Заметим, что тема районирования страны и её территориальных частей имеет в России давнюю и славную историю. Можно вспомнить, что в советские времена пространство страны (в границах нынешней РФ) было разбито на 11 крупных экономических районов (макрорегионов), в состав которых включались географически близкие республики, края, области и др. Такое разбиение носило вспомогательный информационно-статистический характер и не сопровождалось стремлением положить его в основу разработки территориально-отраслевых планов или нового административно-территориального деления страны. Апогей научного интереса к изучению проблем районирования был пройден в советский период, но полностью не затих. Из числа новейших добротных академических исследований этих вопросов отметим, например (Демьяненко, 2003; 2010).

изменение административного деления страны», а определение экономической специализации крупных регионов. По словам министра регионального развития, исходя из этой специализации, предполагалось выстроить долгосрочную стратегию развития страны в территориальном разрезе, существенно скорректировать принципы экономического планирования как на региональном, так и на отраслевом уровне. Региональные стратегии, которые готовились под эгидой Минрегиона, подлежали объединению в стратегии развития выделенных правительством 7–10 макроэкономических зон. В соответствии с зональной структурой планировалось перекроить и отраслевые стратегии министерств и госмонополий[28]. Через десятилетие тема макрорегионов получила развитие в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». На этот раз было предложено выделить 12 макрорегионов Российской Федерации, в рамках которых за счёт усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации предполагается добиваться сокращения уровней социально-экономических различий как между регионами, так и внутри них.

Что стоит за подобными предложениями? В психологическом плане, видимо, сказывается феномен крупномасштабности пространства страны, который стереотипно предопределяет преимущественно макроскопический характер исследовательского и регулятивного интереса, объектом которого выступают, прежде всего, и в основном крупные территориальные образования. Но если уйти от подсознательного и обратиться к реалиям государственной политики, то можно говорить о сугубо практических задачах, которые «центр» пытается решить таким территориальным «агрегированием». Несомненно, создание макрорегионов (как обновлённой версии нынешних федеральных округов) работает на идею «вертикали власти», с неумолимостью вносящей в организацию федеративных отношений между «центром» и региональными структурами государства неприемлемые для таких отношений принципы и критерии управляемости, в соответствии с которыми верхний уровень оправданно стремится к уменьшению числа находящихся в его управлении объектов[29], прибегая для этого к конструированию укрупнённых территориальных образований.

Аналогичный смысл несёт в себе и объединение субъектов РФ – их число в каждом макрорегионе (новом формате федерального округа) также не должно быть чрезмерно большим. Кроме того, в результате укрупнения субъектов Российской Федерации, происходящего путём присоединения слабых регионов к более сильным их соседям, решается и другая важная задача – уменьшить размах социально-экономических различий между регионами[30]. В основу этого

[28] С концепцией долгосрочного развития страны на основе новых экономических макрорегионов глава Минрегиона выступил на всероссийской конференции «Политика развития территорий единой России» в феврале 2008 г.

[29] В теории управления существует понятие нормы управляемости, согласно которой на руководителя не должны замыкаться более 8–10 подчинённых.

[30] По словам председателя Комитета Госдумы по делам Федерации и региональной политике РФ: «Для России сегодня характерна большая дифференциация между социально-экономическим развитием регионов. Разница между успешными и дотационными регионами весьма значительная. Эту разницу необходимо сокращать, чтобы сохранить целостность страны. В этом направлении, как подчеркивал президент, конструктивную роль может сыграть формирование новых укрупненных центров социально-экономического развития в Поволжье, на Урале, Юге России, Сибири и Дальнем Востоке» (Давыдов, 2008).

процесса некоторые эксперты предлагали положить идею создания эффективных региональных макроэкономических зон, которые могли бы возглавить наиболее успешные из губернаторов объединяемых регионов. В частности, высказывалось мнение о том, что основой нового укрупнённого центра развития могла бы стать поволжская региональная группа, которая уже определилась как исторически, так и экономически. Например, с расположенным в Самарской губернии АвтоВАЗом крепко связаны десятки смежных предприятий в Ульяновской области. Флагманы же самарской оборонной отрасли имеют естественные и давние связи с профильными предприятиями Пензенской области. А при сложении экономического потенциала Самарской и Саратовской областей укрупнённый регион получил бы ощутимый стимул к развитию агропрома и нанотехнологий.

Весьма вероятным результатом реализации описанного замысла предполагалось сделать более чёткое оформление трёхуровневой властно-управленческой иерархии, перераспределение в рамках которой полномочий и ресурсов приведёт к административному и финансовому утяжелению института федеральных округов (или макрорегионов). В пользу этого свидетельствовали многие признаки. В частности, округа начали даже разрабатывать стратегии собственного развития как целостных пространственных образований. При этом делались заверения, что новое макрорайонирование страны ограничится сугубо экономическими задачами и не приведёт к изменению административно-территориального деления страны. Не исключено, что это всего лишь попытка скрыть до поры до времени истинные намерения федеральной власти, поскольку трудно объяснить, кому и зачем нужно было затевать масштабную работу по определению специализации огромных пространств и разработке стратегий развития каких-то абстрактных (без институциональных признаков) макрорегионов при том, что имеется конституционно установленная структура субъектов РФ. Либо эта затея должна оказаться пустой тратой времени и средств, либо её результатом всё-таки станет новая система административно-территориального деления страны, напоминающая трёхуровневое устройство СССР (союз; союзные республики; края, области и т.п.)[31]. Тем более что ползучая реформа в связи с объединением субъектов РФ, сопровождаемая конституционными поправками, уже идёт и нет никаких принципиальных препятствий для её радикализации. Впрочем, после периода активного обсуждения эта тема вдруг потеряла былую актуальность и ушла из «повестки дня» – вот только навсегда или на время?

Геополитические факторы, подкреплённые стойкой приверженностью государственной власти ресурсной модели развития страны, требующей вовлечения в хозяйственный оборот всё новых нефтегазовых месторождений, послужили предпосылкой для выделения новых видов пространственных образований в качестве объектов государственного воздействия. Речь идёт о выделении целевых территорий, по своим масштабам превосходящих по площади отдельные субъекты Российской Федерации и не укладывающихся даже в пределы федеральных округов. Таковым новообразованием можно считать обширную арктическую зону страны, которая после многих лет безразличного к себе отношения

[31] Идея экономического районирования страны, сопряжённого с реструктуризацией её административно-территориального деления, поддерживается и отдельными научными организациями. Наиболее активным её сторонником выступал Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН, сотрудники которого ещё в конце 1990-х годов подготовили соответствующие предложения (Государственно-территориальное…, 2003).

вдруг благодаря внезапному осознанию властью исключительного транспортного (транзитного) и ресурсного значения этого макрорегиона стала приоритетным стратегическим направлением государственной политики пространственного развития. В качестве ещё одного единого макрообъекта государственной политики пространственного развития была выделена огромная (охватывающая несколько субъектов Российской Федерации из двух федеральных округов) территория Сибири и Дальнего Востока. В основе этого решения – стремление «поймать китайский ветер в паруса российской экономики». Ускоренное и масштабное развитие этой территории объявлено главным на весь XXI в. приоритетом в новой азиатской стратегии России (Вардомский, 2015).

Как видим, государственная политика воздействия на пространственное развитие стремится иметь дело преимущественно с макрорегиональными объектами, процессами и пропорциями. Между тем территориальная действительность современной России не может быть ни объективно оценена, ни изменена к лучшему без должного внимания к более локальным объектам муниципального уровня, представленным различными типами поселений. Поэтому, по нашему мнению, государственную политику следовало бы обогатить пристальным взглядом на процессы пространственного развития, протекающие в рамках муниципальных образований[32]. Именно этот многочисленный класс маломасштабных (локальных) территориальных систем наиболее полно вбирает составляющие циклов воспроизводства социального, хозяйственного, финансового и других видов потенциалов жизнедеятельности страны в целом и её отдельных территориальных частей. Вне пределов поселений оказывается только природно-ресурсный потенциал (нефть, газ, руды, лес и т.п.), составляющий основу нынешнего индустриального уклада экономики. И неслучайно характерным для этого уклада объектом государственной политики являются крупные превышающие поселенческий масштаб территориальные образования, размеры которых позволяют наилучшим образом организовать и регулировать процессы, связанные с использованием различных видов природных ресурсов. Декларируемый властями переход к постиндустриальному укладу экономики вместе с прогнозируемым снижением роли её природно-ресурсного потенциала с неизбежностью повлечёт за собой фокусирование пространственной политики на локальных территориях (в первую очередь, на городских и иных поселениях), в пределах которых сосредоточен инновационный потенциал будущей «экономики, основанной на знаниях» («информационного общества», «цифровой экономики» и т.п.).

Отдельные признаки подобного смещения акцентов в регулятивных воздействиях, когда в качестве объектов федеральной политики выступали локальные территориальные образования муниципального уровня, уже наблюдались. Речь идёт о таких объектах как закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), наукограды, «шахтёрские» города и посёлки, моногорода и др. По каждому виду этих объектов создана федеральная нормативная правовая база, допускающая вопреки общему правилу непосредственное (через «голову» региональных властей) взаимодействие «центра» и местных органов власти, принимающее различные формы – от введения на муниципальных территориях особых правовых режимов (например, в налоговой сфере и др.) до федеральных программ прямого субсидирования.

[32] Эту точку зрения мы начали отстаивать еще в 1990-е годы. С её развернутой аргументацией можно ознакомиться в ряде наших публикаций (Лексин, Швецов, 1999, 2000–2001; Швецов, 2002а, б).

Есть основания полагать, что в этом классе субрегиональных объектов государственного воздействия своё место могут занять и городские агломерации. Действительно, для современного этапа урбанизации в России (как и во всём мире) характерна усиливающаяся поляризация урбанистического пространства. Происходит динамичный рост числа крупных городов и численности проживающего в них населения, приводящий к неуклонному существенному усилению роли городских агломераций как специфической формы пространственной организации расселения и жизнедеятельности. Следствием этого становится неизбежность выделения агломераций в качестве нового класса объектов управления. В таком качестве особенность агломераций состоит в том, что для их результативного и эффективного развития требуется системная организация управления ими, основанная на вовлечении как органов государственного (федерального и регионального) управления, так и местного самоуправления (Маркварт, Швецов, 2017).

Проблемы пространственного развития в структуре органов государственного управления

С самого начала реформ важнейшим организационным условием успешности разработки и реализации политики пространственного (регионального) развития (региональной политики) считалось обязательное наличие высоко статусного федерального органа исполнительной власти, специализированного на соответствующих вопросах. Однако на протяжении всего периода преобразований эту задачу никак не удавалось решить вполне удовлетворительно. Хотя в системе высших исполнительных органов государственного управления всегда (за исключением короткого промежутка) присутствовала структура, специально занимавшаяся вопросами регионального развития, вряд ли найдётся ещё один федеральный орган со столь переменчивой судьбой, отражавшей неопределённость его места и несамостоятельность роли в ряду других министерств и ведомств. Иллюстрацией тому служит многократное изменение наименования и организационного статуса этой управленческой структуры[33]. Она создавалась, видоизменялась и даже упразднялась, но на решение проблем регионального развития подобная организационная «чехарда» существенного влияния не оказывала. Этот многоликий орган никогда не играл сколько-нибудь заметной роли в решении жизненно важных для России проблем обеспечения целостности государства, формирования конституционной системы федеративных отношений и местного самоуправления, фактически отстранённой оказался он от реального воздействия на развитие современной региональной ситуации, на разрешение острых региональных конфликтов, на выбор направлений и конкретных объектов государственной поддержки территорий, на разработку федеральных программ регионального развития, на формирование договорного механизма регулирова-

[33] Это ведомство последовательно именовалась как «Государственный комитет Российской Федерации по делам федерации и национальностей», «Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике», «Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям», «Министерство региональной и национальной политики Российской Федерации», «Министерство региональной политики Российской Федерации», «Министерство Российской Федерации по делам федерации и национальностей», «Министерство Российской Федерации по делам федерации, национальной и миграционной политике» и, наконец, «Министерство регионального развития Российской Федерации».

ния отношений «центра» и регионов и т.д. В то же время другие федеральные министерства, не специализированные на региональной проблематике (прежде всего, Минфин и Минэкономразвития), но распоряжавшиеся ресурсами, идущими в регионы, всегда играли куда более значительную роль в региональном развитии.

В целях объективности следует подчеркнуть, что изначально невысокий статус указанного органа последовательно снижался, сужалась сфера его полномочий и падала реальная координирующая роль. Об этом, в частности, свидетельствует сопоставление положений об этой структуре, утверждавшихся правительством в разные годы. Существенному сокращению подвергался круг задач и функций, исчезали ранее детально прописанные механизмы их реализации. Особенно «страдали» такие прежде установленные задачи, как участие в формировании отдельных статей доходов и расходов федерального бюджета (т.е. воздействие на бюджетно-налоговую политику) и выполнение функций государственного заказчика по федеральным программам регионального развития. В составе указанного органа появлялись и исчезали подразделения, занимающиеся северной проблематикой, департаменты по федеральным и региональным программам, по бюджетно-финансовым и инвестиционным проблемам регионов, по делам национальностей, по правовым вопросам федеративных отношений, по социально-экономическим вопросам федеративных отношений, по проблемам местного самоуправления, по связям с субъектами Российской Федерации, по связям с соотечественниками за рубежом, по Северному Кавказу, по делам российских немцев и др.

Частые структурные метаморфозы на вершине управленческой пирамиды огорчали, но в то же время давали спасительную возможность видеть в организационно-административной немощи и финансовой недееспособности функционировавших в разные годы специализированных органов (комитетов, министерств) едва ли не главную причину всех неудач в сфере региональной политики.

В 2007 г. ситуация кардинально изменилась. В ходе очередного витка изменений в структуре федеральных органов власти президентом было решено существенно усилить Министерство регионального развития РФ, укрепив его высшее руководство, сильно расширив функции и добавив ресурсы. Министерству были переданы функции по предоставлению государственной поддержки за счёт средств Инвестиционного фонда Российской Федерации, согласованию федеральных целевых программ и ведомственных целевых программ в части, касающейся комплексного территориального развития, а также функции по осуществлению прав государственного заказчика (государственного заказчика-координатора) федеральных целевых программ, связанных с экономическим развитием субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Кроме того, министерству было поручено выполнять разработку и согласование с Минфином России и иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти методик выделения средств государственной поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям и вносить их в правительство на утверждение. И, наконец, на министерство возложили обязанности по координации деятельности государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». В результате такого перераспределения функций Минрегионразвития России стало самым «бюждетообеспеченным» федераль-

ным министерством. Объем бюджетных средств, подпадавших под контроль Минрегионразвития, по оценкам экспертов, составлял около 1 трлн рублей. Например, в 2008 бюджетном году эта сумма складывалась из почти 200 млрд рублей Инвестфонда, около 700 млрд рублей бюджетных ассигнований на реализацию ФЦП, 10 млрд рублей на субсидии для развития социальной и инженерной инфраструктуры в регионах, а также свыше 40 млрд рублей на объекты капстроительства ЖКХ и др.

Такое изменение баланса сил в сфере государственного регулирования процессов регионального развития стало результатом межведомственной (и даже межличностной) конкуренции и формой разрешения накопившихся за многие годы в структуре органов исполнительной власти на федеральном уровне противоречий по этому поводу. Межведомственная несогласованность мер воздействия на региональную ситуацию оказывает противоречивое влияние на неё. Так, Минфин России на протяжении многих лет мерами выравнивания бюджетной обеспеченности регионов стремится сократить межрегиональные различия в уровнях их социально-экономического развития. Между тем Минэкономразвития России, взяв курс на внедрение инструментов поддержки «центров роста», стал, тем самым, стимулировать усиление дифференциации регионов.

Реакцией на отмеченную проблему стало появление в организационной системе региональной политики структурных нововведений, ориентированных на преодоление отмеченной чрезмерной ведомственной разобщённости в этой системе и обеспечение её большей внутренней интегрированности как «по горизонтали», так и «по вертикали». Речь идёт о хорошо и давно известном (но не очень эффективном) организационном способе «мягкого» обеспечения межведомственного взаимодействия с помощью разного рода координационно-совещательных комиссий. Так, в сентябре 2005 г. была создана правительственная комиссия по совершенствованию взаимодействия федеральных органов власти с органами власти субъектов Федерации. Возглавил комиссию председатель правительства, а в её состав вошли главы ключевых федеральных министерств. В комиссию были включены также представители администрации президента и ряд губернаторов. Прерогативы комиссии были чрезвычайно широки: помимо общей координации работы федеральных и региональных органов ей, согласно правительственному постановлению, предписывалось заниматься подготовкой проектов федеральных законов и других нормативных правовых актов, концепцией регионального развития, координировать работу по реализации федеральных целевых программ в регионах и региональных программ социально-экономического развития, международные связи и даже взаимодействие «по вопросам кадрового обеспечения». Но, по-видимому, самое главное – комиссия должна была рассматривать «результаты реализации переданных полномочий федеральных органов исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления». Таким образом, новая правительственная комиссия, согласно положению, должна была фактически обеспечить постоянный контроль над исполнительными органами регионов и стать дополнительным «приводным ремнём» в механизме «вертикали власти». Впрочем, комиссия просуществовала всего два года и со сменой председателя правительства прекратила своё существование. Видимо, федеральная власть предпочитает не взаимодействовать с властями регионов, а командовать ими.

Другое организационное нововведение было связано с решением президента, существенно усиливающим в наиболее «проблемных» федеральных округах позиции представителей президента, которые становятся всё более сильными и самостоятельными игроками в сфере региональной политики. В сентябре 2006 г. была создана комиссия по вопросам улучшения социально-экономического положения в Южном федеральном округе. Беспрецедентность этого организационного нововведения состояла в том, что возглавил комиссию полпред президента в ЮФО, а его заместителями стала пара федеральных министров – главы Минэкономразвития и Минфина. Помимо них в состав комиссии вошёл ещё ряд федеральных министров – сельского хозяйства, здравоохранения и социального развития, транспорта, информации и связи, культуры, природных ресурсов, промышленности и энергетики, образования, регионального развития. Кроме того, в комиссию были включены и представители федеральных органов законодательной власти в лице заместителей председателей Совета Федерации и Государственной Думы. Разумеется, не забыли и про руководителей регионов ЮФО.

Согласно положению комиссия выступала «координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных и региональных органов власти при решении социально-экономических проблем». В частности, она должна была заняться разработкой мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений в сфере экономики, подготовить предложения по повышению эффективности финансовой и бюджетной политики в отношении регионов Юга России. Также комиссии предписывалось рассматривать разногласия между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти регионов по проектам нормативных правовых актов РФ, касающихся вопросов социально-экономического и общественно-политического развития субъектов РФ в Южном федеральном округе, и вносить предложения по урегулированию таких разногласий. Кроме того, комиссии поручалось рассматривать проекты нормативных правовых актов РФ, определяющих объёмы и целевое назначение средств федерального бюджета, выделяемых на оказание финансовой помощи субъектам РФ на Юге России, а также объёмы и целевое назначение инвестиций, направляемых в указанные субъекты РФ.

В контексте концепции укрепления «вертикали власти» создание «суперминистерства» по делам региональной политики выглядело вполне логичным. Эксперты единодушно и более чем благосклонно (нам не встречались критические отклики) отнеслись к этому факту[34], вероятно, усматривая в нём наконец-то сбывшуюся свою многолетнюю заветную мечту. Однако, по нашему мнению, это было слишком запоздалое и потому бесперспективное решение, ибо всё хорошо «в нужное время и в нужном месте». Период, когда особенно ощущалась потребность в мощном органе на федеральном уровне безвозвратно прошёл. Сосредоточение под контролем минрегиона значительной доли финансовых ресурсов страны не имело шансов стать действенным средством реального поднятия экономики и социальной сферы регионов. Во-первых, номинальное расширение функций министерства ещё только предстояло превратить в реальное укрепле-

[34] Даже из уст сторонников концепции «ухода государства из экономики» прозвучали одобряющие оценки этого шага, направленного, вне всякого сомнения, на усиление влияния государства на региональное экономическое развитие. И, что самое удивительное, по мнению главного идеолога «разгосударствления», повышение значимости чиновников Минрегионразвития расценивается как благотворный шаг, который «… приведёт к развитию федерализма» (?!) (Ясин, 2007).

ние его позиций в ходе жёсткого межведомственного противоборства (прежде всего, с Минфином и Минэкономразвития). Усложнил эту задачу разразившийся в 2008 г. кризис. Не успев толком освоиться со своими обширными полномочиями и ресурсами, министерство потеряло значительную часть и первых и вторых. Под предлогом ухудшения бюджетной ситуации жертвами оказались многие инвестиционные проекты. Экономия также всерьёз коснулась и другого находящегося под контролем Минрегиона важнейшего финансового потока – федеральных целевых программ. А во-вторых, принятое организационное решение укладывалось во всё то же прокрустово ложе неэффективной модели централизованного вложения средств федерального бюджета в отсталую экономику регионов. Между тем новый этап требует новых, в том числе и организационных, решений в направлении, во-первых, большей децентрализации полномочий и ресурсов в пользу регионов и муниципальных образований, во-вторых, снижения роли распределительных механизмов, использующих субординационные и административные отношения в рамках «вертикали власти», и, в-третьих, укрепления институциональных основ эффективной самореализации регионами своих конкурентных преимуществ.

Прежде всего, надо уяснить, что обширнейшая и сложнейшая региональная проблематика не может быть уделом одного единственного ведомства. В решение широкого спектра вопросов, относящихся к проблематике регионального (пространственного) развития, вовлечены многие органы разных ветвей государственной власти федерального уровня – президент, его администрация и представители президента в федеральных округах; обе палаты Федерального Собрания РФ (главным образом, в лице профильных комитетов обеих палат); правительство и его аппарат (включающий специальный департамент регионального развития); министерства, агентства и службы (как целиком и прямо завязанные на пространственную проблематику, так и затрагивающие её косвенно); межведомственные координационные и совещательные органы.

Разумеется, предмет, степень и механизмы вовлечённости в регулирование процессов пространственного развития у всех перечисленных центров принятия решений различны. В связи с этим возникает сложная организационная задача рационального разделения функций и координации работы всех этих органов, с тем чтобы каждый из них в отдельности (в пределах своей компетенции), и все они вместе несли бы ответственность за результативность и эффективность соответствующей государственной политики. Другими словами, речь идёт о формировании подлинно системной организации субъекта государственной политики в сфере пространственного развития. До сих пор, однако, нет ни чёткого осознания актуальности требования такой системности, ни тем более разумных действий по её последовательной организации.

В связи с этими соображениями следовало бы не упразднять министерство регионального развития, а содержательно изменить цели и предмет его деятельности, а также привести название этого федерального ведомства в соответствие с его новой ориентацией. Из положения о министерстве и его названия с непреложностью вытекала претензия федеральной исполнительной власти в лице указанного ведомства на управление региональным развитием во всём бесконечном многообразии аспектов этого явления, на управление развитием всех без исключения регионов. На наш же взгляд, предмет деятельности министерства следовало бы существенно сузить, переориентировав его в основном и преиму-

щественно на «проблемные» регионы, развитие которых действительно невозможно без участия федерального «центра». Именно такие регионы должны бы попасть в основном в поле зрения модернизированного министерства[35]. По сути дела речь могла бы идти о чём-то вроде министерства по чрезвычайным ситуациям в региональном развитии. В то же время регионы, имеющие вполне достаточный (с учётом обязательной децентрализации полномочий и ресурсов) потенциал для саморазвития, должны выйти из сферы управления и субсидирования «сверху» и получить возможность работать самостоятельно. При этом было бы целесообразно усилить (организационно и процедурно) региональный акцент в деятельности всех отраслевых федеральных министерств и ведомств, обязав их при обосновании решений по предметам своей специализации регламентировано чётко взаимодействовать с органами власти регионов.

Излишней, по нашему мнению, можно считать отводившуюся министерству роль по согласованию федеральных целевых программ и ведомственных целевых программ в части, касающейся комплексного территориального развития, а также по осуществлению прав государственного заказчика (государственного заказчика-координатора) федеральных целевых программ, связанных с экономическим развитием субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Что касается ведомственных программ, то их согласовывать должны бы соответствующие ведомства-заказчики непосредственно (без посредничества) с заинтересованными регионами. Программы, «не привязанные» к конкретному ведомству, целесообразно было бы разрабатывать силами профессиональных организаций, выбираемых на конкурсной основе по условиям, определяемым межведомственными комиссиями, специально создаваемыми для рассмотрения целесообразности программного решения тех или иных крупных, имеющих общегосударственное значение проблем. Понятно, что таких проблем (и соответственно комиссий) не должно быть много. Комиссия, определяющая «техническое задание» на разработку программы, должна выступать её заказчиком. Утверждать программы должны в порядке, предусмотренном для принятия законодательных актов (правительство вносит, Госдума и Совет Федерации принимают, президент подписывает), а для управления реализацией утверждённых программ следовало бы создавать временные (на сроки действия программ) дирекции. Не исключено и вполне допустимо передавать управление такими программами бизнес-структурам на принципах государственно-частного партнёрства.

Как бы то ни было, но место Минрегионразвития России в структуре федеральных органов исполнительной власти и его роль в решении вопросов регионального развития после краткого периода небывалого взлёта могущества этого ведомства в 2007 г. в последующем неуклонно сокращались. Существенному сужению компетенции и влияния министерства послужили решения по созданию нескольких родственных министерств, специализированных исключительно на проблемах развития определённых территориальных частей страны. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 г.

[35] Много позже – уже в 2019 г. эта идея повышенного внимания проблемным регионам всё же была реализована, но по иному – в форме утрированного «ручного управления». Для регионов с низкими экономическими показателями назначили кураторов из числа федеральных министров. Глава Минэкономразвития стал куратором республик Алтай, Карелия, Тува, первый вице-премьер – министр финансов получил Курганскую область, глава Минсельхоза – Адыгею, министр строительства – Марий Эл, а глава Минтруда – Алтайский край.

№ 664 было образовано Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития России), на которое возложено осуществление на территории Дальневосточного федерального округа функций координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2014 г. № 549 было создано Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа (Минкавказ России), которому предписаны функции по выработке и реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа и координации осуществляемых на его территории государственных программ и федеральных целевых программ. И наконец, постановлением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2014 № 427 создано Министерство по делам Крыма, решающего аналогичные вопросы на территории Крымского федерального округа. Печальным для Минрегионразвития итогом такого расчленения некогда безраздельно его предмета деятельности и круга полномочий стало упразднение этого органа управления[36].

Указанные решения имеют три несомненных нежелательных последствия – укрепляется «вертикаль власти», в её рамках становится толще бюрократический слой, а внутри него усиливаются межведомственные трения. Что же касается повышения эффективности государственного управления решением проблем пространственного развития, то на счёт этого желательного (в отличие от трёх названных выше) последствия сомнения как раз и остаются. Дело в том, что такой всегда находящийся под рукой простой и привычный способ решения указанных проблем, как создание ведомства или его упразднение, совершенно не соответствует сложности самих проблем.

Вследствие последовательного урезания функций и, в конечном счёте, упразднения единого федерального министерства, ответственного за весь комплекс вопросов регионального развития, мы в очередной раз вернулись к ситуации, когда региональная политика осталась без «единого хозяина» и указанные вопросы оказались рассредоточенными по разным ведомствам. Согласно президентскому указу функции упразднённого органа были переданы пяти министерствам. Так, Минэкономразвития было поручено заниматься, в частности, реализацией госполитики в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, районов Крайнего Севера и Арктики[37], отбором приоритетных инвестпроектов федеральных округов. Министерство финансов было наделено функциями по оказанию господдержки субъектам РФ и муниципальным образованиям. Градостроительным зонированием должно заниматься Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Интересы и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных

[36] Указ Президента РФ от 08.09.2014 № 612 «Об упразднении Министерства регионального развития РФ». Впрочем, некоторые из новорождённых структур оказались ещё менее жизнеспособными. Так, уже 14 июля 2015 г. был подписан Указ «Об упразднении Министерства Российской Федерации по делам Крыма и Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя».

[37] Вскоре и эта часть российского пространства, развитие которой всё чаще называется приоритетным направлением государственной политики, стала в соответствии с обозначившейся практикой «государственного строительства» предметом ответственности отдельного федерального ведомства. В 2019 г. компетенция Министерства по развитию Дальнего Востока была дополнена вопросами, связанными с реализацией государственной политики в Арктической зоне.

народов России отныне становятся функцией Министерства культуры. Вопросы территориального разграничения полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, а также в сфере взаимодействия с казачьими обществами поручены Министерству юстиции.

Не исключено и вполне допустимо, что при указанном разделении труда между восемью федеральными ведомствами нарастание трудностей координации их деятельности через непродолжительное время вновь поставит в повестку дня воссоздание единого органа в сфере пространственного развития. Однако успеху так любимого бюрократией организационного творчества может вновь помешать забвение постулатов организационной теории, согласно которым вопросы структурной организации производны от целей и функций. Другими словами, чтобы выстроить рациональную структуру управления региональным развитием, необходимо разобраться в том, какие аспекты региональной жизнедеятельности в нынешних условиях могут и должны быть предметом регулятивного воздействия со стороны государственной власти, какие цели и задачи она при этом может и должна преследовать и какими механизмами ей допустимо и предпочтительнее пользоваться для их достижения. И тут надо признать, что ясности в этих вопросах как не было, так и нет (Швецов, 2014б).

Инструменты государственного воздействия на социоэкономическое пространство

Государственные воздействия на пространственную конфигурацию социоэкономического потенциала осуществляются разнообразными способами, в основе которых лежит использование тех или иных мер государственного содействия развитию в пределах определённых территориальных образований. Такое содействие, существенно дополняющее или в ряде случаев даже замещающее эндогенные предпосылки и условия развития территорий (Швецов, 2016), выполняется разнообразными приёмами, базирующимися на выборочном использовании органами власти тех или иных инструментов решения проблем определённых территориальных образований. Диапазон выбираемых при этом задач простирается от преодоления депрессивных состояний и антикризисной поддержки территорий до стимулирования их опережающего развития и социально-экономической модернизации.

Однозначно и исчерпывающе очертить круг таких инструментов затруднительно. И связано это вовсе не с тем, что такой инструментарий чрезмерно разнообразен или слишком быстро обновляется. Причина тому – отсутствие общепринятого, чёткого и правозакреплённого понимания смысла и содержания государственной политики пространственного развития, её целей и задач, а также её предметно-объектного поля. Подобная неопределённость позволяет говорить о таких инструментах в расширительном смысле как об открытом перечне разнообразных форм и методов прямого и косвенного характера, практически используемых государственной властью для оказания целенаправленного воздействия на пространственно опосредованные социально-экономические процессы, ситуации и явления.

Несмотря на то, что применение такого инструментария формально опирается на юридически закреплённый порядок обоснования их использования, прак-

тическая политика допускает отклонения от нормативно-правовых требований, и соответствующие правительственные решения нередко принимаются по неформальным критериям из соображений политической и иной целесообразности. К тому же следует отметить невысокое качество самой нормативно-правовой базы, которая не отличается целостностью и системностью; отдельные нормативные правовые акты, регламентирующие конкретные инструменты, между собой никак не взаимоувязаны. Практическим следствием этих обстоятельств становится беспорядочно формируемый конгломерат форм и механизмов пространственных преобразований. Неупорядоченность процесса усиливается тем, что за подготовку и выполнение указанных решений отвечают разные ведомства, мотивы (цели) которых вряд ли можно назвать согласованными, а действия скоординированными. Закономерным итогом бессистемного применения мер стимулирования пространственных преобразований оказывается слабая результативность и низкая эффективность опирающейся на этот инструментарий государственной политики пространственного развития.

Характеризуя состав рассматриваемого инструментария, вполне допустимо включать в него и выражающий суть российских федеративных отношений и непрестанно совершенствуемый механизм финансовых трансфертов регионам, в необычайно широком ассортименте представленных в федеральном бюджете; и неотвратимо утрачивающие своё былое значение, но всё ещё используемые в региональной политике федеральные целевые программы (причём не только собственно регионального, но и ведомственного назначения); так и не ставшие панацеей для регионов институты развития (прежде всего Инвестиционный фонд); и активно выдвигаемые на роль нового «драйвера» пространственного развития особые правовые режимы ведения на отдельных территориях предпринимательской и иной экономической деятельности (особые экономические зоны нескольких типов, индустриальные, промышленные и технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты). И это вовсе не полный перечень инструментов, используемых государством для поддержки жизнедеятельности территорий и для экономического оживления их инновационного развития. Разумеется, такое расширительное толкование не позволяет в узких пределах настоящего раздела идентифицировать и обозреть с достаточными полнотой и подробностями весь набор соответствующих инструментов. По этой причине обратимся лишь к некоторым из инструментов государственного стимулирования инновационного территориального развития.

Федеральные целевые программы: вырождение и снижающееся значение. В ряду традиционно используемых государством инструментов пространственных преобразований важное место всегда занимали федеральные целевые программы (ФЦП) развития регионов, хотя их значение в решении проблем пространственного развития постоянно снижалось. Это видно по неуклонно и существенно уменьшавшемуся числу ежегодно утверждавшихся федеральных программ. Если в период расцвета программно-целевого метода в 1990-е годы счёт шёл на десятки регионально ориентированных ФЦП, то в настоящее время их насчитываются единицы – в 2019 г. их осталось всего четыре.

Такое быстрое и значительное (за последнее десятилетие в 6–7 раз) уменьшение роли программного подхода служит свидетельством сильного разочаро-

вания неэффективностью этого инструмента, применение которого не позволило решить ни одной крупной региональной проблемы или переломить хоть одну неблагоприятную региональную ситуацию. Вся практика программного подхода к решению проблем регионального развития – это дискредитация программно-целевого метода. То, что называется программами, таковыми в действительности вовсе не являются. Разработка программы как увязанного по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекса разнообразных мероприятий, нацеленных на решение особо острых проблем, требующих неординарных подходов и чрезвычайной концентрации средств – это исключительно сложная и трудоёмкая работа, которую никто не умеет, да и не требует выполнять. В результате поверхностного отношения к методу сформировалась система псевдо программирования, которая имеет дело с программами лишь по названию, но не по существу[38].

Региональные власти в условиях чрезмерной централизации финансовых ресурсов на федеральном уровне всегда рассматривали институт федеральных программ регионального развития, являющийся по замыслу особым инструментом воздействия на неординарные проблемные ситуации, всего лишь в качестве способа дополнительного финансирования ординарных работ, на которые доходов собственных бюджетов регионов не хватало. Федеральные власти до поры до времени держали довольно широко открытым программный канал финансовой подпитки отдельных регионов, тем более что щедрость федерального бюджета оставалась по большей части лишь на бумаге, ибо запланированные бюджетные проектировки в реальности финансировались из рук вон плохо. Проблема недофинансирования была и остаётся «ахиллесовой пятой» ФЦП. В ряду других ставших уже хроническими недостатков программного подхода следует отметить: методическую необоснованность процесса разработки программных заданий, приводящую к тому, что программы представляют собой конгломерат отдельных несвязанных между собой и не обеспечивающих достижение конечных целей мероприятий; отсутствие целевых индикаторов и показателей, позволяющих оценивать ход реализации программ; несоблюдение установленных сроков ввода программных объектов в эксплуатацию, что обусловливает значительный рост объёмов незавершённого строительства; непрозрачность процедуры формирования перечня строек и объектов программ, существенным образом затрудняющая контроль хода их реализации и др.

Поддержка инвестиционных проектов: выигрывают сильнейшие регионы. В числе инструментов государственной политики стимулирования территориального развития важную, но непродолжительную (2006–2017 гг.) роль сыграл *Инвестиционный фонд.* Из фонда по решению специальной правительственной комиссии на поддержку инвестиционных проектов в регионах направлялись многомиллиардные суммы. Но в этой деятельности выявилось серьёзное противоречие интересов немногих преуспевающих и динамично развивающихся регионов, представляющих на рассмотрение фонда всё более масштабные и дорогие проекты (начиналась работа фонда с проектов стоимостью всего несколько миллиардов, затем десятков миллиардов, а потом и сотен миллиардов рублей), и основной массы регионов, инвестиционные запросы которых измерялись всего лишь сотнями миллионов рублей. При действовавшем порядке шансы отсталых

[38] Подробному рассмотрению этих вопросов посвящена наша отдельная публикация (Швецов, 2009б).

регионов получить государственную поддержку не шли ни в какое сравнение с перспективами регионов-лидеров. Для выхода из этой ситуации руководство фонда предоставило возможность каждому региону претендовать на конкретную сумму в Инвестфонде, установив индивидуальные региональные квоты, зависящие от численности и бюджетной обеспеченности населения субъектов Российской Федерации. Но это был путь к размыванию изначальной идеи финансирования по инвестиционным приоритетам.

Выявилась и другая проблема в деятельности фонда, связанная с острым несоответствием объёма его ресурсов масштабам «инвестиционного голода» регионов. С 2010 г. Инвестфонд начал испытывать усиливающийся дефицит средств, который к 2016 г. достиг 600 млрд рублей, и это при том, что с 2011 г. фонд должен был пополняться ежегодно на 100 млрд рублей. Чтобы справиться с волной захлестнувших фонд заявок регионов, его руководство вынуждено было идти на ужесточение отбора проектов, отдавая предпочтение «лучшим из лучших» на основании системы рейтингов проектов, учитывающих макроэкономическую и бюджетную эффективность, важность решаемых для страны и региона задач, сбалансированность рисков государства и инвесторов.

Оценивая деятельность Инвестфонда, вряд ли можно говорить о его существенном воздействии на изменение пространственных пропорций распределения социоэкономического потенциала, и в частности, на сокращение различий в уровнях социально-экономического развития регионов. Значительная часть средств этого института направлялась в регионы с высоким и средним уровнем развития. Более того, даже средства, поступавшие в отстающие в целом регионы Северного Кавказа, концентрировались в относительно благополучном Ставропольском крае. Похожая ситуация складывалась и на Дальнем Востоке. В этих обстоятельствах заметного воздействия централизованных государственных инвестиций на исправление сложившихся пространственных диспропорций нельзя было и ожидать. В то же время нельзя отрицать определённого вклада Инвестфонда в сокращение внутрирегиональных различий, поскольку большинство поддерживаемых этим институтом развития проектов осуществлялись преимущественно в проблемных районах и городах регионов, а не в их столичных и других крупных городах (Кузнецова, 2013).

Особые правовые режимы ведения предпринимательской деятельности. В последнее десятилетие главной задачей политики экономического оживления территорий стало использование инструментов пространственного развития, призванных решить ключевой вопрос государственной региональной политики – как обеспечить привлечение в российские города и регионы частных инвестиций и современных технологий, которые обоснованно считаются залогом модернизации и инновационного развития территорий. Приоритетным способом решения этой актуальной и сложной задачи правительство выбрало использование так называемых особых правовых режимов ведения предпринимательской деятельности в границах локальных территориальных образований. Смысл введения таких режимов заключается в создании на немногих специально отобранных территориях особо благоприятных предпосылок для ускоренного экономического оживления, волны от которого согласно распространённым теоретическим воззрениям (концепция «диффузии инноваций») должны неизбежно и широко распространиться и за пределами этих привилегированных территорий – «точек роста». Согласно концептуальному замыслу этого подхода форсированный эко-

номический рост в таких избранных точках пространства должен достигаться за счёт обеспечения бизнесу настолько выгодных местных условий хозяйствования, что они гарантированно должны вызывать особо пристальный предпринимательский интерес и широкое привлечение инвесторов (предпочтительно иностранных), обладающих новейшими технологиями и ищущими места наиболее выгодного вложения капиталов. При этом под местными условиями понимается комплекс таких особенностей, как месторасположение и инфраструктурное обустройство особой территории, а также временно вводимые государством в её пределах режимы налогообложения и землепользования, таможенные, регистрационные и иные бюрократические процедуры регулирования предпринимательства. Что же касается степени привлекательности местных условий, то её следует оценивать не только и не столько на общем экономико-правовом фоне ведения бизнеса во внутрироссийском масштабе, но непременно и даже в первую очередь в международном (глобальном) контексте.

Российским законодательством допускается применение нескольких форм, использующих указанный принцип территориально сфокусированного преференциального стимулирования предпринимательской активности. В уже довольно представительном, но всё ещё продолжающем удлиняться ряду таких инструментов – особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные, промышленные и технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты[39]. Наряду с увеличивающимся предметно-объектным разнообразием особых правовых режимов расширяется и масштаб их распространения по территории страны. Вместе с тем вопреки росту популярности этого инновационного инструментария априори связывавшиеся с ним большие надежды на быстрый и прорывной эффект за редкими исключениями отдельных удачных проектов в целом пока не оправдываются. В этой связи целесообразно было бы разобраться, в чём причины сопутствующих этой, как полагают многие, многообещающей инновации неудач и что следовало бы исправить в подходе к ее использованию?

Особые экономические зоны: количество не переходит в качество. По опыту концептуального конструирования, правового обеспечения и практического освоения доминирующее положение в ряду указанных инструментов занимают *особые экономические зоны* (ОЭЗ). Их начали внедрять намного раньше других разновидностей преференциальных режимов. Когда к зонам начали проявлять активный интерес в российской экономике, этот инструмент уже получил широкое распространение в мировой хозяйственной практике (Зименков, 2005). Более чем в 120 странах функционировало уже свыше 2,5 тыс. зон различного вида, в том числе около 1500 предпринимательских зон, более 700 экспортно-производственных зон, включая зоны свободной торговли, около 450 научно-промышленных парков и примерно 700 зон специального назначения (офшорные центры, зоны рекреации, эколого-экономические районы, туристические центры и т.д.). Интерес к этому инструменту в мире не снижается до сих пор. По данным ЮНКТАД (World ..., 2019), существенно расширилась география этого инструмента – сейчас зоны действуют более чем в 145 странах. Только

[39] Этот набор экономико-правовых механизмов территориальной организации предпринимательской деятельности ещё более расширится, если дополнительно учесть аналогичные формы, создаваемые региональными органами власти (в ряде случаев вопреки федеральным препонам).

за последние 5 лет в мире создано более 1000 особых экономических зон, и ещё не менее 500 планируется создать в ближайшие годы. Общее же число таких зон в мире в 2018 г. составило около 5400.

Первые российские решения о создании 12 свободных (первоначально именно под этим названием) экономических зон были приняты ещё в позднесоветский период – в 1990–1991 гг. Оформлялись они индивидуальными – по каждой зоне в отдельности – президентскими указами и правительственными постановлениями. К середине 1990-х годов число таких прецедентных решений увеличилось до 20. Однако далеко не все из них были доведены до реализации, лишь по некоторым велась практическая учредительская работа, а уж фактически состоявшихся полноценных зон в тот период и вовсе не оказалось.

Новый этап в организации зональной деятельности начался в 2005 г. с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[40], который с учётом негативного опыта 1990-х годов сводил к нулю возможности превращения зон во внутренний офшор (главный недостаток зон первой волны), а также упорядочивал процесс применения рассматриваемого инструментария. По закону допускается создание четырёх типов особых экономических зон: промышленно-производственных, технико-внедренческих, туристско-рекреационных и портовых. Резидентам зон предоставляются налоговые преференции в части налога на прибыль, на имущество, земельного и транспортного налогов. Для резидентов, осуществляющих технико-внедренческую деятельность, предусматривается также режим свободной таможенной зоны[41]. Кроме того, государство за счёт бюджетных средств строит в особых экономических зонах инновационную, инженерную, транспортную и социальную инфраструктуру. В качестве мер административного содействия практикуется предоставление федеральными и региональными органами исполнительной власти инвесторам в зонах услуг в режиме «одного окна».

За десятилетие на новой правовой базе в 30 регионах было создано (точнее сказать, приняты правительственные решения о создании) уже 33 особые экономические зоны[42], в том числе 9 – промышленно-производственного типа, 6 – технико-внедренческого типа, 3 – портовые зоны и 15 – туристско-рекреационного типа. В них зарегистрировано (с момента создания зон) более 400 резидентов, включая 80 иностранных из 29 стран. Создано более 18 тыс. рабочих мест, привлечено 146 млрд руб. частных инвестиций. Резиденты ОЭЗ внесли в бюджетную систему страны 40 млрд руб. налоговых и таможенных платежей, получив из бюджетов всех уровней льгот на 24 млрд руб.

Однако эти валовые показатели, призванные поразить грандиозностью якобы несомненного успеха процесса зонирования российского экономического пространства, убеждают далеко не всех. В последнее время растёт количество претензий к этому направлению государственной политики. Примечательно, что

[40] Наряду с этим общим законодательным актом, зональную деятельность регулируют также два «привязанных» к конкретным зональным территориям федеральных закона: «Об особой экономической зоне в Калининградской области» и «Об особой экономической зоне в Магаданской области».

[41] Это значит, что иностранные товары размещаются и используются в ОЭЗ без уплаты таможенных пошлин и налога на добавленную стоимость. А российские товары размещаются и используются на условиях, применяемых к вывозу в соответствии с таможенным режимом экспорта с уплатой акциза и без уплаты вывозных таможенных пошлин.

[42] В настоящее время поданы ещё 13 заявок субъектов Российской Федерации на создание новых зон.

если долгое время критическим «нападкам» это нововведение подвергалось в основном со стороны лишь части экспертного сообщества, то потом оно стало уже и предметом межведомственных противоречий – критические стрелы посыпались на него и со стороны бюрократических структур федерального уровня, прежде всего контрольных органов. Причём если ценность самой идеи особых экономических зон как таковой пока не подвергается сомнению, то её практическое воплощение критикуется всё сильнее. Происходит это, по-видимому, как в силу обычных политико-бюрократических причин (борьба и конфликты между ведомствами и отдельными фигурами, коррупционные скандалы и проч.), так и по ситуативным финансово-экономическим основаниям (обострение кризиса, затянувшаяся рецессия, рост дефицита бюджета и т.п.).

Неспроста на протяжении двух лет это направление деятельности дважды становилось объектом пристального внимания со стороны Счетной палаты РФ. По данным обследования, проводившегося в 2013 г., лишь 11 (производственных и внедренческих) зон из 27 существовавших на тот момент аудиторы признали «условно эффективными» с точки зрения использования государственных средств, вложенных в их развитие. Аудиторы отмечали (Лютова, 2015), что бюджетные деньги не используются по назначению, строительство инфраструктуры существенно отстаёт от плана. И виновниками такой ситуации оказываются вовсе не инвесторы, а затеявшие всё это власти: с одной стороны, власти регионов, которые не смогли вовремя оформить землю и довести средства на инфраструктурное строительство, а с другой, федеральные власти, которые запаздывали с выделением денег, затягивали с согласованием подрядчиков.

Проведённая уже через два года ещё одна проверка Счетной палаты РФ показала[43], что по всем зонам не соблюдались сроки подготовки и принятия документов, предусмотренных соглашениями об их создании. На 1 января 2016 г. перспективные планы развития не были утверждены в половине (в 16 из 33) зон. Во всех ОЭЗ без исключения строительство объектов инфраструктуры выполнялось медленно и неритмично, с нарушением сроков строительства. Так, на 1 января 2016 г. из 758 запланированных к строительству объектов инфраструктуры введено в эксплуатацию только 526. Плановые показатели по вводу в эксплуатацию объектов ежегодно корректируются путём переноса сроков строительства объектов на более позднее время. Выяснилось к тому же, что регионы подают заявки с завышенными требованиями по площади отводимой земли, а затем не могут в согласованные сроки освоить слишком большую территорию – не использовано 40% земель (84,4 тыс. га из 214 тыс. га). По оценкам аудиторов, регионы недофинансировали строительство объектов инфраструктуры больше чем на 40% (на 45,7 млрд руб.). Глава контрольного ведомства особо подчеркнула, что вместо плановых 25 тыс. рабочих мест к 2016 г. было создано 18 тысяч, а на создание одного рабочего места было потрачено 10,2 млн руб. (по её словам, этого хватило бы, чтобы платить занимающим их работникам среднюю по РФ зарплату в течение 25 лет). Разумеется, мощный финансовый поток на создание ОЭЗ не мог не сопровождаться коррупцией.

Практика зонирования изобилует коллизиями, – это следствие непродуманности решений, принимаемых без учёта всех обстоятельств или в угоду изменчивым политическим соображениям. Так, в своё время возникли серьёзные проблемы с созданием туристско-рекреационных ОЭЗ в Иркутской области и

[43] http://audit.gov.ru/press_center/news/26369.

в Бурятии. Оказалось, что выбранные для них участки совпадают с границами центральной экологической зоны Байкальской природной территории, в которой запрещено строительство зданий и сооружений, рекреационных объектов, автомобильных и железных дорог. Для решения этой проблемы требовались поправки в Лесной и Градостроительный кодексы, а также в ряд других законодательных актов. Без этого строительство зон становилось невозможно. Ещё более призрачными выглядели перспективы создания по выдвинутой ещё в 2007 г. инициативе президента страны промышленной ОЭЗ на Дальнем Востоке. Чтобы выполнить поручение главы государства, потребовалось проводить даже отдельный конкурс по этой зоне, поскольку Дальнему Востоку сложно конкурировать на общих условиях с европейской частью России. Непривлекательность дальневосточного региона обусловлена слабым интересом к нему со стороны инвесторов, неразвитостью инфраструктуры, жёстким конкурентным давлением со стороны Китая и Кореи, а также недостатком квалифицированных трудовых ресурсов.

Минэкономики России связывает главные проблемы в развитии особых экономических зон с высокими расходами на формирование зональной инфраструктуры, обусловленные сметно-затратным принципом строительства, с трудностями привлечения трудовых ресурсов в зоны, с избыточностью ограничений на разрешённые виды деятельности, а также с излишней сложностью системы управления. В частности, говоря об изъянах механизма управления зональной деятельностью на совещании в правительстве 20 апреля 2015 г.[44], подчёркивалось недостаточно чёткое разграничение ответственности между федеральным и региональным уровнями власти. При небольшом числе зон Минэкономразвития вполне успешно удавалось в «ручном» режиме управлять процессом, когда же их стало несколько десятков, то эта схема стала давать сбои по той причине, что «… просто реально до всех регионов руки не дотягиваются». Кроме того, механизм финансирования через акционерные общества не мотивирует к быстрому освоению тех денег, которые выделяются из федерального бюджета на инфраструктуру. Дело в том, что акционерному обществу особой экономической зоны и его дочерним предприятиям гораздо выгоднее размещать временно свободные средства на депозитах в банках, зарабатывая на этом безо всяких усилий[45]. В связи с этим в июне 2014 г. было решено в порядке эксперимента временно (до конца 2016 г.) федеральные полномочия по управлению зонами делегировать полностью субъектам Российской Федерации на условиях их финансовой ответственности за достижение конечных результатов, в качестве которых устанавливаются показатели, характеризующие число зарегистрированных резидентов, объём привлечённых частных инвестиций соответствующего профиля, количество созданных новых рабочих мест и рост поступлений в бюджетную систему. На указанном совещании в правительстве было доложено о подписании уже трёх первых таких соглашений – с Татарстаном, Липецкой и Томской областями, и о готовности ещё семи аналогичных договоров[46].

[44] http://government.ru/news/17737.

[45] Так, по данным Счетной палаты, объём бюджетных денег, не использованных управляющими компаниями по прямому назначению, оценивается в 24,8 млрд руб., в то же время за счёт размещения свободных средств в 2006–2015 гг. в виде процентного дохода они получили 29,3 млрд руб.

[46] Впрочем, невозможно избавиться от обоснованных сомнений в том, что большинству регионов, испытывающих острейший бюджетный кризис, вряд ли окажется под силу справиться с дополнительными финансовыми обязательствами.

Среди причин фиаско с ОЭЗ следует обратить внимание на принципиальную ошибку властей, очень быстро решившихся на неоправданный шаг – отказ в 2009 г. от конкурентного принципа создания ОЭЗ, смертельно покалечивший исходную концепцию этого инструмента: «Изначально ОЭЗ рассматривались как точки роста, определяемые в результате конкурса региональных заявок, предлагающих лучшие условия для стимулирования деловой и инновационной активности. Теперь налицо тенденция «назначения» ОЭЗ: создания их в месте, которое представляется целесообразным с точки зрения формирования определённого технологического кластера (пример – «Титановая долина» в Свердловской области)» (Мау, 2011).

Оценивая опыт использования инструмента ОЭЗ, можно заключить, что надежды на высокую результативность и эффективность этого механизма оказались сильно завышенными и в целом не оправдались. Мимо того очевидного факта, что число зон неуклонно растёт, но отдача от них практически не ощущается, не могут уже пройти не только традиционно критически настроенные эксперты, но и представители власти – нынешние или недавние. Трудно не обратить внимание на мнение, например, Г. Грефа – знаковой для российских реформ 2000-х годов фигуры. В выступлении на инвестиционном форуме «Россия зовет!» в октябре 2014 г. он оценил «особо-зональные» попытки поспособствовать экономическому развитию отдельных регионов как фактически бесплодные: «Я пять лет, будучи министром, боролся за создание особых экономических зон. Зоны создали, льгот никаких. Зоны – это не то, что обнесено забором. Давайте эти зоны сделаем более привлекательными, чтобы люди туда захотели приехать и работать» (Набережнов, Старостина, 2014).

Отсутствие долгожданных зримых результатов вынудило даже председателя Правительства признать: «Невозможно бесконечно тиражировать эти зоны. Они должны быть обоснованы, приносить прибыль, должны опираться на реальные инвестиции, а не на мифические, которые неизвестно, появятся или нет»[47].

Ну и наконец, апофеозом потока критических высказываний стало резкое решение Президента страны, который в конце мая 2016 г. на фоне затягивания рецессии экономики и обострения бюджетного дефицита и по итогам неблагоприятных выводов проверок Счетной палаты и Генпрокуратуры поручил прекратить работу неэффективных и создание новых особых экономических зон в России. Правительство получило задание разработать единую стратегии работы ОЭЗ, обеспечить оптимизацию бюджетных инвестиций и механизмы их передачи под управление субъектам РФ. Комментаторы с удовлетворением отмечали прозорливость власти и своевременность её мудрого решения, а ведь ещё более десяти лет назад при обсуждении проекта закона об особых экономических зонах эксперты настаивали на том, что его принятие должно сопровождаться утверждением концепции и долговременной программы развёртывания ОЭЗ в стране (Бухвальд, 2015). Уже тогда существовало понимание необходимости проработки таких ключевых стратегических вопросов эффективного становления и развития ОЭЗ, как принципы отбора регионов локализации зон; механизмы обеспечения позитивного воздействия зон на хозяйственный комплекс регионов; способы привлечения в зоны субъектов малого и среднего предпринимательства и, наконец, методика оценки эффективности ОЭЗ. И вот власть наконец-то осознала важность решения этой актуальной задачи.

[47] http://government.ru/news/17737.

Президентское поручение было адресовано двум основным заинтересованным ведомствам – Минэкономразвития и Минфину, намерения которых по этому поводу не во всём совпадали. Так, в Минэкономразвития считали, что зоны «стали востребованным и важным инструментом привлечения инвестиций в регионы» и действенным способом технологической модернизации. Парируя критические замечания, в ведомстве заявляли, что: «И в мировой истории ОЭЗ есть как очень успешные, так и неудачные примеры. Пока можно сказать, что наши ОЭЗ вполне конкурентоспособны, а сравнение с другими странами подтверждает значимость выбранных льгот и их достойный масштаб» (Окунь, Скоробогатько, 2016). Для того, чтобы выйти на лучший мировой уровень, по мнению Минэкономразвития, необходима «зачистка» зон от неэффективных инвесторов, которых, по подсчётам ОАО «ОЭЗ» (компании, управляющей зонами), около 10% от общего количества резидентов. Больше всего «провинившихся» в туристско-рекреационных и технико-внедренческих зонах. На смену инвесторам, которые с момента своего захода мало что смогли сделать, должны по замыслу чиновников прийти крупные компании масштаба Nokia или Microsoft. Для повышения эффективности ОЭЗ предлагалось также разрешить привлечение частных управляющих компаний и частных инвестиций в формирование инфраструктуры ОЭЗ, передачу зон туристско-рекреационного типа в ведение регионов с передачей им соответствующих целевых субсидий, а также расширить перечень разрешённых видов деятельности в зонах технико-внедренческого типа.

Минфин РФ, в свою очередь, полагал необходимым ужесточить условия, на которых следует выделять регионам деньги на компенсацию затрат по созданию инфраструктуры особых экономических зон, прежде всего промышленно-производственного типа (Крючкова, 2016). Бюджетное ведомство полагало, что средства должны получать только успешные ОЭЗ, каковыми предлагается считать зоны, удовлетворяющие ряду критериев. Так, объём частных инвестиций с момента создания зоны должен в три раза превысить бюджетные затраты на зональную инфраструктуру. Кроме того, резиденты зоны, которых за десять лет её работы должно оказаться не менее 15, на десятый год существования ОЭЗ должны получить совокупный доход не менее 30 млрд руб. и создать не менее 3 тыс. высокопроизводительных рабочих мест. И наконец, совокупная добавленная стоимость, полученная в ОЭЗ за десятый год её работы, должна составлять не менее 3 млрд руб. Этим весьма жёстким требованиям удовлетворяет только одна – самая успешная из трёх десятков российских зон – созданная в 2005 г. ОЭЗ «Алабуга». В ней зарегистрированы 42 резидента, создано 5,5 тыс. рабочих мест. Объём частных вложений оценивается в 86,9 млрд руб., а бюджетных расходов – в 24,7 млрд руб.

Минфин считал необходимым внести изменения и в механизм бюджетного финансирования ОЭЗ. В частности, предлагалось отказаться от порочного алгоритма, по которому предназначенные для создания зон средства федерального бюджета направлялись в качестве взносов в уставный капитал АО «ОЭЗ»[48], а затем подлежали распределению между уставными капиталами управляющих

[48] АО «Особые экономические зоны» – управляющая компания, в ведении которой находятся действующие и вновь создаваемые зоны. АО «ОЭЗ» создано в 2006 г., его единственным акционером является государство. До 2010 г. компания действовала как заказчик строительства инфраструктуры. В 2017 г. АО было переформатировано в проектный офис, а большая часть его полномочий передана регионам.

компаний конкретных зон – «дочек» этого АО. При таком порядке АО «ОЭЗ» и его «дочкам» было выгоднее размещать свободные средства на депозитах в банках, а не зарабатывать за счёт выполнения своих прямых функций. О масштабах такой самодеятельности мы уже говорили выше.

Таким образом, речь шла о необходимости существенной и комплексной доработки всего механизма создания, развития и управления ОЭЗ, с особо пристальным вниманием к принципиальным вопросам целесообразности создания, доходности, рентабельности и срокам окупаемости особых экономических зон, наличия проекта планировки территории и перспективного плана развития ОЭЗ, анализа экологических рисков проекта создания ОЭЗ. За счёт этих новых требований правительство расширило перечень критериев, которые теперь учитываются при принятии решения о создании ОЭЗ[49].

Однако несмотря на «масштабную работу» по совершенствованию ОЭЗ, в ходе которой были закрыты неэффективные площадки, расширены критерии функционирования и создания ОЭЗ, деятельность управляющих компаний переведена на казначейское сопровождение, введена ежегодная оценка эффективности, Счетная палата по результатам очередной проведённой в 2018 г. проверки вновь раскритиковала деятельность ОЭЗ. Из 25 зон, созданных на территории 22 российских регионов, были признаны эффективными лишь 15. Напомним, что ранее уже были признаны неэффективными и закрыты 11 зон, которые обошлись федеральному бюджету в 4,5 млрд руб. По данным Счётной палаты (Николаева, 2018), в 2006–2018 гг. на создание и развитие ОЭЗ государство потратило 201 млрд руб. (131,4 млрд руб. из федерального и 69,8 млрд руб. из региональных бюджетов). За 12 лет существования особых зон в России общий объём инвестиций их резидентов составил 292 млрд руб. При этом две трети этой суммы приходится на резидентов трёх успешных ОЭЗ (в Татарстане, Липецкой области и Санкт-Петербурге). Но никакие отрицательные результаты не останавливают регионы, и они продолжают их создавать (о желании создать зоны в 2019 г. заявили в Новгородской и Воронежской областях)[50].

Зоны территориального развития: незамеченное нововведение. Неудачи с ОЭЗ нисколько не охладили интерес к подобного рода инструментам, и идея введения на отдельных территориях особых льготных режимов деятельности, но уже под другими названиями, не теряет привлекательности, свидетельством чего служит удлиняющийся ряд соответствующих нововведений. В их числе такая новинка, как *зона территориального развития* (ЗТР). Под ней в соответствии с федеральным законом 2011 г. понимается часть территории субъекта РФ, на которой в целях ускорения её социально-экономического развития применяются меры государственной поддержки при выполнении предпринимательской и иной экономической деятельности. Законом предусматривается выявление по единым критериям устойчиво депрессивных территорий, которые в течение 10 лет не подают признаков развития, где растёт уровень безработицы. Правительство России утвердило перечень из 20 субъектов РФ, в которых допускается создание таких зон. Они могут быть образованы в республиках – Адыгее, Алтае, Бурятии, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Карелии, Северной Осетии, Тыве, Чечне, а также в Забайкальском, Камчатском

[49] Постановление Правительства РФ от 10 мая 2017 г. № 552.

[50] Введённый в 2016 г. мораторий по просьбе Минэкономики и субъектов РФ в 2018 г. отменён.

и Приморском краях, в Амурской, Ивановской, Курганской и Магаданской областях и в Еврейской автономной области.

Специальный правовой режим зоны территориального развития, устанавливаемый на весь период её существования, заключается в предоставлении лицам, ведущим дела на территории указанной зоны определённых преференций в области налогового и земельного законодательства, бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда на реализацию инвестиционных проектов, государственных гарантий по банковским кредитам, субсидий из федерального бюджета на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, лизинговых платежей, на приобретение электрической и тепловой энергии (мощности), оплату услуг по передаче электрической и тепловой энергии, затрат на оплату услуг водоснабжения и водоотведения, канализации, газоснабжения, подключения к сетям инженерно-технического обеспечения.

Это зональное нововведение вопреки ожиданиям не произвело значимых эффектов. Симптоматично, что оно оставило фактически равнодушным экспертное сообщество, которое не подвергло массированному критическому анализу ни обоснованность замысла, ни открывающиеся возможности, ни проблемы создания таких зон – всё свелось к немногочисленным правовым комментариям к законодательному акту. Такой же невыразительной оказалась позиция федеральных властей, которые ограничились простым принятием решения и совсем не озаботились собственными усилиями по организации и стимулированию его реализации. И что самое удивительное, нововведение не вызвало, как можно было бы ожидать, активного и заинтересованного отклика со стороны региональных и местных властей, для которых указанная новинка собственно и предназначалась. Только в нескольких субъектах Российской Федерации неспешно и довольно вяло решили попытаться воспользоваться преференциями, предоставляемыми федеральным законом. Так, в Республике Алтай в 2014 г. была создана рабочая группа для подготовки заявки на создание зоны территориального развития и определены районы, претендующие на реализацию зонального проекта. Правительство Амурской области также подготовило перечень муниципалитетов, в которых возможно было создание зон территориального развития. В Республике Карелия был подготовлен пакет документов по созданию зоны территориального развития одного из депрессивных муниципальных образований. Планировалось, что создание зоны обойдётся в 6 млрд рублей (в основном строительство инфраструктурных объектов) и за 12 лет её функционирования удастся привлечь около 120 млрд рублей инвестиций. Ещё одним пионерным регионом стала Курганская область. Здесь тоже было решено создать зону, специализирующуюся на производстве мяса.

Словом, никакого ажиотажа с зонами территориального развития не наблюдается, чего не скажешь о ещё одной совсем недавней новинке в ряду особых правовых режимов экономического оживления территорий.

Территории опережающего развития: суперзоны для экономического рывка. Речь идёт об очередной разновидности особого правового режима ведения предпринимательской деятельности – *территориях опережающего развития* (ТОР), на которые правительством возлагаются особые надежды в реализации стратегии форсированного социально-экономического развития Дальнего Востока. Именно благодаря сети ТОР, призванных предоставить «райские» условия для инвесторов, Дальний Восток должен к 2025 г. удвоить (по сравнению с уров-

нем 2011 г.) ВРП этой части страны. А курирующий это направление заместитель председателя правительства даже заявил о том, что Дальний Восток станет конкурентом Сингапуру, Китаю, Японии, Гонконгу и Корее.

Поразительно быстрым оказался путь этой новинки от замысла до внедрения: о целесообразности создания на Дальнем Востоке сети таких территорий Президент РФ впервые заявил в декабре 2013 г.[51], в феврале 2014 г. была сформулирована концепция механизма, а к концу 2014 г. уже был принят пакет законодательных актов, направленных на формирование ТОР: Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» (подписан главой государства 29 декабря 2014 г.), поправки в Налоговый кодекс РФ (подписаны 29 ноября 2014 г.) и изменения в ряд других нормативных актов, в том числе в Гражданский и Земельный кодексы (подписаны 31 декабря 2014 г.).

Параллельно началась активная работа по воплощению законодательно закреплённой идеи в практику развития дальневосточных регионов. Отметим, что новый инструмент в отличие от рассмотренных выше зон территориального развития ещё до своего законодательного рождения стал пользоваться всеобщим и повышенным вниманием. Он незамедлительно попал в фокус общественно-экспертного внимания, занял место любимого детища правительства, которое занялось беспримерной поддержкой его внедрения, на которую были брошены специальное федеральное министерство (Минвостокразвития) и даже заместитель председателя правительства, и наконец, новшество стало высоко востребованным со стороны региональных и местных властей на Дальнем Востоке.

Основополагающая идея ТОР, как и всех прочих аналогичных особых механизмов, осталась неизменной и состоит в предоставлении льгот инвесторам, намеревающимся хозяйствовать на специально отобранной территории. Но в отличие от других подобных режимов – и в первую очередь особых экономических зон – в данном случае льготы обширнее по составу и весомее по величине. В отличие от существующих ОЭЗ и зон территориального развития, ТОРы предполагается создавать под конкретных крупных инвесторов, заключивших с уполномоченным федеральным органом предварительные соглашения, определяющие вид планируемой экономической деятельности, объём инвестиций и количество создаваемых рабочих мест. Территория опережающего развития создается на 70 лет, срок её существования может быть продлён, что не предусмотрено в отношении особых экономических зон (создаются на 49 лет) и зон территориального развития (срок действия – 12 лет). Заявку на создание ТОР может подать руководство любого субъекта РФ, в отличие от зон территориального развития – перечень регионов, на которых они могут быть образованы, определяет правительство РФ. В ТОРах разрешено вести разработку месторождений полезных ископаемых и производить подакцизные товары, что практически полностью запрещено в ОЭЗ (за исключением производства легковых автомобилей и мотоциклов) и частично – в зонах территориального развития (запрет на производство подакцизных товаров, за исключением легковых автомобилей и мотоциклов, добычу сырой нефти, природного газа, драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней).

[51] В ежегодном послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. глава государства предложил «создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий и зон опережающего экономического развития с особыми условиями для создания несырьевых производств, ориентированных, в том числе, и на экспорт».

В рамках ТОР должно быть обеспечено максимальное упрощение процедур реализации инвестиционных проектов, вводится режим свободной таможенной зоны и предоставляются беспрецедентные налоговые льготы. Так, резиденты ТОР получают следующие преимущества: освобождение на первые 5 лет от налогов на прибыль, на имущество и на землю; отмену ввозных и вывозных таможенных пошлин, а также НДС на импорт для переработки в первые 10 лет; пониженный (с 30 до 7,6%) размер страховых взносов; бесплатное получение земли и готовой инфраструктуры; ускоренный порядок возврата НДС экспортёра. Для резидентов предусмотрено ограничение по количеству и продолжительности проверок их деятельности. Минвостокразвития России наделено правом выдавать разрешение на строительство инфраструктурных объектов в ТОРах, а в качестве застройщика будет выступать управляющая компания «Корпорация развития Дальнего Востока».

Ни в одной ОЭЗ подобных преференций не имеется[52]. Вот станет ли это обстоятельство решающим конкурентным преимуществом и залогом счастливой судьбы нового инструмента или же он разделит печальную участь ОЭЗ, которые «не пошли» на Дальнем Востоке[53], и о нём через несколько лет будут вспоминать как об очередной неудачной инициативе?

Но как бы то ни было, в регионе разворачивается энергичная работа по созданию ТОР. Первые три проекта ТОР были одобрены в феврале 2015 г. – два в Хабаровском крае («Амур» и «Парус») и одна в Приморье («Надеждинский»). В апреле 2015 г. подкомиссия по вопросам реализации инвестпроектов на Дальнем Востоке одобрила ещё шесть площадок под ТОР – две агропромышленные территории – в Приморье («Михайловская») и в Амурском крае («Белогорск»), индустриальный парк «Кангалассы» в Якутии, угледобывающая промышленная площадка «Беринговский» на Чукотке, комплексный проект (сельскохозяйственные, портово-промышленные, туристско-рекреационные и авиатранспортные предприятия, гостиницы с лечебно-оздоровительными и СПА-комплексами) на Камчатке («Камчатка»), промышленно-логистический парк «Предмостовая» в Амурской области, связанный с мостом Благовещенск–Хэйхэ (Китай). В общей сложности на шести площадках будут работать почти 8 тыс. человек (Дробышева, 2015). В марте 2016 г. правительство констатировало создание 12 территорий

[52] За конкуренцией, возникающей между этими двумя типами особых территорий на ниве предоставляемых их резидентам льгот, не без оснований усматривают межведомственное соперничество между Минэкономразвития, курирующим ОЭЗ, и Минвостокразвития, продвигающим ТОР.

[53] Напомним, что постановлением правительства РФ в марте 2010 г. было одобрено создание ОЭЗ туристско-рекреационного типа на о. Русский во Владивостоке. Это должно было обеспечить развитие туристско-рекреационного потенциала острова за счёт привлечения частных инвестиций, а также повысить эффективность бюджетных расходов на создание и использование объектов, построенных к саммиту АТЭС–2012. Особо подчёркивалось, что близость к Японии, а также возможность размещения яхтенной марины и организации морских прогулок делают остров удачной площадкой для создания туристического комплекса. За прошедшее с 2010 г. время была разработана концепция развития зоны, велась работа по оформлению земельно-имущественных отношений. Однако частные инвесторы интереса к ОЭЗ так и не проявили. За почти четыре года существования ОЭЗ на о. Русский в ней не было зарегистрировано ни одного резидента, что, в соответствии с законом, даёт основания для досрочного прекращения её существования. Это обстоятельство и подвигло Минэкономразвития к закрытию ОЭЗ на о. Русский как невостребованную. Но такое очевидное фиаско вовсе не обескуражило губернатора Приморского края, который заявил, что о. Русский станет в таком случае первой в Приморском крае территорией опережающего развития, а одно из направлений развития острова будет вновь связано с рекреационной деятельностью.

опережающего развития, в которых зарегистрировано 110 резидентов, а общая сумма заявленных инвестиций составила 442 млрд руб. Вместе с тем в этих ТОР было запущено всего восемь предприятий, но к концу года вместе с резидентами свободного порта во Владивостоке ожидалось около 20, а к концу 2017 г. – 44.

Не успели высохнуть чернила на документах по созданию ТОР, как Минвостокразвития в апреле 2015 г. внесло в правительство проект нового решения, на этот раз по созданию во Владивостоке вкупе с 13 муниципальными образованиями Приморья ещё одной разновидности территории с особым правовым режимом – *свободного порта*. Такой статус предоставляется на 70 лет, его зона предполагает четыре сектора: портовый (в том числе аэропорт), промышленный, научно-внедренческий и туристско-рекреационный. Резиденты новой зоны смогут претендовать на получение государственных земельных участков, льгот по налогу на имущество и земельному налогу, также предусмотрена и прямая господдержка на строительство инфраструктуры (субсидии или взнос в уставный капитал).

Впрочем, в планы правительства запустить масштабный процесс опережающего развития дальневосточных территорий вмешался кризис. Вслед за десятипроцентным сокращением бюджетных расходов в 2015 г. в следующие два года произошёл ещё больший секвестр. По данным Минфина расходы федерального бюджета на финансирование госпрограмм в 2016 г. сократились в среднем более чем на 16%, а вот больше всех – свыше 70% (!) от запланированных ассигнований[54] – потеряла как раз объявленная приоритетной госпрограмма развития Дальнего Востока. А это значит, что кардинально ухудшилось финансовое обеспечение инфраструктурного обустройства территорий опережающего социально-экономического развития. Поэтому вопрос вопросов – поиск механизмов, обеспечивающих снижение рисков недостаточного финансирования инвестиций в развитие дальневосточных территорий. С этой целью некоторыми экспертами предлагалось использовать известную в мировой практике схему финансирования инфраструктурных проектов за счёт будущих налогов, которые поступят от реализации проектов. В этой связи Минвостокразвития по аналогии с Фондом национального благосостояния предлагало создать Дальневосточный фонд в виде обособленной части средств федерального бюджета, предназначенных для реализации инвестпроектов на Дальнем Востоке. Новая структура, по замыслу Минвостокразвития, должна наполняться за счет налогов работающих в регионе инвесторов, в частности, резидентов ТОР. Средствами Дальневосточного фонда предлагалось финансировать «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона», который как раз и занимается инфраструктурными проектами в регионе.

Но суровая реальность не стала помехой намерениям правительства по продвижению этого инструмента. В планах – предоставить возможности создания ТОР во всех субъектах РФ, а не только на Дальнем Востоке, как предусматривалось первоначально. Например, в правительстве рассматривается возможность создания такой территории в Калининградской области, когда резиденты действующей здесь ОЭЗ утратят право на освобождение от уплаты вывозных пошлин. Соответствующие поправки в закон о ТОР, разрешающий их создание

[54] В 2015 г. лимит денежных средств, зарезервированных в госпрограмме «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», составлял всего 6,3 млрд рублей. Причём эти средства предусмотрены не только на ТОРы, но и на инфраструктурную поддержку других дальневосточных проектов.

только на Дальнем Востоке, подготовило Минэкономики. По ним льготы в рамках ТОР добавятся к преференциям ОЭЗ.

Правительство поддержало идею о создании территорий опережающего развития в моногородах. Предусматривается создание ТОР в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением и тех, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения. В 2016 г. были подписаны правительственные постановления о создании территорий опережающего развития в трёх моногородах: Набережные Челны (градообразующее предприятие – КамАЗ), Гуково (угледобывающие шахты) и Большой Камень Приморского края (это не моногород, но здесь расположен крупный судостроительный завод «Звезда»).

Минэкономразвития предложило распространить режим ТОР на всю территорию страны. Глава ведомства заявил: «Сейчас уже принято решение о создании территорий опережающего развития в рамках моногородов, чтобы помочь вывести их из депрессивного состояния. Затем мы хотели бы распространить их полностью на территорию РФ» (Едовина, 2015). Но насколько обоснованы такие скоропалительные и непроработанные попытки использовать механизм ТОР на все случаи жизни? Годится ли этот инструмент, предназначенный для освоения новых территорий, для решения специфических задач староосвоенных и депрессивных территорий моногородов. К тому же для моногородов уже выбран принципиальный подход государственного содействия решению их проблем и используется особый механизм поддержки их развития из специального фонда. Но шлюзы открыты – в правительстве уже около 40 заявок от регионов на такие территории в моногородах.

Как бы то ни было, но правительство удовлетворено реализацией механизма ТОР. Всего за 4 года создано 66 ТОРов. В 2018 г. совокупный объём инвестиций в них составил 15 млрд рублей, создано около 9 тыс. рабочих мест. И темпы распространения нововведения, похоже, не снижаются. В начале 2019 г. в правительстве находилось 14 новых проектов постановлений о создании таких территорий, а Министерство экономического развития готовило ещё 16[55]. И всё это новые льготы, на которые потребуются дополнительные государственные ассигнования.

Пространственные кластеры: инновационная интеграция с государственной помощью. В рамках общего курса на модернизацию правительством поставлена задача содействия развитию в регионах инновационной предпринимательской деятельности, которая должна обеспечить рост эффективности производства, диверсификацию и совершенствование структуры региональной экономики, повышение её конкурентоспособности. Выполнение такого маневра требует проведения региональными властями комплекса разнообразных мер, в том числе использования новых подходов к пространственной организации инновационной деятельности, способных как реализовать уже имеющиеся, так и создать новые конкурентные преимущества региональных экономик[56]. В

[55] https://rg.ru/2019/01/28/iurij-borisov-rasskazal-kogda-zavershatsia-ispytaniia-samoleta-ms-21.html

[56] Опыт ведущих государств мира свидетельствует, что активное вовлечение региональных властей в процессы формирования и использования механизмов стимулирования инновационной деятельности в настоящее время выступает неотъемлемым содержательным компонентом государственной инновационной политики, залогом успешности которой служит обязательный учёт региональных факторов (комплекса параметров, характеризующих конкретные региональные социально-экономические системы).

современных условиях эти преимущества в решающей степени определяются способностью к ускоренному созданию и внедрению новейших технологий (в области микроэлектроники, телекоммуникаций, компьютерной техники, робототехники, производства материалов, биотехнологий, информатизации и т.п.). В технологическом «рывке» важную роль, как показывает опыт наиболее развитых государств мира, могут сыграть «очаги» пространственной (региональной, локальной) интеграции географически близко расположенных предприятий и организаций, выполняющих разные функции (от проведения научных исследований и подготовки кадров до производства и транспортировки продукции), но объединённых участием в научно-технологическом процессе, результатом которого станет наукоёмкий продукт, созданный совокупными усилиями всех участников этого процесса. Эффект такой пространственной интеграции достигается за счёт того, что на рынке высокотехнологичной продукции конкурируют не отдельные предприятия, а пространственный (региональный, локальный) научно-производственный и промышленный комплекс, который, благодаря разнообразному взаимодействию компаний – от научно-информационного сотрудничества до производственно-технологической кооперации, сокращает транзакционные издержки и повышает конкурентоспособность (Швецов, 2015). Такая форма территориально опосредованной организации (кооперации) инновационных процессов получила наименование пространственного кластера[57].

Правительством предусмотрена массированная государственная финансовая поддержка кластеров. Начиная с 2013 г. ежегодно в течение 5 лет из федерального бюджета выделялись средства в объёме до 5 млрд рублей на развитие пилотных кластеров. К этой сумме надо добавить также субсидии, которые предоставлялись на условиях софинансирования из региональных бюджетов. С одной стороны, в наших условиях без заметной господдержки никак не обойтись, но вместе с тем чрезмерная ориентация на неё может оказывать сильное дестимулирующее воздействие на инновационную активность организаций, входящих в кластеры, приводить к снижению объёмов частных инвестиций в инновационные проекты, а также к защите от конкуренции. Поэтому государственным органам важно отдавать предпочтение косвенным методам финансовой поддержки кластеров, прибегая к прямому вмешательству только в особых случаях и при полной уверенности в том, что оно действительно необходимо для исправления ошибок системы управления и провалов рынка.

Территории с особыми режимами: общая оценка и рекомендации. Таким образом, использование особых правовых режимов экономической и предпринимательской деятельности стало приоритетным направлением государственной политики пространственного развития. Повышенный и некритический (кампанейский, по нашему российскому обыкновению) интерес к особым территориальным режимами сыграл злую шутку с этим инструментом. Чрезмерное увлечение им, отношение к нему как к панацее породило завышенные ожидания. Те, кто продвигал эти новации, и те, кто поддался искушению ими, рассчитывали (искренне или с корыстью) на быстрые и существенные успехи от использования этих форм при минимальных усилиях и затратах. Между тем практические

[57] Рождение этого феномена стало следствием выработки мировой наукой на протяжении последних 20 лет в рамках неоклассической и эволюционной (институциональной) экономики нового понимания смысла, содержания и форм пространственно организованных инновационных процессов и явлений (Синергия…, 2012).

результаты оказались очень далеки от этих ожиданий. Ни одна из названных форм не показала достойной на фоне известных международных достижений результативности и эффективности[58]. Может быть, за буквально двумя-тремя относительными исключениями, о которых надо говорить особо. На деле вместо упорной, последовательной и многолетней работы, нацеленной на обоснованный выбор механизмов экономического оживления, наиболее подходящих для конкретных территорий, и получение максимальной отдачи на этом пути, власти в центре и на местах настроены на получение быстрого и значительного эффекта, не достигнув которого они предпочитают хвататься за очередную спасительную новинку. Идёт развитие процесса в большей степени вширь, чем вглубь.

В увлечении указанным механизмом проявляется обычная ошибка – к его применению относятся как к самоцели, забывая о том, что это всего лишь средство решения многочисленных и разнообразных проблем пространственного развития, причём одно из ряда средств, которые надо рассматривать, оценивать и выбирать в системе инструментов. Особо надо сказать о чрезмерно широком распространении особых правовых режимов. Это касается и предоставления права на их использование всем регионам, и весьма сомнительных намерений применять эти инструменты для вовсе не подходящих для этого пространственных объектов (например, ТОР – для моногородов, ОЭЗ – для субъектов РФ).

Запуск механизма функционирования территорий с особыми режимами – это длительный, дорогостоящий и сложный процесс. Это всегда штучный продукт, и нелепо рассчитывать на массовый характер создания подобных территорий. Между тем, например, на Дальнем Востоке подошли к делу с размахом и с самого начала поставили процесс зонообразования на поток – так, для ТОР, например, были одномоментно отобраны 38 площадок, а на 14 из них сразу же были готовы принимать инвесторов[59]. Но нельзя ограничиться лишь отведением территорий, требуются вложения средств, а вкладывать надо сейчас и довольно много, но эффект (если он вообще будет) окажется сильно отдалённым во времени и не таким ошеломляющим, как об этом говорят в начале[60]. И это неудивительно при низком качестве подготовки и реализации решений. Обещанные государством налоговые льготы для резидентов начинают действовать не автоматически при их регистрации в зонах, а предоставляются лишь при выполнении ряда дополнительных условий. Между одобрением бизнес-планов и предоставлением статуса резидента проходит время до года. Зональная инфраструктура создаётся не заранее, а начинает строиться вместе с началом деятельности самих зон, и требуется не один год, пока будут подведены электричество и дороги.

---

[58] «Сегодня приходится признать, что у России плохо получается встраиваться в глобальные инвестиционные и финансовые связи. Свободные экономические зоны, ставшие мощнейшим движителем экономики от Китая до ОАЭ, от Малайзии до Мексики, у нас практически не прижились» (Иноземцев, 2015).

[59] Процесс «массового производства» ТОРов натолкнулся на острую нехватку для всех них достаточного количества инвесторов и инвестиционных проектов. Для выполнения «плана по валу» федеральные кураторы этого новшества прибегают по сути дела к рейдерской практике – заставляют регионы уже подготовленные и реализуемые ими инвестпроекты передавать в эти зоны. При этом регионы несут реальные финансовые потери из-за прекращения поступлений в региональные бюджеты налоговых платежей от инвестиционных проектов, поскольку с переходом их под юрисдикцию ТОРов они получают налоговые льготы.

[60] Об этих проблемах подробнее см. в следующем разделе.

Распространено мнение, что важен сам по себе особый режим, введение которого избавляет от необходимости нести капитальные затраты (нередко можно даже из уст экспертов услышать: «нет денег, так дайте свободу»). Это глубоко ошибочное и вредное заблуждение. Далеко не блестящий опыт особых экономических зон подтверждает это как нельзя лучше.

Для принятия обоснованных решений о создании территории с особым режимом принципиально важно рассматривать такое нововведение как инвестиционный проект, обязательную оценку эффективности которого надо давать до принятия решения о начале его реализации. И что не менее важно, делать такую оценку необходимо по корректно разработанной специальной методике, предусматривающей выяснение пользы для всех заинтересованных сторон (и государства, и региона, и бизнеса) и с учётом особенностей российской экономики (с её нестационарностью, многовалютной инфляцией, повышенными рисками) (Лившиц, Швецов, 2011). Сейчас такие решения принимаются по весьма упрощённой схеме, ничего общего с полноценной оценкой эффективности не имеющей[61]. Например, об эффективности функционирования ОЭЗ согласно утверждённым правительством правилам предлагается судить по абсолютной величине таких валовых показателей, как объёмы бюджетных и внебюджетных средств, направленных на финансирование создания объектов инфраструктуры, количество резидентов и количество созданных ими рабочих мест, объёмы вложенных резидентами инвестиций, произведённой продукции, уплаченных налогов и таможенных платежей. Не лучше оцениваются и проекты территорий опережающего развития. Так, говоря о запуске трёх «флагманских» ТОР, министр по развитию Дальнего Востока заявил: «Заявки отбирались по двум ключевым параметрам. Во-первых, важное значение имело наличие реально заинтересованных инвесторов, готовых начать практическое проектирование и строительство своих производств на предлагаемой территории. Во-вторых, оценивалась максимальная проработанность инфраструктурного обеспечения, позволяющая начать проектирование и строительство уже в этом году» (Галушка, 2015). Но этого совершенно недостаточно. Нельзя не согласиться с главой Счетной палаты, считающей: «Оценка же эффективности должна быть направлена не только на сравнение установленных и фактически достигнутых показателей и затраченных средств, но и на анализ полноты и качества социально-экономических эффектов и степени удовлетворенности предоставляемых услуг» (Соловьева, 2015).

Согласно концептуальному замыслу рассмотренные виды «особых территорий» должны играть роль «точек роста» в пространственном развитии. Но для страны и её регионов такие отдельные очаги развития важны не сами по себе, а в первую очередь как источники инноваций, которые должны бы широко и быстро распространяться за пределы этих избранных локальных территорий. Однако до сих пор опыт создания территорий с особыми режимами не предъявляет убедительных свидетельств фактического эффекта диффузии инноваций. Напротив, такие зоны на деле становятся бизнес-анклавами, выключёнными из кооперационных связей с окружающим экономическим пространством и оказывающими на соседние территории не стимулирующий, а скорее опустошительный эффект: они как «чёрные дыры» втягивают в себя из окружающего пространства ресурсы, в первую очередь, трудовые (причём, наиболее квалифицированные). Поэ-

[61] Надо заметить, что это не только российская недоработка. По данным ЮНКТАД, лишь немногие страны регулярно оценивают эффективность и экономическое воздействие ОЭЗ (World…, 2019).

тому вопрос о том, как обеспечить распространение благотворных импульсов от деятельности «особых территорий» за их пределами, требует специального внимания.

Для обеспечения диффузии инноваций нужны не только генерирующие их «точки роста», но и благоприятный, т.е. способствующий активному восприятию, усвоению этих инновационных импульсов, климат за пределами особых территорий. Но если таких внешних условий не имеется, то нет никакого смысла и в зонах, поскольку они важны не сами по себе, а как инновационный полигон, работающий не в локальных, а в общегосударственных и даже в глобальных интересах. Сегодня условий для такой диффузии нет, потому и потребности в зонах нет, и отдачи от них никакой. Всё шире внедряя этот инструмент, власти тем самым подменяют развитие общественных институтов и инфраструктуры, создание нормальных условий для функционирования бизнеса в масштабах всей страны директивами, обеспечивающими точечную заботу об инвесторах (в основном иностранных) в «точках роста».

Действующее законодательство не только игнорирует эту важнейшую проблему, но и дополнительно обостряет её, препятствуя резидентам зон установлению кооперационных отношений с экономическими субъектами за пределами «особых территорий». Так, федеральный закон о ТОР (статья 12) запрещает их резидентам иметь филиалы и представительства вне этих территорий. В случае создания ТОР в моногородах (статья 34), закон обязывает её резидентов вести всю хозяйственную деятельность в пределах соответствующего муниципального образования (Бухвальд и др., 2015, с. 78). Это путь не к «диффузии инноваций», а к созданию процветающих за колючей проволокой отдельных бизнес-резерваций, паразитирующих за счёт других территорий.

На наш взгляд, влияние ОЭЗ, ЗТР, ТОР и иных аналогичных инструментов на региональное развитие в целом по стране не следует переоценивать. Всё-таки это «штучный» продукт, эффект от использования которого смогут получить лишь немногие регионы и в первую очередь те, которые окажутся первыми в этом процессе и больше других успеют воспользоваться федеральной поддержкой. Кроме того, считается, что использование таких инструментов приведёт к возникновению в регионах точек бурного экономического роста, влияние которого будет иметь исключительно положительное влияние на окружающее пространство. При этом совсем упускаются из виду риски неблагоприятного развития событий. Например, возникновения в этих регионах конфликтных ситуаций на почве недовольства среди муниципалитетов (прежде всего соседних с зонами) тем, что один из них попал в привилегированное положение за счёт других. И в этом есть резон, поскольку для того чтобы обеспечить «точку роста» дополнительными ресурсами (инвестициями, кадрами, налоговыми льготами), их нужно будет забрать у других территорий, которые, разумеется, не придут в восторг от такого перераспределения. В этой связи нельзя исключать, что зона может послужить вовсе не «локомотивом» регионального развития, а причиной усиления межмуниципального неравенства.

Скажем больше, стимулируемая государством гонка регионов за федеральными налоговыми льготами и преференциями не имеет ничего общего с современным региональным саморазвитием в федеративном государстве и на пользу стране она не идёт. Все эти особые режимы не только не способствуют сглаживанию пространственного социально-экономического неравенства, но и стиму-

лируют обострение проблемы чрезмерной дифференциации в территориальном развитии. Широкое распространение «особых территорий» усиливает фрагментацию освоенного социоэкономического пространства, которую саму по себе следует признать и объективной, и неизбежной, но только если она является следствием естественного хода развития. Здесь же мы имеем дело с сознательным вмешательством государства в этот процесс, причём это принудительное деформирующее воздействие на организацию пространства трудно признать обоснованным и деликатным. Предпринимаемые государством (точнее говоря, всего лишь одной из его подсистем – правительством) действия, даже если они и достигают локальных эффектов, гарантированно повышают общесистемные риски нарушения единства, целостности и однородности социоэкономического пространства. Критерием оценки должна служить выгода не для отдельных субъектов рынка и локальных территорий (что в реальности вполне возможно), а для экономики и пространственного развития государства в целом. Таким образом, создание государством анклавов «опережающего развития» внутри нашей страны с её традициями трепетного отношения к социальной справедливости и снижению неравенства *аморально, неэффективно и рискованно.*

В России в качестве основного вида пространственных объектов стимулирующего воздействия предпочтение отдано локальным территориям нового освоения, на которых до этого, как правило, не велось длительной активной и масштабной жизнедеятельности и где ещё только предстоит в рамках намечаемых инвестиционных проектов (нового строительства) создание производственно-технологического базиса будущих «точек роста». Но такой выбор вовсе не безальтернативен. Ему противостоит опыт ряда развитых стран, использующих механизмы экономического оживления роста уже *освоенных* территорий, со сложившимся производственно-технологическим, экономическим и социальным потенциалом. Речь идет о выделяемых в целях увеличения занятости в частном секторе *зонах предпринимательства*, где вводятся пониженные ставки налогообложения, упрощаются система регулирования и правила ведения бизнеса. Особое внимание при этом уделяется поддержке малого и среднего бизнеса путём снижения ставок и упрощения порядка взимания налога на доходы соответствующих предприятий, введения вычетов из налогооблагаемого дохода до 100% понесённых расходов на НИОКР. Такой подход не нов, но он по-прежнему активно применяется, в том числе и для преодоления кризисных явлений нынешнего периода (Волков и др., 2015, с. 36–37).

Увеличивающееся количество разнообразных «зональных» образований с льготными режимами, создаваемых в разных частях страны, не может не приводить к росту конкуренции регионов за государственные ресурсы, за частные инвестиции, за кадры. Это обстоятельство по мере распространения таких территорий будет оказывать возрастающее негативное влияние на потенциальную эффективность этого инструментария. Поэтому, по-видимому, было бы целесообразно обеспечить в этом процессе координацию и согласованность принятия соответствующих государственных решений в масштабах всей страны. Ввиду чрезмерной множественности преференциальных режимов назрел вопрос и о систематизации и разумной унификации правил предоставления льгот резидентам различных «зональных» образований – ОЭЗ, ЗТР, ТОР, технопарков и т.п.[62] Минэкономразвития, намереваясь навести порядок в этом бессистемно раз-

[62] По данным Минэкономразвития России, в стране действуют порядка 15 таких механизмов, кото-

растающемся хозяйстве, объявило в конце 2018 г. о разработке в рамках подготовки стратегии пространственного развития до 2025 года единого механизма поддержки территорий. Ведомство предлагает объединить разнообразные типы территорий с преференциями для бизнеса в единую категорию – «специальные экономические зоны», и ввести чёткий регламент льгот для их резидентов.

При всех различиях новых инструментов их объединяет общее предназначение – государственное содействие повышению инвестиционной привлекательности регионов. В условиях нехватки у регионов собственных ресурсов для решения этой задачи делается ставка на механизмы вложения средств федерального бюджета. Однако размах развернувшейся по поводу этих механизмов пропагандистской кампании многократно превышает их реальное значение для активизации процессов социально-экономического развития регионов. Потребность в инновационных стимулах повсеместна и огромна, но реально воспользоваться предлагаемыми на федеральном уровне возможностями под силу лишь немногим избранным регионам, причём вовсе не самым нуждающимся в них отсталым, а более развитым регионам. Таким образом, рассматриваемые нововведения чреваты усилением межрегиональных и внутрирегиональных диспропорций. Но негативные последствия (риски) никто толком не оценивает и не интересуется ими. Политическая целесообразность, как обычно, берёт верх над социально-экономической эффективностью, полноценная и корректная оценка которой подменяется с завидной лёгкостью раздаваемыми заинтересованными лицами безответственными обещаниями получения скорых и масштабных выгод. Не отрицая саму идею государственной поддержки инвестиционных процессов в регионах, на наш взгляд, следует всё же признать, что она не в состоянии произвести революцию в экономическом оживлении территориального развития. Для этого необходима активизация прежде всего усилий самих регионов и налаживание их взаимодействия с бизнесом с использованием механизма государственно-частного партнерства (Швецов, 2014а), что в свою очередь требует глубокой децентрализации полномочий и главное – ресурсов.

Пока же у регионов по-прежнему вся надежда на дополнительные бюджетные вливания из «центра», с одним лишь новшеством: если в 1990-е годы для этой цели регионы использовали федеральные целевые программы (счёт которым шёл на многие десятки), то теперь же их важнейшая забота – добиться от «центра» установления на своих территориях разного рода особых правовых режимов (в таких же, если не в бóльших пространственных масштабах), гарантирующих регионам федеральные бюджетные вливания, но уже иным способом – за счёт преференций (налоговых, таможенных, страховых и прочих).

Государственные инвестиционные проекты преобразования пространства: проблемы снижения рисков и повышения эффективности

В арсенале средств государственного воздействия на пространственную структуру социоэкономического потенциала наиболее мощным и действенным инструментом пространственных преобразований являются инвестиции. Но вместе с тем это весьма сложный и тонкий инструмент, использо-

рые применяются на 500 площадках, предусматривают свыше 60 льгот и регулируются 245 нормативными актами. http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depOsobEcZone/201815012.

вание которого по принципу «чем больше, тем лучше» вовсе не гарантирует прогрессивных сдвигов в формировании нового облика социоэкономического пространства.

Инвестиционный коллапс 1990-х годов породил феномен отложенного инвестиционного спроса, масштабы которого постоянно и быстро нарастали, достигнув огромных размеров[63]. Поэтому, когда в начале 2000-х годов в стране начался экономический рост и в государственном бюджете появились значительные дополнительные средства, власти и бизнес на местах охватило неодолимое стремление к скорейшему преодолению до предела обострившегося дефицита инвестиций, поставившего на грань техногенной катастрофы множество инфраструктурных (производственно-технологических, транспортных и социальных) объектов, за которые призваны нести ответственность власти государства и регионов. Массовость и повсеместность устремлений направить бюджетные деньги на инвестиции придали ажиотажный характер этому процессу, в рамках которого с бесспорно общественно необходимыми потребностями конкурировали и своекорыстные интересы многих его участников.

Крупный инвестиционный проект, который можно было бы затеять в регионе при федеральной финансовой и административной поддержке, до сих пор остаётся заветной мечтой местных властей. И в стремлении осуществить такую региональную мечту его лоббисты (в «центре» и на местах) всеми силами пытаются убедить лиц, принимающих государственные решения, (и попутно широкую общественность) в том, что реализация таких проектов с неизбежностью окупится сторицей, что проигравших не будет и всех ждут только самые благоприятные последствия[64]. При этом полностью замалчиваются многочисленные возможные риски, системный анализ и достоверная оценка которых или не проводятся вовсе, или оказываются совершенно неудовлетворительными из-за недостатков применяемых методов проектного планирования и оценки эффективности инвестиционных проектов. А риски в таких проектах под стать их масштабам – могут оказаться чрезвычайно большими и даже катастрофическими по своим неблагоприятным последствиям.

Между тем власти всех уровней испытывают буквально головокружение от инвестиционных прожектов. Регионы охватила прямо таки лихорадка инвестиционных форумов, для которых уже скоро не будет хватать месяцев в году и участников. Идёт соревнование, кто устроит ярмарку пышнее и грандиознее, кому удастся больше завлечь популярных политиков, федеральных министров, крупных бизнесменов и известных экспертов. Успех подобного рода мероприятий оценивается сообщениями о числе подписанных соглашений и суммах запланированных инвестиций. При этом все разговоры идут только об увеличении числа проектов и объёмов планируемых инвестиций, оставляя в тени главные вопросы об их эффективности.

Конечно, нет сомнения в том, что Россия и все её регионы сильно недоинвестированы, что нужны многочисленные инвестиционные проекты развития и

---

[63] В 1990-е годы общий объём инвестиций в экономику упал более чем в 4 раза.

[64] Такой подход абсолютно доминирует в современной практике стратегического планирования территориального развития. Все перспективные документы регионов и городов исключительно оптимистичны, все исходят из прогнозов устойчивого роста, ни в одной из стратегий нет ни слова о рисках развития, о возможных неблагоприятных изменениях внешних условий и т.п. Кризис убедительно показал уязвимость подобной самонадеянной близорукости.

модернизации во всех сферах жизнедеятельности страны. Но проекты обязательно должны быть хорошо обоснованы, спланированы и эффективны. А именно в этом уверенности как раз и нет. Предпроектные обоснования, которые к тому же далеко не всегда проводятся, грешат тем, что опираются на завышенные прогнозные оценки, во главу угла ставят технические и производственные параметры, а не маркетинговые стратегии, игнорируют непредсказуемые рыночные факторы, оперируют неполной и недостоверной информацией и т.п.

Особую тревогу вызывают крупные проекты, рассчитанные не на один–два года, а имеющие долгосрочный характер, что оказывается на руку инициаторам и политическим лоббистам таких проектов. Они вполне могут не беспокоиться о наступлении ответственности за вызванные их недобросовестностью и некомпетентностью просчёты и провалы, которые станут очевидными только по истечении довольно значительного периода, когда лица, принимавшие решения, уже покинут свои высокие должностные посты и истечёт законодательно установленный срок давности по их деяниям. А ответственность за такие промахи должна была бы быть повышенной, ибо в случае неудачи главные потери понесут не частные лица, а налогоплательщики. Из сказанного с очевидностью следует вывод о необходимости предельно осторожного отношения к расписываемым преимуществам инвестиционных мегапроектов, поскольку цена ошибки в таких случаях возрастает сверх обычного уровня.

Может быть для постсоветской России, сверх всякой меры убедившейся в справедливости таких предостережений[65], небольшим утешением будет узнать, что и в остальном мире, причём даже в очень развитых рыночных экономиках и при вполне приемлемом качестве проектного планирования, примеры реализации неэффективных проектов тоже имеются. Надо заметить, что вопреки нашему традиционному пиетету перед зарубежной практикой она отнюдь не свободна от серьёзных недостатков, в ряду которых сами западные эксперты отмечают систематическое завышение прогнозных оценок чистых выгод от инвестиционных проектов[66]. Так, согласно материалам 1200 проектов, реализованных под эгидой Всемирного банка, фактический уровень доходности, рассчитанный на момент завершения проектов, составлял 15%, а через 5–8 лет после их завершения не превышал 12%. При том, что по прогнозным оценкам, рассчитанным в ходе предпроектного анализа, доходность должна была составить 22% (Гантон, 2007).

Такое «оптимистическое заблуждение» связывается аналитиками с двумя видами причин – методическими и политическими. С одной стороны, существенное занижение затрат по проектам объясняется систематической склонностью проектных разработчиков к занижению возможных рисков из-за того, что их анализ проводится по отдельным группам и элементам, в результате чего рисковые события с малой индивидуальной вероятностью наступления исключаются из

[65] К числу таких недопустимо плохо обоснованных и потому обернувшихся огромными социально-экономическими потерями проектов могут быть отнесены многочисленные проводившиеся на всём протяжении постсоветского периода в различных сферах жизнедеятельности общества и государства реформы – приватизации, пенсионная, жилищно-коммунальная, монетизации льгот и др.

[66] Такие уникальные масштабные проекты, как сооружение железнодорожного тоннеля под Ла-Маншем, соединившим Великобританию с Европейским континентом скоростным сообщением, и проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Шинкансен в Японии, с технической точки зрения были успешно реализованы, но при этом их экономические показатели (срок окупаемости и др.) оказались де-факто гораздо хуже проектных.

анализа, даже несмотря на то, что при рассмотрении всей совокупности рисков такая вероятность может быть высокой.

С другой стороны, феномен существенного занижения затрат объясняется тем, что политики отдают предпочтения тем проектам, выгоды от которых распределяются среди немногих избранных лиц (юридических и физических), а затраты идут за счёт массы налогоплательщиков. Понятно, что удельные выгоды, получаемые небольшим числом лиц, оказываются выше и более осязаемыми, чем удельные расходы на проект, распределённые на всех членов общества или жителей конкретного региона. По этой причине даже при наличии свидетельствующих не в пользу проекта прогнозных оценок суммарных потерь и выгод лоббистское давление на принимающих решения политиков, оказываемое немногочисленными заинтересованными в проекте группами, будет существенно превосходить сопротивление общественности. Важно иметь в виду, что на стороне проталкивающих проект оказываются и соответствующие правительственные ведомства, для которых увеличение государственных инвестиций является условием роста их собственного бюджета и увеличения бюрократического веса. Это обстоятельство приводит к тому, что участвующие в оценке инвестиционного проекта ведомства стремятся к недооценке проектных рисков и переоценке потенциальных выгод от проекта.

Но не менее важно учитывать приобретающую характер устойчивой тенденции особенность современного проектного проектирования, выражающуюся в недооценке рисков и завышении выгод. «Нерациональные» действия инвесторов объясняются особенностями поведения заинтересованных групп в ходе освоения региональных ресурсов. Региональные политические лидеры заинтересованы главным образом в обеспечении экономического роста путём масштабного вовлечения в хозяйственный оборот новых природных ресурсов. Государственные чиновники с энтузиазмом поддерживают инвестиционные намерения крупного бизнеса и политических лидеров, чтобы повысить свой престиж и влияние. Те же, кто выступает против таких планов, вынуждены покидать свои места в правительстве. Региональное бизнес-сообщество, которое также выигрывает от роста экономики, поддерживает крупные проекты. Добывающие компании, подверженные чрезмерным ожиданиям в периоды подъёма деловой активности и привлекаемые возможностью возложить часть своих рисков на правительство, становятся ярыми сторонниками проекта. Представители местного бизнеса также активно поддерживают проект, поскольку получают возможность извлечь выгоды без риска убытков, связанных с крупными прямыми проектными инвестициями. Закономерным следствием этого становится взаимное усиление позиций групп, заинтересованных в проекте. Критика в адрес проекта разбивается об энтузиазм его влиятельных сторонников, и неизбежной становится недооценка рисков.

Было бы наивностью рассчитывать на то, что отмеченные выше тенденции к преувеличению выгоды и занижению затрат инвестиционных решений могут быть когда-либо полностью преодолены, но знать и по возможности аргументированно противодействовать этому явлению безусловно надо. Для этого совершенно необходимо предварять реализацию множащихся и приобретающих в ряде случаев прямо-таки грандиозный характер инвестиционных проектов тщательной и корректной оценкой их эффективности. Этому вопросу в современных планово-проектных разработках уделяется недопустимо малое внимание, совершенно не соответствующее исключительной важности этой задачи.

В принципиальном плане в этом вопросе следовало бы обратить внимание на два аспекта (Лившиц, Швецов, 2011). Во-первых, на крайнюю необходимость обязательного (законодательного) введения такого порядка, по которому все инвестиционные решения принимались бы только на основе предварительного прохождения обязательной стадии составления инвестиционных проектов и их экспертизы, включая обязательный расчёт эффективности инвестиций. И, во-вторых, надо, чтобы расчёты эффективности в методическом отношении были корректными и учитывали сильную макро- и микро-экономическую специфику российской нестационарной переходной экономики – её особые риски, многовалютную инфляцию и пр. В реальности же пока не делается ни первого, ни второго[67].

Для современной российской ситуации инвестиции без наличия должным образом разработанного и оцененного проекта – привычное дело. И что самое огорчительное, такова обычная практика крупномасштабных инвестиционных процессов с участием государства. Объясняется такое упущение довольно просто: во-первых, представить инвестиционные предложения в проектной форме – дело весьма накладное, ибо стоимость подготовки инвестиционного проекта может составлять от 1 до 10% его общей стоимости, а, во-вторых, наличие проекта не так уж и желательно, поскольку даёт возможность оценить его эффективность, которая может на основе расчётов (а не на пропагандистских заявлениях) оказаться не такой высокой, как было обещано, а то и вовсе отрицательной.

Что же касается возможности корректного проведения оценочных расчётов, то здесь сложилась парадоксальная ситуация. Необходимый для этого инструментарий уже давно создан, постоянно совершенствуется и, что весьма важно, признан взыскательным профессиональным сообществом и широко применяется в бизнесе (Виленский и др., 2015). Но по причинам, о которых можно только догадываться, органы власти при принятии государственных инвестиционных решений не только не проявляют интереса к его использованию, а упорно стремятся внедрить в оценочную практику альтернативные методики, не отвечающие критериям корректности, достоверности и надёжности (Лившиц, Швецов, 2011). И если бы от этого страдало только ущемлённое авторское тщеславие разработчиков методики, то об этом бы не стоило даже и заикаться. Но речь идёт об осуществляемых на деньги налогоплательщиков многомиллиардных инвестициях, цена ошибок, при оценке эффективности которых из-за неправильных расчётов, достигает настолько больших величин, что никак не позволяет ими пренебречь.

Практика инвестиционного проектирования изобилует стереотипными экономико-методическими заблуждениями, приводящими к серьёзным расчётно-оценочным ошибкам. Всё довольно широкое многообразие неверных, но привычно воспринимаемых в качестве правильных и даже очевидных представлений можно свести в несколько групп типичных заблуждений. Они связаны с учётом макроэкономических особенностей российской экономики, со структурой решаемых задач оценки, с расчётами оценочных показателей, с уточнением состава участников проекта, для которых надо рассчитывать эффективность, с выделением видов эффективности, с полнотой отражения затрат, с учётом фактора

[67] Особо надо заметить, что подобный подход должен касаться и иностранных инвестиций, которые по сложившемуся у нас ошибочному мнению априори рассматриваются как безусловное благо, не требующее оценок его экономической эффективности. Между тем надо иметь в виду, что не всё, что выгодно иностранному инвестору, заранее будет выгодно и России. Понять же свою выгоду можно только с помощью корректного расчёта эффективности.

инфляции, с оценкой риска и неопределённости, с выбором ставки дисконта, а также с мерой объективности самих расчётов.

В заключение отметим, что использование даже самых сложных и совершенных методов проектной оценки как абсолютно необходимого элемента любого проектного анализа ещё не гарантирует хорошего результата. Проблема в том, чтобы при разработке прогнозных расчётов обеспечить наиболее правильную (не только с формальной, но и с содержательной точки зрения) и полную оценку и учесть все риски. При этом надо стремиться к лучшему пониманию рыночных закономерностей и психологии поведения всех заинтересованных участников проектов. Следует с особой осторожностью относиться и к участию в проектах в качестве одного из инвесторов государства. Аргумент в пользу того, что такое участие способствует достижению экономии на масштабе, требует тщательного анализа в рамках открытой, прозрачной процедуры оценки силами независимых экспертов, вооружённых детально разработанными методическими рекомендациями. К тому же не следует переоценивать того, что само по себе участие государства в инвестпроекте – уже достаточное условие привлечения в него частных инвесторов[68]. И, наконец, нужно корректно оценивать влияние крупных проектов на развитие национальной или региональной экономики, поскольку в общем случае такие проекты способны генерировать значительный экономический рост, который, однако, вовсе не обязательно будет выгоден стране или региону, поскольку экономический рост – это далеко ещё не сбалансированное развитие.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что в современной России государственное участие в решении многочисленных накопившихся проблем и нарастающих новых задач пространственного развития претерпевает существенные изменения, но вместе с тем сохраняется его традиционно особое и сильное значение. Это участие многозначно. Государство выступает в единстве своих многообразных ролей, а именно как: идейный вдохновитель и основная движущая сила современных пространственных преобразований; регулятор и инвестор этих процессов; главный спонсор и бенефициар преобразований пространства; и, наконец, заложник собственного доминирования в процессах пространственных преобразований – вся надежда только на государство, у которого в руках основные рычаги, но на нем же и основные риски.

Литература

Агафонов Н.Т. Территориальная организация общества в России: проблемы и пути становления // Теоретические проблемы региональной политики. Кн. 2. СПб.: Петрополис, 1993. С. 5–42.

Аллен Р. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.

Антипина О. Каково будущее рыночной экономики? // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 150–159.

Афонцев А. Мировая экономика в поисках новой модели роста. Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 3–12.

Биткина С. Владимирский НЭП // Российская газета. 22 апреля 2011 г.

Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Вардомский Л. Об усилении азиатского фактора трансформации экономического пространства России // Мир перемен. 2015. № 2. С. 114–128.

[68] С практической невозможностью привлечь частных инвесторов в осуществляемую с участием государства крупномасштабную стройку столкнулся, например, инфраструктурный мегапроект «Урал Промышленный – Урал Полярный».

Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2015. 1300 с.

Государственно-территориальное устройство России (экономические и правовые аспекты) / Ред. А.Г. Гранберг и В.В. Кистанов. М., 2003. 448 с.

Галушка А. Первая тройка // РГ-Бизнес. 17 февраля 2015 г.

Гантон Т. Мегапроекты и региональное развитие: патологии в проектном планировании // Пространственная экономика. 2007. № 3. С. 77–108.

Давыдов Н. Мандат для губернатора Поволжья // Российская газета. 15 апреля 2008 г.

Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.

Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.

Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / Авториз. пер. с англ. Е.Б. Головляниципой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 372 с.

Дробышева И. Бизнес с нуля. Дальний Восток готовится принять резидентов // Российская газета-Бизнес. 12 мая 2015 г.

Едовина Т. ТОР на всю страну // Коммерсант, 2 июня 2015 г. http://www.kommersant.ru/doc/2739688.

Зименков Р.И. Свободные экономические зоны. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 223 с.

Иноземцев В. По-соседски: почему финансовый центр нужно создавать в Казахстане. 2016. http://www.rbc.ru/opinions/finances/27/10/2015/562f37369a79471a151510cb

Иноземцев В. Благословенная пустота: в чем польза плохой исторической памяти. 2016. http://www.forbes.ru/mneniya/tsennosti/326513-blagoslovennaya-pustota-v-chem-polza-plokhoi-istoricheskoi-pamyati

Костюк В.Н. Нестационарная экономика: Влияние роста сложности на экономическое развитие. М.: ЛЕНАНД. 2013. 272 с.

Крючкова Е. Губернаторы ответят за зоны. 2016. http://www.kommersant.ru/doc/2957316?utm_source=kommersant&utm_medium=doc&utm_campaign=vrez

Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 392 с.

Лапин Н.И. Измерения стагнации и модернизации России и ее регионов // Консолидация и модернизация России. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014. С. 345–361.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения. М.: УРСС, 1999. 256 с.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия. Социально-экономическая ситуация, право, статистика. В пяти томах, 12 книгах. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000–2001.

Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. 640 с.

Лившиц В.Н., Швецов А.Н. Каких ошибок следует избегать при оценке инвестиционных проектов с участием государства // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 80–92.

Лютова М. Развитие ОЭЗ отдадут регионам (2015). http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/06/10/595932-razvitie-oez-otdadut-regionam

Маркварт Э., Швецов А.Н. Территориальная организация местного самоуправления и управление городскими агломерациями. М.: Издательский дом «Дело», 2017. 304 с.

Мау В. Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. 2011. № 2. С. 4–22.

Минакир П.А. Пространственный междисциплинарный синтез: опыт программных исследований // Регион: экономика и социология. 2014. № 4. С. 3–31.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.

Набережнов Г., Старостина Н. Герман Греф призвал не мотивировать людей ГУЛАГом. 2014. http://top.rbc.ru/finances/02/10/2014/542d0fe4cbb20fdf04cd5add.

Николаев И. За ценой не постоим // Российская Бизнес-газета. 21 декабря 2010 г.

Николаева Д. Госаудиторы прошлись по зонам. 2018. https://www.kommersant.ru/doc/3778480?from=doc_vrez.

Окунь С., Скоробогатько Д. Особые зоны по специальным ценам. 2016. http://www.kommersant.ru/doc/3008286

Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития / Отв. ред. Р.С. Гринберг и П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2014. 415 с.

Сидорова Е. Американские евреи – либералы и консерваторы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 5. С. 63–72.

Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.

Снеговая М. Россия, которую мы не теряли. 2014. http://worldcrisis.ru/crisis/1538821

Соловьева О. Дума критикует подготовку к секвестру // Независимая газета. 24 июня 2015 г.

Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / Пер. с англ. К. Бандуровского под ред. И. Кригера. Москва: АСТ: CORPUS, 2014. 544 с.

Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

Хорев Б.С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования СССР. М.: Мысль, 1981. 320 с.

Швецов А.Н. Экономические ресурсы муниципального развития: финансы, имущество, земля. М.: Эдиториал УРСС, 2002а. 200 с.

Швецов А.Н. Государственная поддержка российских городов. М.: Эдиториал УРСС, 2002б. 160 с.

Швецов А.Н. Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // Российский экономический журнал. 2009а. № 1–2, 3–4, 5.

Швецов А. Состояние и перспективы программного подхода в региональной политике // Федерализм. 2009б. № 4. С. 7–24.

Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.

Швецов А.Н. Государственно-частное партнерство и инфраструктурные проекты регионального развития // Проблемы теории и практики управления. 2014а. № 3. С. 19–29.

Швецов А.Н. Региональная политика в структуре органов государственного управления: взлёты и падения Минрегионразвития // Регионалистика. 2014б. Т. 1. № 3. С. 76–85.

Швецов А.Н. Пространственная кластеризация инновационной деятельности: смысл, эффекты, государственная поддержка // Регион: экономика и социология. 2015. № 4. С. 142–161.

Швецов А.Н. Государственный патернализм или региональная свобода? // Федерализм. 2016. № 2. С. 109–122.

Ясин Е. Успеть за пять месяцев // Российская газета. 3 октября 2007 г.

World Investment Report – Special Economic Zones. 2019. https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2460.

Глава 11

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 г.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

В феврале 2019 г. утверждён важнейший стратегический политический документ – «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Стратегия…, 2019) (далее СПР). Проанализируем содержание этого документа и дадим оценку соответствия его замысла и принципов накопленным и перспективным проблемам, потребностям и возможностям пространственного развития страны. Сопоставим также принятые в СПР решения с каноническими концепциями пространственного развития, вырабатывавшимися в течение многих десятилетий на основании богатого эмпирического материала как в России, так и за рубежом.

Пространство как стратегический объект

Одним из главных вопросов к СПР как к документу, служащему политической и идеологической платформой для решений относительно преобразования системы «развивающееся социально-экономическое пространство», является вопрос о том, что собой представляет преобразуемая система и почему это преобразование не может осуществляться инерционно, а требует стратегического подхода.

В самой СПР объект стратегирования явно не определяется, а из вводного пояснения следует лишь, что им является некая территориальная система: «Стратегия представляет собой документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу» (Стратегия…, с. 1). Разработчики СПР утверждают, что в отличие от предыдущих версий стратегических документов, касающихся пространственного развития, в Стратегии-2025 выполнена «...разработка стратегии именно пространственного, а не регионального развития», уточняя, что «основной акцент сделан на разные типы территорий без оглядки на границы субъектов РФ» (Кузнецова, 2019, с. 150). Но в действительности такая особенность объекта проявляется лишь в изменении терминологии в основной части текста СПР, в которой разработчики действительно тщательно избегают использования термина «субъект Федерации», прибегнув к нему при описании лишь одного из 21 пунктов, в которых излагаются задачи, приоритеты и принципы реализации стратегии (Стратегия…, с. 8–10). Но уже в приложениях, конкретизирующих общие декларации задач, принципов и направлений, термин «субъект Федерации» возвращается и становится основным. Так, в приложении 1 и 2 к СПР перечислены в качестве объектов стратегического планирования все субъекты РФ, в приложении 3 – административные центры субъектов РФ и муниципальные образования, а в приложении 4 – список субъектов РФ, которые отнесены к геостратегическим территориям.

Очевидно, в выборе объекта проявилась, как и в целом в тексте СПР, двойственность самого процесса разработки стратегии, когда «все хорошее в СПР сделано экспертами, все сомнительные решения – на совести властей высоко-

го уровня, курировавших разработку» (Зубаревич, 2019, с. 137). Эта двойственность, скорее всего, и обусловила выбор наиболее комфортного для «властей высокого уровня» пространства как совокупности административных регионов, трактуемых, следовательно, в качестве базовой пространственной структуры, являющейся объектом стратегического планирования.

В рамках многообразия пространственных структур, выделяемых в концепции абстрактного экономического пространства (Perroux, 1950), административные регионы (субъекты Федерации) в действительности являются одним из адекватных объектов, используемых при анализе одного из классов пространственных структур в рамках условных проективных преобразований (отображений) абстрактного экономического пространства (Минакир, Джурка, 2018). Но важным условием при этом является представление экономического пространства как системы межрегиональных взаимодействий, подчиняющейся закону обеспечения структурного равновесия (Isard, 1960; Гранберг и др., 2007). Это позволяет рассматривать как критическое условие содержательности пространственного экономического анализа не форму границ, а продуктивность элементов пространственных экономических структур.

Однако в тексте СПР межрегиональные взаимодействия вообще не рассматриваются, а вместо кооперативной продуктивности фигурирует примитивный суррогат – «доля ВРП субъекта Федерации в ВВП страны». Поэтому настойчивое желание экспертов с помощью использования термина «территория» обозначить в качестве объекта «абстрактное экономическое пространство» вполне логично, но никак не материализовано в самой СПР. Если бы это желание материализовалось, предметом и анализа, и стратегического планирования должен был бы стать «фундаментальный конфликт», т.е. взаимодействие противоположных тенденций (концентрации и делокализации), определяющее пространственное развитие (Минакир, Джурка, 2018). Этого не произошло, и фактически объектом в СПР является аддитивное множество субъектов Федерации, которое трактуется как «российское пространство», предстающее, следовательно, как конкретное физическое пространство в противовес абстрактному экономическому пространству. То есть реального пространственного объекта стратегического планирования не существует, что вполне объяснимо сказалось и на определении цели стратегии.

Конечно, необходимость разработки стратегии пространственного развития России определена в федеральном законе (Федеральный…, 2014). Но само по себе это ничего не говорит о содержательности такой стратегии. Закон может (хотя и не должен) содержать ошибочные нормы. Но стратегия сама по себе как наилучший путь (способы, инструменты, ресурсы) достижения строго определённых целей развития той или иной системы должна содержать недвусмысленное определение этих самых целей, вытекающих из объективного анализа проблем функционирования планируемой системы и способности её прийти в состояние, желательное для разработчиков и/или заказчиков, без применения специальных методов стратегического управления.

Как мы видим, с определением объекта планирования существуют серьёзные проблемы. Не менее проблематична и объявленная цель стратегии, в качестве которой предлагается «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение

темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны» (Стратегия…, с. 7–8). При этом что собой представляет «пространственное развитие», более того «сбалансированное», в документе не раскрывается. Возможна двоякая трактовка этого термина.

Во-первых, под этим можно понимать множество характеристик (показателей) экономического и социального характера, регистрируемых в каждой точке и/или определённым образом ограниченной области пространства, совокупность которых образует общенациональные значения соответствующих характеристик (пространственная матрица). Как отмечалось выше, в СПР точка (область) пространства отождествляется с географическим пространством, заключённым в границах субъекта Федерации. Во-вторых, под этим может подразумеваться разложение национального макроэкономического агрегата в административном пространстве или «свёртка» макроэкономического агрегата (агрегатов) субъектов Федерации в национальный агрегат (агрегаты). В этом случае следует говорить о пространственном векторе. Вышеупомянутая цель СПР, таким образом, в действительности распадается на две самостоятельные цели.

Целью развития пространства-матрицы служит «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения», т.е. преобразование пространства как «среды обитания» для экономических агентов и социума в смысле выравнивания уровней социально-экономического развития субъектов Федерации и обеспечения равенства в доступе к общественным (в том числе государственным) благам и услугам при приоритетном решении этой задачи для «геостратегических регионов».

Целью развития пространства-вектора служит «ускорение темпов экономического роста и технологического развития» или обеспечение «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития страны в целом» (Кузнецова, 2019, с. 149), что можно представить в пространственном аспекте как получение максимума «пространственной ренты» в терминах прироста макроэкономических и социальных индикаторов национального уровня.

Соответственно, достижение цели для каждого из пространств определяется собственной стратегией. Стратегия развития пространства-матрицы сводится к перераспределению общественных экономических ресурсов в пользу «экономически и социально угнетённых» субъектов Федерации, при сосредоточении основной их части в критически важных с точки зрения обороны и геополитики субъектах Федерации. А стратегия развития пространства-вектора сводится к сосредоточению экономических ресурсов в наиболее продуктивных, а соответственно экономически и социально успешных, точках/областях пространства, что обеспечит ускорение экономического роста национальной экономики и повышения уровня его качества, что включает в себя структурную модернизацию внутреннего производства и экспорта.

Таким образом, фактически в СПР «зашиты» две стратегии достижения целей развития (преобразования) двух различных по существу систем (объектов). Эти стратегии конфликтуют между собой из-за ограниченности общественных экономических ресурсов. Следовательно, даже предполагая необходимость достижения обеих сформулированных в СПР целей, логично было бы ожидать конструирования некоей смешанной стратегии, представляющей собой комбинацию ресурсных, институциональных, технико-технологических решений, направленных на достижение обеих целей.

Однако в самой СПР никаких реальных механизмов и способов ранжирования приоритетов, перераспределения ресурсов нет, как нет и вообще попыток хотя бы обозначить, а тем более предложить решение многочисленных институциональных проблем, связанных с пространственным развитием (Зубаревич, 2019, с. 137–138, 140–142, 144). Документ исходит из предположения о том, что обе системы существуют и развиваются автономно, реализуя собственные цели в некоей стерильной с точки зрения ресурсов и институтов среде.

Рассмотрим представленные в СПР основные компоненты стратегий достижения каждой из целей.

Пространственное выравнивание

В числе основных проблем пространственного развития в СПР определена проблема неравенства, или межрегиональной дифференциации, которая описывается как:

– высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства;

– значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов Российской Федерации, имеющих геостратегическое значение...;

– отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов (Стратегия…, с. 6).

Исходя из этого одной из четырёх задач, которую необходимо решить до 2025 г., и одним из четырёх основных направлений пространственного развития в СПР провозглашается «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и снижение внутрирегиональных социально-экономических различий» (Стратегия…, с. 8, 10).

Стремление к межрегиональной конвергенции – важная составляющая современной, и не только, региональной экономической политики. Само по себе неравенство (в смысле темпов роста, доходов, качества жизни) является фундаментальным признаком экономического пространства, имея своим основанием неравномерность локализации конкурентных преимуществ рентной и агломерационно-институциональной природы или первого и второго рода по терминологии П. Кругмана (Krugman, 1991). Эта неравномерность особенно существенна для больших и экономически разреженных пространств, каковым в первую очередь является российское экономическое пространство (Minakir, 2015), для которого дополнительным существенным фактором неоднородности служит неравномерность инфраструктурного обеспечения экономической деятельности разных территориальных подсистем (Зубаревич, Сафронов, 2013). С этой точки зрения реальная задача заключается не в достижении однородности экономического пространства, а в подавлении «сверхнормативной» межрегиональной дифференциации (Минакир, 2005).

В тексте СПР нет указаний на «выбросы неоднородности», которые следовало бы купировать. В то же время «базовое неравенство» (и экономическое, и социальное) под влиянием как объективных трендов развития, так и активной перераспределительной политики государств в длительном периоде имеет тенденцию к сокращению (Михеева, 1999; Пространственные..., 2002; Martin, 2005;

Лавровский, Шильцин, 2009; World..., 2009; Зубаревич, Сафронов, 2013; Морошкина, 2018).

Важно отметить три обстоятельства. Во-первых, тенденция к экономической конвергенции проявляется только в длительных периодах, так как происходит за счёт миграции больших масс экономических ресурсов и формирования крупных агломераций, что требует значительного времени. Во-вторых, сравнительно быстро может проявляться тенденция к выравниванию доходов населения, так как основным инструментом сокращения неравенства в доходах служит перераспределительная политика государства (на региональном и национальном уровнях). В-третьих, подавление межрегиональной дифференциации сопровождается увеличением внутрирегиональных различий в связи с тем, что «подтягивание» регионов (стран) происходит за счёт появления в новых регионах (странах) полюсов концентрации, порождающих дифференциацию прежде однородных субпространств.

В СПР показателями «выравнивания» выбраны: а) «индекс человеческого капитала» для всех субъектов РФ и б) среднедушевой размер ВРП для «геостратегических территорий», т.е. речь идёт об экономической конвергенции, которая, как отмечалось выше, в действительности объективно происходит под воздействием развития новых агломерационных центров, улучшения инфраструктурных условий, расширения ареалов повышенного качества человеческого капитала. Это не быстрый процесс и поэтому неудивительно, что какого-либо прорыва в этом направлении СПР и не предполагает. Нельзя же считать таким прорывом сокращение с 36 до 30% разрыва между среднероссийским и средним по геостратегическим территориям душевым ВРП и сокращение на 3 п.п. уровня дифференциации индекса человеческого капитала (Стратегия…, приложение 5), особенно учитывая, что в число «геостратегических» регионов (43 субъекта РФ без учёта регионов, входящих в Арктическую зону (Стратегия…, приложение 4)) включён ряд отнюдь не «отстающих» (Сахалинская, Ленинградская, Новосибирская, Ростовская, Тюменская области, Красноярский край), что явно занижает уровень разрыва в 2017 г. и, напротив, завышает этот уровень для 2025 г.

Косвенно это служит признанием невозможности решить задачу кардинального подавления экономического неравенства в коротком периоде, что делает честь разработчикам СПР и лишний раз подтверждает, что сама по себе цель подавления экономического неравенства без ясного представления о допустимых интервалах этого явления является, как и многословные рассуждения о способах достижения этой цели (Стратегия…, с. 15–23), не более чем данью бюрократическому глубокомыслию.

Реальной целью может и должно быть подавление «сверхнормативной региональной дифференциации» в смысле дифференциации доходов населения и параметров качества жизни. А вот в этом смысле реальная стратегия существенно разнится с декларациями СПР. Достаточно посмотреть на не просто продекларированную, но уже в опытном режиме реализуемую стратегию Минфина РФ по переходу на так называемый модельный бюджет. Эта «стратегия» сводится к принятию в качестве базы для определения дотаций на выравнивание финансового положения субъектов Федерации уровня расходов «бедных» регионов, что означает переход к состоянию пространственного гистерезиса – «выравниванию» регионов на более низком уровне равновесия (Афанасьев и др., 2019).

Пространственное развитие и городские агломерации

Как уже отмечалось выше, вовсе не выравнивание само по себе, но ускорение темпов роста национальной экономики за счёт увеличения продуктивности используемых ресурсов посредством стимулирования эффектов агломерации является истинной целью СПР, отмеченной нами ранее как цель развития пространства-вектора. Именно этому посвящено третье по очерёдности упоминания в СПР, но не по важности в конструкции самой стратегии, направление: «обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций» (Стратегия…, с. 10).

Сама по себе задача опоры на крупные городские агломерации как на центры концентрации населения и экономической деятельности имеет малый стратегический потенциал (если имеет его вообще). Процессы пространственной концентрации экономической деятельности как следствие стремления экономических агентов к размещению вблизи или в центрах концентрированных рынков являются хорошо известным фактом и подробно описаны в различных теоретических концепциях (Колосовский, 1947; Лёш, 1959; Маршалл, 1984; Портер, 2000). Тяготение экономических агентов к сосредоточенному размещению в стремлении минимизировать издержки и максимизировать эффекты внешней (по Маршаллу) и внутренней (по Кругману) экономии от масштаба объективно ведёт к пространственной концентрации производства и населения (Лёш, 1959, с. 19).

В современной экономике, характеризуемой нарастающим влиянием постиндустриальных видов деятельности (отраслей), территориальная локализация полюсов роста в вышеуказанном смысле связана преимущественно с крупнейшими городами, предоставляющими «полюсам» дополнительные возможности в виде агломерационных эффектов, позволяющих существенно сократить производственные и транзакционные издержки, увеличив одновременно эффекты масштаба за счёт предоставления высококонцентрированного рынка. Городские агломерации-полюса создают пространственные сгустки экономической деятельности в результате трансляции новаций, ресурсов и институтов, генерирования новых бизнесов и видов деятельности в окружающем мегаполисы пространстве. Это соответствует теоретической концепции, согласно которой максимальная степень реализации агломерационных эффектов, формирующихся в результате концентрации экономических агентов, достигается в случае, если место такой концентрации (город) является центральным узлом экономического ландшафта или системы рыночных сетей (зон), связанных с «главным городом» (Лёш, 1959, с. 137), что и стимулирует концентрацию экономических агентов, стремящихся к эксплуатации экономии от экономической деятельности в том или ином районе,

В России также формируется, и отчасти сформировалась, поляризованная структура экономического пространства, в которой полюсами служат городские агломерации. Но существенные особенности географического и экономического пространств обусловливают важную специфику отечественного процесса гиперурбанизации. Пока скорее исключением, чем правилом является трансляция экономических эффектов из мегаполисов в окружающую экономико-географи-

ческую периферию. Городские агломерации в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии, всасывая в себя, но не генерируя вовне потоки населения и ресурсов. Можно сказать, что городские агломерации пока играют роль «чёрных звезд», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит ко всё более сильному искривлению пространства (Минакир, 2016).

Это относится не только к крупнейшим мегаполисам. Во всех субъектах Федерации сформировались урбанистические полюса, которые различаются по размерам, но одинаково замыкают на себя экономическую деятельность, не генерируя потенциал развития в окружающей периферии, а следовательно, стимулируют внутрирегиональное неравенство. «Провалы урбанизации» с точки зрения организации и развития экономического пространства могут быть чрезвычайно устойчивыми во времени и, похоже, это относится к российскому случаю. На наличие таких «провалов» указывалось ещё в 1920-х годах, когда на сессии ВЦИК отмечалось, что далеко не все «большие городские центры действительно обладают формирующей способностью воздействовать на окружающую местность» (Экономическое…, 1922, с. 5).

Эти особенности ярко проявляются в условиях РФ, экономическое пространство и институциональная среда которой имеют ряд специфических черт. Это проявляется, в частности, в том, что из 14 городов-миллионников и 40 выделенных в СПР крупнейших городских агломераций из-за наличия специфических барьеров в виде искажённой фискальной политики и структуры собственности «агломерационные преимущества наиболее сильно реализуются только в Москве и Санкт-Петербурге» (Зубаревич, 2019, с. 137–138).

Но ведь в СПР в качестве центров экономического роста называются не 40 крупнейших городов, а много более 120 (Стратегия…, приложение 3). Вряд ли можно оппонировать столь же многословным, сколь и банальным декларациям о необходимости в этих городах поддерживать высокотехнологичные и наукоёмкие отрасли производства товаров, услуг, творческие индустрии, кооперацию науки и вузов с бизнесом, развивать отрасли социальной сферы, содействовать выводу крупных промышленных предприятий из центральных частей городов, повышать качество и комфортность городской среды, развивать зелёные насаждения, снять транспортные ограничения для социально-экономического развития, сформировать единую градостроительную политику и т.п. (Стратегия…, с. 21–23). Но можно и нужно задаться как минимум двумя вопросами.

Во-первых, какое это всё имеет отношение к стратегии национального пространственного развития? Конечно, нужно улучшать городскую среду, развивать транспортную и социальную инфраструктуру, повышать уровень комфорта и безопасности в городах, качество образования и медицинского обслуживания, вряд ли нужно в каждом мало-мальски крупном городе создавать научные центры и их коллаборации с вузами, но это нужно делать независимо от всяких стратегий. Это не стратегия, а объективный ход жизни. А вот то, как это делать в каждом конкретном городе как раз представляет предмет рассмотрения в конкретной стратегии развития конкретного города сообразно реальным проблемам, тенденциям, истории, ресурсам специфическим целям. Или национальная стратегия видится как памятка градоначальникам и губернаторам?

Во-вторых, каков источник дополнительных средств для достижения тех унифицированных целей в городах, которые, как предполагается, должны быть

достигнуты благодаря национальной стратегии, которая в этом случае видится неким сводом обязательств, нереализуемых в рамках «внестратегического» инерционного развития? Если ресурсами мыслятся не федеральные инвестиции и оборотные средства, а средства самих губернских центров, тогда почему развитие агломераций вообще возведено в ранг стратегического направления национального масштаба? Кроме того, это обязательно укрепит статус городских агломераций в качестве вышеупомянутых чёрных дыр российского пространства, что, конечно, имеет отношение к стратегии, но не пространственного развития, а пространственной деградации.

Как отмечалось выше, стягивание экономической деятельности (а также инфраструктуры, социальных систем, населения) в города и особенно крупнейшие городские агломерации происходит без участия каких-либо стратегий. Оно будет происходить и независимо от них, если вдруг кто-то вознамерится провозгласить курс на дезурбанизацию. Также и без каких-либо стратегических установок и механизмов в рамках инерционной конкуренции мест происходит расслоение между самими городскими агломерациями: всё более ресурсы и потенциал для их генерирования стягиваются в мегаагломерации (Москва и Санкт-Петербург), в которых уже сейчас аккумулируется до трети совокупных инвестиционных ресурсов.

Что же добавляет стратегия пространственного развития в эти процессы? Очевидно, только одно – легитимизацию на уровне государственной политики перераспределения ограниченных бюджетных ресурсов в пользу крупнейших городских агломераций, что должно привести к усилению пространственной асимметрии. То есть фактически стратегия направлена на то, чтобы усилить свёртывание экономической деятельности в пространстве в части агломерационных эффектов, которое развивается как процесс объективной концентрации, ещё и механизмом централизации.

То, существенное, что может и должна добавить к автономному процессу пространственного развития стратегия, заключается, в части агломерационных полюсов, в определении механизма и форм создания периферических зон концентрированной экономической деятельности, тяготеющих к крупным городским агломерациям, в пределах которых может происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами и взаимодействие которых может служить каркасом (институциональной инфраструктурой) единого экономического пространства.

Экономические специализации

Упомянутый выше акцент, сделанный в стратегии на административные регионы как на объект политического и экономического регулирования, а также возведение во главу угла максимизации темпов роста, логично приводит к появлению в стратегии задачи повышения конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации посредством развития «перспективных экономических специализаций» (Стратегия…, приложение 1). По утверждению разработчиков стратегии, в числе этих «специализаций» как существующие, так и «потенциально эффективные отрасли экономической специализации» (Стратегия…, с. 18). Очевидно, хотя это и не следует непосредственно из текста стратегии, предполагается, что общественные ресурсы должны концентрироваться преимущественно в отраслях специализации, обеспечивая максимальную продуктивность каждой единицы ресурсов.

Теоретически территориальная специализация того или иного производства (отрасли) означает более высокий уровень концентрации на определённой территории тех или иных производств (отраслей), что обеспечивает сравнительно более высокую долю выпуска их продукции в общем выпуске на этой территории по сравнению со средней долей в целом по национальной экономике (по данной отрасли в национальной экономике). Сам факт специализации уже означает сравнительно более высокую продуктивность сосредоточенных и вкладываемых в подобные производства (отрасли) ресурсов. То есть отрасли специализации отличаются более высокой конкурентоспособностью на рынке факторов производства и на рынках благ и услуг по сравнению с другими производствами (отраслями), локализованными на той же территории. Однако функционирование отраслей специализации обеспечивается всем экономическим и социальным комплексом, развивающимся на территории, и в этом смысле отрасли специализации развиваются тем успешнее, чем больше эффект «региональной агломерации», генерируемый как раз вспомогательными, инфраструктурными, социальными секторами хозяйства каждого субъекта Федерации (Минакир, 1983).

С этой точки зрения давний спор приверженцев «комплексного развития» и специализации, который повторно после начала 1990-х годов, похоже, решается в анализируемой стратегии в пользу специализации, схоластичен и уж во всяком случае не имеет никакого отношения к стратегическим императивам. Как известно, размещение производства и ресурсов в централизованной экономике осуществлялось лишь отчасти в соответствии с экономическими критериями. Но именно в этой части размещенческие решения диктовались, во-первых, структурой специализации регионов, а во-вторых, относительно рациональными (хотя, как правило, минимально необходимыми) пропорциями соотношения специализированного ядра и вспомогательной периферии.

В постплановой экономике уже рациональное поведение экономических агентов обеспечивает безо всяких стратегий концентрацию экономических ресурсов именно в отраслях специализации, одновременно с использованием возможностей, предоставляемых спросом специализированного ядра на продукцию и услуги вспомогательного социально-экономического регионального комплекса (периферии). Остаётся ли место стратегическим решениям в этом направлении? Конечно, остаётся, если задача заключается в программировании создания новых специализаций и/или переформатирования традиционных. Но здесь-то в рассматриваемой стратегии пространственного развития для РФ обнаруживаются странности совершенно «антистратегического» характера.

Во-первых, приведённый в стратегии перечень экономических специализаций (Стратегия…, приложение 1) имеет весьма отдалённое отношение к территориальной специализации вообще, если под ней понимать привычную сравнительную концентрацию в отдельных регионах тех или иных производств (отраслей) по сравнению с некими средними по отрасли и национальной экономике показателями. Именно в таком контексте рассматривается территориальная экономическая специализация в многочисленных исследованиях (Пробст, 1962; Розенфельд, 1963, 1969; Изард, 1966; Кистанов, 1968; Телепко, 1971). Поскольку в явном виде содержание понятия экономической специализации не раскрывается, остаётся предположить, что к определению этих «специализаций» имеют отношения не коэффициенты или индексы специализации, которые уже более 70 лет успешно используются в региональном статистическом и экономическом анализе, а некие

иные критерии или соображения, на которые по каким-то причинам разработчики не сочли возможным указать явно. Но это превращает приведённый в стратегии список специализаций в банальное перечисление видов деятельности, наблюдаемых на тех или иных территориях без какого-либо объяснения причин приравнивания этих видов деятельности к экономическим специализациям.

Например, только 12 субъектов РФ не имеют специализации «туризм» в перечне «стратегических специализаций». Практически для всех регионов специализирующими оказались такие «отрасли», как «деятельность профессиональная, научная и техническая», «транспортировка и хранение», почти все субъекты РФ, оказывается, специализируются на производстве «прочих готовых изделий». Список несуразностей можно продолжать, но он будет слишком велик и на самом деле с трудом поддаётся какой-либо критике, ибо в тексте стратегии употребляется термин «перспективная экономическая специализация», что может соответствовать, а может и коренным образом отличаться по мысли разработчиков от традиционного научного термина «производства/отрасли специализации».

Конечно, отсутствие явного указания разработчиков на основания для своих выкладок служит досадным обстоятельством с формальной точки зрения, но гораздо более существенной проблемой является то, что при подобной вольной трактовке понятия и существа специализации территориальных экономических систем совершенно размываются представления относительно ядра и периферии региональных комплексов, а это делает неопределённым основание для межрегиональных взаимодействий, содействие которым очень часто упоминается в стратегии как одна из задач пространственного развития.

Во-вторых, если перечисленные «специализации» действительно перспективны, то какова стратегия по переформатированию существующих специализаций субъектов Федерации и каковы специализации, подлежащие такому переформатированию? Какие-либо новые специализации могут сформироваться или в результате рационального поведения экономических агентов, или как итог концентрации государственных ресурсов на определённых производствах в конкретных регионах. Если стратегия по созданию новых специализаций заключается в стимулировании определённых размещенческих решений экономических агентов или в поддержке самостоятельно выбранных ими решений по размещению ресурсов и производства, то следовало бы в явном виде определить механизм такого стимулирования или поддержки. Если же стратегическая идея заключается в переформатировании специализаций в территориальном аспекте за счёт государственных ресурсов, то ключевым вопросом становится определение этих специализаций на определённых территориях и решение проблемы бюджетного ограничения при решении такой задачи.

Но в любом случае следует признать, что экономическая специализация регионов – чрезвычайно инерционная система (Пространственные…, 2002). А следовательно, представленная в СПР специализация регионов, даже не принимая во внимание вышеуказанные проблемы, никак не может претендовать на роль перспективной. В лучшем случае, очевидно, речь может идти о перечне видов деятельности, совокупность которых обеспечивает основной вклад в признаваемый наиболее важным показатель на данной конкретной территории. Вклад этот по умолчанию определяется текущими параметрами, что практически исключает возможность определения «перспективных специализаций» без решения задачи глобальной территориально-отраслевой оптимизации с явным учётом прогноза

вектора национальных и глобальных потребностей и прогноза научно-технологического дрейфа. Как известно, даже слабый аналог подобной глобальной задачи, каковой являлся модельный комплекс СМОТР (Баранов, 1981), и даже в условиях централизованного планирования потребностей и производства не мог быть реализован. А в СПР подобная задача даже не формулируется.

Полюса роста и пространственная организация экономики

Основанная на, казалось бы, вполне прогрессивных, широко обсуждаемых и используемых в мировой науке и глобальной экономической практике идеях поляризованного развития и экономической конвергенции концепция СПР содержит фатальную ловушку, коренящуюся в пренебрежении объективным противоречием двух основных целей, декларируемых стратегией – уничтожение пространственного неравенства и максимизация продуктивности применяемых факторов производства (см. выше). Это противоречие отнюдь не антагонистично, но тем не менее положенная в основу стратегии логическая конструкция представляется неоднозначной.

Однородность пространства вовсе не является «нормальным» его состоянием, соответственно, абстрактная задача подавления экономической и социальной неоднородности либо неверна вообще, либо нуждается в серьёзной детализации в само́й постановке. В действительности не только географическое, но и социально-экономическое пространство объективно неоднородны вследствие фундаментальных различий в размерах производства и капитала, асимметричности информации, доступной для экономических агентов и используемой ими при принятии решений, объективных различий качества и количественных пропорций применяемых факторов производства, продуктивности и доходов. Всё это приводит к формированию пространственных систем, в которых одновременно функционируют доминирующие и подчинённые экономические субъекты (Минакир, 2018). Именно неравенство условий и результатов функционирования экономических агентов обусловливает деформацию экономического пространства и, в конечном итоге, его поляризацию, ядрами которой являются ведущие экономические агенты (отрасли). В случае, когда «ведущие» локализованы, они формируют вокруг себя «полюса роста» (Перру, 2007; Perroux, 1961).

То есть в качестве полюсов роста выступают, как правило, наиболее эффективные и быстрорастущие производства (пропульсивные отрасли), реализующие эффекты масштаба, обеспечивающие максимальную производительность и генерирующие инновации и инновационную среду. Эти эффекты транслируются через экономические связи, формирующиеся в пределах определённого пространства, в направлении других отраслей и производств, генерируя у них всю совокупность или какие-то отдельные элементы этих эффектов. Экономическая экспансия пропульсивных отраслей и производств в пространственную экономическую структуру стимулирует увеличение масштабов и скорости роста всей экономической структуры в данном пространстве, формируя условия общего роста эффективности применяемых факторов производства.

Формирование полюсов роста ведёт к деформации экономического пространства и выступает причиной изменения взаимодействий экономических агентов. С точки зрения общей макроэкономики (и только при допущении наличия совершенной конкуренции) экономические агенты действуют само-

стоятельно, руководствуясь только уровнем единой цены на соответствующем отраслевом рынке и уровнем собственных издержек. Но в условиях поляризованного пространства прямое или косвенное принуждение, исходящее от «полюса», значительно модифицирует поведение экономических агентов, которые вынуждены вести себя как члены единого, системно организованного целого (Минакир, Джурка, 2018). Это «целое» (макроединица по терминологии Ф. Перру) представляет собой субпространство, отличающееся от множества иных субпространств, каждое из которых характеризуется наличием своего полюса роста и специфическими отношениями кооперации и доминирования внутри него. То есть пространство трактуется как некая совокупность поляризованных подпространств (субпространств), каждое из которых в общем случае может обладать своим собственным состоянием равновесия, а общее равновесие экономической системы тогда определяется равновесием в каждом из субпространств.

Наиболее ясную и важную с точки зрения практического построения экономической политики интерпретацию это теоретическое положение получает в условиях больших и изначально дискретных пространств, таких как Россия (Минакир, 2001). Как неоднократно было показано (Minakir, 2015), особенностью российского пространства является его чрезвычайная фрагментированнось, наличие трёх типов территорий (зон): 1) с высоким уровнем концентрации населения и экономической деятельности, 2) с их крайне низкой концентрацией и 3) экстремальных для проживания и экономической активности. Экономические полюса, или ареалы концентрированной экономической деятельности, сформировались и развиваются в пределах всех трёх типов территорий, т.е. в России объективно сформировалось множество полюсов концентрации различной размерности и видового разнообразия. Причём эти экономические полюса распределены в пространстве очень неравномерно, что создаёт основу для стабильного расширенного воспроизводства отношений неравенства.

Сами эти полюса в свою очередь также характеризуются крайней неоднородностью и разнообразием. В пределах зоны благоприятствования они представляют собой следующее: крупные и крупнейшие городские агломерации индустриального и постиндустриального типа; средне- и малоразмерные городские хозяйственные центры промышленного и сервисного типа; промышленные и промышленно-аграрные кластеры; территориально-производственные комплексы и промышленные зоны различной размерности и специализации.

Вне пределов зоны, благоприятной для экономической деятельности и расселения, а также в экстремальных природно-экономических зонах полюса роста сформировались и продолжают формироваться как территориально-производственные комплексы и промышленные районы и зоны, специализирующиеся на добыче и переработке минерально-сырьевых и биологических ресурсов, так и малоразмерные города и посёлки промышленной и сервисной специализации, обслуживающие ресурсные ТПК.

Эта структура полюсов очерчивает иную, гораздо более сложную структуру поляризованного пространства, отстоящую далеко от сильно отдающего если не абстрактностью, то упрощенчеством провозглашения полюсами роста городов с определённой численностью населения.

Правда, в стратегии упоминается необходимость «обеспечить формирование и развитие минерально-сырьевых центров» (Стратегия…, с. 19), но не в контек-

сте полюсов роста, а как одна из задач «сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и снижения внутрирегиональных социальноэкономических различий» (Стратегия…, с. 15). Между тем концентрированные центры экономического развития в районах добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов в условиях «разреженных пространств», когда речь идёт не только об оптимальной организации сформированных рыночных зон, но также о формировании новых зон на базе вновь формируемых центров производства, являются конституирующими структуру экономического пространства полюсами роста.

Эти центры формируются в соответствии с идеологией энерго-производственных циклов (ЭПЦ) в форме территориально-производственных комплексов (ТПК), в основе которых лежит идея не «главного города», но «главной технологии», и представляют собой полюса роста для крупных экономических районов или, в терминологии А. Лёша, «центральные места» рыночных зон, а фактически «полюса роста», развивавшиеся в пределах сразу нескольких крупных экономических районов, что, конечно, плохо согласуется с требованием «повышения конкурентоспособности» каждого отдельного субъекта Федерации.

Конечно, официально-экономический истэблишмент России очень не любит ТПК, но очень благоволит к кластерам. Но вкусовые предпочтения играют плохую шутку с любителями новизны, не замечающими отсутствия антагонизма этих конструкций. Обе они обеспечивают получение рентного эффекта: ТПК благодаря производственно-ресурсной взаимосвязанности и взаимодополняемости, а территориальный кластер – благодаря коммерчески-институциональным взаимодействиям бизнесов на определённой территории. В общем виде можно утверждать, что ТПК – это каркас экономического района индустриального типа, а кластер – это несущая конструкция района в постиндустриальной экономике (Минакир, 2018).

Ясное представление о реальной сложности и неоднородности структуры российского пространства является необходимым условием при оценке также такого основополагающего для СПР направления, как ликвидация инфраструктурных ограничений и «сжатие» пространства за счёт повышения доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры федерального значения (Стратегия…, с. 8).

Особенности российского пространства существенно ограничивают возможности уплотнения экономического и социального пространства посредством реализации мегапроектов по развитию магистрального транспорта, что связано как с масштабами физического пространства, так и с фрагментированностью и поляризованностью пространства экономического. Если во Франции, например, изохроны 1–4-часовых поездок могут охватывать практически всю страну, то в России – лишь сравнительно небольшие регионы. Поэтому мегапроекты по строительству магистральных скоростных железных и автомобильных дорог не имеют непосредственного отношения к пространственной стратегии, в рамках которой разумно рассматривать лишь создание скоростных транспортных коридоров в пределах потенциальных агломерационных зон в поясе концентрированного расселения и экономической деятельности.

Правда, и такая транспортная инфраструктура сама по себе, без серьёзных институциональных преобразований вплоть до перехода к горизонтальным схемам регулирования в ущерб вертикальному управлению, не гарантирует «сжа-

тия» пространства и тем более формирования реальной агломерационной зоны на базе мегаполисов. Не гарантирует она и преодоления фрагментарности пространства, точно так же как строительство магистральных «всероссийских» по масштабу скоростных дорог может обеспечить уплотнение зоны агломерационного развития только в случае увеличения количества крупных городских агломераций, что вряд ли реально при данной численности населения.

Все эти особенности пространственного функционирования экономики и общества являются не просто платформой для дифференциации стратегий развития регионов, но должны были бы стать основанием для конструирования реальной национальной стратегии пространственной организации. Причём эта стратегия должна включать в себя в качестве органичной части дифференцированную институциональную стратегию, так как унитарная институциональная оболочка может играть позитивную роль только в случае гомогенных в физическом, экономическом и социально-гуманитарном отношении пространств. В противном случае она провоцирует формирование многочисленных институциональных ловушек и узлов социальной и экономической напряжённости. Между тем в анализируемой стратегии до 2025 года именно институциональное разнообразие является наиболее слабым элементом, если не считать институциональных новаций для Дальневосточного федерального округа, реализуемых, правда, с 2015 г. (Изотов, 2017), но включённых в число основных направлений в рассматриваемой стратегии (Стратегия…, с. 25–27).

Реальная экономика, особенно экономика, функционирующая в больших и неоднородных пространствах, сочетает разнообразные типы и фазы развития. Стратегическое искусство как раз и заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества, предоставляемые неоднородностью самого пространства и богатством форм его организации.

Заключение. Стратегия или политика?

Разработанная стратегия пространственного развития до 2025 года в некотором смысле является продуктом ностальгии по государственному планированию. Вероятно, восстановление централизованного государственного планирования советского типа, во всяком случае в полном объёме этой технологии, уже невозможно. Но и реально созданная в России модель псевдорынка плохо функционирует без использования сильных инструментов государственного регулирования. Кажется, что в такой ситуации наиболее подходящим выходом является использование концепции социально-экономического «дирижизма», ориентированной в максимальной степени на формулирование экономической политики, разработку практических рекомендаций в области государственного регулирования.

Иллюзия всемогущества косвенного государственного регулирования, сложившаяся в 2000–2007 гг., когда изобилие государственных доходов позволяло достигать поставленных самим государством целей, в том числе и в экономике, за счёт государственных же ресурсов, что и выдавалось за косвенное регулирование экономической системой, развеялась после кризиса 2009 г. Её место заняла новая иллюзия, которая сводится к тому, что нереализованное в сфере макроэкономики вполне может быть реализовано в области пространственной экономики.

Провалившаяся в целом для национальной экономики концепция превращения государственных корпораций, и государственно-бюрократической собственности в целом, в локомотив экономического роста приобретает в СПР, сопровождаемой веером региональных стратегий того же типа, вид нового универсального инструмента макроэкономического типа.

Однако, заимствовав саму идею социально-экономического дирижизма в пространственном аспекте, опирающуюся на концепцию полюсов роста, порождавших нарастающий «эффект агломерации» за счёт объединения дополняющих друг друга видов деятельности на уровне фирм, отраслей и их комплексов, что вело к возникновению зон и осей развития в регионе или стране, идеологи планового ренессанса не приняли во внимание ограниченность этой концепции сугубо пространственными аспектами, попытавшись придать ей макроэкономическую универсальность.

Эта универсальность оказывается под ударом реального внутреннего противоречия самого выбранного инструмента. Стремление повысить продуктивность использования ресурсов и ускорить темпы экономического развития посредством «замыкания» экономической деятельности в узких рамках «полюсов роста», обеспечивающих высокую концентрацию и максимизацию эффектов агломерации, неизбежно приводит к нарастанию неоднородности пространства в социально-экономическом отношении, что либо блокирует эффекты концентрации и агломерации, либо приводит к фундаментальному разрыву единого экономического и социального пространства.

Как следствие, стратегия пространственного развития неизбежно требует тонкой настройки взаимодействия макро-, микроэкономических и пространственных эффектов. Возможна ли такая тонкая настройка в рамках единого центра принятия решений, которым технически может быть только государство? Предыдущий опыт построения единого планового центра оказался отрицательным, нет никаких доказательств того, что новая попытка выстроить универсальный механизм согласования территориального и макроэкономического равновесия окажется успешной.

Некоторый шанс на успех, впрочем, мог бы дать отказ от механизма определения «оптимальных» пространственных решений, которые в действительности не могут не быть псевдооптимальными, и согласие на перенос акцента в пространственном развитии на формулирование и финансирование поведенческих стимулов, т.е. пространственная стратегия должна быть основой пространственной политики. В некотором смысле это ещё более сложная задача, так как формулирование политики без ясного представления о целях и ресурсах – пустой звук. Задача усложняется и тем, что такая политика должна быть избирательной, поскольку само пространство экономических решений является неоднородным.

Выработка сбалансированной государственной политики, направленной на синхронизацию центростремительных (пространственная концентрация) и центробежных (распространение эффектов концентрированного размещения ресурсов в пространстве) эффектов социально-экономического развития, а также на продуцирование приоритетов и ограничений развития отдельных территорий, очевидно и представляет собой предмет заботы экспертов и официальных инстанций. Заменить эту заботу «стратегиями» и «образом будущего» нельзя (Минакир, 2018).

Литература

Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н, Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // Пространственная экономика. 2019. № 1. С. 132–156.

Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2007. 371 с.

Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26

Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 659 с.

Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.

Кистанов В.В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР. М.: Наука, 1968. 283 с.

Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. Сб. 6. М.: Географгиз, 1947. С. 133–168.

Кузнецова О.В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146–157.

Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 31–36.

Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М., 1959. 455 с.

Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 311 с.

Минакир П.А. Региональное экономическое развитие: программный подход / Отв. ред. А.Г. Зельднер, Н.И. Цветков. Институт экономических исследований ДВНЦ АН СССР. М.: Наука, 1983. 224 с.

Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.

Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20.

Минакир П.А., Джурка Н.Г. Методологические основания пространственных исследований в экономике // Вест. РАН. 2018. Т. 88. № 7. С. 589–598.

Михеева Н.Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 91–102.

Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация российских регионов: тенденции и перспективы сближения // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 3. С. 48–60.

Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.

Портер М.Е. Кластеры и конкуренция // Портер М.Е. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С. 274–276.

Пробст А.Е. Размещение социалистической промышленности (теоретические очерки). М.: Экономиздат, 1962. 340 с.

Пространственные трансформации в российской экономике / Под ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2002. 424 с.

Розенфельд Ш.Л. Определение уровней развития промышленности в районах. М.: Изд-во экономической литературы, 1963. 139 с.

Розенфельд Ш.Л. Методология выравнивания уровней развития экономических районов СССР. М.: Экономика, 1969. 173 с.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения 6.03.2019).

Телепко Л.Н. Уровни экономического развития районов СССР. М.: Экономика, 1971. 207 с.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (с дополнениями и изменениями). http://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения 7.02.2019)

Экономическое районирование России (Доклад Госплана III сессии ВЦИК). М.: Изд-во ВЦИК, 1922.

Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge (Mass.): 1991, 142 p.
Martin P. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. 2005. № 12. P. 83–108.
Minakir P.A. Spatial Interdisciplinary Synthesis: Experience of Policy Studies // Regional Research of Russia. 2015. V. 5. № 4. P. 299–309.
Perroux F. L'économie du XXe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, Deuxième partie «Les pôles de croissance». 1961.
Perroux F. Economic Space Theory and Application // The Quarterly Journal of Economics. 1950. V. 64. № 1. P. 89–104.
World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. World Bank. 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая монографическое изложение результатов, последовательно выполнявшихся институтами РАН в 2012–2019 гг. трёх программ фундаментальных исследований пространственного развития, авторы полагают важным специально подчеркнуть их актуальность и значимость для российской и мировой науки. Эти программы ознаменовали собой новый особый этап в исследованиях по пространственной проблематике. Их отличительной чертой выступала неизменная преемственность предметно-тематической области (пространственное развитие), методологического подхода (междисциплинарные системные исследования), организации планирования и выполнения исследований (целевая программа) и состава основных исполнителей (несколько десятков институтов пяти отраслевых и трёх региональных отделений РАН). В ходе проводившихся на каждом этапе работ достигались важные результаты, значение которых состояло в существенном приращении нового научного знания о социоэкономическом пространстве и вместе с тем в выявлении и постановке новых вопросов, требующих научного решения. Тем самым постоянно обновляемый и расширяемый научный задел вкупе с генерированием новых задач составляли надёжный механизм расширенного воспроизводства работ в этом направлении.

Одним из главных результатов указанного научного мегапроекта можно считать качественный перелом в сложившейся практике тематически фрагментарного и организационно разрозненного проведения в стране исследований по фундаментальным проблемам пространственного развития Российской Федерации. Такие исследования в истекшее десятилетие де-факто оформились в самостоятельное крупное и плодотворное тематическое научное направление, начавшее приносить качественно новые фундаментальные научные результаты. Впервые были созданы теоретико-методологические, методические и организационные предпосылки для получения углублённых знаний о пространственных аспектах развития с позиций не отдельных наук, а исходя из системных представлений о закономерностях пространственного развития страны как комплексного объекта изучения и регулирования. Дальнейшие исследования теперь могут опираться на существенно расширенные научные представления о состоянии современного пространства страны, факторах и тенденциях его трансформации, возможностях и способах государственного воздействия на пространственно опосредованные ситуации и процессы в интересах сохранения целостности страны и повышения интеграции её территориальных частей с учётом современных мировых и российских реалий. Положенный в основу программ междисциплинарный синтез позволил объединить усилия различных научных коллективов и школ, что придало основным направлениям программ не отраслевой, а междисциплинарный тематический характер. Таким образом создавались возможности для обеспечения комплексности исследований.

Именно такой подход может отныне выступать методологическим и организационным стержнем и последующих академических программ. При этом проблемное поле, как показывают трагические события на рубеже 2019–2020 гг., способно предлагать всё новые сложные пространственно опосредованные ситуации в качестве объектов полимасштабного и междисциплинарного изучения. В частности, речь может идти об исследованиях долговременных и комплексных последствий распространения коронавируса. Возможность повторных глобальных волн заболе-

ваемости COVID-19 и высокий риск появления других опасных вирусов определяют острую актуальность обобщения накопленных в России и за рубежом знаний о пандемии. Зарождение, пространственно-временное развитие пандемии, тяжесть её последствий для различных сфер деятельности, стран, регионов и населённых пунктов – результат возникновения и функционирования сложной природно-общественной системы. На неё влияют погодно-климатические, сезонные и геоэкологические условия, медико-биологический фон и природные очаги болезней, пути перемещения носителей вируса, подвижность населения, конфигурация и режим государственных и административных границ, скорость и адекватность реакции центральных и местных властей. Эти и многие другие факторы складываются в результате сложных взаимодействий между природой и обществом. Именно такие взаимодействия выступали предметно-объектными областями программных исследований, о которых шла речь на страницах этой книги. Для успешного развития системных исследований пространственных процессов и явлений главное – не прерывать этот процесс, а всячески поддерживать инициативы академических учёных, на деле доказавших свою научную дееспособность в исследовании исключительно актуальной и сложной пространственной проблематики.

В этой связи востребованной могла бы оказаться новая программа исследований природных и социально-экономических территориальных особенностей, играющих определяющую роль в распространении указанной пандемии. Их анализ, по экспертному мнению членов авторского коллектива настоящей монографии[1], необходим для выработки соответствующих региональной и местной специфике карантинных мер, для маневрирования ресурсами и адаптации системы здравоохранения к эпидемическим рискам. Закономерная диффузия заболеваемости и стадиальность эпидемических процессов, по-видимому, зависят от иерархии населённых мест и их вовлечённости в международные и общегосударственные взаимодействия, численности и состава наиболее уязвимых социальных групп, территориальной мобильности населения. В свою очередь, она определяется уровнем доходов, географическим положением городов и других населённых пунктов (близостью к столице и другим крупным центрам, морским портам, границе), транспортной доступностью, сложившимися направлениями миграций, особенностями образа жизни и культуры.

[1] *Колосов В.А.* Новое поле исследований общественной географии: торопиться без спешки // Вестник АРГО. 2020 (9). С. 140–142.

Сведения об авторах

Вардомский Леонид Борисович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. Центром постсоветских исследований Института экономики РАН

Глезер Ольга Борисовна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Гончаров Руслан Вячеславович, кандидат географических наук, доцент факультета городского и регионального развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Данилов-Данильян Виктор Иванович, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института водных проблем РАН

Клюев Николай Николаевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, зам. директора и зав.лабораторией геополитических исследований Института географии РАН

Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель Института географии РАН

Максимов Игорь Сергеевич, ООО «Эверпойнт», методолог

Мигранова Людмила Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН (в настоящее время ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Минакир Павел Александрович, доктор экономических наук, академик РАН, научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

Михеева Надежда Николаевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (в 2012–2015 гг. в СОПС Минэкономразвития РФ, зам. председателя по научной работе)

Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор, географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ген. директор АНО «Институт регионального консалтинга»

Токсанбаева Майраш Сейтказыевна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН (в настоящее время ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Трейвиш Андрей Ильич, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Швецов Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, зам. директора по научной работе Института системного анализа РАН (с 2015 г. – Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН)

Л.Б. Вардомский, О.Б. Глезер, Р.В. Гончаров, В.И. Данилов-Данильян, Н.Н. Клюев,
В.А. Колосов, В.М. Котляков, И.С. Максимов, Л.А. Мигранова, П.А. Минакир,
Н.Н. Михеева, Т.Г. Нефедова, А.Н.Пилясов, М.С. Токсанбаева, А.И. Трейвиш, А.Н. Швецов

ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Компьютерная графика:
С.Г. Сафронов, Д.В. Соколова, А.И. Трейвиш, А.Н. Васильцова

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.

Отпечатано в ООО “Галлея-Принт”
Москва, 5-я Кабельная, 2Б

Тираж 500 экз. Формат 70x100/16